

БЕЛОРУССКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ
Кафедра прикладной лингвистики

ПРИКЛАДНАЯ ЛИНГВИСТИКА: НАСЛЕДИЕ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Материалы
II Международной научно-практической конференции,
посвященной 85-летию филологического факультета
Белорусского государственного университета

Минск, 22–23 марта 2024 г.

Научное электронное издание

МИНСК, БГУ, 2024

УДК 81'33(06)
ББК 81.1я431

Редакционная коллегия:

кандидат филологических наук *О. М. Дорогокупец-Новицкая* (гл. ред.);
кандидат филологических наук *Е. В. Лексина*;
кандидат филологических наук *М. В. Свиридович*;
кандидат филологических наук *Т. В. Семирская*;
кандидат филологических наук, доцент *Н. Н. Скворцова*

Рецензенты:

кандидат филологических наук, доцент *О. В. Зуева*;
кандидат филологических наук, доцент *О. Н. Жизневская*

Прикладная лингвистика: наследие и современность [Электронный ресурс] : материалы II Междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 85-летию филол. фак. Белорус. гос. ун-та, Минск, 22–23 марта 2024 г. / Белорус. гос. ун-т ; редкол.: О. М. Дорогокупец-Новицкая (гл. ред.) [и др.]. – Минск : БГУ, 2024. – 1 электрон. опт. диск (CD-ROM). – ISBN 978-985-881-656-8.

Рассматриваются актуальные вопросы и проблемы компьютерной и корпусной лингвистики, дискурс-анализа, судебной лингвистической экспертизы, лексикографии, переводоведения, лингводидактики и др.

Минимальные системные требования:

PC, Pentium 4 или выше; RAM 1 Гб; Windows XP/7/10;
Adobe Acrobat

Оригинал-макет подготовлен в программе Microsoft Word

В авторской редакции

Ответственный за выпуск *О. М. Дорогокупец-Новицкая*
Компьютерная верстка *А. А. Клименковой*

Подписано к использованию 25.09.2024. Объем 0,98 МБ

Белорусский государственный университет.
Управление редакционно-издательской работы.
Пр. Независимости, 4, 220030, Минск.
Телефон: (017) 259-70-70.
e-mail: urir@bsu.by
<http://elib.bsu.by>

СОДЕРЖАНИЕ

ПЛЕНАРНОЕ ЗАСЕДАНИЕ

Савчук Т. Н. Аргументативная лингвистика в системе прикладных исследований языка.....	7
Фесенко О. П. Представление о патриотизме в языковом сознании студентов (по материалам свободного ассоциативного эксперимента).....	14
Переход О. Б. Геортонимы Беларуси: лингвистические и экстралингвистические характеристики.....	18

СЕКЦИЯ I. ЯЗЫК В СОЦИОКУЛЬТУРНОМ И КОММУНИКАТИВНО-ПРАГМАТИЧЕСКОМ ИЗМЕРЕНИИ

Алексеев А. А. Языковая репрезентация фонетических невербальных компонентов в художественном тексте.....	24
Байбикова Э. Р., Клепикова Т. А. Речевой портрет токсичной личности (на материале драмы «Whiplash»).....	31
Бобко Т. В. Комбинированные модели самопрезентации в метакоммуникативных речевых действиях.....	34
Бут-Гусаім С. Ф. Прагматычная значнасць антрапонімаў у зборніку Мікалая Сянкевіча «Незваротны шлях».....	38
Гао Ваньжоу. Значения метаязыковых лексем китайского и русского языков: проблемы сопоставления.....	43
Гао Фаньтао. Языковые особенности русских и китайских фраз, используемых в ситуациях этикетного обрамления.....	50
Денисенко Т. С. Репрезентация национальной идентичности в прагматическом пространстве Беларуси.....	56
Зуева К. А. Суфіксальныя ўнівербы этнаграфічнага характару ў беларускай мове.....	61
Исаева И. П. Процесс аналогизации при дешифровке функциональной нагрузки баллона в текстах англоязычных комиксов.....	66
Каирони Н. Л. Двойственный характер итальянского оборота <i>in effetti</i> (на материале научно-популярных текстов).....	71
Климова О. А. Использование семиотической игры в социокультурном аспекте.....	77
Козловская Л. А. Неофеминитивы в СМИ и интернете: коммуникативно-прагматический аспект.....	82
Корнева В. В. Функционально-семиотический потенциал топонимов в испанском ономастическом пространстве.....	88
Ладутько М. В. Лингвопрагматическое направление изучения речевого воздействия.....	94
Левшикова Е. В., Рахунок А. М. Теоретические основы исследования пословиц и поговорок.....	101
Михальчук Н. А. Типы косвенных речевых актов со значением побуждения в русской художественной прозе 1920-х гг.....	106
Никитевич А. В. «Болокайся, что ли, да пойдём», или К проблеме понимания смысла высказывания.....	112
Пискун Е. В. Различия в протекании интернет-конфликтов в интернет-комментариях на русском и китайском языках.....	119
Рыжкович А. Ч. Функционирование лексемы «онлайн» в региональном медиадискурсе.....	125

Ху Цзядун, Цой Юйтун. Формирование имиджа страны на сайте посольства Китая в России.....	129
Чайка Н. У. Эліптычныя канструкцыі ў аспекце структурных даследаванняў.....	133
Черткова О. М. Когнитивная метафора как средство выражения авторского стиля.....	139
Шаршнёва В. М. Камунікатыўна-прагматычны змест семантычнай функцыі шматкроп'я ў творах сучаснай беларускай мастацкай літаратуры.....	143

СЕКЦИЯ II. КОМПЬЮТЕРНАЯ И КОРПУСНАЯ ЛИНГВИСТИКА

Бабаян М. А. Структурные, семантические и графические особенности интернет-мемов англоязычного медиадискурса.....	149
Бяляўскі Д. А., Кухарэвіч Г. С., Зяноўка Я. С., Бакуновіч А. А., Драгун А. Я., Хацькова М. А., Гецэвіч Ю. С. Аўтаматычная апрацоўка натуральнай мовы: перадапрацоўка тэкставай інфармацыі з corpus.by.....	154
Маевский С. С. Лингвистические и технические аспекты подготовки терминологической базы многофункциональной системы обработки текстов тематического домена «Карате».....	160
Палагина А. Н. Актуализация семантики богатства среди англо- и немецкоговорящих интернет-пользователей.....	165
Петрожицкая В. В., Колесникова О. И. Использование корпусного метода при изучении функционирования лексемы «любовь» в сказках и фэнтези.....	170
Проконина В. В. Белорусские экономические термины XX–XXI вв. (из опыта создания корпуса БЭТ).....	176
Свиридович М. В. Анализ тональности текста с применением большой языковой модели ruBERT.....	182
Супрунчук Н. В. Частная компьютерная методика выявления белорусских омоформов в юридических текстах.....	188
Фелькина О. А. Лексические и грамматические изменения в русском литературном языке конца XVIII – начала XIX века (корпусное исследование)...	194

СЕКЦИЯ III. ПРОБЛЕМЫ ДИСКУРС-АНАЛИЗА И ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ ТЕКСТА

Бабук А. В. Эмотиконы и эмодзи как объекты судебной автороведческой экспертизы.....	199
Васілеўская А. С. Экзістэнцыяльныя метафары ў сучасным беларускім дыскурсе.....	206
Кирдун А. А. О некоторых табу в исследовании текстов в рамках судебной лингвистической экспертизы.....	212
Климкович О. А. Диалогичность старобелорусских и старорусских дипломатических текстов.....	218
Найдёнок-Пайгерт М. Р. Анализ лингвистических компонентов эмоциональных слоганов на англоязычных баннерах.....	224
Романаускас Е. В. Трансформационная вариативность паремии «если гора не идет к Магомету, то Магомет идет к горе» в русскоязычном дискурсе социальных сетей.....	229
Смольская Н. Б. Форматно-жанровое устройство медиаречи как объект медиатекстологического анализа.....	233
Федоринчик А. Н. Концептуализация снега в поэтическом дискурсе.....	239

В. Брюсова.....

СЕКЦИЯ IV. ЛЕКСИКОГРАФИЯ И ПЕРЕВОДОВЕДЕНИЕ

Бабровіч Т. С. Тэрміны будаўнічай сферы ў сучаснай беларускай мове: тэрмінаграфічны аспект.....	244
Быченко Д. Р., Полетаева О. С. Машинный перевод: история, классификация, причины развития.....	250
Гейко Н. Р. Машинный перевод публицистических текстов о британской королевской семье.....	256
Глушыцкая М. Р. Спосабы перадачы ўласных імёнаў з англійскай мовы на беларускую (на матэрыяле мультфільмаў, агучаных студыяй Gavarun.by).....	261
Долбик Е. Е. Синтаксемы-локативы в стихотворениях М. Ю. Лермонтова и их перевод на белорусский язык.....	265
Ивашина Н. В. Межъязыковая омонимия в лексикографической практике (принципы построения чешско-белорусского словаря межъязыковых омонимов).....	272
Кожухова Н. Е. Перевод как вид речевой деятельности на занятиях РКИ.....	279
Кулиева О. Н. Актуальные способы перевода англоязычных научно-технических неологизмов.....	285
Лабкович О. Ю. Проблема инклюзии в аудиовизуальном переводе.....	291
Лапцёнак А. М. Некоторые аспекты лексікаграфічнага апісання лабільных дзеясловаў.....	297
Маракуліна Т. М. Энцыклапедычныя і стылістычныя рэмаркі і каментарыі ў тлумачальных слоўніках беларускай мовы.....	303
Марозава А. А. Некоторые аспекты адлюстравання амонімаў у новым тлумачальным слоўніку.....	311
Мацкевич В. Н. Проблемы перевода полисемантической банковской терминологии (на материале русского и немецкого языков).....	317
Никитина Н. Е. Поэзия М. Богдановича в авторском и профессиональном переводе.....	322
Петровская Д. А. Суффиксальная глагольная деривация в медицинской терминологии.....	326
Путрыч А. М. Словаўтваральны патэнцыял кораня <i>van-</i> у сучаснай беларускай мове.....	331
Сардарова А. А. Фитонимическая лексика в английской и белорусской фразеологии (сопоставительный аспект).....	337
Скворцова Н. Н. Компонентный состав устойчивых сравнений как проблемный аспект фразеологии.....	342

СЕКЦИЯ V. ПРОБЛЕМНЫЕ ВОПРОСЫ ОБУЧЕНИЯ ИНОСТРАННЫМ ЯЗЫКАМ

Аникина Э. М. Дискурс-анализ интертекстуальных включений в материалах СМИ: взгляд читателя.....	352
Астапкина Е. С. Использование ChatGPT при обучении английскому языку: лексический аспект.....	357
Бруцкая Н. И. Развивающий и воспитательный потенциалы урока иностранного (итальянского) языка.....	362
Вариченко Г. В. Адаптационная модель обучения русскому языку иностранцев.....	367
Войтович Н. В. К вопросу об изучении видов глагола на занятиях РКИ.....	373

Гербик Л. Ф. Систематизация знаний в коррективочном курсе РКИ: предложно-падежная система русского языка.....	377
Демешко В. А. Специфика преподавания РКИ в группах студентов разных национальностей.....	383
Дорогокупец-Новицкая О. М. Организация работы с текстом с учетом когнитивных и этнопсихологических особенностей китайских учащихся.....	387
Каминская И. С. Тема «характеристика человека» в аспекте подготовки к экзамену ТРКИ-2 / B2.....	392
Касюк Н. С., Камрани Мотлаг Э. О развитии умений креативного письма на продвинутом этапе обучения русскому языку как иностранному.....	397
Лебедева Д. В. Роль прецедентных текстов в обучении иностранным языкам.....	405
Лексина Е. В. Алгоритмизация учебной деятельности студентов на занятиях по русскому языку как иностранному.....	412
Мельникова Л. С. К вопросу о семантической обусловленности глагольного управления в итальянском языке (на материале словарных статей с леммой <i>consistere</i>).....	417
Мундияхметова Р. М., Исмагилова А. А. Методический потенциал технологии геймификации на уроках английского языка.....	423
Попова Е. С. Трудности преподавания РКИ в современном российском вузе.....	430
Саянова Н. В. Об использовании текстов СМИ в обучении иностранных студентов чтению и пересказу на русском языке.....	435
Смердов И. В. Проблемы преподавания русского как иностранного и английского языков русскоговорящими преподавателями в Китае в 2000–2020-х годах.....	441
Халили-Квасова С. В. Использование кейс-технологии на этапе обобщения и систематизации знаний в практике обучения иностранных студентов русской устной и письменной речи.....	449
Хрящёва Н. П. Дидактический потенциал стратегического подхода к обучению РКИ.....	455
Шунейко О. В., Савко О. В. К вопросу об обучении профессионально ориентированной лексике в аспекте РКИ.....	459
Список сведений об авторах	465

ПЛЕНАРНОЕ ЗАСЕДАНИЕ

УДК 81'42

АРГУМЕНТАТИВНАЯ ЛИНГВИСТИКА В СИСТЕМЕ ПРИКЛАДНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ ЯЗЫКА

Т. Н. Савчук

*Белорусский государственный университет,
ул. К. Маркса, 31, 220030, г. Минск, Беларусь, savtchouktn@bsu.by*

Обосновывается ключевая позиция аргументативной лингвистики в системе прикладных исследований языка. С этой целью эксплицируются и типологизируются многообразные отношения аргументативной лингвистики со смежными языковедческими дисциплинами. Подчеркивается необходимость институционального закрепления статуса аргументативной лингвистики (формирование научной инфраструктуры, включение специализированных курсов в вузовские учебные планы).

Ключевые слова: аргументативная лингвистика; конвергентная теория аргументации; прикладная лингвистика; гуманитарные науки.

ARGUMENTATIVE LINGUISTICS IN THE SYSTEM OF APPLIED LANGUAGE RESEARCH

T. N. Savtchouk

*Belarusian State University,
31 Karl Marks St., 220030, Minsk, Belarus, savtchouktn@bsu.by*

The key position of argumentative linguistics in the system of applied language research is substantiated. For this purpose, the diverse relationships of argumentative linguistics with related linguistic disciplines are explicated and typologized. The need for institutionalization of the status of argumentative linguistics is emphasized, that is the formation of scientific infrastructure as well as inclusion of specialized courses in university curricula.

Keywords: argumentative linguistics; convergent argumentation theory; applied linguistics; humanities.

Прикладные исследования языка устойчиво ассоциируются с терминологическим выражением «прикладная лингвистика». Данный термин и обозначаемое им понятие новыми не являются, что позволяет рассчитывать на научную дефиницию в профильных справочных изданиях. Однако эти ожидания не оправдываются: в доступных для анализа источниках приводимые толкования термина/понятия «прикладная лингви-

стика» сопровождаются шаблонными фразами: «Общепринятое определение отсутствует», «Единого понимания не сложилось» и т. п.

Обработка нескольких словарных статей дает возможность квалифицировать прикладную лингвистику как особое направление в языкознании, занимающееся «приложением лингвистических данных к конкретным потребностям общества с учетом современных практических задач» [1, с. 177], «разработкой методов решения практических задач, связанных с использованием языка» [2].

В научной литературе констатируется различие географических традиций использования термина «прикладная лингвистика»: в западном гуманитарном знании он закреплён за лингводидактикой, в русскоязычном лингвистическом узусе нередко (ошибочно) отождествляется с выражением «компьютерная (вычислительная) лингвистика».

С точки зрения современной языковедческой методологии, область значений термина «прикладная лингвистика» обширна: анализ профильной литературы дает основание утверждать, что термин «прикладная лингвистика» охватывает более трех десятков наименований научных дисциплин; при этом система прикладной лингвистики является открытой и обнаруживает тенденцию к расширению.

Исторической предпосылкой прикладного изучения языка выступает так называемый «антропологический поворот», происходящий в языкознании середины XX века. Лингвистика переключает внимание с абстракции под названием «язык» на иной объект с тем же именем – человеческую (мыслительно-речевую «био-социо-культурную» [3, с. 306]) деятельность. «Деятельностный характер» новой лингвистической парадигмы и очевидное усложнение исследовательского объекта стимулируют образование разного рода «интеллектуальных союзов» лингвистики с другими науками, призванных удовлетворять общественные запросы и решать актуальные практические задачи.

Одна из важнейших практических задач того времени диктуется необходимостью анализировать и оценивать реальные естественно-языковые процессы в различных речетворческих гуманитарных областях. Неудовлетворенность ситуацией, когда качество рассуждений оценивается только на основе формально-логических критериев (доминирование неопозитивизма), приводит к формированию социального запроса на разработку методов неформального анализа естественно-языковой коммуникации. Ответной реакцией на этот запрос становится теория аргументации – междисциплинарная область гуманитарного знания, объект которой – аргументация как сложный, многоаспектный феномен, ассоциируемый с интеллектуально-коммуникативной процедурой убеждающего воздействия. Поскольку аргументация имеет вербальный характер,

закономерным представляется повышенный интерес к ней со стороны лингвистов. Вследствие такого интереса оформляется особая область прикладного изучения языка – «аргументативная лингвистика», объектом которой выступает аргументативный дискурс (языковые аспекты аргументативной деятельности человека). Для обозначения этой лингвистической дисциплины используются также терминологические выражения «лингвистическая аргументология» и «лингвистическая теория аргументации».

Цель нашего исследования – определить, какое место аргументативная лингвистика занимает в системе прикладного языкознания. Исходя из понимания системы как определенным образом упорядоченного множества связанных друг с другом элементов, основные задачи мы видим в том, чтобы 1) установить, каким же образом организовано (упорядочено) множество прикладных исследований языка и 2) эксплицировать отношения аргументативной лингвистики с другими прикладными лингвистическими направлениями.

В результате анализа специальной литературы выясняется, что до настоящего времени не только не создан единый реестр прикладных лингвистических дисциплин, но также не выработан единый критерий их систематизации. Наиболее популярны две типологии: первая учитывает вид нелингвистической предметной области, с которой интегрируется языкознание (точные, естественные, социально-гуманитарные науки) (см., напр., [4]); вторая ориентируется на «оптимизацию функций языка» – коммуникативной, эпистемической, когнитивной (этот ориентир задан А. Н. Барановым в учебном пособии [5], впервые опубликованном в 2001 г.). Оба способа несовершенны, при этом крайне важны в исследовательских целях: «задают точки отсчета для классификации огромной области приложения лингвистических знаний» [5, с. 13].

Менее противоречивым (и потому более приемлемым) является первый вариант систематизации. Он позволяет выделить три группы прикладных лингвистических дисциплин. Их названия, как правило, содержат квалификаторы, указывающие на предметную область, с которой лингвистика интегрируется: 1) *математическая, физическая, компьютерная (инженерная)* и др.; 2) *биологическая, медицинская, географическая, экологическая* и др.; 3) *социологическая, психологическая, логическая, прагматическая, коммуникативная, культурологическая* и др. В каждом случае предполагается внутренняя дифференциация.

Аргументативная лингвистика относится к третьей группе и формирует многовекторные отношения как внутри, так и вне группы, что, на наш взгляд, обусловлено полиаспектностью феномена аргументации, а также внутренним многообразием лингвистической аргументологии.

При различном характере связей они в любом случае предполагают «взаимность»: взаимный обмен методологическими принципами, исследовательскими методами, взаимное обогащение эмпирическими данными и наработанными результатами.

Множество выявленных контактов аргументативной лингвистики, в зависимости от их оснований и специфики, мы распределяем по трем категориям. **Первая** из них включает отношения, предпосылки для которых создаются специфическими характеристиками аргументации как исследовательского объекта.

Будучи лингвокогнитивной универсалией, аргументация имеет место во всех разновидностях дискурса, что предопределяет прочную связь с *дискурсологией* (= *дискурс-анализом*, *дискурсной лингвистикой*).

Аргументация представляет собой специфический вид интеллектуально-коммуникативной социальной деятельности, в анализе которой аргументативная лингвистика сотрудничает с *теорией коммуникации*, *коммуникативной лингвистикой*, *социо-* и *психолингвистикой*.

Аргументация предполагает целенаправленное воздействие на реципиента – изучение этого воздействия предусматривает кооперацию с *теорией речевого воздействия*, *лингвопрагматикой*, *практической стилистикой* и *риторикой*.

Аргументация является рациональной деятельностью, что предполагает соответствие ее общезначимым стандартам логичности, – это выступает основанием для связи с *логическим анализом языка*.

Аргументативная деятельность всегда осуществляется в прагматических координатах, заданных типом дискурсивной практики, – в результате формируются отношения с *науковедением*, а также с *педагогической*, *юридической*, *деловой*, *медийной*, *политической лингвистиками*.

В контексте аргументативной деятельности неизменно присутствует культурная составляющая, что служит предпосылкой для связи с *лингвокультурологией*, *межкультурной коммуникацией*, *переводоведением*.

Аргументация как коммуникативный процесс характеризуется принципиальной интерактивностью – на этой основе устанавливаются контакты с *лингвистикой диалога*, *конверсационным анализом*, *коллоквиалистикой*.

Средством аргументативного воздействия служит текст, который понимается в широком семиотическом плане (как объединенная по смыслу совокупность языковых и невербальных знаков), отсюда отношения с *лингвистикой текста* и *текстовой ортологией*, *метаграфемикой*, *орфографией* и *теорией письма*, *орфоэпией*, *паралингвистикой*, *невербальной семиотикой*, *визуальной риторикой*.

Аргументативная деятельность является конструктивной и предполагает ответственное отношение участвующих в ней сторон, в том числе соблюдение морально-этических норм, – это создает базу для кооперации с *экспертной лингвистикой (лингвистической экспертизой)*.

Ко **второму типу** относятся междисциплинарные связи, возникающие вследствие развития лингвистической теории аргументации.

Лингвокреативная деятельность (создание альтернативных концепций) формирует потребность в обработке и систематизации специальной лексики, а значит, в отношениях с *теорией номинации, лексикографией и терминографией*.

Развитие лингвистической аргументологии обуславливает потребность в обработке значительных баз данных, что стимулирует кооперацию с *корпусной лингвистикой и количественной лингвистикой*.

Рассмотренные два типа контактов отличаются тем, что потребность в интеграции исходит от аргументативной лингвистики. На их фоне выделяется **третья категория**, объединяющая отношения, заинтересованность в которых приоритетна для смежных дисциплин. В данном случае важно, что может предложить аргументативная лингвистика.

Следует заметить, что различные аргументологические концепции обладают разным прикладным потенциалом. Ограниченность существующих лингвистических теорий объясняется их описательным характером (как подчеркивают специалисты-прагматодialeктики, «до сих пор ни одна жизнеспособная теория аргументации не была разработана без критического измерения» [6, р. 11]).

Пример «работающей теории» – авторская (конвергентная) концепция аргументации, совмещающая дескриптивный и нормативный аналитические подходы, что позволяет не только описывать и объяснять аргументативные артефакты и процессы, но также оценивать их (см. [7; 8] и более поздние публикации автора). Результаты, получаемые в рамках наших исследований, позволяют рассчитывать на продуктивные отношения с прикладными лингвистическими дисциплинами, имеющими в своем составе негуманитарную компоненту. В их числе:

компьютерная лингвистика: выделение аргументативных вербализаторов как особой категории языковых единиц, классификация аргументативных схем, метод реконструкции аргументативных моделей, методика анализа научного текста/дискурса, приемы формализации и нотации аргументативных структур – эти результаты послужат оптимизации технологий различных электронных информационных систем (информационно-поисковых, машинного перевода, автоматического аннотирования и реферирования текстов, редакционно-издательских и др.); совер-

шенствованию анализа компьютерно-опосредованного дискурса, в частности электронных форм научной коммуникации;

экологическая лингвистика: выявленные и охарактеризованные нами способы усиления аргументативного воздействия, приемы психологического акцентирования (в том числе манипулятивные средства), источники знаково-смысловой рассогласованности; разработанная нормативная модель (типология принципов, правил и ошибок аргументации) – все эти данные будут способствовать решению центральной проблемы лингвоэкологии – выявлению причин деградации языковой среды и способов ее реабилитации/оздоровления (см. подр. в [3; 7, с. 188–220; 9]).

Наконец, есть два особых «союзника» аргументативной лингвистики – *лингвистическая экспертиза* и *лингвистическая дидактика*. Значимость связей с этими дисциплинами обусловлена тем, что сферы их приложения (экспертная и дидактическая) находятся в фокусе аргументативной лингвистики. Практические (жизненно важные) потребности именно этих областей мотивировали наше глубокое погружение в аргументологическую проблематику и разработку авторской теории. Это, во-первых, необходимость повысить качество гуманитарной научной продукции и таким образом способствовать сохранению (или, скорее, возврату) престижа гуманитарной науки; во-вторых, потребность в формировании аргументативной компетенции, что особенно актуально при подготовке кадров высшей квалификации [7, с. 3–6].

Полученные нами результаты, освещенные в многочисленных авторских публикациях, демонстрируют эффективность применения конвергентной теории аргументации как в тестировании качества научной продукции (экспертиза квалификационных работ и академических публикаций), так и в дидактической области (внедрение в образовательный процесс). На основании этих результатов мы можем с полным правом утверждать, что аргументативная лингвистика как ветвь прикладного языкознания дает по крайней мере два ответвления, для которых предлагаем соответствующие номинации: *аргументологическая экспертиза* и *аргументативная дидактика*. Полагаем, что обе дисциплины заслуживают место в образовательных стандартах высшей школы. Тем более это место заслуживает сама аргументативная лингвистика.

Сформулируем итоги исследования.

1. В системе прикладного языкознания аргументативная лингвистика занимает одну из ключевых позиций, что подтверждается многообразием связей данного интеллектуального направления со смежными дисциплинами.

2. Характер междисциплинарных контактов аргументативной лингвистики демонстрирует востребованность ее в решении широкого спектра

прикладных задач, а также позволяет выделить направления ее специализации.

3. Прикладная значимость аргументативной лингвистики определяется качеством теории, на которой она базируется: наличие в теории аргументации нормативной составляющей закономерно увеличивает ее практический ресурс.

4. Аргументативная лингвистика является продуктивным языковедческим направлением (об этом свидетельствует внутренняя дифференциация: обособление аргументологической экспертизы и аргументативной дидактики), что укрепляет ее позицию в рассматриваемой системе.

5. Статус аргументативной лингвистики как важного, системообразующего, элемента прикладных исследований языка нуждается в институциональном закреплении: формировании соответствующей научной инфраструктуры (исследовательские центры и сообщества специалистов, профильные печатные издания и научные мероприятия); включении специализированных курсов по различным аспектам лингвистической аргументологии в вузовские учебные планы. Опыт такой институционализации давно накоплен за рубежом. Нам осталось только последовать этому позитивному примеру и приблизить зарубежные научные традиции к белорусским реалиям.

Библиографические ссылки

1. Жербило Т. В. Словарь лингвистических терминов. 5-е изд., испр. и доп. Назрань : ООО «Пилигрим», 2010.

2. Андриющенко В. М. Прикладная лингвистика // Лингвистический энциклопедический словарь [Электронный ресурс]. URL: <https://tapemark.narod.ru/les/397a.html> (дата обращения: 15.03.2024).

3. Кравченко А. В. От языкового мифа к биологической реальности: переосмысляя познавательные установки языкознания. М. : ЯСК : Русские памятники Древней Руси, 2013.

4. Батюшкина М. В. Некоторые общие замечания о направлениях прикладной лингвистики // Гуманитарные исследования. 2016. № 3 (12). С. 40–43.

5. Баранов А. Н. Введение в прикладную лингвистику. 6-е изд., стер. М. : Ленард, 2021.

6. Eemeren F. H. van. Argumentation Theory // Handbook of argumentation theory / F. H. van Eemeren [et al.]. Dordrecht : Springer, 2014. P. 1–50.

7. Савчук Т. Н. Аргументация в русско- и белорусскоязычном научно-гуманитарном дискурсе. Минск: Изд. центр Белорус. гос. ун-та, 2018.

8. Савчук Т. Н. Аргументация в дискурсе гуманитарных наук (на материале русско- и белорусскоязычных текстов): дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.19. Минск, 2019.

9. Савчук Т. Н. Разобшенность языкового знака и смысла как эколингвистическая проблема // Текст. Язык. Человек : сб. науч. трудов / УО МГПУ им. И. П. Шамякина ; редкол.: С. Б. Кураш (отв. ред.) [и др.]. Мозырь : МГПУ им. И. П. Шамякина, 2023. С. 230–237.

УДК 821.133.1:398.21(46)

**ПРЕДСТАВЛЕНИЕ О ПАТРИОТИЗМЕ
В ЯЗЫКОВОМ СОЗНАНИИ СТУДЕНТОВ (ПО МАТЕРИАЛАМ
СВОБОДНОГО АССОЦИАТИВНОГО ЭКСПЕРИМЕНТА)**

О. П. Фесенко

*Омский государственный университет путей сообщения,
пр. Маркса, 35, г. Омск, Россия, Olga.Fesenko2015@yandex.ru*

Тема исследования – представление о патриотизме в языковом сознании молодежи. Цель исследования – описать структуру концепта «патриот», отраженного в языковом сознании студентов вуза. В работе определены основные ценностные ассоциаты ядра концепта (Родина, любовь, Россия, гордость, защита), перечислены периферийные ассоциаты. Сделан вывод о необходимости работы в направлении формирования связи личной судьбы и судьбы Родины.

Ключевые слова: концепт; концепт «патриотизм»; свободный ассоциативный эксперимент; языковое сознание молодежи; воспитание патриотизма.

**THE IDEA OF PATRIOTISM IN THE LINGUISTIC
CONSCIOUSNESS OF STUDENTS (BASED ON THE MATERIALS
OF A FREE ASSOCIATIVE EXPERIMENT)**

O. P. Fesenko

*Omsk State University of Railway Engineering,
Marks Ave., Omsk, Russia, Olga.Fesenko2015@yandex.ru*

The topic of the research is the idea of patriotism in the linguistic consciousness of young people. The purpose of the study is to describe the structure of the concept «patriot» reflected in the linguistic consciousness of university students. The paper presents the main value associations of the core of the concept (Homeland, love, Russia, pride, protection), and lists peripheral associations. The conclusion is made about the need to work towards the formation of a connection between personal fate and the fate of the Motherland.

Keywords: concept; the concept of «patriotism»; free associative experiment; linguistic consciousness of youth; education of patriotism.

Статья подготовлена в рамках научного исследования, осуществляемого за счет средств государственного задания по теме «Разработка программы патриотического воспитания в студенческой среде с учетом особенностей технического вуза средствами языковедческих дисциплин и литературы»; рег. номер 124021300064-1.

В современном российском социуме в условиях внешней угрозы максимально остро встал вопрос о воспитании патриотизма, начиная с

дошкольного уровня образования и заканчивая вузовским. Воспитывать патриота, безусловно, продуктивнее всего в детском возрасте. Огромную роль в этом процессе играет семья. Однако и вузы не должны оставаться в стороне от такой важной государственной задачи. Насколько эффективно она реализуется, могут свидетельствовать результаты ассоциативных экспериментов, позволяющих описать структуру любого концепта в языковом сознании носителей культуры, в том числе в языковом сознании студентов. Вовремя выявленные лакуны или искажения в этом представлении дают возможность скорректировать воспитательный процесс, делают его максимально результативным, что и определяет актуальность нашей работы. Ее цель – описать структуру концепта «патриотизм» в языковом сознании студентов (на примере Омского государственного университета путей сообщения).

Участниками эксперимента стали студенты вуза, обучающиеся на первом курсе (технические специальности). Эксперимент проводился в январе 2024 года при использовании возможностей Google Forms.

В современных лингвистических исследованиях патриотизма встречаются различные позиции ученых, связанные с вопросом определения самого языкового феномена. Некоторые исследователи рассматривают феномен патриотизма через призму семантического поля (Н. В. Левина, Э. А. Мухаджиева). Большинство ученых подходит к анализу патриотизма как к концепту, понимая под ним совокупность ассоциативных связей и представлений, обусловленных национально-культурными особенностями носителя языка (М. Гуалтиери, Х. С. Шагбанова, Н. В. Наговицына, А. И. Габеркорн, Е. В. Савва и т. д.).

Вербализацию концепта «патриотизм» изучают в рамках политического (А. Ю. Красноярова), спортивного (Е. Г. Малышева), художественного (Г. П. Сидорова) дискурсов.

Как концепт «патриотизм» в последнее время активно привлекает внимание исследователей разных научных направлений в лингвистике. Его изучением занимаются лингвокогнитивисты, в частности – Х. С. Шагбанова, которая утверждает, что в современном социокультурном пространстве происходит изменение содержательного наполнения концепта за счет переосмысления его базового элемента – «патриот». Если в недавнем прошлом главная составная составляющая сема компонента «патриот» отмечалась как «любовь к Родине», то сегодня в языковом пространстве российского социума акцент делается на «преданность Родине» [1], что вполне объяснимо, поскольку первый вариант – статичен, а второй предполагает активное проявление своей позиции.

Концепт «патриотизм» анализируется в рамках семиотического направления. Так, М. Гуалтиери уверен, что в современной молодежной

среде не принято говорить о патриотизме, что любовь к Родине перестала быть тем, чем гордится современная молодежь [2, с. 149]. С этой позицией не согласен С. В. Расторгуев, отмечающий, что концепт «патриотизм» наполняется содержанием в зависимости от того, в сознании кого формируется: либералов, консерваторов, националистов и т. д. Это значит, что представление о патриотизме в сознании молодого человека определяется его принадлежностью к социальному слою и / или партии. В современной России, по мнению исследователя, концепт «патриотизм» опирается на память о Великой Отечественной войне. Но решающее воздействие на его формирование остается за комиками, телеведущими, шоуменами, музыкантами, писателями и деятелями кино [3, с. 92–94].

Кроме названных направлений, исследование языкового феномена патриотизма занимается социолингвистика, согласно которой патриотизм как ценность занимает четвертое место в числе основных жизненных ценностей россиян (результаты исследования представлены в работе Е. И. Лелис [4, с. 9]). Однако при этом, по мнению населения страны, быть патриотом – это почитать традиции, воспитывать детей и хорошо работать, т.е. в представлениях о патриотизме отсутствует важнейшая составляющая, определяющая связь судьбы человека и судьбы Родины.

В научной среде в последние годы появляются исследования, направленные на изучения структуры концепта «патриотизм» в языковом сознании молодежи, в частности, студентов вуза. Как отмечают лингвисты, в частности – Д. Г. Васьбиева, ядро концепта в представлении студентов ценностно положительно. Оно опирается на такие понятия, как Родина, любовь, Россия. Однако периферийные компоненты концепта разнонаправлены, т.е. среди них обнаруживаются в равной мере как положительные, так и отрицательные ассоциаты [5, с. 354].

Наше исследование было проведено в русле современных научных направлений. Как показали результаты свободного ассоциативного эксперимента, в ядре концепта обнаруживаются четыре базовых ценностных ассоциата: Родина (22% из числа участников), любовь (14%), Россия (8%), гордость (5%) и защита (5%). Единично представлены ассоциаты, заполняющие периферию концепта, оказались преимущественно положительными: выбор, достоинство, мощь, мужество, оптимизм, отстаивание интересов родины, подвиг, политика, родной край, забота, русский, сила, смелость, соблюдение чистоты и порядка, дом, счастье, уверенность, увлеченность, целеустремленность, человек, честность, чувство выполненного долга, многонациональная страна, достоинство, история, культура, лес, необъятная страна, мужество, осознанность, отвага, отзывчивость, патриот, прадеды, приверженность, прошлое, россиянин, сила, стойкость, традиции, цен-

ность, человек, я, герб, смелость, храбрость, вера, ветераны, мать, вера, слава, ответственность.

Интересно отметить, что с точки зрения частеречной организации все ассоциаты выражены именами существительными, что может говорить о некоторой статичности концепта. Отсутствие глаголов лишает концепт деятельностной составляющей, которая крайне необходимо в структуре представлений о патриотизме, поскольку он проявляется как раз в активной деятельности человека как гражданина.

Как видно из перечня приведенных ассоциатов, среди них нет ни одного отрицательного. Безусловно, на разнообразие ассоциатов влияет количество студентов, принимавших участие в ассоциативном эксперименте. В дальнейшем мы планируем расширить количество участников и проанализировать более подробно структуру концепта «патриот». Но даже сейчас понятно, что формирование представлений о патриотизме продуктивно. Необходим лишь акцент на то, что патриотизм опирается на осознание самого себя как части Родины, разделение ее судьбы и активной деятельности на благо родной страны. Именно в этом направлении следует продолжать работу по воспитанию патриотизма в среде студенческой молодежи.

Библиографические ссылки

1. *Шагбанова Х. С.* Семантическая структура концепта «патриотизм» через призму лингвокогнитивистики // *Litera*. 2023. № 5. С. 1–9. DOI 10.25136/2409-8698.2023.5.40613.
2. *Гуалтиери М., Гуалтиери Т., Герасимова С. В.* Концепт «патриотизм» в XX веке // *Актуальные проблемы лингвистики и межкультурной коммуникации: Сборник трудов кафедры лингвистики и межкультурной коммуникации. Москва: Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Российский государственный университет имени А.Н. Косыгина (Технологии. Дизайн. Искусство)», 2023. С. 144–150.*
3. *Расторгуев С. В.* Концепт «патриотизм» в современном идеологическом пространстве России // *Власть*. 2023. Т. 31, № 3. С. 90–96. DOI 10.31171/vlast.v31i3.9637.
4. *Лелис Е. И.* Концепт патриотизм в современной Российской лингвокультуре: приобретенная и вновь утраченная сема // *Филология*. 2018. № 2(14). С. 8–10.
5. *Васьбиева Д. Г.* Репрезентация концепта «патриотизм» в языковом сознании студентов вуза // *Мир науки, культуры, образования*. 2023. № 2(99). С. 353–355. DOI 10.24412/1991-5497-2023-299-353-355.

УДК 811.161.1'373.2:811.161.3'373.2

**ГЕОРТОНИМЫ БЕЛАРУСИ:
ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ И ЭКСТРАЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ
ХАРАКТЕРИСТИКИ**

О. Б. Переход

*Брестский государственный университет имени А. С. Пушкина,
бульвар Космонавтов, 21, 224016, г. Брест, Беларусь, rexo61@mail.ru*

В статье представлены результаты одного из этапов изучения периферийного ономастикона Беларуси. Исследование проводится в рамках ГНПИ «Общество и гуманитарная безопасность белорусского государства» на 2021–2025 годы. Объектом исследования выбрана геортонимия Беларуси, рассмотрены ее интра- и экстралингвистические характеристики. Особое внимание уделено структурному и номинативному аспектам геортонимов. Выявлены мотивационные признаки, положенные в основу наименования имен собственных. Охарактеризованы основные способы онимообразования в области геортонимии, установлены ведущие стратегии номинации и реализующие их тактики.

Ключевые слова: геортоним; структурные особенности; мотивационные признаки; способы номинации; номинативные стратегии и тактики.

**GEORTHONYMS OF BELARUS:
LINGUISTIC AND EXTRALINGUISTIC CHARACTERISTICS**

O. B. Perekhod

*Brest State University named after A. S. Pushkin,
boulevard Kosmonavtov, 21, 224016, Brest, Belarus, rexo61@mail.ru*

The article presents the results of one of the stages of studying the peripheral onomasticon of Belarus. The research is carried out within the framework of the State Scientific Research Institute «Society and Humanitarian Security of the Belarusian State» for 2021–2025. The object of the study was the geortonymy of Belarus, and its intra- and extralinguistic characteristics were considered. Particular attention is paid to the structural and nominative aspects of geortonyms. Motivational characteristics underlying the naming of proper names have been identified. The main methods of onym formation in the field of geortonymy are characterized, the leading nomination strategies and the tactics that implement them are established.

Keywords: geortonym; structural features; motivational features; methods of nomination; nominative strategies and tactics.

Геортонимы (названия проводящихся регулярно праздников, массовых мероприятий, торжеств, памятных дат, концертов, фестивалей,

конкурсов, выставок, акций, форумов и т. п.) – пестрый по составу разряд онимов, находящийся на периферии ономастического пространства, отличающийся разнообразием в семантическом, структурно-деривационном, функционально-прагматическом плане и характеризующийся стремлением к прозрачности внутренней формы. Научная литература сформировала значительную определительную базу праздника как феномена культуры, но большинство исследователей неоднозначны в определении понятия «праздник», поскольку праздник имеет множество граней и смыслов, его можно рассматривать и оценивать с разных точек зрения [1; 2; 3]. В своем исследовании мы придерживаемся широкого подхода в понимании термина геортоним – это и праздник в его традиционном понимании, и номинация массового мероприятия, специально организованного события.

Интерес к геортонимам вызван, с одной стороны, особой ролью праздников в культуре определенного народа, с другой, – уникальной природой данного разряда онимов, которые являются специфическим средством объективации материальной, интеллектуальной, духовной жизни общества, отражают особенности национальной культуры, быта, участвуют в создании и обогащении концептосферы языка, формируют (как особая подсистема) ономастическую, шире – языковую картину мира.

Геортонимы как искусственные номинации являются продуктом синтеза двух факторов – лингвистического и экстралингвистического (социокультурного). Лингвистические особенности геортонимов связаны со способностью выступать в качестве единиц номинации, наличием у них общего грамматического значения субстантивности. Социокультурная составляющая данного разряда имен собственных связана с передачей социально значимой информации.

Структура номинаций рассматриваемых имен собственных – деловых, рекламно-коммерческих, культурно-массовых, спортивных мероприятий Беларуси представляет собой геортонимический апеллятивно-проприальный комплекс. Форма организации праздников в искусственной номинации отражена в специализированном термине с помощью идентификатора: **праздник-ярмарка** «Свята бульбы», **Международный праздник** «Вишневый фестиваль», **кулинарный фестиваль** «Мара гурмана», **Gastrofest** «Кофе» и др. В состав специализированного термина входит ряд квалификаторов, уточняющих статус мероприятия (международный, республиканский, районный, городской), периодичность (**традиционный** праздник «День мороженого и Сладкоежки», **Шестой Республиканский Gastrofest**), тематику, направленность события (**экологический** праздник «Жураўлі і журавіны Міёрскага краю», **праздник льна**

«Ориша – колыбель белорусского льна»). Идентификатор может дублироваться и в составе проприальной части геортонима: *Международный спортивный праздник гонок с препятствиями «Гонка Бизонов»* и др. [4, с. 129].

Профессиональные праздники в номинативном аспекте не отличаются разнообразием, их названия стандартизированы (*День спасателя Беларуси, День дипломатического работника, Всемирный день театра, Международный день кукольника* и др.).

Анализ структурных особенностей номинаций праздников Беларуси показал, что в исследуемых группах геортонимов встречаются преимущественно составные (полиструктурные) названия, состоящие из двух-девяти слов, реализующие ряд номинативных моделей. Основные инвариантные модели – номинативно-генитивная (N_1+N_2), адъективно-номинативная ($Adj+N_1$), которые в разных названиях уточняются, конкретизируются с помощью квалификаторов. Встречаются номинации-предложения разных типов: двусоставные (*Парашиютный фестиваль «Витебск собирает друзей»*), односоставные (*Республиканский открытый слет «Здоровье. Трезвость. Культура»*), неполные (*выставка-дегустация «Масленка з білінамі, у пост з грыбамі»*), нечленимые (*спортландия «А, ну-ка, перваки!»*).

Семантика геортонимов обусловлена прежде всего экстралингвистическими факторами. Анализ семантики проприальной части дает возможность установить мотивационные признаки, положенные в основу искусственной номинации.

Геортонимы актуализируют место проведения ивент-события. Такие регулярно проводимые, узнаваемые спортивно-массовые, деловые, рекламно-коммерческие события способствуют созданию брендов территориального локуса. Репрезентантами локации рекламно-коммерческих и спортивно-массовых событий выступают топонимы и их дериваты: *праздник «Іўеўскі памідор»*, *фестиваль «Лунінецкія клубніцы»*; репрезентантами локации выступают дериваты топонимов: *Республиканское спортивно-массовое мероприятие «Белорусская лыжня»*, *Национальный фестиваль бега «Языльская десятка»* и др.

Значимый элемент названия специально организованного праздничного события – его временная маркировка, которая производится в специализированном термине или проприальной части с помощью темпоральных лексем, путем обозначения временных периодов, в том числе связанных с религиозными праздниками: *выставка-продажа «Осенние заморочки из бочки»*, *Республиканская универсальная выставка-ярмарка «Калядная скарбніца»*, *трейловый ультра-забег «Зима минус 100»*.

Проприальная часть может актуализировать тематику праздничного события: *фестиваль «LIDBEER»* (фестиваль пива, организуемый ОАО «Лидское пиво»), *фестиваль «Облака молока»* (фирменное мероприятие бренда ОАО «Савушкин продукт» – дегустации молочной продукции, работа фуд-корта и др.), *Свята капусты* и др.

Существенная особенность целого ряда геортонимов – акцент на демографическом (дети, молодежь, старшее поколение) или гендерном (мужчины, женщины) признаке. Целевая аудитория участников может обозначаться как в специализированном термине, так и в проприальной части: *турнир «Старт поколений»*, *Республиканский легкоатлетический пробег «Женский забег»*, *Открытый турнир «Детская лига плавания»*.

Номинаторы праздничных событий обращаются к оценочным квалификаторам, усиливая коннотативный аспект и прагматическую направленность имен собственных. С этой целью в именах собственных используется оценочная лексика, ценностно маркированные в белорусской культуре лексемы (здоровье, семья, трезвость и др.), эмоционально окрашенные предложения: *Республиканский фестиваль здорового образа жизни «Мама, папа, я – здоровая семья»*, *Республиканские соревнования по гандболу среди юношей и девушек «Стремительный мяч»*.

Наибольшей степенью продуктивности в создании имен собственных обладают вторичные способы номинации: 1) лексико-семантический в таких разновидностях, как онимизация (*фестиваль дворовых игр «Альтернатива»*, *кофейный фестиваль «Чашка»*, *фестиваль «Медведь»*); реже трансонимизация (*Республиканские легкоатлетические соревнования «Беловежская Пуща»*); заимствование (*соревнования по плаванию «Trystyle Water Cup»*, *Gastrofest «Vegan»*); 2) лексико-синтаксический способ на базе свободного сочетания слов или предикативной единицы с изменением их функций (*фестиваль-ярмарка «Смаргонскія абаранкі»*, *спартакиада обучающихся профессиональных образовательных организаций «Мы выбираем спорт!»*).

При онимизации и трансонимизации как основных способах образования геортонимов в качестве словообразовательной базы выступают известные в культуре имена собственные, в том числе и прецедентные: *региональный конкурс детского творчества «Маленький принц»*, *региональный конкурс юных пианистов «Ступень к Парнасу»*, *фестиваль народного творчества «Ад прадзедаў спакон вякоў»* (Я. Купала); б) устойчивые единицы: *международный байк-фестиваль «Хавайся ў бульбу»*.

В образовании имен собственных отмечены нетиповые способы словообразования – гибридизация, т. е. совмещение графических средств из раз-

ных языковых систем (*Международный фестиваль детского творчества «Планета KIDS приглашает друзей»*), гибридизация и графодеривация (*Международный молодежный лагерь «Бе-Ла-Русь»*), транслитерация (*Международный форум «ТРЕЙД ДИАЛОГ»*), стилизация: *фестиваль «ТАНЦЫ.VU»* (под интернет-адрес), *авиафестиваль «#ПРОНЕБО»* (под хэштег); г) обращении к «модным» лексемам, выражениям, нередко разговорным: *музыкальный фестиваль «Движ»*, *рождественский рок-марафон «Ёлы-палы»* и др.

Наблюдается «установка на языковую игру» на разных уровнях: а) графическом: *республиканский молодежный проект «#ЗаДело»* (капитализация: сущ. за дело и глаг. задело); б) словообразовательном: *музыкальный фестиваль «Большая бард-рыбалка»* (окказионализм), *Международный форум театрального искусства «ТЕАРТ»* (ср. театр и арт); в) лексическом: *независимый турнир клуба веселых и находчивых празднич-ярмарка «День варенья»* (буквализация, т. к. торжество посвящено именно варенью) и др.; г) фразеологическом: *фестиваль кваса «Яго вялікасьць – квас»* (ср. с узуальным его величество – хлеб) и др.

Геортонимия представляет собой развитую подсистему периферийного ономастикона русского и белорусского языков. Структурно-семантическая организация и способы номинации в основном совпадают с другими подсистемами периферийных имен собственных, однако наблюдается избирательность способов и принципов номинации в образовании геортонимов в отдельных тематических группах.

Для достижения коммуникативных целей номинаторы праздничных мероприятий пользуются определенными номинативными стратегиями и тактиками. В качестве средств реализации тактик при вербальной коммуникации выступают языковые единицы разных уровней – лексемы, фразеологизмы, свободные сочетания слов, предикативные единицы.

Ведущие стратегии номинации геортонимов Беларуси: стратегия презентации (информирования), стратегия определения, формирования и удержания целевой аудитории; ценностно-ориентированная стратегия; стратегия эмоционального воздействия; стратегия коммуникативного воздействия на когнитивный уровень сознания.

В качестве примера продемонстрируем стратегию определения целевой аудитории, направленную на привлечение внимания и активизацию восприятия адресатов, и реализующие ее номинативные тактики (НТ).

НТ-1 – *Прямая дескрипция адресата*. Тактика активно используется в номинациях спортивно-массовых мероприятий, где адресатами выступают: «дети, школьники» (*Республиканский легкоатлетический пробег «Мы родом из детства»*); «молодежь, студенчество» (*Республиканский велопробег «Молодежь помнит-2023»*, *«Всебелорусская студенческая лыжня-2020»*); «се-

мья» (Республиканский проект «**ПапаЗал**», Республиканский фестиваль здорового образа жизни «**Мама, папа, я – здоровая семья**»).

НТ-2 – Идентификация адресата по гендерному признаку Республиканские легкоатлетические соревнования «**Забег настоящих мужчин**», Международная специализированная выставка-ярмарка товаров и услуг для женщин «**LADY EXPO**» и др.).

НТ-3 – Апелляция к адресату события. Тактика характерна для номинаций спортивно-массовых событий и реализуется с помощью синтаксических эллиптических конструкций призывно-побудительного, лозунгового характера, обращений (Республиканский легкоатлетический забег «**На старт, молодежь!**», Республиканский легкоатлетический пробег «**Всей семьей за весной**»).

Геортонимический сегмент периферийного ономастикона Беларуси является ценным источником лингвистической (тенденции современной искусственной номинации, структура онимов, иерархия вербальных средств, приемов для воплощения гетерогенных интенций номинаторов) и экстралингвистической информации (особенности общественно-политической, культурной, духовной, экономической, спортивной и т. д. жизни белорусского социума, его традиции и ценности, языковая мода и вкус номинаторов массовых торжеств, запросы целевой аудитории), что делает перспективным дальнейшее исследование геортонимии Беларуси.

Библиографические ссылки

1. Бугаева И. В. Наименование праздников в православном социолекте [Электронный ресурс] // Изв. Урал. гос. ун-та. Сер. 2, Гуманитарные науки. 2007. N 53, вып. 14. С. 84–92. URL: <https://elar.urfu.ru/handle/10995/22904?mode=full> (дата обращения: 16.03.2023).

2. Навашева В. А. Исследование периферийных разрядов ономастики: наименование праздников [Электронный ресурс]. URL: [https://docviewer.yandex.by/view/0/?page=5&*="](https://docviewer.yandex.by/view/0/?page=5&*=) (дата обращения: 16.03.2023).

3. Подольская Н. В. Словарь русской ономастической терминологии [Электронный ресурс]. URL: <https://reallib.org/reader?file=672002> (дата обращения: 16.03.2023).

4. Переход О. Б. Геортонимы Беларуси (на материале названий спортивно-массовых праздников) // Нацыянальна-культурны кампанент у літаратурнай і дыялектнай мове : матэрыялы Рэсп. навук.-практ. канф., Брэст, 24 лютага 2023 г. / рэд. кал.: Л. В. Леванцэвіч, Т. А. Кисель, Н. Р. Якубук. Брэст : БрДУ, 2023. С.129–133.

СЕКЦИЯ I ЯЗЫК В СОЦИОКУЛЬТУРНОМ И КОММУНИКАТИВНО-ПРАГМАТИЧЕСКОМ ИЗМЕРЕНИИ

УДК 811.161.1:801.82

ЯЗЫКОВАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ФОНАЦИОННЫХ НЕВЕРБАЛЬНЫХ КОМПОНЕНТОВ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ

А. А. Алексеенко

*Белорусский государственный медицинский университет,
пр. Дзержинского, 83, 220083, г. Минск, Беларусь, alexeenko_hanna@mail.ru*

Статья посвящена вопросам языковой репрезентации фонационных невербальных компонентов в художественном тексте (на материале прозы А. П. Чехова). Автором исследования ставится задача выявления структурных элементов фонационной составляющей невербального поведения, проводится анализ языковых единиц, репрезентирующих данные элементы. Изучение множественности вариантов невербального поведения открывает перспективы в области исследования информативной концентрации и приращения смысла текста.

Ключевые слова: невербальная коммуникация; фонационные невербальные компоненты; глаголы речевой деятельности; интонация; тембр; тон речи.

LANGUAGE REPRESENTATION OF PHONATION NON-VERBAL COMPONENTS IN A LITERARY TEXT

H. A. Alexeenko

*Belarusian State Medical University,
Dzerzhinsky Av., 83, 220083, Minsk, Belarus, alexeenko_hanna@mail.ru*

The article deals with the language representation of phonation non-verbal components in a literary text (based on the material of A. P. Chekhov's prose). The author of the study sets the task of identification of structural elements of the phonation component of non-verbal behavior. The analysis of linguistic units representing these elements is carried out. Studying the multiplicity of nonverbal behavior options opens up prospects for research of the informative concentration and increment of the meaning of the text.

Keywords: non-verbal communication; phonation non-verbal components; verbs of speech activity; intonation; timbre; tone of speech.

Коммуникативное взаимодействие индивидов осуществляется с целью передачи информации, значимой для участников общения. Однако передача информации может осуществляться посредством различных знаковых систем, в связи с чем различают вербальную и невербальную коммуникацию. Анализируя акт коммуникации, необходимо выявлять соотношение вербальных и невербальных компонентов, особенности их внутренней организации, механизмы взаимодействия.

Невербальный компонент коммуникативного взаимодействия персонажей художественного произведения играет важнейшую роль в раскрытии внутреннего мира языковой личности, ее чувств, переживаний, сиюминутных эмоциональных реакций. Путем декодирования невербального коммуникативного поведения происходит осмысление духовного мира литературного героя во всей его сложности и многогранности [1, 2].

В художественных текстах представлен широкий спектр невербальных средств коммуникации: жесты, мимика, визуальный контакт, поза, положение тела, дистанция между коммуникантами, а также интонация, тон голоса, его тембр, темп и т. д. Особый интерес, на наш взгляд, представляют собой фонационные невербальные компоненты общения – «дополнительные по отношению к речевому звуковые коды, включенные в процесс коммуникации и способные передавать в этом процессе смысловую информацию» [3, с. 27]. К ним относятся паузация, темп речи, вокальные качества голоса, его тембр, логическое ударение, тон, интонация. Данные компоненты не являются речевыми единицами, однако представлены в каждом устном высказывании и в значительной степени организуют акт коммуникации.

Фонационные невербальные компоненты в художественном тексте представляют собой особую упорядоченную структуру. Центром этой структуры выступают маркеры речевого действия (различного рода речевые и неречевые глаголы, существительные звучания, вводящие и характеризующие речь персонажей) с примыкающими к ним конкретизаторами тембра, темпа и тона [4]. В совокупности эти структурные элементы определяют качества голоса, особенности произнесения звуков, дополнительные призвуки, изменения тона голоса, общего темпа речи и т. п. Проанализируем возможности языковой репрезентации данных структурных элементов на материале прозаических текстов А. П. Чехова.

Языковыми репрезентантами маркера речевого действия чаще всего выступают глаголы речевой деятельности. Обозначим несколько лексико-семантических групп этих глаголов, опираясь на классификацию, предложенную авторским коллективом «Толкового словаря русских глаголов». Так, в чеховской прозе широко представлена группа глаголов ха-

рактизированной речевой деятельности (басить, болтать, бормотать, бредить, бросать, ворчать, восклицать, выпаливать, гаркать, гнусавить, дребезжать, картавить, лепетать, протягивать, цедить, шептать и др.) с типовой семантикой «произносить что-либо как-либо, каким-либо образом, обнаруживая характерные артикуляционные особенности говорения или выражая при этом какие-либо внутренние эмоциональные состояния» [5, с. 349]. «Конечно, это так...» – **пробормотал** я в сильном смущении, не вынося его ясных, невинных глаз (Моя жизнь). «Н-да-с, почтеннейший...» – **пробормотал** мировой в раздумье. – С другой же стороны, если рассудить хладнокровно, то...» (Неприятность). «Тут нужны новые подметки», – **бредит** басом больной матрос (Гусев). Поклонись же, тебе говорю!» – **ворчал** он настойчиво (Анна на шее). «Ничего, ничего, брат Егор, ничего...» – **забормотал** скороговоркой о. Христофор. – Ничего, брат...» (Степь). «Случается!» – невозмутимо прогнусавил Перегарин (Гость). Покойный тон фон Корена охладил доктора; он как-то вдруг пришел в себя, образумился, взял обеими руками Лаевского за талию и, отводя его от зоолога, **забормотал** ласковым, дрожащим от волнения голосом: «Друзья мои... хорошие, добрые... Погорячились и будет... и будет...» (Дуэль). «Я не могу больше...» – **забормотала** Кисочка голосом плачущей девочки (Огни). «Ну, чего воззрилась?» – сердито **прошептал** Савелий (Ведьма). «Ой, что ж это, батюшки?» – **бормотала** она в ужасе. – Что ж это она кричит?» (В овраге).

Еще одну многочисленную группу составляют глаголы речевого общения (врать, добавить, договаривать, докладывать, заявлять, лгать, объявлять, объяснять, повторять, предлагать, провозглашать, продолжать, рассуждать, резюмировать и др.) с общим значением «сообщать адресату что-либо (какие-либо сведения, известия и т. п.) о ком-либо, чем-либо» [5, с.356]. «Ваше высокоблагородие, господа хорошие, – **добавил** он конфузливо, тоном ниже, – заря холодная, погреться бы... на полбутылочки с вашей милости» (Мужики). «И ежели с просоленными огурчиками...» – **добавил** Ребротесов тоном сердечного участия (Невидимые миру слезы). «Какое счастье!» – **повторила** Екатерина Ивановна с увлечением (Ионыч). Считая на счетах в комнате Матвея, он просил денег, говорил, что на Прогонной ему уже нельзя жить, и несколько раз **повторил** таким тоном, как будто собирался заплакать: «Куда же я пойду?» (Убийство). «Это... это что значит?» – **повторила** она тонким, обрывающимся от негодования голосом (Рассказ неизвестного человека). «Такая жизнь!» – **повторила** она с ужасом и нараспев, с тем южным, немножко хохлацким акцентом, который, особенно у женщин, придает возбужденной речи характер песни (Огни). «Верите ли, у меня осталось только восемь франков, – **продолжал** он, понижая голос, –

между тем, я должен послать жене сто и матери столько же» (Ариадна). «Но оставим, оставим это... – **продолжал** доктор торопливо. – Я вовсе не хочу упрекать тебя или делать сцену» (Супруга). «Вчера вы пришли, чтобы оскорбить меня и унижить, – **продолжала** она, возвышая голос, и лицо ее покраснело, и глаза вспыхнули ненавистью, – но воздержитесь, не делайте этого, Павел Андреич!» (Жена).

Помимо этого, в прозе А. П. Чехова представлены также глаголы речевого общения (возражать, обращаться, острить, отвечать, отзываться, переспрашивать, поздравлять, приглашать, просить, соглашаться, шутить и др.) с общей семантикой «разговаривать друг с другом о чем-либо, обмениваясь своими мнениями, суждениями, обсуждая общие проблемы или осуждая кого, что-либо» [5, с. 367]. «Вы очень кстати пожаловали, – **обратился** он опять к гостю, – моя благоверная написала большинский роман и сегодня будет читать его вслух» (Ионыч). «Какие все подлецы! – **острит** военный. – Так и норовят столкнуться с тобой или под лошадь попасть. Это они сговорились» (Тоска). Пришибеев, сморщенный унтер с колючим лицом, делает руки по швам и **отвечает** хриплым, придушенным голосом, отчеканивая каждое слово, точно командуя: «Ваше высочородие, господин мировой судья!» (Унтер Пришибеев). На улице взад и вперед бегали овцы и блеяли; бабы кричали на пастуха, а он играл на свирели, хлопал бичом или **отвечал** им тяжелым, сиплым басом (Бабы). «Нет, к тебе! – **отвечала** она, бледная, тоже с ненавистью и со злобой. – Это не мои, а твои родственники!» (Дачники). Он подошел к Лаптеву и **поздравил** его почтительно, вполголоса: «Честь имею-с...» (Три года). «Так дай же мне сто рублей», – робко **попросил** Самойленко (Дуэль). «Да, да, вы правы, – живо **согласился** он. – Я, кажется, говорю вздор» (Рассказ неизвестного человека).

В качестве языковых репрезентантов маркера речевого действия также выступают глаголы речевого воздействия (божиться, взмолиться, грозить, допрашивать, зазывать, наброситься, нападать, обрывать, орать, приказывать, упрекать, хвалить и др.) с типовой семантикой «произносить что-либо каким-либо образом, выражая различные эмоции и тем самым воздействуя на собеседника, приводя его в определенное эмоциональное состояние, а также побуждая его к чему-либо, к совершению какого-либо действия» [5, с. 374]. «Пошли, Алеша!» – **взмолилась** генеральша (Лошадиная фамилия). «Я еще доберусь до тебя!» – **грозит** ему Очумелов и, запахиваясь в шинель, продолжает свой путь по базарной площади (Хамелеон). «Где ты его взял?» – **допрашивал** чей-то бас (Ночь на кладбище). «Уходите, сделайте милость, и не беспокойтесь. Лежи, дьявол!» – **набросился** Федор на комика (Средство от запоя). «Брраво! – **орет** медик. – Бла-а-родно! Браво!» (Скучная история). «По-

дай укус!» – **приказывал** он (Дуэль). Отец иерей после литургии **упрекает**: «Косноязычен ты, Ефим, и гугнив стал» (Хирургия). «Хорошая барышня», – **похвалил** дедушка (Красавицы).

В меньшей степени представлена группа глаголов обращения (величать, дразнить, звать, здороваться, называть, окликать и др.) со значением «обращаться со словами, устной речью к кому-либо, называть кого, что-либо какими-либо именами» [5, с. 372]. «Дедушка-а! – **дразнил** всё тот же голос за воротами. – Дедушка-а!» (В овраге). Его голове и бороде далеко еще было до седых волос, но он уж как-то невольно, сам того не замечая, снисходительно **величал** молодых людей «душа моя» и чувствовал себя как бы вправе добродушно журить их за образ мыслей (Огни). «Мамаша!» – **звал** он вполголоса (Моя жизнь). В городе, несмотря на резкость его суждений и нервность, его любили и за глаза ласково **называли** Ваней (Палата №6). «Кто идет?» – **окликнули** его у ворот грубым голосом (Случай из практики). «Василий Никитич!» – **окликнула** она не сразу, глухим голосом, как будто не веря своим глазам (Бабье царство).

Из неречевых глаголов в качестве маркера речевого действия чаще используются глаголы начала или окончания события, действия (начинать, кончить, прервать, заключить и др.) Беликов **посидел** молча минут десять и **начал**: «Я к вам пришел, чтоб облегчить душу» (Человек в футляре). «Какая хорошая!» – **начал** он немного погодя слабым голосом, точно больной (Бабье царство). «Тэк-с... – **процедил** сквозь зубы студент, когда инженер **кончил**. – Такие-то дела на этом свете!» (Огни). «Ты посиди здесь, – **кончил** он, – а я пойду и заочно решу» (Интеллигентное бревно). Машенька слушает со вниманием, но вдруг, по странной непоследовательности идей, находит нужным **прервать** меня: «Nicolas, поцелуй меня!» (Из записок вспыльчивого человека). «Завтра мы пойдем вместе и ты извинишься перед управляющим и пообещаешь ему служить добросовестно», – **заключил** он (Моя жизнь).

Кроме того, маркер речевого действия может быть репрезентирован сочетанием существительного звучания (голос, вопль, рев, крик, визг, вой и др.) с глаголом. Мольбы скоро сменились визгом, а за визгом **последовал** душу раздирающий **рев**: «Дяденька, я не буду!» (О драме). «Но не виноват же я, Соня! – **вырвался** у меня **вопл**. – Как, право, глупо с твоей стороны!» (Оба лучше). Но не успели выпить и по чашке, как со двора **донесся** громкий, протяжный пьяный **крик**: «Ма-арья!» (Мужики). И как бы в ответ на мои мысли на дворе **раздался** отчаянный **крик**: «Ка-ра-ул!» (Моя жизнь). Едва он вошел туда, как **послышался крик**: «Как ты подаешь, порослячья морда?» (Убийство). «Господин защитник!» – **раз-**

дается резкий оклик (Сонная одурь). «Я, братец ты мой, еще лучшие случай знаю», – *донесся хриплый бас* из соседнего номера (В номерах).

В ряде случаев маркер речевого действия сопровождается конкретизаторами тембра, тона и (или) темпа речи. В качестве конкретизатора тембра, как правило выступают наречия состояния (*угрюмо, настойчиво, невозмутимо, сердито, сурово, дерзко, конфузливо, почтительно, холодно, сухо, строго*) или существительные со значением состояния в Творительном или Предложном падеже (*в ужасе, в раздумье, в сильном волнении, в сильном смущении, в исступлении, с раздражением, с увлечением, с ужасом, с тоской, с досадой, с остервенением, с ненавистью и со злобой*).

Конкретизатор тона репрезентируют сравнительная степень наречий (*тоном ниже, выше*), деепричастные обороты (*понижая голос, возвышая голос, возвысив голос*) либо существительные звучания в Творительном падеже в сочетании с определением (*ласковым, дрожащим от волнения голосом; тонким, обрывающимся от негодования голосом; умоляющим голосом; заискивающим голосом; хриплым придушенным голосом; глухим голосом; тоном сердечного участия* и т. п.).

Языковыми репрезентантами конкретизатора темпа речи выступают определительные наречия (*быстро, торопливо, живо, медленно, вяло, слабо, отрывисто*), деепричастия (*заикаясь, захлебываясь, растягивая каждое слово, отчеканивая каждое слово*), или существительные с темпоральной семантикой (*скачками, скороговоркой*).

Таким образом, наблюдение за невербальной организацией речевого общения персонажей художественной прозы является неотъемлемой частью познания их внутреннего мира во всей сложности и полноте. В художественном тексте представлены различные коммуникативные средства неязыковой природы, в том числе фонационные невербальные компоненты. Анализ фонационных невербальных средств как упорядоченной, целостной структуры позволил выявить организующие ее элементы: маркер речевого действия, а также конкретизаторы тембра, тона и темпа речи. Исследование языковой репрезентации этих структурных компонентов на материале прозаических текстов А. П. Чехова нацелено на декодирование множества смыслов, извлеченных из контекста невербального взаимодействия персонажей.

Библиографические ссылки

1. Бахаева Л. М. Особенности невербального общения как способы выражения неречевой коммуникации в художественном тексте // Мир науки, культуры, образования. 2021. № 2. С. 586–588.

2. Ишмуратова С. Р. Функционально-коммуникативный анализ художественного текста: речевое поведение персонажей [Электронный ресурс] // Современ. про-

блемы науки и образования. 2015. № 1–2. URL: <http://www.science-education.ru/125-20197> (дата обращения: 20.03.24).

3. *Крейдлин Г. Е.* Невербальная семиотика: Язык тела и естественный язык. М. : Новое литературное обозрение, 2002.

4. *Музычук Т. Л.* Структурно-семантическая организация и языковые средства выражения невербальной речи персонажа в эмоциональном диалоге художественной прозы: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Рос. ун-т дружбы народов (РУДН). М., 2004.

5. Толковый словарь русских глаголов: Идеографическое описание. Английские эквиваленты. Синонимы. Антонимы / Под ред. проф. Л. Г. Бабенко. М. : АСТ-ПРЕСС, 1999.

РЕЧЕВОЙ ПОРТРЕТ ТОКСИЧНОЙ ЛИЧНОСТИ (НА МАТЕРИАЛЕ ДРАМЫ «WHIPLASH»)

Э. Р. Байбикова¹⁾, Т. А. Клепикова²⁾

¹⁾ Лаборатория многофакторного гуманитарного анализа и когнитивной филологии, КазНЦ РАН, ул. Лобачевского, 2/31, 420111, г. Казань, Россия, elvinka.98@mail.ru

²⁾ Санкт-Петербургский государственный экономический университет, наб. канала Грибоедова, д. 30-32, литер А, 191023, г. Санкт-Петербург, Россия, tklepikova@gmail.com

Статья посвящена анализу речевого портрета личности, репрезентирующей неэкологичную коммуникацию. В качестве объекта выбран герой фильма «Whiplash» Теренс Флетчер. Авторы выявляют языковые/речевые признаки токсичности, характерные для данной личности.

Ключевые слова: речевой портрет; лингвотоксичность; неэкологичная коммуникация; кинодискурс.

SPEECH PORTRAIT OF A TOXIC PERSONALITY (BASED ON THE DRAMA “WHIPLASH”)

E.R. Baibikova¹⁾, T.A. Klepikova²⁾

¹⁾ Laboratory of the multiple-factor humanitarian analysis and cognitive philology, Federal research center «Kazan Scientific Center of the Russian Academy of Sciences», Lobachevskogo St., 2/31, 420111, Kazan, Russia, elvinka.98@mail.ru

²⁾ Saint-Petersburg State University of Economics, Griboedov Canal Embankment, 30-32, liter A, 191023, St. Petersburg, Russia, tklepikova@gmail.com

The article is aimed to analyse the speech portrait of a personality representing non-ecological communication. The object is the hero of the film “Whiplash” Terence Fletcher. The paper considers linguistic features specific of a toxic personality’s communication mode.

Keywords: speech portrait; linguotoxicity; non-ecological communication; film discourse.

В настоящей статье представлена попытка создания речевого портрета, характеризующего токсичную личность. В качестве рабочего определения термина «речевой портрет» мы используем данную Г. Г. Матвеевой характеристику речевого портрета как набора речевых предпочтений говорящего в конкретных обстоятельствах для актуализации определенных намерений и стратегий воздействия на слушающего

[1]. Соответственно, речевое «портретирование» личности заключается в выявлении набора языковых/речевых единиц, характерных для избранной коммуникативной личности. В качестве объекта исследования был выбран один из героев фильма «Одержимость» («Whiplash») Теренс Флетчер – сверхтребовательный маэстро, руководитель оркестра, в котором играют студенты. Квалификация избранного объекта анализа (портретирования) как аргумент токсичной личности основывается на особенностях поведения, манеры общения данного, которые подпадают под известные негативные конфликтогенные социальные поведенческие модели, направленные на причинение морального вреда партнеру по коммуникации – такие, как агрессия, газлайтинг, харассмент. Подобные модели поведения непосредственно связаны с речью, поскольку агрессия, газлайтинг, буллинг/травля и под. имеют прежде всего речевой/языковой формат выражения.

Речевая агрессия Флетчера является одним из отличительных аспектов его характера. Он убежден, что «нет слова вреднее и опаснее, чем *молодец*» и «настоящий Чарли Паркер никогда не сломается». Чтобы заставить учеников работать усерднее и достичь своих пределов, он постоянно критикует и унижает их, используя различную лексику, в том числе ненормативную.

Для речи героя характерна вульгаризация с помощью номинаций «телесного низа» и ассоциативно связанных с ним понятий (используются обцензизмы, вульгаризмы).

Герой также употребляет в речи лексические единицы *faggot*, *gay*, репрезентирующие ненавистнические высказывания по отношению к группе людей по признаку их сексуальной ориентации:

... as long as it takes until one of you faggots can play in time.
And here comes Mr. Gay Pride of the Upper West Side himself.
Наблюдается использование эвфемизма *damn/ goddamn*:
Play the goddamn music.
In four, damn it.

Флетчер часто использует обращения, инвективы, перенося характеристики животных/лиц/персонажей на адресатов, например, хорёк, Элмер Фадд, девочки и под.

Tell me it's not you, Elmer Fudd.
All right, let's get to work, ladies.

Отдельно отметим завуалированные под неоскорбление высказывания, представленные в форме вопросительного предложения, создающие, тем самым, ликоущемляющие акты:

What, are you Sanjay Gupta?

Отличительной чертой является употребление сравнений, при этом апелляция к предметам/лицам сравнения носит токсичный характер:

... flatter-than-their-girlfriends...

You know, you actually do look quite a bit like a leprechaun.

Герой нередко использует разговорную пейоративную, в некоторых случаях оскорбительную лексику:

I didn't know they allowed retards into Shaffer!

He's dumb but he's not stupid.

Также можно встретить литературную лексику с пейоративной коннотацией, создающую токсичность высказываний:

You are a worthless, friendless, faggot-lipped piece of shit...

Get off!

Особый интерес представляет группа высказываний, в которой токсичность выявляется не сразу (имплицитная токсичность). Токсичность скрывается благодаря использованию коммуникантом двусмысленных слов, иронии, сарказма, метафоры, риторического вопроса и под., а также обнаруживается при помощи контекста речевой ситуации [2]:

This is not a Bette Midler concert. We will not be serving baked Alaska.

What are you looking for? There's no gold down there.

Maybe it's time...to finally bring this home. What do you say?

Well, glad you could fit us into your busy schedule, darling.

Представляется, что создание реестра (репертуара) синтаксических, морфологических, просодических способов реализации имплицитной токсичности в качестве своего рода конструктора лингвотоксинов не только повысит эффективность выявления неэкологичного, агрессивного речевого поведения, но и позволит оптимизировать существующие программы обучающего характера, направленные на формирование навыков кооперативной коммуникации, исключая абьюзивные тактики, конфликтные коммуникативные модели, любые виды эмоциональной, психологической, социальной манипуляции.

Библиографические ссылки

1. Матвеева Г. Г. Скрытые грамматические значения и идентификация социального лица («портрета») говорящего : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. СПб., 1993. 28 с.

2. Waseem Z. et al. Understanding abuse: A typology of abusive language detection sub-tasks // Proceedings of the First Workshop on Abusive Language Online. 2017. P. 78–84.

УДК 81'27

КОМБИНИРОВАННЫЕ МОДЕЛИ САМОПРЕЗЕНТАЦИИ В МЕТАКОММУНИКАТИВНЫХ РЕЧЕВЫХ ДЕЙСТВИЯХ

Т. В. Бобко

*Белорусский государственный университет,
ул. К. Маркса, 31, 220030, г. Минск, Беларусь, bobkotv@bsu.by*

В статье рассматриваются тактики самопрезентации русско- и белорусскоязычных говорящих, которые одновременно с представлением образа говорящего формируют ожидаемый образ адресата. Исследование выполнено на материале спонтанных метакommunikативных комментариев, возникающих в ходе обсуждения повседневных проблем на белорусских интернет-форумах. Выделяются комбинированные модели самопрезентации, используемые русско- и белорусскоязычными говорящими, определяются их сходства и различия.

Ключевые слова: метакommunikация; самопрезентация; интернет-дискурс; тактико-стратегическая организация дискурса.

COMBINED MODELS OF SELF-PRESENTATION IN METACOMMUNICATIVE SPEECH ACTS

T. V. Bobko

*Belarusian State University,
31 Karl Marks St., 220030, Minsk, Belarus, bobkotv@bsu.by*

The article examines the self-presentation tactics of Russian- and Belarusian-speaking speakers, which, simultaneously with the presentation of the speaker's image, form the expected image of the addressee. The study was carried out on the material of spontaneous metacommunicative comments that arise during the discussion of everyday problems on Belarusian Internet forums. The combined models of self-presentation used by Russian- and Belarusian-speaking speakers are highlighted, their similarities and differences are determined.

Keywords: metacommunication; self-presentation; Internet discourse; tactical and strategic organization of discourse.

Самопрезентация рассматривается в лингвистических и смежных исследованиях как фундаментальная характеристика социального, в том числе вербального поведения [1]: в любом общении говорящий проявляет и предъявляет окружающим свои личностные и коммуникативные качества, при этом самопрезентация может иметь как целенаправленный, так и неосознанный характер. В то же одним из

значимых параметров коммуникации является учет «фактора адресата»: представление об образе адресата является необходимым условием не только для воздействия на известного или гипотетического собеседника [2, с. 171–173], но и для успешной реализации любого речевого жанра [3].

В метакоммуникативном сопровождении диалога самопрезентация говорящего строится на основе его коммуникативных компетенций. Выстраивая нужное представление о собственной виртуальной личности, говорящий опирается на опыт и стереотипы речевого взаимодействия, знания о правилах ведения диалога, а кроме того – на свои личностные и профессиональные характеристики. В процессе речевого взаимодействия в интернет-пространстве говорящий выстраивает и гипотетический образ адресата (индивидуальный или коллективный). В метакоммуникативных речевых действиях предполагаемый адресат прежде всего наделяется определенными коммуникативными навыками, а также может получать интерпретацию личностных или профессиональных качеств.

Целью статьи является выделение сложных метакоммуникативных речевых действий, в которых говорящий одновременно осуществляет самопрезентацию и строит образ адресата. Сложные модели самопрезентации, в которых представлены фигуры и говорящего, и адресата, рассматриваются на материале спонтанных метакоммуникативных комментариев, которые возникают в процессе повседневного обсуждения бытовых или социальных вопросов на русско- и белорусскоязычных форумах в белорусском интернет-пространстве. В таких метакомментариях говорящий и сообщает информацию о себе, и выражает свои ожидания, предположения или опасения относительно адресата. При этом он эксплицитно или имплицитно сравнивает себя и адресата с точки зрения коммуникативных компетенций, оценивая собственные навыки ведения разговора выше или ниже, чем навыки собеседника.

Были выделены сложные модели самопрезентации, содержащие следующие комбинации образа говорящего и образа адресата.

1. Компетентный адресат – некомпетентный говорящий. Такая модель используется в ситуациях, когда говорящий подчеркивает, что уровень знаний по обсуждаемой теме у собеседника/собеседников более высокий (в примерах сохраняются орфография и пунктуация авторов):

– *Спасибо что пояснили я еще не совсем разобралась кто за какую концепцию развития ратует))))*

– *Увесь час блытаю гэтыя два паняцці. Хто б яшчэ раз для туга-дума паясніў на пальцах, а?)...*

2. Некомпетентный адресат – компетентный говорящий. Наоборот, автор комментария сообщает, что собеседник не разбирается или плохо разбирается в обсуждаемом вопросе:

– Сходите щегольнуть своими познаниями, полученными из сомнительных источников в другое место.

– *Вы толькі апошнюю старонку чыталі? Не? Дык вось, адмыслова для Вас. Распавяду, як я гэта разумею. А мяне потым, тыя, хто больш і майго і Вашага ведаюць, выправяць.*

3. Коммуникативно грамотный адресат – коммуникативно неумелый говорящий. Используя эту модель, автор комментария сообщает, что считает свои навыки ведения разговора худшими, чем у собеседника (при этом автор может приводить причины недостаточной коммуникативной компетентности):

– *Вы молодец, что написали. У меня слова так не подбирались как у вас складно.*

– *Дзякуй, што аформілі мае думкі ў словы. Надта ж спаць хочацца, нічога сфармуляваць не магу*

4. Коммуникативно неумелый адресат – коммуникативно грамотный говорящий. Автор комментария представляет себя высокофункциональной коммуникативной личностью, поскольку может увидеть коммуникативные недостатки собеседника, интерпретировать его поведение или завершить разговор, не вступая в конфликт:

– *Как-то Вы резко уж очень. я Вас так уважаю за смелость и независимость суждений, но вот если бы Вам чуть-чуть «к людям относиться мягШе»... Как мне хочется мира во всем мире!*

– *Прабач, ты ўвесь час падмяняеш паняцці, я не бачу сэнсу працягваць*

5. Непонимающий, неэмпатичный адресат – понимающий, эмпатичный говорящий. В таких метакомментариях сравнивается способность понять содержание сообщения или эмоциональное состояние собеседника. При этом автор комментария берется исправить коммуникативную неудачу, связанную с непониманием содержания сообщения или его эмоционально-прагматического компонента:

– *Да откуда мне это слово припели... я вообще не говорила «переход».. я говорила «вся из себя»... описание этого термина тоже дала.. могу повторить... а тут черт знает что уже добавили.*

– *Ты дарма крыўдзішся. Я нічога кепскага на ўвазе не маю. Наадварот.*

6. И говорящий, и адресат представлены как непонимающие, неэмпатичные. Автор комментария делает акцент на том, что коммуникативная неудача произошла из-за недостатка навыков общения у обоих собеседников:

– *Давай оставим эту тему совсем. Отвечая на твои вопросы, я как в силках запутываюсь. Мне их ставят, я отвечаю – а выходит, что свое*

проповедую, как единственную истину для всех. Пытаюсь сказать, что это не так, что я не отказываю никому ни в каком праве на самоопределение, а в ответ слышу – «Нет, отказываешь, ты что, сама за собой этого не видишь?» Кошмар какой-то просто. Все.

– Адчуванне, што ты пра сваё нешта прачытала. Але гэта мне так падаецца. Мажліва, мае «гісторыі» таксама збоку адно маімі фантазіямі выглядаюць

В целом комбинированные модели самопрезентации чаще встречаются в русскоязычной метакоммуникации, чем в белорусскоязычной. Чаще всего говорящие на обоих языках представляют адресата более компетентным в обсуждаемой теме (модель 1), но менее коммуникативно грамотным (модель 4). Реже всего встречаются утверждения о том, что говорящий имеет больше знаний по обсуждаемому вопросу, чем адресат (модель 2) и что оба участника коммуникации недостаточно хорошо понимают друг друга (модель 6).

Библиографические ссылки

1. *Пикулёва О. А.* Теоретические подходы к пониманию самопрезентации личности через призму осознанности-неосознанности процесса // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2013. Т. 10. № 4. С. 158–172.
2. *Стернин И. А.* Фактор адресата в речевом воздействии // Вестник ВГУ. Сер. Филология. Журналистика. 2004. №1. С. 171–178.
3. *Шмелева Т. В.* Модель речевого жанра // Жанры речи. Саратов, 1997. С. 88–98.

УДК 808.26 – 541.2

ПРАГМАТЫЧНАЯ ЗНАЧНАСЦЬ АНТРАПОНІМАЎ У ЗБОРНІКУ МІКАЛАЯ СЯНКЕВІЧА «НЕЗВАРОТНЫ ШЛЯХ»

С. Ф. Бут-Гусаім

*Брэсцкі дзяржаўны ўніверсітэт імя А. С. Пушкіна,
ул. Міцкевіча, 28, 224000, г. Брэст, Беларусь, svfbg@tut.by*

У артыкуле разглядаецца прагматычная зона семантыкі паэтонімаў зборніка антрапанімічнай прасторы прозы пісьменніка з улікам гістарычных традыцый беларускага іменаслову. У працы ўпершыню ажыццёўлена комплекснае лінгвапрагматычнае і онамапаэтычнае апісанне іменаслову прозы М. Сянкевіча. Апісаны формы асабовых уласных імёнаў – выразнікаў канатацый эмацыйнасці, экспрэсіўнасці, ацэначнасці і нацыянальна-культурнай спецыфікі. Разгледжана канатацыя сацыяльнасці патронімаў, а таксама вобразна-выяўленчыя асаблівасці прозвішчаў і мянушак.

Ключавыя словы: паэтонім; онім; антрапонім; асабовае імя; прозвішча; мянушка.

THE PRAGMATIC SIGNIFICANCE OF ANTHROPONYMS IN THE COLLECTION OF NIKOLAI SENKEVICH «THE IRREVOCABLE PATH»

S. F. But-Gusaim

*Brest State A. S. Pushkin University,
28 Mitskevich St., 224000, Brest, Belarus, svfbg@tut.by*

The article examines the pragmatic zone of the semantics of the poetonyms of the collection of Brest writer Nikolai Senkevich «the irrevocable path». The purpose of the work is to systematize the structure of the anthroponymic space of the writer's prose, taking into account the historical traditions of the Belarusian name scholar. For the first time, a comprehensive linguopragmatic and onomopoietic description of M. Senkevich's literary prose was carried out in the work. The forms of personal proper names are described as expressions of the connotation of emotionality, expressivity, evaluativeness and national-cultural specificity. The connotation of the sociality of patronyms is considered, as well as the figurative and pictorial features of surnames and nicknames.

Keywords: poetonym (poetic name); onym; anthroponym; personal name; surname; nickname; placename.

Зборнік берасцейскага пісьменніка Міколы Сянкевіча «Незваротны шлях» – гэта ўспамін пра малую радзіму, якой няма на карце, але яна жыве ў памяці, гэта апавед пра родных людзей, гэта роздум на вечныя

тэмы бацькоў і дзяцей, вучняў і настаўнікаў, гэта разважанне пра галоўныя жыццёвыя каштоўнасці. Прафесар З. П. Мельнікава адзначае: «Творы Міколы Сянкевіча – гэта сустрэча з цікавымі героямі, глыбокімі і мудрымі людскімі характарамі. Аўтар расказвае нам пра наша жыццё, углядаецца, услухоўваецца ў яго. За кожнай старонкай паўстаюць людскія лёсы, звычкі, уклад жыцця, наша народная мараль і этыка з заканамернасцямі і парадоксамі праяў беларускага нацыянальнага характару» [1, с. 6]. Ствараючы запамінальныя партрэты сучаснікаў – старых і маладых, спагадлівых і чэрствых, разумных і някемлівых, тых, каго шануюць людзі, і тых, кім пагарджаюць, – Мікола Сянкевіч умела выкарыстоўвае сэнсавую нагрузку і прагматычны зарад уласных асабовых імёнаў, прозвішчаў, мянушак.

Антрапонімы – паказчык характару і танальнасці ўзаемаадносінаў паміж людзьмі. Так, называючы каго-небудзь па **імені**, моўца прызнае грамадскую і асобасную каштоўнасць чалавека. Калі ж для наймення і характарыстыкі персанажа ўжываюцца **прозвішча** або **мянушка**, то гэта ў большасці выпадкаў з’яўляецца паказчыкам адчужанага, часта негатыўнага стаўлення да носьбіта характарыстычнага празвання. Цікавымі ў гэтым сэнсе з’яўляюцца назіранні за ўжываннем антрапонімаў у творах М. Сянкевіча.

Паказчык павагі да чалавека – ужыванне для яго называння поўнай формы імені ў спалучэнні з іменем па бацьку. У аповесці «У аперацыйным блоку холадна» толькі такую форму наймення выкарыстоўваюць хворыя, з павагай і цеплынёй называючы доктара **Лявона Міхайлавіча**, які не толькі лечыць іх, але і дае маральную, духоўную падтрымку: «Застаецца адно – нос даверху і наперад, як жартуе **Лявон Міхайлавіч**, наш доктар» [1, с. 91]. Так звяртаюцца студэнты і вучні да шанаванага настаўніка **Сямёна Пятровіча**, героя згаданай аповесці: «Добры дзень, паважаны **Сямён Пятровіч!**» – *пісала былая студэнтка*» [1, с. 39]. Так з павагаю называюць калегі выкладчыцу **Ніну Дзянісаўну**, якая, перажыўшы выпрабаванне смяротнаю хваробаю, захавала аптызм, сілу духу, уменне захапляцца прыгажосцю жыцця і мастацтва: «Многае змяніла ў жыцці **Ніны Дзянісаўны** невылечная хвароба, што напаткала яе ў самым росквіце жаночага веку» [1, с. 92]. Знайшлі адлюстраванне ў творах М. Сянкевіча і прынятыя ў народным асяроддзі формы звароту да сталага чалавека па імені па бацьку – носьбіце канатацый гутарковасці, сацыяльнасці, нацыянальна-культурнай спецыфікі: «Не аднойчы я наведваў **Аляксеевіча** спачатку ў хірургічным аддзяленні абласной бальніцы, пасля – у анкалогіі...» [1, с. 133]; «**Глебаўна** наогул святы чалавек. За пяць гадоў хоць бы раз упікнула за нешта. Я ў яе, калі прыязджаю, – поўнасю за гаспадыню» [1,

с. 91]. Выкарыстоўвае пісьменнік ужывальныя ў вёсцы формы звароту «дзядзька, цётка, дзед, баба + імя» – рэпрэзентанты канатацыі гутарковасці: «*Дзядзька Рыгор і сам столькі часу заспакойваў сябе: нічога не зробіш, не за гарамі восьмы дзясятка*» [1, с. 195]; «*Дзядзька Якаў нярэдка заязджаў вечарам пасля працы да маіх бацькоў, доўга заседжваўся з імі на кухні*» [1, с. 132]; «*Не ведаю, не распытаў у людзей, хто тут больш парупіўся, але перакананы, што без цёткі Лізы не абышлося ніяк*» [1, с. 126]. У аповесці «У аперацыйным блоку холадна...» ў апісаннях жыцця вернікаў ужыты формы называння «айцец + імя», «брат, сястра + імя», што рэпрэзентуюць канатацыю царкоўнасці: «*Часцей за іншых да іх далучалася сястра Анастасія, сярэдніх гадоў жанчына з нейкаю праставатаю ўсмішкай на дробным, як у дзіцяці, твары*» [1, с. 45]; «*Мы ўсе паехалі на юбілей айца Дамаскіна ў Крыпецкі манастыр*» [1, с. 34].

Безліч эмацыйна-экспрэсіўных адценняў (пяшчоту, сяброўскую фамільярнасць, насмешку, іронію, спачуванне) выражаюць формы суб'ектыўнай ацэнкі ўласных асабовых імёнаў – рэпрэзентанты канатацый эмацыйнасці, экспрэсіўнасці, ацэначнасці: «*Два гады мы чакалі свайго Юрку, які аказаўся да немагчымасці крыклівай дзяўчынкай*» [1, с. 69]; «*З радзільнага дома Сямён нёс немаўля да машыны, а іх Ілонка, іх “выліты тата”, паварушылася на руках*» [1, с. 69]; «*Праз чатыры гады нарадзіўся Віталька*» [1, с. 69]; «*Сёмачка, – Тацяна ўпала перад мужам на калені, – Давай з табою павянчаемся*» [1, с. 73]; «*Сямён, усхваляваны, пяшчотна прашаптаў: “Танечка, ты прыехала назаўсёды, праўда?”*» [1, с. 75]; «*Добра памятаю, як любіў былы аднакласнік расказваць пра сваю Анюту*» [1, с. 163]. Адценне насмешкі мае памяншальна-ласкавая форма імені *Генік*, якой называюць героя апавядання «Нара»: «*Гэта быў малады, сярэдняга росту мужчына з доўгімі, як у музыканта, пафарбаванымі ў нейкі ржавы колер валасамі, надзвычай худы, вузкагруды. Сутулаваты, з наколкамі на пальцах і перадплеччы*» [1, с. 147]. *Генік* – гультаяваты, хітры чалавек, які крадзе дэталі на заводзе, дзе працуе, і робіць з крадзенага люстры, кальчугі і нават зброю. Б'е жонку, а потым, атрымаўшы новае жыллё, увогуле «мяняе» яе на маладую. Збываючы зброю, *Генік* трапляе ў турму, а потым гіне, «выпрабоўваючы» кальчугу, зробленую сваімі рукамі. Нікчэмнасць *Геніка* падкрэсліваецца тым, што дарослага чалавека называюць памяншальнай формай імені.

Гісторыю сям'і, адносінаў мужа і жонкі расказвае пісьменнік у аповесці «У аперацыйным блоку холадна». Холаднасць жонкі, якая паступова ператвараецца ў чужога чалавека, і імкненне мужа захаваць сям'ю перадаецца праз ужыванне формаў звароту, якія тонка перадаюць

танальнасць адносінаў Таццяны і Сямёна: «З “мілага”, “**Сёмачкі**” Сямён паступова ператварыўся ў **Каваля**. **Таццянка** ўсё часцей называла яго па прозвішчы, тым самым нібы падкрэсліваючы: я – гэта адно, а ты – зусім чужы чалавек, з якім, такая доля, прыходзіцца пакутаваць. Сямён махнуў рукой: **Каваль** дык **Каваль**. Мо калі і ганарыцца будзеш, дурніца, што і ў тваім пашпарце гэтае прозвішча запісана. Жонка ж на-ранейшаму была для яго “**Таццянкай**”, і ў гэтым слове чулася і прымірэнчая нотка, і нейкае шкадаванне, і надзея на лепшае. Не было нянавісці, але не было і пяшчоты» [1, с. 11].

Што да мянушак, то найчасцей ацэначна-характарыстычныя найменні герояў твораў М. Сянкевіча адмоўна акрэсліваюць рысы характару, маральныя ўласцівасці персанажаў. Не толькі знешнасць мужчыны, але і яго агрэсіўны характар акрэслівае мянушка персанажа **Эфіон**: «Характарам грубаваты і самаўпэўнены. За вочы на ўчастку яго клікалі **Эфіонам** і добра-такі паюойваліся, нават старэйшыя, што ўжо казаць пра “лётчыкаў”» [1, с. 41]. Паказчыкам іранічна-насмешлівага стаўлення да гераіні апавядання «Хто чый...» з’яўляецца тое, што суседзі найчасцей называюць яе па мянушцы сабачкі, якому фактычна падпарадкавана жыццё жанчыны: «Цёця Ніна па некалькі разоў гуляе з **Тошыкам** у двары, пераносіць яго праз лужы, дакарае, калі той не слухаецца. А яшчэ яна злуецца на дзяцей, як толькі хто-небудзь з іх намерыцца зачэпіць сабаку. Цёця Ніна кажа, што **Тошык** стары і яму патрэбен спакой. Наша суседка не проста цёця Ніна, а цёця **Ніна Тошыкава**» [1, с. 181]. Маленькі сусед слухна заўважае: «У мяне жыве сабака **Тузік**. Мне вельмі падабаецца яго смешнае імя. А вось не хочацца чамусьці, каб нехта называў мяне **Мішам Тузікавым** Можа, я нешта не разумею? А вы як лічыце?» [1, с. 181]. У апісанні жыцця студэнтаў выкарыстоўваюцца распаўсюджаныя ў моладзевым асяроддзі адпрозвішчныя мянушкі: «Акрамя мяне, прысуду чакалі яшчэ трое: Мікола **Грышко**, па мянушцы **Грыша**, спартсмен-троечнік, факультэцкі паэт Пецька Віннік, ды яшчэ Васіль Кравец, хлопец, які, па яго ж словах, нічым не вызначаўся, у латарэі не выйграваў, на Канарах не адпачываў» [1, с. 46]. Што да вясковага асяроддзя, то ў ім мянушка – дадатковы сродак ідэнтыфікацыі чалавека, часам, больш дакладны, чым імя і прозвішча. У так званых **генесіянімічных мянушках** (яны здаўна жылі ў беларускіх вёсках) – інфармацыя пра гісторыю сям’і, роду, пра продкаў чалавека. Герой апавядання «Жанчыны», успамінаючы мінуўшчыну, заўважае: «А яшчэ гадоў з дзесяць назад дзед у возе, хутчэй за ўсё, не вытрымаў бы, прыпыніў каня: “А чыіх жа ты будзеш, сынку? Ніяк не прыгадаю”. Я назваўся б па вясковай мянушцы, пачуў бы добрае слова пра дзеда ці бацьку. Мы пажадалі б адзін другому заставацца здаровымі» [1, с. 138]. Мянушкі маглі ўтрымліваць станоўчую ацэнку асобы. Так, вясковую старасту, дбайную гаспадыню, на якой трымалася сям’я і, напэўна, уся

вёска, прызываюць *Ахмістрыня*. І жанчына не крыўдуе, а нават ганарыцца мянушкай: *«Ведаеце, як мяне на сяле клічуць. Ахмістрыня. Так за Польшаю называлі гаспадыню, якая вяла гаспадарку ў багатых дамах. Расказвалі старыя людзі, абы-каго не бралі. Трэба і распарадзіцца, і на людзях умець паказацца. Не крыўджуся на Ахмістрыню. Даў Бог мне гэта – пераканаць чалавека, ад улады нечага для яго дабіцца... У сельскім савеце мяне набойваюцца нават. Думаю, што я і з міністрам магла б пагаварыць»* [1, с. 136–137]. Выкарыстанне мянушак – сродак апісання не толькі носьбітаў характарыстычных прызванняў, але і спосаб ацэнкі таго, хто ўжывае гэтыя найменні. Так, сродкам характарыстыкі чэрствай, непрафесійнай, жорсткай настаўніцы з’яўляюцца формы звароту да вучняў: *«Якіх толькі мянушак не раздавала настаўніца сваім вучням, асабліва хлопчыкам. І “недапечаныя” былі ў кожным класе, і “недаробленыя”, не кажучы ўжо пра “трутняў”, “боўдзілаў” ды “ёлуняў”. Праўду сказаць, і тыя, хто рыхтаваўся да кожнага ўрока, асаблівай ласкі не мелі»* [1, с. 172].

Паказчыкам сухога, афіцыйнага, адчужанага стаўлення да чалавека з’яўляецца ўжыванне прозвішча. У кантэксце твораў М. Сянкевіча яркім характарыстычным сродкам становяцца гаваркія прозвішчы. Назіральны чалавек, М. Сянкевіч заўважае сугучча паміж сэнсавай нагрузкай прозвішча *Дарын* і характарым асобы: *«Вялікія шэрага колеру вочы заўсёды выпраменьвалі зычлівасць. І само прозвішча – Дарын – надзвычай пасавала да яго манеры гаварыць, да звычкі не крыўдаваць, не затойваць у сабе злосць»* [1, с. 160]. Праўда, жыццёвыя выпрабаванні ператварылі зычлівага, незласцівага хлопца ў панурага чалавека, які не можа ўжыцца з жанчынай, крыўдуе на дачку і зяця і ўвесь час скардзіцца на жыццё: *«Спачуваць не хацелася, а наадварот вырывалася нейкая невытлумачальная злосць і на Міхасёву – у ланцужках і пярсцёнках – дачку, і на самога Міхася. Ужо не Дарына, а, хутчэй, Жаліна ці Бедака, у якога так і не даведаўся за паўтары гадзіны нічога новага пра гэтае жыццё»* [1, с. 175].

Аналізуючы чалавечыя стасункі ў сучасным грамадстве, М. Сянкевіч умела выкарыстоўвае прагматычны патэнцыял антрапонімаў. Яны з’яўляюцца важным сродкам намінацыі, характарыстыкі і ацэнкі літаратурных персанажаў і іх адносінаў. Найважнейшай рысай антрапанімічнай прасторы прозы берасцейскага пісьменніка з’яўляецца адпаведнасць выбраных для ідэнтыфікацыі і характарыстыкі персанажаў імёнаў беларускаму антрапанімікону другой паловы XX – пачатку XXI стагоддзяў.

Бібліяграфічныя спасылкі

1. Сянкевіч М. І. Незваротны шлях. Брэст : Альтернатива, 2012.

УДК 811.161.1'373+811.581'373

ЗНАЧЕНИЯ МЕТАЯЗЫКОВЫХ ЛЕКСЕМ КИТАЙСКОГО И РУССКОГО ЯЗЫКОВ: ПРОБЛЕМЫ СОПОСТАВЛЕНИЯ

Гао Ваньжоу

*Белорусский государственный университет,
ул. К. Маркса, 31, 220030, г. Минск, Беларусь, gagagladyssss@gmail.com*

В статье анализируются и сопоставляются сходства и различия в метаязыковых лексемах русского и китайского языков на основе данных частотных и толковых словарей. В исследовании отмечаются проблемы сопоставления, обусловленные различиями в типологических особенностях русского и китайского языков, а также исследуются количественные и семантические особенности дефиниций метаязыковых лексем. Сопоставительный анализ выявляет сходства и различия в дефинициях значений метаязыковых лексем, отражающие культурные и когнитивные особенности метаязыковых систем двух языков.

Ключевые слова: метаязыковая лексема; частотный словарь; толковый словарь; метаязыковая функция языка; метаязыковая рефлексия; китайский язык.

MEANINGS OF META-LANGUAGE LEXEMES OF CHINESE AND RUSSIAN: PROBLEMS OF COMPARISON

Gao Wanrou

*Belarusian State University,
31 Karl Marks St., 220030, Minsk, Belarus, gagagladyssss@gmail.com*

The article analyses and compares similarities and differences in meta-language lexemes of Russian and Chinese languages based on the data of frequency and explanatory dictionaries. The study points out the problems of comparison caused by the differences in the typological features of Russian and Chinese languages, and also studies the quantitative and semantic features of definitions of meta-language lexemes. The comparative analysis reveals similarities and differences in the definitions of meta-language lexeme meanings, reflecting the cultural and cognitive features of the meta-language systems of the two languages.

Keywords: meta-language lexeme; frequency dictionary; explanatory dictionary; meta-language function of language; meta-language reflection; Chinese language.

Термин *метаязык* в русской лингвистической традиции связывается, в первую очередь, с метаязыковой функцией языка, которую выделял Р. Якобсон [1]. Метаязыковая функция выражается в использовании языка для описания самого себя, включая использование языка для объясне-

ния или разъяснения своей речи. В данном исследовании на основе изучения словарных данных предпринимается попытка проанализировать и сравнить метаязыковые лексемы русского и китайского языков.

Метаязыковые лексемы представляют собой систему средств языка, «с помощью которых говорящий может говорить о самом языке и его элементах» [2, с. 49]. Метаязыковые лексемы играют важную роль в системе любого языка, предоставляя возможность рефлексии над языком и его элементами. Они позволяют говорящим анализировать, описывать и обсуждать языковые и речевые явления, служа средствами для метаязыковой рефлексии в разных ситуациях коммуникации.

В соответствии с целью исследования основной задачей было отобрать для анализа и сопоставления метаязыковые лексемы. Они были отобраны из русского частотного словаря О. Н. Ляшевской, С. А. Шарова [3] и китайского частотного словаря «现代汉语频率词典 苏新华 主编» (Современный китайский частотный словарь) [4]. Из первой тысячи самых частотных слов были отобраны метаязыковые лексемы на основе анализа их словарных дефиниций. Мы отбирали только слова, у которых метаязыковое значение указано в толковом словаре первым. Для описания и анализа всех значений каждой отобранной лексемы, а также для отбора метаязыковых значений использовались толковый русский словарь Кузнецова [5] и китайский толковый словарь «现代汉语词典 苏新华 主编» [6]. Для перевода китайских метаязыковых лексем на русский язык мы использовали Большой китайско-русский словарь [7].

В процессе отбора лексем и сопоставления их частотных характеристик возникли следующие проблемы, связанные с сопоставлением метаязыковых значений отобранных слов в русском и китайском языках.

1. Исключение слов, у которых метаязыковые значения не являются первыми (в толковом словаре). Поскольку частотный словарь фиксирует только леммы, для точного отбора материала мы не включали в корпус отобранных единиц слова с неметаязыковыми первыми значениями, такие как слово *ходить* в русском языке и слова 声 ‘звук’ и 声音 ‘звук’ в китайском.

2. Несовпадение лексем: метаязыковые лексемы и их значения в разных языках не всегда совпадают, что создает трудности при сопоставлении и переводе, например, китайское слово 意思 ‘значение, смысл’ соответствует русским словам *значение* и *смысл*.

3. Частеречные различия слов, которые связаны с типологическими характеристиками русского и китайского языков. Типологические разли-

чия грамматического строя русского и китайского языков затрудняют лексико-грамматическую классификацию метаязыковых слов: в китайском с его сложной частеречной системой одна и та же лексема может являться и существительным, и глаголом. В русском языке это разные лексемы, что затрудняет количественное сопоставление.

4. В русском языке видовые пары глаголов не имеют прямого соответствия в китайском, где такое различие отсутствует, что также усложняет сопоставление. Например: русской видовой паре *отвечать-ответить* в китайском языке соответствует одно слово 回答 ‘отвечать’.

5. Ограничение анализа первыми значениями слов, указанными в толковом словаре. Сложности в сопоставлении возникают из-за несовпадения количества и дефиниций значений метаязыковых лексем в обоих языках.

В статье мы остановимся на проблеме количественного сопоставления значений у метаязыковых лексем, которые мы отобрали для дальнейшего анализа из частотных словарей (22 русских слова и 23 китайских слова).

Мы оформили данные в виде графиков, которые позволяют нам наглядно представить количество значений каждой лексемы. Почти все отобранные слова многозначны: они имеют больше чем одно метаязыковое значение и также имеют неметаязыковые значения.

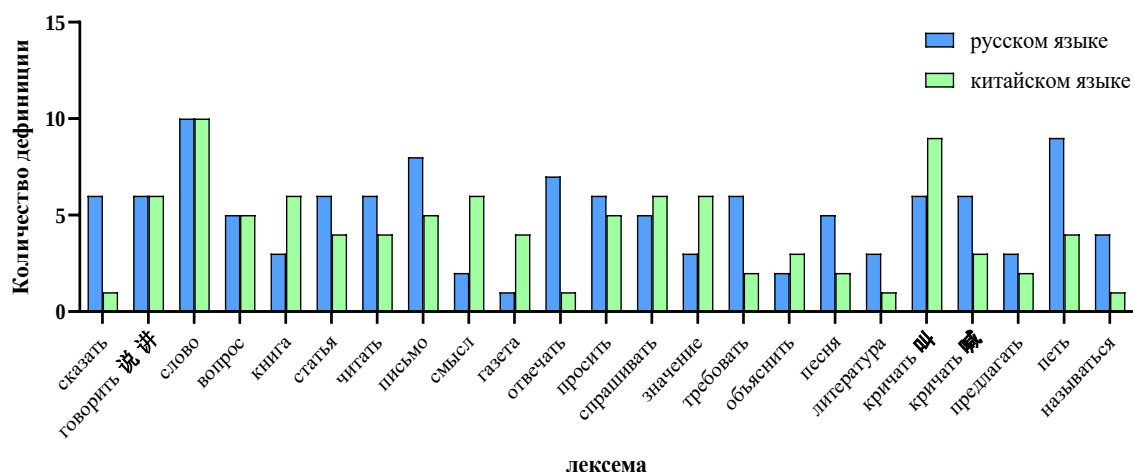

Рис. 1. Общее количество дефиниций для русских и китайских лексем

На графике 1 показано общее количество значений слов. Нами выделены три группы, а именно:

– **количество значений одинаково или различается на одну единицу (7 слов):**

говорить – 说 ‘говорить’ – 讲 ‘говорить, объяснить’;

слово – 字 ‘иероглиф’ (совпадает с русским ‘слово’);

вопрос – 问题 ‘вопрос’;

просить – 请 ‘просить’;

спрашивать – 问 ‘спрашивать’;

объяснить – 说明 ‘объяснить’;

предлагать – 表示 ‘предлагать’;

– **количество значений в китайском словаре больше (4 слова):**

书 ‘книга’; 意思 ‘значение, смысл’; 报 (сущ.) ‘газета’; 叫 ‘кричать’ – кричать;

– **количество значений в русском словаре больше (11 слов):** *сказать; статья; читать; письмо; отвечать; требовать; песня; литература; петь; называться; кричать* (в сравнении с 喊 ‘громко кричать, выкрикивать’).

Были выявлены следующие закономерности: метаязыковых слов с наибольшим количеством значений больше в русском языке, с наименьшим – в китайском. Слова, у которых количество значений примерно одинаково, занимают промежуточное положение.

Сходство семантики метаязыковых лексем заключается в том, что метаязыковые слова с совпадающим количеством значений или различающимся на одну единицу по значению похожи в обоих языках. Это в основном слова, обозначающие речевые действия общего характера (*говорить* – 说 ‘говорить’ – 讲 ‘говорить, объяснить’) и действия, связанные с передачей информации (*объяснять* – 说明 ‘объяснить’, *предлагать* – 表示 ‘предлагать’) и запросом информации (*спрашивать* – 问 ‘спрашивать’, *вопрос* – 问题 ‘вопрос’), а также единицы языка (*слово* – 字 ‘иероглиф’).

Семантические различия заключаются в том, что китайские слова (такие как 书 ‘книга’ и 报 ‘газета’) с более широким набором значений отражают важность материальных объектов письменной культуры и разнообразие форм письменных источников в китайском обществе. В русском языке, напротив, большее количество значений наблюдается у слов, обозначающих письменные тексты и их жанры (*статья, письмо, песня, литература*), процессы устной и письменной речевой деятельности (*сказать, читать*), а также некоторые речевые действия (*требовать, отвечать*) и действия номинации (*называться*). Любопытно, что в русском языке больше значений имеет слово «петь», а в китайском – 叫 ‘кричать’.

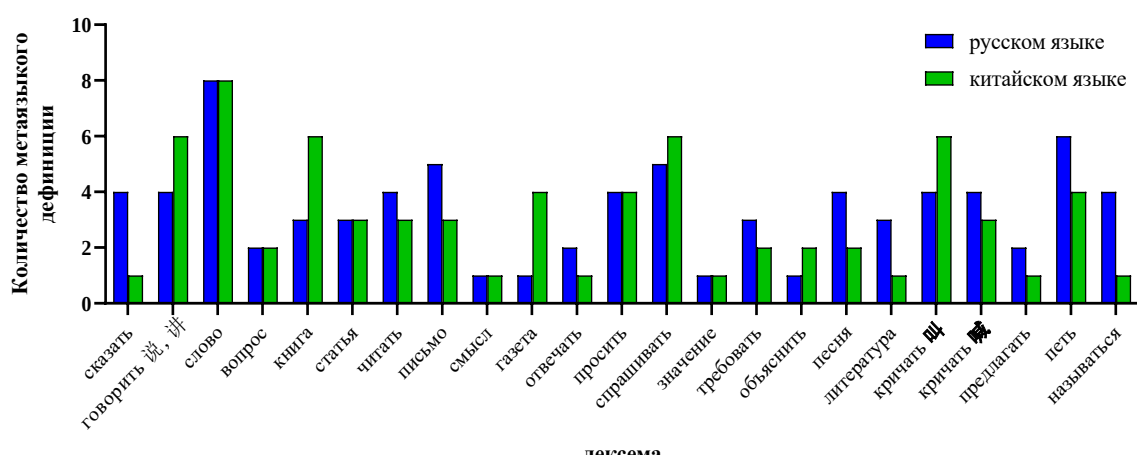

Рис. 2. Количество метаязыковых дефиниций для русских и китайских лексем

На графике 2 показано сравнение количества метаязыковых значений:

– количество метаязыковых значений одинаково или различается на одну единицу (13 слов):

слово – 字 ‘иероглиф’ (совпадает с русским ‘слово’);

вопрос – 问题 ‘вопрос’;

статья – 文章 ‘статья’;

читать – 读 ‘читать’;

смысл – 意思 ‘значение, смысл’;

значение – 意思 ‘значение, смысл’;

отвечать – 回答 ‘отвечать’;

просить – 请 ‘просить’;

спрашивать – 问 ‘спрашивать’;

требовать – 要求 ‘требовать’;

объяснить – 说明 ‘объяснить’;

кричать – 喊 ‘громко кричать, выкрикивать’;

предлагать – 表示 ‘предлагать’;

– количество метаязыковых значений в китайском словаре больше (5 слов): 说 ‘говорить’; 讲 ‘говорить, объяснять’; 书 ‘книга’; 报 (сущ.) ‘газета’; 叫 ‘кричать’;

– количество метаязыковых значений в русском словаре больше (6 слов): *сказать*; *письмо*; *песня*; *литература*; *петь*; *называться*.

В сравнительном анализе метаязыковых значений выбранных слов в

русском и китайском языках мы наблюдаем следующую закономерность: количество метаязыковых значений в основном больше у тех слов, у которых больше общее количество значений. Слов с большим количеством метаязыковых значений примерно одинаковое количество в русском и китайском языках, а у большинства слов из нашей выборки количество метаязыковых значений примерно одинаково.

Сходство семантики метаязыковых слов с примерно одинаковым количеством значений в обоих языках состоит в том, что они обозначают основную единицу языка (*слово* – 字 ‘иероглиф’), семантический аспект коммуникации (*смысл, значение* – 意思 ‘значение, смысл’), а также основные речевые действия. Интересно, что в этот список попадает и слово *статья* (文章) – единственное, обозначающее жанр письменной коммуникации. Кроме того, важно упомянуть, что в списках слов с наибольшим количеством метаязыковых значений и в русском, и в китайском языках присутствует слово, означающее самое универсальное обозначение речевой деятельности 说 ‘говорить’, *сказать*.

Различия в семантике метаязыковых лексем следующие. В китайском языке обнаружено большее количество метаязыковых значений у таких слов, как 说 ‘говорить’, 讲 ‘говорить, объяснять’, 书 ‘книга’, 报 ‘газета’, 叫 ‘кричать’. Это может свидетельствовать о более широком спектре использования этих слов в различных контекстах. В русском языке большее количество метаязыковых значений наблюдается у слов *сказать, письмо, песня, литература, петь, называться*. Эти лексемы отражают разнообразие употребления слов, означающих певческое искусство, литературное творчество и письменную деятельность. Отметим также зафиксированное в словаре внимание к номинативной деятельности.

Таким образом, количественный анализ метаязыковых значений слов в русском и китайском языках позволяет выявить сходные черты и уникальные особенности каждой метаязыковой системы: количественные сходства и различия в значениях слов могут отражать культурные и когнитивные особенности двух метаязыковых систем. Перспективой исследования является установление семиотических, семантических и культурных характеристик каждой количественной группы, которые отражают осмысление языка как средства коммуникации в русском и китайском культурном контексте.

Библиографические ссылки

1. *Якобсон Р. О.* Лингвистика и поэтика // Структурализм: «за» и «против». М., 1975. С. 193–230.
2. *Гутовская М. С.* Метаязык: слова и обороты, с помощью которых люди говорят и пишут о языке и речи // Русский язык и литература. 2004. № 7. С. 48–52.
3. *Ляшевская О. Н., Шаров С. А.* Частотный словарь современного русского языка (на материалах Национального корпуса русского языка). М. : Азбуковник; 2009. 1087, [2] с.: табл.
4. 现代汉语频率词典 [专著] / 北京语言学院语言教学研究所编. 北京 : 北京语言学院出版社, 1986. 1491页.
5. *Кузнецов С. А.* Большой толковый словарь русского языка. СПб. : Норинт, 2003.
6. 现代汉语词典/ 中国社会科学院语言研究所词典编辑室编.—7版. —北京 : 商务印书馆, 2016. 1888页
7. Большой китайско-русский словарь [Электронный ресурс]. URL: <https://bkrs.info> (дата обращения: 30.12.2023).

УДК 81'271.16

ЯЗЫКОВЫЕ ОСОБЕННОСТИ РУССКИХ И КИТАЙСКИХ ФРАЗ, ИСПОЛЬЗУЕМЫХ В СИТУАЦИЯХ ЭТИКЕТНОГО ОБРАМЛЕНИЯ

Гао Фаньтао

*Белорусский государственный университет,
ул. К. Маркса, 31, 220030, г. Минск, Беларусь / Китай, 1243275434@qq.com*

Речевой этикет является важным элементом национальной культуры, в котором закреплена специфика обычаев и речевого поведения того или иного народа.

В статье рассматриваются лингвистические сходства и различия русских и китайских этикетных речевых формул, которые используются в ситуациях обращения, приветствия, знакомства и представления, а также прощания, и приводятся примеры типичных ошибок, которые допускают в этих ситуациях китайские студенты при общении на русском языке.

Ключевые слова: русский язык; китайский язык; речевой этикет; ситуации этикетного обрамления; обращение; приветствие; знакомство и представление; прощание.

LINGUISTIC FEATURES OF RUSSIAN AND CHINESE PHRASES USED IN THE SITUATIONS OF ETIQUETTE FRAMING

Gao Fantao

*Belarusian State University,
31 Karl Marks St., 220030, Minsk, Belarus/China, 1243275434@qq.com*

Speech etiquette is an important element of national culture, which enshrines the specifics of customs and speech behavior of particular people.

The article examines linguistic similarities and differences between Russian and Chinese etiquette speech formulas that are used in the situation of address, greeting, introduction and meeting, as well as farewell. Also the article provides the examples of typical mistakes that Chinese students make in these situations when communicating in Russian.

Keywords: the Russian language; the Chinese language; speech etiquette; situations of etiquette framing; address; greetings; meeting and introduction; farewell.

Речевой этикет – это «регулирующие правила речевого поведения, система национально специфичных стереотипных, устойчивых формул общения, принятых и предписанных обществом для установления контакта собеседников, поддержания и прерывания контакта в избранной тональности» [1, с. 10]. Речевой этикет играет одну из ведущих ролей в

регулировании процесса коммуникации, также речевой этикет – важный элемент любой культуры, в котором закреплён опыт и неповторимость обычаев, образа жизни того или иного народа.

Китай и Россия имеют свои культурные корни и исторические традиции, поэтому этикетные речевые формулы двух стран отличаются. Обучение студентов из Китая правилам речевого поведения проводится на занятиях по русскому языку как иностранному на филологическом факультете БГУ, однако итоговый уровень владения русским речевым этикетом китайских выпускников оставляет желать лучшего. Одной из причин появления ошибок в использовании русских этикетных формул является **языковая интерференция**, т. е. автоматический перенос знаний из родного языка на систему языка изучаемого при наличии частично совпадающих элементов.

В статье «Типология речевого этикета в аспекте преподавания РКИ» профессор Т. Н. Савчук предлагает разделить этикетные ситуации на следующие группы – **ситуации этикетного обрамления** и **ситуации основной части общения**. В первой группе (ситуации этикетного обрамления) выделяются две подгруппы:

- 1) ситуации установления контакта (привлечение внимания, обращение; приветствие; знакомство и представление);
- 2) ситуация завершения контакта (прощание).

Вторая группа (ситуации основной части общения) включает в себя три подгруппы:

- 1) торжественные ситуации (поздравление; пожелание);
- 2) скорбные ситуации (сочувствие и утешение; соболезнование);
- 3) деловые (рабочие) ситуации (просьба; приглашение; предложение; совет; благодарность; извинение; согласие и разрешение; отказ и запрещение; согласие или несогласие с мнением собеседника; комплимент и одобрение) [2, с. 201].

Рассмотрим более подробно сходство и различие формул русского и китайского речевого этикета в таких ситуациях речевого обрамления, как **обращение, приветствие, знакомство и представление, прощание**.

1. Обращение. В Китае в рамках деловых взаимоотношений в обращении почти всегда отражается положение сотрудника в компании, в которой он работает. Распространены следующие формы:

- 1) непосредственно по должности (например, «经理», т. е. «управляющий делами»);
- 2) фамилия + должность (например, «张经理», что означает «Чжан, управляющий делами»);
- 3) фамилия + имя + должность (например, «张坚经理», т. е. «Чжан Цзянь, управляющий делами») [3].

Последний вариант обращения используется достаточно редко, как правило, в официальной речи на соответствующих мероприятиях.

Основные **различия** формул обращения в русском и китайском языке заключаются в следующем:

а) различна структура полного имени: у русских – фамилия, имя и отчество, у китайцев – фамилия и имя;

б) обращение в деловом общении к русскому партнеру желательно по формуле «*имя + отчество*», к китайскому – только «*фамилия + имя*»;

в) обращение по должности в китайском этикете допустимо, а в русском языке такой вариант неприемлем;

г) при общении к китайцам нежелательно использовать его имя в качестве обращения, пока не установились стабильные дружеские либо партнерские отношения.

Приведем примеры ошибочных вариантов обращений, которые были получены в рамках проведенного нами в мае и ноябре 2023 года констатирующего среза; в нем приняли участие 54 обучаемых первой (бакалавриат; 33 студента 3 курса) и второй (магистратура; 21 магистрант первого года обучения) ступени высшего образования:

«Уважаемые **преподаватель Татьяна Владимировна**, я хотел бы пригласить тебя на празднование китайского нового года, которые мы организуем», «**Преподаватель**, у меня вопрос», «Здравствуйте, **преподаватель**», «Добрый день, **преподаватель**» (обращение к преподавателю);

«**Сергей, мой хороший брат**, пожалуйста, помоги мне» (обращение к коллеге (не другу!) по работе с просьбой).

2. Приветствие. В китайском языке, как и в русском, существует множество форм приветствий; во многом этикетные формулы обоих языков схожи, однако в китайском языке чаще используются приветствия «с вопросами или выражением пожеланий», которые «основываются на собственных умозаключениях и суждениях» [4, с. 278]. Например, после приветствия могут следовать такие фразы:

1) о здоровье: «你满面红光, 身体挺棒呀!» – «Ты такой румяный, отличное здоровье!»;

2) о делах: «最近干(忙)什么呢?» – «Чем последнее время занимаешься (занят)?»; «最近可好?» – «Как ты? Все в порядке?»; «最近工作还顺利吧?» – «Ваша работа в последнее время идет хорошо?»;

3) о работе и о здоровье одновременно: «哎呀! 你瘦了工作太辛苦, 是吗?» – «Ах! Ты слишком худой. Приходится много работать?».

В русском языке подобные вопросы, следующие после приветствия, возможны, но в ситуациях общения между родственниками и

близкими знакомыми. В официальных ситуациях, при статусных или возрастных различиях подобные «добавления» являются неуместными, однако китайские обучаемые такие ошибки допускают. Вот примеры:

«Здравствуйте, как вы сегодня?», «Здравствуйте, как ваши здоровье?» (при приветствии преподавателя);

«Здравствуйте, как дела?» (в ситуации приветствия преподавателем студентов).

3. Знакомство и представление. Первым шагом при знакомстве является представление. В то время как по нормам китайского речевого этикета при представлении обычно используют полное имя и фамилию («请允许我来介绍一下, 我的名字叫陈盈» – «Позвольте представиться, меня зовут Чэнь Ин»), в русском языке при представлении, как правило, необходимо имя и отчество (например, «Разрешиите представиться, Андрей Александрович»). Также в обоих языках может быть указана должность человека, чаще всего это происходит при представлении пожилых людей или людей с более высоким социальным статусом («Разрешиите представиться, Андрей Александрович, заведующий кафедрой риторики и методики преподавания»). Точно так же можно представиться и на китайском языке («我的名字叫陈盈, 是外国语大学国际教育的主任» – «Разрешиите представиться, меня зовут Чэнь Ин, директор по международному образованию в университете иностранных языков»).

При частном знакомстве для представления по правилам русского речевого этикета достаточно одного имени («Меня зовут Марина»). В Китае при частном знакомстве представление себя в соответствии с правилами речевого этикета требует использования имени и фамилии («我的名字叫李明» – «Меня зовут Ли Мин»).

Следует отметить, что в некоторых ситуациях и в России/Беларуси, и в Китае знакомство может происходить с помощью посредника или знакомого, в результате чего при первой встрече создается более формальная атмосфера. В китайском языке для этого могут использоваться следующие речевые формулы: «请允许我介绍一下!» – «Разрешиите (с вами) познакомить!» или «我来向您介绍!» – «Позвольте (с вами) познакомить!».

Отметим, что в традициях общения на русском языке гораздо чаще в качестве способа знакомства используется самопредставление, например: «Позвольте/разрешиите представиться ...».

Поскольку этикетные фразы, сопровождающие процедуру знакомства и представления, в русской и китайской речевых культурах схожи, серьезных нарушений речевых норм в употреблении этих речевых формул китайскими обучаемыми нами не выявлено.

Отметим, что России и Беларуси процедуры приветствия и знакомства могут сопровождаться **физическим контактом**. В официальной обстановке или в рамках деловых взаимоотношений эту функцию выполняет рукопожатие, в неофициальной обстановке процедуру приветствия, а иногда и знакомства может сопровождать поцелуй в щеку или объятие.

В Китае физический контакт обычно менее распространен, и рукопожатие особенно при первой встрече не всегда обязательно, его могут заменить такие жесты приветствия, как поклоны или улыбки. В некоторых случаях, особенно при встрече с пожилым человеком, приветствие может сопровождаться следующим жестом: молодой человек кладет руку на грудь или живот.

Также отметим такой общий момент, сопровождающий все ситуации установления контакта, как **использование местоимения «ты» и «вы»** в русском и китайском языке. Определенная разница в их функционировании существует. Этим обстоятельством можно объяснить ошибки при выборе между «ты» и «вы» китайскими обучаемыми в различных ситуациях русского этикетного общения [5, с. 211–212]. Например, многие китайские студенты при обучении в высших учебных заведениях России и Беларуси продолжают обращаться к профессорско-преподавательскому составу на «ты», что шокирует местных работников вузов, которыми такой вариант использования личного местоимения 2-го лица единственного числа воспринимается как фамильярность и проявление неуважения. Также в задании констатирующего среза, предлагающем студентам сделать выбор между ты-формой или вы-формой в ситуации общения начальника со своим подчиненным/подчиненной, 33 респондента из 54 отдали предпочтение форме «ты».

4. Прощание. В китайской речевой культуре чаще всего используется нейтральная формула прощания «До свидания!» («再见»). Также при прощании китайцы могут добавить «Пожалуйста, берегите себя» («请照顾好自己») или «Пожалуйста, идите медленно» («请慢走»), чтобы показать свое внимание к собеседнику и заботу о нем. Отметим, что последняя фраза («慢走!», т. е. «Идите медленно») очень распространена и практически универсальна; ее используют в самых разных ситуациях речевого взаимодействия между коммуникантами, которые могут находиться как в равных, так и неравных отношениях.

Носителями русского языка чаще всего используется нейтральная формула прощания «До свидания!» или более простое выражение «Пока!»; также после прощания может следовать фраза «Берегите себя!»

Находясь в гостях, при прощании китайцы обычно говорят, что у них есть дела, поэтому они уходят: «很晚了, 我还有事» – «*Уже поздно, у меня есть дела*». Также может использоваться следующий вариант: «休息吧, 我要走了» – «*Отдыхай, я ухожу*».

В русскоязычной традиции, когда гость говорит, что ему пора уходить, хозяин в знак гостеприимства неоднократно просит остаться, используя фразы «Нет, что вы, ещё рано!» или «Посидите, ещё рано!». Услышав это, гость должен понять, что это вежливость со стороны хозяина и что на самом деле нужно уходить.

При наличии некоторых национальных специфических особенностей можно говорить о сходстве русских и китайских этикетных формул прощания. Это подтверждают и результаты констатирующего среза: случаев неправильного употребления русских формул прощания не так много, наиболее распространенной ошибкой китайских обучаемых является выбор разговорного варианта «пока» (вместо «до свидания») в ситуациях официального общения.

Библиографические ссылки

1. *Формановская Н. И.* Вы сказали: «Здравствуйте!» (Речевой этикет в нашем общении). М. : Знание, 1982.
2. *Савчук Т. Н.* Типология речевого этикета в аспекте преподавания РКИ // Теория и практика преподавания русского языка как иностранного: достижения, проблемы и перспективы развития: материалы VI Междунар. науч.-метод. конф., 16–17 мая 2013 г., Минск. Минск, 2013. С.199–202.
3. *Сюн Ц.* Речевой этикет в русской и китайской лингвокультурах (на примере обращения и приветствия) // *Litera*. 2021. № 5. С. 47–58.
4. Ван Ч. 汪成慧 俄汉语言文化对比研究 四川人民出版社 (Сопоставительное исследование китайско-русской лингвокультурной специфики). Чэнду : Сычуаньское народное изд-во, 2004.
5. *Гао Ф.* Проблемы обучения китайских студентов русскому речевому этикету // Аксиология филологического образования в контексте подготовки педагога будущего [Электронный ресурс]: материалы II Междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 35-летию создания каф. риторики и методики преподавания языка и литературы, Минск, 20–21 марта 2023 г. / Белорус. гос.ун-т; редкол.: И. М. Санникович (гл. ред.) [и др.]. Минск : БГУ, 2023. С. 209–213. URL: <https://elib.bsu.by/bitstream/123456789/298995/1/209-213.pdf> (дата обращения: 20.03.2024).

УДК 165.2:165.74(476)

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В ПРАГМОНИМИЧЕСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ БЕЛАРУСИ

Т. С. Денисенко

*Витебский государственный университет им. П. М. Машерова,
Московский пр., 33, 220038, г. Витебск, Беларусь, 2tanusha2@mail.ru*

В данной статье рассматривается специфика прагмонимического пространства Беларуси с точки зрения репрезентации национально-культурных кодов, а также проблемы изучения ономастического поля прагматонимов в условиях белорусско-русского двуязычия. Актуальность исследования определяется важностью описания специфики прагманимикона Беларуси как особого элемента языковой картины мира, необходимостью определения мотивации для номинации белорусских пищевых продуктов.

Ключевые слова: ономастика; словесный товарный знак; прагматоним; особенности номинации хлебобулочных изделий; код культуры.

REPRESENTATION OF NATIONAL IDENTITY IN THE PRAGMONYMIC SPACE OF BELARUS

T. S. Denisenko

*Vitebsk State University named after P.M. Masherov,
Moskovskiy Av., 33, 210038, Vitebsk, Republic of Belarus, 2tanusha2@mail.ru*

This article examines the specifics of the pragmonymic space of Belarus from the point of view of the representation of national cultural codes, as well as the problems of studying the onomastic field of pragmatonyms in the context of Belarusian-Russian bilingualism. The relevance of the study is determined by the importance of describing the specifics of the pragmanimicon of Belarus as a special element of the linguistic picture of the world, and the need to determine the motivation for nominating Belarusian food products.

Keywords: onomastics; word marks; pragmatonym; bakery products' nomination features; cultural code.

На современном этапе лингвистических исследований языковые явления активно анализируются в рамках этноцентрического подхода с целью представить языковые реалии сквозь призму национального менталитета и культуры. Это предполагает осмысление тех или иных языковых фактов в контексте определенной лингвокультуры и позволяет моделировать языковую картину мира.

Национальная гастрономия по-разному отражается в языковой картине мира представителей той или иной культуры. Гастрономическая, или глуттоническая, коммуникативная среда, являясь этнокультурным феноменом, в последние десятилетия исследуется российскими и белорусскими учёными как в рамках дискурсологии, так и с позиций лингвокультурологии и лингвосемиотики. Особое внимание лингвистов привлекает концептосферы «продукты питания, еда» в национальной картине мира русских и белорусов. Как отмечает Г. Д. Гачев, идентичность любого народа существует до тех пор, пока «сохраняется особенный климат, времена года, пейзаж, *национальная пища*, этнический тип, язык, – ибо они непрерывно питают и воспроизводят национальные складывания бытия и мышления» [1, с. 430]. Исследования начала XXI века посвящены описанию и анализу гастрономического дискурса с позиций внутренней структуры языковых элементов, их семантики и прагматической направленности. По мнению А. П. Седых, «гастрономия и языковая картина мира коррелируют прежде всего на уровне номинативного фонда национальных языков. Именно специфика глуттонической номинации составляет характерный для каждой нации арсенал языковых средств, в котором находит своё отражение дух народа. Данное явление со всей очевидностью прослеживается, например, на уровне мотивированных прагматонимов, обозначающих значимые для национальных культур продукты потребления» [2, с. 29].

Наше исследование посвящено анализу прагмонимического пространства Беларуси с точки зрения репрезентации национального сознания в ономастических наименованиях хлебобулочных и кондитерских изделий, функционирующих в настоящее время в различных регионах Республики Беларусь. Интерес к этой достаточно поздно сложившейся особой группе имен собственных, представляющих периферийную структуру ономастикона Беларуси, возник в связи с формированием на постсоветском пространстве общества потребления. Вслед за стремительным ростом и расширением рынка товаров и услуг последовало вызванное экономической необходимостью увеличение количества ономастических единиц. С точки зрения О. Е. Яковлевой прагматонимы в настоящее время перемещаются в ядерную зону ономастического пространства русского языка. Неоднозначность терминологического аппарата прагмонимии проявляется в использовании в лингвистической литературе большого количества терминов, как-то: коммерческая номинация, рекламное имя, словесный товарный знак, прагмоним, прагматоним и другие. Большое количество ономастических исследований посвящено проблеме статуса прагматонимов (М. Е. Новичихина, А. А. Исакова, Н. А. Гурская, З. П. Комолова, С. О. Горяев, И. В. Крюкова, Н. А. Стадуль-

ская, А. В. Суперанская, Н. В. Подольская и др.). А. В. Суперанская и Н. В. Подольская определяют прагматонимы как разряд онимов, под данным термином условно объединены «различные категории имён собственных, имеющие денотаты в прагматической сфере деятельности человека, связанные с практикой, с предметной областью» [3, 110]. Некоторые лингвисты не считают возможным определять словесные товарные знаки как имена собственные по причине множественности именуемых ими объектов, другие называют словесные товарные знаки СТЗ онимоподобными речевыми образованиями, третьи относят их к категории имён собственных однотипного множества предметов. Так, Н. В. Подольская определяет СТЗ как «словесное обозначение марки товара, в равной степени относящееся к каждому экземпляру в данной серии и ко всей серии в целом» [3, 127].

Объектом данного исследования стали словесные товарные знаки – наименования белорусских хлебобулочных и кондитерских изделий. Фактический материал собирался методом сплошной выборки в каталогах на официальных сайтах хлебозаводов разных областей Беларуси.

На территории Республики Беларуси белорусско-русское двуязычие проявляется во всех областях жизнедеятельности человека, в том числе определяет специфику именования пищевой продукции. Анализируя фактический материал, мы выявили следующие тенденции в оформлении наименований: вся информация о товаре, включая название, подаётся на русском языке (*печенье сахарное «Чайный слодыч люкс», кекс «Лучистый», сушки «Жодинские», хлеб «Полесье» новый, хлеб зерновой «Корабельный» светлый, торт «Фейерверк вкуса»*); в информации о продукции используются два языка, причем собственно название белорусскоязычное (*кекс «Вербны» новый, сушки «Зорачка», торт «Мядовая асалода», хлеб «Панскі», хлеб «Траецкі» ржаной, хлеб «Пажаданы Віцебск» нарезанный*).

В ходе исследования мы выявили некоторые особенности взаимодействия различных культурных кодов с пищевым кодом в прагматическом пространстве Беларуси. Это позволило нам выделить следующие группы СТЗ.

1. Наименования кондитерских и хлебобулочных изделий, репрезентирующие антропоцентрический код культуры (в названиях присутствуют имена людей, исторических персонажей, обозначения людей по профессии, роду занятий родственными отношениям, отношениям с другими людьми, социальной роли, оценочной или поведенческой характеристике, эмоциям, образу жизни и др.): *торт «Наполеон», витушка «Виктория», торт «Марибель», пирожное «Кокетка», печенье растворимое «Знайка-зазнайка», печенье сахарное «Лакомка», хлеб «Купец» с тмином*

весовой, печенье затяжное «Княжна Мария», хлеб «Сваяк», сдоба «Горожанка» с маком, сладости мучные «Дружные соседки», булочки «Шалунья», хлеб «Радзівілаўскі» ржаной, хлеб «Альгерд», хлеб «Кутузов», хлеб «Султан» заварной формовой, хлеб «Несцерка» бездрожжевой, хлеб «Радамір» смачны, хлеб «Чараўнік» с семечками новый, хлеб «Маг» с семечками, хлеб «Юбиляр» бездрожжевой, пирожное «Смугляночка». В данной группе присутствуют как белорусскоязычные, так и русскоязычные наименования.

2. Группа наименований региональной тематики, репрезентующих пространственный код (названия населенных пунктов, рек и т. д.): батон «Оришца», хлеб «Пажаданы Віцебск» нарезанный, печенье сдобное «Южный слодыч», печенье сахарное «Крымское», хлеб «Мядельский» бездрожжевой, хлеб «Рижские традиции», сушки «Жодинские», кекс «Столичный», торт «Ленинградский», хлеб «Нарочанский» классический, хлеб «Старая Вильня», хлеб «Двинский Ароматный», батон «Гомельский», пирог «Принеманский» с маком, батон «Лучёса» столовый, хлеб «Брест-Литовск» пшеничный, хлеб «Беловежский особый», хлеб «Славия сожская». В этой группе преобладают русскоязычные наименования.

3. Наименования, отражающие временной код культуры (время, поры года): сладости мучные «Минутка» новые, торт «Утренний», хлеб «Вечерок», «Осенний» люкс, «Майский», «Ранак» отрубой, «Кастрычніцкі», «Заря», «Ласковое утро», сушки «Апрельские», хлеб пшеничный «Веснянский», булка «Восеньская», печенье сдобное «К полднику», пирог «Жнівеньскі» новый, печенье «Friday» с карамельным вкусом. Данная группа представлена белорусско-русскими наименованиями.

4. Наименования, мотивированные внешними признаками, свойствами растений, их вкусовыми качествами (растительный код культуры): хлебец диетический «Стебелек» традиционный, хлеб «Злаковое зёрнышко», хлеб пшеничный «Вересковый», торт «Жасминовый», печенье сахарное «Малиновый слодыч», печенье сахарное «Васильковый слодыч», булочка «Буточик», хлеб «Барвинок» бездрожжевой, хлеб пшеничный «Лотос», пирожное «Картошка», торт «Сунічка», торт «Волшебное семечко», торт «Красная звезда», сладость мучная «Листок».

5. Наименования кондитерских и хлебобулочных изделий, репрезентирующие зооморфный код культуры (таких названий в проанализированном нами материале небольшое количество): торт «Бурёнка», пряники заварные «Коровка» с ароматом шоколада, печенье сахарное «Топтыжки», торт «Журавушка», «Любимая птичка», печенье «Птичка».

«Верно подобранное название кондитерского изделия, как «культурный ключ», должно не только апеллировать к положительным эмоци-

ям и впечатлениям целевой аудитории, но и раскрывать основные ценности, существующие в сознании потребителя, давать гарантию отсутствия отрицательных эмоций, при этом отражая высокое качество продукта» [4, с.18]: хлеб «Бабулін пачастунак», хлеб «Счастье в дом», хлеб «Мамин выбор», батон «Радушный», батон «Аппетитный» новый, булка «Ласунак макавы», хлеб «Дивный», хлеб пшеничный «Благодатный со льном», хлеб тостовый «Ласковое утро», хлеб «Пажаданы» новый, хлеб «Самородок» с семечками, набор печенья «Солнца, тепла, улыбок!», пирожное «Магия вкуса» и подобные.

Таким образом, прагматонимы – наименования хлебобулочных и кондитерских изделий – представлены в Республике Беларусь белорусскоязычными, русскоязычными и смешанными названиями. Для лингвокультурологического исследования прагматонимического пространства Беларуси наиболее оптимальной нам представляется его организация в соответствии с классификацией культурных кодов. Представленные группы СТЗ разнообразны и самобытны, поскольку в анализируемых наименованиях эксплицируется культурологическая, социальная, географическая, историческая и иная уникальная информация. Мотивы номинации для русско- и белорусскоязычных прагматонимов могут различаться.

Библиографические ссылки

1. Гачев Г. Д. Национальные образы мира: общие вопросы. Русский. Болгарский. Киргизский. Грузинский. Армянский. М. : Сов. писатель, 1988.
2. Седых А. П., Аматов А. М., Ермакова Л. Р. Глуттонимия и национальный характер русских и британцев: моногр. Белгород : ИД «Белгород», 2013.
3. Подольская Н. В. Словарь русской ономастической терминологии. 2-е изд. М. : Наука, 1988.
4. Власова К. А. Знаки культуры в наименованиях кондитерских изделий : на материале наименований конфет : автореферат дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Казан. (Приволж.) федер. ун-т. Казань, 2017.

УДК 811.161.1'27:811.161.3'27

СУФИКСАЛЬНЫЯ ЎНІВЕРБЫ ЭТНАГРАФІЧНАГА ХАРАКТАРУ Ў БЕЛАРУСКОЙ МОВЕ

К. А. Зуева

*Баранавіцкі дзяржаўны ўніверсітэт,
вул. Паркавая, 62, 225401, г. Баранавічы, Беларусь, katarzyna.zujewa@mail.ru*

Ва ўніверсальнай лексіцы беларускай мовы выяўлена група суфіксальных ўнівербаў этнаграфічнага характару, вызначана, што дадзеная група лексікі не мае адпаведных найменняў ў рускай мове. Разгледжаны словаўтваральны інвентар, стылістычныя асаблівасці і семантыка беларускіх універбаў-этнаграфізмаў. Даказана, што дадзеная група ўнівербаў звязана непасрэдна з жыццём і рэчаіснасцю беларускага народа. Абаснавана, што працэс ўнівербацыі ў беларускай мове мае незалежны характар.

Ключавыя словы: універбацыя; універб; этнаграфізм(ы); словаўтварэнне; стылістыка; семантыка.

SUFFIXAL UNIVERBS OF ETHNOGRAPHIC NATURE IN THE BELARUSIAN LANGUAGE

K. A. Zueva

*Baranovichy State University,
Park St., 62, 225401, Baranovichy, Belarus, katarzyna.zujewa@mail.ru*

In the univerbal vocabulary of the Belarusian language, a group of suffixal univerbs of an ethnographic nature was identified, it was determined that this group of vocabulary does not have corresponding nominations in Russian. Word-forming inventory, stylistic features and semantics of Belarusian suffixal univerbs-ethnography are considered. It has been proven that this group of univerbs is directly related to the life and reality of the Belarusian people. It is justified that the process of univerbation in the Belarusian language is independent.

Keywords: univerbation; univerb; ethnography (s); word formation; stylistics; semantics.

На прыканцы XX ст. – пачатку XXI ст. у славянскім мовазнаўстве ўзмацняецца цікавасць да даследавання праблем універбацыі, працэсу, які звязаны з прынцыпам моўнай эканоміі.

Пад паняццем *універбацыя* разумеецца «утварэнне аднаго слова на месцы намінатыўнага словазлучэння» [1, с. 155], «кампрэсіўнае словаўтварэнне, – працэс утварэння слова на базе словазлучэння, якому

сінанімічна» [2, с. 577].

Словы, «утвораныя з дапамогай суфіксальнай універбацыі называюць універбамі» [3, с. 62], адпаведна, *універб* – аднаслоўная матываваная лексічная адзінка (рэзультат універбацыі), семантычна эквівалентная зыходнай неаднаслоўнай намінацыі. Універбы з’яўляюцца адзінкамі другаснай намінацыі і «прадстаўляюць скарачаныя, эканомныя варыянты поўных найменняў (апошнія часта ўспрымаюцца як збытکوўныя)» [4, с. 17].

Класічнымі ўнівербамі мовазнаўцы прызнаюць суфіксальныя вытворныя, якія ўтвораны з дапамогай суфікса, «*ўнівербатара*» [5, с. 251] – словаўтваральнага сродка, з дапамогай якога утвараецца новая лексічная адзінка (універб) на базе словазлучэння «прыметнік + назоўнік», «*універбанта*» [5, с. 251] – неаднаслоўнай намінацыі (ад’ектыўна-субстантыўнага словазлучэння), якое выступае ў якасці матываванай базы для аднаслоўнай лексічнай адзінкі – універба.

Даследаванні паказваюць, што суфіксальныя ўнівербы ў беларускай мове могуць ўтварацца з дапамогай абмежаванага словаўтваральнага інвентару – дзесяці універбатараў: *-к(а)*, *-і(к)*, *-ін(а)*, *-іц(а)*, *-ак*, *-н(я)*, *-ух(а)*, *-к(і)*, *-ач*, *-ур(а)*. Мэтай дадзенага артыкула з’яўляецца разглядаць універбаў этнаграфічнага характару ў беларускай мове. Матэрыялам паслужылі 17 беларускіх універбаў, адабраных са слоўнікаў (гл. спіс скарачэнняў і ўмоўных абазначэнняў).

Варта адзначыць, што *этнаграфізм* «назва прадметаў (рэчаў) або паняццяў, характэрных для быту, гаспадаркі ў дадзенай мясцовасці» [6, с. 470]; *этнаграфізмы* «1) лексемы, якія выкарыстоўваюцца ў мове, што належыць пэўнаму этнасу; 2) лексічныя дыялектызмы, якія выкарыстоўваюцца ў пэўнай мясцовасці» [6, с. 470], зыходзячы з прадстаўленых дэфініцый, ў артыкуле будзе выкарыстоўвацца тэрмін *універб-этнаграфізм*.

Аналіз фактычнага матэрыялу паказаў, што:

1) беларускія універбы-этнаграфізмы могуць не мець ніякіх адпаведнікаў у рускай мове: бел. *бульбянікі* ← (~ *бульбяныя галушкі*) (ТСБМ, т. 1, с. 418–419) – рус. Ø, бел. *начніца*, абл. ← *начная зорка* (ТСБМ, т. 3, с. 339) – рус. Ø, *ранкі*, абл. ← *ранішняе пасьба* [жывёлы] (ТСБМ, т. 4, с. 639) – рус. Ø; бел. *сырніца*, абл. ← (~ *сырная мачанка*) (ТСБМ, т. 5 (1), с. 434) – рус. Ø;

2) універбы-этнаграфізмы беларускай мовы маюць пэўныя эквіваленты ў рускай мове, але беларускім аднаслоўным найменням адпавядаюць рускія словазлучэнні: бел. *бульбянік* ← 2 (~ *бульбяная аладка*) (ТСБМ, т. 1, с. 418) – рус. Ø (*картофельная оладья*) (БРС, т. 1, с. 424), бел. *буслянка*, разм. ← *бусава гняздо* (ТСБМ, т. 1, с. 425) – рус. Ø (*аистово гнездо*) (БРС, т. 1, с. 428); бел. *дранік* і *драчонік* ← [аладка з]

дранай бульбы (ТСБМ, т. 2, с. 198) – рус. Ø (оладья из тертого картофеля) (БРС, т. 1, с. 835), бел. камяніца, абл. ← 2 камяністая глеба (ТСБМ, т. 2, с. 609) – рус. Ø (каменистая почва) (БРС, т. 2, с. 128), бел. летнік¹, абл. ← летняя садавіна (ТСБМ, т. 3, с. 39) – рус. Ø (летние фрукты) (НКРЯ), бел. мядніца, абл. ← медны таз (ТСБМ, т. 3, с. 190) – рус. Ø (медный таз) (БРС, т. 2, с. 420), бел. партызанка, разм. ← 2 партызанская вайна (ТСБМ, т. 4, с. 59) – рус. Ø (партизанская война) (МАС, т. 3, с. 26), бел. рамоўка, абл. ← рамачны вулей (ТСБМ, т. 4, с. 636) – рус. Ø (рамочный улей) (БРС, т. 3, с. 363), бел. цалкі, абл. ← 2 цэлая бульба (вараная ў лупінах) (ТСБМ, т. 5(2), с. 226) – рус. Ø (картофель в мундире) (БРС, т. 3, с. 996), бел. цалкі, абл. ← 3 (~ цэлыя зерні [канпель]) (ТСБМ, т. 5 (2), с. 226) – рус. Ø (целые зерна конопли) (БРС, т. 3, с. 996);

3) беларускія ўнівербы-этнаграфізмы маюць пэўныя эквіваленты ў рускай мове, але беларускім універбам адпавядаюць рускія назоўнікі, якія не з'яўляюцца ўнівербамі: бел. жалязняк², абл. ← жалезная лапата (ТСБМ, т. 2, с. 250; ЭСБМ, т. 3, с. 208) – рус. Ø (заступ 'железная, суживающаяся к концу лопата') (БРС, т. 1, с. 885; МАС, т. 1, с. 578), бел. капаніца, абл. ← капальная прылада (ТСБМ, т. 2, с. 122; ТСБМ, т. 2, с. 627) – рус. Ø (мотыга¹ '1. Примитивное земледельческое орудие для обработки почвы под посев, состоящее из палки и приделанного к ней острого клинка или скребка. 2. Название инструмента, орудия, представляющего собой острую лопатку (употребляется для рыхления почвы, окучивания, уничтожения сорняков и т. п.)') (БРС, т. 2, с. 143; МАС, т. 2, с. 304).

Словаўтварэнне прадстаўленых і пералічаных вышэй беларускіх універбаў этнаграфічнага характару ажыццяўляецца з дапамогай пяці універбатарай: **-іц(а)** – 5 універбаў, **-ік** – 4 універба, **-к(і)** – 4 універба, **-к(а)** – 3 універба, **-як** – 1 універб.

Адносна стылістыкі адзначым, што адабраныя ўнівербы этнаграфічнага характару ў слоўніках беларускай мовы часта маюць памету **абл.** 'абласное': *начніца, ранкі, сырніца, камяніца, летнік, мядніца, рамоўка, цалкі, жалязняк, капаніца*; два ўнівербы суправаджаюцца паметай **разм.** 'размоўнае': *бусянка, партызанка*; выдзелены ўнівербы нейтральнага характару, якія не суправаджаюцца стылістычнымі паметами ў слоўніках: *бульбянікі, бульбянік, дранік і драчонік*.

Разгледзім семантыку беларускіх ўнівербаў-этнаграфізмаў і паралельна дадзім некаторыя каментарыі адносна іх этнаграфічнага характару.

Адабраныя аднаслоўныя намінацыі абазначаюць наступныя паняцці: **стравы**: *бульбянік* ← (~ *бульбяная аладка*), *бульбянікі* ← (~ *бульбяныя*

галушкі), *дранік* и *драчонік* ← [аладка з] *дранай бульбы* – «хоць на Беларусі бульбу пачалі вырошчваць толькі ў сярэдзіне XVIII ст., традыцыйнае беларускае меню цяжка ўявіць без яе» [7]; *сырніца*, абл. ← (~ *сырная мачанка*), *цалкі*, абл. ← *цэлая бульба* (вараная ў лупінах) – на этнаграфічны характар універбаў указывае стылістычная памета **абл.**; **раслінныя культуры:** *летнік*, абл. ← *летняя садавіна*, *цалкі*, абл. ← (~ *цэлыя зерні канпель*) – на этнаграфічны характар універбаў указывае стылістычная памета **абл.**; **прылады працы:** *жэлезняк*, абл. ← *жэлезная лапата*, *капаніца*, абл. ← *капальная прылада* – на этнаграфічны характар універбаў указывае стылістычная памета **абл.**; **збудаванні:** *буслянка* ← *буслава гняздо* – «бусел – сімвал Беларусі яшчэ з тых часоў, калі нашы продкі верылі ў розных багоў <...> Беларусы лічылі буслоў прадвеснікамі шчасця і дабрабыту... З даўніх часоў жыхары вёсак будуюць спецыяльныя платформы на хатніх дахах ці слупах, каб птушкам было больш зручна гнездавацца. Хоць па колькаці папуляцыя бусла на Беларусі далёка не на першым месцы, здаўна ва ўяўленні многіх людзей птушка звязана з нашай краінай. Для нас бусел – птушка-апякун (заступнік) народу, чыстага душой, шчырага верай і добром. У народным фальклоры і класічнай літаратуры белыя крылы буслоў абараняюць нашу зямлю ад злых сіл... У літаратуры вобраз Беларусі як зямлі пад белымі крыламі ўвекавечаны ў аднайменным нарысе У. Караткевіча» [8]; *рамоўка*, абл. ← *рамачны вулей* – на этнаграфічны характар універбаў указывае стылістычная памета **абл.**; **сацыяльныя паняцці:** *партызанка* ← *партызанская вайна* – «пад час Вялікай Айчыннай вайны Беларусь па праву называлі рэспублікай-партызанкай. Першыя партызанскія атрады пачалі дзейнічаць у тыле ворага ўжо ў чэрвені–ліпені 1941 г. К лістападу 1942 г. партызанскі рух на Беларусі стаў масавым. К канцу 1943 г. народныя месціўцы выпяцнялі акупантаў не толькі з асобных вёсак, але і цэлых раёнаў. А ў 1944 г. партызаны сумесна з часткамі Чырвонай Арміі вызвалялі гарады і вёскі Беларусі» [9]; **прыродныя з’явы:** *начніца*, абл. ← *начная зорка*; **глебы:** *камяніца*, абл. ← *камяністая глеба*; **прадметы хатняга ўжытку:** *мядніца*, абл. ← *медны таз*; **заняткі вясковых жыхароў:** *ранкі*, абл. ← *ранішня пасьба* [жывёлы] – на этнаграфічны характар дадзеных універбаў указывае стылістычная памета **абл.**

Такім чынам, выяўленыя ў беларускай мове ўнівербы этнаграфічнага характару сведчаць пра незалежны характар працэсу ўнівербацыі ў даследуемай мове, спецыфіка іх ўжывання заключаецца ў тым, што дадзеныя паняцці характэрны для беларускай рэчаіснасці і звязаны з жыццём непасрэдна беларускага народу.

Спіс скарачэнняў і ўмоўных абазначэнняў

бел. – беларускае; **БРС** – Беларуска-рускі слоўнік: у 3 т. / Нац. акад. навук Беларусі, Ін-т мовазнаўства імя Я. Коласа ; рэд. К. К. Атраховіч (К. Крапіва). Мінск : Беларус. Энцыкл., 2003. 3 т.; **МАС** – Словарь русского языка: в 4 т. / Рос. акад. наук, Ин-т лингв. исслед. ; под ред. А. П. Евгеньевой. М. : Рус. яз., 1985–1988. 4 т.; **рус.** – рускае; **ТСБМ** – Тлумачальны слоўнік беларускай мовы: у 5 т., 6 кн. / Акад. навук БССР, Ін-т мовазнаўства імя Якуба Коласа ; пад агул. рэд. К. К. Атраховіча (К. Крапівы). Мінск : Бел. сав. энцыкл., 1977–1984. 5 т.; **ЭСБМ** – Этымалагічны слоўнік беларускай мовы :у 14 т. / Акад. навук Беларусі, Ін-т мовазнаўства імя Якуба Коласа. Мінск : Навука і тэхніка. 1978–2017. 14 т.; **НКРЯ** – Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. URL: <http://ruscorpora.ru/new/>. (дата обращения: 04.05.2019);

N ← 1 ..., **N ← 2 ...**, **N ← 3 ...** – шматзначныя ўнівербы ў тлумачальных слоўніках; **N¹**, **N²**, **N³** ... – аманімічныя ўнівербы ў тлумачальных слоўніках; **~** – універбант патэнцыяльны – ад’ектыўна-субстантыўнае словазлучэнне (база ўніверба), якое суадносіцца па сэнсу з дэфініцыяй ўніверба ў слоўніках; **Ø** – адсутнасць ўніверба (ў рускай мове).

Бібліяграфічныя спасылкі

1. *Сцяцко П. У., Гуліцкі М. Ф., Антанюк Л. А.* Слоўнік лінгвістычных тэрмінаў Мінск : Выш. школа, 1990.
2. *Лопатин В. В.* Универбация // Русский язык : энциклопедия / под ред. Ю. Н. Караулова. М. : Большая рос. энцикл.; Дрофа, 2003. С. 577.
3. *Уласевіч В. І.* Суфіксальныя ўнівербаты ў сучасным перыядычным друку // Весн. Беларус. дзярж. ун-та. Сер. 4, Філалогія. Журналістыка. Педагогіка. 2000. № 1. С. 62–66.
4. *Соколовская Т. Д.* Категория нормативности во вторичных наименованиях сокращенного типа : автореф. дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.01 / Гос. ин-т рус. яз. М., 2000.
5. *Лукашанец А.* Універбацыя / універбізацыя: сутнасць паняцця і месца ў тэрмінасістэме словаўтварэння [Электронны рэсурс] // Univerbacija / Univerbizacija u slavenskim jezicima : zb. radova sa Osamnaeste Međunar. nauč. konf. Komisije za tvorbu riječi Međunar. komiteta slavista, Sarajevo, 4–7 apr. 2017 g. / Slavistički komitet ; ured. A. Šehović. – Sarajevo, 2018. – S. 248–263. URL: <http://iml.basnet.by/files/files/KSS/Sarajevo%202018.pdf> (дата звароту: 04.02.2024).
6. *Жеребило Т. В.* Словарь лингвистических терминов. Назрань : ООО «Пилигрим», 2010.
7. Серыю «Нашы сімвалы» папоўніла бульбінка [Электронны рэсурс] // Нацыянальная бібліятэка Беларусі. URL: <https://www.nlb.by/by/news/naviny-biblijatjek/seryyu-nashy-simvaly-papo-nila-bulbinka/> (дата звароту: 04.02.2024).
8. Зубр, аист, василек. Какие культурные символы нас объединяют – узнали у профессора БГУ [Электронный ресурс] // SB.BY Беларусь Сегодня. URL: <https://www.sb.by/articles/что-i-sledovalo-pokazat.html> (дата звароту: 04.02.2024).
9. 100 лет БССР: партизанский край на фото БЕЛТА [Электронный ресурс] // БЕЛТА +. URL: <https://www.belta.by/society/view/100-let-bssr-partizanskij-kraj-na-foto-belta-326967-2018> (дата доступу: 04.02.2024).

УДК 81.1, 811.111

**ПРОЦЕСС АНАЛОГИЗАЦИИ ПРИ ДЕШИФРОВКЕ
ФУНКЦИОНАЛЬНОЙ НАГРУЗКИ БАЛЛОНА
В ТЕКСТАХ АНГЛОЯЗЫЧНЫХ КОМИКСОВ**

И. П. Исаева

*Алтайский государственный педагогический университет,
ул. Молодежная, 55, 656031, г. Барнаул, Россия, isaeva_ip@inbox.ru*

Статья посвящена рассмотрению процесса аналогизации при интерпретации реципиентом информации, вычленяемой при восприятии креолизованного текста. В частности, на материале англоязычных комиксов рассматривается роль когнитивного механизма аналогии при дешифровке функциональной нагрузки баллона. Делается вывод о роли аналогии в «считывании» интегративного смысла креолизованного текста.

Ключевые слова: аналогия; аналогизация; баллон; креолизованный текст; лингвовизуальное единство.

**ANALOGIZATION IN DECODING
THE FUNCTIONAL LOAD OF THE BALLOON IN THE TEXTS
OF ENGLISH-LANGUAGE COMICS**

I. P. Isaeva

*Altai State Pedagogical University,
Molodezhnaya St., 55, 656031, Barnaul, Russia, isaeva_ip@inbox.ru*

The article deals with the consideration of analogization in the recipient's interpretation of information extracted from the perception of a creolized text. In particular, using the material of English-language comics, the author describes the role of the cognitive mechanism of analogy in deciphering the functional load of the balloon. The conclusion is made about the role of analogy in "reading" the integrative meaning of a creolized text.

Keywords: analogy; analogization; balloon; creolized text; linguistic and visual unity.

Комикс представляет собой вид креолизованного текста, в котором задействованы кодировки в рамках вербальной и невербальной семиотических систем [1, с. 8]. Вербальная составляющая комикса включает текст, репрезентирующий авторскую речь и речь персонажей, а невербальная составляющая представлена визуально-графическими средствами (рисунками, параграфемными элементами).

Среди параграфемных элементов, играющих важную роль в представлении и восприятии информации, баллон занимает главенствующую позицию, поскольку он обеспечивает органическое единство текста и рисунка. Восприятие вербального и невербального компонентов в единстве обусловлено синтетичным характером человеческого мышления [2, с. 7]. В процессе обработки креолизованного текста мозг оперирует информацией, закодированной посредством разнородных знаковых систем, что предполагает со стороны реципиента обработку как эксплицитно, так и имплицитно представленной информации, которую необходимо интерпретировать с опорой на глубинные знания, представляющие собой по сути структурированный опыт предыдущей познавательной активности. Переход от уже познанного к познаваемому зиждется на ассоциативно-сравнительной связи между сопоставляемыми фрагментами, которая является результатом аналогизации (или процесса построения аналогий).

В широком смысле аналогию можно определить как своего рода универсальный метод познания действительности, поскольку ее действием «пронизаны все виды человеческой деятельности, включая, несомненно, и языковую деятельность» [3, с. 121]. Собственно за счет построения аналогий происходит распознавание смыслов, вычленяемых сознанием при сопоставлении знаков. Иными словами, схожая форма активизирует порождение новых смыслов на основе переноса по аналогии.

В текстах комиксов баллоны являются графическими средствами, сопровождающими вербальную информацию. Их внешний вид и оформление могут влиять на процесс «считывания» имплицитной информации реципиентом. Например, на рисунке 1 мы видим, что текст реплики «...didn't kill me...they didn't...puh-put me here and brought...that...the egg...» помещен в баллон с волнистыми краями.

В данном случае волнистый баллон в совокупности с пунктуационным оформлением в виде многоточий создает эффект речи человека, испытывающего физический стресс. Использование парцелляции и эллиптических конструкций на языковом уровне фокусирует внимание реципиента на смысловых узлах повествования (...opened...just like a ... flower... / ... hands on me...on my face...). Функция баллона здесь может быть определена как имитационная, что предполагает использование баллона подобного типа для построения ассоциативно-образных связей: волнистые линии отсылают к таким характеристикам, как неустойчивость, колебание, дрожание, которые в свою очередь в сознании реципиента по аналогии переносятся на речь персонажа, и она воспринимается как произнесенная слабым, дрожащим голосом.

Рис. 1. Волнистый баллон.

Кроме того, текст реплик может быть заключен в баллон, имеющий острые углы и хвост в форме молнии. Например, на рисунке 2 текст реплики «...look down your back stairs, buddy, somebody's living there an' they don't really feel the weather...» заключен в баллон подобного типа с хвостом, указывающим на магнитофон.

Рис. 2. Баллон с «молнией».

Функция баллона данного типа – индикационная, поскольку молния указывает на предмет, являющийся источником звука. Баллон с подобным оформлением вызывает в сознании реципиента следующий ассоциативный ряд: молния – громкий звук в виде раската грома. По аналогии изображение молнии начинает ассоциироваться с любым источником громкого звука (в нашем случае – с играющим магнитофоном). За счет использования визуальных средств здесь создается нужный акустический фон, что становится возможным благодаря способности человеческого мышления к абстракции при восприятии неявно выраженной информации. Текст, заключенный в баллон на рисунке 2, начинает восприниматься как громкая песня, доносящаяся из динамика магнитофона. В целом, можно сказать, что процесс построения аналогий обеспечивает взаимосвязь предыдущего сенсорного опыта и опыта непосредственного визуального наблюдения в сознании реципиента при интерпретации креолизованного текста.

На рисунке 3 реплика «*Good evening, Rorschach*» заключена в баллон с ровными краями. Данный тип баллона можно определить как базовый. Тем не менее, здесь баллон имеет необычное цветовое оформление: большая часть окрашена в голубой цвет и имеет обрамление, выполненное в белом цвете.

Рис. 3. Базовый баллон с цветной заливкой.

Ровные края баллона ассоциируются в сознании реципиента с монотонной интонацией представленного приветствия. Цветовое оформление также имеет определенную смысловую нагрузку. В данном случае символическая функция «цветного» баллона в тексте комикса реализуется

через установление в сознании реципиента ассоциативных связей: голубой – голубая кровь. Далее происходит перенос по аналогии фактуальных знаний на интерпретируемый лингвовизуальный комплекс: голубая кровь, в отличие от крови красного цвета у человека, течет в жилах головоногих моллюсков, скорпионов, пауков, следовательно, изображенное существо не человек. Таким образом, цветовое оформление баллона закладывает основу для считывания имплицитной информации реципиентом и понимания того, что представленное высказывания произносится не человеком.

В целом, баллон, являясь графическим средством, способен определять вектор движения человеческой мысли в процессе аналогизации при интерпретации лингвовизуального единства, тем самым связывая дискретные элементы изображения и вербализованные фрагменты, формирующие интегративный смысл креолизованного текста.

Библиографические ссылки

1. *Анисимова Е. Е.* Лингвистика текста и межкультурная коммуникация (на материале креолизованных текстов). М. : Академия, 2003.
2. *Нефедова Л. А.* Когнитивные особенности комикса как креолизованного текста // Вестник ЮУрГУ. 2010. № 1. С. 4–9.
3. *Чикало Н. А.* «Синтаксическая лаборатория», или роль аналогии в объяснении фактов диахронического синтаксиса: результативная конструкция английского языка // Вестник МПГУ. Серия «Филология. Теория языка. Языковое образование». 2011. № 1(7). С. 120–125.

**ДВОЙСТВЕННЫЙ ХАРАКТЕР
ИТАЛЬЯНСКОГО ОБОРОТА IN EFFETTI
(НА МАТЕРИАЛЕ НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫХ ТЕКСТОВ)**

Н. Л. Каирони

*Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, caironi@mail.ru*

В данной статье рассматривается итальянский оборот *in effetti* с точки зрения его употребления в качестве наречия и текстовой скрепы. Практическим материалом послужили научно-популярные тексты на итальянском языке. Особое внимание уделяется оттенкам значения наречного оборота *in effetti*, выступающего в роли текстовой скрепы. С этой целью анализируется положение оборота в предложении, а также его пунктуационное выделение / невыделение на письме.

Ключевые слова: *in effetti*; слово-скрепа; когезия текста; аргументативный характер скрепы; перифраз; обобщающее значение скрепы.

**THE DUAL NATURE
OF THE ITALIAN EXPRESSION “IN EFFETTI”
(BASED ON POPULAR SCIENTIFIC TEXTS)**

N. L. Kaironi

*Belarusian State University,
Niezależności Av., 4, 220030, Minsk, Republic of Belarus, caironi@mail.ru*

This article explores the Italian expression “*in effetti*” from the perspective of its usage as an adverb and a textual binder. Popular scientific texts in Italian serve as the practical material. The analysis covers the position of the expression in a sentence and its punctuation (or lack thereof) in writing. Special attention is given to the nuanced meanings of the adverbial expression “*in effetti*” particularly in its role as a textual binder.

Keywords: *in effetti*; textual binder; textual cohesion; argumentational nature of the binder; circumlocution; generalized meaning of the binder.

Задача научно-популярного текста – донести до читателей, которые не являются специалистами в некоторой области знаний, информацию научного характера. Отличительными чертами такого текста можно считать следующие параметры: структурированность, логичность, связность. Одним из механизмов обеспечения последнего критерия, т. е. связности, является использование так называемых скреп. «С точки зрения на текст как на дискурс эти образования представляют собой фикси-

рованную группу особых синтаксических единиц, служащих для адекватности речевой реализации языкового инварианта текста, обеспечения его структурно-семантической связности, стилистической однородности, прагматической завершенности и коммуникативной оформленности» [1, с. 23]. В итальянской лингвистике аналогом термина скрепа являются следующие понятия: *connettivo*, *segnale discorsivo*, *marcatore di discorso*. Перечислим некоторые характерные черты этого образования:

- 1) способность замещать или быть замещенным союзом или его функциональным аналогом;
- 2) возможность развития полноценной предикативности;
- 3) специализированная семантика (юнкционного характера);
- 4) вводно-присоединительный характер конструкции и грамматические отношения с остальным текстом;
- 5) характерная позиция (обычно в начале фрагмента);
- 6) предопределяющий характер семантики скрепы-фразы по отношению к тексту;
- 7) совмещение номинативных, модальных и релятивных значений в семантике скрепы-фразы;
- 8) высокая степень фразеологичности, характеризующаяся нередкой устойчивостью и постоянством состава и регулярностью использования в функции союза [1, с. 23].

Объектом исследования стала текстовая скрепа *in effetti*.

Итальянская энциклопедия Treccani в статье «*effetto*» определяет *in effetti* как наречный оборот со значениями *davvero*, *realmente* [2]. Онлайн словарь De Mauro, квалифицируя *in effetti* как наречный оборот, представляет, однако, другой синоним – *effettivamente* [3]. А в словаре *il Sabatini Coletti* конструкция *in effetti* сопровождается пометой *loc. cong. testuale* (*locuzione congiunzionale testuale*) [4], т. е. текстовой соединительный оборот, и приводится следующая дефиниция: *в зависимости от контекста может иметь значение подтверждения либо противительного-ограничительное значение по отношению к тому, что было сказано раньше*. В словарной статье приводятся два примера: первый, демонстрирующий значение подтверждения: *in effetti, poi tutto è andato bene*, а второй – с противительным значением: *in effetti, bisognava procedere in altro modo*.

Таким образом, в словарных статьях не совпадает не только морфологическое значение оборота, но семантически оно вступает в антонимические отношения *подтверждения–противления*.

Прежде чем мы приступим к анализу функций, следует разграничить использование оборота *in effetti* в роли наречия и текстовой скрепы. Выступая в функции наречия, *in effetti* связано со сказуемым и

находится либо в препозиции, либо в постпозиции по отношению к нему. Помимо этого, по наблюдению Магды Манделли, «...лишь в наречном использовании “in effetti” становится коммуникативным центром, ядром высказывания, что абсолютно несвойственно текстовой скрепе in effetti... Наречный оборот на письме не выделяется пунктуационно, а в устной речи наблюдается постоянство просодического оформления» [5, с. 441].

(1) «*Questo è noto come il problema isoperimetrico: a livello intuitivo si può immaginare che sia il cerchio, ma solo nel 1838 Jakob Steiner mostrò che era in effetti così*» [6, с. 50]. (Эта задача известна под названием изопериметрической проблемы. На уровне интуиции мы понимаем, что это круг. И только в 1838 году Якоб Штайнер доказал, что это **на самом деле** круг.) В приведенном примере наречный оборот контекстуально и синтаксически связан со сказуемым и характеризует его. Итальянская исследовательница отмечает, что наречный оборот часто встречается в контекстах, где гипотетическое (ирреальное) противопоставляется реальному миру. Действительно, в приведенном примере *a livello intuitivo, si può immaginare* противопоставляются *mostrare, in effetti*. В таких случаях *in effetti* приближается по своему значению к оборотам *in realtà, di fatto* [5, с. 441].

Нам встретилось несколько примеров, в которых *in effetti* связано со сказуемым, представляющим реальное, подлинное действие. В таких контекстах *in effetti* является синонимом *davvero e veramente*: (2) «*I federalisti vinsero in effetti agevolmente le elezioni, facendo fuori il governatore e conquistando la maggioranza alla Camera*» [6, с. 193]. (Федералисты и **впрямь** легко победили, отправив губернатора восвояси и получив большинство в Палате.)

Выступая в качестве текстовой скрепы, оборот *in effetti* часто занимает начальную позицию и может выделяться запятой. (3) «*In un articolo apparso recentemente sulla rivista La Chimica e l'Industria, Giorgio Nebbia, un autorevole chimico e già senatore della Repubblica, si chiede addirittura se chimica non sia diventata una parolaccia. In effetti, quando in una conversazione qualcuno introduce un argomento che ha a che fare con la chimica, solitamente si nota sul volto degli interlocutori un brusco abbassamento di interesse*» [7, с. 10]. (В статье, недавно опубликованной в журнале *La Chimica e l'Industria* («Химия и промышленность»), авторитетный ученый и член сената Джорджо Неббья задается вопросом: уж не перешло ли само слово «химия» в разряд ругательств? **Действительно**, если в разговоре кто-нибудь затрагивает тему, каким-либо образом связанную с химией, тут же на лицах собеседников читается резкое падение интереса.)

Оборот *in effetti* может располагаться в середине предложения и не выделяться запятыми: (4) «*Un'ipotesi più matematica parte invece dal circolo delle quinte e dal tentativo di mettere insieme due proprietà diverse: non avere troppe note e non avere intervalli troppo grandi tra una nota e l'altra. Ci si potrebbe **in effetti** fermare alle prime cinque note del circolo, cioè do - sol - re - la – mi*» [6, с. 145]. (Более математическая гипотеза берет свое начало от квинтового круга и попытки свести воедино два разных свойства: отказ от слишком большого количества нот и от слишком длинных интервалов между ними. Можно было бы, **действительно**, остановиться на первых нотах квинтового круга, то есть до- соль-ре-ля-ми.)

Оборот *in effetti* может располагаться в середине предложения и выделяться запятыми: (5) «*Utilizzare questo approccio didattico, comunemente chiamato “didattica laboratoriale”, permette di proiettare lo studente nel mondo vero della chimica facendogli assaporare la bellezza della ricerca. La didattica laboratoriale, **in effetti**, è già di per sé ricerca scientifica, per chi non ha ancora conoscenza di base*» [7, с. 118]. (Такой дидактический метод, называемый лабораторным обучением, переносит ученика в реальный мир химии, давая ему возможность насладиться красотой научного исследования. Для учеников, еще не обладающих базовыми химическими знаниями, лабораторная работа, **по сути**, сама по себе является научным исследованием.)

Оборот *in effetti* может располагаться в конце предложения (синтагмы) и выделяться запятой: (6) «*Forse per il fatto che noi siamo fondamentalmente simmetrici, il che significa che guardandoci allo specchio siamo quasi uguali a noi stessi; non del tutto uguali, **in effetti**, come ci ricorda Il visconte dimezzato di Italo Calvino, ma in prima approssimazione sì*» [6, с. 122]. (Это означает, что, когда мы смотрим на себя в зеркало, мы практически идентичны сами себе; **все-таки** не на сто процентов, как напоминает нам «Раздвоенный виконт» Итало Кальвино, но в первом приближении, именно так.)

(7) «*Ma se pensate che “mille carezze all'ora” significa in media una carezza ogni 3,6 secondi... più che effusioni amorose a me viene in mente una catena di montaggio. Non che Celentano sia famoso per le sue competenze matematiche, **in effetti***» [6, с. 129]. (Но если представить себе «тысячу нежных прикосновений в час», это значит в среднем одно прикосновение каждые 3,6 секунды... И мне в голову скорее приходит конвейер, а не любовные излияния. Челентано как математик не прославился, **что правда, то правда**.)

В зависимости от положения в предложении и выделения либо невыделения знаками препинания (запятыми) *in effetti* может приобретать

различные оттенки значения. М. Манделли замечает, что оборот *in effetti*, расположенный в начале или в середине предложения в линейной последовательности, носит аргументативный характер и обладает функцией пояснения [5, с. 442].

В примерах 3 и 4 скрепа не только подтверждает сведения, расположенные слева от *in effetti*, но также вводит аргументативную поддержку тезиса, находящегося слева. Другими словами, *in effetti* обосновывает предыдущий контекст и является синонимом скрепы *infatti*. Действительно, в примере 3 представлено аргументативное развитие идеи, что химия в современном обществе стала синонимом ругательного слова. А в примере 4 – гипотетическая возможность отказаться от большого количества нот и длинных интервалов между ними.

По мнению М. Манделли, оборот *in effetti*, расположенный в середине предложения в функции вводной конструкции или в конце предложения, связан с механизмом переформулирования-перифразы содержания предшествующего предложения [5, с. 442]. В примерах 5 и 6 *in effetti* подтверждает содержание предыдущего контекста, поддерживая перифразу, которая реализуется посредством лексических (*didattica laboratoriale, ricerca, uguali*) и синонимических (*quasi=non del tutto*) повторов. В подобном контексте *in effetti* может служить синонимом *dunque*.

Особого внимания заслуживает пример 7. Заметно явное ослабление когезии на текстовом уровне. В данном примере предложение со скрепой *in effetti*, расположенной в конце предложения, носит скорее обобщающий характер, резюмирует предшествующее предложение, его результат: одно нежное прикосновение каждые 3,6 секунды – это не проявление любви, как поет А. Челентано. Действие напоминает скорее работу заводского конвейера. Вывод: А. Челентано как математик не прославился. В данном контексте *in effetti* может заменяться, например, на *insomma*.

Нам не встретилось ни одного случая, в котором оборот *in effetti* выступал бы в противительной функции. В следующем предложении на первый взгляд может показаться, что *in effetti* усиливает значение противительности, выраженной союзом *ma*. «*Queste associazioni tra lettere e numeri ci sembrano strane, perché ricordano più che altro la crittografia, ma in effetti la struttura che gli antichi usavano per scrivere i numeri è molto diversa da quella a cui siamo abituati*» [6, с. 18]. (Буквенно-цифровая связь нам непривычна, потому что больше напоминает криптографию. **Вообще-то** метод, которым пользовались древние для записи цифр, отличается от привычного нам.) Однако при более внимательном анализе приходится признать, что союз *ma* в данном контексте не является противительным. Согласно онлайн словарю Treccani, этот союз может иметь

также значение усиления, служащее для уточнения или разграничения, удаляя или добавляя что-либо к уже сказанному, и по своему значению приближается к наречию *anzi* [8]. Таким образом, в этом случае *in effetti* служит для подтверждения предшествующего предложения и вводит при этом новый аргумент.

Итак, в корпусе двух научно-популярных текстов нам встретилось 27 примеров употребления оборота *in effetti*, из которых 9 выступают в функции наречия, а ровно в два раза больше, т. е. 18, – как текстовая скрепа: 11 – в начале предложения, 5 – в середине и 2 – в конце. Полученные данные подтверждают идею М. Манделли о грамматикализации наречного оборота *in effetti*.

Таким образом, в зависимости от положения в предложении скрепа *in effetti*, выполняя функцию подтверждения, различается оттенками значения. Оборот *in effetti* может иметь аргументативный характер с пояснительной функцией, участвовать в переформулировании предыдущего контекста или обладать обобщающим значением. Можно утверждать, что текстовая скрепа *in effetti* представляет интересный элемент текстовой когезии, заслуживающий внимания и дальнейшего изучения.

Библиографические ссылки

1. Филимонов О. И. Скрепа-фраза в языке / ФГБОУ ВПО Ставропольский государственный аграрный университет. «АГРУС», 2013.
2. *Effetto*. [Electronic resource]. URL: <https://www.treccani.it/vocabolario/effetto/> (date of access 26.01.2024). *Effetto*. [Electronic resource]. URL : https://dizionari.corriere.it/dizionario_italiano/E/effetto (date of access 26.01.2024).
5. Mandelli M. In effetti nel testo. Cresti, E. (a cura di). Prospettive nello studio del lessico italiano, Atti SILFI 2006. Firenze, FUP: Vol II, pp. 439–444.
6. Codogno M. Numeralia. Codice edizioni. Torino, 2018.
7. Balzani V., Venturi M. Chimica! Leggere e scrivere il libro della natura. Scienza Express edizioni. Trieste, 2017.
8. Ma. [Electronic resource]. URL: https://www.treccani.it/vocabolario/ma_%28Sinonimi-e-Contrari%29/ (date of access 26.01.2024).

УДК 378.148

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ СЕМИОТИЧЕСКОЙ ИГРЫ В СОЦИОКУЛЬТУРНОМ АСПЕКТЕ

О. А. Климова

*Белорусский государственный университет,
ул. К. Маркса, 31, 220030, г. Минск, Беларусь, kldmk@gmail.com*

Проблемы невербального общения в различных областях человеческой деятельности являются предметом изучения такой науки как семиотика. Элементы знаковости, свойственные как для естественных языков, так и для языка культуры, искусства, литературы и т. д., имеют важное значение и оказывают огромное влияние на отражение нашим сознанием внешней действительности, на поведение людей в обществе. Во многом этому способствуют семиотические игры, использование которых может привести к возникновению интересных явлений, как для науки, так и для развития общества и культуры в целом. Социальная роль этих явлений очевидна. Понимание исторического и культурного наследия общества является важной педагогической и социальной задачей, в решении которой игровые аспекты коммуникации наиболее актуальны.

Ключевые слова: семиотика; знаковые системы; нормы социального поведения; язык культуры; коннотация; игровая семиотика; коммуникация; прецедент.

THE USE OF SEMIOTIC GAME IN THE SOCIOCULTURAL ASPECT

O. A. Klimova

*Belarusian State University,
31 Karl Marks St., 220030, Minsk, Belarus, kldmk@gmail.com*

Problems of non-verbal communication in various areas of human activity are the subject of study of such science as semiotics. Elements of significance peculiar to both natural languages and the language of culture, art, and literature are important and have a great influence on the reflection of external reality by our consciousness, on the behavior of people in society. In many respects this is facilitated by semiotic games whose use can lead to interesting phenomena both for science and for the development of society and culture as a whole. And the social role of these phenomena is obvious. Understanding the historical and cultural heritage of society is an important pedagogical and social task, in solving which the game aspects of communication are most relevant.

Keywords: semiotics; sign systems; culture language; norms of social behavior; connotation; game semiotics; communication; precedent.

Знаковые системы, которые являются неотъемлемым компонентом жизнедеятельности общества и человека, количественно возрастая и усложняясь по мере развития последних, привели к необходимости все более тщательного и подробного анализа сущности и природы знака, свойств знака и знаковых систем, детального изучения знаковой природы естественных и искусственных языков, элементов и черт знаковости, содержащихся в таких сферах человеческой деятельности, как искусство, литература, культура и т. д. Это лишь неполный перечень проблем, которыми занимается такая наука как семиотика, находящаяся в постоянном и непрерывном взаимодействии с самой наукой о языке – лингвистикой. Начиная с Ф. де Соссюра и Ч. Пирса и заканчивая учеными Московско-Тартуской школы во главе с Ю. М. Лотманом, было разработано множество направлений в изучении знаковых систем, связанных не только с лингвистическим и металингвистическим исследованием словесных текстов, но и с изучением целого ряда знаковых систем искусства и культуры в их соотношении с другими знаковыми системами.

Любой знак, будь то лингвистический или семиотический, служит для отражения, посредством человеческого сознания, внешней действительности, ее свойств и отношений, а также является условием того или иного поведения людей. Писатели, художники, скульпторы, архитекторы передают свои мысли, чувства, отношения через свои произведения, продукты своей деятельности, используя при этом те средства выражения (знаки), которые составляют их собственный, своеобразный язык. Знаки должны помогать ориентироваться в жизни и культуре людей различных эпох, в истории, на протяжении которой развивалось человечество и его культура. Особенно продуктивным средством в решении этой задачи является игра как элемент культуры. На основе семиотических игр возникают интересные явления, имеющие поистине огромное значение для развития науки и культуры в том или ином обществе [1, с. 250].

Элементы игры очень часто находят свое проявление и в самом человеческом существовании, поведении людей, их быте. Пьер Гиро, выделяя игровые явления из значительного массива тождественных или близких по своей природе фактов путем рассмотрения этих явлений через призму их коммуникативного значения, т. е. в семиотическом плане, определял игру как один из видов социальных кодов: форм коммуникации, которые определяют место, роль человека или социальной группы в обществе; как имитацию социальной реальности той или иной эпохи, в которой отражаются тесные взаимоотношения человека и общества, ценности, нормы и традиции последнего [2, с. 97]. Языки культуры, используемые в игровой функции, позволяют нам лучше представить, либо возобновить в соответствии с новыми потребностями той или иной эпо-

хи, старые нормы социального поведения, мир, события того или иного художественного произведения. Все семиотические системы являются системами вторичных смыслов, которые возникают в человеческом обществе на базе первичной системы, образуемой естественными языками. Если в естественном языке эмотивно-прагматический аспект является лишь добавочным к денотативному значению, то в языке культуры этот аспект представляет собой неотъемлемую часть всех средств, с помощью которых находят свое выражение продукты культуры и посредством которых их авторы передают свои мысли, знания, чувства, отношения. Коннотативный момент заставляет, если можно так выразиться, оживать то или иное произведение искусства. Он связан непосредственно с нашими представлениями о мире, знаниями истории развития человеческого общества, его культуры [3, с. 64]. Существует тесная связь между семиотической и языковой играми: последняя имеет целью закрепление, подтверждение каких-либо языковых правил, норм (метаязыковой смысл, с которым обычно употребляются каламбуры), либо, наоборот, представляет собой отступление от нормы и позволяет отметить многие особенности языка (каламбур, в котором нарушение прочных связей между означающим и означаемым языкового знака приводит к созданию комического эффекта; палиндром, инклюзия, где изменение формы слова также создает комический эффект и т. д.) [4, с. 89]. Семиотическая игра также играет большую роль в формировании норм, правил, принципов, однако уже в поведении людей, жизни общества. Рассмотрим, к примеру, игровые моменты в общении французов, которые осуществляются на основе разных знаковых систем или разных языков культуры и применительны к ситуациям, относящимся:

- к сфере семиотической оценки и переработки, в соответствии с новыми потребностями, старых норм социального поведения;
- к области знакового освоения и использования в реальной жизни продуктов художественного и, шире, интеллектуального творчества.

В первом случае показательны различные способы реконструкции, исторически сложившейся и представляющей образцовую схему отношений в обществе. Рыцарская эпоха XI–XIII веков, с ее куртуазной культурой и эстетизированием общения, тщательно разработанным этикетом, развитием салонных форм жизни, культом Прекрасной Дамы и т. п., часто служила предметом сознательного подражания для многих европейских монархов. Элементы этого уклада пережили века и настолько тесно сплелись с ценностями новых времен, что их исторические корни не всегда легко ощущаются. Универсальными представляются, например, идеи чести, порядочности, предписания в том, что касается отношений с женщиной и т. д. Однако многое из этого пришло к нам прямо или косвенно из далекой эпохи. «Красивый жест»,

который, по мнению многих, столь характерен для французов, принадлежит тому же ряду фактов. Крайние формы его выражения связаны с поступками, лежащими за гранью жизни. Если бы не «красивый жест», вряд ли бы сохранились в памяти людей генерал Ж. Буланже, оказавшийся, может быть, вопреки своей воли, руководителем антигосударственного заговора в 1889 году, и генерал П. Пюше, опозоривший себя тем, что в годы оккупации, будучи членом Вишистского правительства, выдал немцам большое число заложников. Первый из них покончил с собой в изгнании, в Бельгии, на могиле своей любовницы. Другой театрально взял на себя командование взводом солдат, которому надлежало расстрелять его по приговору военного суда (в Алжире, в 1943 году). Многие эстетические установки гипертрофировались в глазах людей и приобрели негативную оценочную окраску. С течением времени разрыв между рыцарскими предписаниями и реальной жизнью увеличился, и если они формально продолжали действовать, то это не могло не привести к усилению игрового момента и даже к их ридикулизации. К такому итогу пришла, например, к началу нашего века практика разрешения конфликтов через дуэль или даже простого ношения шпаги (известны многочисленные остроты по поводу шпаги как пережившего себя старого этикетного атрибута члена Французской академии). Еще более рельефно игровой характер восстановления фрагментов былой культуры обнаруживается на примере подражания и даже копирования стиля более близкого к нам времени. В нашем веке эстетствующие аристократы – писатель Р. де Монтескью и дипломат Б. де Кастелян старались уподобить свой образ жизни королевскому укладу. Один из них у Булонского леса, а другой в Везине, пригороде Парижа, придавали своим особнякам вид Большого Трианона. Приблизительно в это же время один из видных деятелей высокой моды, П. Пуаре, также проецирует свою светскую жизнь на фон XVI века, воспроизводя на организованных им празднествах сюжеты, характерные для увеселения королевского двора Версаля, и сцены аристократической охоты. Или, подражая стилю эпохи Наполеона III, выстраивает живые композиции, в которых участвуют артисты и которые копируют известную картину Ф. К. Винтерхальтера «Императрица Евгения со своей свитой». Принципы игры прослеживаются и тогда, когда тема, сюжет, схемы отношений между персонажами и вещами намеренно переносятся из сферы интеллектуального и художественного творчества в реальный мир. Мы можем наблюдать за событиями, описанными в книге или на живописном полотне, стать их соучастниками. Сады, например, возведенные в соответствии с определенными идеалами и художественными принципами, представляют собой творческие произведения. Так, сад в Эрменонвиле, селении близ Парижа, был осуществлен владельцем Эрменонвиля под влиянием философских

взглядов Ж. Ж. Руссо, в подражание некоторым его предписаниям; в саду Шекспира в Булонском лесу воспроизведены некоторые приметы описанной в его драмах природы: кустарники, мхи – свидетели скитаний короля Лира, цветы, упомянутые поэтом, ручей Офелии. Название городка Монфермейль хорошо известно по «Отверженным» В. Гюго. Здесь Козетта жила в услужении у Тенардье. Здесь ее нашел и спас от лишений и обид Жан Вальжан. Сегодня в Монфермейле можно прогуляться по улицам Жана Вальжана и Козетты, повторить вместе с ней путь к источнику, в лесную темь – так жители перенесли романтическую историю в свою жизнь. По-другому, но тоже с элементом игры, ничем не примечательный городок в Нормандии украшает свои улицы копиями знаменитых скульптур, вроде статуи Свободы Ф. Бартольди, воспринимаемой во всем мире в качестве символа Америки. Играя, человек пытается выйти за границы повседневности, увидеть и прочитать свою жизнь в зеркале высоких идей, в укладе престижной эпохи, в необычности далекого мира, в фантазии поэзии и искусства [5, с. 59–61].

Игровая семиотика, которая основывается на отсылках к разнообразному прецедентному материалу и, как следствие, является сложной по строению и мало предсказуемой, требует для себя адресата, посвященного в историческое и культурное наследие общества и, следовательно, лучше подготовленного для восприятия и понимания общения. Отсюда следует и педагогическое заключение: при обучении языку, тем более иностранному, игровые аспекты коммуникации (как семиотические, так и языковые), характерные для данного общества, должны учитываться при определении как содержания, так и методов обучения. В отношении французского языка, за которым стоит одна из наиболее богатых и утонченных культур, это требование особенно актуально.

Библиографические ссылки

1. Лотман Ю. М. Внутри мыслящих миров. М., 1996.
2. Guiraud P. La sémiologie. P.: P. U. F., 1973.
3. Телия В. Н. Коннотативный аспект семантики номинативных единиц. М., 1986.
4. Санников В. З. Русский язык в зеркале языковой игры. М., 1999.
5. Макаров В. В. Francus ludens в языке культуры // Новые подходы к вопросам теории и практики преподавания французского языка в РФ. М., 1998. С. 57–62.

УДК 811.161.1'373.611'42

НЕОФЕМИНИТИВЫ В СМИ И ИНТЕРНЕТЕ: КОММУНИКАТИВНО-ПРАГМАТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Л. А. Козловская

*Белорусский государственный университет,
ул. К. Маркса, 31, 220030, г. Минск, Беларусь, tpzkozl@gmail.com*

В соответствии с заявленной темой в настоящей статье описываются точечные окказиональные дериваты из разряда феминитивов. На материале текстов средств массовой информации и сетевых источников интернета показана коммуникативно-прагматическая специфика неофеминитивов. В проблемном аспекте затронуты вопросы, связанные с эмоционально-оценочной окраской последних, а также перспективами их узуализации.

Ключевые слова: гендер; гендерная лингвистика; маскулинитивы; феминитивы; неофеминитивы.

NEW FEMINIZING NOUNS IN THE MEDIA AND INTERNET: COMMUNICATIVE AND PRAGMATIC ASPECT

L. A. Kozlovskaja

*Belarusian State University,
31 Karl Marks St., 220030, Minsk, Belarus, tpzkozl@gmail.com*

The article describes occasionally used derivatives from the category of feminizing nouns. The communicative and pragmatic specificity of these new feminizing nouns is shown based on the material of texts from the media and network sources on the Internet. The study focuses on the problematic aspect of issues related to the emotional coloring of the nouns in question, as well as the prospects for their conceptualization.

Keywords: gender; gender linguistics; masculinitives; feminizing nouns; new feminizing nouns.

Истоки исследовательского интереса к проблематике функционирования феминитивов, в том числе к связанным с ними деривационным процессам, лежат в плоскости гендерной лингвистики. В диахроническом аспекте в изучении этого направления принято поэтапно выделять биологический детерминизм, переходный период и собственно гендерные исследования.

Биологический род как фактор, напрямую влияющий на грамматический род, впервые начал осмысливаться еще в античные времена. На протяжении долгого времени в лингвистике господствовала символично-

семантическая гипотеза о причинах появления и функционировании в языке категории рода. Данная гипотеза основывалась на соотнесении грамматического и биологического полов. Мыслители, придерживающиеся этой гипотезы, среди которых были И. Гердер, В. Гримм, В. Гумбольдт, считали, что грамматический род как категория возник на основании известной биологической данности – принадлежности каждого человека к женскому либо мужскому полу. Со временем данная гипотеза объяснения категории рода в языке была вытеснена морфологической и синтаксической гипотезами, однако неизменным оставалось признание того, что категория рода все же может влиять на восприятие слов и понятий носителями языка. Так, персонификация приписывает объектам, обозначаемым словами женского рода, свойства лиц женского пола, а объектам среднего и мужского рода – свойства лиц мужского пола.

Исследования гендерного фактора в период биологического детерминизма в большинстве случаев носили описательный характер и имели биологический подход к изучению языков. Исходной позицией исследователей были предопределенные природой различия в когнитивных и в целом в интеллектуальных способностях мужчин и женщин. Соотношение пола, образования, культуры, возраста не рассматривалось. Природная обусловленность стала исходным пунктом интерпретации признаков полового диморфизма в языке и речи [1, с. 231].

Во второй половине XX в. гендерные исследования значительно активизировались в сравнении с предыдущими десятилетиями, что объяснялось как изменениями в научной парадигме (в 60-х – 70-х гг. XX в. происходил переход от структурализма к прагматике), так и изменениями в социальной жизни общества, в частности формированием постмодернистской теории познания и распространением идей феминизма. Именно в этот период в лингвистике появилось несколько лингвистических направлений, которые различались по концептуальным установкам, методам исследования и характеру изучаемого материала. Следует, однако, отметить, что данные направления имели множество точек соприкосновения, а потому их дифференциация носит в некоторой мере условный характер. Таким образом, выделяются следующие направления:

- лингвокультурологические исследования, включая гипотезу гендерных субкультур;
- собственно гендерные исследования;
- социолингвистические гендерные исследования;
- феминистская лингвистика;
- исследование маскулинности;

- психолингвистическое изучение пола, смыкающееся в последнее время с нейролингвистикой (сюда же относится биодетерминизм);
- исследование детской речи и др. [2, с. 45].

В указанных направлениях с разных точек зрения рассматриваются и иные вопросы, в частности значение гендерного фактора в языке (различия в использовании мужчинами и женщинами системы номинаций, синтаксиса, лексикона и др.); различия в речевом поведении мужчин и женщин, а именно стратегии и тактики, гендерно специфический выбор единиц лексикона, способы достижения успеха в коммуникации и др.

В 1960–1970-х гг. XX в. гендерные исследования в языке получили мощнейший толчок к развитию, вызванный так называемым Новым женским движением в США и Германии, в результате чего в языкознании возникло своеобразное направление, названное феминистской лингвистикой, или феминистской критикой языка. Язык при этом был обвинен в сексизме – дискриминации по признаку пола, которой подвергаются женщины. Дискриминация выражается, например, в: преобладании мужских форм в языке, вторичности и объектности женщин, совпадении во многих языках понятий *человек* и *мужчина*, преобладании в обозначениях женщин негативных оценок и др. В основе подобных рассуждений лежала гипотеза лингвистической относительности Сепира-Уорфа: язык структурирует и направляет мышление, поэтому сознание человека в значительной мере определяется особенностями языка. При этом феминистская лингвистика предложила многочисленные рекомендации по реформированию языка.

В настоящее время заметно активизировался исследовательский интерес к феминитивным формам в разных языках, особенно в тех, где наблюдается их лакуарность на фоне широкого распространения маскулинов. К таким языкам относятся, в частности, русский, белорусский и др. Исследуя модели деривации, специалисты чаще всего приводят примеры феминитивов, образованных при помощи суффиксов *-к-*, *-есс-*, *-ин-*, *-иц-*. В общелитературном языке при помощи суффикса *-к-* образуются чаще катойконимы и этнонимы: соответственно обозначения женщин – жительниц различных населенных пунктов (*москвичка, горожанка, селянка* и др.), женщин – представительниц различных этносов и национальностей (*россиянка, азиатка, англичанка* и др.) и примыкающие к подобным названиям обозначения последовательниц разных религий (*христианка, буддистка, протестантка* и др.). Такие номинации в основном стилистически нейтральны, известны большинству членов языкового сообщества, закреплены в словарях и не вызывают споров. Возникающие общественные дискуссии по поводу обозначения женщин не коснулись этих видов феминитивов, а затронули прежде всего неомаскулины, к

которым в первую очередь принято относить названия женщин по профессии (*редакторка, терапевтка, иллюстраторка, фотографиня, врачиха, пожарная* и др.), по должности (*деканесса*) и по роду деятельности (*геймерка, реперка* и др.) [3, с. 2605].

Потребностью в акцентировании женской субъектности обусловлено активное появление (преимущественно в рамках неформальной коммуникации) неофеминитивов – окказиональных дериватов, заполняющих отсутствие нормированных феминитивов. Для наблюдения за данным языковым явлением из текстов средств массовой информации и сетевых источников интернета (ВКонтакте, Инстаграм и др.) методом случайной выборки нами было извлечено 109 неофеминитивов. В сформированном блоке примеров наиболее частотными оказались неофеминитивы, обозначающие женщин по профессии, такие как: *филологиня, филологесса, лингвистка, хирургиня, поварка, баристка* и др. Например (орфография и пунктуация сохранены):

Впрочем, распуганные истерически ржущими филологинями людишки (куда им до нас, человекобогов) с нами могут и не согласиться: пройдите мимо и простите нам наше счастье.

Лингвистка набрала уж было воздуха, чтобы обдать всех новым потоком своей гениальности, но взгляд ее зацепился за нечто.

«На фига тебе машина?» – Жалоб нет? – спрашивает хирургиня. – Нет, – честно смотрю ей в глаза.

Поссорилась со знакомой (убежденной «феминисткой») из-за того, что она все время говорит о себе «поварка», Да черт возьми, поварка – это оскорбление моих филологических чувств!

Контекстуальная специфика приведенных реплик позволяет согласиться с Е. А. Земской в том, что появление подобных неодериватов служит подтверждением влияния на деривационные процессы так называемой игровой функции словообразования. Игровая функция выполняет номинативную роль (игровое слово непременно именует что-либо), но в ней присутствует особое намерение говорящего – поиграть с формой речи, причем эта игра может быть и безобидной шуткой, и острой насмешкой, и злой иронией, и едким сарказмом [4, с. 186–193]. Так, ироничной эмоциональной окраски не лишено использование неофеминитивов, обозначающих женщин по должности и роду деятельности (*авторка, менеджерка, блогерка, лекторша, преподаша, командирша* и др.), например:

Ну у нас ведь главная проблема в том, что авторки оскорблены, а не в том что глобальное потепление на носу.

Я спросила у менеджерки, а как бы ей понравилось, если бы про нее такое «пошутили»?

Лекторша обманом вынудила всех прийти на свою фантастически нудную лекцию.

И пусть эта *преподиша* выпутается из этой ситуации, раз уж она такая умная.

«Будьте спокойны, не задирайтесь, – поучала *командириша*. – Если кто будет приставать, то в морду дать, если будет нужно – давайте без всякого стеснения.

Поверхностный в рамках данного эпизода исследований взгляд на предпочтительность деривационных средств при образовании неофеминитивов позволил обнаружить следующую суффиксальную иерархию:

-к(а) – (45 единиц) *Душевная жиличка*, полдня просидела, пила чай, говорила о бабьей доле;

-ш(а) – (26 единиц) *Гидиша* в Сингапуре перед группой русских туристов в автобусе хвасталась чёртовым колесом: мол, оно спроектировано и поставлено по фей-шую – всегда вращается по солнцу!;

-ин(я) – (14 единиц) *Я не согласна с Другиней*, пишущей в конце этого поста: «Кто виноват?»;

-есс(а) – (12 единиц) Единственной влиятельной *политикессой* в рассмотренных фильмах была Маргарет Тэтчер в «Железной леди»;

-их(а) – (7 единиц) Уже сами по себе какие-то искусственно введённые квоты и ограничения – например, квота для женщин в парламент, которой добиваются *борчихи* за права женщин –свидетельствуют о том, что естественным путём за женщин не голосуют сами же женщины!;

-иц(а) – (5 единиц) Хорошо известная гвардия во главе с вышедшей из сферы ЖКХ *пиарщицей* взялась за дело с большим энтузиазмом.

Коммуникативно-прагматический анализ неофеминитивов, извлечённых из источников неформальной коммуникации, позволяет сделать следующие выводы:

появление окказиональных дериватов (неофеминитивов) обусловлено функциональной потребностью в заполнении лакун соответствующих нормативных лексем;

подавляющее большинство неофеминитивов являются результатом демонстрации речетворческих способностей коммуникантов с целью акцентирования эмоционально-оценочной составляющей высказывания с акцентом на ироничное, как минимум, отношение к объекту обозначения;

неофеминитивы являются неотъемлемой частью неформальной коммуникации (вне зависимости от расхожего в целом негативного к ним отношения) и при условии достаточной степени распространения могут становиться фактами языка.

Библиографические ссылки

1. *Кирилина А. В.* Гендерные исследования в лингвистических дисциплинах // Гендер и язык / Московский государственный лингвистический университет, Лаборатория гендерных исследований. М. : Языки славянской культуры, 2005.
2. *Кирилина А. В.* Гендер: Лингвистические аспекты. М. : Институт социологии РАН, 1999.
3. *Буторина Е. П.* Феминитивы в узусе новых медиа // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2023. Том 16. Выпуск 8. С. 2600–2604.
4. *Земская Е. А.* Игровое словообразование // Язык в движении: К 70-летию Л. П. Крысина / Отв. ред. Е. А. Земская. М.: Языки славянской культуры, 2007. С. 186–193.

УДК 811 134 2'373.21

ФУНКЦИОНАЛЬНО-СЕМИОТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ ТОПОНИМОВ В ИСПАНСКОМ ОНОМАСТИЧЕСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ

В. В. Корнева

*Воронежский государственный университет,
пл. Университетская, 1, 394018, г. Воронеж, Россия, kornevavalentina@mail.ru*

В статье анализируется роль топонимов в формировании испанского ономастического пространства. Наглядно демонстрируется, как в испанском языке в результате трансонимизации от топонимов происходят другие классы собственных имен: фамилии, женские личные имена, агιονимы и экклезионимы, описываются особенности образования данных онимов. Делаются выводы о богатом функционально-семиотическом потенциале топонимов, их вкладе в расширение испанского ономастического пространства.

Ключевые слова: топоним; антропоним; фамилия; агιονим; онимизация; трансонимизация; испанский язык.

FUNCTIONAL-SEMIOTIC POTENTIAL OF TOPONYMS IN THE SPANISH ONOMASTIC SPACE

V. V. Korneva

*Voronezh State University,
Universitetskaya Square, 1, 394018, Voronezh, Russia, kornevavalentina@mail.ru*

The article analyzes the role of toponyms in the formation of the Spanish onomastic space. It is clearly demonstrated how in the Spanish language, as a result of transonymization, other classes of proper names are derived from toponyms - surnames, female personal names, agionyms and ecclesionyms, and the features of the formation of these onyms are described. Conclusions are drawn about the rich functional-semiotic potential of toponyms and their contribution to the expansion of the Spanish onomasticon.

Keywords: toponym; anthroponym; surname; agionim; onymization; transonymization; the Spanish language.

Имена собственные являются вторичными языковыми единицами. Они появляются в результате онимизации – переходе имен нарицательных в имена собственные – онимы, которые представлены в языке разными разрядами имен. Среди них основное место занимают антропонимы – различные формы именования человека и топонимы – географические названия природных и искусственных объектов. Совокупность всех видов онимов образует ономастическое пространство

или ономастикон. В нашем докладе мы рассматриваем, как формируется испанское ономастическое пространство на примере топонимов.

Древнейшие ойконимы на территории современной Испании, одной из высокогорных стран Европы, с протоиндоевропейским корнем *berg* ‘гора’ типа *Berge*, *Bergasa*, *Bergondo* подтверждают мнение ученых о том, что освоение географического пространства происходило путем онимизации – переходом нарицательных имен в разряд имен собственных – топонимы (см., например, [1]).

С течением времени на смену простым непроизводным топонимам приходят более сложные по структуре топонимы, имеющие в основном латинское происхождение. Среди них производные (*Sobremunt* ‘на горе’, *Montiel* ‘маленькая гора’), сложные (*Montehermoso* ‘красивая гора’, *Monteagudo* ‘остроконечная гора’) и составные топонимы (*Montes de San Benito* ‘Горы святого Бенито’, *Montealegre del Castillo* ‘веселая гора’ + ‘замок’) (см. подробнее [2, с. 72–74]).

В силу присущих испанскому языку структурных особенностей топонимы, будучи вторичными единицами, сами становятся этимонами других онимов. Зачастую это происходит в результате трансонимизации – переходе онимов из одного класса в другой [3, с. 347]. В частности, к топонимам восходит такой класс антропонимов, как семейное имя – фамилия. Оттопонимные фамилии, то есть фамилии, образованные от географических названий, в испанском языке, в отличие, скажем, от русского языка, составляют самый большой класс испанских фамилий. Согласно данным Р. Фауре Сабатера, в испанском языке 59 % фамилий имеют топонимическое происхождение, тогда как на долю остальных разных по происхождению фамилий приходится 41 % [4, с. 817]. Фамилии, восходящие к топонимам с этимоном *monte* ‘высокая гора’, широко распространены не только на всей территории Испании, но и далеко за ее пределами в странах испаноязычного мира. Общее количество оттопонимных фамилий с данным этимоном в «Словаре испанских фамилий» Р. Фауре Сабатера насчитывает 21 единицу [4, с. 524–528]. Среди фамилий, совпадающих в той или иной степени по форме с этимоном *monte*, в испанском ономастиконе представлены следующие варианты: *Monte*, *Del Monte*, *De Monte*, *Montes*. Нетрудно заметить, что одни из них имеют форму ед. ч. (*Monte*, *Del Monte*, *De Monte*), а другие – форму мн. числа. Существует мнение, что фамилия *Montes* в форме мн. числа происходит от таких топонимов, как *Montes de Valdeusa*, *Montes de Quijada*, *Montes de San Benito* и др. [4, с. 525–526].

Как следует из приведенных примеров, составные топонимации при переходе в другой класс онимов – фамилии утрачивают либо пер-

вый, либо второй компонент географического названия. Чаще всего утрачивается второй компонент, представленный в географическом названии атрибутивной конструкцией *de + nombre*, поскольку семантически значимым оказывается, как правило, первый компонент топонима.

В сложных по семантической структуре топонимах, будь то производные или сложные топонимы трансонимизация – переход в фамильные имена происходит без каких-либо изменений исходного топонима – этимона. Производные топонимы *Montejo*, *Montiel*, *Montilla*, *Monzón*, равно как и сложные топонимы *Monteagudo*, *Montahud*, *Montalbán*, *Montalván*, *Montalbo*, *Montalvo*, *Montoro*, *Montoya*, запечатлены в идентичных по форме фамилиях [5, с. 267; 6, с. 525–526].

Если в испанском топонимиконе есть и топонимы-универбы (производные или сложные), и образованные от них многословные составные топонимы, то в случаях такого рода нельзя однозначно сказать, от какого именно топонима произошла та или иная фамилия, поскольку от *Monte agudo* и *Monte agudo de las Salinas* произошла фамилия *Monteagudo*; от *Montoro* и *Montoro de Mezquita* – фамилия *Montoro*; от *Montalvo* и *Montalvo de Cameros* – фамилия *Montalvo*; от *Montejo* и *Montejo de Bricia*, *Montejo de Licerias*, *Montejo de la Sierra* – фамилия *Montejo*; от *Monzón* и *Monzón de Campo* – фамилия *Monzón*.

Таким образом, структурно-семантический анализ испанских фамилий, образованных от топонимов с компонентом *gora*, показал следующее.

Во-первых, количество топонимов многократно превышает количество оттопонимных фамилий. В проанализированном нами материале их соотношение колеблется от 1 : 2, 1 : 3 до 1 : 12 и, возможно, даже больше. Такое положение дел объясняется полным отсутствием расчлененных фамилий с двумя и более знаменательными словами при их широком распространении в топонимиконе, в котором, наоборот, представлено большое количество составных топонимов с одной и той же производящей основой (названием определенного элемента рельефа).

Во-вторых, тот факт, что одни фамилии, образованные от непродных и производных оротопонимов, имеют форму ед. числа, а другие форму мн. числа, а также наличие или отсутствие в них определенного артикля либо предлога *de*, равно как и использование полной, сокращенной либо диминутивной формы этимона – оронима, вовсе не является доказательством «абсолютной свободы» создания фамильных имен, наличием у коммуникантов возможности выбора той или иной формы репрезентации. В новых когнитивных и коммуникативных условиях при создании фамилий коммуниканты используют – полностью или частично

– уже готовую единицу знания – исходную форму этимона-топонима для вербализации нового ономастического знания – фамилии.

В-третьих, исходная форма топонима сохраняется в фамилиях в том случае, если топоним представляет собой универбальную номинацию, независимо от его словообразовательной структуры, является ли он непроизводным, производным или сложным.

В-четвертых, если топоним является составным, образованным по модели *nombre + de + nombre*, то при трансонимизации – при переходе топонима в фамильное имя всегда утрачивается один из его компонентов, либо первый *nombre*, либо второй *de + nombre*, в зависимости от того, какой из них, по мнению коммуникантов, обладает большей дифференцирующей силой. Чаще всего сохраняется и становится фамилией первый компонент составной топономинации, который с точки зрения словообразовательной структуры, как правило, является сложным названием, хотя он может быть и простым – непроизводным или производным. Если же фамилией становится второй компонент составного топонима, то в ней обязательно сохраняется предлог *de*. Так из полного географического названия типа *Cardiel de los Montes* рождается фамилия *Delos Montes*.

В испанском языке топонимы могут быть источником образования не только семейных именований – фамилий, но и других классов и рядов онимов. В частности, на их основе возникают религиозные онимы, среди которых эkkлeзионимы и агионимы. Данные термины в «Словаре русской ономастической терминологии» Н. В. Подольской трактуются следующим образом: «Экклeзионим – класс топонима. Собственное имя места совершения обряда, места поклонения любой религии; в том числе название церкви, часовни, креста, монастыря» [6, с. 149]; «агионим – имена святых» [6, с. 27].

К числу агионимов относятся широко распространенные в испанской лингвокультуре так называемые «титulyные номинации» Девы Марии. Так в отечественной лингвистике принято обозначать составные обозначения Богородицы, второй компонент которых индивидуализирует имя святой по разным основаниям, будь то ее благодеяния и добродетели, место земного пребывания или же легенды и притчи о ней. По сути своей титульные номинации схожи с названиями православных икон Богоматери, таких, например, как *Утешение*, *Нечаянная радость*, *Казанская*, *Владимирская* и др. Число подобных названий Богоматери в русской православной иконографии невелико по сравнению с титульными номинациями Девы Марии в странах испаноязычного мира, исповедующих католицизм. В качестве примера назовем лишь некоторые из них: *María del Carmen*, *María de la Navidad*, *Virgen del Camino*, *María de la*

Gloria, María del Consuelo. Разница между русскими и испанскими титульными номинациями Богоматери заключается не только и не столько в их количестве и внешней форме, сколько в их разном функционально-семиотическом потенциале.

В испанском языке разные формы именования Девы Марии могут обозначать ее скульптурные и иные изображения, культовые религиозные сооружения – часовни, церкви, а также монастыри, то есть из агионима они переходят в другой разряд религиозных онимов – экклезионимы.

Особое почитание Девы Марии в испаноязычном мире привело к тому, что многие ее титульные номинации стали женским личным именем. В испанской ономастике их обозначают термином *advocaciones marianas*.

Приведенные выше данные показывают, как в результате трансонимизации происходит расширение испанского ономастикона: от апеллятива образуются топонимы – названия населенных пунктов, от которых происходят либо такой вид антропонимов, как фамилия (оттопонимические фамилии), либо агионимы – титульные номинации Богоматери. В свою очередь от топонимических титульных номинаций Девы Марии образуется другой разряд антропонимов – женские личные имена, а также другие религиозные онимы – экклезионимы (названия скульптурных и иных изображений Девы Марии, названия церквей и монастырей).

Все вышеизложенное позволяет прийти к следующим выводам. В испанском языке в результате онимизации названия оронимов – элементов рельефа становятся топонимами – названиями населенных мест.

В результате трансонимизации топонимов возникают другие классы онимов. В частности, от топонимов образуются разные виды антропонимов, а именно фамилии, которые в испанском ономастиконе составляют большую половину всех фамильных имен, а также агионимы – титульные номинации Богородицы, от которых происходят женские личные имена, широко распространенные как в Испании, так и во всем испаноязычном мире, а также экклезионимы.

В целом приведенные данные свидетельствуют о том, что в испанском языке топонимы обладают богатым функционально-семиотическим потенциалом и играют важную роль в формировании испанского ономастикона.

Библиографические ссылки

1. Суперанская А.В. Общая теория имени собственного. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2019.

2. Корнева В. В., Тужикова Д. Б. Оротопонимы в испанской языковой картине мира: монография. Воронеж : НАУКА-ЮНИПРЕСС, 2023.
3. *Лингвистический энциклопедический словарь* / Гл. ред. В.Н. Ярцева. М.: Сов. Энциклопедия, 1990.
4. Faure Sabater R., Ribes M. A. y Garcia A. Diccionario de apellidos españoles. Madrid : Espasa Calpe, S.A., 2009.
5. Alcantara J. G. Ensayo histórico, etimológico y filológico sobre los apellidos castellanos. Madrid : Emprenta y Estereotipia de M. Rivadegegra, 1871.
6. Подольская Н. В. Словарь русской ономастической терминологии. 2-е изд. М. : Наука, 1988.

УДК 811.161.1'271

ЛИНГВОПРАГМАТИЧЕСКОЕ НАПРАВЛЕНИЕ ИЗУЧЕНИЯ РЕЧЕВОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ

М. В. Ладутько

*Белорусский государственный университет,
ул. К. Маркса, 31, 220030, г. Минск, Беларусь, ladutko.m@mail.ru*

Анализируются возможности прагматики в изучении речевого воздействия. С применением метода объяснительного аналитического описания на материале теоретических источников выявлены сферы прагматических исследований, позволяющих дополнить целостное представление о речевом воздействии. Перспективы связываются с прагмасемантическим и прагмадискурсивным направлениями исследования речевого воздействия.

Ключевые слова: прагматика; речевое воздействие; теория речевых актов; интенция; стратегия; выбор; контекст.

THE LINGUOPRAGMATIC DIRECTION OF THE STUDY OF SPEECH IMPACT

M. V. Ladutko

*Belarusian State University,
31 Karl Marks St., 220030, Minsk, Belarus, ladutko.m@mail.ru*

The possibilities of pragmatics in the study of speech impact are analyzed. Using the method of explanatory analytical description based on the material of theoretical sources, the spheres of pragmatic research have been identified, allowing to complement the holistic view of speech impact. The prospects are associated with the pragmasemantic and pragmadiscursive directions of speech impact research.

Keywords: pragmatics; speech impact; theory of speech acts; intention; strategy; choice; context.

После коммуникативно-прагматического поворота в языкознании в лингвистических исследованиях намечаются два подхода к определению прагматической стороны языка: первый сводится к использованию языкового знака как средства формирования какого-либо результата, одним из которых является достижение наиболее эффективной словесной формы выражения мысли; второй подход нацеливает на воздействие вербальной формы в поведении человека как в физическом, так и интеллектуальном плане [1, с. 145–146]. Прагматическая функция языка признается разновидностью мыслительной и коммуникативной функций как

единства; представляет собой не только предназначенность языковых средств для осуществления эмоционального мышления, но и их заданность, целенаправленность на регуляцию поведения [2, с. 42].

Прагматические исследования речевого воздействия проводятся с учетом инференционной модели коммуникации, в которой внимание обращается не только на передаваемый код, но и на интенции, являющиеся причиной его передачи.

Определим значимые для изучения речевого воздействия сферы прагматических исследований: 1) употребление языка и теорию интерпретации речевых актов (Г. П. Грайс; Дж. Лич; Дж. Л. Остин; Дж. Р. Сёрль; Б. Ю. Городецкий; И. М. Кобозева; Е. Г. Которова; Е. А. Красина; И. П. Сусов; Н. И. Формановская и др.); 2) отношения знаков к субъектам, производящим и интерпретирующим их (А. Н. Баранов; Л. Р. Безуглая; В. В. Богданов; Т. В. Булыгина; А. Вежбицкая; В. З. Демьянков; М. Я. Дымарский; И. И. Заботкина; В. И. Карасик; Л. А. Киселева; Е. В. Падучева; Г. Г. Почепцов; В. Н. Телия и др.); 3) теорию, изучающую прагматические параметры текста и дискурса (Н. Д. Арутюнова; И. С. Баженова; В. В. Богданов; Т. А. ван Дейк; В. И. Карасик; М. Л. Макаров; Г. Г. Матвеева; Ю. С. Степанов; И. П. Сусов и др.).

Выявлению и описанию структуры речевого воздействия способствует теория речевых актов, в которой в качестве основной единицы коммуникации выступает речевое действие. Значимость теории заключается в том, что она объясняет, каким образом адресат понимает действия, осуществляемые адресантом. Сфокусированное внимание на описании внутренней структуры речевого акта позволяет представить трехуровневое образование – локутивный акт – иллокутивный акт – перлокутивный акт. Локутивное значение и иллокутивная сила характеризуют речевой акт с содержательной точки зрения. Перлокутивный акт представляет собой воздействие на адресата посредством высказывания, причем в центре внимания оказывается действие, изменение в состоянии и поведении адресата как достижение результата воздействия [3, с. 223–224]. «Это воздействие обычно предполагает изменение убеждений или целей слушающего» [4, с. 323]. Классификации речевых актов предложены в работах Дж. Л. Остина [5], Дж. Р. Сёрля [6], Дж. Лича [7], Г. Г. Почепцова [8], В. В. Богданова [9] и других; наиболее убедительной признается типология Дж. Сёрля [6].

Л. Л. Федорова сопоставляет речевое воздействие с коммуникативным действием по соотношению объектов действия: речевое воздействие направлено на собеседника, коммуникативное действие – на само сообщение. Это открывает возможность более полного анализа речевого воз-

действия как рассчитанного эффекта, вызывающего определенную реакцию адресата [10, с. 46]. В авторской модели акта речевого взаимодействия в структуру речевых действий включены речевое воздействие, коммуникативное действие, речевое самовыражение [10, с. 47]. С этих позиций уточняется понимание речевого воздействия как основной составляющей речевого действия [10, с. 47]. В типологию речевого воздействия включены 1) социальные воздействия; 2) волеизъявления; 3) разъяснение и информирование; 4) оценочные и эмоциональные речевые воздействия [10, с. 48–49].

Речевое воздействие связано с уровнем стратегической организации речевой структуры. Выбор способа речевого воздействия, выбор приемов его репрезентации, выбор средств вербализации воздействия – эти действия предполагают знания языковых ресурсов и навыка стратегического маневрирования.

Категория стратегия отличается разнообразием интерпретаций, что может объясняться желанием исследователей дать дефиницию под решение конкретной прикладной задачи. Среди различных толкований стратегии отметим дефиниции, данные в работах А. А. Романова [11, с. 104], Т. Е. Янко [12, с. 38], Т. А. ван Дейка [13, с. 104]. В научной литературе к стратегиям речевого воздействия относят рационально воздействующие, эмоционально воздействующие стратегии [14, с. 159], а также смешанные стратегии [15, с. 64].

Идеи Дж. Сёрля [16], Г. П. Грайса [17] получают развитие в работах Е. В. Падучевой, В. В. Дементьева, Г. Г. Матвеевой. Так, Е. В. Падучева видит важность имплицатуры в том, что это понятие дает возможность «разгрузить» семантическое описание слова, удалив из него компоненты общекоммуникативного происхождения» [18, с. 239]. Различая пресуппозиции и имплицатуры, исследователь характеризует имплицатуры такими признаками, как нестабильность, неотделимость от семантического содержания, вычислимость [18, с. 239–240]. В. В. Дементьев трактует непрямую коммуникацию как содержательно осложненную коммуникацию, в которой понимание высказывания включает смыслы, не содержащиеся в собственно высказывании, и требует дополнительных интерпретативных усилий со стороны адресата [19, с. 4]. Непрямой коммуникации сопутствует не прямое воздействие, отличающееся от коммуникации тем, что, во-первых, всегда предполагает направленность коммуникативных процессов; во-вторых, предполагает программируемую интерпретацию адресата [19, с. 178]. В рамках концепции скрытой прагмалингвистики Г. Г. Матвеева вводит термин «скрытое воздействие», под которым подразумевает такое воздействие, которое не осознается участниками коммуникации из-за автоматизированных речевых сигналов [20,

с. 39]. Процесс воздействия представлен как со стороны отправителя сообщения, так и со стороны получателя сообщения: адресант, в соответствии со своим речевым опытом, воздействует на получателя, выбирая автоматически, неосознанно лингвистические единицы; адресат, интуитивно воспринимающий это скрытое воздействие и сопоставляющий его со своим собственным представлением о нормах речевого поведения в данной конкретной речевой ситуации, формирует отношение к сообщаемому, а также и к отправителю сообщения [20, с. 16]. Реализуется скрытое воздействие посредством приемов неосознаваемого выбора отправителем сообщения речевых сигналов, отражающих его речевые привычки.

Речевое воздействие предполагает варьирование языковых средств для передачи оттенков прагматических смыслов. Р. М. Блакар выделяет три уровня, на которых язык может осуществлять воздействие: 1) в акте коммуникации – особенности языкового употребления лица, передающего информацию, структурируют и оказывают влияние на воспринимающего эту информацию; 2) в концептуализации реальной действительности данной языковой системой; 3) во взаимоотношении между различными языками и диалектами [21, с. 92]. Исследователь в ходе анализа языкового материала подводит к выводу, что «мы выбираем слова и выражения, которые создают или порождают тот контекст, в котором мы хотели бы видеть свои высказывания» [21, с. 112]. Среди языковых средств обозначаются выбор слов и выражений, создание новых слов и выражений (использование креативных возможностей языковой системы), выбор грамматических форм, выбор скрытых или подразумеваемых предпосылок [21, с. 102]. При этом устанавливается закономерность: при реализации речевого воздействия адресант ориентирован на позицию адресата и предопределяет использование языковых средств. Таким образом, прагматическую категорию выбор можно интерпретировать как выделение говорящим из ряда высказываний, единиц языка, языковых средств тех из них, которые максимально отображают его интенцию и отвечают экстралингвистическим и лингвистическим факторам речевого акта для достижения оптимального воздействия на адресата, поскольку именно «оптимальность является тем критерием, с помощью которого определяется выбор варианта действия» [20, с. 26].

И. С. Баженова видит прагматический потенциал как материализованное намерение адресанта оказать определенное воздействие на адресата и передать ему столько дополнительной информации, сколько тот в состоянии извлечь из языковых единиц текста, опираясь на свои фоновые знания [22, с. 216]. Контекстуальное значение высказывание, понимание невыраженного, объем общих знаний коммуникантов – факторы,

предопределяющие эффективность воздействия и связанные с такой прагматической категорией, как контекст. Принято определять контекст как собственно лингвистический [23, с. 38]; как ситуативный экстралингвистический [24, с. 85].

Контекст помогает адресату вскрыть прагматический потенциал текста, «считать» речевое воздействие. И роль контекста возрастает в зависимости от степени маркированности речевого воздействия в тексте, которое может быть явно выраженным адресантом в тексте; может быть не выраженным в тексте, скрытым субъектом коммуникации; может быть не выраженным в тексте, но выявляемым аналитически. Контекст как совокупность разделяемых коммуникантами фоновых знаний однозначно направляет и поддерживает корректное понимание смысла текста, а значит, обеспечивает результативность речевого воздействия.

В. Е. Чернявская представляет контекст как конструируемую категорию, формируемую автором высказывания и прочитываемую адресатом по мере развития коммуникации [24, с. 88]. Это становится возможным при допущении того, что адресат обладает дискурсивной компетенцией – «способностью выводить замысел отправителя сообщения, его имплицатуры и пресуппозиции на основе интертекстуального знания, владения общими кодами и социокультурными конвенциями» [24, с. 89]. Такой подход обуславливает разграничение – контекст порождения высказывания и контекст восприятия высказывания – и отвечает целям современных исследований, может представлять интерес в изучении речевого воздействия в дискурсивной практике [24, с. 90–91].

Таким образом, анализ теоретических источников показывает, что в лингвопрагматике формируется понимание воздействия, во-первых, как направления речевого акта, интерпретированного в соответствии с интенцией автора применительно к конкретным ситуативным условиям – контексту [25, с. 95]; во-вторых, как процесса влияния на сознание и деятельность адресата с помощью языковых средств [20, с. 36]. Перспективными в исследовании речевого воздействия представляются прагмасемантическое направление – изучение значения с точки зрения адресанта и с точки зрения адресата, который пытается понять значение с помощью когнитивных моделей; прагматическое направление – динамический план исследования контекста и других прагматических категорий, связанных с речевым воздействием.

Библиографические ссылки

1. *Колишанский Г. В.* Коммуникативная функция и структура языка. 3-е изд. М. : Изд-во ЛКИ, 2007.
2. *Киселёва Л. А.* Вопросы теории речевого воздействия. Л. : Изд-во Ленингр. гос. ун-та, 1978.
3. *Демьянков В. З.* «Теория речевых актов» в контексте современной зарубежной лингвистической литературы // Новое в зарубежной лингвистике: Вып. 17. Теория речевых актов / сост.: И. М. Кобозева, В. З. Демьянков; под общ. ред. Б. Ю. Городецкого. М. : Прогресс, 1986. С. 223–234.
4. *Аллен Дж., Перро Р.* Выявление коммуникативного намерения, содержащегося в высказывании // Новое в зарубежной лингвистике: Вып. 17. Теория речевых актов / сост.: И. М. Кобозева, В. З. Демьянков; под общ. ред. Б. Ю. Городецкого. М. : Прогресс, 1986. С. 322–362.
5. *Остин Дж. Л.* Слово как действие // Новое в зарубежной лингвистике: Вып. 17. Теория речевых актов / сост.: И. М. Кобозева, В. З. Демьянков; под общ. ред. Б. Ю. Городецкого. М. : Прогресс, 1986. С. 22–130.
6. *Сёрль Дж. Р.* Классификация иллокутивных актов // Новое в зарубежной лингвистике: Вып. 17. Теория речевых актов / сост.: И. М. Кобозева, В. З. Демьянков; под общ. ред. Б. Ю. Городецкого. М. : Прогресс, 1986. С. 170–194.
7. *Leech Geoffrey N.* Principles of Pragmatics. London and New York, 1986.
8. *Почепцов Г. Г.* Предложение // Иванова, И.П., Бурлакова, В.В., Почепцов, Г.Г. Теоретическая грамматика современного английского языка. М. : Высш. школа, 1981. С. 161–281.
9. *Богданов В. В.* Речевое общение: Прагматические и семантические аспекты. Л. : Изд-во Ленингр. гос. ун-та, 1990.
10. *Федорова Л. Л.* Типология речевого воздействия и его место в структуре общения // Вопросы языкознания. 1991. № 6. С. 46–50.
11. *Романов А. А.* Системный анализ регулятивных средств диалогического общения. М. : Ин-т языкознания АН СССР, 1988.
12. *Янко Т. Е.* Коммуникативные стратегии русской речи. М. : Языки славянской культуры, 2001.
13. *Дейк Т. А. ван.* Стратегии понимания связного текста // Новое в зарубежной лингвистике: Вып. 23. Когнитивные аспекты языка / сост.: В. В. Петров, В. И. Герасимов. М. : Прогресс, 1988. С. 153–211.
14. *Савчук Т. Н.* Аргументация в русско- и белорусскоязычном научно-гуманитарном дискурсе. Минск : БГУ, 2018.
15. *Полуйкова С. Ю.* Персуазивные стратегии в современном просветительском дискурсе // Вестн. Перм. ун-та. 2010. № 4. С. 63–67.
16. *Сёрль Дж. Р.* Косвенные речевые акты // Новое в зарубежной лингвистике: Вып. 17. Теория речевых актов / сост.: И. М. Кобозева, В. З. Демьянков; под общ. ред. Б. Ю. Городецкого. М. : Прогресс, 1986. С. 195–222.
17. *Грайс Г. П.* Логика и речевое общение // Новое в зарубежной лингвистике: Вып. 16. Лингвистическая прагматика / сост.: Н. Д. Арутюнова, Е. В. Падучева; под общ. ред. Е. В. Падучевой. М. : Прогресс, 1985. С. 217–237.
18. *Падучева Е. В.* Семантические исследования (Семантика времени и вида в русском языке; Семантика нарратива). М. : Языки русской культуры, 1996.
19. *Дементьев В. В.* Непрямая коммуникация. М. : Гнозис, 2006.

20. *Матвеева Г. Г., Ленец А. В., Петрова Е. И.* Основы прагмалингвистики. 2-е изд. М. : ФЛИНТА: Наука, 2014.
21. *Блакар Р. М.* Язык как инструмент социальной власти // Язык и моделирование социального взаимодействия / сост.: В. М. Сергеев, П. Б. Паршин; под общ. ред. В. В. Петрова. М. : Прогресс, 1987. С. 88–125.
22. *Баженова И. С.* Эмоции, прагматика, текст. М. : Менеджер, 2003.
23. *Колишанский Г. В.* Контекстная семантика. М. : Наука, 1980.
24. *Нефёдов С. Т., Чернявская В. Е.* Контекст в лингвистическом анализе: прагматическая и дискурсивно-аналитическая перспектива // Вестн. Том. гос. ун-та. Филология. 2020. № 63. С. 83–97.
25. *Дейк Т. А. ван.* Язык. Познание. Коммуникация. М. : Прогресс, 1989.

УДК 811

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ПОСЛОВИЦ И ПОГОВОРК

Е. В. Левшикова, А. М. Рахунок

*Белорусский государственный университет,
ул. Курчатова, 5, 220045, г. Минск, Беларусь, e-mail: khamtsova@bsu.by*

Успешное овладение иностранным языком невозможно без усвоения знаний о культуре и истории его носителей. Пословицы и поговорки представляют собой ценный культурологический и лексический ресурс необходимый при изучении иностранного языка, что и определяет актуальность темы данной статьи.

Ключевые слова: пословицы; поговорки; классификация; функции; паремиология.

THEORETICAL FOUNDATIONS FOR THE STUDY OF PROVERBS AND SAYINGS

K. Leushykava, G. Rakhunak

*Belarusian State University,
Kurchatova St., 5, 220045, Minsk, Belarus, e-mail: khamtsova@bsu.by*

Successful mastery of a foreign language is impossible without acquiring knowledge about the culture and history of its speakers. Proverbs and sayings are a valuable cultural and lexical resource necessary in the process of learning a foreign language, which determines the relevance of the topic of this article.

Keywords: proverbs; sayings; classification; functions; paremiology.

Пословицы и поговорки – самый распространенный вид устного народного творчества. Существуют специальные словари пословиц и поговорок. Типичными чертами пословиц и поговорок являются: ритм, иногда рифма или аллитерации. Но наиболее характерная черта паремии заключается не в ее формальном языковом выражении, а в содержательной форме высказывания. Как известно, пословица или поговорка – это своеобразный способ высказывания, который в основном характеризуется своей краткостью. Пословицы и поговорки весьма многосторонни. И в какое бы время мы ни жили, они всегда останутся актуальными, приходящими всегда к месту.

Согласно В. В. Виноградову, пословицы и поговорки имеют структуру предложения и не являются семантическими эквивалентами слов [1, с. 24].

Пословицы относятся к коммуникативным фразеологическим единицам, и исследователи выделяют такие их характеристики, как афористическая сжатость, назидательный смысл, ритмически организованная форма [2, с. 340]. Пословицы могут выступать в роли самостоятельного предложения или части сложного предложения. Они так же способны выражать дидактическую цель. Пословицы – это популярные высказывания, которые содержат совет или излагают общепринятую истину. Важно отметить, что исходной точкой большинства пословиц является устное народное творчество, из-за чего формулировка паремий осуществляется в таком амплуа, которое позволяет элементарно и быстро запомнить паремию. Пословицы в большинстве случаев не изменяются при передаче от старшего поколения к младшему, и их определенное содержание не имеет того смысла, который был в нее заложен.

Пословицы, по словам В. Н. Телия, представляют собой мощный источник интерпретации, поскольку они и есть по традиции передаваемый из поколения в поколение язык веками формировавшейся обыденной культуры, в котором в сентенционной форме отражены все критерии и установки этой жизненной установки народа – носителя языка [3, с. 241]. Пословицы используются для подкрепления аргументов, предоставления уроков и наставлений, а также для подчеркивания общих ценностей.

Поговорка – краткое изречение, нередко назидательного характера, имеющее, в отличие от пословицы, только буквальный план и в грамматическом отношении представляющее собой законченное предложение [2, с. 379]. Если сравнивать поговорку с пословицей, можно заметить, что поговорка может иметь функцию фрагмента предложения или является компонентом образного сравнения.

Семантический аспект паремий служит основанием для поиска отличий между пословицами и поговорками, и ординарными утверждениями. Пословицы и поговорки имеют переносное значение, что позволяет не принимать во внимание буквальное значение паремий. Без буквального значения, содержащего идею, невозможно формирование переносного значения. Корректное и подходящее употребление пословиц и поговорок служит залогом актуальности паремий в жизни и речи человека. «Жизнедеятельность» и существование пословиц и поговорок основывается на их применении с использованием преобразований, избегая при этом фиксированной, а именно традиционной формы использования. Эти модификации, однако, никогда не оторвутся от инвариантов до такой сте-

пени, чтобы корреляция и ее вариант перестали восприниматься читателем. Поэтому использование такой единицы в измененной форме всегда будет привлекать наше внимание, заставляя гораздо внимательнее изучать слово в высказывании, чтобы понять идею [4, с. 15].

Одним из центральных вопросов паремиологии является вопрос классификации пословиц и поговорок. Данный вопрос имеет основополагающий характер и требует поиска решений и ответов для дальнейшего развития науки [5, с. 16]. Г. Л. Пермяков выделил некоторые основные классы пословиц и поговорок: по алфавиту, по опорным словам, основываясь на тематике или происхождении, по месту и периоду собирания [6, с. 13]. У каждого типа есть свои особенности, а также преимущества и недостатки.

Например, тематическая классификация представляет собой наиболее распространенный способ распределения паремий по группам. Основная задача состоит в том, чтобы сгруппировать пословицы и поговорки с учетом содержания фразы. «Многие пословичные изречения (собственно пословицы и поговорки) употребляются в переносном смысле, т. е. отличаются многотемностью, и потому не могут быть определены в рамки одной узкой темы. Все предметно-тематические классы, предлагаемые паремиологами, взаимно перекрещиваются и потому не дают (и не могут дать) однозначного решения» [7, с. 56] В. Н. Добровольский выделил 204 тематические группы паремий, перечислим некоторые из них:

- библейская тематика, или отражение христианских верований:

Charity covers a multitude of sins – Милосердие искупает многие грехи.

Bone of the bone and flesh of the flesh – Кость от кости и плоть от плоти.

- Паремии на тему денежных средств:

A thief passes for a gentleman when stealing has made him rich – Вор сойдет за джентльмена, когда он становится богатым.

He that has no money needs no purse – Тому и кошелек не нужен, у кого нет денег.

- Пословицы и поговорки, основывающиеся на теме черт людей, в особенности положительных:

To wear one's heart upon one's sleeve – Душа нараспашку.

As melancholy as a cat – Грустный как кошка.

- На тему погоды:

One swallow doesn't make a summer – Одна ласточка весны не делает.

After a storm comes a calm – После бури наступает затишье.

- На тему ума:

A silent fool is counted wise – Молчи – за умного сойдешь.

No man is wise at all times – На всякого мудреца довольно простоты.

- На тему времени:

Procrastination is the thief of time – У завтра нет конца.

Happiness takes no account of time – Счастливые часов не наблюдают.

Исходя из вышеописанного, каждая из классификаций имеет свои плюсы и минусы, но для каждой из данных групп есть возможность применения. Таким образом, любая классификация, имеющая право на существование в настоящее время, не является опорным фундаментом для реализации и формирования концепции жанра.

Среди основных функций пословиц и поговорок можно выделить следующие: коммуникативная, познавательная, регулятивная, эстетическая, эмоционально-экспрессивная.

Коммуникативная функция отражает использование пословиц и поговорок в общении между людьми. Данная функция означает, что паремии применяются в повседневных разговорах для более точного выражения своей мысли. По словам В. П. Аникина, «если мы не поняли бы пословицы, не приняли бы во внимание их особую связь с речью, то никто не вспоминал бы пословицы без повода и причины» [8, с. 6].

Познавательная функция паремий заключается в разносторонности информации, которая в них передается. Рассматривая пословицы и поговорки определенного народа, можно проследить картину жизни и выделить основные ценности народа [9, с. 15].

Регулятивная функция означает возможность изречений влиять на реципиента для получения обратной связи. Именно для этого паремии возникают и используются в речи человека. Данная функция отображает способность фольклорных изречений придавать речи значимость.

Эстетическая функция является ценностью пословиц и поговорок и отражается многогранно. Паремия, которая выполняет данную функцию в речи, представляет собой не только способ оценки, но и самоцель. Происходит оценивание, которое исполняет роль подтверждения суждения пословицы или поговорки [3, с. 156].

Эмоционально-экспрессивная функция выражается только тогда, когда в высказывании можно наблюдать прямое отношение человека к происходящему или тому, о чем он повествует. Как можно заметить, поговорка в более значительной мере выражает эмоционально-экспрессивную оценку всевозможных ситуаций, происходящих в жизни [10, с. 157].

Таким образом, пословицы и поговорки – это произведение народного творчества, передаваемые устным путем. Паремии являются отражением культуры, обычаев, ценностей и национального менталитета. Преимущество пословиц и поговорок в их краткости, лаконичности и сжатости. Одна краткая фраза имеет глубокий смысл. Пословицы и поговорки имеют широкий спектр использования: они украшают речь и дают некое наставление для человека, принимающего информацию. Паремии также имеют широкий спектр тем в своем содержании.

Библиографические ссылки

1. *Виноградов В. В.* Русский язык: грамматическое учение о слове. 4-е изд. М. : Рус. яз., 2001.
2. Большой энциклопедический словарь. Языкознание / Гл. ред. В. Н. Ярцева. 2-е изд. М. : Большая Российская энциклопедия, 2002.
3. *Телия В. Н.* Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологические аспекты. М. : Школа «Языки русской культуры», 1996.
4. *Андреева Л. А., Мирошниченко Л. В.* Стилистика русского языка. Казань : Идель, 2000.
5. *Рассохин П. А.* 2000 английских пословиц и поговорок от А до Я. М. : Аспект-Пресс, 2018. .
6. *Пермяков Г. Л.* Основы структурной паремиологии. М. : Наука, 1988.
7. *Литвинов П. П.* Англо-русский фразеологический словарь с тематической классификацией. М. : Яхонт, 2000.
8. *Вавилкина М. О.* Метафоричность английских пословиц // Всероссийская научно-практическая конференция, посвящённая 70-летию Победы советского народа в Великой Отечественной войне. Пенза : Издательство ПГУ, 2015. С. 32–34.
9. *Шагиахметова Л. И.* Функции паремиологических единиц // Вестник Челябинского государственного университета. 2009. №30. С. 156–158.
10. Энциклопедический словарь-справочник / под ред. А.П. Сковородникова. 3-е изд. М. : Флинта, 2011.

УДК 811.161.1'42

ТИПЫ КОСВЕННЫХ РЕЧЕВЫХ АКТОВ СО ЗНАЧЕНИЕМ ПОБУЖДЕНИЯ В РУССКОЙ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ПРОЗЕ 1920-Х ГГ.

Н. А. Михальчук

*Белорусский государственный университет,
ул. К. Маркса, 31, 220030, г. Минск, Беларусь, n-mihalchuk@list.ru*

Исследуются косвенные речевые акты со значением побуждения в официальном дискурсе в русской прозе 1920-х гг. Выделены и разграничены типы косвенных речевых актов с данным значением. Обосновано, что для косвенных побуждений характерны формулы, включающие одно или несколько слов, высказывания со средствами модальности со значением долженствования, конструкции с глаголом в форме будущего времени, с формами сослагательного наклонения, с модальным глаголом «мочь», с лексемой «желание» в субъекте или предикате.

Ключевые слова: непрямая коммуникация; косвенный речевой акт со значением побуждения; официальный дискурс.

TYPES OF INDIRECT SPEECH ACTS WITH THE MEANING OF INCENTIVE IN RUSSIAN FICTION OF THE 1920S.

N. A. Mihalchuk

*Belarusian State University,
31 Karl Marks St., 220030, Minsk, Belarus, n-mihalchuk@list.ru*

Conventional indirect speech acts with the meaning of motivation in official discourse in Russian prose of the 1920s are studied. The types of conventional indirect speech acts with this meaning are identified and delimited. It is substantiated that indirect incentives are characterized by formulas that include one or more words, statements with modal means with the meaning of obligation, constructions with a verb in the form of the future tense, with forms of the subjunctive mood, with the modal verb “to be able”, with the lexeme “desire” in the subject or predicate.

Keywords: indirect communication; indirect speech act with the meaning of incentive; official discourse.

Непрямая коммуникация – термин, введенный в Саратовской лингвистической школе В. В. Дементьевым в работе «Непрямая коммуникация и ее жанры» в 2000-х гг. [1] Вслед за В. В. Дементьевым мы определяем непрямую коммуникацию как «содержательно осложненную коммуникацию, в которой понимание высказывания включает смыслы, не

содержащиеся в собственно высказывании, и требует дополнительных интерпретативных усилий со стороны адресата» [2, с. 5]. В качестве разновидности не прямой коммуникации учеными трактуются косвенные речевые акты. Данные высказывания Дж. Серль определяет как случаи использования в целях передачи иллокуции У высказываний, грамматическая форма которых обычно употребляется для выражения иллокуции Х [3].

Принимая определение Н. И. Формановской, побудительность мы считаем одним из «целеполаганий говорящего, отражающим его волеизъявление, с одной стороны, а с другой – побуждение к действию адресата» [4, с. 188]. Среди частных значений, выражаемых в рамках побуждения, рассматриваем просьбу, приказ, команду, предложение, приглашение, совет, директивный упрек и некоторые другие. К косвенному речевому акту с интенцией побуждения относим высказывание, в котором данное прагматическое значение выражается в виде речевых структур, не предназначенных для его реализации, – например, в форме вопроса или сообщения.

В отличие от частного дискурса, официальное общение является статусно-ориентированным, в нем адресант и адресат выступают в качестве представителей определенных общественных групп, придерживаются социальных ролей. Как отмечает В. И. Карасик, системообразующим признаком институционального дискурса является «статусная, представительская функция человека» [5, с. 190]. Основные характеристики официального общения – стабильность, традиционность и стандартизированность [6].

Для репрезентации коммуникативных интенций говорящему в официальной беседе, как правило, не предоставляется свободы в выборе речевых и языковых средств, не открывается пространства для творческого, индивидуализированного применения коммуникативных стратегий и тактик. Адресанты вынуждены следовать установленным в социуме и закрепленным за данной ситуацией общения правилам речевого поведения, и мы предполагаем, что ими должны избираться ритуализированные способы выражения побуждения, клишированные средства языка и речи.

Цель данной статьи – выявление характерных черт косвенной реализации побуждения в официальном дискурсе в русской прозе 1920-х гг.: основных речевых моделей выражения интенции, специфики употребления в различных гипержанрах.

В качестве материала для анализа были выбраны повесть А. Фадеева «Разлив» (1923 г.), роман «Разгром» (1926 г.) [7], роман К. Федина «Города и годы» (1924 г.) [8], повести М. Булгакова «Собачье сердце» (1925 г.), «Роковые яйца» (1926 г.) [9].

Анализу подлежит группа косвенных конвенциональных речевых актов со значением побуждения (общее число высказываний – 393). Изучение косвенных речевых актов проводится в двух контекстах: 1) диалог; 2) нарративный контекст, отражающий реплику в диалоге. Высказывания, релевантные для проблематики статьи, отбирались методом сплошной выборки.

Как показывают результаты нашего исследования, в анализируемых текстах произведений актуализированы следующие гипержанры официального дискурса: **административный дискурс** (общение между интеллигенцией и новой советской властью в повести М. Булгакова «Собачье сердце», между представителями органов местного управления и народом в романе К. Федина «Города и годы», в повести А. Фадеева «Разлив» и романе «Разгром»); **военный дискурс** (коммуникация между участниками военных событий в романе А. Фадеева «Разгром», К. Федина «Города и годы»); **дискурс представителей научной общественности** (диалоги ученого и его коллеги, высказывания профессора, адресованные корреспондентам, в повестях М. Булгакова «Собачье сердце», «Роковые яйца»); **журналистский дискурс** (реплики журналистов, направленные профессору в повести «Роковые яйца»); **дискурс врачебной практики** (диалог между профессором и пациентами в повести «Собачье сердце»).

Назовем основные модели выражения косвенного побуждения в официальном общении на материале количественных данных, собранных на основе анализа пяти указанных выше речевых гипержанров.

1. Конвенциональные формулы, состоящие из одного или из нескольких слов (77 контекстов)

Данные речевые акты, по мнению Н.И. Формановской, регулярно используются вышестоящими при реализации интенции команды: «в этом случае нет времени прибегать к перформативному указанию на характер речевого действия» [4, с. 194]. В таких высказываниях, как отмечает лингвист, «иллокуция имплицитна, а пропозиция налицо» [4, с. 194]. Команда не отождествляется Н. И. Формановской с приказом, как это часто наблюдаем в научной литературе, на основании того, что результат команды не долгосрочен, как в случае приказа, а мгновенен.

В текстах произведений 1920-х гг. находим такого рода формулы в военном гипержанре произведений А. Фадеева и К. Федина, в дискурсе врачебной практики в прозе М. Булгакова. Ср.: «Смирно!», «Ро-та! Вперед, за капитаном!» («Города и годы»); «В ружье! По коням», «Тревога!», «Пли!», «Лошадей!», «Сюда!», «Назад!», «За мной! Бегом!», «Ложись!» (не к одному адресату, а ко многим), «Обыскать!»

(«Разгром»); *«Нож! – крикнул Филипп Филиппович, «На стол!» («Собачье сердце»).*

2. Высказывания, содержащие средства модальности «нужно, «надо», «должен» (43 контекста)

Непрямые реализации интенции со средствами модальности со значением долженствования закономерно являются одной из самых частотных групп среди конвенциональных косвенных побуждений: они в целом отражают импозитивный, категоричный характер официальной коммуникации и обычно адресуются вышестоящим нижестоящему. Ср.: *«Надо хорошие похороны, – это хороший красный командир!» (=организуите; приказ; «Города и годы»).* *«В сжавшейся тишине лязгнул затвор и, запнувшись за что-то, жалобно заскрипел. Слышно было, как нервничают руки, стараясь достать патрон. «Почаще смазывать надо, – насмешливо сказал Левинсон» (=смазывай, приказ с оттенком неодобрения; «Разгром»).* *«На воинский учет необходимо взяться» (=встаньте; требование; «Собачье сердце»).*

Вместе с тем в данных примерах действие, к которому говорящий побуждает адресата, прямо не соотносится со слушающим, наблюдается коммуникативная отстраненность реализации интенции, что приводит к снижению категоричности высказываний. Конструкции со средствами модальности «надо», «нужно» в официальном дискурсе в меньшей степени, чем соответствующие им императивы, характеризуются коммуникативным давлением на адресата. Подобные не прямые реализации интенций, фигурируя во всех гипержанрах, являются частотными в военном и административном видах дискурса.

3. Конструкции с глаголом в форме будущего времени (40 случаев употребления)

Использование форм глагола будущего времени совершенного вида в побудительных высказываниях основано на особом свойстве индикатива – совмещать модальные значения реальности и «позитивной» ирреальности. Повествовательные конструкции косвенно реализуют интенции приказа, категоричной просьбы и демонстрируют авторитетность говорящего – личности с более высоким статусом (командира, врача, ученого), утверждают приоритет его позиции. Данные речевые формы в исследуемых текстах отмечены во всех гипержанрах официального дискурса, кроме журналистского.

«Свезешь в отряд Шалдыбы», – сказал Левинсон, протягивая пакет (=отвези; приказ; «Разгром»). *«Скажешь Дубову, чтобы прислал Ефимку, и можешь отправляться» (=скажи; приказ; «Разгром»).* *«Кстати, проверишь, что он за парень» (=проверь; приказ; «Разгром»).* *«Ляжете в клинику с утра» (=ложитесь; требование; «Собачье сердце»).*

4. Высказывания с формами сослагательного наклонения (32 контекста)

Конструкции с формами сослагательного наклонения используются с целью смягчения реализации интенции. В большинстве случаев высказывания адресуются нижестоящими вышестоящим и характерны для административного и медицинского гипержанров. Сослагательное наклонение в данном случае, как отмечает Н. И. Формановская, не переводит высказывание в модальный план ирреальности, а демонстрирует вежливость по отношению к адресату [4].

Ср.: *«Ты бы, Осип Абрамыч, прошелся как-нибудь по покосам, по-смотрел, чем косят люди. Целых кос ни у кого, хучь бы одна для смеху – все латаные»* (=пройдись; просьба крестьян, обращенная к командиру партизанского отряда; «Разгром»). *«И еще, Иван Кириллыч, зря пуцаешь в волость разные газеты. Ни черта ни поймешь – ясное дело. Присылал бы уж которую одну»* (=присылай одну; совет лесника председателю областного правления; «Разлив»). *«Эх, профессор, если бы вы открыли способ, чтобы и волосы омолаживать!»* (=откройте; совет пациента врачу; «Собачье сердце»).

5. Высказывания с модальным глаголом «мочь» (24 контекста)

Модель реализуется в случае выражения предложения и смягченного приказа и наблюдается преимущественно в административном дискурсе. Ср.: *«Можешь убираться на все четыре стороны. Мне баламутов не надо»* (=убирайся; приказ; «Разгром»). *«Но вы можете заявить мне о решении схода, о котором говорили, я передам товарищу Голосову»* (=заявите; предложение; «Города и годы»).

6. Высказывания с предикатом «хотеть/желать», с лексемой «желание» в субъекте или предикате (15 случаев использования)

Конструкции с экспликацией желания говорящего, выступающие в значении побуждения, являются частотными в административном дискурсе романа К. Фадеева «Города и годы», и в меньшей степени – в других текстах. Ср.: *«Это мы знаем! Только желание наше – говорить с председателем Голосовым»* (=пустите к нему; требование); *«– Но я выражаю желание идти на фронт, а не оставаться здесь. – Товарищ дорогой. Я тоже выражаю желание, чтобы ты остался здесь»* (=направьте на фронт; оставайся в тылу; просьба, во втором случае – просьба-отказ). Как правило, такие речевые формы усиливают субъективную составляющую в официальной беседе, личностное начало, эмоциональность.

К менее употребительным моделям выражения побуждения относятся конструкции с транспозицией глагольных форм настоящего време-

ни изъявительного наклонения; с лексемами «зря», «напрасно»; сентенционный тип выражения значения и некоторые другие.

Таким образом, как показывают результаты исследования, для официального дискурса произведений русских писателей 1920-х гг. характерна не прямая реализация интенции побуждения в виде ритуализированных способов и средств коммуникации. Смягчающее намерение речевые формы использует, как правило, нижестоящий по отношению к вышестоящему, к ним относятся конструкции с формами сослагательного наклонения.

Каждый из видов официального дискурса, представленных в диалогах персонажей, имеет свои особенности. Так, административный гипержанр отмечен наибольшим числом случаев реализаций и отличается разнообразием способов языковых и речевых репрезентаций интенций: в его рамках находим все выделенные типы конвенциональных и неконвенциональных косвенных речевых актов. В военном гипержанре частотными являются короткие формулы в значении побуждения, высказывания со средствами модальности, с транспозицией форм будущего времени изъявительного наклонения. Гипержанр врачебной практики также ограничивается использованием в значении побуждения трех основных типов косвенных речевых актов: конвенциональных формул, конструкций с предикатом в форме будущего времени и в форме сослагательного наклонения.

Библиографические ссылки

1. Дементьев В. В. Непрямая коммуникация и ее жанры / В. В. Дементьев; под ред. В. Е. Гольдина. Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 2000.
2. Дементьев В. В. Непрямая коммуникация. М. : Гнозис, 2006.
3. Серль Дж. Р. Косвенные речевые акты // Новое в зарубежной лингвистике: сб. ст. М., 1986. Вып. 17: Теория речевых актов. С. 195–223.
4. Формановская Н. И. Коммуникативно-прагматические аспекты единиц общения. М. : Ин-т рус. яз., 1998.
5. Карасик В. И. О категориях дискурса // Языковая личность: лингвистические и эмотивные аспекты: сб. науч. тр. / Волгогр. гос. пед. ун-т Н.-и. лаб. «Яз. и личность», Саратов. гос. ун-т. НИИ рус. яз. и лит.; редкол.: В. И. Карасик (отв. ред.) [и др.]. Волгоград; Саратов, 1998. С. 185–197.
6. Чечет Р. Г. Культура речи. Минск : РИПО, 2019.
7. Фадеев А. Разгром. СПб. : Азбука, 2023.
8. Федин К. Города и годы. М. : Худож. лит., 1988.
9. Булгаков, М. Избранные произведения в двух томах. Том 2. Минск : Маст. літ., 1990.

УДК 81'06: 811.161

«БОЛОКАЙСЯ, ЧТО ЛИ, ДА ПОЙДЕМ», ИЛИ К ПРОБЛЕМЕ ПОНИМАНИЯ СМЫСЛА ВЫСКАЗЫВАНИЯ

А. В. Никитевич

*Гродненский государственный университет им. Янки Купалы,
ул. Ожешко, 22, 230032, г. Гродно, Беларусь, anikit@inbox.ru*

В статье анализируются контексты русской диалектной речи, ключом к пониманию которых являются отдельные диалектные слова, свидетельствующие о деривационном потенциале русского языка. Рассматриваются диалектные номинации, выражающие такие актуальные смыслы, которые обусловлены прагматикой человеческого общения и когнитивно значимы для любого носителя языка, но в подсистеме русского литературного языка не имеющие однословного представления.

Ключевые слова: деривационный потенциал; когнитивно значимая диалектная лексика.

«БОЛОКАЙСЯ, ЧТО ЛИ, ДА ПОЙДЕМ» (“GET DRESSED AND LET’S GO”) OR ON THE PROBLEM OF UNDERSTANDING THE SENSE OF AN UTTERANCE

A. V. Nikitsevich

*Yanka Kupala State University of Grodno,
Ozheshko St., 22, 230032, Grodno, Belarus; anikit@inbox.ru*

The article analyzes the contexts of Russian dialectal speech, the key to understanding which is individual dialectal words indicating the derivational potential of the Russian language. The author considers dialectal nominations that express such topical meanings that are determined by the pragmatics of human communication and are cognitively significant for any native speaker but have no one-word representation in the subsystem of the Russian literary language.

Keywords: derivational potential, cognitively significant dialectal vocabulary.

Хорошо известно данное Ю. Д. Апресяном широкое определение прагматики как закрепленное в языковой единице (лексеме, аффиксе, граммеме, синтаксической конструкции) отношение говорящего: 1) к действительности, 2) к содержанию сообщения, 3) к адресату» [1, с. 209]. При этом понятно, что речь идет о семантике (например, лексемы), которая, в первую очередь, становится нам известной благодаря словарной дефиниции.

При написании этой статьи автор как-то не совсем понимал, как представить в ней фактический материал. Хотелось читателя заинтриговать коротенькими предложениями, написанными, безусловно, на русском языке, но непонятными благодаря наличию в них одного единственного слова. Все написанное, правда, уж больно как-то не по правилам получалось: предложение – дефиниция, предложение – дефиниция; в некоторых случаях небольшой комментарий от автора. Но высказаться по поводу подобных фактов хотелось! Хотелось заручиться поддержкой других авторов, почему-то вдруг на память пришла читанная без особого энтузиазма когда-то книга Р. И. Павилениса «Проблема смысла» [2]. В какой-то момент даже у себя обнаружилась следующая реплика: «При этом никто и никогда не отрицал, что всегда будет актуальной проблема понимания языковых выражений. Проблема смысла, точности понимания. Как развитие языка «разделяет», «разобщает» его носителей, как создаются проблемы на пути к пониманию» [3, с. 54]. При этом автору вспомнилось и о том, с чего в общем-то все это и началось – с вынесенной в заголовок фразы, которая, безусловно, вряд ли понятна человеку, говорящему по-русски.

Что значит *болокайся*? Самое интересное заключается в том, что привычное нашему слуху «Одевайся, что ли, да пойдем» не является точным эквивалентом этой диалектной фразы. Ведь глагол *болокаться* означает ‘одеваться внакидку, не в рукава, набрасывать на плечи одежду’ [4, т. 3, с. 77]. В русском литературном языке, как известно, подобная дефиниция однословного выражения не имеет. С учетом того, что в говорах есть глагол *оболокаться* ‘одеваться’ и очевидной этимологической связи с такими русскими словами, как *обволакивать*, *оболочка*, *облако*, любопытным может представиться наблюдение над тем, что формальная «неполнота» глагола *болокаться* (отсутствие начального -о-) приводит и к «смысловой неполноте» обозначаемого глаголом действия: ‘одеваться [не полностью – А. Н.] внакидку, не в рукава, набрасывать на плечи одежду’.

Приводимые ниже примеры являются яркой иллюстрацией проблемы понимания смысла высказывания носителем языка. При этом мы намеренно «разделили» содержание каждой словарной статьи, выдвинув на первый план «поясняющий» контекст и лишь затем приводя значение интересующего нас слова. В ряде случаев мы посчитали возможным дать краткий комментарий «по поводу...». Итак:

«Не ходи на лед, вишь вон, *проступи* есть».

Проступь ‘глубокий след от ног на рыхлой дороге, подтаявшем льду и т. п.’. Даль, Ишим. Иркут., 1967 [4, т. 32, с. 256].

Данное слово отмечено и в Словообразовательном словаре А. Н. Тихонова [5, т. 2, с. 190]. Хотя нам более знакомы такие единицы, как: *поступь* ‘манера ступать при ходьбе; походка’, *оступиться*, *подступ*, *приступ*, *проступок* и под. К слову, в БАС слово *проступь* не зафиксировано, поэтому закономерен вопрос об источнике данной единицы в Словообразовательном словаре в составе фрагмента словообразовательного гнезда с префиксом *про-* глагола *проступиться* [5, т. 2, с.190]. Обращение к интернет-источникам позволило получить следующую информацию.

Проступь (*строит.*) 1. ‘конструктивный элемент лестницы, горизонтальный блок ступени, по которому ступает нога’. В закрытых лестницах между проступями вставляются *подступенки*. Г. А. Серикова, «Лестницы и перила», Проектируем и строим, 2013 г. 2. ‘поверхность проступи, видимая со стороны ступеней лестницы’. 3. ‘глубина проступи’. Горизонтальная плоскость, или длина ступеньки (часть, на которую наступают ногой), называется «*проступь*», а вертикальная (высота) – «*подступенок*». «По камушку, по кирпичику», 2003 г. // «Сад своими руками» (цитата из НКРЯ).

Деривационно-семантический потенциал русского языка, действительно, неисчерпаем, но, в любом случае, очевидно, что выражаемое диалектным словом значение (‘глубокий след от ног на рыхлой дороге, подтаявшем льду и т. п.’) очень точно характеризует известную всем нам реалию, в ряде случаев очень актуальную (см. приведенный контекст), и необходимость в подобного рода однословной (!) единице для включения в когнитивное пространство русского литературного языка вряд ли может вызывать сомнения.

«Грести нельзя, говорят, *просырь* (о сене)».

Просырь ‘что-л. непросохшее, сырое’. Земля-то была просырь, дак плиты навалили. Свердл., 1984.

Нам хорошо известно слово *сырость* ‘1. Свойство и состояние сырого’; 2. ‘Обилие, избыток влаги где-либо, в чем-либо; повышенная влажность’ [6, т. 14, с. 1370], глагол *сыреть* и ряд его префиксальных производных (*засыреть*, *отсыреть* и др.). В [5, т. 2, с. 204] отмечен и глагол *просыреть*, однако, вероятно по вполне объяснимым причинам, слово *просырь* не отмечено.

«Сделай *прорянки* у халата, и пуговицы пришьем».

Прорянка ‘прорезное отверстие для пуговиц, петля’. Костром., 1970.

Было бы весьма интересно провести маленький эксперимент (опрос), призвав на помощь представительниц прекрасной половины человечества: проверить, понятна ли им часть приведенной фразы «Сделай *прорянки* у халата...»...

«Наставишь *проскок*, а в нем есть два хода, он проходит – в середине есть *насторожка*, он ее сгибает и попадается».

Проскок 1. ‘ловушка на горностая’. Арх., 1940. 2. ‘ловушка на зайца, соболя со сквозным проходом’. Иркут., 1970 [4, т. 32, с. 232].

Насторожка ‘капкан, ловушка для зверя’. Чердын. Перм., 1930. Северо-Байкал. Бурят. АССР [4, т. 20, с. 196].

В [5, т.2, с.109] отмечено слово *проскок*, однако оно отсутствует в БАС. Вместе с тем данное слово, как оказалось, хорошо известно и в терминологическом употреблении (ср. в составе словосочетаний: *проскок электрона*, *проскок пламени в горелке*), а также в речи охотников при характеристике самоловных орудий промысла. Ср.: «Одной из форм кулемки является *проскок* – бесприманочная деревянная ловушка (две плахи длиной 60–70 см и шириной 10–12 см ставятся одна на другую и укрепляются забитыми в землю колышками). Плашки служат для отлова соболя и белки, горностая, колонка, хоря, других мелких пушных зверей» (Самоловные орудия промысла).

Второе из рассматриваемых в приведенном контексте слово – *насторожка* также отмечено в Словообразовательном словаре [5, т. 2, с. 174] и в БАС с пометой спец. ‘приспособление, посредством которого ловушка, капкан и т.п. приводится в боевое состояние’ [6, т. 7, с. 537].

В любом случае, следует признать, что отсутствие у носителя языка исчерпывающей информации о семантике конкретного слова (в нашем случае, словах *проскок* и *насторожка*) может приводить к непониманию даже общего смысла высказывания.

В некоторых случаях подобные, требующие специального пояснения, единицы могут быть представлены целым фрагментом деривационно родственных слов. Например, приводимые ниже слова *прихвостка*, *прихвостень* и *прихвостать*.

«Нас не берут, а мы как *прихвостки* за ними-то бегали».

Прихвостка ‘женщина или девушка, сопутствующая кому-л.’. Любим. Ярослав., 1968.

«Это не ребенок, а *прихвостень*».

Прихвостень ‘ребенок, который не отпускает от себя мать’. Кашин. Твер., 1897.

«Всю капусту *прихвостало*».

Прихвостать ‘прибить, прижать к земле (дождем, ветром)’. Черепов. Волог., 1929.

«Сидит со своим *прихохотьем*».

Прихохотье ‘возлюбленный, милый’. Арх., Копаневич.

Этимологии и вероятным мотивационным связям данного слова со словами *пригожий* и *хохот* посвящена очень интересная статья Л. П. Михайловой [7].

«Четыре стакана муки терковой размешивать и выливать, чтоб в *прогорячь* была сковорода».

Прогорячий ‘слегка, немного подогретый, не очень горячий’. В *прогорячь*, в знач. нареч., безл. сказ. Липец. Ворон., 1935.

В Словообразовательном словаре А. Н. Тихонова отсутствуют слова *прогорячий* и *впрогорячь*, равно как и вообще нет слов с префиксом *про-*. Диалектное прилагательное, как несложно увидеть, выражает достаточно актуальное значение. Что касается наречия *впрогорячь*, то в русском литературном языке слово, соответствующее данной модели, есть, но только модели. Ср.: *впроголодь* ‘не вполне утоляя чувство голода, недоедая’ [6, т. 2, с. 778].

В следующем конкретном случае не каждый сообразит, что слово *пряжка* мотивационно связано с глаголом *выпрягать*! Ср.:

«Два раз кормила лошадей – три *пряжки* пахали».

Пряжка ‘период работы на лошадях на пахоте от начала до первого перерыва, когда кормят лошадей, выпрягая их, или от перерыва до конца рабочего дня’. Турин. Свердл., 1984 [4, т. 33, с. 83].

Дополнительно отметим следующее слово, в котором удивительно сохранился древний для системы языка синкретизм выражения пространственных и временных значений. Ср.:

Пряжей ‘мера времени, определяемая пряжами по количеству напряденной пряжи’. Опоч. Пск., 1852 [4, т. 33, с. 80–81].

Мы хорошо знаем глагол *запрудить* (*запруживать*) ‘устанавливать запруду’. Однако, ср.:

«Я пойду ручьи *пропружат*, не хочу обедать».

Пропружать (*пропрудить*) ‘уничтожать запруду, давать воде свободный проход’. Моск. Водарский.

«Попробую, может, *протолплюсь* як-небудь».

Протолпиться ‘пройти с трудом, пробраться сквозь толпу’. Говорит один брат другому – Пойдем на другой конец площади, глянь-ко, что народу там толпится – видимо-невидимо. Пришли туда, протолпились. Афанасьев. Слов. Акад. 1960 [устар. и разг.] [4, т. 33, с. 9].

В Словообразовательном словаре А. Н. Тихонова глагол *протолпиться* отмечен, наряду с *толпиться*, *затолпиться*, *столпить* и *столпиться* [5, т. 2, с. 238]. Наиболее вероятным его источником послужил БАС, где данное слово отмечено как устаревшее и разговорное. Ср.: *протолпиться* (устар. и разг.) ‘пройти, протолкаться сквозь толпу’ [6, т. 11, с. 1477]. Кроме этого мы бы обратили внимание на актуальность се-

мантики отмеченного в БАС как устаревшего слова *столпить* ‘собирать, сгонять в толпу’ [6, т. 14, с. 712].

«Добрый *прождык* стояли мы здесь до тебя».

Прождык ‘время, проведенное в ожидании, простой в работе’. Шенк. Арх., 1852 [4, т. 32, с. 134]. Ср.: *прождать*.

«*Кулачиваем* да еще раз *прокулачиваем*, потом помазываем и белим».

Прокулачивать ‘обмазывать саманные стены, набивая глину кулаками’. Р. Урал, 1976 [4, т. 32, с. 166].

В не столь давние времена мы слышали лишь про *раскулачивать* ‘лишать кулаков средств производства и земли с целью ликвидации кулачества как класса’ [6, т. 12, с. 656].

«Он хитер да мудер, да *прохитрился*».

Прохитриться ‘при всех ухищрениях не достичь желаемого результата’. Пинеж. Арх., 1973 [4, т. 33, с. 25].

В Словообразовательном словаре А. Н. Тихонова среди префиксальных производных от глагола *хитрить* приводятся: *выхитрить* (в простореч.) ‘приобретать что-либо хитростью, происками, уловками’ [6, т. 2, с. 1299], *захитрить*, *исхитриться* (простореч.) 1. ‘стать хитрым, ловким’, 2. ‘поступить ловко, применить сноровку; изловчиться, ухитриться’ [6, т. 5, с. 569–570], *нахитрить* (простореч.) ‘похитрить много; придумать много хитростей’ [6, т. 7, с. 623], *обхитрить*, *перехитрить*, *похитрить*, *схитрить*, *ухитриться* [5, т. 2, с. 328].

Как несложно увидеть, диалектный глагол представляет достаточно актуальное с точки зрения прагматики человеческого общения значение!

Нам хорошо известно, что, с одной стороны, всегда имеет место потребность в словесном обозначении когнитивно значимых смыслов. Слова – максимально экономная форма выражения понятия, и появляются они как результат реализации потребности в обозначении. С другой стороны, нельзя не принимать во внимание деривационный потенциал языка, возможности различных его подсистем (литературный язык, говоры, слэнг, аргю). По нашему мнению, анализ ряда слов в различных подсистемах русского языка позволяет увидеть фиксацию словом и тех актуальных смыслов, которые, безусловно, когнитивно значимы для любого (!) носителя языка, но в подсистеме ЛЯ однословного выражения не имеют.

Библиографические ссылки

1. *Апресян Ю. Д.* Перформативы в грамматике и словаре // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. 1986. Т. 45. С. 208–233.
2. *Павиленис Р. И.* Проблема смысла: современный логико-философский анализ языка. М.: Мысль, 1983.
3. *Никитевич А. В.* Словообразовательная лексикография и язык интернета // Веснік ГрДУ імя Янкі Купалы. Сер. 3, Філалогія. Педагогіка. Псіхалогія. 2018. Т. 8. № 1. С. 52–58.
4. *Словарь русских народных говоров:* Изд-во Академии наук СССР, Институт лингв. исследований РАН. М.–СПб., 1965–2016. Вып. 1– 49.
5. *Тихонов А. Н.* Словообразовательный словарь: В 2 т. М.: Рус. яз., 1985. Т.1–2.
6. *Словарь современного русского литературного языка:* В 17 т. / Академия наук СССР. Ин-т русского языка. – М.: Изд-во Академии наук СССР, 1950–1965. Т. 1–17.
7. *Михайлова Л. П.* К поиску этимологии необычного русского слова в этноконтактной зоне Карельского Поморья (прихохотье) // Вестник КГУ. Языкознание. 2018. № 3. С. 186–190.

УДК 81'42

РАЗЛИЧИЯ В ПРОТЕКАНИИ ИНТЕРНЕТ-КОНФЛИКТОВ В ИНТЕРНЕТ-КОММЕНТАРИЯХ НА РУССКОМ И КИТАЙСКОМ ЯЗЫКАХ

Е. В. Пискун

*Белорусский государственный университет,
ул. К. Маркса, 31, 220030, г. Минск, Беларусь, katya.stasuykevich@yandex.ru*

Ключевым элементом современного общества является интернет, ставший площадкой для обыденного общения, частью которого является конфликтное взаимодействие. В статье рассматриваются частотность и тематика конфликтных интернет-комментариев на русском и китайском языках и их языковые характеристики. Устанавливаются сходства и различия языкового оформления конфликтных интернет-комментариев и факторы, обуславливающие их специфику.

Ключевые слова: интернет-коммуникация; конфликт; русский язык; китайский язык.

DIFFERENCES IN THE PROCESS OF INTERNET CONFLICTS IN ONLINE COMMENTS IN RUSSIAN AND CHINESE LANGUAGES

E. V. Piskun

*Belarusian State University,
31 Karl Marks St., 220030, Minsk, Belarus, katya.stasuykevich@yandex.ru*

A key element of modern society is the Internet, which has become a platform for everyday communication, part of which is conflict interaction. The article examines the frequency and subject matter of conflicting Internet comments in Russian and Chinese and their linguistic characteristics. The similarities and differences in the linguistic design of conflicting Internet comments and the factors that determine their specificity are established.

Keywords: Internet; communication; conflict; Russian language, Chinese language.

В современном мире большая часть общения между людьми происходит в виде интернет-коммуникации. Дистантность и анонимность интернет-общения позволяют пользователям выражать практически любые коммуникативные интенции, в том числе конфликтные: на любом интернет-портале, где есть возможность комментирования, могут возникать конфликтные ситуации. Они встречаются не только в личных переписках, но и в публичных чатах, форумах, блогах и т. д. В. С. Третьякова соотносит понятие «конфликт» с такими понятиями, как «речевой кон-

фликт», «коммуникативный конфликт» и т. д., определяя его как «состояние противоборства двух сторон (участников конфликта), в процессе которого каждая из сторон сознательно и активно действует в ущерб противоположной стороне, эксплицируя свои действия вербальными и прагматическими средствами» [1, с. 112].

Г. С. Иваненко выделила следующие причины развития коммуникативных конфликтов в интернет-среде: 1) недифференцированность признаков публичность / интимность: коммуникант реализует себя без ориентации на потребителя его речевого продукта, т. е. человек, пишущий комментарий, не знает, кто его прочитает и как отреагирует; 2) отсутствие невербальных средств коммуникации: жестов, мимики, интонации и др. Однако здесь необходимо отметить наличие в интернет-переписке эмодзи, смайликов, функцией которых является замена эмоционально-оценочных слов или словосочетаний, а также выражение эмоций; 3) растянутость коммуникации во времени: интернет-коммуникация может происходить в любое время суток и на любом расстоянии. Коммуникант, не учитывая эти факторы, может обвинить собеседника в молчании, тем самым провоцируя его на конфликт; 4) ослабление традиционных этнических запретов: в процессе горячей дискуссии зачастую можно оторваться от реальности и нарушить этические или правовые коммуникативные требования; 5) стилистическая сниженность речевой культуры: в процессе общения коммуниканты могут примерять по отношению к себе различные роли [2, с. 22–23]. Интернет-конфликты могут быть обусловлены различиями в культурно обусловленных коммуникативных правилах, а также традициями и порядками в обществе, в котором находятся коммуниканты.

Целью статьи является выявление тематического своеобразия и языковой специфики интернет-комментариев в русской и китайской обыденной коммуникации в популярных блогах, чатах и форумах (Instagram, Facebook, Вконтакте, WeChat, DingTalk, QQ). Комментарии отбирались путем сплошной выборки. Мы рассматривали комментарии, написанные под постами, затрагивающими актуальные темы в социальной, бытовой и культурной жизни людей. При этом было важно, чтобы тематика постов была примерно одинаковой в китайском и русском общении. Например, политические темы не рассматривались, так как в неформальной интернет-коммуникации обсуждение политики не приветствуется.

Так, общее количество комментариев составило 1838 (921 на русском языке и 896 на китайском). Из 921 комментария на русском языке 615 являлись конфликтными, что составило 66,7 % от общего количества комментариев; из 896 комментариев на китайском языке лишь 113 оказа-

лись конфликтными (7,9 %). Конфликтность определялась по наличию в тексте комментария вербального конфликтогена; конфликтогенные языковые средства отбирались путем анализа научной литературы по теме исследования. Анализ интернет-комментариев осуществлялся по нескольким параметрам: сравнивали стадии протекания конфликтов в интернет-комментариях, а также их языковые характеристики (для анализа привлекались не только конфликтогенные языковые единицы; для целей данной работы важно выявить общую специфику языковых средств конфликтных интернет-комментариев). Конфликты в интернет-комментариях на русском языке чаще всего были связаны с темой поста¹ (65 %); реже – в интернет-комментариях, не связанных с темой поста² (35 %); конфликты в интернет-комментариях на китайском языке возникали и развивались как реакция на чей-то пост/блог (88 %), а также были выявлены конфликты в интернет-комментариях на китайском языке, не связанных с темой поста (12 %). Чаще всего конфликтные комментарии в русском языке встречались под постами на темы: рост цен на продукты и жилье (58 %), автомобили (3 %), медицина (3 %), громкие события в общественной жизни (15 %), неверность в паре (11 %), богатство и нищета (10 %); в китайском: экология (11 %), жизнь известных актеров, певцов, шоуменов (11 %), разрыв города и деревни (26 %), конфликт интересов богатых и бедных (28 %), гражданские отношения (12 %), медицина (10 %) (Личные темы на всеобщее обсуждение не выносятся, темы религии не обсуждаются). В статье также были проанализированы языковые характеристики интернет-комментариев, данные приведены ниже в виде таблицы:

Языковые характеристики интернет-комментариев

Параметр	Русский язык	Китайский язык
Лексика	Основу составляла нейтральная лексика (75 %). При эскалации конфликта использовалась негативно-оценочная лексика, сленг, жаргонизмы, бранные слова (25 %).	Нейтральная лексика (96 %). Обсценная лексика, оскорбления (4 %) встречались лишь в персональных блогах.

¹Комментарии, в которых конфликт развился из противоречий, вызванных обсуждением темы и содержания корневого поста.

²Комментарии, в которых конфликт развился не из темы и содержания корневого поста, а в результате противоречий, вызванных обсуждением какой-либо новости, личности события, на которые ссылаются в процессе комментирования.

Параметр	Русский язык	Китайский язык
Заимствования и сокращения	Заимствования в интернет-комментариях можно разделить на 2 группы: с положительной коннотацией (<i>изи, краш, рофлить, шиперить, чилить</i>) (42 %) и с отрицательной коннотацией (<i>кринж, криповый, личинус, шеймить, хейтить</i>) (58 %). Наиболее частым сокращением, являлось сокращение <i>ЧСВ</i> – ‘чувство собственной важности’, которое использовалось в негативном значении (17 %), <i>ЛП</i> (4 %), <i>лол</i> (LOL) (15 %), <i>бро</i> (10 %), <i>хз</i> (12 %), <i>ВТФ</i> (6 %), другие (36 %)	Чаще всего заимствования встречались из английского языка (87 %), реже – из японского и корейского (13 %). Сокращения: встречались практически в каждом комментарии (92 %, в основном числовые коды (55555 (wǔwǔwǔwǔwǔ) – звукоподражание 呜呜 (wūwū) - ‘плач, рыдания’), сокращения слов (например, 学 вместо 学习) и английские сокращения).
Грамматика	Большое количество неполных предложений, использование разговорных и просторечных форм слов: <i>ихний, текёт, ложат</i> и др.	Использование коротких предложений, изменение порядка слов (в китайском языке фиксированный порядок слов: подлежащее – сказуемое – дополнение).
Эмоциональность	Высокая степень эмоциональности, выражающаяся в использовании эмоционально-окрашенной лексики (74 %), капитализации (использовании клавиши CapsLock) (3%), множественного повторения вопросительных или восклицательных знаков (11 %), а также много кратное повторение букв: <i>aaaaaa, ooooo, ммм</i> и т. д. (12 %)	Средняя степень эмоциональности. В основном для выражения эмоций использовались эмодзи (79 %), множественные восклицательные знаки (5 %), заимствованные сокращения <i>WOW, OMG</i> и др. (10 %), эмоционально окрашенная лексика (6 %).

Параметр	Русский язык	Китайский язык
Ирония	В комментариях часто встречалась ирония, а также троллинг ³ как одна из форм проявления иронии, основными функциями которого являлись: подстрекательство, эскалация споров, предъявление ложной информации.	Встречалась ирония, однако иногда ее было сложно определить, т. к. она ссылается на факты традиционной китайской культуры, понятные, в основном, только носителям китайского языка. Было отмечено использование фразы 又双叒叕 (иероглиф 又(Yòu) – ‘снова’ используется 10 раз), что в ироническом контексте означает ‘снова и снова, опять и опять, в который раз’.
Использование невербальных средств	Частое использование эмодзи, смайлов для: 1) замены слов, 2) выражения эмоционального состояния пишущего. Наиболее частотными эмодзи являлись: 😊 (15 %), ❤️ (37 %), 🔥 (12%), 😏 (16 %), 😬 (-20 %).	Эмодзи тоже часто использовались, но, в отличие от русскоязычной коммуникации, многие эмодзи используются не в прямом значении. Так, 😏 (до свидания) у китайцев обозначает ‘я больше не хочу с тобой общаться, разговор окончен’; 😬 (усердно делать что-то) обозначает ‘у меня нет слов’. В китайских блогах было отмечено использование эмодзи 🐼, после которого все начинали задавать вопрос тому, кто использовал это эмодзи: что случилось?

Проанализировав интернет-комментарии, можно сделать вывод о том, что некоторые темы конфликтного общения в интернет-комментариях схожи: деньги и благосостояние, события в общественной жизни и др. Однако большинство тем отличается: жизнь в городе и в деревне, конфликт богатых и бедных, личная жизнь. Эти различия, в первую очередь, обусловлены различиями в культурах стран. Если в русскоговорящих странах основную прослойку общества составляет средний класс, проживающий, как правило, в городах, то в Китае прослеживается яркая социальная стратификация, выражающаяся в неравенстве

³Троллинг – «процесс размещения на виртуальных коммуникативных ресурсах провокационных сообщений с целью нагнетания конфликтов посредством нарушения правил этического кодекса интернет-взаимодействия» [3, с. 49].

доходов между городскими и сельскими жителями, что отражается на их качестве и образе жизни, доступе к получению образования и т. п.

Количество конфликтных интернет-комментариев в русскоязычном общении намного больше, чем в китайскоязычном: наибольшая часть интернет-комментариев является конфликтной. В отличие от китайской коммуникации, в русскоязычном общении конфликты могут зарождаться как в комментариях, связанных с постом, так и наоборот: причиной развития конфликта могут быть использование бранной и инвективной лексики, а также излишняя эмоциональность. Это различие может объясняться тем, что в китайской культуре глубоко укоренились догмы конфуцианства, которые не позволяют публично оспаривать чье-то мнение или точку зрения, использовать бранную лексику, оскорблять и т. д. В русскоязычных интернет-комментариях обилие инвективной и бранной лексики является результатом одного из приемлемых стилей обиходного общения в Сети, а также кажущейся анонимности, что приводит к свободе выбора слов и выражений.

Если сравнивать эмоциональность интернет-комментариев, то доля эмоционально окрашенных русскоязычных комментариев оказалась намного выше, чем доля таких же комментариев на китайском языке. В личной переписке эмоциональность проявляется с помощью эмоционально окрашенной лексики (в том числе инвективной и бранной), использованием большого количества восклицательных и вопросительных предложений, смайлов, мемов, эмодзи и др. Это в корне отличается от норм публичного обсуждения: как уже было сказано ранее, государство контролирует интернет-общение, поэтому комментарии в публичных чатах, блогах и форумах достаточно формальны.

Таким образом, языковые характеристики конфликтных интернет-комментариев на русском и китайском языках имеют сходства и различия. Различия обусловлены как неодинаковыми типологическими характеристиками языков, так и спецификой культуры и традиций страны; сходства вызваны скорее психологическими и социальными характеристиками виртуальной языковой личности.

Библиографические ссылки

1. Третьякова В. С. Речевой конфликт и аспект его изучения [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rechevoy-konflikt-i-aspekty-ego-izucheniya-1/viewer> (дата обращения: 19.02.2024).

2. Иваненко Г. С. Коммуникация в социальной сети: факторы конфликтогенности // Южно-Уральский государственный гуманитарно-педагогический университет. 2020. № 18(29). С. 21–25.

3. Внебрачных В. А. Троллинг как форма социальной агрессии в виртуальных сообществах // Вестн. Удмурт. ун-та. Сер. : Философия. Социология. Психология. Педагогика. 2012. № 1. С. 48–51.

УДК 81'373.611

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ЛЕКСЕМЫ «ОНЛАЙН» В РЕГИОНАЛЬНОМ МЕДИАДИСКУРСЕ

А. Ч. Рыжкович

*Гродненский государственный университет имени Янки Купалы,
ул. Ожешко, 22, 230033, г. Гродно, Беларусь, annamichalouskaya@mail.ru*

Статья посвящена рассмотрению особенностей функционирования лексемы *онлайн* в текстах сетевого издания. Расширение лексического состава региональных СМИ обусловлено экстралингвистическими тенденциями, влияющими на функционирование новых слов в медиадискурсе.

Ключевые слова: медиадискурс; региональный медиадискурс; лексема; лексика; СМИ.

FUNCTIONING OF THE LEXEME “ONLINE” IN THE REGIONAL MEDIA DISCOURSE

A. Ch. Ryzhkovich

*Grodno State University named after Yanka Kupala,
Ozheshko St., 22, 230033, Grodno, Belarus, annamichalouskaya@mail.ru*

The article is devoted to the consideration of the peculiarities of the functioning of the online lexeme in the texts of an online publication. The expansion of the lexical composition of regional media is due to extralinguistic trends that influence the functioning of new words in media discourse.

Keywords: media discourse; regional media discourse; lexeme; vocabulary; media.

Лексическая система языка является одной из самых открытых и динамичных. Она активно отражает все процессы, которые происходят в обществе. Особое влияние на лексический состав оказало появление интернета. С развитием интернет-ресурсов новые слова не только появляются в языке, но и прочно закрепляются в его составе и становятся при этом общеупотребительными. К таким словам относится и лексема *онлайн*.

Лексема *онлайн* заимствована из английского языка, в котором она может относиться и к именам прилагательным, и к наречиям, причем ее частеречная принадлежность определяется порядком слов в предложении. В Оксфордском словаре «онлайн» определяется как «управляемый компьютером или подключенный к нему»; «деятельность, служба, кото-

рая доступна исключительно через Интернет» [1]. В Новом словаре иностранных слов «онлайн» – режим реального времени [2]. Если обобщить данные лексикографических источников, то можно отметить три основных значения данного слова: 1) часть интернета, которая действует в режиме реального времени; 2) прямо связанный с системой компьютера режим, включенный в нее и используемый ею; диалоговый, оперативный, не автономный; 3) в режиме реального времени.

В русском языке слово *онлайн* является и существительным, если определяется как режим работы в интернете, и наречием (в значении «в режиме реального времени»).

Объектом нашего исследования являются сочетания со словом *онлайн* в текстах сетевого издания sb.by.

Отметим, что до сих пор нет единого орфографического написания изучаемого слова. Так, в интернет-среде встречаются следующие варианты написания: *онлайн*, *Онлайн*, *он-лайн*, *Он-лайн*, *Online*, *online*, *on-line*, *On-line*, *on line*. Можем предположить, что такая орфографическая вариативность обусловлена неполной степенью усвоенности русским языком данной лексемы. Например, раздельное написание слова *on line* зависит от буквального перевода ‘на линии’.

Процесс «адаптации» заимствованного слова к новой языковой среде сложен. Свидетельством освоения заимствования в русском языке является расширение границ его функционирования. Слово *онлайн* активно используется всеми интернет-пользователями, от него образовано много производных (*онлайновый*, *онлайнный*, *онлайно*), оно вошло в название популярного белорусского сайта Onliner.by.

Среди причин закрепления лексемы *онлайн* в современном русском языке можно выделить многозначность этого слова, стремление носителей языка быть более выразительными в своей коммуникации и так называемый «фактор моды» [3], предполагающий большую престижность иностранного слова в сравнении с русским.

В текстах сетевого издания sb.by *онлайн* выступает и как самостоятельная единица, и как препозитивная часть сложных слов.

Нами было выявлено более 30 сложных слов с лексемой *онлайн* в препозиции. На наш взгляд, в семантическом отношении данные слова распадаются на несколько групп, однако сразу обратим внимание на то, что это деление достаточно условное:

1. Слова, связанные с финансовой, в частности, с банковской сферой и сферой торговли: *онлайн-инвестиции*, *онлайн-кошельки*, *онлайн-калькуляторы*, *онлайн-покупки*, *онлайн-ритейлеры*, *онлайн-магазины*, *онлайн-торговля*, *онлайн-кредит*, *онлайн-сделки*. Нами были выявлены две лексемы, связанные с мошенничеством в интернете: *он-*

лайн-мошенники, онлайн-аферисты. Это свидетельствует о том, что журналисты обращают внимание на проблемы интернет-мошенничества, которые не теряют свою актуальность на протяжении последних лет.

2. Слова, связанные с образовательной сферой: *онлайн-лекции, онлайн-семинар, онлайн-образование, онлайн-наблюдение, онлайн-обучение, онлайн-курсы*. Обратим внимание, что мы встретили сочетание *обучение онлайн*, в данном случае лексема *онлайн* выполняет атрибутивную функцию и является несклоняемым именем прилагательным, что говорит нам о ее синтаксическом потенциале. Онлайн-образование очень популярно среди различных возрастных категорий людей, и данная тенденция также находит свое отражение в журналистских текстах. Сочетания *онлайн-курсы, онлайн-обучение* встречаются более чем в 50 контекстах.

3. Слова, связанные со сферой управления: *онлайн-саммит, онлайн-совещание*.

4. Слова, отражающие рекреативную функцию, т.е. мы имеем в виду слова, связанные со сферой развлечений, досуга: *онлайн-квиз, онлайн-игры, онлайн-обзор, онлайн-викторина, онлайн-турнир, онлайн-фотоконкурс, онлайн-кинотеатр, онлайн-знакомство, онлайн-казино, онлайн-эстафета*. Как видим, большинство слов данной группы – это названия различных форм проведения досуга, причем досуга интеллектуального.

5. Слова-названия интернет-среды: *онлайн-пространство, онлайн-среда, онлайн-система*.

6. Слова-названия форм коммуникации: *онлайн-встреча, онлайн-чат, онлайн-трансляция, онлайн-стрим*.

7. Слова, отражающие техническую составляющую интернет-системы: *онлайн-панель, онлайн-площадка, онлайн-голосование, онлайн-анкетирование, онлайн-контент, онлайн-связь, онлайн-форма, онлайн-карты, онлайн-аудитория*.

Самыми частотными стали сочетания *онлайн-формат, режим онлайн*, мы можем назвать их «универсальными», поскольку они отражают все сферы: образование, финансы, политику и др.

В позиции наречия лексема *онлайн* сочетается с процессуальными глаголами (*следить онлайн, наблюдать онлайн, приобрести онлайн, купить онлайн*), бытийными глаголами (*происходить онлайн, находиться онлайн, быть онлайн*), глаголами говорения (*общаться онлайн*). Как показывает материал исследуемого сетевого издания, с глаголами лексема *онлайн* употребляется значительно реже.

Таким образом, мы можем сделать вывод, что лексема расширяет сферы своего функционирования в семантическом направлении, по-

сколько она входит как препозитивный компонент в состав сложных единиц, отражающих образовательный, политический, экономический и другие типы дискурса.

Библиографические ссылки

1. Oxford English Dictionary, second edition, edited by John Simpson and Edmund Weiner, Clarendon Press, 1989.
2. Новый словарь иностранных слов: свыше 25 000 слов и словосочетаний. М. : ООО ИФ «Азбуковник», 2008.
3. *Крысин Л. П.* Иноязычные слова в современном русском языке. М. : Наука, 1968.

УДК 81'33:327

ФОРМИРОВАНИЕ ИМИДЖА СТРАНЫ НА САЙТЕ ПОСОЛЬСТВА КИТАЯ В РОССИИ

Ху Цзядун¹⁾, Цой Юйтун²⁾

¹⁾ Даляньский политехнический университет,
ул. Лингун, 2, 116081, г. Далянь, Китай, hjdbel@mail.ru

²⁾ Даляньский политехнический университет,
ул. Лингун, 2, 116081, г. Далянь, Китай, 202800775@qq.com

В данной статье рассматривается коммуникативная стратегия презентации страны и полидискурсивные средства, используемые для реализации данной стратегии в публикациях официального сайта посольства Китая в России. При анализе языкового материала на официальном сайте посольства Китая в России выделим по тематике политические, экономические, культурные, научно-технические аспекты, что имеет практическое значение для формирования позитивного имиджа в контексте китайской цифровой дипломатии и углубления понимания Китая со всех сторон для российского народа.

Ключевые слова: коммуникативная стратегия; презентация страны; имидж страны; полидискурсивность; сайт посольства Китая в России.

SHAPING THE COUNTRY'S IMAGE ON THE WEBSITE OF THE CHINESE EMBASSY IN RUSSIA

Hu Jiadong¹⁾, Cui Yutong²⁾

¹⁾ Dalian university of technology,
Ling Gong St., 2, 116081, Dalian, China, hjdbel@mail.ru

²⁾ Dalian university of technology,
Ling Gong St., 2, 116081, Dalian, China, 202800775@qq.com

This article considers the communicative strategy of country presentation and polydiscursive means used to implement this strategy in the publications of the official website of the Chinese Embassy in Russia. When analyzing the linguistic material on the official website of the Chinese embassy in Russia, we will distinguish by subject matter on political, economic, cultural, scientific and technical aspects, which is of practical importance for the formation of a positive image in the context of Chinese digital diplomacy and deepening the understanding of China from all sides for the Russian people.

Keywords: communicative strategy; country presentation; country image; polydiscursiveness; website of the Chinese Embassy in Russia.

Развитие Нового Китая за последние семьдесят лет – это исторический процесс постоянного конструирования и совершенствования наци-

онального имиджа, который является многомерным, содержащим имидж Нового Китая в экономическом, политическом, культурном, социальном, экологическом и других аспектах.

Проблеме формирования имиджа страны в китайской лингвистической литературе с прагматической точки зрения уделяется мало внимания, и результатов исследований еще меньше.

В начале XXI века в Китае исследования имиджа Китая относительно сосредоточены в областях социологии и политологии. Изучая теории и достижения международной политологии, коммуникации, социологии и культуры, Ли Чжэнго считает, что формирование национального имиджа должно осуществляться с учетом национальных интересов [1]. Юй Чжаохуэй рассматривает формирование имиджа и публичную дипломатию вместе и считает, что «формирование национального имиджа является координатой для измерения эффективности комплексной публичной дипломатии, а эффективность реализации комплексной публичной дипломатии отражается в популярности и репутации национального имиджа» [2, с. 21]. Фэн Хуэйлин и Ху Байцзин проанализировали формирование национального имиджа с точки зрения диалоговой парадигмы, утверждая, что «национальный имидж существует и расширяется как дискурсивная система диалога, основная цель которого способствовать взаимности интересов и обмену смыслами между государственными субъектами и общественностью других стран» [3, с. 16]. В их исследовании изучение конструирования имиджа государства уже перешло из областей социологии и публичной дипломатии в область изучения с точки зрения лингвистики. После 2010 г. некоторые китайские ученые также изучали формирование национального имиджа с помощью теории дискурсивного анализа, например, используя теорию позитивной оценки, один из основных методов анализа конструирования национальной идентичности Китая, в пропагандистском ролике «Национальный имидж Китая», чтобы глубже понять, как конструировать и сформировать позитивную национальную идентичность Китая [4, с. 57].

Изучая публикации на официальном сайте посольства Китая в России, выделим по тематике политические, экономические, культурные, научно-технические аспекты, чтобы проанализировать, какой имидж создал Китай в новую эпоху.

Во-первых, в политическом плане Китай и Россия занимают одинаковые или схожие позиции по ряду важнейших международных и региональных проблем и поддерживают тесную связь и сотрудничество. Просматривая текст «Совместное заявление Российской Федерации и Китайской Народной Республики об углублении отношений всеобъемлющего партнёрства и стратегического взаимодействия, вступающих в новую

эпоху» (http://ru.china-embassy.gov.cn/chn/zxdt/202303/t20230324_11048833.htm), посвященные российско-китайскому диалогу и обмену и внутренним делам Китая, мы обнаружим, что слова *сотрудничество* и *взаимодействие* встречаются в тексте более 10 раз. Кроме того, выражения с оценочной лексики как *содействовать*, *важная роль*, *конструктивная роль*, *прочная основа для сотрудничества* и т.д., встречающиеся на официальном сайте, наглядно свидетельствуют о важности сотрудничества и отражают тот факт, что Китай и Россия продолжают углублять всестороннее стратегическое сотрудничество, продолжают развивать практическое взаимодействие в различных областях, продвигают партнерство всеобъемлющего стратегического сотрудничества в новую эпоху, которое сегодня является примером отношений между крупными державами, а также обеспечивает международную справедливость. Ключевые слова *важная роль*, *конструктивная роль*, *открытость*, *толерантность*, *многосторонность* и другие слова, подчеркивающие философию Китая, всегда демонстрировали его великодушные, стиль и имидж ответственной политической державы.

Во-вторых, в экономических текстах, как «Посол КНР в РФ Ли Хуэй: Китайско-российские отношения продолжают развиваться на высоком уровне» (http://ru.china-embassy.gov.cn/rus/jmhzh/jmhzh1/201707/t20170701_3149367.htm), посвященных китайско-российской торговле, импортно-экспортной торговле, часто встречаются выражения *рост*, *прорыв*, *темпы роста* и другие слова, а имя числительное как 22, 31 млрд юаней (около 3,4 млрд долл. США), на 33,7 % больше и т. д. отражают, что в новую эпоху создана новая модель открытости, сотрудничества и общего развития между Китаем и Россией, активно реализуется с помощью имен числительных, которые показывают факт роста и позитивный экономический потенциал китайской экономики. Такие наречия, как *постоянно*, *в значительной степени*, *взаимовыгодно*, *обоюдно* также занимают видное место в экономических текстах, часто выражающих экономическое и торговое сотрудничество между двумя странами, чтобы продолжать поддерживать, углублять сотрудничество и способствовать более глубокому уровню взаимного доверия в экономике и создать жизнеспособный экономический имидж Китая.

В-третьих, в культурном плане Китай всегда демонстрировал культурное наследие 5000-летней истории, активно участвует в культурных обменах и организует в России различные мероприятия, посвященные традиционной китайской культуре. Например, приглашение посла КНР в России Чжан Ханьхуэя для российских друзей по случаю китайского Нового года, посещение российскими синологами культурно-выставочного зала посольства, выставка китайского фарфора в Российском музее Во-

стока и т. д., что создавало представление о глубоком культурном наследии Китая. При этом используются прилагательные *культурный, традиционный, исторический* и т.д., всегда показывающие Китай с древнейших времен до настоящего времени, а также широкий круг гостей со всех уголков мира и постоянно обогащающий и освежающий на официальном сайте в России *китайское впечатление*.

И в области науки и техники, в видеообращении «Ван И на церемонии открытия Китайско-российского форума высокого уровня интеллектов», слова *развивающийся, инновации и модернизация* отражают Китай как страну науки и техники.

На основе анализа официального сайта посольства КНР в России в данной статье рассматриваются способы формирования национального имиджа Китая с точки зрения тематики, которая принадлежит дискурсивному анализу В.И Карасика. Исследование имиджа Китая имеет большое справочное значение для китаеведов в области региональных страноведческих наук и в постэпидемическую эпоху, призвано усилить дискурсивную мощь Китая, соответствует стратегическому требованию Китая «Пояс и путь» и потребностям формирования позитивного имиджа Китая.

Библиографические ссылки

1. Ли Чжэнго. Формирование национального имиджа: распространение политики и влияние СМИ // Вестн. Китайского университета коммуникации. 2006. № 1. С 157–159.
2. Юй Чжаохуэй. Интеграция публичной дипломатии: новый взгляд на стратегическую коммуникацию для формирования национального имиджа // Международное наблюдение. 2008. № 1. С. 21–28.
3. Фэн Хуэйлин, Ху Байцзин. Пекинские Олимпийские игры и формирование национального имиджа культурного Китая // Вестн. Китайского народного ун-та. 2008. № 4. С. 16–25.
4. Янь Цзинь, Зу Дацин. Исследование конструирования дискурс национального с точки зрения полидискурсивности – на примере рекламного ролика «Имиджа Китая» // Вестн. Университета Муданьцзяна. 2020. № 6. С. 56–63.

УДК 811.161.3

ЭЛІПТЫЧНЫЯ КАНСТРУКЦЫІ Ў АСПЕКЦЕ СТРУКТУРНЫХ ДАСЛЕДАВАННЯЎ

Н. У. Чайка

*Беларускі дзяржаўны педагагічны ўніверсітэт імя Максіма Танка,
вул. Савецкая, 18, 220030, г. Мінск, Беларусь, natusia12@tut.by*

Артыкул прысвечаны аналізу распрацоўкі праблемы эліпсісу ў рамках структурнай школы ў сінтаксісе. Прааналізаваны тэарэтычныя асновы і метадалагічныя прынцыпы структурнага сінтаксісу – сістэмнасць, структурнасць і іманентнасць. Апісаны і сістэматызаваны структурныя метады даследавання – метады сінтаксічнага мадэлявання, дыстрыбутыўны метады, метады кампанентнага аналізу і іх выкарыстанне пры кваліфікацыі і сістэматызацыі канструкцый з эліпсісам дзеяслова.

Ключавыя словы: структурны сінтаксіс; эліпсіс і сінтаксічны нуль; інварыянтныя сінтаксічныя мадэлі; незамешчаная сінтаксічная пазіцыя; метады сінтаксічнага мадэлявання.

ELLIPTICAL CONSTRUCTIONS IN THE ASPECT OF STRUCTURAL STUDIES

N. V. Chaika

*Belarusian State Pedagogical University named after Maxim Tank,
Sovetskaya St., 18, 220030, Minsk, Belarus, natusia12@tut.by*

The article is devoted to the analysis of the development of the problem of ellipsis within the framework of the structural school in syntax. The theoretical basis and methodological principles of structural syntax such as systematicity, structure and immanence are analyzed. Structural research methods are described and systematized. They are the method of syntactic modeling, the distributive method, the method of component analysis and their use in the qualification and systematization of constructions with verb ellipsis.

Keywords: Structural syntax; ellipsis and syntactic null; invariant syntactic models; unsubstituted syntactic position; syntactic modeling method.

Пасля шматлікіх пошукаў больш глыбокай, разнастайнай і паслядоўнай сістэмы для апісання і ўпарадкавання сінтаксічных з'яў у 20–30-я гг. XX ст. узнік новы сінтаксічны напрамак – структурны сінтаксіс, асноўнымі метадалагічнымі прынцыпамі якога былі сістэмнасць, структурнасць і іманентнасць. Станаўленне гэтага напрамку дазволіла ўзняць тэарэтычную базу сінтаксісу на якасна новую ступень развіцця і адкрыць

перспективы для даследавання найбольш складаных сінтаксічных праблем.

Ужо ў 20-я гг. XX ст. пасля выхаду першых прац Ф. дэ Сасюра, у якіх даследчык размежаваў мову і маўленне, сфармуляваў прынцып іманентнасці, паводле якога аб'ект даследавання лінгвістыкі строга адмяжоўваецца ад сумежных аб'ектаў іншых навук, упершыню ўдалося пазбегнуць неапраўдана пашыранага (лагічны напрамак) і неапраўдана звужанага (псіхалагічны напрамак) разумення катэгорыі эліптычнасці ў сінтаксісе.

У гэты перыяд Л. Тэньер распрацаваў вучэнне пра семантычную структуру сказа, якая, на яго погляд, уключае вузлавы кампанент (іерархічна галоўны) і актанта з сірканстантамі [1]. Такі падыход дазваляў адрозніць катэгарыяльны (статычны) і структурны (дынамічны) сінтаксіс і адмежаваць сказы з сінтаксічным нулём і эліпсісам ад знешне падобных сінтаксічных з'яў. Наяўнасць актантаў і сірканстантаў пры адсутнасці дзеяслова сведчыла пра дзеяслоўнае кіраванне, і сказ кваліфікаваўся як эліптычны. Схематычна няпоўна-састаўныя рэалізацыі былі прадстаўлены наступным чынам: *Убегла ў пакой. Кнігі, шыйткі са стала – на падаконнік* (І. Мележ).

Праца Л. Тэньера адкрыла перспектывы для вывучэння найбольш значных сінтаксічных праблем, у тым ліку і пытання пра эліпсіс. Далейшая навуковая распрацоўка сінтаксічнага нулявання і эліпсавання вырашалася ў межах канкрэтнай канцэпцыі ў адпаведнасці з пэўнымі тэарэтычнымі і метадалагічнымі прынцыпамі. Адны даследчыкі (Л. С. Бархударав, Е. М. Галкіна-Федарук) лічылі эліпсіс і сінтаксічны нуль тоеснымі з'явамі. На іх погляд, эліпсаваны дзеяслоў валодае ўсімі прыкметамі выказніка, і, акрамя значэння асобы і ліку, на якія ўказвае форма дзейніка, ён мае значэнне сінтаксічнай тэмпаральнасці і мадальнасці. Да эліптычных вучоня адносілі сказы, у якіх па меншай меры адно слова прадстаўлена нулявым варыянтам. Як бачым, даследчыкі кваліфікуюць сінтаксічныя з'явы па аналогіі з марфалагічнымі. Аднак у марфалогіі нулявы знак выражае толькі граматычнае значэнне, эліпсіс жа падразумявае пропуск кампанента з канкрэтным лексічным нападуненнем.

Некаторыя навукоўцы кваліфікуюць эліпсіс як нулявы анафарычны знак. Так, Е. М. Галкіна-Федарук ставіць у адзін рад сказы тыпу *Мой бацька – настаўнік і Дзеці – у школу*, атаясамліваючы апушчаны член сказа як нулявую звязку і нулявы паўназначны дзеяслоў [2].

Другія даследчыкі (І. Ф. Вардуль, К. Кёрнс, Г. Ліман [3–5]) размяжоўваюць эліпсіс і сінтаксічны нуль і кваліфікуюць эліпсіс як пропуск сінтаксічнай пазіцыі з адначасовым і абавязковым узнаўленнем адпаведнага зместу. Гэтым і тлумачыцца наяўнасць у маўленні аманімічных форм эліптычных канструкцый, сэнс якіх неадназначны і кампенсуецца з дапамогай сінтаксічных сродкаў кантэксту – лексічных (лексіч-

ная валентнасць апушчанага элемента) і сінтаксічных (паралелізм структур і інш.). Напрыклад, аманімічныя формы прадстаўленых эліптычных сказаў размяжоўваюцца з дапамогай сінтаксічных сродкаў – сінтагматычна. Парадыгматычны спосаб не прыдатны для падобных аперацый.

Трэцяя група навукоўцаў (А. П. Скавароднікаў, М. Ф. Шацкая [6; 7]) кваліфікуе пропуск як з’яву сінкрэтычную, якая ўключае ў сябе элемент сінтаксічнага нулявання і эліпсавання члена сказа, што мае паўназначнае лексічнае напаўненне. З боку лексічнага значэння гэта з’яўляецца фактам мовы, абумоўлена мадэллю сказа і яго сінанімічнай парадыгмай, таму можа разглядацца як нулявы паўназначны дзеяслоў (нулявая лексема). Лічыцца, што лексічны і граматычны бакі (аспекты) незамешчанай сінтаксічнай пазіцыі адначасова папаўняюцца за кошт макра- і мікракантэксту. На наш погляд, неправамерна атаясамліваць ці сінкрэтызаваць з’явы эліпсіса і сінтаксічнага нуля. Тэарэтычная сінтаксічная база дазваляе адрозніваць і размяжоўваць названыя моўныя з’явы.

У сінтаксічнай сістэме беларускай мовы назіраецца шэраг рэалізацый канструкцый з сінтаксічным нулём: сказы з пропускам дзеясловазвязкі, канструкцыі з экзистэнцыяльнай семантыкай, некаторыя вытворныя канструкцыі і іншыя, якія адносяцца да рэгулярных граматычных з’яў. Граматычная рэгулярнасць праяўляецца ў магчымасці выражэння сінтаксічнай катэгорыі тэмпаральнасці (значэння цяперашняга часу) у названых канструкцыях спосабам сінтаксічнага нулявання – сказы тыпу *Бацька – настаўнік; Мікола – у салдатах* і інш. Эліпсіс, у адрозненне ад сінтаксічнага нуля, – з’ява сінтагматычная, што падразумявае пропуск кампанента, для ўзнаўлення якога патрабуюцца выключна сінтагматычныя фактары: кантэкст, лексічныя і сінтаксічныя (лінейныя) сродкі.

Размежаванне знешне падобных з’яў – эліпсіса і сінтаксічнага нуля – дало магчымасць узняцца на больш высокую ступень аналізу названых канструкцый. Перад даследчыкамі паўстала задача знайсці зыходную мадэль кожнай канкрэтнай мадыфікацыі сінтаксічнай канструкцыі. Гэту задачу можна было вырашыць толькі зыходзячы з тэорыі інварыянтных сінтаксічных мадэлей і іх рэалізацый (мадыфікацый).

Пры аналізе структуры эліптычных канструкцый і вызначэнні інварыянтных сінтаксічных мадэлей вучоныя апіраліся на асноўныя тэарэтычныя палажэнні структурнага сінтаксісу, дзе мова разглядалася як упарадкаваная сістэма, адзінкі якой узаемадзеюць. І. Ф. Вардуль адзначаў, што нулявыя і эліпсаваныя кампаненты функцыянуюць у мове як пазітыўныя сінтаксемы [3]. Сінтаксемы прысутнічаюць у структуры сказа пры ўмове, што яны на ўзроўні сказа перадаюць пэўны змест, аднак у мове няма пазітыўнай сінтаксемы, здольнай перадаваць гэты змест. Вучоныя ўказвалі на цеснае ўзаемадзеянне моўных узроўняў пры эліпсаванні дзеяслоўнага выказніка і рэалізацыі неабходнай семантыкі.

Эліпсіс кваліфікаваўся і як нарматыўная з’ява, асабліва гэта датычыць моў іншай тыпалогіі – германскіх, у якіх да эліптычных адносілі канструкцыі з пропускам не толькі дзеяслоўнага выказніка, але і кампанентаў актантага тыпу.

Структура эліптычных канструкцый даследавалася і ў аспекце *паўната / непаўната* сінтаксічнай адзінкі. Адносна названага аспекту выказваліся самыя розныя, часам палярныя думкі. Большасць даследчыкаў лічылі эліптычныя сказы структурна няпоўнымі. Падставай для такога меркавання паслужыла распрацаваная пра інварыянтныя сінтаксічныя мадэлі. Эліпсіс не мяняе ні змест, ні структуру сказа. Ён адлюстроўваецца толькі ў плане выражэння. Таму можна зрабіць выснову, што эліптычны варыянт узыходзіць да поўнага інварыянта. Структурна-граматычныя разнавіднасці эліптычных сказаў унутры агульных відаў няпоўных сказаў вылучаюцца з улікам фактараў, якія абумоўліваюць магчымасць адсутнасці ў сказе таго ці іншага члена, што прадвызначаецца інварыянтнай мадэллю сказа.

Распрацоўка тэорыі інварыянтных сінтаксічных мадэлей дала штуршок у развіцці сінтаксічнай навукі. Перад вучонымі паўстала новая задача – даследаваць шматлікія мадыфікацыі сінтаксічных канструкцый у тэксце і прадставіць іх у выглядзе канечнага мноства аднаўзроўневых адзінак сінтаксічнай сістэмы – *мадэлей*. Так, А. М. Мухін адносіў эліптычныя мадыфікацыі да мадэлей з асацыятыўна-прэдыкатывай сувяззю, ці двух’ядзерных сказаў. Аднаядзерныя і двух’ядзерныя мадэлі ён падзяляў на развітыя і неразвітыя. Прычым ужывацца ў маўленні як эліптычныя рэалізацыі могуць толькі развітыя мадэлі двух’ядзерных сказаў. Актанты і сірканстанты ў канструкцыях з эліпсісам дзеяслова выступаюць у якасці семантычных кваліфікатараў, толькі яны могуць сфарміраваць семантыку сказа пры пропуску дзеяслова. Сказ тыпу *Дзяўчына сцежкай – дахаты* А. М. Мухін адносіў да эліптычнай рэалізацыі двух’ядзернай развітай мадэлі на той падставе, што асэнсаванне структуры сказа з боку яго ўнутраных сінтаксічных сувязей з дапамогай юнкцыйных мадэлей прымушае прызнаць сказ няпоўным, нават калі ў ім апушчаны няядзерны кампанент. Такім чынам, як для поўных, так і для эліптычных сказаў пры пабудове мадэлі галоўную ролю, на думку даследчыка, адыгрывае ўлік сінтаксічных сувязей і адносін, паколькі без устанаўлення іх структурна-сэнсавая кваліфікацыя кампанентаў сказаў і пабудова мадэлей з’яўляюцца немагчымымі. Акрамя гэтага, А. М. Мухін размяжоўваў сказы з эліпсісам і сінтаксічным нулём і адносіў іх да розных сінтаксічных мадэлей [8]. Быццёвы дзеяслоў, на думку даследчыка, мае як граматычныя, так і зместавыя прыкметы і рэалізуецца ў пэўных формах прошлага часу: *За лесам было возера, за ракой – дуг*.

У аснову пабудовы сінтаксічных мадэлей у працах Т. Д. Шабанавай пакладзены ўніверсальна-канстантныя моўныя значэнні, і сінтаксічная

мадэль сказа прадстаўлена праз катэгорыі семантыкі [9]. Эліптычныя канструкцыі і сказы з сінтаксічным нулём кваліфікуюцца даследчыцай як рэалізацыя мадэлі *прэдыкат – актант – сірканстант*, якая змяшчае кампаненты дэнататыўнай сітуацыі. У такім выпадку эліптычная мадыфікацыя і зыходная мадэль адрозніваюцца нерэалізаванай сінтаксічнай пазіцыяй выказніка.

Распрацоўка тэорыі інварыянтных сінтаксічных мадэлей паўплывала і на канцэпцыю Г. М. Лімана, у якой даследчык разглядае эліпсіс, празмернасць і рэдукцыю як з’явы аднаго парадку, прычым цесна ўзаемязвязаныя. Эліпсіс кваліфікуецца як пропуск тых ці іншых элементаў выказвання, якія ўзнаўляюцца на аснове празмернасці. На гэтай падставе да эліптычных вучоны адносіць сказы з апушчаным суб’ектам (у беларускай мове ім адпавядаюць няпэўна-асабовыя сказы), кіруючыся меркаваннем, што пытанне пра кваліфікацыю канкрэтнага выказвання ў якасці рэалізацыі няпэўна-асабовага сказа вырашаецца ў межах пытання пра паўнату – эліптычнасць канструкцыі. Адсутнасць дзейніка ў сказе тыпу *По радио рассказали о случившемся* або *У полі выбіралі бульбу* даследчык кваліфікуе як нейтралізацыю збыткунасці, а самі канструкцыі адносіць да эліптычных. Аднак прычына «эліпсіса суб’екта» бачыцца не ў камунікатыўных або стылістычных функцыях сінтаксічных адзінак, а ў «празмернасці» названага кампанента. Аналагічнае даследаванне канструкцый з эліпсісам дзеяслова праводзілася Л. Фрэйзерам.

Л. Фрэйзер указваў, што ў аналізуемых канструкцыях «суб’ект выконвае ролю карэлята» [10, с. 4], але і «важную ролю ў працэсе ўспрымання эліптычных канструкцый адыгрывае інтанацыя» [10, с. 5]. Даследчык вылучыў у структуры сказа галоўныя і залежныя кампаненты, фармальныя сувязі паміж якімі павінны адбывацца ў двух напрамках: ад галоўнага элемента да залежнага і ад залежнага да галоўнага. Семантычны суб’ект у англійскай мове адносіцца да залежных кампанентаў і таму можа выступаць у якасці карэлята. Беларуская мова мае іншую тыпалогію, і семантычны суб’ект рэдка выступае ў якасці карэлята ў эліптычных канструкцыях. Падобная з’ява назіраецца ў тых адзінкавых выпадках, калі эліптычны сказ з’яўляецца аднаасастаўным паводле будовы, а семантычны суб’ект мае неізаморфны характар і выконвае сінтаксічную функцыю дапаўнення. У падобных выпадках граматычная форма дапаўнення абмяжоўвае кола дзеясловаў, што могуць замяшчаць сінтаксічную пазіцыю выказніка: *Я вельмі люблю творы Івана Мележа. Таму раман «Людзі на балоце» мною – за два дні*. Аднак і пры гэтым цяжка вызначыць, ці толькі семантычны суб’ект выконвае ролю карэлята. Думаецца, што ролю структурна-сэнсавага паказчыка ў названым сказе выконвае дапаўненне з суб’ектным значэннем у сукупнасці з акалічнасцю часу.

Аналіз прац прыхільнікаў структурнага сінтаксісу дае падставы

сцвярджаць, што гэтыя даследаванні мелі вялікае значэнне ў распрацоўцы з’явы эліпсіса. Тэарэтычная распрацоўка пытанняў сінтагматыкі і парадыгматыкі сказа дала магчымасць размежаваць сінтаксічны нуль як парадыгматычную з’яву і эліпсіс як сінтагматычную з’яву. Структурныя метады даследавання (метады сінтаксічнага мадэлявання, дыстрыбутыўны метады, метады кампанентнага аналізу, канструктыўныя метады) дазволілі дыферэнцыраваць падыход да кваліфікацыі знешне падобных сінтаксічных з’яў – эліпсіса і сінтаксічнага нуля. У выніку значная колькасць маўленчых рэалізацый (у тым ліку і нязначная частка канструкцый з незамешчанай сінтаксічнай пазіцыяй) атрымалі сістэматызацыю праз структурныя схемы і былі зведзены да невялікай колькасці зыходных мадэлей. Даследаванні з’явы эліпсіса ў параўнальным аспекце дазволілі вызначыць асаблівасці структурнай арганізацыі названых канструкцый у мовах з рознай тыпалогіяй.

Бібліяграфічныя спасылкі

1. *Теньер Л.* Основы структурного синтаксиса; пер. с фр. И. М. Богуславского [и др.]; общ. ред. В. Г. Гака. М. : Прогресс, 1988.
2. *Галкина-Федорук Е. М.* Суждение и предложение. М. : Изд-во Моск. ун-та, 1956.
3. *Вардоль И. Ф.* К вопросу о явлении эллипсиса // Инвариантные синтаксические значения и структура предложения : докл. на конф. по теорет. проблемам синтаксиса / Акад. наук СССР, Ин-т языкознания; отв. ред. Н. Д. Арутюнова. М., 1969. С. 59–70.
4. *Kearns K.* Epistemic verbs and zero complementizer // *English Language and Linguistics*. 2007. Vol. 11, № 3. P. 475–505.
5. *Lehman H. M.* Zero subject relative constructions in American and British English // *New frontiers of corpus research* / ed. P. Peters. Amsterdam, 2002. P. 163–177.
6. *Сковородников А. П.* Эллипсис как стилистическое явление русского литературного языка : пособие для спецкурса. Красноярск : Красноярск. гос. пед. ин-т, 1978.
7. *Шацкая М. Ф.* Нулевые компоненты в составе диктемы: на материале языковой игры // *Язык и межкультурная коммуникация : материалы 2 Междунар. науч. конф., Астрахань, 28 марта 2008 г.* / Астрахан. ун-т; редкол.: Г. В. Рябичкина (гл. ред.) [и др.]. Астрахань, 2008. С. 64–66.
8. *Мухин А. М.* Структура предложений и их модели. Л. : Наука, Ленингр. отделение, 1968.
9. *Шабанова Т. Д.* Предложение и его лимитативные модели: учеб. пособие к спецкурсу. М. : Моск. гос. пед. ин-т, 1985.
10. *Frazier L., Clifton C., Carlson K.* Focus and VP ellipsis // *Language and Speech*. 2007. Vol. 50, № 1. P. 1–21.

УДК 482:8.08

КОГНИТИВНАЯ МЕТАФОРА КАК СРЕДСТВО ВЫРАЖЕНИЯ АВТОРСКОГО СТИЛЯ

О. М. Черткова

*Белорусский государственный медицинский университет,
пр. Дзержинского, 83, 220116, г. Минск, Беларусь, ya.omk@mail.ru*

В статье обосновывается проблема функционирования когнитивной метафоры в художественном направлении, синтезирующем текст. Предпринимается попытка доказать, что когнитивная метафора становится одним из ключевых индикаторов речемыслительного стиля автора.

Ключевые слова: когнитивная метафора; средство художественности; авторский стиль.

COGNITIVE METAPHOR AS A MEANS OF EXPRESSING THE AUTHOR'S STYLE

O. M. Chartkova

*Belarusian State Medical University,
Dzerzhinsky Av., 83, 220116, Minsk, Belarus, ya.omk@mail.ru*

The article substantiates the problem of the functioning of cognitive metaphor in the artistic direction synthesizing the text. An attempt is made to prove that the cognitive metaphor becomes one of the key indicators of the author's speech-thinking style.

Keywords: cognitive metaphor; means of artistry; author's style.

Очень часто, когда у нас не хватает слов объяснить что-то, мы приводим примеры похожих вещей: объясняем любовь через болезнь или спор через войну. Можно сказать, что это способ восприятия одной области через другую. Такой способ называется когнитивной метафорой. Если есть, скажем, абстрактный предмет, который мы хотим понять, то его можно объяснить конкретными примерами из других сфер жизни. Вопрос не только и не столько в поэзии или в языке, сколько в нашем мышлении. Очень часто мы даже не осознаем, что используем метафоры.

Когнитивная (концептуальная) метафора – часто по-английски говорят conceptual metaphor – как термин появилась в 1980 году, когда Джордж Лакофф и Марк Джонсон написали «Метафоры, которыми мы живем».

Какие-то метафоры мы уже знаем, какие-то придумываем сами. Уже по этому признаку их можно классифицировать. Есть, например, мета-

форы к ориентации, когда путь вверх мы воспринимаем как что-то положительное, а путь вниз – отрицательное. То же самое можно применить к движению вперед и назад. Встречается также сравнение всей жизни с путем. Другой яркой метафорой является равновесие, когда имеем в виду психическое состояние или сохранение какой-либо абстрактной стабильности. Еще одна категория – когда мы создаем метафоры, придумываем их. Например, сравниваем политические отношения государства с семьей. Даже если никто так раньше не говорил, но мы понимаем, как устроена семья, то можем переносить это значение в политику и понимать, о чем идет речь.

Примечательно, что есть метафоры, которые знакомы всем. Опять же, путь как метафора жизни. Во многом это связано с опытом, причем необязательно личным. Это может быть исторический опыт или литературный. Например, мы можем сравнивать оживленный спор с войной не потому, что сами участвовали в войне, а потому, что имеем представление о ней из истории, фильмов и тому подобного.

Существуют концептуальные метафоры, которые похожи в нескольких европейских языках. Как я уже упоминала, метафоры направления: вверх и вниз, вперед и назад. Другой пример: когда нам трудно, мы сравниваем это с тяжелой ношей. Такие метафоры бывший аспирант Лакоффа, Джозеф Грейди, называл первичными (*primary metaphors*). Они объясняются тем, что у людей есть совпадающий опыт. Если я ношу что-то очень тяжелое, тогда и мне, и другим людям трудно почти независимо от культуры. Есть другие метафоры, которые сильнее связаны с определенной культурой. Я живу в Голландии, где много воды, поэтому метафоры часто с ней связаны. В России же они чаще связаны с другими явлениями природы («как снег на голову»).

Слова не единственный способ выразить метафору [2, с. 3]. Например, ее можно изображать жестами или рисунками на бумаге. Даже технические рисунки могут быть визуальными метафорами: в математике достаточно часто можно увидеть упрощенные новые формы, с помощью которых легче понять рисунок.

Хотя часто бывает, что метафора в виде изображения, будь то реклама или искусство, сложнее для понимания, потому что язык – это система, где, условно говоря, есть соглашение о том, что значит то или иное слово, мы можем посмотреть его в словаре, в то время как изображения шире варьируются по отношению к возможным интерпретациям.

Значения метафоры неисчерпаемы [3, с. 15]. В зависимости от контекста мы можем понимать ее по-разному. Например, корабль в океане может иметь политическое значение, как страна идет дальше, или личное значение – жизненный путь человека, а возможно, речь вообще идет о команде. Ясно, что контекст употребления метафоры критически важен для ее интерпретации.

Метафора может давать нам новые знания и отвечать на исходные вопросы. Скажем, во многих странах стоит вопрос большого числа эмигрантов, и есть некоторые политики, которые говорят, что это как волна – волна людей. Тогда нам надо построить стену, чтобы вода не пришла. Может быть, это не самое хорошее решение вопроса, но суть в том, что поиск решения осуществлялся за пределами исходной проблемы. Так, Дональд Шён написал статью в 1979 году, где сказал, что некоторые метафоры генеративны, они создают новые ответы на вопросы. Он думал о проблемах в городах. Если существует какой-то бедный район, то одним вариантом может быть отношение к этому как к болезни (и тогда от нее нужно избавляться, как, например, от злокачественной опухоли), а можно воспринимать это как экосистему. И тогда нужно думать, как помогать людям, которые живут там. Ведь экосистема в том же лесу подразумевает, что все растения и животные так или иначе взаимосвязаны.

Конечно, когнитивная метафора не всегда будет давать ответ на вопрос. Если мы используем ее только для объяснения чего-то и не пытаемся развивать эту мысль дальше, то, очевидно, новых решений она не даст. Частично это зависит от человека, который пользуется метафорами.

Метафора – это необязательно фраза. Есть такие рассказы, которые развивают одну метафору через весь сюжет. Например, «Скотный двор» (Animal farm) Дж. Оруэлла – это рассказ о животных и о том, как они решают разные проблемы. Но для многих он о людях и обществе. Конечно, ребенок ее не поймет, однако для взрослого человека она будет заметна. Можно сказать, что метафоры встречаются практически везде, если мы пытаемся их увидеть. И чтобы их заметить и понять, нам нужно поменять способ мышления. Метафора предстает в качестве ведущей фигуры художественного стиля, которая обязана своим возникновением использованию дополнительных значений слов. Использование метафоры способствует установлению между этими значениями слов новых связей. В художественном мышлении с помощью дополнительных признаков слов, выражающих моменты чувственной наглядности, осуществляется раскрытие значительных черт при отражении действительности. Благодаря метафоре читатель обогащает свое представление о том или ином предмете, для характеристики которого метафора привлекает новые явления и расширяет представления о различных свойствах этого предмета. Такое значение метафоры называется познавательным. Метафора, выступая в роли тропа, является общеязыковым явлением. Именно художественная литература способствует проявлению ее особого значения, так как писатель стремится наиболее индивидуально и конкретизировано показать действительность, а сделать это он может с помощью метафоры, которая оттеняет разные детали, свойства, явления, признаки. Создавая произведение, писатель оперирует понятиями и их вторичными значениями, учитывая их связи с другими понятиями, которые в той или

иной степени отражают связи данных понятий (явлений) в реальном мире. Использование тех или иных понятий зависит от исторически обусловленного характера писательского сознания, то есть от того жизненного процесса, который подвергается осознанию автора [5, с. 63]. Однако в рамках одного стиля на отношение к метафоре будет оказывать влияние направленность и особенности литературного мастерства в пределах творчества одного автора и в пределах определенного произведения. Поэтому метафора служит средством создания художественных образов, и только осуществляя конкретный анализ можно установить место, значение и качество метафоры в определенном произведении, творчестве или стиле, так как метафора представляет собой момент отражения окружающей действительности [6, с. 39].

Некоторые авторы часто создают образные картины с их тесно связанными между собой звеньями на основе образного выражения, которое они обыгрывают таким способом. Так, при создании развернутой метафоры, писатели могут оживить какую-либо стертую общеязыковую. В подобных случаях переводчик может передать образ двумя способами: сохранить основной образный стержень фигуры или полностью его заменить, собственным развернутым образом в переводе [7, с. 39]. Многие лингвистические, литературоведческие, культурологические, философские и психологические проблемы связаны с переводом метафор.

Библиографические ссылки

1. *Болдырев Н. Н.* Когнитивная семантика: Курс лекций по английской филологии. Тамбов: Изд-во Тамбовского ун-та, 2001.
2. *Кубрякова Е. С.* Начальные этапы становления когнитивизма: лингвистика – психология – когнитивная наука // Вопросы языкознания. Вып. 4. 1994. С. 26–34.
3. *Лакофф Дж., Джонсон М.* Метафоры, которыми мы живем. М. : Эдиториал УРСС, 2004.
4. *Баранов А. Н.* Когнитивная теория метафоры почти двадцать пять лет спустя: Предисловие к кн. «Метафоры, которыми мы живем». М. : Едиториал УРСС, 2004. С. 7–22.
5. *Алефиренко Н. Ф.* Поэтическая энергия слова. Синергетика языка, сознания и культуры. М. : Academia, 2002.
6. *Харченко В. К.* Функции метафоры: учеб. пособие. М. : Изд-во ЛКИ, 2007.
7. *Ефремова Т. Ф.* Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. М. : Русский язык, 2000. 1168 с.
8. *Grady J., Taub S., Morgan S.* Primitive and compound metaphors // Conceptual structure, discourse and language / Ed. A. Goldberg. Stanford, CA : Center for the study of Language and Information, 1996.
9. *Lakoff G.* The Contemporary Theory of Metaphor // Metaphor and Thought. / Ed. A. Or-tony. Cambridge : Cambridge University Press, 1993.

УДК 811.161.3'35

КАМУНІКАТЫЎНА-ПРАГМАТЫЧНЫ ЗМЕСТ СЕМАНТЫЧНАЙ ФУНКЦЫІ ШМАТКРОП'Я Ў ТВОРАХ СУЧАСНАЙ БЕЛАРУСКАЙ МАСТАЦКАЙ ЛІТАРАТУРЫ

В. М. Шаршнёва

*Магілёўскі дзяржаўны ўніверсітэт імя А. А. Куляшова,
вул. Касманаўтаў, 1, 212022, г. Магілёў, Беларусь, shershnyova@msu.by*

Мэта артыкула – адлюстраваць прагматычны змест семантычнай функцыі шматкроп'я. Праблема звязана з апісаннем і ілюстрацыйным пацвярджэннем прагматычных значэнняў названай функцыі. Навізна даследавання заключаецца ва ўстанаўленні прагматычнай накіраванасці знакаў прыпынку. Праведзенае даследаванне дазваляе ўспрымаць шматкроп'е ў адзінстве яго семантычных і прагматычных характарыстык.

Ключавыя словы: камунікатыўна-прагматычны; семантычны; шматкроп'е; мастацкі тэкст; пунктуацыя; знакі прыпынку; прагматычны патэнцыял.

COMMUNICATIVE-PRAGMATIC CONTENT SEMANTIC FUNCTION OF ELLIPSES IN WORKS OF MODERN BELARUSIAN FICTION

V. Sharshniova

*Mogilev State A. A. Kuleshov University,
Kosmonavtov St., 1, 212022, Mogilev, Belarus, shershnyova@msu.by*

The purpose of the article is to reflect the pragmatic content of the semantic function of the ellipsis. The problem is related to the description and illustrative confirmation of the pragmatic meanings of the specified function. The novelty of the study lies in the establishment of the pragmatic orientation of punctuation marks. The conducted research allows us to perceive ellipsis in the unity of its semantic and pragmatic characteristics.

Keywords: communicative-pragmatic; semantic; ellipsis; artistic text; punctuation; punctuation; pragmatic potential.

Цікавасць да візуальнай арганізацыі мастацкага твора абумоўлена спецыфікай афармлення тэкставага матэрыялу, спалучэннем вербальных і невербальных элементаў выказвання. Асаблівасці індывідуальна-аўтарскага светаўспрыняцця перадаюцца праз графіка-пунктуацыйнае афармленне мастацкага твора, дзякуючы якому пісьменнік можа максімальна поўна «перадаць самыя тонкія сэнсавыя і эмацыянальныя

адценні выказвання, а таксама праявіць сваю індывідуальнасць і аўтарскі стыль» [1, с. 93].

Сярод сродкаў графічнай выразнасці асобае месца займаюць пунктуацыйныя знакі, паколькі яны здольныя не толькі падзяляць тэкст на сказы, а сказы на асобныя часткі, але і ўказваць важныя ў эмацыянальна-экспрэсіўных адносінах пазіцыі. Пунктуацыя перадае адносіны аўтара да выказанай думкі, падказвае наяўнасць імпліцытнай інфармацыі або неабходнасць адпаведнай эмацыянальнай рэакцыі. Інакш кажучы, пунктуацыя «адыгрывае значную ролю ў фарміраванні прагматычнага патэнцыялу тэксту» [2, с. 164].

Н. Л. Шубіна адзначае, што «невербальныя элементы дапаўняюць інфармацыю, узмацняюць успрыманне, утрымліваюць увагу і пазнавальны інтарэс, а таксама ўздзейнічаюць на чытача» [3, с. 8], а таксама сцвярджае: «Скарачэнне тэкставай прасторы ствараецца пры дапамозе ўключэння ў тэкст дадатковых семіятычных знакаў і сродкаў, якія выконваюць разнастайныя функцыі ў арганізацыі і фарміраванні сэнсу, служаць сродкам уздзеяння на чытача, а часам заключаюць у сабе больш інфармацыі, чым выкарыстаныя ў тэксце словы» [3, с. 11–12].

Прагматычны падыход да вывучэння мастацкага тэксту «спрыяе раскрыццю камунікатыўнага прызначэння моўнай адзінкі, яе выкарыстання адрасантам у якасці прылады дзеяння, уздзеяння і ўзаемадзеяння, яе суаднесенасці з паводзінамі і дзейнасцю адрасата» [4, с. 1]. Прагматычны змест мастацкага тэксту і яго экспліцытнае і імпліцытнае выражэнне рэалізуюцца праз сістэму пунктуацыйных пазіцый, якія спецыяльна ствараюцца аўтарам. Прычым пунктуацыйна-графічная арганізацыя сучаснага мастацкага тэксту ўскладняецца не толькі за кошт павелічэння сродкаў, спосабаў і прыёмаў візуальнага стварэння сэнсаў, але і за кошт змянення функцый звыклых знакаў прыпынку, пашырэння магчымасцей іх выкарыстання.

У сувязі з адзначаным надзвычай актуальная ўвага да пунктуацыйных знакаў, якія могуць не толькі рэгуляваць тэмп маўлення, выражаць эмоцыі, але і надаваць выказванню дадатковае семантычнае адценне. Сярод такіх знакаў найбольш выразным варта прызнаць шматкроп'е.

Шматкроп'е з'яўляецца найбольш эфектным экспрэсіўным полісемантычным знакам, прагматычны патэнцыял якога ў творах мастацкай літаратуры невычарпальны. А. Г. Басалаева і М. У. Шпільман заўважаюць, што гэты знак прыпынку цікавы тым, «што ён значна больш свабодны, індывідуальны, чым многія іншыя; пры яго пастаноўцы аўтар можа кіравацца не толькі сінтаксічнай структурай сказа або тэкста, але таксама ў значнай ступені сэнсам і інтанацыяй» [5, с. 248–249].

У мове мастацкай літаратуры шматкроп'е абгрунтавана імкненнем аўтара максімальна ўздзейнічаць на рэцыпіента з мэтай прыцягнення і акцэнтавання яго ўвагі на спецыфічна аформленай частцы маўлення, стымуляваць разумовую дзейнасць чытача, накіроўваць ход яго думак, пабуджаць да пошуку, каб уяўная самастойнасць і асэнсаванасць выскоў павышала сілу ўздзеяння.

Шматкроп'е пакідае без моўнага выражэння пэўную (часта даволі значную) частку выказвання, імпліцытна змяшчаючы цэлы шэраг разнастайных значэнняў (трывогу, захапленне, згоду, нязгоду, нянавісць, пагрозу, папрок, неразуменне, адчай і інш.). Камунікатыўна-прагматычная інфармацыя, якая перадаецца пры дапамозе шматкроп'я, заўсёды імпліцытная і накіраваная на абавязковае дэкадзіраванне.

Семантычная функцыя пунктуацыйных знакаў наогул і шматкроп'я ў прыватнасці ў тэорыі сучаснай пунктуацыі ўспрымаецца ў якасці асноўнай (Р. І. Абакумаў, Н. С. Валгіна, А. Б. Шапіра, Л. У. Шчэрба, Г. Н. Ключаў, П. У. Сцяцко, М. С. Яўневіч і інш.). Гэта функцыя непасрэдна звязана з эмацыянальна-экспрэсіўнай, паколькі ўзмацненне сэнсу моўных адзінак павышае эффект экспрэсіўнасці.

Пацвярджаючы камунікатыўна-прагматычную значнасць шматкроп'я, Ф. С. Андросава адзначае яго магчымасць ствараць другі план паведамлення: «Гаворка ідзе аб семантычнай функцыі, калі шматкроп'е надае дадатковы сэнс апавяданню» [6, с. 9].

Да найбольш тыповых прагматычных значэнняў семантычнай функцыі лічым мэтазгодным аднесці наступныя:

1) павелічэнне паўзы паміж адзінкамі выказвання, звязанае са знарочыстым запавольваннем тэмпу маўлення:

Ёсць такая – катрынка смерці... Я чуў яе двойчы. Гучыць няшчотна і незаўважна. Здаецца, што заспакоенае дзіця сярод ночы забаўляецца, але голас нечалавечы... больш нагадвае, як здурнелыя каты равуць, гуляючы. Толькі самотна равуць, без дураты, запаволена і нават лагодна неяк. Зрэшты, магутнасць гуку, моц напружанасці такая самая... Хоць наогул, практычна незаўважна, амаль бязгучна. Але той, каму дадзена, ці чыя гадзіна прабіла, перад смерцю, – той зразумее, затрымаецца, знерухомее ад няземнай ужо мелодыі тае... [7, с. 307].

Менавіта шматкроп'е дазваляе аўтару правесці чытача па вуліцах вячэрняга, страшнага ў сваёй невыразнасці і пустэчы горада, затрымаць плынь разважанняў аб сэнсе жыцця і нават пачуць гукі страшнай, знешне лагоднай катрынкі. Напісанне малой літары пасля шматкроп'я аўтар выкарыстоўвае як пераход на новую думку, але з захаваннем унутранай сувязі з папярэдне выказанай інфармацыяй, нават у выпадку, калі ніякіх

іншых сродкаў гэтай сувязі няма ні ў маўленчай, ні ў сюжэтнай арганізацыі.

У гэтым значэнні семантычная функцыя часта спалучаецца з эмацыянальна-экспрэсіўнай, паколькі шматкроп'е ў такіх выпадках можа ўжывацца, як і ў працытаваным прыкладзе, для ўзмацнення эмацыянальнага ці драматычнага эфекту;

2) павелічэнне паўзы паміж адзінкамі маўлення, звязанае з пошукам патрэбнага слова:

Я засмялася. Ад таго, што ў мяне з'явіўся гардэмарын. А я... я... я была Насцяй. Анастасіяй Ягужынскай. Для поўнага шчасця не ставала толькі Брылы [8, с. 12].

Шматкроп'е надзвычай выразна перадае хваляванне закаханай дзяўчыны, яе жаданне быць годнай свайго абранніка, але ў той жа час ніякім чынам не пераўзыходзіць яго;

3) актуалізацыя асобных кампазіцыйных эпізодаў:

Гэтая жудасная жанчына ў чорным, яна...

...яна кінула ляльку ў ваду – і ў той жа вечар патануў нейкі, невядомы Віталю Руслан, які хадзіў да яе, а ў той дзень за нешта пабіў, і пабіў моцна...

<...>

...а вось сам Міхась патрапіў...

...і пашкодзіў сабаку лапу...

...і забінтаваная левая рука жанчыны...

...і трэцяя лялька паляцела ў вогнішча...

...і згарэла там...

Віталь азірнуўся і паглядзеў на Міхасёву хату, старую, спарэхнелую амаль, з выразнай чорнай плямінай на адным з кутаў. Яна ўжо гарэла аднойчы... праўда, гэта здарылася днём, і пажар паспелі патушыць даволі хутка... [9, с. 140–141].

Такое пунктуацыйнае афармленне паказвае значнасць асобнай падзеі, яе месца ў пэўнай сістэме абставін, якія кожнае паасобку былі страшным знакам, прадвесцем жахлівага выніку. Варта заўважыць, што акцэнтаванне асобных элементаў кампазіцыі накіроўвае таксама на асэнсаванне тэкстаўтваральнай ролі шматкроп'я;

4) магчымасць працягнення пераліку, ходу разважання:

...Старыя Грыбы нейкія непрыступныя былі. Як ні ўгаворвалі іх, як ні змушалі, чым ні пагражалі – не пайшлі ў калгас. Засталіся аднаасобнікамі, хоць і не былі, здавалася, багаццямі. Каня, праўда, мелі ды ўсялякі інвентар: плугі, бароны, сошкі, косы, вілы рознай даўжыні, граблі, сякеры, невялічкі млын, сякарню... Усё гэта было настроена

так, што, здавалася, толькі зачачі, само будзе касіць, калоць, грэбці, складваць... [10, с. 178].

Працягнуць пачаты пералік можа кожны чытач у адпаведнасці са сваёй дасведчанасцю ў прапанаванай аўтарам тэматыцы;

5) нявыказаная выснова, меркаванне, выразна падказаныя чытачу:

<...> *А яго, Пецькава жонка, ці хто яна яму там, от вымуштраваў, з машыны нават не паказалася: ведае сваё месца. Гарадска-а-я! Не тое што вясковыя. Яны ж ніколі не дадуць па-чалавечы ні выпіць, нізакусіць каля крамы: толькі двое-трое мужчын сыдуцца, як абавязкова, быццам з-пад зямлі, з'явіцца кабета. Не свая, дык чужая. А ў жанчын што: раты не паашываныя...* [11, с. 354].

Пастаноўкай шматкроп'я аўтар прапануе рэцыпіенту самому на аснове ўласнага жыццёвага вопыту асэнсаваць адзіна магчымы працяг тыповай сітуацыі;

6) нечаканае тлумачэнне прычыны:

Вуліца, святлафор – стаім у чаканні зялёнага. Кабета наперадзе – досыць сталага веку і, відаць, з цырульні, бо разгублена гладзіць сабе на шыі, спрабуе ўхапіць за валасы і...

<...>

Цяпер перажывае, дакарае... Адно – валасы на сабе не рве, бо... не можа ўчапіцца – няма за што [12, с. 54].

Экспрэсіўнае пунктуацыйнае афармленне жыва, рэальна перадае адчай жанчыны, актуалізуе дваіны сэнс спалучэння *валасы на сабе не рве* (у яго ўспрыняцці і як сінтаксічна свабоднага, і як фразеалагічна звязанага);

7) нечаканае высвятленне абставін:

Мы пазнаёміліся ў... электрыцы. Пустой, халоднай, замерзлай электрыцы, дакладней, у тамбуры [8, с. 11];

Мы пачалі сустракацца. Ён чытаў мне вершы... чужыя [8, с. 12].

Далучаная пасля шматкроп'я інфармацыя, паводле аўтарскіх інтэнцый, павінна ўраджаць сваёй нечаканасцю, нетыповасцю і адначасова накіроўваць на магчымасць непрадбачанай развязкі падзей.

Прыведзены ілюстрацыйны матэрыял пацвярджае, што пунктуацыя з'яўляецца надзвычай важным сродкам уздзеяння на чытача. Яна дапамагае раскрываць самыя складаныя пачуцці і перажыванні персанажаў, іх стан, адносіны да пэўнай сітуацыі. На вынік прагматычнай інтэрпрэтацыі ўплывае кантэкст, дапамагаючы раскрыць новыя эмацыянальныя значэнні.

Надзвычай выразным экспрэсіўным пунктуацыйным знакам з'яўляецца шматкроп'е. Яно візуальна прыцягвае ўвагу чытача, выступаючы своеасаблівым аўтарскім заклікам да сумеснай творчасці.

Шматкроп'е павялічвае паўзу паміж асобнымі адзінкамі выказвання, запавольваючы тэмп маўлення і ствараючы фатаграфічны эфект; ілюструе хваляванне або разгубленасць пры пошуку адпаведнага слова; актуалізуе асобныя кампазіцыйныя эпізоды; паказвае магчымасць працягнення пераліку, ходу разважання; замяняе нявыказаную выснову, меркаванне, пры гэтым выразна падказваючы іх верагодны змест чытачу; сігналізуе аб нечаканым тлумачэнні прычыны ці высвятленні абставін. Прагматычныя значэнні семантычнай функцыі шматкроп'я непасрэдна звязаны з іншымі функцыямі пунктуацыйных знакаў. Пры гэтым схільнасць аўтара да шматкроп'я прадыхавана важнасцю дасягнення канчатковай мэты камунікацыі – уздзеяння на рэцыпіента.

Бібліяграфічныя спасылкі

1. *Ткаченко Л. Н.* Функционирование пунктуационно-графических средств в произведениях Фр. Бегбедера // Вестник Челябинского государственного университета, 2013. № 14 (305). С. 93–98.
2. *Гусак Ю. Н.* Функциональная специфика пунктуации в дихотомическом пространстве языка и речи: базовые подходы и принципы // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 2. Филология и искусствоведение, 2012. № 2. С. 164–167.
3. *Шубина Н. Л.* Пунктуация современного русского языка : учебник для студ. высш. учеб. заведений. М. : Издательский центр «Академия», 2006.
4. *Дотмурзиева З. С.* Прагматика англоязычного художественного текста и проблемы прагматики его перевода : автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20. Пятигорск, 2006.
5. *Басалаева Е. Г., Шпильман М. В.* Многоточие как объект языковой рефлексии в интернет-дискурсе // Сибирский филологический журнал. 2015. № 3. С. 248–255.
6. *Андросова Ф. С.* Функционально-стратегический потенциал авторских пунктуационных знаков в художественном дискурсе : автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19. Кемерово, 2015.
7. *Касцюкевіч М. Я.* Прысмеркі вялікага гораду. Аповед без героя // Колеры : паэзія і проза. М. : Русский путь, 2013. С. 304–310.
8. *Адам М.* Трыпціх // Скажы, што кахаю... : аповесці, апавяданні / уклад. Віктар Шніп. Мінск : Маст. літ., 2018. С. 10–15.
9. *Аўласенка Г. П.* Вядзьмарка // Ключ, які нічога не адмыкае : рэальна-міфічна-фантастычныя апавяданні. Мінск : Маст. літ., 2014. С. 132–141.
10. *Крэйдзіч А.* Мухамор // Повязь : апавяданні, навелы / уклад. : І. В. Саверчанка, Г. В. Марчук. Мінск : Маст. літ., 2015. С. 174–187.
11. *Саламаха У.* «Трынкен шнапс, гармонік шпілен...» // Повязь : апавяданні, навелы / уклад. : І. В. Саверчанка, Г. В. Марчук. Мінск : Маст. літ., 2015. С. 346–357.
12. *Доўнар В.* Зэканоміла // Каб сказаць... І пачулі : мініяцюры. Мінск : Харвест, 2012.

СЕКЦИЯ II КОМПЬЮТЕРНАЯ И КОРПУСНАЯ ЛИНГВИСТИКА

УДК 316.772.5

СТРУКТУРНЫЕ, СЕМАНТИЧЕСКИЕ И ГРАФИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ИНТЕРНЕТ-МЕМОВ АНГЛОЯЗЫЧНОГО МЕДИАДИСКУРСА

М. А. Бабаян

*Белорусский государственный университет,
ул. Курчатова, 8, 220045, г. Минск, Беларусь, BabayanMA@bsu.by*

В данной статье представлены и описаны структурные, семантические и графические особенности интернет-мемов англоязычного медиадискурса, выявленные в результате сбора и анализа информации с наиболее распространенных тематических сервисов сети Интернет. Подчеркивается важность изучения мемов наряду с их особенностями с целью популяризации указанной темы и активизации работы научного сообщества по данному направлению.

Ключевые слова: интернет-коммуникация; мем; медиадискурс; креолизованный текст; полимодальное средство.

STRUCTURAL, SEMANTIC AND GRAPHIC PECULIARITIES OF INTERNET MEMES IN ANGLOPHONE MEDIA DISCOURSE

M. A. Babayan

*Belarusian State University,
Kurchatova St., 8, 220045, Minsk, Belarus, BabayanMA@bsu.by*

The article deals with the English-language media discourse Internet memes' structural, semantic and graphic features, identified as a result of collecting and analyzing information from the most widespread thematic services of the Internet. The importance of studying memes along with their peculiarities is emphasized in order to popularize the mentioned topic and activate the work of the scientific community in this direction.

Keywords: Internet communication; meme; media discourse; creolized text; polymodal means.

Интернет-мемы в современном медиапространстве рассматриваются как одна из наиболее динамичных и влиятельных форм визуального выражения. Они выходят за рамки простых изображений или видео, пре-

вращаясь в мощные средства коммуникации, культурные символы и инструменты социального взаимодействия. Мемы передают убеждения, жизненные позиции и эмоции через лаконичные, но выразительные визуальные средства, делая их легко распознаваемыми и понятными для широкого круга интернет-пользователей.

В силу своей визуальной природы, интернет-мемы легко адаптируются и модифицируются, что позволяет им распространяться с невероятной скоростью по различным медиаплатформам. Такая адаптивность и мультипликативность делают мемы особенно важными для понимания культурных трендов, общественных настроений и динамики интернет-коммуникации.

Интернет-мемы также играют роль культурных маркеров, помогают формировать субкультуры и сообщества вокруг себя, активизируют участников на обсуждение актуальных тем и событий. В этом смысле они не просто отражают культурную динамику, но и активно влияют на неё, стимулируя обмен мнениями, идеями и ценностями внутри глобального виртуального пространства.

На основе анализа размещенного в составленном корпусе [1] материала с трех распространенных англоязычных платформ, специализирующихся на создании и распространении интернет-мемов, – *Reddit*, *9GAG*, *Memedroid*, – были выделены *структурные, семантические и графические* особенности соответствующих объектов исследования, которые изложены в нижестоящих пунктах данной работы.

Структурные особенности

1. *Простота и краткость.* Мемы обычно состоят из простых изображений или коротких видеоклипов, сопровождаемых текстом, которые легко воспринимаются и запоминаются. Краткость помогает передать идею максимально эффективно.

2. *Повторяемость.* Наличие легкого для воспроизведения шаблона является ключом к быстрому распространению мемов. Это позволяет другим пользователям создавать свои собственные версии мема, сохраняя при этом его узнаваемую структуру.

3. *Изменяемость.* Хотя основополагающий шаблон мема остается стабильным, контент внутри этого шаблона легко адаптируется под различные контексты или актуальные темы. Этот аспект делает мемы релевантными для широкого спектра ситуаций.

4. *Интертекстуальность.* Мемы часто ссылаются друг на друга, популярную культуру, исторические события или актуальные новости. Это создает многоуровневый диалог между мемами и их восприятием, обогащая их смысловое содержание.

5. *Визуальная и текстовая составляющие.* Мемы могут сочетать в себе как визуальные, так и текстовые элементы для передачи своего сообщения. Визуальный компонент обычно привлекает внимание, в то время как текст уточняет или меняет смысл изображения.

6. *Эмоциональная выразительность.* Мемы часто используются для выражения эмоций, отношения к событиям или иронии. Данный аспект помогает усилить связь с аудиторией.

7. *Вирусность.* Структура мемов нацелена на их легкое и быстрое распространение через платформы социальных медиа. Элементы, такие как юмор, актуальность или эмоциональный отклик, поддерживают вирусность мемов.

8. *Культурная специфика.* Хотя многие мемы могут быть понятны широкой аудитории, некоторые из них используют специфические культурные или локальные отсылки, которые могут быть полностью поняты только в определенном контексте.

Структурные особенности вышеупомянутого феномена играют важную роль в определении того, как интернет-мемы формируют современную культурную палитру, влияя на общественное мнение и способствуя распространению идей.

Семантические особенности

1. *Юмор и ирония.* Многие мемы используют юмор, иронию, сарказм или самоиронию для привлечения внимания и вызова эмоционального отклика. Это помогает создавать смыслы на множественных уровнях и дает возможность различным группам людей по-своему интерпретировать мем.

2. *Парадигмы и синтагмы.* Семантически мемы могут строиться на использовании парадигматических (выбор из множества возможных элементов для создания смысла) и синтагматических (сочетание элементов в определенном порядке) отношений. Это позволяет пользователям манипулировать контекстами и создавать новые смыслы, изменяя или сочетая изображения и тексты.

3. *Обращение к актуальным темам.* Интернет-мемы часто содержат отсылки к актуальным событиям, общественным явлениям или популярным трендам. Это делает их средством комментирования реальности, позволяя обсуждать и критиковать важные события и явления в сжатой, но выразительной форме.

4. *Интертекстуальность.* Мемы могут содержать ссылки на другие медиа-тексты, культурные произведения или явления, что создает сложные сети значений и укрепляет их семантическую насыщенность. Интертекстуальные отсылки разворачивают дополнительные слои значения и позволяют мемам общаться на «языке культуры».

5. *Метафоры и символизм.* Часто мемы используют метафоры или символизм для передачи сложных идей или эмоций в доступной форме. Это придает им глубину и многозначность, позволяя адресовать сложные и чувствительные темы обходным путем.

6. *Полифоничность и многоголосие.* Мемы могут выражать множество точек зрения, часто даже противоречивых или конфликтующих между собой, что отражает сложность современного общества и множественность его голосов.

7. *Социокультурные коды.* Интернет-мемы играют важную роль в формировании и передаче социокультурных кодов, норм, ценностей и идентичностей, делая их средством самовыражения для различных групп и сообществ.

Семантические особенности интернет-мемов в англоязычном медиадискурсе включают в себя разнообразные аспекты, которые делают их особенно выразительными и эффективно передающими культурные и социальные смыслы. Они обогащают коммуникацию между пользователями интернета и способствуют обмену идеями и мнениями на глобальном уровне.

Графические особенности

1. *Полимодальность.* Использование сочетания текста, изображений и, иногда, звука для передачи сообщения.

2. *Эмоциональность.* Выражение чувств и эмоций через визуальные средства, такие как мимика или цветовая палитра.

3. *Клиповость.* Краткость и лаконичность визуального содержания, делающая мемы легко узнаваемыми и запоминающимися.

4. *Стилистически сниженный характер.* Использование неформальной графики и шрифтов, часто с комическим или ироническим оттенком.

5. *Символика и иконографика.* Многие мемы используют символику, знаки, символы или изображения из поп-культуры для коммуникации дополнительных смыслов или ассоциаций.

6. *Стилизация.* Некоторые мемы могут быть стилизованы в соответствии с определенной темой или культурным контекстом («ретро», «мультяшный», «псевдонаучный» и т. д.), что помогает им лучше соответствовать смысловой нагрузке.

7. *Интересный визуальный контент.* Многие мемы основаны на забавных, уникальных или выразительных изображениях, которые привлекают внимание и легко запоминаются.

Графические особенности мемов, такие как изображения и шрифты, позволяют мемам быть легко узнаваемыми и улавливать внимание пользователей. Некоторые мемы становятся «иконами», которые могут

¹⁾пережить многие годы и даже десятилетия, сохраняя свою популярность и влияние благодаря высокому качеству контента и его многогранному использованию.

Таким образом, изучение структурных, семантических и графических особенностей интернет-мемов имеет важное значение в современных исследованиях медиакommunikации. Мемы – это не только индивидуальные выражения, но и окна в широкие социокультурные и политические нарративы. Благодаря исследованиям данного феномена становится проще понять, как мемы формируются, распространяются, и какие значения несут в себе.

Библиографические ссылки

1. *Бабаян М., Баркович А.* Инструментально-независимый корпус «English Internet memes corpus» [Электронный ресурс] // Иллюстративный корпус англоязычных интернет-мемов. URL: https://drive.google.com/file/d/1jBe-VrJzgCGP-H3HoNVkKrMysIF_6YKE/view (дата обращения: 17.03.24).

УДК 004.932.75:811.161.3'322.2

АЎТАМАТЫЧНАЯ АПРАЦОЎКА НАТУРАЛЬНАЙ МОВЫ: ПЕРАДАПРАЦОЎКА ТЭКСТАВАЙ ІНФАРМАЦЫІ З CORPUS.BY

**Д. А. Бяляўскі¹⁾, Г. С. Кухарэвіч²⁾, Я. С. Зяноўка³⁾, А. А. Бакуновіч⁴⁾,
А. Я. Драгун⁵⁾, М. А. Хацькова⁶⁾, Ю. С. Гецэвіч⁷⁾**

¹⁻⁷⁾ *Аб'яднаны інстытут праблем інфарматыкі НАН Беларусі,
вул. Сурганава 6, 220012, г. Мінск, Беларусь,
dzianis.bialiauski@gmail.com, empeiricos@gmail.com, evgeniakacan@gmail.com,
bakunovich.andrei.work@gmail.com, ndrahun@gmail.com,
margaryta.kazlova@gmail.com, yuras.hetsevich@gmail.com*

Артыкул прысвечаны сучасным тэхналогіям апрацоўкі натуральнай мовы як асобнай падзадачы штучнага інтэлекту. На прыкладзе платформы corpus.by прыведзены асобныя інструменты, што ажыццяўляюць перадапрацоўку тэксту на беларускай мове, у прыватнасці сэрвісы па ўдакладненні інфармацыі аб сімвалах і часцінах мовы, падліку частотнасці слоў, такенізацыі і лематызацыі тэкставай інфармацыі.

Ключавыя словы: аўтаматычная апрацоўка тэксту; камп'ютарныя тэхналогіі; перадапрацоўка тэксту; лематызацыя; прыкладная лінгвістыка.

NATURAL LANGUAGE PROCESSING: TEXT PREPROCESSING BY CORPUS.BY

**Dz. Bialiauski¹⁾, G. Kukharevich²⁾, Ya. Zianouka³⁾, A. Bakunovich⁴⁾,
A. Drahun⁵⁾, M. Khatskova⁶⁾, Yu. Hetsevich⁷⁾**

¹⁻⁷⁾ *United Institute of Informatics Problems of National Academy of Sciences of Belarus,
6 Surganova St., 220012, Minsk, Belarus,
dzianis.bialiauski@gmail.com, empeiricos@gmail.com, evgeniakacan@gmail.com, bakunovich.andrei.work@gmail.com, ndrahun@gmail.com,
margaryta.kazlova@gmail.com, yuras.hetsevich@gmail.com*

The article is devoted to modern technologies of natural language processing which is a separate subtask of artificial intelligence. Some tools for text preprocessing in the Belarusian language in corpus.by platform are described. They are the services for clarifying information about symbols and parts of speech, calculating the frequency of words, tokenization and lematization of text information.

Keywords: automatic text processing; computer technologies; text preprocessing; lemmatization; applied linguistics.

Аўтаматычная апрацоўка натуральнай мовы і маўлення (Natural Language Processing, NLP) – гэта вобласць даследавання і тэхналогій, звязаных з аналізам і інтэрпрэтацыяй чалавечай мовы з дапамогай камп’ютараў. Асноўнай задачай NLP з’яўляецца распрацоўка метадаў, пры дапамозе якіх камп’ютары могуць разумець, аналізаваць і генераваць чалавечую мову. Гэта тэхналогія размешчана на стыку камп’ютарных навук, метадаў штучнага інтэлекту, машыннага навучання і лінгвістыкі.

Натуральная апрацоўка тэксту даследуе пытанні ўзаемадзеяння паміж камп’ютарамі і людзьмі, спрыяючы аўтаматызацыі і паляпшэнню працэсаў апрацоўкі і аналізу тэкставай і гукавой інфармацыі. З развіццём штучнага інтэлекту і машыннага навучання, метады NLP становяцца ўсё больш дакладнымі і эфектыўнымі, што спрашчае працу камп’ютарных лінгвістаў, філолагаў і ўсіх зацікаўленых. Камп’ютарная перадапрацоўка тэксту як адзін з важных крокаў NLP адказвае за працэс апрацоўкі і падрыхтоўкі тэкставых даных перад іх аналізам або выкарыстаннем у розных інфармацыйных тэхналогіях. Гэты этап адказвае за забеспячэнне якаснай працы алгарытмаў апрацоўкі тэксту, менавіта таму, што дапамагае ліквідаваць шумы, лішнія сімвалы, структураваць тэкст і прывесці яго да зручнага фармату, прыдатнага да камп’ютарнага аналізу і мадэлявання ў розных сферах прымянення. Лабараторыя распазнавання і сінтэзу маўлення АПП НАН Беларусі [1] распрацавала платформу для апрацоўкі тэкставай і гукавой інфармацыі для розных тэматычных даменаў *corpus.by* [2], якая прадстаўляе карыстальніку набор інструментальных сродкаў (сэрвісаў) для рэалізацыі аўтаматычнай апрацоўкі тэксту, маўлення і іншых даных.

Распрацаваныя сэрвісы платформы груруюцца ў тэматычныя дамены для больш зручнага выкарыстання ў канкрэтных практычных сферах. Яны забяспечваюць просты і ўстойлівы доступ да сродкаў і інструментаў апрацоўкі электроннага тэксту для аналізу, выяўлення, даследавання або аб’яднання набору даных на беларускай, рускай і англійскай мовах [3]. У дадзеным артыкуле разгледзім набор інструментаў, якія будуць карысныя для перадапрацоўкі тэкставай інфармацыі. Гэта «*Генератар інфармацыі аб сімвалах*», «*Падлік частотнасці слоў*», «*Вызначэнне часцін мовы*», «*Такенізатар*», «*Лематызатар*».

Сэрвіс «*Генератар інфармацыі аб сімвалах*» дае магчымасць атрымаць назвы сімвалаў кадыроўкі Windows-1251 (стандартнай 8-бітнай кадыроўкі для Microsoft Windows). Мэтай дадзенага сэрвіса з’яўляецца вырашэнне праблемы агучвання тэксту, у якім сустракаюцца незнаёмыя сінтэзатару маўлення сімвалы [4]. Сэрвіс таксама дапамагае разабрацца з парадкам ужывання сімвалаў у тэксце.

На ўваход сэрвісу падаецца электронны тэкст ці любая адвольная паслядоўнасць электронных сімвалаў. Пасля апрацоўкі ўведзеных даных карыстальнік атрымлівае спіс назваў сімвалаў па парадку іх знаходжання ва ўваходным тэксце. Напрыклад, можна высветліць, на якім сімвале у слоўніку ці транскрыпцыі пастаўлены націск, калі ён адлюстроўваецца незразумела ў нейкім рэдактары. У будучым функцыянал вырашэння гэтай задачы будзе ўбудаваны ў сэрвіс «*Падлік частотнасці сімвалаў*», які на цяперашні час адлюстроўвае статыстыку і кантэкст ужывання сімвала ў тэксце.

Сэрвіс «*Вызначэнне часцін мовы*» дазваляе карыстальніку даведацца, да якой часціны мовы належыць пэўнае слова ў рэжыме анлайн. Сэрвіс апрацоўвае тэксты на беларускай ці рускай мове, пасля чаго выдае карыстальніку спіс слоў, у якім пазначана, да якой часціны мовы адносіцца кожнае слова. Згодна з канцэпцыяй сэрвісу, часціна мовы можа быць вылучана толькі на падставе сукупнасці пэўных крытэрыяў. Увага надаецца наступным фактарам пэўнай адзінкі: што яна звычайна абазначае (прадмет, дзеянне, якасць і г. д.); у якіх граматычных формах яна можа ўзнікаць; якія характэрныя словаўтваральныя сродкі яна мае; якія функцыі яна выконвае ў сказе. «*Вызначэнне часцін мовы*» выкарыстоўвае шэраг слоўнікаў, якія карыстальнік абірае самастойна ці адразу ўвесь набор па змоўчванні.

Аўтаматычнае вызначэнне часцін мовы з'яўляецца важным інструментам у камп'ютарнай лінгвістыцы для дакладнага разумення значэнняў слоў у сказе. Гэта дае магчымасць больш эфектыўна аналізаваць тэкст, што палягчае розныя задачы апрацоўкі натуральнай мовы, такія як машынны пераклад, вылучэнне ключавой інфармацыі і семантычны аналіз. Акрамя таго, ведаючы часціны мовы ў сказе, можна даследаваць яго структуру і сінтаксічныя адносіны паміж словамі. Гэта карысна для пабудовы дрэў сінтаксічнага аналізу і разумення ўзроўню граматычнай складанасці сказа. Таксама правільнае вызначэнне часцін мовы дапамагае пошукавым сістэмам больш дакладна апрацоўваць запыты карыстальнікаў і прадастаўляць больш рэлевантныя вынікі пошуку.

Сэрвіс «*Падлік частотнасці слоў*» вырашае задачу па атрыманні статыстыкі ўжывання адвольных сімвальных паслядоўнасцей у электронным тэксце. Ён дазваляе апрацоўваць тэксты на многіх натуральных і штучных сімвальных мовах (калі сімвалы алфавіта мовы ўведзены ў адмысловае поле). У выпадку працы з беларускай мовай сэрвіс вызначае літары У і Ў як звычайныя асобныя сімвалы, таму, напрыклад, слова «*ўзвышша*» ў кантэкстах «*пад узвышшам*» і «*на ўзвышшы*» будзе вызначана як два асобныя словаўжыванні. На дадзены момант праграма вызначае толькі абсалютную колькасць ужыванняў слоў.

Сэрвіс будзе карысны:

- для лексікографаў, якія складаюць частотныя слоўнікі;
- для лінгвістаў, якія займаюцца вызначэннем славеснага каркаса пэўнай мовы і даследаваннямі ў галіне лінгвістычнай тыпалогіі на падставе аналізу пісьмовых крыніц;
- для спецыялістаў, хто вычытвае тэксты (знаходжанне памылковых ужыванняў слоў паводле шаблона памылковага ўжывання);
- для патрэб стылістычнай карэктуры тэкстаў – вызначэння частага ўжывання пэўнага слова (і наступнай ручной замены яго сінанімічным) і знаходжання «слоў-паразітаў».

Сэрвіс «*Такенізатар*» прызначаны для вылучэння ў тэксце токенаў. Такенізацыя (англ. *tokenizing*, *лексічны аналіз*) – працэс аналітычнага разбору ўваходнай паслядоўнасці знакаў на распазнаныя групы – лексемы, з мэтай атрымання на выхадзе ідэнтыфікаваных паслядоўнасцяў, так званых «токенаў». *Токен* (лексічны аналіз) – паслядоўнасць знакаў у лексічным аналізе ў інфарматыцы, адпаведны лексеме. Аб'ект, які ствараецца з лексемы ў працэсе лексічнага аналізу (такенізацыі). Лексічны аналіз выкарыстоўваецца ў кампілятарах і інтэрпрэтатарах зыходнага коду моў праграмавання, і ў розных парсерах слоў натуральных моў.

Аўтаматычная такенізацыя тэксту садзейнічае выкананню шэрагу задач NLP:

1. Падзел тэксту на асобныя элементы: такенізацыя дазваляе разбіць тэкст на асобныя токены, такія як словы, лічбы, знакі прыпынку і іншыя элементы. Гэта дапамагае камп'ютару лепш разумець структуру тэксту і працаваць з ім больш эфектыўна.

2. Падрыхтоўка даных для аналізу: такенізацыя рыхтуе тэкст для далейшага аналізу, менавіта вылучэнне ключавых слоў, вызначэнне тэматычнасці, сінтаксічны аналіз і многія іншыя задачы ў галіне апрацоўкі натуральнай мовы.

3. Забеспячэнне дакладнасці: правільная такенізацыя дапамагае пазбегнуць памылак у інтэрпрэтацыі тэксту камп'ютарнымі праграмамі. Няправільна падзелены тэкст можа прывесці да няправільнага разумення сэнсу сказаў і скаржэння вынікаў аналізу.

4. Лематызацыя і стэмінг: для многіх метадаў аналізу натуральнай мовы, такіх як лематызацыя або стэмінг, неабходныя правільна такенізаваныя тэкставыя даныя.

5. Паляпшэнне якасці машыннага навучання: такенізаваны тэкст дае камп'ютарным мадэлям больш структураваную інфармацыю, што спрыяе працы алгарытмаў машыннага навучання і павышэнню іх эфектыўнасці.

Сэрвіс «*Лематызатар*» прызначаны для вызначэння пачатковых форм слоў [5]. На ўваход сэрвісу падаецца адвольны тэкст на беларускай або рускай мове. Вынікам працы сэрвіса з'яўляецца спіс слоў уваходнага тэксту з іх пачатковымі формамі, а таксама спіс слоў, пачатковую форму якіх не ўдалося вызначыць. Агульны выгляд, у якім будзе прадстаўлены вынік, можа быць наладжаны згодна з патрэбамі карыстальніка.

Метад лематызацыі прымяняецца ў пошукавых алгарытмах у працэсе схематызацыі вэб-дакументаў, а таксама пры іх індэксіраванні. Нягледзячы на высокі тэхналагічны ўзровень сучасных пошукавых сістэм, падобная апрацоўка не заўсёды бывае дакладнай, паколькі пошукавы рэсурс часта ўлічвае толькі адну з магчымых лем словаформы, прыведзенай у тэксце дакумента. Таму далейшае развіццё метадаў лематызацыі, чаму сэрвіс прызначаны паспрыяць, з'яўляецца прыярытэтнай тэхналагічнай задачай.

Выкарыстанне лематызацыі значна палепшае якасць аналізу сайтаў і дакументаў. Калі ў камерцыйнай сферы (напрыклад, для палягчэння знаходжання тавараў і паслуг у інтэрнэце, а таксама для іх прасоўвання) якасная лематызацыя будзе адной з «радавых» пераваг, то пры апрацоўцы дакументаў медыцынскага, юрыдычнага, розных тэхналагічных даменаў дадзеная акалічнасць крытычна важная. Сістэмы лематызацыі рускіх тэкстаў распрацаваныя на сённяшні дзень дастаткова добра, у той час як для беларускай мовы сітуацыя выглядае інакш. Многія працы беларускіх вучоных даступныя чытачам на беларускай мове. Правільная лематызацыя як асноўных тэкстаў, так і дапаможных даных (назваў артыкулаў, звестак пра аўтараў, спісаў літаратуры) можа быць паспяхова прыменена ў дзейнасці бібліятэк.

Прыватнымі выпадкамі прымянення лематызацыі могуць быць крыміналістычная лінгвістычная экспертыза, аналіз тэкстаў на прадмет плагіату, аналіз мовы тэкстаў пісьменніка, аналіз электронных вучэбных тэкстаў і электронных тэкстаў, падрыхтаваных навучэнцамі, у сістэмах адаптыўнага навучання.

У камп'ютарнай лінгвістыцы лематызацыя часта вызначаецца як метада марфалагічнага аналізу, у працэсе якога ад лексемы павінны быць адкінутыя ўсе флектыўныя элементы, якія не адпавядаюць пачатковай форме слова. Для атрымання дапаможных даных, у прыватнасці для вызначэння стандартнай структуры пачатковай формы слоў пэўнай часціны мовы, сістэма лематызацыі можа выкарыстоўваць пошук па слоўніку.

Такім чынам, прымяненне камп'ютарных сродкаў апрацоўкі натуральнай мовы вельмі шырокае: ад аўтаматычнага перакладу і рэдагавання тэксту да аналізу сацыяльных медыя і распрацоўкі чат-ботаў. Правільна

праведзеная перадапрацоўка тэкставай і гукавой інфармацыі дазваляе палепшыць якасць і вынікі іх аналізу машыннымі алгарытмамі. Разгледжаныя сэрвісы інтэрнэт-платформы corpus.by з’яўляюцца карыснымі і эфектыўнымі інструментамі аўтаматычнай перадапрацоўкі тэкстаў на беларускай, рускай і англійскай мовах. Паасобку кожны сэрвіс дае магчымасць вырашыць пэўную камп’ютарна-лінгвістычную задачу, а ў сукупнасці яны дазваляюць атрымаць якасны вынік комплекснага аналізу электроннага тэксту. Укараненне беларускай мовы ў інфармацыйныя тэхналогіі, стварэнне электронных слоўнікаў і новых праграм для апрацоўкі менавіта беларускай мовы на сённяшні дзень з’яўляецца актуальнай задачай і не страціць сваёй актуальнасці дзякуючы пастаяннаму пашырэнню ролі камп’ютарных тэхналогій у сучасным асяроддзі.

Бібліяграфічныя спасылкі

1. Лабараторыя распазнавання і сінтэзу маўлення [Электронны рэсурс]. URL: <http://ssrlab.by/> (дата зваротку: 11.12.2023).
2. Платформа для апрацоўкі тэкставай і гукавой інфармацыі для розных тэматычных даменаў Corpus.by [Электронны рэсурс]. URL: <http://www.Corpus.by/> (дата зваротку: 02.02.2024).
3. Дзенісюк Д. А., Зяноўка Я. С., Драгун А. Я. Платформа для апрацоўкі тэкставай і гукавой інфармацыі для розных тэматычных даменаў беларускай мовы // Языковая личность и эффективная коммуникация в современном поликультурном мире : материалы VI Междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 100-летию Белорус. гос. ун-та (29–30 окт. 2020 г.) / редкол.: С. В. Воробьева (гл. ред.) [и др.]. Минск : БГУ, 2020. С. 69–74.
4. Гецэвіч Ю.С., Дыдо В. В., Бяляўскі Д. А. Тэхналогіі аўтаматычнай апрацоўкі і аналізу маўлення з прымяненнем штучнага інтэлекту // II Форум IT-Академграда «Искусственный интеллект в Беларуси» : доклады (12–13 октября 2023 г.). Минск : ОИПИ НАН Беларуси, 2023. С. 71–78.
5. Дзенісюк Д. А., Маеўскі С. С., Зяноўка Я. С., Гецэвіч Ю. С. Аўтаматызаваная лематызацыя тэкставай інфармацыі беларускай і рускай моў // Развитие информатизации и государственной системы научно-технической информации (РИНТИ-2020) : доклады XIX Международной конференции (19 ноября 2020 г.) / под науч. ред. А. В. Тузикова, Р. Б. Григянца, В. Н. Венгерова. Минск : ОИПИ НАН Беларуси, 2020. С. 246–252.

УДК 811.161.1:811.521:004.652.4

**ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ И ТЕХНИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ
ПОДГОТОВКИ ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКОЙ БАЗЫ
МНОГОФУНКЦИОНАЛЬНОЙ СИСТЕМЫ ОБРАБОТКИ
ТЕКСТОВ ТЕМАТИЧЕСКОГО ДОМЕНА «КАРАТЕ»**

С. С. Маевский

*Информационно-вычислительный центр Министерства финансов Республики
Беларусь, ул. Кальварийская, 17, 220004, г. Минск, Беларусь, maevskiiss@gmail.com*

В настоящей статье приведена характеристика терминологической составляющей текстов тематического домена «Карате» как входных данных для многофункциональной системы обработки текстов, дано теоретическое обоснование целесообразности разработки системы подобного типа, проиллюстрирована гипотетическая архитектура системы, а также предложен расширяемый прототип реляционной модели ее терминологической базы.

Ключевые слова: обработка естественного языка; реляционная база данных; терминология; тематический домен «карате».

**LINGUISTIC AND TECHNICAL ASPECTS OF PREPARATION
OF TERMINOLOGICAL BASE FOR MULTIFUNCTIONAL TEXT
PROCESSING SYSTEM OF THE THEMATIC DOMAIN «KARATE»**

S. S. Mayeuski

*Information and Computing Center of the Ministry of Finance of the Republic of Belarus,
Kalvaryjskaja St., 17, 220004, Minsk, Belarus, maevskiiss@gmail.com*

This article describes the terminological component of texts of the thematic domain “Karate” as input data for a multifunctional text processing system, provides a theoretical justification for the feasibility of developing a system of this type, illustrates the hypothetical architecture of the system and proposes an extensible prototype of a relational model of its terminological base.

Keywords: natural language processing; relational database; terminology; thematic domain “Karate”.

Карате – японское боевое искусство, разделенное на множество стилей и направлений. Несмотря на призывы известных мастеров прошлого и современности к созданию «единого карате», понимание особенностей отдельных стилей единоборства и даже сути всего боевого искусства в целом зачастую разнится от федерации к федерации, от школы к школе,

от клуба к клубу, от тренера к тренеру. Одним из следствий указанного обстоятельства является различное понимание одинаково именуемых действий и состояний, имеющих место в тренировочном и соревновательном процессах, что находит отражение в текстовых материалах о единоборстве.

Проведенный нами анализ текстовых материалов о карате позволил выявить следующие основные типы текстов, в совокупности составляющих тематический домен «Карате»:

- книги о единоборстве (фундаментальные труды, обучающие пособия, биографии и автобиографии мастеров);
- популярные журналы о единоборстве;
- статьи, посвященные какому-либо аспекту единоборства;
- новостные материалы (афиши, обзоры соревнований, интервью);
- регламентирующие документы (правила соревнований, уставы федераций, турнирные списки, информационные письма и т. д.);
- научно-исследовательские работы (статьи, диссертации);
- стенограммы комментаторской речи на турнирах (в основном субтитры, сгенерированные системами распознавания речи);
- заметки в блогах и социальных сетях.

Из всего многообразия текстов основу тематического домена «Карате», безусловно, составляют фундаментальные труды о единоборстве, обучающие пособия, биографии и автобиографии мастеров, поэтому тексты данного типа составляют важную часть материала для настоящего исследования. Ввиду распространенности карате по всему миру книги о единоборстве издаются на различных языках, однако единой для них остается японоязычная терминология, записываемая средствами алфавита основного языка текста. Осуществленный нами частотный анализ текстов указанного типа выявил периферийность японоязычной терминологии в сравнении с лексемами национальных языков, однако нет никаких сомнений в том, что значительную часть «смыслового ядра» подобных текстов составляет именно японоязычная терминология, подобно тому как французоязычная терминология включает в себе многие смыслы классического европейского искусства танца, а европейское музыкальное искусство немыслимо без итальяноязычной терминологии.

Во многих случаях японоязычная терминология может быть прямо либо косвенно передана лексемами национальных языков. Так, например, в случае русскоязычной части домена термину «*кидзами цуки*» чаще всего может соответствовать выражение «*прямой удар передней рукой*», а абстрактному понятию «*дзанишин*» – выражение «*состояние продолженной готовности*». Указанное соответствие не всегда очевидно, поскольку японоязычные термины могут иметь множество модификаторов,

а также сочетаться с иными терминами. Так, сравнительно короткая тренировочная команда *«дзенкуцу-дачи – кидзами-мае-гери-кэагэ-дзёдан»* средствами русского языка может быть выражена как *«примите основную атакующую стойку с выпадом вперед и нанесите восходящий подбивающий прямой удар передней ногой в верхнюю часть тела»*, но даже такая трактовка не дает неподготовленному человеку исчерпывающего представления о том, что именно требуется сделать (особенно в части постановки тела в правильное положение). С высокой долей вероятности можно предположить, что выводы, касающиеся «русско-японской» терминологии карате, применимы и к множеству других языковых пар.

Для получения представления о текущей лексикографической ситуации для японоязычной терминологии карате, записываемой средствами русского алфавита, нами были проанализированы словари, предлагаемые следующими интернет-ресурсами: *karate.by*, *kyokushin-iko.by*, *pobeditel.by*, *budokan.by*, *spb-karate.ru*, *sibkarate.ru*, *prokimono.ru*, *mantach-club.ru*, *kyokushinprofi.com* *kyokushinkarate.news*.

Материалы существующих словарей терминов карате зачастую представлены в форме простых объединенных по смысловому принципу пар «японоязычный термин – русскоязычный аналог либо толкование», при этом авторы различных словарей придерживаются различного понимания того, к какой смысловой группе отнести тот или иной термин, а также руководствуются различными принципами при включении в словари составных терминов. Попытка применения терминологических словарей для прочтения текстов о карате со всей очевидностью выявляет еще одну закономерность, состоящую в том, что авторы различных материалов придерживаются различных правил передачи японоязычных терминов средствами русского алфавита, нередко также случаи использования различных правил в рамках одного и того же текста. Так, например, упомянутое выше наименование стойки *«дзенкуцу-дачи»* может быть передано как *«дзэнкуцу-дачи»*, *«зенкуцудачи»* (без разделителя), *«дзэнкуцу дати»*, *«дзенкудзу-дачи»* и множеством иных вариантов, формирование которых может быть не ограничено принципами известных русских транскрипций для японского языка, предложенных Е. Г. Спальвиным, Д. М. Позднеевым и Е. Д. Поливановым.

Как упоминалось в начале настоящей статьи, с точки зрения многих мастеров карате позитивной тенденцией для развития единоборства может стать стремление к единству понимания его аспектов. Значительным подспорьем для достижения такого единства может стать разработка многофункциональной системы анализа текстов тематического домена «Карате», которая, в числе прочего, позволила бы проиллюстрировать многообразие написаний и трактовок терминов за счет использования

структурированной терминологической базы реляционного типа. Функциональными элементами такой системы могут стать модуль определения текстов тематического домена «Карате», экстрактор фактов, модуль аннотирования и реферирования текстов, а также иные компоненты, работа которых почти во всяком случае предполагает опору на значительные объемы данных. Пилотная архитектура системы представлена в [1].

Термины карате могут находиться друг с другом подчас в довольно неожиданных взаимоотношениях, а элементы, составляющие термин, имеют различные оттенки значений в зависимости от того, частью какого именно термина они являются. В случае с японоязычными терминами, записываемыми средствами русского (и какого-либо другого) алфавита, проблема активного использования многообразия написания термина в системе обработки текстов не решается «традиционными» способами наподобие вычисления расстояния Левенштейна между условно эталонным и условно вариативным написанием: во-первых, сложность алгоритма вычисления расстояния Левенштейна составляет $O(m*n)$, что очень дорого в плане затрат вычислительных ресурсов, во вторых, применение данного алгоритма не гарантирует точный результат. Так, при классической реализации алгоритма расстояние между вхождениями «*кокуцу-дачи*» и «*дзенкуцу-дачи*» будет меньше, чем между вхождениями «*кокуцу-дачи*» и «*кокудзудати*», хотя во втором случае сравниваются варианты написания наименования одной и той же боевой стойки. Все перечисленные аспекты должны быть учтены при разработке системы анализа текстов тематического домена «Карате» и найти отражение в структуре ее терминологической базы, пилотная архитектура которой, снабженная подробным описанием назначений и взаимосвязей таблиц, также представлена в [1]. Данная архитектура позволяет осуществлять построение терминов на основании сведений о позициях составляющих их элементов, устанавливать разнообразные отношения между терминами и элементами терминов, ассоциировать термин с вариантами его написания. Несмотря на определенную избыточность, достоинством архитектуры является ее расширяемость: для включения новых таблиц и полей, хранящих сведений о терминах, формируемых средствами нового языка, необходимо совершить действия, полностью аналогичные тем, что уже совершены для включения в архитектуру соответствующих таблиц и полей.

Решением проблемы исчисления вариантов написания терминов может стать алгоритм, входными данными которого являются исходный термин, список символов и комбинаций символов, разделяющих термин на составные части, и список пар «заменяемое–замена». Шаги алгоритма:

- 1) сортировка входных пар «заменяемое – замена» по длине заменяемых элементов;
- 2) разделение термина на составляющие части согласно разделителям;
- 3) последовательное наложение на составляющие термина масок заменяемых элементов, сохранение найденных элементов и их замен в отдельную структуру данных;
- 4) присовокупление списка разделителей к полученной структуре данных;
- 5) подготовка вариантов написания термина с помощью декартового произведения множеств, конкатенация.

Прототип терминологической базы реализован нами средствами СУБД SQLite. Также с помощью возможностей Python/Django создано имплементирующее описанный выше алгоритм приложение для работы с прототипом. Рабочий вариант системы, использующей терминологическую базу, планируется к размещению в сети Интернет на сайте www.karatetools.by.

Библиографические ссылки

1. Многофункциональная система обработки текстов тематического домена «Karate» – Пилотная архитектура [Электронный ресурс]. URL: https://karatetools.by/shihan_pilot (дата обращения: 10.03.2024).

УДК 81'42

АКТУАЛИЗАЦИЯ СЕМАНТИКИ БОГАТСТВА СРЕДИ АНГЛО- И НЕМЕЦКОГОВОРЯЩИХ ИНТЕРНЕТ-ПОЛЬЗОВАТЕЛЕЙ

А. Н. Палагина

*Белорусский государственный университет,
ул. К. Маркса, 31, 220030, г. Минск, Беларусь, alinapalagina2000@gmail.com*

В статье описаны особенности актуализации семантики богатства в видеоматериалах на английском и немецком языке, опубликованных на видеохостинге YouTube в 2023 году. При оценке степени актуальности использовался анализ пользовательских реакций (комментариев и лайков).

Ключевые слова: семантика; богатство; видеохостинг; комментарий; язык вражды; компьютерно-опосредованная коммуникация.

ACTUALIZATION OF WEALTH SEMANTICS AMONG ENGLISH- AND GERMAN-SPEAKING USERS

A. N. Palahina

*Belarusian State University,
31 Karl Marks St., 220030, Minsk, Belarus, alinapalagina2000@gmail.com*

The article describes the peculiarities of actualization of wealth semantics in the English- and German-language videomaterials published on YouTube videohosting in 2023. The analysis of users' reactions (comments and likes) is used by assessing the relevance degree.

Keywords: semantics; wealth; videohosting; comment; hate speech; computer-mediated communication.

В настоящее время интернет-дискурс стал неотъемлемой частью жизни социума, обеспечивая быстрое общение и поиск информации. По выражению А. А. Барковича, компьютерно-опосредованная коммуникация «представляет собой высокоидентичный феномен, который проявляет признаки перманентного развития, обладая потенциалом для реализации множества типов человеческой деятельности» [1, с. 118]. Вместе с этим компьютерно-опосредованная коммуникация обладает своими особенностями, что обуславливает видоизменение стиля общения по сравнению со стандартной письменной речью. Т. Ю. Виноградова говорит о возникновении нового стиля речи – стиля интернет-общения [2]. Ано-

нимность, добровольность контакта, а также (что особенно важно) стремление к нетипичному, ненормативному поведению, свойственные КОК [2], являются причиной широкого распространения языка вражды в рамках интернет-пространства. Вербализация нетерпимости и враждебности по отношению к социальной группе как раз является предметом нашего исследования.

Фактическим материалом данного исследования послужили видеоматериалы, опубликованные в период с 01.01.2023 г. по 31.12.2023 г. на видеохостинге *YouTube*, и комментарии к ним. Мы рассматриваем видеоролик и комментарии, семантически относящиеся к нему, в качестве гипертекста, поскольку они представляют собой цельное и взаимосвязанное образование, предусмотренное структурой видеохостинга. Сами интернет-комментарии, вслед за Е. Н. Василенко, также можно рассматривать как самостоятельный жанр персонального интернет-дискурса, который, хотя и обладает собственными медийными, структурными и синтаксическими параметрами, несет в себе семантическую связь с материалом-стимулом, коим является видеоролик [3, с. 26]. Таким образом, видеоматериалы на данной платформе **предполагают** реакцию интернет-пользователей, которая может быть выражена посредством собственно комментариев, а также лайков и дизлайков; а потому представляется целесообразным рассматривать данные явления как взаимосвязанные элементы гипертекста.

В нашем исследовании социальная группа, по отношению к которой может быть вербализована нетерпимость, – это социальная группа богатых людей. Отбор фактического материала осуществлялся методом сплошной выборки по наличию ключевой лексики в заголовке видеоматериала. Ключевые лексемы отобраны в соответствии с корпусными данными и словарями синонимов и представляют собой: 1) имя прилагательное, означающее характеристику представителя социальной группы либо самого представителя социальной группы; 2) имя существительное, обозначающее предмет (в широком понимании), которым обладает представитель социальной группы. Таким образом, для отбора материала на английском и немецком языке были установлены следующие ключевые лексемы: *rich* и *wealth* – для английского языка, *reich* и *Reichtum* – для немецкого языка. В результате были отобраны 197 видеоматериалов с ключевой лексемой *rich* в заголовке, 119 – с лексемой *wealth*, а также 44 видеоролика с ключевой лексемой *reich* в заголовке, 283 – с лексемой *Reichtum*.

Составной частью процесса изучения языка вражды является определение степени актуальности семантики богатства в англоязычном и немецкоязычном дискурсивных сообществах. Данный анализ произво-

дится посредством количественной оценки видеоматериалов на определенном языке и соответствующих пользовательских реакций. Представляется логичным оценивать именно пользовательские реакции, поскольку лайки и комментарии участников дискурсивного сообщества представляют собой их осознанное действие вследствие ознакомления с содержанием видеоматериалов либо комментариев; поскольку по количеству просмотров не предоставляется возможным узнать реакцию интернет-пользователя, его оценку видеоролика, учитывать данную характеристику представляется нецелесообразным. Аналогичный метод использовался в работах Е. Н. Василенко, а также наших прошлых работах – на примере вербализации враждебности к иным социальным группам в комментариях либо на основе данных прошлых лет [4; 5; 6; 7; 8].

В результате анализа количественных характеристик видеоматериалов и относящихся к ним пользовательских реакций были получены данные, отображенные в Таблицах 1 и 2.

Таблица 1

**Актуальность видеоматериалов на английском языке,
раскрывающих семантику богатства (2023 г.)**

Количественные характеристики	Видеоролики с лексемой <i>rich</i> в заголовке	Видеоролики с лексемой <i>wealth</i> в заголовке
Количество видеороликов	197	119
Общее количество комментариев	496 806	78 802
Общее количество лайков	36 023 332	3 092 957
Среднее количество комментариев	2 587,5	667,8
Среднее количество лайков	186 649,4	26 435,5

Таблица 2

**Актуальность видеоматериалов на немецком языке,
раскрывающих семантику богатства (2023 г.)**

Количественные характеристики	Видеоролики с лексемой <i>reich</i> в заголовке	Видеоролики с лексемой <i>Reichtum</i> в заголовке
Количество видеороликов	44	283
Общее количество комментариев	8 942	3 627
Общее количество лайков	64 820	101 262
Среднее количество комментариев	203,2	12,8
Среднее количество лайков	1507,4	357,8

Уровень пользовательских реакций на видеоматериалы на английском языке значительно выше, чем на видеоролики на немецком языке. Также в обоих языках проявляется тенденция большей заинтересованно-

сти интернет-пользователей в видеороликах с ключевым именем прилагательным в заголовке, что демонстрирует среднее количество комментариев и лайков к соответствующим видеороликам. Такая же закономерность отмечается на аналогичном материале на других языках [8].

Для сравнения можем привести среднестатистические данные, полученные при анализе аналогичного фактического материала, опубликованного в 2022 году.

Таблица 3

Актуальность видеоматериалов на английском и немецком языках, раскрывающих семантику богатства (2022 и 2023 гг.)

Характеристики видеороликов	Среднее кол-во коммент. (2022)	Среднее кол-во коммент. (2023)	Среднее кол-во лайков (2022)	Среднее кол-во лайков (2023)
Видеоролики с лексемой <i>rich</i> в заголовке	2 176	2 587,5	77 486,7	186 649,4
Видеоролики с лексемой <i>wealth</i> в заголовке	760,4	667,8	21 234,2	26 435,5
Видеоролики с лексемой <i>reich</i> в заголовке	745,6	203,2	16 953,6	1507,4
Видеоролики с лексемой <i>Reichtum</i> в заголовке	11,8	12,8	653,2	357,8

На основе этих данных можно отметить, что в своем большинстве количественные характеристики фактического материала отличаются последовательностью и представляют собой приблизительно равные значения. В 2023 году выросла заинтересованность интернет-пользователей в видеоматериалах, раскрывающих семантику богатства и содержащих в заголовке ключевые лексему *rich*, а вот с видеороликами с лексемой *reich* в заголовке наблюдается противоположная ситуация.

Изучение степени актуальности семантики богатства является важным этапом при изучении вербализации враждебности по отношению к социальной группе богатых людей. Можно сказать, что фактический материал на английском языке отличается большей степенью востребованности среди участников дискурсивного сообщества. Предположительно это связано с количеством носителей английского и немецкого языков, популярностью и востребованностью языка в международном общении, а также омонимичностью лексем *reich/das Reich* в немецком языке.

Таким образом, на основе видеоматериалов, опубликованных на видеохостинге *YouTube* в 2023 году и раскрывающих семантику богатства, была отмечена более высокая востребованность среди англоязычных пользователей и более низкая – среди немецкоязычных, что подтверждает среднее количество пользовательских реакций (комментариев и лай-

ков). При этом актуальность видеороликов, в заголовке которых содержится ключевое имя прилагательное – «богатый» на соответствующих языках, является более высокой по сравнению с актуальностью видеороликов с ключевым именем существительным в заголовке.

Библиографические ссылки

1. Баркович А. А. Лингвоинформационная специфика компьютерно-опосредованной коммуникации: структурный аспект // Вестн. Волгогр. гос. ун-та. Сер. 2, Языкозн. Волгоград, 2015. № 2 (26). С. 114–120.
2. Виноградова Т. Ю. Специфика общения в интернете [Электронный ресурс] // Русская и сопоставительная филология: Лингвокультурологический аспект. Казань, 2004. С. 63–67. URL: http://www.philology.ru/linguistics1/vinogradova_t-04.htm (дата обращения 15.03.2024).
3. Василенко Е. Н. Комментарий в жанровом пространстве интернет-дискурса // Вестн. Мин. гос. лингвист. ун-та. Сер. 1, Филология. Минск, 2019. № 3 (100). С. 20–27.
4. Василенко Е. Н. Конфликт ценностей в интернет-коммуникации: когнитивный и прагмалингвистический аспекты. Могилев : МГУ имени А. А. Кулешова, 2022.
5. Палагина А. Н. Вербализация гендерно обусловленной враждебности в интернет-коммуникации (на примере пяти лингвокультур) // Молодая наука – 2022 : материалы регион. науч.-практ. конф. студентов и аспирантов вузов Могилев. обл., Могилев, 21 апр. 2022 г. / Могилев. гос. ун-т ; под ред. О. А. Лавшук, Н. В. Маковской. Могилев, 2022. С. 83.
6. Палагина А. Н. Гендерно обусловленный язык вражды: определение актуальности тематики исследования (на материале интернет-дискурса Польши) / А. Н. Палагина // Молодая наука – 2021 : материалы регион. науч.-практ. конф. студентов и аспирантов вузов Могилевской обл., Могилев, 22 апр. 2021 г. / Могилев. гос. ун-т ; под ред. О. А. Лавшук, Н. В. Маковской. Могилев, 2021. С. 86.
7. Палагина А. Н. К вопросу о дискредитации в гендерно обусловленном интолерантном дискурсе [Электронный ресурс] // Идеи. Поиски. Решения : сб. ст. и тез. XV Междунар. науч.-практ. конф. препод., аспирантов, магистрантов, студентов : в 6 т., Минск, 23 нояб. 2021 г. / редкол.: Н. Н. Нижнева (отв. ред.) [и др.]. Минск : БГУ, 2021. Т. VI. С. 53–56. URL: <https://elib.bsu.by/handle/123456789/273646> (дата обращения: 17.03.2024).
8. Палагина А. Н. Актуальность тематики богатства в интернет-дискурсе (на материале польского и русского языков) // XXVI Открытая конференция студентов-филологов в СПбГУ : материалы конф., 24–29 апр. 2023 г., СПбГУ. СПб., 2023. С. 135.

УДК 82-34:81'33

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ КОРПУСНОГО МЕТОДА ПРИ ИЗУЧЕНИИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ЛЕКСЕМЫ «ЛЮБОВЬ» В СКАЗКАХ И ФЭНТЕЗИ

В. В. Петрожицкая¹⁾, О. И. Колесникова²⁾

¹⁾ Вятский государственный университет,
ул. Московская, 36, 610000, г. Киров, Кировская обл., Россия, vikselyok@mail.ru

²⁾ Вятский государственный университет,
ул. Московская, 36, 610000, г. Киров, Кировская обл., Россия, usr08728@vyatsu.ru

Корпусные технологии произвели своего рода революцию в лингвистических исследованиях благодаря высокой скорости обработки большого объема данных. Одним из новых направлений их применения является изучение концептов через их лексические репрезентации в текстах литературы. В статье представлен обзор возможностей отдельных инструментов программы AntConc, использованных для выявления особенностей функционирования лексики «любовь» как репрезентанта одноименного концепта в художественных текстах «сказочных» жанров.

Ключевые слова: корпусная лингвистика; корпусные технологии; программа AntConc; лексема «любовь».

THE USE OF THE CORPUS METHOD IN THE STUDY OF THE FUNCTIONING OF THE LEXEME “LOVE” IN FAIRY TALES AND FANTASY

V. V. Petrozhitskaya¹⁾, O. I. Kolesnikova²⁾

¹⁾ Vyatka State University, Moskovskaya str., 36, 610000, Kirov, Kirov region, Russia,
vikselyok@mail.ru

²⁾ Vyatka State University, Moskovskaya str., 36, 610000, Kirov, Kirov region, Russia,
usr08728@vyatsu.ru

Corpus technologies have revolutionised linguistic research due to the high processing speed of a large amount of data. One of the new directions of their application is the study of concepts through their lexical representations in literary texts. The article provides an overview of the capabilities of AntConc program tools used to identify the features of the functioning of the lexeme “love” as a representative of the same-name concept in fiction texts of fairy-tale novels as the genre.

Keywords: corpus linguistics; corpus technologies; AntConc program; lexeme «love».

Корпусная лингвистика представляет собой некую совокупность процедур и методов для исследования явлений в языке [1]. Суть данных методов заключается в компьютерном анализе обширной коллекции специально подобранных, соответствующих исследовательским целям письменных текстов в машиночитаемом формате, или корпусов. По мнению В. А. Плунгяна, широкое распространение корпусных исследований обусловил подход, ориентированный на узус, т. е. тексты. Ученый подчеркивает, что узус «является единственной подлинной реальностью науки о языке, т. е. объектом, доступным непосредственному наблюдению» [2, с. 16]. Кроме того, в методологическом отношении корпусная лингвистика, как отмечает А. А. Яковлев, имеет неоспоримое достоинство – быстрый охват большего объема информации (конкретных словоупотреблений), чем было возможно до применения корпусов [3, с. 67]. При этом основной проблемой корпусных исследований является то, что полученные исследователем результаты и выявленные закономерности применимы лишь для конкретного корпуса. Тем не менее корпусные технологии все чаще используются в лингвистических исследованиях по объективным причинам, связанным с прагматическими задачами охватить большой объем языковых данных, оперативно провести их анализ и получить достоверные результаты. В частности, К. С. Шилихина, использовавшая корпусный метод для отбора языковых фактов с целью описания когнитивных, семантических и прагматических свойств вербальной иронии, отмечает, что традиционный подход к выбору эмпирического материала, основанный на интуиции и опыте исследователя, не всегда эффективен из-за выбора тех фактов, которые в наибольшей степени подтверждают выдвигаемую гипотезу. В этом случае не принимается во внимание вариативность языка, игнорируются те контексты, которые не подтверждают теорию и, более того, приводят к повторяемости примеров в работах лингвистов [4].

Среди программ, позволяющих осуществлять автоматический анализ большого объема данных, можно выделить программу AntConc, разработанную Л. Энтони [5]. В связи с бесплатным доступом и понятностью интерфейса она неоднократно использовалась лингвистами. Например, Д. А. Палийчук характеризует перспективность применения инструментария AntConc при изучении коллокаций [6]. К достоинствам относятся бесплатный доступ, технические характеристики, способы представления данных. В то же время отмечены недостатки. По сравнению с программой SketchEngine AntConc имеет менее удобный пользовательский интерфейс и менее эффективно определяет коллокации. Ю. В. Богоявленская представила методику работы с программой в исследовании синтагматической сочетаемости. Среди достоинств указанного сервиса отмечаются скорость,

простота и удобство пользования, понятный интерфейс, свободный доступ, самостоятельный выбор исследуемого материала, различные функциональные возможности, статистический аппарат. Среди недостатков, которые являются не критичными, названы невозможность сохранения загруженных текстов, большое количество «шума» (бессмысленных коллокаций), невозможность свести выявленные словоформы к одной лемме и некоторые другие [7]. В работе Е. С. Луньковой проиллюстрированы возможности программы AntConc для лингвистического анализа художественного текста на примере повести А. С. Пушкина «Метель» и приведены некоторые количественные (частотность) и качественные (лексические и грамматические особенности произведения) результаты [8]. Именно программа AntConc, обладающая простым и понятным принципом работы, а также доступностью, была выбрана для нашего исследования, целью которого было выявление возможностей данного сервиса при изучении лексической репрезентации концепта «любовь» в текстах сказок и фэнтези. В качестве материала исследования использовались 11 текстов: сборник «Заветные русские сказки» А. Н. Афанасьева, а также произведения «новой прозы», созданные по мотивам ряда народных сказок: А. В. Рубанов «Финист – ясный сокол», Д. Морган «Иди через темный лес», «Вслед за змеями» и «Самое красное яблоко», Л. Арден «Невеста Ноября», К. Кей «Плащ для Красной Шапочки», У. Черкасова «Золотые земли. Сокол и Ворон», «Золотые земли. Птицы Великого леса» и «Золотые земли. Совиная башня», А. Чароит «Кощеева невеста».

Прикладной задачей исследования было практическое применение инструментария программы AntConc для: 1) автоматического составления конкорданса – списка контекстов с употреблением лексемы «любовь»; 2) определения частоты встречаемости лексемы «любовь» в загруженных текстах; 3) выявления словоформ, в которых она употребляется; 4) выделения кластеров и коллокатов; 5) исследования равномерности распределения лексемы в материале. Все тексты в формате PDF были загружены в программу. При этом зафиксировано 1237273 токенов (слов), подлежащих анализу. Далее использовались возможности инструмента KWIC, который формирует конкорданс, т. е. позволяет искать конкретные слова / фразы и исследовать их употребление в контексте. Для составления конкорданса активизировались следующие параметры в поисковом окне: *case* – для поиска словоформ лексемы «любовь» в верхнем и нижнем регистре и *regex* – для ввода регулярного выражения, позволяющего осуществлять поиск всех словоформ исследуемой лексемы «любовь», т. е. «любовь», «любви», «любовью». Были установлены следующие параметры сортировки: 1 слово справа и 1 слово слева, в центре – интересующая нас лексема «любовь», а также упорядочивание по частоте. Программа

выдала 155 совпадений. Уже на этом этапе мы смогли увидеть определенные закономерности, характерные для анализируемых текстов: например, словоформе «любви» в 8-ми случаях предшествует предлог «в», при этом в 4-х случаях за словоформой «любви» следует союз «и», словоформа «любовью» в 5-ти случаях употребляется с предшествующим ей предлогом «с».

Чтобы выявить, в каких именно словоформах употребляется лексема «любовь», использовался инструмент *Word*. При запуске поискового запроса получены следующие результаты: словоформа «любви» характерна для всех текстов и встречается в них с частотой 71; словоформа «любовь» также характерна для всех текстов и встречается в них с частотой 70; для 5-ти текстов характерна словоформа «любовью», она имеет частоту 10; в 2-х текстах с частотой 2 встречается словоформа «нелюбви»; в одном тексте 1 раз употребляется словоформа «нелюбовь»; в одном тексте 1 раз встречается словоформа «нелюбовью». Таким образом, для исследуемого материала наиболее характерным и частотным является использование лексемы «любовь» в 2-х словоформах: «любви» и «любовь».

Следующим заслуживающим исследовательского внимания функционалом программы *AntConc* является инструмент анализа дисперсионных графиков *Plot*. Графики выглядят как штрихкод и показывают, насколько широко распространено поисковое слово/фраза в загруженных файлах. При поиске с помощью регулярного выражения, установив сортировку выводимых результатов по показателю дисперсии и также определив в настройках инструмента *Plot* показатель дисперсии Juilland's D, получаем таблицу, в которой представлена информация о названии файла, количестве токенов в нем, частоте встречаемости поискового слова в конкретном файле, показатель дисперсии, а также график дисперсии. Ориентируясь на этот график, а также на показатель дисперсии, приходим к выводу, что наиболее широко и равномерно словоформы лексемы «любовь» распределены в тексте Д. Морган «Самое красное яблоко». В файле с данным текстом программа определяет 77614 токенов, среди которых словоформы лексемы «любовь» встречаются с частотой 36.

Инструмент *Cluster* программы *AntConc* формирует кластеры определенного размера, заданного пользователем, ориентируясь на положение слева или справа от поискового слова. Например, используя поисковый запрос в виде регулярного выражения, выбирая кластер размером 2, сортируя результаты по частоте, учитывая контексты слева и справа, мы получаем сведения, что для исследуемых текстов характерны следующие кластеры: «любви и» (данный кластер встречается в 8 текстах с частотой 16), «любви к» (встречается в 6 текстах с частотой 9), «любовь и» (встречается в 5 текстах с частотой 8), «в любви» (встречается в 3 документах с

частотой 8) и т. д. Всего программа выделила 232 типа кластеров, учитывая даже те, которые встречаются 1 раз в одном документе. Чтобы уменьшить количество результатов, можно воспользоваться параметром *Min. Range*: например, если установить показатель 5, то программа будет выводить только те кластеры, которые встречаются не менее чем в 5 текстах.

Инструмент *Collocate* позволяет исследователю отследить, как используется запрашиваемое слово в контексте слева и справа. При этом программа находит те слова, которые формируют устойчивые словосочетания с запрашиваемым словом. В параметрах настройки можно устанавливать размер окна (*Window Span*), чтобы уточнить, на сколько слов справа и слева необходимо обращать внимание. Имеет значение и сортировка по различным показателям, например *Likelihood* или *Effect*. Показатель *Likelihood* – это мера вероятности, статистический показатель того, что слова появляются рядом статистически наиболее вероятно, нежели случайно. Показатель *Effect* указывает на силу словосочетания. Так, используя поиск с помощью регулярного выражения, учитывая контекст в размере 1 слово справа и 1 слово слева, сортируя результаты по показателю *Likelihood*, устанавливая настройки инструмента *Collocate* по умолчанию (это Log-likelihood (4-term), $p < 0,05$ (3,84 with Bonferroni), MI), получаем на рабочем экране результаты в виде таблицы. Так, наиболее вероятным коллокатом для словоформ лексемы «любовь» является предлог «к», примыкающий справа. Это характерно для 8 документов, в которых указанный предлог примыкает в 15 случаях, причем в 2 случаях речь идет о нелюбви: *Дело в Ноябре и его нелюбви к золотым оберегам; Сама Марья топала за мною следом – инстинктивное любопытство оказалось сильнее ее нелюбви к матери*. При этом можно обратить внимание и на то, что для всех анализируемых текстов характерно употребление союза «и», который примыкает к словоформам лексемы «любовь» 30 раз (5 раз справа, 25 раз слева). Сочинительной связью с понятием «любовь» в текстах объединены преимущественно позитивные лексемы «мир», «признание», «признательность», «радость», «согласие», «страсть», «тепло», «теплота», «уважение», «благодарность», «верность», «восторг», «поддержка», «рассудок», «добро», «вера», «память», «удача», «покой» (исключение – «горе»). Устанавливая сортировку по показателю *Effect*, мы обнаруживаем, что наибольшей силой обладают словосочетания с разнообразными коллокатами «безответная», «неразделенную», «воспевали», «несчастливой», «познав», «завоевала», «оставшейся», «материнскую», «загубленной», «символическую», «братской», «материнская», «традициями», «несчастлива», «тюрьмой», «сорили». При этом наибольшими показателями – *Likelihood* 11,963, *Effect* 30,403 – обладает коллокат «материнская», т. е. максимальной силой и статистической значимостью обладает словосочетание

«материнская любовь», например: *Мне хочется верить, что, зная она будущее, она никогда не рассталась бы с дочерью, но чего стоит материнская любовь, когда речь идет о деньгах?*

Таким образом, использование программы AntConc в рамках концептуального анализа позволило выявить частотность употребления репрезентантов концепта «любовь» в текстах сказок и фэнтези, зафиксировать конкретные словоформы, характерные для языкового материала, выявить широту и равномерность распределения в нем лексемы «любовь», определить кластеры и коллокаты. Инструментарий сервиса также позволил быстро сформировать конкорданс, который может применяться в автоматическом режиме по алгоритмам сервиса не только для обнаружения разного рода закономерностей, присущих материалу нашего исследования, но и для реализации других задач когнитивной лингвистики.

Библиографические ссылки

1. McEnery T. Corpus linguistics : method, theory and practice / Tony McEnery, Andrew Hardie. Cambridge University Press, 2012.
2. Плунгян В. А. Корпус как инструмент и как идеология : о некоторых уроках современной корпусной лингвистики // Русский язык в научном освещении. 2008. № 2 (16). С. 7–20.
3. Яковлев А. А. Корпус как универсальный информант (об экспериментальном изучении семантики и языковой картины мира) // Вестник ТвГУ. Серия «Филология». 2017. № 2. С. 64–73.
4. Шилихина К. С. Дискурсивная практика иронии: когнитивный, семантический и прагматический аспекты : автореф. дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.19 / Воронежский госуниверситет. Воронеж, 2014.
5. AntConc. [Электронный ресурс]. URL: <https://laurenceanthony.net/software/antconc/> (дата обращения: 08.02.2024).
6. Палийчук Д. А. Корпусные технологии в изучении коллокаций (на примере сервисов «AntConc» и «SketchEngine») // Studia Humanitatis. 2022. № 2. [Электронный ресурс]. URL: www.st-hum.ru (дата обращения: 08.02.2024).
7. Богоявленская Ю. В. Применение сервиса AntConc в исследовании синтагматической сочетаемости (на примере адъективных коллокаций с компонентами «coronavirus» и «COVID-19» во французском языке) // Вестник ПНИПУ. Проблемы языкознания и педагогики. 2022. № 1. С. 30–39.
8. Лунькова Е. С. Использование программы ANTCONC 3.2.4W для анализа художественного текста // Системы компьютерной математики и их приложения. 2014. № 15. С. 260–262.

УДК 378.016:811.161.1-0.54.6(075.8)

**БЕЛОРУССКИЕ ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ТЕРМИНЫ XX–XXI ВВ.
(ИЗ ОПЫТА СОЗДАНИЯ КОРПУСА БЭТ)**

В. В. Проконина

*Белорусский государственный университет,
ул. К. Маркса, 31, 220030, г. Минск, Беларусь, veraprok88@mail.ru*

В статье анализируется современное состояние белорусской экономической терминологии, обращается внимание на приоритет экономической сферы в современном обществе. Автор описывает свой принцип исследования белорусских экономических терминов, заключающийся в создании корпуса белорусской экономической терминологии на основе отбора терминов из сферы функционирования данной отрасли терминологии. В заключение отмечается актуальность данного исследования.

Ключевые слова: экономическая сфера; корпус; белорусская экономическая терминология; сфера функционирования терминологии; упорядочивание терминов.

**BELARUSIAN ECONOMIC TERMS
OF THE XX-XXI CENTURIES
(FROM THE EXPERIENCE OF CREATING THE BET CORPS)**

V. V. Prakonina

*Belarusian State University,
31 Karl Marks St., 220030, Minsk, Belarus, veraprok88@mail.ru*

The article analyzes the current state of Belarusian economic terminology and draws attention to the priority of the economic sphere in modern society. The author describes his principle of researching Belarusian economic terms, which consists in creating a corpus of Belarusian economic terminology based on the selection of terms from the sphere of functioning of this branch of terminology. The article concludes by noting the relevance of this study.

Keywords: economic sphere; corpus; Belarusian economic terminology; sphere of functioning of terminology; ordering of terms.

На современном этапе развития общества в плане международного сотрудничества становится актуальной проблема упорядочения терминологии белорусского языка, а также международной систематизации и нормализации терминосистемы. Большое значение для международного сотрудничества имеет создание международного банка белорусской терминологии.

На сегодняшний день лингвистами проанализированы такие отрасли белорусской терминологии, как юридическая, ботаническая, зоологическая, автомобильная, водная, транспортная, железнодорожная, математическая, техническая. Разным отраслям белорусской терминологии посвящены диссертационные исследования, монографии, учебники, отраслевые терминологические словари.

Экономическая сфера является одним из приоритетных направлений в современном обществе. Экономическая терминологическая база наглядно отражает все процессы, происходящие в обществе. Появление и развитие новых отраслей экономики (логистика, менеджмент, маркетинг) вызывают возникновение в языке новых терминов. Меняется направленность экономики: в условиях перехода к рынку возникает необходимость обращения к передовым современным технологиям, развитию сферы услуг, крупных холдингов, парков высоких технологий, мониторингу ситуации как на собственных рынках сбыта, так и на мировых.

Усиление интеграционных процессов в мире, быстрые темпы развития белорусской экономической терминологии обуславливают возрастающую необходимость ее стандартизации.

На территории Республики Беларусь национальный язык используется во многих сферах общественной жизни: правовой, социальной, культурной, экономической (Закон № 3094-ХІ «О языках в Республике Беларусь», от 26 января 1990 г.). Курс белорусского языка (профессиональная лексика) является обязательным в учебном процессе во всех высших учебных заведениях Республики Беларусь, что предполагает дальнейшее развитие и совершенствование белорусской экономической терминологии.

Белорусская экономическая терминология за период XX–XXI вв. представлена, описана и систематизирована как в лексико-семантическом, так и в структурно-системном аспектах в диссертационном исследовании автором статьи. Для решения проблемы было проведено исследование сферы функционирования белорусской экономической терминологии, которая представлена специальной научной литературой. Выделение экономических терминов из сферы функционирования представляется актуальным, поскольку именно учебники, методические разработки, отдельные статьи отражают современное состояние и динамику изменений экономической терминологии.

Для анализа критериев отбора были определены основные признаки термина, выделены отличия терминов экономики от общеупотребительных слов, номенклатуры и профессионализмов. Для реализации соответствующей задачи были отобраны источники белорусской экономической

терминологии и создан каталог словарей, учебников, справочников, методических указаний и статей по экономике; на основе соответствующих источников сформирован корпус белорусских экономических терминов.

Анализ источников и отбор терминов на основе критериев отбора терминов позволил выявить особенности функционирования белорусской экономической терминологии на разных этапах ее развития. В работе были использованы следующие критерии отбора: дефинитивный, статистический, критерий логических теорем, графический, стилистический, семантический, критерий понятийной целостности, логико-интуитивный. Выбор того или иного критерия выделения экономических терминов зависел от принципов составления экономических источников.

С целью охвата и анализа наибольшего количества экономических терминов из журналов «Весці Акадэміі навук БССР. Серыя гуманітарных навук» (1956–1991), «Весці Акадэміі навук Беларусі. Серыя гуманітарных навук» (1992 – па ц.ч.) были отобраны источники белорусской экономической терминологии, из которых была проведена выборка терминов с 1990 по 2015 год.

Актуальность представленного корпуса белорусских экономических терминов определяется:

- 1) недостаточным уровнем развития белорусской экономической терминологии;
- 2) необходимостью унификации и стандартизации белорусской экономической терминологии;
- 3) билингвальной ситуацией в Республике Беларусь, согласно которой необходимо в совершенстве владеть национальной терминологией для реализации полноценных языковых отношений [1].

Материалом исследования послужили экономические термины (4217 единиц), отобранные методом сплошной выборки как из сферы функционирования, так и из сферы фиксации, составившие корпус. Корпус белорусских экономических терминов построен в алфавитном порядке. Сначала приводится термин-гипероним, а затем гипонимы к соответствующему термину.

Приводим пример корпусной таблицы (буква А содержит 305 терминов. Приводим 20 из них) [2, с. 26–28].

В качестве основного источника был выбран «Слоўнік бухгалтэрскае тэрмінолёгіі» (1928), так как данное издание представляет первую попытку упорядочивания белорусских экономических терминов в начале XX века. Отсутствие в начале графы таблицы соответствующего термина из данного источника связано с отсутствием терминоединицы в источнике. При этом термины из «Слоўніка бухгалтэрскае тэрмінолёгіі» могут занимать другие позиции в графе (если внешняя форма термина данного

источника не соответствует современной внешней форме, так как ключевым при формировании корпуса является алфавитный принцип подачи белорусских экономических терминов).

1. Абавязак [Дубовік, с. 94], Абавязак (обязанность) [Малашук, с. 62], Абавязак, павіннасць [Зеньковіч, с. 19], Абавязак, павіннасць [МПСА, с. 75], Абавязак [Зеньковіч, с. 47], Абавязак [МПСА, с. 82], Абавязкі [Акуленка, с. 76], Абавязак [Наталевіч, с. 28]
2. Абавязак працоўны [Зеньковіч, с. 75]
3. Абавязацельства [КАБРЭС, с. 10], Абавязацельства [Ляпідус, с. 499], Абавязацельства [Слепуха, с. 47], Абавязацельства [КАБРЭС, с. 29], Абавязацельства [Зеньковіч, с. 47], Абавязацельства [Шаршнёў, с. 76], Абавязацельства [Акуленка, с. 76], абавязацельствы [ВЭД, с. 137], Абавязацельства [Наталевіч, с. 28], Абавязацельствы [Дубовік, с. 61], Абавязнасць [Вялюга, с. 73], Абавязанне [ПалесДУ, с. 48]
4. Абавязацельства гарантыйнае [Зеньковіч, с. 14], Гарантыйнае абавязацельства [Наталевіч, с. 13], Гарантыйнае абавязацельства [Шаршнёў, с. 71], Гарантыйнае абавязацельства [Акуленка, с. 26], Абавязацельства гарантыйнае [ПК, с. 10], Абавязацельства гарантыйнае [Савіцкая, с. 16]
5. Абавязацельства грашовае [Румянцава, с. 405]
6. Абавязацельства даўгавое [СБТ, с. 56], Абавязнасць даўгавая [СБТ, с. 56], Росьпіска даўгавая [СБТ, с. 56], Абавязацельства пазыковае [Зеньковіч, с. 19], Пазыковае абавязацельства [Слепуха, с. 20], Пазыковае абавязацельства [Зеньковіч, с. 22], Пазыковае абавязацельства [Малашук, с. 55], Пазыковае абавязацельства [МПСА, с. 75], Пазыковае абавязацельства [Наталевіч, с. 16], Пазыковае абавязацельства [Шаршнёў, с. 73], Абавязанне даўгавое [Зразікава, с. 194], Даўгавое абавязацельства [Акуленка, с. 38], Абавязацельства пазыковае [ПК, с. 11]
7. Абагульненне [Зеньковіч, с. 46]
8. Абандон [Акуленка, с. 4], Абандон [ВЭД, с. 5], Абандон [Дубовік, с. 9], Абандон [ССПСЭ, с. 290]
9. Абарачальнасць (канверсаванасць) валюты [ССПСЭ, с. 290], Абарачальнасць (канверсаванасць) валют [Базылева, с. 33], Абарачальнасць (канверсаванасць) валют [БДПУ, с. 152], Абарачальнасць (канверсаванасць) валют [ВЭД, с. 72], Абарачальнасць (канверсаванасць) валюты [Герштэйн, с. 148–149], Абарачальнасць валют [Акуленка, с. 72], Абарачальнасць валюты [Гассиева, Ч. 2, с. 36], Абарачальнасць валюты [Зеньковіч, с. 46], Абарачальнасць, зваротнасць (валюты) [Зразікава, с. 197]
10. Абарачальнасць [Слепуха, с. 46], Абарачальнасць [Ермаловіч, с. 90], Абарачальнасць [Зеньковіч, с. 46], Абарачальнасць [Малашук, с. 62], Абарачальнасць [МПСА, с. 82], Абарачальнасць [Наталевіч, с. 28], Абарачальнасць [Шаўлюкоў'98, с. 612], Абарачальнасць [Шпакоўская, с. 232], Абарачальнасць [Акуленка, с. 73], Абарачальнасць [Ермаловіч, с. 90], Абарачальнасць [МК, с. 93],
11. Абарачальнасць абаротных сродкаў [ЭГ, с. 32]
12. Абарачэнне банкнотнае [Слепуха, с. 39], Банкнотнае абарачэнне [МПСА, с. 69], Банкнотнае абарачэнне [Зеньковіч, с. 6]
13. Абарачэнне гандлёвае [Маркетинг, с. 196]
14. Абарачэнне таварна-грашовае [Зеньковіч, с. 72], Таварна-грашовае

абарачэнне [Наталевіч, с.41]
15. Абарачэнне таварнае [КЭС, с. 197–198], Таварнае абарачэнне [Базылева, с. 46], Таварнае абарачэнне [ЭГ, с. 40]
16. Абарачэнне, абарот [Гассиева, Ч. 2, с. 36], Зварот [СБТ, с. 58], Зварот [Ляпідус, с. 502], Зварот [ПЭ, с. 198], Абарачэнне [Слепуха, с. 46], Абарачэнне [Зеньковіч, с. 46], Абарачэнне [МПСА, с. 82], Абарачэнне [ССПСЭ, с. 290], Абарачэнне [ТСГТ, с. 3], Абарачэнне [Шаўлюкоў'94, с. 145], Абарачэнне [Шаўлюкоў'98, с. 612], Абарот, абарачэнне [Старавойтава, 175], Абарот [Ляпідус, с. 499], Абарачэнне [Наталевіч, с. 28], Абарачальнасць [Ляшчынская 2003, с. 178], Зварот [СБТ, с. 58], Зварот [Ляпідус, с. 502], Зварот [ПЭ, с. 198], Абарачэнне [Слепуха, с. 38], Абарачэнне, абарот [Гассиева, Ч. 2, с. 36], Абарачэнне [Зеньковіч, с. 46], Абарачэнне [МПСА, с. 82], Абарачэнне [ССПСЭ, с. 290], Абарачэнне [ТСГТ, с. 3], Абарачэнне [Шаўлюкоў'94, с. 145], Абарачэнне [Шаўлюкоў'98, с. 612], Абарот, абарачэнне [Старавойтава, 175], Абарот, Абарот [Ляпідус, с. 499], Абарачэнне [Наталевіч, с. 28], абарот [Антанюк 2005, с. 29], абарот [Шаршнёў 2010, с. 67], Зварот [Зеньковіч, с. 12], Зварот [МПСА, с. 72], Зварот [Малашук, с. 52], Зварот [Шаршнёў, с. 76], Зварот [Дубовік, с. 28]
17. Абарот валавы (абарачэнне валавое) [ГКІ, с. 5]
18. Абарот вытворчых фондаў [Базылева, с. 33], Абарот вытворчых фондаў [БДПУ, с. 152]
19. Абарот гандлёвы [Зеньковіч, с. 74], Гандлёвы абарот [КАБРЭС, с. 44]
20. Абарот грашовы (грашовае абарачэнне) [Базылева, с.14], Грашовы абарот (грашовае абарачэнне) [Акуленка, с. 31], зварот, абарачэнне (грашовы абарот) [ПалесДУ, с. 50], абарот (абарачэнне) [Агароднікава, с. 82], грашовы абарот [БДПУ, с. 153], Абарот грашовы [ССПСЭ, с. 290], Абарачэнне грашовае [Слепуха, с. 17], Абарачэнне грашовае [Шаршнёў, с. 75], Абарачэнне грашовае [ССПСЭ, с. 290], Абарачэнне грошай [Агароднікава, с. 85], Абарачэнне грошаў [Малашук, с. 62], Грашовае абарачэнне [Малашук, с. 54], Грашовае абарачэнне [Зеньковіч, с.17], Грашовае абарачэнне [МВФО, с. 53], Грашовае абарачэнне [МПСА, с. 74], Абарачэнне грашовае [Пілецкі, с. 116], Абарачэнне грашовае [Шымуківіч, с. 46], Абарачэнне грашовае [ЭГБІЗК, с. 75], Абарачэнне грашовае [СК, с. 97], Абарачэнне грашовае [Серада II, с. 121], Абарачэнне грашовае [ГКБ, с. 66]

В результате поисково-библиографической работы (изучения таких источников, как «Летапіс друку Беларускай ССР» (1932–1991), «Летапіс друку Беларусі. Кніжны летапіс» (1992–2006) и «Кніжны летапіс Беларусі» (2007 – по настоящее время) за период XX–XXI вв. был подготовлен и издан «Корпус белорусских экономических терминов», насчитывающий 4217 единиц [2]. На основе анализа терминологического корпуса можно выявить как количественные, так и качественные изменения, произошедшие в белорусской экономической терминологии. На протяжении XIX–XX вв. менялся морфемный состав терминов, их синтаксические характеристики, происходили процессы синонимизации и калькирования, изменялась семантика и правописание терминов, некоторые понятия устаревали, а на их месте появлялись новые. Все приведенные

процессы можно проследить по столбцам корпусной таблицы. Корпус белорусских экономических терминов может быть использован не только в лексикографической и педагогической практике, но и при решении общих вопросов формирования и развития терминологического фонда современного белорусского литературного языка. Данное исследование было передано в Институт языкознания имени Якуба Коласа Академии Наук Республики Беларусь.

В настоящее время в Республике Беларусь Институтом языкознания имени Якуба Коласа Академии Наук Республики Беларусь создан Корпус белорусского языка, который насчитывает 1 млрд. словоупотреблений [1].

В 2022 году в издательстве БГУ вышло справочное пособие «Беларускія эканамічныя тэрміны XX–XXI стст.» [3]. Книга найдет широкое применение в педагогической практике на лекциях, семинарах и спецкурсах по современному белорусскому языку, в преподавании курса экономики на экономических факультетах вузов Республики Беларусь, а также при написании учебных изданий, курсовых и дипломных работ.

Библиографические ссылки

1. Директор Института языкознания: корпус белорусского языка насчитывает 1 млрд. словоупотреблений [Электронный ресурс]. URL: <https://www.belta.by/society/view/direktor-instituta-jazykoznanija-korpus-belorusskogo-jazyka-naschityvaet-1-mlrd-slovoupotreblenij-485938-2022> (дата обращения: 29.01.2024).
2. Праконіна В. У. Корпус беларускіх эканамічных тэрмінаў. Мінск : Колорград, 2019.
3. Праконіна В. У. Беларускія эканамічныя тэрміны XX-XXI стст. Мінск : БДУ, 2022.

УДК 81'33

АНАЛИЗ ТОНАЛЬНОСТИ ТЕКСТА С ПРИМЕНЕНИЕМ БОЛЬШОЙ ЯЗЫКОВОЙ МОДЕЛИ RUBERT

М. В. Свиридович

*Белорусский государственный университет,
ул. К. Маркса, 31, 220030, г. Минск, Беларусь, sviridovichmv@mail.ru*

Исследуется эффективность применения нейронных сетей на основе архитектуры трансформера для классификации тональности отзывов о кинофильме. В результате проведения эксперимента с использованием двух подходов – предсказания с помощью предобученной модели ruBERT и модификации ruBERT с дальнейшим дообучением – установлено, что небольшая модификация модели позволила повысить общую точность (меткость, ассурасу) классификации при увеличении чувствительности классификации положительных отзывов и снижении чувствительности классификации отрицательных отзывов.

Ключевые слова: анализ тональности текста, большая языковая модель, трансформер, дообучение.

SENTIMENT ANALYSIS USING THE LARGE RUBERT LANGUAGE MODEL

M. V. Sviridovich

*Belarusian State University,
31 Karl Marks St, 220030, Minsk, Belarus, sviridovichmv@mail.ru*

The effectiveness of using neural networks based on the transformer architecture for tonality classification of film reviews is investigated. As a result of the experiment incorporating two approaches – prediction using the pre-trained ruBERT model and modification of ruBERT followed by further training – it was found that a small modification of the model lead to increase in the overall accuracy of the classification, with a simultaneous increase in the recall of positive reviews and decrease in the recall of negative reviews.

Keywords: sentiment analysis; large language model; transformer; additional training.

В компьютерной лингвистике анализ тональности текста представляет собой совокупность методов автоматизированного выявления эмоциональной позиции авторов (мнений) по отношению к объектам высказываний.

К настоящему времени в области анализа тональности наиболее эффективно показали себя нейронные сети, основанные на архитектуре

трансформера, описанного впервые Vaswani et. al. [1]. До появления трансформера большинство языковых моделей основывалось на рекуррентных архитектурах, где учитывалась только предопределенная временная структура связи между элементами последовательности. В трансформере же с помощью механизма self-attention значимость каждого слова определяется относительно всех других слов в контексте, что позволяет учитывать не только временные, но и пространственные связи в тексте. Таким образом, все веса в блоке self-attention вычисляются в результате попарного сравнения линейных трансформаций входных токенов – матриц Key, Query, Value. Это позволяет более эффективно моделировать зависимости между словами в предложении и тексте.

В разработанных вскоре после появления трансформера модификациях был расширен функционал и преодолены ограничения базовой архитектуры. Одной из самых используемых модификаций является BERT (Bidirectional Encoder Representations from Transformers – двунаправленные репрезентации энкодера трансформера). Стандартный трансформер был разработан и обучен для задач sequence-to-sequence (последовательность в последовательность, например для перевода) в рамках одностороннего контекста: предсказывались только токены, следующие за определенным токеном. BERT представляет собой модификацию, основанную на двунаправленности контекста: модель обучена предсказывать токен на любой позиции в тексте. Модификация позволяет еще точнее устанавливать контекстуальные связи между токенами.

Изначально разработанная для генерации токенов, модель BERT была адаптирована и для других задач обработки естественного языка, включая анализ тональности. Целью нашего эксперимента является классификация тональности отзывов (нейтральный, позитивный, негативный) с применением большой языковой модели ruBERT и ее модификации, а также определение эффективности классификации путем сравнения предсказанных значений с истинными классами отзывов, выставленными авторами отзывов. Материалом послужили 209 отзывов зрителей о кинофильме «Мастер и Маргарита» (2023), размещенные на сайте kinopoisk.ru.

В качестве модели была выбрана предобученная разновидность BERT [rubert-base-cased-sentiment](#) из python-библиотеки transformers [2], предобученная на четырех русскоязычных датасетах: корпусе твитов RuTweetCorp; корпусе отзывов покупателей на приобретенные товары [RuReviews](#); корпусе постов в социальных сетях [RuSentiment](#); корпусе отзывов на медицинские учреждения с сайта prodoctorov.ru. Данная модель была напрямую использована для предсказания класса тональности.

Выбранный нами датасет стилистически и содержательно отличается от корпусов, на которых был предобучен базовый ruBERT. С целью его адаптирования непосредственное под имеющиеся отзывы мы внесли в модель небольшую модификацию: веса предобученного ruBERT были оставлены без изменения («заморожены»), а после последнего слоя добавлено два дополнительных обучаемых слоя [3], что позволило откалибровать модель без ресурсозатратного дообучения BERT. Данная модель была дообучена на 100 отзывах, и ее веса были использованы для предсказания класса сентимента 100 других отзывов. Девять отзывов при этом были использованы для валидации модели.

Описание модели: 1-ый слой размерностью 768, 2-ой 512; слои связаны ReLU функцией активации; для регуляризации применен Dropout (0,1); скорость обучения 0,0001; оптимизатор AdamW; функция потерь – категориальная кросс-энтропия, веса классов сбалансированы исходя из распределения истинных меток; 40 эпох обучения.

Текст отзывов был токенизирован с помощью токенайзера, являющегося частью указанной вариации BERT. Для моделей семейства BERT параметры токенайзера определяются в процессе обучения самой модели.

Результаты классификации с использованием двух вышеописанных моделей представлены в таблицах 1 и 2:

Таблица 1

Распределение истинных классов и классов, предсказанных ruBERT

Истинный класс	Результат модели	Количество	Доля
0	0	20	0.54
	1	7	0.19
	2	10	0.27
1	0	40	0.35
	1	59	0.51
	2	16	0.14
2	0	21	0.37
	1	1	0.02
	2	35	0.61

Таблица 2

**Распределение истинных классов и классов, предсказанных ruBERT+2
обучаемых слоя**

Истинный класс	Результат модели	Количество	Доля
0	0	5	0.33
	1	8	0.53
	2	2	0.13
1	0	5	0.08
	1	50	0.85
	2	4	0.07
2	0	7	0.27
	1	10	0.38
	2	9	0.35

Эффективность классификатора определяется прежде всего показателями precision (точность) и recall (полнота, чувствительность).

Таблица 3

Метрики классификатора ruBERT

Классы, метрики	precision	recall	f1-score	Количество
0	0,25	0,54	0,34	37
1	0,88	0,51	0,65	115
2	0,57	0,61	0,59	57
macro avg	0,57	0,56	0,53	209
weighted avg	0,68	0,55	0,58	209
accuracy	0,55			209

Таблица 4

Метрики классификатора ruBERT+2 обучаемых слоя

Классы, метрики	precision	recall	f1-score	Количество
0	0,29	0,33	0,31	15
1	0,74	0,85	0,79	59
2	0,60	0,35	0,44	26
macro avg	0,51	0,48	0,45	100
weighted avg	0,62	0,60	0,58	100
accuracy	0,64			100

Согласно показателям recall, представленным в таблицах 3 и 4, ruBERT лучше справляется с обнаружением нейтральных и негативных отзывов. Дообученный BERT гораздо лучше базового обнаруживает позитивные отзывы (0,85 против 0,51). Из метрик таблицы 3 следует, что ruBERT также в целом демонстрирует более высокую точность оценок главным образом за счет показателя в 0,88 для положительных отзывов. При этом чувствительность для данного класса достаточно невысокая – 0,51. Дообученный же ruBERT показывает хорошие результаты и точности, и полноты для положительных классов (0,74 и 0,85 соответственно – таблица 4).

В целом дообученный ruBERT проигрывает стандартному в полноте классификаций нейтральных и негативных отзывов, а также в точности определения положительных отзывов. Вместе с тем дообученный ruBERT демонстрирует более высокую меткость (долю правильных классификаций от всех классификаций: 0,64 против 0,55) за счет высоких и сбалансированных показателей для позитивных отзывов и показателя точности для негативных и нейтральных.

Таблица 5

Изменения в результатах классификации

Ухудшение классификации		Улучшение классификации	
Класс	Количество	Класс	Количество
0	6	0	5
1	0	1	17
2	7	2	0

В таблице 5 отражено, как конкретно изменились метки классов при переходе со стандартной модели на дообученную: последняя стала хуже определять негативные отзывы, при этом научившись гораздо лучше определять позитивные. В качестве примера улучшения результата приведем положительный отзыв [4], содержащий элементы восторженной оценки (*«Здорово смотрятся второстепенные персонажи. Некоторые – дикий восторг»*), который базовым ruBERT был классифицирован как нейтральный, а модифицированным – как истинноположительный.

В докладе рассмотрен пример отзыва с непоследовательно выставленной автором нейтральной оценкой [5], классифицированный моделью как отрицательный. Текст отзыва насыщен негативными эмоциональными элементами (*«Абсолютно посредственный, банальный в плане повествования фильм», «Жалко, что так лениво и плоско подошли к грандиозному материалу»* и др.).

Выводы: 1. Несмотря на в целом не очень высокую меткость (accuracy 0,55), ruBERT позволяет в большинстве случаев правильно классифицировать достаточно объемные и стилистически разнообразные тексты. 2. Дообученная с добавлением всего двух полносвязных слоев модель повышает меткость до 0,64 и служит эффективным классификатором положительных отзывов (85%). 3. Оптимально подобранная архитектура для дообучения позволяет более тонко откалибровать модель для конкретного корпуса без необходимости задействования значительных вычислительных ресурсов.

Библиографические ссылки

1. Attention Is All You Need, Vaswani et. al. [Electronic resource]. URL: <https://arxiv.org/pdf/1706.03762.pdf> (date of access: 20.02.2024).
2. RuBERT for Sentiment Analysis [Electronic resource]. URL: <https://huggingface.co/blanchefort/rubert-base-cased-sentiment> (date of access: 20.02.2024).
3. Трансформеры для классификации [Electronic resource]. URL: <https://newtechaudit.ru/klassifikaciya-teksta-s-ispolzovaniem-modelej-transformerov/> (date of access: 20.02.2024).
4. История на все времена [Electronic resource]. URL: <https://www.kinopoisk.ru/user/166693243/comment/3346284/> (date of access: 19.02.2024).
5. Все это мы видели сотни раз [Electronic resource]. URL: <https://www.kinopoisk.ru/user/2100661/comment/3347053/> (date of access: 19.02.2024).

УДК 81.33+811.161.3

ЧАСТНАЯ КОМПЬЮТЕРНАЯ МЕТОДИКА ВЫЯВЛЕНИЯ БЕЛОРУССКИХ ОМОФОРМОВ В ЮРИДИЧЕСКИХ ТЕКСТАХ

Н. В. Супрунчук

*Минский государственный лингвистический университет,
ул. Захарова, 21Б-414, 220034, Минск, Беларусь, suprunchuk@mail.ru*

Анализируется новый пилотный корпус кодексов на белорусском и русском языках. С помощью процессора NooJ проведена автоматическая разметка и выявлены случаи множественного тэгирования (около 17 %). Предложены синтаксические правила для улучшения работы белорусского модуля NooJ, в частности для определения части речи, времени глаголов и падежа существительных. Результаты можно использовать для автоматического перевода и синтеза устной речи.

Ключевые слова: автоматическая обработка текста; время глагола; омонимия; полисемия; неопределённозначность; лингвистический процессор NooJ; корпус текстов.

A PRIVATE COMPUTER-BASED APPROACH FOR IDENTIFYING BELORUSSIAN HOMOPHORMES IN LEGAL TEXTS

N. V. Suprunchuk

*Minsk State Linguistic University,
Zakharova St., 21B-414, 220034, Minsk, Belarus, suprunchuk@mail.ru*

A new pilot corpus of law codes in Belarusian in Russian is analyzed. The NooJ processor was used to perform automatic tagging and identify cases of multiple tagging (about 17 %). Syntactic rules were proposed to improve the performance of the Belarusian NooJ module, in particular for determining part of speech, verb tenses and noun cases. The results can be used for automatic translation and speech synthesis.

Keywords: automatic text processing; verb tense; homonymy; polysemy; ambiguity; NooJ linguistic processor; text corpus.

Как известно, язык является знаковой системой, а знаки – двусторонними сущностями, то есть имеют план содержания и план выражения. Соотношение между двумя планами не всегда простое, симметричное. В связи с этим и выделяются синонимы, омонимы и многозначные слова. В качестве конструкторов, понятий омонимия и полисемия различаются, однако разграничить их на практике получается не всегда. Кроме того, известны факты частичного сходства планов выражения (ср. омоформы, омофоны, омографы) [1; 2]. В некоторых случаях полезно разде-

лать все эти виды совпадений, однако для автоматического анализа текстов не всегда важны указанные терминологические различия — главным оказывается более конкретный вопрос о том, можно ли однозначно понять ту либо иную форму или нет. Поэтому в компьютерной лингвистике довольно распространено обобщающее наименование «неоднозначность» или «неопределённость». И, соответственно, задача прояснения смысла называется «снятие, решение, ликвидация и т. д. неоднозначности». Так, создатели Национального корпуса русского языка отмечали: «Различия в разметке и в системах автоматического разрешения неоднозначности (WSD – word-sense disambiguation) определяются, прежде всего, тем, каковы потребности пользователей конечного продукта и каким способом (и с какими затратами) разработчики собираются добиться нужного результата» [3, с. 445], см. также [4]. Таким образом, в нашей статье анализируются случаи полисемии и омонимии, а также близкие к ним, без детализации различий в терминах.

Ряд законодательных актов нашей страны, начиная с Конституции, гарантирует равноправие двух государственных языков. В частности, в законе «О нормативных правовых актах» установлено следующее:

– «основными требованиями нормотворческой техники являются... ясность, простота и доступность языка изложения нормативного правового акта...» (ст. 28);

– «нормативный правовой акт принимается (издается) уполномоченным на то нормотворческим органом (должностным лицом) на белорусском и (или) русском языках» (ст. 54);

– «официальное опубликование нормативных правовых актов осуществляется на том государственном языке (языках), на котором они приняты (изданы), и с учетом требований, установленных законодательными актами» (ст. 60).

В Беларуси действует 27 кодексов, причем на белорусском языке был принят только один из них – Кодекс о культуре. Для исправления такой несимметричности и обеспечения равного доступа граждан к правовой информации был начат перевод законодательных актов на белорусский язык. В эту деятельность включились специалисты Академии наук, ряда вузов и других организаций, и некоторые из них в 2018 году объединились в рамках проекта Института проблем информатики НАН [5]. Кроме того, «в соответствии с поручением, данным Главой государства 1 марта 2019 г. в ходе “Большого разговора с Президентом”, при Национальном центре правовой информации был создан экспертный совет по переводу законодательных актов на белорусский язык. В состав экспертного совета вошли представители Администрации Президента Республики Беларусь, Национальной академии наук Беларуси, Палаты

представителей Национального собрания, Министерства юстиции, Министерства культуры, Национального центра правовой информации, Национального центра законодательства и правовых исследований, ведущих вузов страны и иных организаций, в том числе негосударственных, например общественного объединения «Товарищество белорусского языка имени Франциска Скорины»» [6].

В Институте проблем информатики белорусская версия кодексов готовилась с использованием современных компьютерных сервисов, которые помогают осуществлять перевод и вычитку текстов. В результате работы над правовыми актами была собрана коллекция кодексов. На их основе были подготовлены параллельный подкорпус «Белорусского Н-корпуса», а также, с помощью программы «Нудж», репрезентативный локальный корпус. Его характеристики: 52 463 словоупотребления, 40 647 словоформ, 1 796 цифр, 10 020 пробелов и знаков препинания, 83 788 тэгов. В ряде случаев автоматический модуль предложил несколько вариантов разметки, то есть выявил омонимы, омографы и подобные случаи, всего 3 172 (подробнее см. [7]). Самые частые из них, с частотой более 10, были классифицированы и анализируются далее.

Так, были обнаружены следующие неоднозначности:

1) грамматические (омоформы), когда одному плану выражения соответствует несколько граммов, например: *несла* – женский и средний род глагола; *закон, Беларусь* – именительный и винительный падеж существительного;

2) омоформы, связанные с категорией одушевленности: *асоба* – человек или организация; *эмбрыён* (одушевленное или нет); *новага, гэтага, нашага* и др. – род. падеж или вин. падеж прилагательных и местоимений: *няма новага (чалавека, дома) – бачу новага (чалавека)*;

3) предлоги, управляющие разными падежами: *у, на* и др.;

4) частичное совпадение парадигмы и синтаксической функции у слов разных частей речи: *рабочы* ‘1) существительное; 2) прилагательное’, *таксама* ‘наречие; союз; частица’;

5) лексико-грамматическая неоднозначность: *які* ‘1) местоимение; 2) мн. число существительного *як*’, *дзікі* ‘1) прилагательное; 2) животное «кабан»’, *варта* ‘1) охрана; 2) предикативное слово «стоит»’, *правы* ‘1) прилагательное «правый»; 2) существительное «право»’;

6) совпадение разрядов местоимений: *яго, гэта*.

Были выявлены и смешанные случаи; ср., например, *далей*: 1) сравнительная степень наречия *далеко*, т. е. «дальше», 2) наречие «в дальнейшем»; 3) родительный мн. ч. от слова *даль*: *гэтых далей* (наряду с *гэтых даляў*).

Для сокращения случаев неоднозначности был привлечен морфоло-

гический анализатор «Нудж». В ряде примеров он верно определяет разряд или грамматическую форму, но нередко выдает несколько вариантов разметки, что связано с недостаточной разработанностью формальных грамматик для белорусского языка. В связи с этим было принято решение подготовить частные формальные правила, которые можно было бы добавить к общему белорусскому модулю, созданному в 2012 году в лаборатории анализа и синтеза речи Национальной академии наук Беларуси.

Ниже представлено правило, позволяющее выбирать между местоимением *мае* и глаголом *мае* (рис. 1). Оно является одним из примеров автоматических синтаксических правил, помогающих прояснять случаи совпадения глагольных и именных форм (ср., также *складзе* (сущ.) – *складзЕ* (глагол), *разрываў* (сущ.) – *разрываў* (глагол) и др.).

Так, до его применения мы получали три варианта разметки словоформы в предложениях типа следующего:

пасажыр – фізічная асоба, якая мае праязны дакумент (білет), што сведчыць заключэнне дагавора перавозкі пасажыра ўнутраным водным транспартам... (Кодэкс унутранага воднага транспарту Рэспублікі Беларусь)

<мой, PRONOUN+FLX=МОЙ+Case=Accusative+Animation=Inanimate+Number=Plural+Group=Possessive>

<мой, PRONOUN+FLX=МОЙ+Case=Nominative+Number=Plural+Group=Possessive>

<мець, VERB+FLX=МЕЦЬ+Person=3+Aspect=Imperfective+Mood=Indicative+Tense=Present+Number=Singular>

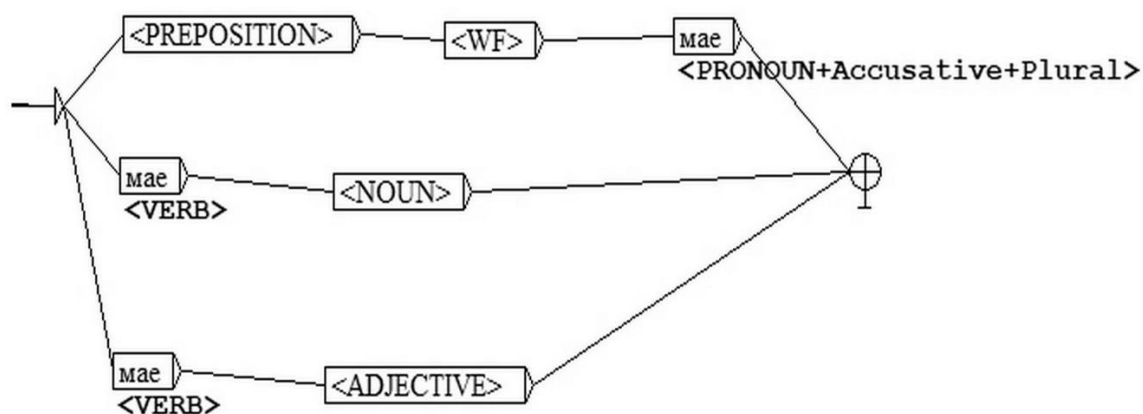

Рис. 1. Автоматическое правило для тэгирования формы *мае*

Второе и третье правило помогают различить родительный и да-

тельный падежи у существительных мужского рода на -у/-ю: *роду, краю* (рис. 2 и 3). Ср. неоднозначность разметки в примере ниже:

*У гэтым выпадку сума ў афіцыйнай грашовай адзінцы Рэспублікі Беларусь... вызначаецца па афіцыйным курсе адпаведнай валюты або ўмоўных (разліковых) грашовых адзінак на дзень **плацяжу**...* (Банкаўскі кодэкс)

<плацеж, NOUN+FLX=AAJIT+Meaning=Common+Case=Dative+
+Animation= Inanimate+Gender=Masculine>

<плацеж, NOUN+FLX=AAJIT+Meaning=Common+Case=Genitive+A
nimation= Inanimate+Gender=Masculine>

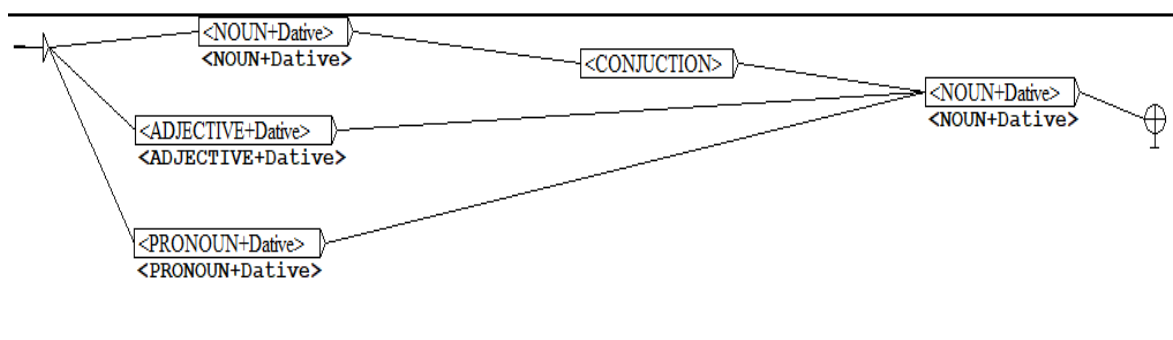

Рис. 2. Автоматическое правило для выявления форм дательного падежа существительных мужского рода

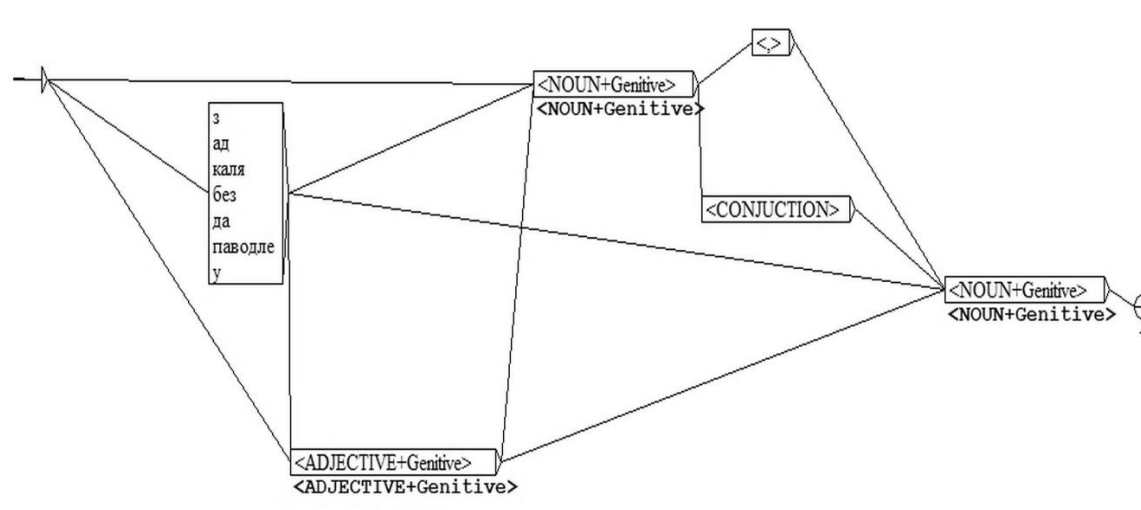

Рис. 3. Автоматическое правило для выявления форм родительного падежа существительных мужского рода (подготовили В. В. Воронович и Н. В. Супрунчук)

Таким образом, работа над параллельным белорусско-русским юридическим корпусом, подготовленным в рамках сотрудничества ряда специалистов по проекту лаборатории анализа и синтеза речи НАН Беларуси, позволяет сделать важные наблюдения над автоматической размет-

кой белорусских текстов. Были выявлены типы неоднозначности (лексическая, грамматическая, лексико-грамматическая омонимия и многозначность). В рамках экспериментального корпуса из 52 тысяч словоупотреблений обнаружено около 9 тысяч неоднозначных, т. е. около 17 % случаев требуют дополнительной разметки (автоматической или ручной). Предложены автоматические правила (NooJ grammars), позволяющие частично выполнять эту задачу. Выявлены показатели для разграничения формально идентичных форм глагола и существительного. Результаты исследования могут быть использованы при лингвистическом анализе текстов на белорусском языке, для компьютерного перевода и синтеза речи.

Библиографические ссылки

1. Зализняк А. А. Феномен многозначности и способы его описания // Вопросы языкознания. 2004. № 2. С. 20–45.
2. Старычонок В. Дз. Мнагазначнасць слова ў беларускай мове : у 3 кн. Мінск : Колорград, 2017.
3. Многозначность как прикладная проблема: лексико-семантическая разметка в Национальном корпусе русского языка / Е. В. Рахилина и др. // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: труды международной конференции «Диалог 2006» / под ред. Н. И. Лауфер. М. : Изд-во РГГУ, 2006. С. 445–460.
4. Automatic Disambiguation of the Belarusian-Russian Legal Parallel Corpus in NooJ / V. Varanovich [et al.] // The 17th NooJ International Conference 2023 : book of abstracts / University of Zadar ; ed. L. Mijić [et al.]. Zadar : University of Zadar, 2023. P. 53–54.
5. Распрацоўка і развіццё лінгвістычнай базы ведаў юрыдычнай тэматыкі для сістэм машыннага перакладу і сінтэзу вуснага маўлення / Ю. С. Гецэвіч [і інш.] // Развитие информатизации и государственной системы научно-технической информации (РИНТИ-2021): доклады на XX Международной научно-технической конференции / отв. ред. А. В. Тузиков. Минск : ОИПИ НАН Беларуси, 2021. С. 184–188.
6. Одобрен перевод Избирательного кодекса на белорусский язык. 11 ноября 2019 г. [Электронный ресурс]. URL: https://ncpi.gov.by/about/history/2019/odobren-perevod-izbiratel'nogo-kodeksa-na-belorusskiy-yazyk/?sphrase_id=311554 (дата обращения: 28.03.2024).
7. Creation of a legal domain corpus for the Belarusian module in NooJ: texts, dictionaries, grammars / V. Varanovich [et al.] // Communications in Computer and Information Science. 2022. Vol. 1758. Springer, Cham. P. 151–162. https://doi.org/10.1007/978-3-031-23317-3_18.

УДК 811.161.1

**ЛЕКСИЧЕСКИЕ И ГРАММАТИЧЕСКИЕ ИЗМЕНЕНИЯ
В РУССКОМ ЛИТЕРАТУРНОМ ЯЗЫКЕ КОНЦА XVIII –
НАЧАЛА XIX ВЕКА (КОРПУСНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ)**

О. А. Фелькина

*Брестский государственный университет имени А. С. Пушкина,
бул. Космонавтов, 26, 224060, г. Брест, Беларусь, felkina@yandex.ru*

На материале Национального корпуса русского языка выявляются некоторые лексические и грамматические изменения в русском литературном языке конца XVIII – начала XIX века (изменения в порядке слов и длине предложения, в частотности прилагательных и эмоциональной лексики), устанавливается их связь с литературными направлениями и особенностями идиостилей писателей.

Ключевые слова: лингвистический корпус; русский литературный язык.

**LEXICAL AND GRAMMATICAL CHANGES
IN THE RUSSIAN LITERARY LANGUAGE OF THE LATE XVIII –
EARLY XIX CENTURY (CORPUS STUDY)**

O. A. Felkina

*Brest State University named after A. S. Pushkin,
Kosmonavtov blvd., 26, 224060, Brest, Belarus, felkina@yandex.ru*

Russian Russian National Corpus reveals some lexical and grammatical changes in the Russian literary language of the late XVIII – early XIX century (changes in the order of words and sentence length, in the frequency of adjectives and emotional vocabulary), establishes their connection with literary trends and idiosyncrasies of writers.

Keywords: linguistic corpus; Russian literary language.

В течение всего XVIII в. активно развивался процесс европеизации русского языка, со второй половины века – под сильным влиянием французской культуры. «Старокнижная языковая культура вытеснялась ново-европейской... Однако – при всем богатстве и разнообразии форм литературного выражения – в общерусском национальном языке еще не было твердых норм – ни грамматических (особенно синтаксических), ни словарных, тем более что высокий слог и прикрепленные к нему жанры старели или заметно эволюционировали в сторону сближения с живой разговорной речью, а простой слог с его вульгаризмами и диалектизмами уже не отвечал развитому вкусу европеизированной дворянской интел-

лигенции» [1, с. 43]. Уже В. К. Тредиаковский и А. П. Сумароков осознавали необходимость выработки языка светского общения – по типу французского и других новоевропейских языков. «Не педант и не ученый, представитель узкой специальности, а светский человек провозглашается творцом образцового языка» [1, с. 44]. Однако процесс формирования такого языка занял несколько десятилетий, и главную роль в его оформлении обычно отводят Н. М. Карамзину: «Особенное значение для истории русского языка имела литературная деятельность Н. М. Карамзина, с именем которого современники связывали создание “нового слога российского языка”» [1, с. 43]. Несомненно, этот писатель внес неоценимый вклад в русскую культуру, но таким ярким личностям иногда приписывают заслуги их менее известных современников. Так, еще пару лет назад статья о Н. М. Карамзине в Википедии начиналась перечислением тринадцати якобы его неологизмов, семь из которых, по данным Национального корпуса русского языка (далее НКРЯ) [2], использовались до того, как был опубликован первый литературный опыт Н. М. Карамзина (*впечатление, моральный, гармония, эпоха, сцена, будущность, трогательный*; в настоящее время статья уже отредактирована).

Использование лингвистических корпусов дает возможность на более широком материале проверить как уже устоявшиеся представления о развитии русского литературного языка, так и новые гипотезы. Цель нашего исследования – на материале НКРЯ выявить лексические и грамматические изменения в русском литературном языке конца XVIII – начала XIX века и установить их связь с литературными направлениями и особенностями писателей.

Под влиянием французского языка русскоязычные тексты постепенно избавляются от сложных латинско-немецких периодов, особенно характерных для канцелярского слога. В опубликованном в 1796 г. «Сокращенном курсе российского слова» В. И. Подшивалова указывалось, что «промежутки от одной точки до другой в старину бывали очень велики, так что периода одним духом весьма часто выговаривать было не можно; но ныне употребляются по большей части пункты коротенькие, по причине трудного понимания длинных. Слов 8, 10 и 15 в периоде, так и довольно» [цит. по: 3, с. 189]. Так, в художественных произведениях 1759–1765 гг., включенных в НКРЯ, средняя длина предложения составляет 26,5 слов (от 19,8 до 33,8 слова), в книге М. Д. Чулкова (1740 г. р.) «Пересмешник, или Славенские сказки», написанной в 1766–1768 гг., – 23,8 слова, тогда как в «Бедной Лизе» Н. М. Карамзина (1766 г. р.), изданной в 1792 г. – 12,9. Еще короче предложения – в среднем 11,7 слов – в вышедшей в 1790 г. книге М. Н. Муравьева (1757 г. р.) «Обитатель

предмestia». В конце XVIII – начале XIX века уже наблюдается существенная разница между художественными и публицистическими текстами. Например, в статье Н. М. Карамзина «Что нужно автору?» (1794) длина предложения заметно больше, чем в «Бедной Лизе», – 22,3 слова. В публикации А. С. Пушкина «Мои замечания об русском театре» (1820) средняя длина предложения 16,1 слова, тогда как в повестях «Барышня-крестьянка» (1830) и «Арап Петра Великого» (1828) – 13,8.

Из сложных предложений исчезают некоторые устаревшие союзы. Так, союз *ежели* М. Д. Чулков в «Пересмешнике» использовал 12 раз, тогда как Н. М. Карамзин в «Бедной Лизе» – ни разу. Не встретился этот союз и во включенных в НКРЯ произведениях М. Н. Муравьева (1757 г. р.), П. Ю. Львова (1770 г. р.), В. В. Измайлова (1773 г. р.) и др.

В рамках простого предложения русские писатели также отходят от неестественного и затрудняющего понимание порядка слов. Так, в составном глагольном сказуемом инфинитив должен следовать за вспомогательным глаголом, но до конца XVIII в. часто встречались отступления от такого порядка. Например, М. Д. Чулков в «Пересмешнике» 19 раз использует конструкции типа *опасаться надлежит, утратить не может, увидеть не надеялась, сказать не смею, отшучиваться умеет* и др. Предложения с обратным расположением встречаются чаще – 222 примера (в 11,7 раз больше). В «Бедной Лизе» Н. М. Карамзина в 95 случаях порядок расположения элементов составного глагольного сказуемого прямой, и лишь в пяти – обратный (разница в 19 раз). А. С. Пушкин в «Арапе Петра Великого» ни разу не нарушает прямой порядок, а в «Барышне-крестьянке» нарушений только два: *А позднее я говорить умею прекрасно; вырисовывать буквы стала довольно порядочно*. Сказуемых с естественным расположением частей сказуемого в двух названных произведениях 230, т. е. в 115 раз больше.

Порядок слов привлекает пристальное внимание не только писателей, но и языковедов конца XVIII – начала XIX века. И. И. Давыдов посвящает этой проблеме отдельный труд – «Опыт о порядке слов» (1816). Одно из требований этого времени касается расположения дополнений, зависимых от глагола: последнее место принадлежит прямому дополнению в винительном падеже, а дополнения в дательном и творительном падежах размещаются перед ним. У Н. М. Карамзина в «Бедной Лизе» нарушений такого порядка только два: *Платоническая любовь уступила место таким чувствам...; посвятив искренний вздох Лизе своей*. При этом в первом примере выражение *уступила место* можно рассматривать как устойчивое. Примеров, когда прямое дополнение стоит после косвенного, в данной повести 9 (в 4,5 раза чаще). М. Д. Чулков в «Пересмешнике» располагает прямое дополнение перед косвенным

13 раз, а после – 60 (в 4,6 раза чаще). В упомянутых повестях А. С. Пушкина разница еще больше – 6 и 52 (в 8,7 раза), в «Записках сумасшедшего» и «Шинели» Н. В. Гоголя – 3 и 37 случаев (в 12,3 раза) и др. Таким образом, требование к определенному расположению дополнений в произведениях XIX в. реализуется гораздо более последовательно.

Синтаксические особенности текстов могут быть связаны с литературным направлением, в рамках которого они написаны. Так, для литературы сентиментализма характерно большое количество определительных конструкций, соответственно более частое использование прилагательных, особенно качественных. Если в среднем по произведениям 1760–1850 гг. прилагательные составляют 6,9 %, то в произведениях Н. М. Карамзина – 9,3 %, у сентименталиста В. В. Измайлова – 10 %. При этом у А. С. Пушкина и Н. В. Гоголя доля прилагательных совпадает со средним числом по периоду 1760–1850 гг., а у М. Ю. Лермонтова составляет 7 %. Доля качественных прилагательных у Н. М. Карамзина больше, чем у А. С. Пушкина: 63 и 57 % соответственно. Но в идиостилиях Н. В. Гоголя и М. Ю. Лермонтова качественные прилагательные играют значительно более важную роль, их доля составляет соответственно 62 и 68 %.

Частота использования слов, связанных с эмоциональной сферой, еще более существенно зависит от литературного направления, к которому принадлежит автор. Например, существительное *сердце* у сентименталистов встречается с частотой 2792–8162 ipm, тогда как у других авторов – не больше 1210 ipm; слов, начинающихся на *нежн-*, у представителей сентиментализма 1781–2357 ipm, у писателей XIX в. – не более 403 ipm и т. п. Данные по некоторым словам эмоциональной сферы обобщены в следующей таблице.

**Частота использования характерных для сентиментализма слов
у разных авторов (в ipm)**

Авторы	<i>сердце</i>	<i>милый</i>	<i>нежн*</i>	<i>слеза</i>	<i>душа</i>	<i>утеш*</i>	<i>любез*</i>
М. Д. Чулков	857	71	1000	429	143	286	214
Н. М. Карамзин	4552	2771	1781	2969	2573	594	2573
П. Ю. Львов	2792	1396	1840	1523	1777	317	1337
В. В. Измайлов	8162	2127	2357	1782	2759	690	1437
А. С. Пушкин	1210	1008	403	471	807	403	202
Н. В. Гоголь	359	60	180	60	359	0	60
М. Ю. Лермонтов	1130	433	361	481	1058	168	313

Как видно из таблицы, исключение составляют слова, начинающиеся на *утеш-*, которые у А. С. Пушкина встречаются чаще, чем

у сентименталиста П. Ю. Львова. При этом, по данным НКРЯ, пик частотности таких слов приходится на 1804–1809 гг. (549–562 ipm), тогда как существительное *утешение* было наиболее частотным в 1799–1803 гг.

На основе проведенного анализа можно сделать ряд выводов. Во-первых, к концу XVIII в. существенно сокращается длина предложения в художественных текстах на русском языке, по этому признаку они начинают заметно отличаться от публицистических. Во-вторых, благодаря усилиям писателей, обладающих хорошим языковым вкусом, а также языковедов, постепенно устраняются необоснованные нарушения естественного для русского языка порядка слов. Отступления от обычного порядка начинают восприниматься как семантически или стилистически обоснованные. На это указывал И. И. Давыдов в «Опыте о порядке слов», об этом же говорит Н. М. Карамзин в статье «О русской грамматике француза Модрю»: «Мне кажется, что для переставок в русском языке есть закон: каждая дает фразе особый смысл... Лучший, то есть истинный, порядок всегда один для расположения слов; русская грамматика не определяет его: тем хуже для дурных писателей» [цит. по 3, с. 188]. В-третьих, на выбор слов, синтаксических конструкций и грамматических форм влияет литературное направление, к которому принадлежит автор. В частности, в сентименталистских произведениях более часто используются прилагательные и лексика, связанная с эмоциональной сферой. В то же время каждый автор обладает творческой индивидуальностью, и, например, П. Ю. Львов по частоте употребления слов *сердце* и *милый* оказался ближе к А. С. Пушкину, чем к «собрату» по литературному направлению В. В. Измайлову.

Библиографические ссылки

1. *Виноградов В. В.* Основные этапы истории русского языка // Виноградов В. В. Избранные труды. История русского литературного языка. М., 1978. С. 10–64.
2. Национальный корпус русского языка. URL: <https://ruscorpora.ru/> (дата обращения: 13.03.24).
3. *Виноградов В. В.* Очерки по истории русского литературного языка XVII–XIX веков. М. : Высш. шк., 1982.

СЕКЦИЯ III ПРОБЛЕМЫ ДИСКУРС-АНАЛИЗА И ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ ТЕКСТА

УДК 343.148:81'33

ЭМОТИКОНЫ И ЭМОДЗИ КАК ОБЪЕКТЫ СУДЕБНОЙ АВТОРОВЕДЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ

А. В. Бабук

*Научно-практический центр Государственного комитета судебных экспертиз
Республики Беларусь, ул. Филимонова, 25, 220114, г. Минск, Беларусь,
alexander-babuk@yandex.ru*

Статья посвящена проблеме исследования эмодзи в судебной автороведческой экспертизе. В связи с распространением текстов компьютерно-опосредованной коммуникации и поступлением их на экспертизу возникает необходимость в создании соответствующих программ, сочетающих качественные и количественные методы исследования, предполагающие анализ эмодзи и эмодзи, которые также выступают в качестве маркеров авторства.

Ключевые слова: эмодзи; эмодзи; судебная автороведческая экспертиза; лингвостатистический анализ текста.

EMOTICONS AND EMOJI AS OBJECTS OF FORENSIC AUTHORSHIP

A. V. Babuk

*Scientific and Practical Center (SPC) of The State Forensic Examination Committee of
The Republic of Belarus, Filimonov St., 25, 220114, Minsk, Belarus,
alexander-babuk@yandex.ru*

The article is dedicated to the problem of studying emoji in forensic authorship. In connection with the spread of computer-mediated communication texts and their submission for examination, there is a need to create appropriate programs that combine qualitative and quantitative research methods that are supposed to analyze emoticons and emoji that are also represented as authorship markers.

Keywords: emoticons; emoji; forensic authorship; linguistic and statistic analysis of the text.

В современных условиях слово все чаще становится инструментом правонарушения, а интернет-дискурс – ареной его совершения. Угроза, клевета, оскорбление, экстремизм, вовлечение в противоправную деятельность – все эти речевые инсинуации в настоящее время совершаются в основном в пространстве глобальной сети. Особенность такой коммуникации заключается в анонимности и опосредованности, где говорящий, опираясь на иллюзорное чувство свободы, вседозволенности, использует образ «виртуальной языковой личности» [1], в основе которой лежит никнейм и аватарка. С целью установления личности злоумышленника, в том числе и в интернет-дискурсе, во многих странах мира проводится судебная автороведческая экспертиза.

Судебная автороведческая экспертиза (далее – САЭ) – это судебно-экспертное исследование текста, проводимое с целью установления авторства текста по обличковым характеристикам человека (диагностическое исследование) или принадлежности текста личности конкретному автору (идентификационное исследование). В основе САЭ лежит социолингвистический профайлинг – создание речевого портрета автора текста по его обличковым характеристикам (возраст, пол, родной язык, профессиональная принадлежность и т. д.) с целью сужения круга подозреваемых лиц или установления принадлежности определенного текста конкретному человеку. Предметом САЭ выступают «фактические данные о личности и навыковой деятельности автора документа, условиях его составления, устанавливаемые экспертом-автороведом на основе специальных знаний при исследовании текста документа и иных материалов дела» [2, с. 18]. Объектами САЭ являются тексты различных видов и объемов, наиболее частотными из которых в современных условиях являются тексты компьютерно-опосредованной коммуникации – электронные письма, эссе, посты (сообщения) в соцсетях, чат-переписка и т. д.

В последнее время интернет-тексты, поступающие на экспертное исследование, все чаще содержат смайлики (от англ. *smile* – улыбаться), т. е. эмодзи и эмотиконы. Первоначально в компьютерно-опосредованной коммуникации использовались только эмотиконы (от англ. *emotion* + *icon*, т.е. эмоция + иконка) – невербальные компоненты коммуникации, созданные на основе графем и пиктограмм. Они выступают репрезентантами эмотивности текста, а также мимики, жестов, просодического компонента высказывания, которые коммуниканты не в состоянии выразить в интернет-дискурсе из-за опосредованности общения.

При этом представители разного пола и возраста используют эмодзи для разных коммуникативных целей. Так, соцпрос, проведен-

ный среди американских мужчин и женщин в 2015 г., показал, что 78 % женщин в компьютерно-опосредованной коммуникации больше используют эмодзи с целью эмоционального обогащения своих текстов, в то время как число опрошенных мужчин, прибегающих к применению данных невербальных компонентов коммуникации, составляет 60 %. При этом большинство женщин предпочитает выражать больше положительные эмоции посредством эмодзи, нежели отрицательные. Данные признаки, являющиеся маркерами женской половой принадлежности, в целом подтверждают социально-антропологическое представление (стереотип) о высокой эмоциональности женщин [3, р. 2].

В настоящее время в текстах компьютерно-опосредованной коммуникации чаще всего используются эмодзи (от япон. 絵 э – «картинка» и 文字 модзи, т. е. «знак», «символ»), выражающие не только эмотивность в тексте, но и различные идеи, артефакты, предметы быта и даже действия. Согласно электронной энциклопедии «Эмодзипедия» компанией Apple к сентябрю 2022 г. было создано 3 664 единиц эмодзи на основе Юникод Стандарт [4]. Широкое применение эмодзи объясняется особенностями работы мозга человека, который пытается затратить как можно меньше сил и энергии для решения той или иной речевой задачи. Отсюда возникает стремление человека передать максимально ярко выраженный смысл минимальными речевыми средствами, чем обосновывается минимизация объема вербального авторского текста и в то же самое время увеличение количества этих текстов, произведенных одним автором-коммуникантом в единицу времени. Например, если раньше до возникновения социальных сетей и мессенджеров поступающие на экспертизу тексты были большого объема (эссе, статьи), то теперь их вербальный объем совсем небольшой, но при этом них обязательно присутствует невербальный компонент, создаваемый в том числе и с помощью эмодзи. Рекомендуемый минимальный объем вербального текста, представленного на САЭ и позволяющего получить достаточное количество признаков для выводов эксперта, составляет 100–150 слов или 1000 знаков.

При этом понимание и осмысление используемых коммуникантами эмодзи также варьируется. Так, в 2018 г. был проведен опрос среди 519 учащихся и преподавателей университета штата Индиана молодого и старшего возраста, который выявил, что 92 % женщин и 78 % мужчин используют эмодзи в своих сообщениях социальной сети Фейсбук. При этом 58 % женщин и 47 % мужчин понимают смысл и значение эмодзи, встречаемых ими в социальных сетях в процессе коммуникации [3, р. 8]. Что касается возрастного диапазона субъектов, то 40 % этих опрошенных лиц возрастом до 30 лет иногда применяют эмодзи. Из них 61 % понимают значение и смысл встречающихся им в

жизни невербальных компонентов коммуникации [3, р. 9]. При этом большая часть опрошенных лиц старше 50 лет не понимают значение эмодзи, которые им регулярно встречаются в компьютерно-опосредованной коммуникации [3, р. 19].

В современных условиях многие интернет-пользователи продолжают использовать эмотиконы, игнорируя эмодзи в силу отсутствия навыка и понимания отличий данных невербальных компонентов коммуникации друг от друга. Как правило, они используют базовые эмотиконы, обозначающие улыбку – 😊, удивление – 😮 и плач – 😢. Это подтверждает социолингвистическое исследование, проведенное в университете среди студентов и преподавателей американского штата Мичиган в 2022 г., по результатам которого было установлено, что коммуникативные лидеры считают эмодзи более эффективными невербальными средствами, поэтому часто прибегают к их использованию в различных сферах – рекламе, переписке с друзьями, неформальному общению с коллегами по работе и т. д. Согласно данному исследованию большинство пользователей, которые не являются коммуникативными лидерами, предпочитают использовать эмотиконы в коммуникации [5, р. 12] в силу знания и понимания их значений, смыслов, а также ошибочного представления о том, что эмодзи применяются только для выражения эмотивности в коммуникации. Преимущественное использование эмодзи коммуникативными лидерами в диалогах наталкивают автора эксперимента к выводу о важности эмодзи в диалогической речи [5, р. 15], что указывает на невербальные компоненты как на средства речевого воздействия, способствующие развитию динамики в коммуникации и используемые говорящим с лингвопрагматической целью получения желаемого результата.

Согласно социолингвистическим исследованиям, из 10573 различных вариантов эмодзи наиболее популярными среди всех половозрастных групп являются лицевые эмодзи (смайлики) – 😊, сердечки – ❤️, предметы – 🍷 и жесты – 🙌. Возраст респондентов, наиболее активно использующих лицевые эмодзи, составляет 20–29 лет; сердечки – 14–19 лет и 40+ лет; предметы – 40+ лет; жесты – 30–39 лет. При этом в возрасте 14–19 лет 53,9 % мужчин используют эмодзи в повседневной коммуникации, что составляет наибольшее число мужчин рассматриваемой группы, в возрасте 20–29 лет; 75,1 % женщин использует эмодзи в повседневной коммуникации, что составляет наибольшее число женщин из данной половозрастной группы респондентов [6, р. 47].

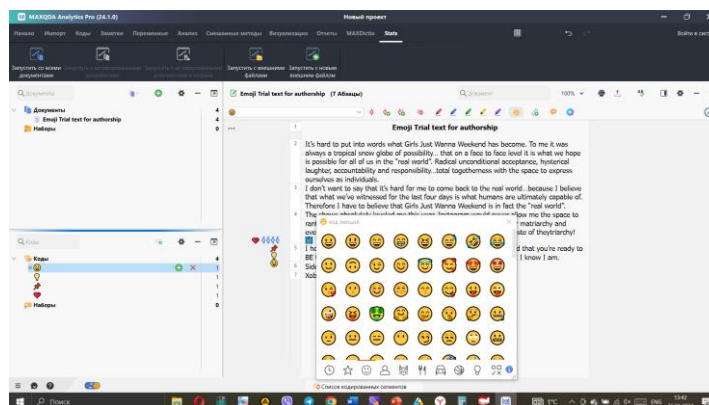
Успешное проведение САЭ в современных условиях требует соблюдение от эксперта ряда условий. При исследовании текста компьютерно-опосредованной коммуникации одним из таких условий является

наличие операционной системы со всеми последними обновлениями, соответствующими версии кода конфигурации поступивших на экспертизу объектов. Так, например, если Юникод использованных в тексте эмодзи соответствует операционной системе Apple мобильного устройства 12 iPhone, то установленная для проведения исследования версия операционной системы должна быть не ниже этой версии. В противном случае данные семиотические знаки не поддаются распознаванию, и соответственно проводить исследование не представляется возможным. Кроме того, необходимо соблюдать определенные меры предосторожности для обеспечения целостности и сохранности подобного рода доказательств, поскольку они могут быть подвергнуты различным изменениям и разрушению в процессе проведения экспертизы [7, р. 4].

Для получения более достоверных данных эксперту приходится исследовать большое количество текстов в единицу времени, вот почему другим условием проведения САЭ на современном этапе является использование передового программного обеспечения актуальной версии. Поскольку современные тексты компьютерно-опосредованной коммуникации отличаются небольшим объемом с минимальным набором вербального компонента, в САЭ чаще применяется компьютерное обеспечение, сочетающее в себе синтез лингвоквантитативных и качественных методов анализа текста.

Одной из таких программ, используемых в настоящее время в зарубежных странах, позволяющих исследовать в том числе эмодзи, является MAXQDA 2024. Данная программа, сочетающая в себе количественные и качественные методы исследования, позволяет проводить анализ англоязычного текста на основе создания сегментированной матрицы кодировки. Программа предоставляет возможность осуществлять лингвостатистический анализ объектов исследования путем трансформации текста в систему кодифицированных данных, включая невербальные компоненты коммуникации [8]. Проблема анализа эмодзи заключается в том, что их кодировка значительно отличается от кодировки традиционных звуко-буквенных символов, используемых в тексте. Вот почему, опираясь на имеющуюся виртуальную библиотеку, которая состоит из более чем 3000 видов невербальных компонентов коммуникации, все содержащиеся в тексте эмодзи посредством данной программы преобразовываются в так называемый эмодзикод (Emoticode), который в свою очередь затем преобразовывается в числовые данные (токиены), необходимые для статистического анализа. Программа MAXQDA 2024 распространяется на коммерческой основе, но при этом в открытом доступе существует демонстрационная 14-дневная русскоязычная версия, по-

средством которой можно ознакомиться с ее основными функциями (рисунк):

Кодификация эмодзи в исследуемом тексте

Считаю, что принципы работы данной программы могут быть положены в разработку отечественного аналога для проведения САЭ с учетом наличия в тексте невербальных компонентов коммуникации и специфики лингвостатистических методов анализа на современном этапе.

Таким образом, эмодзи являются популярными элементами среди субъектов компьютерно-опосредованной коммуникации, где интернет-дискурс все чаще становится ареной правонарушения, а слово – инструментом его совершения. Этим объясняется необходимость установления авторства текста в компьютерно-опосредованной коммуникации, для чего проводится судебная автороведческая экспертиза. Установленная высокая и низкая популярность эмодзи среди данных половозрастных групп в названных исследованиях может быть использована в качестве примера выявления маркера пола и возраста автора текста. Это, на наш взгляд, может быть положено в основу разработки отечественного аналога программы MAXQDA 2024, что в конечном итоге окажет содействие следствию как в сужении круга подозреваемых лиц (диагностическая экспертиза), так и в установлении тождества или различия принадлежности текста конкретному человеку (идентификационная экспертиза).

Библиографические ссылки

1. Лутовинова О. В. Виртуальная языковая личность: к определению понятия // Мир науки, культуры, образования. 2015. № 50. С. 288–292.
2. Моисеева Т. Ф., Огорелков И. В. Судебная автороведческая экспертиза: учеб. пособие. М. : РГУП, 2022.

3. *Herring C. S., Dainas A. R.* Gender and Age Influences on Interpretation of Emoji Functions // *ACM Transactions on Social Computing*. vol. 3. Issue 2. P. 1–26.
4. *Emoji statistics* [Electronic resource]. URL: <https://emojipedia.org/stats>, (date of access: 25.01.2024).
5. *Marko K.* “Depends on Who I’m Writing To” – The Influence of Addressees and Personality Traits on the Use of Emoji and Emoticons, and Related Implications for Forensic Authorship Analysis // *Frontiers in communication*. Vol. 7. March 2022. P. 1–17.
6. *Marko K.* Exploring the Distinctiveness of Emoji Use for Digital Authorship Analysis Language and Law // *Linguagem e Direito*. Vol. 7(1-2). 2020. P. 36–55.
7. *Pei J.* Deciphering emoji variation in courts: a social semiotic perspective // *HUMANITIES AND SOCIAL SCIENCES COMMUNICATIONS*. 2022. N. 9(445). P. 1–8.
8. *Gizzi M. C., Rädiker S.* The practice of qualitative data analysis. Research examples using MAXQDA. Berlin : MAXQDA Press, 2021.

ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНЫЕ МЕТАФОРЫ У СУЧАСНЫМ БЕЛАРУСКИМ ДЫСКУРСЕ

А. С. Васілеўская

*Беларускі дзяржаўны педагагічны ўніверсітэт імя Максіма Танка,
вул. Савецкая, 18, 220030, г. Мінск, Рэспубліка Беларусь, wasilewska@bspu.by*

У артыкуле разглядаюцца традыцыйныя і інавацыйныя мадэлі ўтварэння экзістэнцыяльных метафар, характэрных для беларускай мастацкай і публіцыстычнай літаратуры ХХІ ст. Аўтар артыкула аналізуе назоўнікі і дзеясловы, якія раней не ўжываліся з пераносным значэннем у беларускай літаратурнай мове. На падставе праведзенага аналізу выяўляюцца асноўныя матывы пры апісанні жыцця ў сучасным беларускім дыскурсе.

Ключавыя словы: экзістэнцыяльныя метафары; фрэйм; канцэптуальныя метафары; сучасны беларускі дыкурс.

EXISTENTIAL METAPHORS IN MODERN BELARUSIAN DISCOURSE

A. S. Vasilevskaya

*Maxim Tank Belarusian State Pedagogical University,
Soviet St., 18, 220030, г. Minsk, Republic of Belarus, wasilewska@bspu.by*

The article examines traditional and innovative models of creating existential metaphors, characteristic of Belarusian fiction and non-fiction literature of the 21st century. The author of the article analyzes nouns and verbs that were not previously used figuratively in the Belarusian literary language. Based on the analysis, the main motives for describing life in modern Belarusian discourse are revealed.

Keywords: existential metaphors; frame; conceptual metaphors; contemporary Belarusian discourse.

Паводле семантычнай характарыстыкі да экзістэнцыяльных адносяцца метафары, «арыентаваныя на выяўленне разнастайных аспектаў быцця чалавека, яго дзейнасці, асаблівасцей успрымання, разумення і ацэньвання асобай жыцця і навакольнай рэчаіснасці» [1, с. 72].

Падобныя метафары не раз становіліся аб'ектам увагі лінгвістаў. Апісанне разнастайных мадэляў субстантыўных экзістэнцыяльных метафар у беларускім дыскурсе знаходзім у манаграфіі В. Д. Старычонка «Метафара ў беларускай мове» [1], дзе аўтар вылучае найбольш

прадуктыўныя мадэлі метафарычных пераносаў, апісвае іх вобразна-выяўленчую вартасць. Даследаванне В. Д. Старычонка заснавана на мастацкіх і публіцыстычных творах XIX–XXI стст. Нам цікава было выявіць, наколькі змяніліся падыходы да апісання і ацэнкі жыцця ў сучасным беларускім мастацкім і публіцыстычным дыскурсе. Адказ на гэтае пытанне мы знойдзем, прааналізаваўшы назоўнікі і дзеясловы, якія раней не ўжываліся з пераносным значэннем у беларускай літаратурнай мове.

Мы паспрабуем пабудаваць фрэймавую мадэль апісання жыцця праз метафарычнае ўжыванне слоў. Фрэйм уяўляе сабой фрагмент найўнай моўнай карціны свету [2, с. 195], які структурыруе веды пра тыпізаваную, стэрэатыпную сітуацыю і элементы якога іерархічна ўзаемадзеінічаюць паміж сабой [3, с. 238]. «Фрэйм можна ўявіць у выглядзе двухузроўневай структуры, вяршыню якой складаюць адзінкі, найбольш характэрныя для дадзенага ўзроўню. Другі ўзровень запоўнены магчымымі адзінкамі, якія могуць вар’іравацца ў структуры фрэйма ў залежнасці ад сітуацыі» [4, с. 27].

Калі гаварыць пра фрэйм «Жыццё чалавека», то, на наш погляд, першы яго ўзровень будуць складаць метафары, якія можна назваць канцэптуальнымі. Канцэптуальныя метафарычныя мадэлі, па меркаванні Н. А. Кузьміной, заснаваны на архетыпах – абагульненні бясконцых тыповых вопытаў пакаленняў [2, с. 193]. Архетып указвае накірунак пошуку моўных форм, акрэслівае тую семантычную сферу, з якой выбіраюцца лексічныя адзінкі для перадачы пэўных сэнсаў [2, с. 196]. У выніку старажытных метафарычных формул набываюць новае гучанне і яркія выяўленчыя магчымасці.

Такой канцэптуальнай метафарай з’яўляецца мадэль **жыццё** → **рух**. Традыцыйна гэтая мадэль рэалізуецца праз супастаўленне жыцця з рознымі транспартнымі сродкамі: **воз**, **цягнік**, **поезд**, **лакаматыў**, **экспрэс** і інш. [1, с. 75]. У сучасным мастацкім і публіцыстычным дыскурсе гэтая мадэль набывае новае гучанне праз метафарызацыю назоўнікаў **віраж** ‘паварот самалёта, карабля з крэнам або паварот па крывой аўтамашыны, веласіпеда і пад.’: *На якім ні былі б мы жыцця **віражы*** (Г. Загурская); *Будучы аўтсайдар, якога жыццё будзе валачы за каршэнь ды даваць выспятка на **віражах*** (К. Травень); **грабок** ‘захоп вады рукой пры плаванні або вяслом пры веславанні’: *Шлях туды, разумею, далёкі – і ўжо з кожным **грабком** адчуваю, што і поўдзень жыццёвы высока, і плыву я – нібы адплываю...* (А. Зэкаў); дзеясловаў **веславаць** ‘грабці вёсламі’: *Адзін **веславаў** ці параю – З другою сваёй паловаю Без розніцы там, за хмарамі, Дзе ўсё незнаёма-новае* (М. Шабовіч); **вандраваць** ‘падарожнічаць, рабіць падарожжа’: *Нястомна **вандруе** на горадзе ценом былое* (В. Марцін душ Рэйш). Гэтыя

метафары дазваляюць рэалізаваць, з аднаго боку, ідэю няспыннасці жыцця, яго хуткацечнасці, з другога, адказнасці чалавека за свой лёс.

Супрацьстаіць такому дзейнаму, актыўнаму руху ўяўленне пра жыццё як рух заповолены, неактыўны, што праяўляецца ў метафарычным ужыванні дзеясловаў **дрэйвафаць** ‘рухацца пад дзеяннем ветру або цячэння (пра лёд, судна і пад.)’: *Мая кватэрка – мой маленькі мірок, у якім бязвольна і пасіўна я дрэйфую* (А. Казлоў); **загуснуць** ‘зрабіцца густым або больш густым’: *Жыццё і ў гэтай кватэры загусла, як тавот, і ўрэшце стала невыносным* (Г. Каржанеўская).

Семантычна блізкія да гэтай групы метафар вобразныя сродкі, утвораныя ў межах яшчэ адной канцэптуальнай метафарычнай мадэлі **жыццё → прастора**. У яе межах традыцыйна метафарызуюцца словы – назвы ландшафту (**поле, зямля, загон**) [1, с. 75]. Гэта мадэль актыўна папайняецца новымі метафарами: **даліна** ‘раўніна, вялікая ўпадзіна паміж гор ці узгоркаў’: *У даліне нашай існасці Вецер вольнасці шугае* (У. Марук); **пустыр** ‘незабудаваны, запушчаны ўчастак; пустка’: *Ды ніяк не можам вынайсці Ключ, што існасць адмыкае; Я іду па забытым жыццём пустыры, І ўскінае прыгадак так многа* (М. Мятліцкі); **выспа** ‘невялікі востраў, часцей пясчаны’: *Дзяцінства выспа ссірацелая* (І. Лагвіновіч).

Да канцэптуальных метафар можна аднесці мадэль **жыццё → тэатр**. У межах гэтай мадэлі ў сучасным беларускім дыскурсе пераноснае значэнне набываюць словы **антракт** ‘перапынак паміж двума актамі ў спектаклі, паміж двума аддзяленнямі канцэрта і пад.’: *Зараз трэба або шукаць новую мару, або ганебна спусціцца долу, або памерці, або я не ведаю што...* Яны сыходзілі ў **антракт** і больш ніколі не вярталіся (П. Касцюкевіч); **джаз** ‘музыка, пераважна танцавальная, прызначаная для такога аркестра’: *І жыццё – джаз... Непрадказальнае, пакутлівае, а бывае і невыноснае...* (У. Сцяпан); **драматургія** ‘драматычнае мастацтва’: *У драматургіі, якая разыгрываецца перад намі на працягу жыцця, мяне заўсёды цікавіла: што адбываецца на сцэне і па-за сцэнай да таго, як паднялі заслону, і пасля таго, як яе апусцілі?* (Я. Коней); **кіно** ‘твор кінамастацтва, прызначаны для дэманстрацыі на экране; кінакарціна’: *Ат, маці твая, як артыстка. Невядома толькі, дзе ў якое кіно ўсунулася* (Т. Цвірка); **мізансцэна** ‘спец. размяшчэнне дзеючых асоб і дэкарацый на сцэне ў розныя моманты выканання п’есы’: *Калі ад уласных учынкаў пануе лад у душы і сэрца ў грудзях нібыта ўсміхаецца, значыць, граем сваю ролю ў аднаведнасці з вышэйшым замыслам. Калі ж злосць апякае розум, то, пэўна, дзесьці выканаўца памыліўся, забыўся тэкст або пераблытаў мізансцэны* (Я. Коней). Метафары гэтай мадэлі валодаюць вялікім выяўленчым патэнцыялам: яны перадаюць прадвызначанасць чалавечага лёсу (**антракт, драматургія, мізансцэна**), з другога – яго стракатасць і шматфарбнасць (**джаз, кіно**).

На аснове асацыятыўнага збліжэння жыцця і тэатра ствараецца разгорнутая карціна хуткаечнасці чалавечага жыцця ў наступным кантэксце:

Жыццё, ты – імгненне, ты – ўспышка,

След знічкі на фотапаперы.

Тэатр, дзе няма рэпетыцый:

Ёсць толькі прэм'еры.

Кіно, дзе мы самі сабе рэжысёры,

І блытаюць ролі нашчэнт самавукі-акторы (В. Марцін душ Рэйш).

Па нашым меркаванні, да канцэптуальных можна аднесці і метафарычную мадэль **жыццё** → **тканіна**. Вобраз жыцця як тканіны мае глыбокі міфалагічны сэнс і з'яўляецца ў пэўнай ступені традыцыйным для народнага светапогляду [5]. Тонкая нябачная нітка – старажытны сімвал чалавечага жыцця і лёсу. А вобраз ткання трактуецца як увасабленне ідэі тварэння і жыцця, прычым гэты сімвал з'яўляецца ўніверсальным і дагістарычным.

У межах гэтай мадэлі ў сучасным беларускім дыскурсе пераноснае значэнне набылі словы **тканіна** 'выраб, атрыманы ў працэсе ткання на ткацкім станку': *На здаровай тканіне жыцця – іх мільёны на жалё з веку ў век* (С. Давідовіч); **кілім** 'шарсцяны бязворсавы дыван ручной работы': *Тчэцца лёсу стракаты кілім* *З нітак часу на спадчынных кроснах* (А. Нафрановіч). Гэтыя метафары перадаюць уяўленне пра жыццё як нешта цэльнае, разнастайнае, прадвызначанае. У межах гэтай жа мадэлі жыццё на сконе ўяўляецца як старое, падранае адзенне: *Усё сваё адплакала, знасіла, І засталася выкінуць рыззё* (Н. Салодкая).

Канцэптуальная мадэль **жыццё** → **дрэва** таксама мае глыбокія міфічныя карані. Міфапаэтычны вобраз дрэва жыцця «выяўляе ўніверсальную канцэпцыю жыцця ва ўсіх яго праявах: нараджэнне – максімальная стадыя развіцця – смерць – новае нараджэнне» [6, с. 152]. Выкарыстанне метафар, заснаваных на асацыяцыі жыцця з дрэвам, дапамагае пісьменнікам «паказаць пераемнасць жыццёвага шляху, яго бясконцасць, вечнасць» [1, с. 75].

Нярэдка на аснове такой асацыяцыі разготваюцца складаныя метафарычныя вобразы, якія ствараюць карціну кароткасці і імклівасці чалавечага жыцця: *Малодосць аблятае, як лісты з дрэва. Вось, здаецца, яно ўсё яшчэ зялёнае і трапяткое, а лісты зрабіліся жорсткімі і запаленымі, а вось першая жаўцізна кранула вершаліну...* (Б.Пятровіч); *а хвалёны чалавек усяго толькі часовы фон да яе, пераменлівая дэкарацыя, лісце на дрэве жыцця – зялёнае ў маладосці, жоўтае ў старасці... Счэзне і асыплецца, а гэтае сонца, мора, стэп як жылі, так і будуць жыць* (А. Федарэнка).

Супастаўленне чалавека з лістом толькі падкрэслівае вечнасць і ўзнаўляльнасць самога жыцця, занатаванага, напрыклад, у метафары

вішні сусвету: 3 вішань абодвух сусветаў квецень злятае навалі (Т. Барсюк).

Другі ўзровень фрэйма “Жыццё” займаюць варыятыўныя кампаненты – метафары, якія ўключаюцца ў менш пашыраныя метафарычныя мадэлі.

У першую чаргу адзначым пераносныя значэнні, якія ўзнікаюць на асацыятыўным супастаўленні жыцця з рознымі сацыяльнымі з’явамі. Такія метафары дастаткова частотныя ў сучасным беларускім дыскурсе.

У працэс метафарызацыі актыўна ўключаюцца навуковыя тэрміны: *Маё дзяцінства – праца ад «А» да «Я», на ўвесь алфавіт, ад раніцы да позняга вечара* (У. Ліпскі); *Вучу я й сёння, я зубру, Як першакласнік, жыцця буквар* (С. Давідовіч); *Яны і сталіся першымі старонкамі іх жыццёвага буквара* (У. Ліпскі). Метафарызацыі слоў **алфавіт** і **буквар** дазваляе свердзіць ідэю, што жыццё – гэта пастаянная вучоба, набыццё вопыту.

Радасная падзея, якая адбываецца ў жыцці чалавека, можа быць абазначана праз назоўнік **клічнік** ‘знак прыпынку, які ставіцца ў канцы клічнага сказа’: *Дачка! Аляксей Скакун – бацька! З такімі «клічнікамі» вярнуўся галоўны заатэхнік «Маладой гвардыі» са службовай паездкі* (У. Ліпскі).

Ідэя кругазвароту чалавечага жыцця ўвасоблена, на наш погляд, у пераносным значэнні слова **сілуэт** ‘контурнае аднаколернае адлюстраванне каго-, чаго-н., выразанае ці намаляванае на аднатонным фоне’: *Амаль вясна. Памежжэ прадчуванняў. Архітэктоніка імклівага святла. Для берага няспыннага вяртання – зноў сілуэты нашага жыцця* (К. Янчэўская). А ідэя прадвызначанасці чалавечага лёсу перадаецца праз метафарызацыю назоўніка **ліміт** ‘норма, у межах якой дазволена карыстацца чым-н., расходаваць што-н.’: *Мой лёс, ён папаў пад ліміты* (С. Давідовіч); *А яна, Надзея, свой ліміт цудаў, падобна, выбрала...* (Н. Рыбік); *Цяпер, калі ёй амаль адбалела, калі яна ў чарговы раз пераканалася, што ічасце – гэта не для яе, што свой ліміт цудаў яна выбрала...* (Н. Рыбік).

Жыццё як рознакаляровая, рознагалосая мітусня прадстаўлена ў метафары **кірмаш жыцця**, дзе пераноснае значэнне набывае назоўнік **кірмаш** ‘вялікі святочны базар, звычайна з народным гулянням’: *Ды ўдача – рэдкі госць На кірмашы жыцця* (В. Марцін душ Рэйш).

Большая частка прадстаўленых метафар індывідуальна-аўтарскія, але некаторыя з іх (**ліміт**, **буквар**) можна, па нашым меркаванні, лічыць патэнцыяльнымі моўнымі, паколькі яны з’яўляюцца дастаткова частотнымі.

Аказіянальным з’яўляецца пераноснае значэнне, якое набывае ў паэтычным кантэксце назоўнік **крыштал**. Метафара заснавана, на наш погляд, на асацыяцыях з магічным крышталём, у якім, паводле легенды,

можна ўбачыць лёс чалавека: *Распарадзіўся лёс-крышталёў* Не так, як мы таго хацелі, І нашы душы, нашы целы Даўно разрознены, на жалё (М. Шабоўіч).

Цікавым і нетрадыцыйным з’яўляецца супастаўленне чалавечага жыцця з канём: *І не знядужай майго лёсу конь* (С. Давідовіч). Такая метафарагэта дазваляе паказаць жыццё як пастаянны рух. Як працяг гэта метафары можна разглядаць метафарызацыю дзеяслова *зацугляць* ‘укласці ў рот каню цуглі, закілзаць: *жыццё крэпка зацуглівае не толькі яго, а і кожнага чалавека* (В. Гігевіч), дзе з канём асацыіруецца сам чалавек, а метафара рэалізуе ідэю прадвызначанасці жыццёвага шляху чалавека.

Такім чынам, мы можам канстатаваць, што асэнсаванне жыцця чалавека, пошук месца чалавека ў гэтым свеце застаецца актуальнай тэмай для сучаснай беларускай мастацкай і публіцыстычнай літаратуры. Значная частка прааналізаваных намі метафар утвараюцца ў межах традыцыйных канцэптуальных метафарычных мадэлей. Гэта сведчыць пра спрадвечнасць, старажытнасць праблемы. А ўключэнне новых слоў у традыцыйныя мадэлі перадае новы погляд на яе.

Калі прааналізаваць, якім паўстае жыццё ў сучаснай літаратуры, то можна вылучыць два асноўныя матывы – няспыннасць, стракатасць, разнастайнасць самога жыцця як формы існавання і кароткасць, прадвызначанасць жыцця чалавека.

Бібліяграфічныя спасылкі

1. *Старычонок В. Д.* Метафара ў беларускай мове: на матэрыяле субстантываў. Мінск : БДПУ, 2007.
2. *Кузьмина Н. А.* Интертекст и его роль в процессах эволюции поэтического языка. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та; Омск : Омск. гос. ун-т, 1999.
3. *Соколова О. В.* Категория фрейма в когнитивной лингвистике // Вестник АГТУ. 2007. № 1. С. 236–239.
4. *Костомарова Н. А.* Семантический фрейм в структуре ментального лексикона человека (на примере семантического фрейма «Человек») // Вестник Пермского ун-та. 2015. Вып. 3. С. 23–33.
5. *Васілеўская А. С.* Метафара лёсу ў паэме Якуба Коласа «Сымон-музыка» // Беларусь на скрыжаванні стагоддзяў: ад класікі да сучаснасці : матэрыялы Міжнар. навук. канф., Мінск, 1–2 лістап. 2012 г. / Беларус. дзярж. пед. ун-т ; рэдкал.: В. Д. Старычонок (адк. рэд.) [і інш.]. Мінск, 2012. С. 38–40.
6. *Швед І.* Дрэва жыцця // Беларуская міфалогія : энцыклапед. слоўнік / С. Санько [і інш.]. Мінск : Беларусь, 2004. С. 152–153.

УДК 81'33 : 343.148(075.8)

О НЕКОТОРЫХ ТАБУ В ИССЛЕДОВАНИИ ТЕКСТОВ В РАМКАХ СУДЕБНОЙ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ

А. А. Кирдун

*Белорусский государственный технологический университет,
ул. Свердлова, 13а, 220006, г. Минск, Беларусь, allakirdun@belstu.by*

В статье отмечается, что в Беларуси в сфере судебной лингвистической экспертизы (СЛЭ) пока нет баланса между ее востребованностью и степенью проработки всех этапов ее проведения; описываются наиболее грубые нарушения в части собственно лингвистического исследования и впервые формулируются соответствующие табу, перечень которых значим для совершенствования научно-методического обеспечения СЛЭ и оценки заключения эксперта-лингвиста.

Ключевые слова: судебная лингвистическая экспертиза; лингвистические методы; заключение эксперта; компетенция эксперта-лингвиста; экспертная ошибка; табу, спорный текст.

ABOUT SOME TABOOS IN THE STUDY OF TEXTS IN THE FRAMEWORK OF FORENSIC EXAMINATION

A. A. Kirdun

*Belarusian State Technological University,
Sverdlova St., 13a, 220006, Minsk, Belarus, allakirdun@belstu.by*

The article notes that in Belarus, in the field of forensic linguistic expertise (FLE), there is still no balance between its relevance and the degree of elaboration of all stages of its implementation; the most gross violations in terms of linguistic research proper are described and for the first time the relevant taboos are formulated, the list of which is significant for improving the scientific and methodological provision of FLE and evaluating the expert's conclusion- a linguist.

Keywords: forensic linguistic examination; linguistic methods; expert's opinion; competence of a linguist expert; expert error; taboo; disputed text.

При расследовании или судебном разбирательстве дел, в рамках которых требуется исследование вербальных или поликодовых текстов, одним из способов получения информации, значимой для их юридической оценки, является судебная лингвистическая экспертиза (далее – СЛЭ). Следует отметить, что за рубежом (как в Западной Европе, США, так и на постсоветском пространстве) СЛЭ – это непрерывно развивающаяся уже более 40 лет прикладная область лингвистики [1, с. 119–120].

В частности, в Российской Федерации к настоящему моменту не только выполнены сотни тысяч заключений экспертов-лингвистов, но и написаны десятки монографий и бесчисленное количество научных статей, посвященных различным проблемным аспектам СЛЭ, а в судебно-экспертных учреждениях разработаны и уже внедрены в экспертную практику методики по некоторым ее видам; отводится место и таким процедурам, как обобщение практики производства СЛЭ и рецензирование заключений экспертов.

В Республике Беларусь СЛЭ только недавно получила закрепление *de-jure*, т. е. теперь она включена в официальный перечень родов и видов экспертиз, выполняемых в экспертных организациях (учреждениях). Кроме того, СЛЭ в разовом порядке может поручаться и лингвистам (как правило, имеющим степень кандидата или доктора филологических наук), не являющимся сотрудниками судебно-экспертной организации (см. ст. 231 УПК Республики Беларусь или ст. 11.13 ПИК_оАП Республики Беларусь). Вместе с тем в Беларуси развитие СЛЭ все еще остается несбалансированным по соотношению складывающейся практики назначения, проведения, оценки и степени научно-теоретической и методической проработки каждого из указанных ее этапов. «В числе следствий такой несбалансированности – наличие двух крайне негативных, но при этом противоположных тенденций: а) постановка инициаторами СЛЭ вопросов и, соответственно, формулирование экспертами выводов, выходящих за пределы знаний в области лингвистики, а также использование на этапе экспертного исследования метода интроспекции как основного; б) минимизация компетенции эксперта-лингвиста, ограничение ее только констатацией выявленных в исследуемом речевом произведении языковых фактов и отказ от их оценки на предмет релевантности / нерелевантности для вербального преступления» [2, с. 570]. И в первом, и во втором случае «страдает» основная цель назначения судебной экспертизы – получение *объективных и достоверных* данных по делу.

В основе обозначенных тенденций в производстве СЛЭ лежат экспертные ошибки, под которыми понимаются «не соответствующие объективной действительности суждения эксперта или его действия, не приводящие к цели экспертного исследования, являющиеся результатом добросовестного заблуждения» [3, с. 157]. Экспертные ошибки весьма различны по своему характеру и природе [4], но применительно к СЛЭ особую актуальность имеет разбор тех, что возникают именно в части собственно лингвистического исследования. В научно-методической литературе по СЛЭ эта проблема уже получала освещение, однако, по нашему мнению, репрезентация нарушений как общих принципов [5], так и конкретных правил, приемов проведения лингвистического анализа спорных текстов и отражения его результатов в заключении эксперта (специалиста), должна осуществляться с определенной периодичностью,

и, возможно, таким образом будет достигнута цель профилактики хотя бы наиболее грубых экспертных ошибок. К грубым относим такие ошибки, которые затрагивают либо область базовых специальных знаний о языке и речи, либо методологические первоосновы экспертного исследования.

В качестве иллюстративного материала рассмотрим примеры, выбранные из заключений специалистов и заключений экспертов, тексты которых были доступны автору в связи с выполнением НИР, проведением повторных и дополнительных СЛЭ, консультированием в судебном заседании или в рамках работы Республиканской экспертной комиссии по оценке информационной продукции на предмет наличия (отсутствия) в ней признаков проявления экстремизма. По этическим соображениям кейсы описываются без деталей, привязывающих их к конкретному делу, эксперту или экспертной организации.

Первый кейс, на который следует обратить внимание, связан с языком экспертируемого спорного текста, лексикографических и справочных источников, используемых в ходе анализа этого текста, и специальностью эксперта-лингвиста. Нормативной является ситуация, при которой в момент СЛЭ обеспечивается триединство перечисленных компонентов. Например, при анализе русскоязычного текста привлекаются русскоязычные словари и справочники, а сама процедура анализа осуществляется экспертом с базовым филологическим образованием по специальности «русский язык». Отсутствие подобного триединства – это почва для ошибочных экспликаций смыслов, выраженных в тексте. Приведем два крайне негативных примера исследования белорусскоязычных текстов специалистами, не владеющими белорусским языком: 1) осуществление дефиниционного анализа с опорой на толковые словари русского языка; 2) проведение исследования не по оригинальному, а по переведенному на русский язык тексту. Разумеется, что и в первом случае, когда единице одного языка приписывается значение единицы другого языка (пусть и близкородственного), и во втором случае, когда происходит полная подмена объекта исследования (что может подлежать даже юридической ответственности), говорить о достоверности экспликации выраженных смыслов в спорном тексте не приходится. Заметим, что в обоих случаях не имеет никакого значения, обозначил эксперт в заключении целесообразность своих действий или нет: они не могут иметь места ни при каких обстоятельствах. Недопустимой является и ситуация, когда эксперт – специалист в области русского (белорусского) языка – соглашается отвечать на вопросы, требующие знаний в области иностранных языков.

Следующий кейс относится к вопросу синхронности лексикографических и справочных источников и экспертируемого спорного текста. В СЛЭ, как, впрочем, и в любом другом научном лингвистическом ис-

следовании, действует принцип опоры на авторитетные справочники и грамматики с учетом времени их разработки и издания. Среди следствий игнорирования этого принципа – псевдоаргументированность и псевдообоснованность выводов. Приведем два ярких примера.

1) В заключении специалиста, доктора филологических наук, анализировалась публикация о современной Беларуси. Один из вопросов, поставленный на разрешение специалиста по спорному тексту, содержал задание ответить, существует ли в современной языковой науке однозначная точка зрения на то, является ли белорусский язык диалектом, наречием, говором русского языка или самостоятельным языком. Вывод специалиста был следующим (выделения выполнены нами): *«Нет. В современной языковой науке существуют различные, в том числе прямо противоположные, точки зрения на то, является ли белорусский язык диалектом, наречием, говором русского (великорусского) языка, либо это самостоятельный язык <...> В анализируемой публикации автор придерживается бытующей в литературных источниках точки зрения, что белорусский язык – это белорусское наречие (диалект), на котором говорят белорусы, по фонетике и морфологии является ветвью акающего южно-великорусского говора»*. При этом вывод был сопровожден ссылкой на «Энциклопедический словарь. Современная версия» Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона. Никаких иных авторитетных современных лингвистических источников, в которых бы утверждалось или было доказано, что белорусский язык является диалектом (наречием) русского (великорусского) языка, в заключении специалиста не приводилось. Словарь же, на который была сделана ссылка, – переиздание универсальной энциклопедии, созданной в Российской империи в 1890–1907 гг., т. е. источника, отражающего представления о реалиях более чем 100-летней давности. Говоря о существовании различных точек зрения на белорусский язык, специалист привел только одну из них и не указал иную точку зрения, которая является общепризнанной и единственной в современном научном сообществе. Суд справедливо не принял во внимание выводы, сделанные специалистом в заключении.

При установлении и верификации значения слова, употребленного в современном спорном тексте, недопустимо использовать «Толковый словарь русского языка» В. И. Даля, который отражает состояние русского языка 200-летней давности; «Слоўнік беларускай мовы» И. И. Носовича, созданный в XIX веке; «Гістарычны слоўнік беларускай мовы», отражающий лексический состав старобелорусского языка; и под.

2) В ходе исследования спорного белорусскоязычного текста специалист сфокусировал внимание на употребленных автором лексемах *жыды*, *жыдоўскі*. Указав, что эти единицы в современных толковых словарях белорусского языка отсутствуют, специалист обратился к словарям,

размещенным на интернет-ресурсах, и исходя из содержащейся в них информации заключил, что в спорном тексте с помощью лексемы *жыды* выражена уничижительная оценка евреев. В рамках дополнительной экспертизы было установлено, что спорный текст представляет собой фрагмент публикации 1908 г., осуществленной в первой массовой газете «Наша Ніва». Как известно, в тот период этноним *жыды* являлся нейтральным, свободно использовался в публицистической литературе (см., например, выданную в 1918 г. книгу Змитрока Бядули «Жыды на Беларусі. Бытавыя штрыхі»), негативные коннотации лексема приобрела только во второй половине XX столетия.

Осторожности в экспертных суждениях требует и оним *маскаль*, который в разные исторические периоды в белорусскоязычных текстах мог соотноситься с разными денотатами и использоваться с пейоративной окраской или не иметь таковой, например: *маскаль* – 1) ‘салдат царскага войска’; 2) ‘чыноўнік, які прыехаў кіраваць далучанымі да Расіі беларускімі або ўкраінскімі землямі’; 3) ‘рускі купец’; 4) ‘рускі па нацыянальнасці чалавек’; 5) ‘жыхар Расіі’; 6) ‘жыхар Масквы’; и мн. др. Установление того, какое именно значение актуализируют подобные слова, обязательно должно предваряться выяснением времени создания текста и соответствующим выбором справочного источника.

Еще один важный кейс связан с частнонаучными методами семантических исследований в рамках СЛЭ. Выше была отмечена исключительная важность правильного использования словарей в работе эксперта. Словарный метод применяется для таких задач, как установление значения слова, не ясного из контекста; экспликация контекстуально значимого аспекта значения слова; установление оценочной составляющей в значении; установление неузуального значения слова и др. «Однако, опираясь на словарь, эксперту следует помнить, что контекстуальное значение слова первично, и не подменять его анализ анализом соответствующей словарной статьи» [6, с. 39]. К сожалению, на практике частотны случаи, когда в заключении эксперта указывается, что в ходе исследования применялся ряд методов (например, компонентный анализ, семантико-синтаксический, лексико-семантический и др.), однако далее все семантическое исследование сводится к выписыванию слов из экспертируемого текста и приведению для них «подходящих» значений из словарей. Словарные определения приводятся даже для слов, значение которых в тексте ясно и однозначно (*милиция, люди, нечестный, все* и под.). При этом совершаются две грубейшие ошибки: 1) не распознаются фразеологические единицы (например, вместо дисфемистичного сочетания *шкура продажная* эксперты выписали отдельные компоненты, приводя для каждого его словарное определение); 2) из словарной статьи приводятся все значения, свойственные слову, а не то конкретное, в котором это слово реализовано в тексте.

Таким образом, для каждого специалиста, приступающего к исследованию того или иного текста в рамках СЛЭ, должны быть табу: использование в ходе лингвистического анализа лексикографических и справочных источников, язык которых отличен от языка экспертируемого текста; замена оригинального текста – объекта конкретной СЛЭ – на его перевод; использование устаревших источников для созданных на современном этапе текстов; проведение анализа текста без выяснения времени его создания; указание методов, которые в тексте заключения в действительности не применяются; подмена семантических исследований каким-либо одним методом или подмена одного метода другим.

В заключение отметим, что в настоящем материале приведена небольшая часть кейсов, отражающих проблемные зоны в исследовании текстов в рамках СЛЭ. Формулирование обозначенных проблем в виде лаконичных запретов призвано упростить всем субъектам экспертной деятельности идентификацию недопустимых экспертных действий. Перечень этих запретов, как представляется, значим для совершенствования научно-методического обеспечения СЛЭ в Беларуси, а также может быть использован при дифференциации добросовестного заблуждения эксперта и заведомо ложного заключения эксперта.

Библиографические ссылки

1. *Андреева А. В., Габа Т. Е.* Судебная лингвистическая экспертиза за рубежом (на примере США) // Информационный бюллетень Государственного комитета судебных экспертиз Республики Беларусь. 2016. № 1. С. 119–125.
2. *Кирдун А. А.* К вопросу о сущности судебной лингвистической экспертизы, назначаемой по делам, связанным с противодействием вербальному экстремизму // Борьба с преступностью: теория и практика : тезисы докладов VIII Междунар. науч.-практич. конф. (23 апр. 2020 года) / редкол.: Ю. П. Шкаплеров (отв. ред.) [и др.]. Могилев : Могилев. институт МВД, 2020. С. 570–573.
3. *Белкин Р. С.* Криминалистическая энциклопедия. М. : Бек, 1997.
4. *Россинская Е. Р.* Судебная экспертиза: типичные ошибки. М. : Проспект, 2014.
5. *Кузнецов В. О.* Принципы судебно-экспертного лингвистического исследования // Теория и практика судебной экспертизы. 2022. Т. 17. № 3. С. 80–86.
6. Семантические исследования в судебной лингвистической экспертизе: Методическое пособие / А. М. Плотникова и [др.]; Министерство юстиции Рос. Федерации, ФБУ Рос. федер. центр судеб. экспертизы. М. : ФБУ РФЦСЭ при Минюсте России, 2018.

УДК 811.161.1:811.161.1

ДИАЛОГИЧНОСТЬ СТАРОБЕЛОРУССКИХ И СТАРОРУССКИХ ДИПЛОМАТИЧЕСКИХ ТЕКСТОВ

О. А. Климкович

*Витебский государственный университет имени П. М. Машерова,
пр-т Московский, 33, 210038, г. Витебск, Беларусь, olga-klimkovich@mail.ru*

Статья посвящена особенностям использования различных средств (конструкций прямой и косвенной речи, обращений, вопросов, лексем, подчеркивающих диалогичный характер отдельных отрезков текста), служащих для репрезентации функциональной семантико-стилистической категории диалогичности в старобелорусских и старорусских дипломатических текстах 70-ых гг. XVI в. Выявлены и охарактеризованы черты сходства и различия в составе средств репрезентации диалогичности и в их употреблении.

Ключевые слова: историческая стилистика; функциональная семантико-стилистическая категория; категория диалогичности; дипломатическая письменность.

DIALOGICITY OF OLD BELARUSIAN AND OLD RUSSIAN DIPLOMATIC TEXTS

O. A. Klimkovich

*Vitebsk State University named after P.M. Masharov,
Moskovskiy Av., 33, 210038, Vitebsk, Belarus, olga-klimkovich@mail.ru*

The article is devoted to the peculiarities of using various means (constructions of direct and indirect speech, addresses, questions, lexemes emphasizing the dialogical character of individual sections of the text), serving to represent the functional semantic and stylistic category of dialogicality in Old Belarusian and Old Russian diplomatic texts of the 70s of the XVI century. Similarities and differences in the composition of the means of representation of dialogicality and in their use are identified and characterized.

Keywords: historical stylistics; functional semantic and stylistic category; dialogic category; diplomatic writing.

Одним из аспектов сопоставительного историко-стилистического изучения старобелорусских и старорусских текстов может быть исследование особенностей репрезентации в них функциональных семантико-стилистических категорий (точности, абстрагизации, императивности, диалогичности и др.). Функциональная семантико-стилистическая категория диалогичности (далее ФССК_{диалог.}) была предметом анализа как при изучении особенностей русского языка XX –

XXI вв. (работы М. Н. Кожиной [1], Л. В. Славгородской [2], Н. А. Красавцевой [3], О. А. Прохвятиловой [4], Л. Р. Дускаевой [5] и др.), так и при изучении текстов, созданных в период XVI–XVIII вв. (работы С. Ф. Рудневой [6]). Исследователями выявлены основные формы диалогичности, среди которых М. Н. Кожина определяет такие, как 1) разговор с другим: Я – ОН, ОНИ; 2) сопоставление разных точек зрения: ОН1 – ОН2, ОН1 – ОН2 – Я; 3) разговор с читателем: Я – ВЫ; МЫ С ВАМИ; 4) разговор со своим вторым Я: Я1 – Я2 [1, с. 68]. О. А. Прохвятилова определяет три типа диалогичности: внешнюю, внутреннюю и глубинную. Внешняя диалогичность подразумевает направленность речи на адресата, внутренняя диалогичность основана на авторизации, которая понимается как указание на источник информации в тексте, глубинная диалогичность возникает при введении в текст «фрагментов сакральных текстов – Священного писания и молитословий» [4, с. 43–44]. Диалогичность в текстах репрезентируется посредством разнообразных языковых средств.

Материалом нашего исследования стали дипломатические тексты второй половины XVI вв., относящиеся к жанру инструкции / наказа послам (6 текстов ст.-бел., 5 текстов ст.-рус.). Исследуемые тексты опубликованы в изданиях «Книга Посольская Метрики Великого княжества Литовского, содержащая в себе дипломатические сношения Литвы в государственование Короля Стефана Батория (с 1573 по 1580 год)» [7] и «Посольская книга по связям России с Польшей (1575–1576 гг.)» [8]. Отметим, что несмотря на незначительное количество документов, сами тексты достаточно объемны: они занимают от 0,5 до 11 страниц печатного текста. Тексты имеют разные самоназвания: ст.-бел. *наука ‘настаўленне, інструкцыя’* [9, с. 341], *инструкция, злеценье ‘даручэнне’* [10, с. 251], ст.-рус. *наказ, память, речь*.

В историческом языкознании особенности дипломатической письменности рассматривались в исследованиях Д. С. Лихачева [11], Ф. П. Сергеева [12], О. В. Никитина [13], Г. Н. Стариковой [14], А. М. Сабениной [15], И. В. Рогожкиной [16] и др., но нам не встретились работы, посвященные анализу стилистического своеобразия ст.-бел. и ст.-рус. наказов послам 70-х гг. XVI в. в сопоставительном аспекте.

Среди языковых средств, репрезентирующих категорию диалогичности, исследователями обозначены такие, как 1) вопросно-ответные комплексы; 2) ременисценции, включающие ссылки на различные документы; 3) способы передачи чужой речи; 4) обращения; 5) лексемы, подчеркивающие диалогичный характер отдельных отрезков текста.

Поскольку представленные тексты содержат речи послов, в них значимы обращения, которые включают в себя распространенный титул одного человека или группы людей: ст.-бел. ... *тобе Великому Господару, Князю Ивану Васильевичу, Божьею милостью, Господару всея Руси и Великому князю Володимерскому, Московскому, Новгородскому, Казанскому, Астараханскому, Псковскому, Тверскому, Югорскому Пермскому, Вятскому, Болгарскому и иныхъ, велель поклонитися* [7, с. 47]; ст.-рус. ... *вам, паном радам духовным и советным Великого княжества Литовского, велел поклонитись* [8, с. 34].

Однако важнейшим средством репрезентации ФССК_{диалог.} в наказах являются лексемы, подчеркивающие диалогичный характер отдельных отрезков текстов. Среди них

– глагол мовити в различных формах в ст.-бел. текстах: *по вычитанью листу мають мовити, ... велель вашей милости, брату своему мовити* [7, с. 2]; *пришедши передъ Князя Великого Московского, маешь тыя слова мовити* [7, с. 47]; *а естли бы з стороны Московского мовено* [7, с. 250]; в ст.-рус. текстах отмечено употребление глагола молвити: *молыти воеводам* [8, с. 33]; *и ему, съехався с посланники, молвити* ... [8, с. 83]. Названные глаголы по-разному функционируют: глагол *мовити* часто употребляется с другими глаголами, которые могут указывать на распоряжения, требования, глагол *молвити* употребляется без других глаголов;

– глаголы казати, всказати, усказати в ст.-бел. текстах: *казал поклонитися* [7, с. 27]; *до его Королевское милости о томъ усказаль ... до его Королевское милости всказаль* [7, с. 249]; глаголы говорити / сказати в ст.-рус. текстах: *приставу говорити* [8, с. 34]; *и Янглычу приставу сказати* [8, с. 33];

– глагол пытатися в ст.-бел. текстах: *або ли седечи о здоровью его Королевское милости и якими словы пытатися Князь Великій будетъ* [7, с. 47]; глаголы спросити, вспросити в ст.-рус. текстах: *нечто вспросит пристав ...* [8, с. 60].

Укажем также, что для ст.-бел. текстов характерно употребление глаголов поведити, оповедати, оповедити в различных вариантах: *оповедавши* [7, с. 2], *оповедивши* [7, с. 248]; объявляти, объявлятися, объявити и их вариантов: *объявляючи* [7, с. 3], *объявлятися будутъ* [7, с. 4], *объявлючи* [7, с. 18], *объявити* [7, с. 19]; ознаймовати, ознаймити: *ознаймити* [7, с. 2], *ознаймил, ознаймуючи* [7, с. 18]; примавати: *маються примавати* [7, с. 21].

В ст.-бел. текстах отмечены также лексемы, обозначающие договоренности или несогласие: *маються домовляти* [7, с. 20], *домовлятися, трактовати* [7, с. 249], *мають намовляти* [7, с. 251], *о то протестова-*

тися мають [7, с. 249], а для передачи содержания отдельных речей используются абстрактные существительные: *мають поздоровеньє учинити тими словами* [7, с. 2]; *ославление, оголошение* [7, с. 3].

Ряды лексем, связанных с глаголом *писати*, указывающих на содержание письменных документов, характерны для ст.-бел. и ст.-рус. текстов: ст.-бел. ... *за котормъ ихъ писаньемъ имъ отписаль* [7, с. 27]; *иные листы слово от слова вписаны суть* ... [7, с. 29]; *в листе своемъ черезъ гонца его Королевское милости Матвѣя Превозского писалъ до его Королевское милости* [7, с. 248 – 249]; *и в листы в перемирные вписаны* [7, с. 249]; *абы ся тымъ не писалъ, кгдажъ отецъ его и онъ самъ передъ тымъ не писалъсе, а недавно тымъ тытуломъ писатися почаль* [7, с. 250]; ст.-рус. *к воеводамъ отписал* [8, с. 33]; ... *а отписати б государю нашему, царю и великому князю к тебе с своимъ жаловальнымъ словомъ ... грамоты взяв и что речью к государю прикажутъ записавъ* ... [8, с. 63]; *к нимъ [т]ого не описалъ ... речъ по записи говорити* [8, с. 64].

Отметим также, что в самом названии документа в ст.-рус. текстах содержится лексема *наказ*, связанная с подчеркиванием диалогического характера отдаваемых распоряжений.

И в ст.-бел., и в ст.-рус. текстах используются лексемы *речь, слово*, однако в ст.-бел. текстах используется сочетание *мовити слово*, а в ст.-рус. *говорити речъ*.

В ст.-бел. и ст.-рус. текстах используются конструкции прямой речи и косвенной речи: *старший посолъ має мовити: Его Королевская милость, панъ нашъ милостивый, розказаль вашей милости* ... [7, с. 18]; *и Луке Яну говорити: государь нашъ, царь и великий князь послалъ со мною* [8, с. 63], однако в ст.-рус. текстах употребление косвенной речи распространено более широко. Обычно косвенная речь вводится придаточными изъяснительными: *царь и великий князь приговорилъ, чтобъ к темъ ко всемъ грамоты с жаловальнымъ словомъ послати с Лукою Новосильцовымъ* ... [8, с. 28]; *и учнутъ Луке о томъ говорити, что ему выше иныхъ посланниковъ сидети, и Луке за столъ итти* [8, с. 62].

И для ст.-бел., и для ст.-рус. текстов характерны вопросительные предложения, в ст.-рус. текстах они могут повторяться несколько раз. При этом вопросы имеют условный характер: *А нечто въспросятъ Луки, где ныне государь вашъ, царь и великий князь? ... А нечто въспросятъ про цесаря, государю вашему, царю и великому князю с цесаремъ крестьянскимъ о какове деле ссылка бывала ли, и цысарю з государемъ вашимъ?* [8, с. 66]. Кроме этого, вопросы в ст.-рус. текстах включены в конструкции с напоминанием о тайных распоряжениях: *проведывати ему себе тайно, что ныне умышление у обеихъ радъ коруны Польские и Великого княжества Литовского, ково они ныне на те государства к себе государя*

обирают, и нет ли которой розни у панов рад коруны Польские с радами Великого княжества Литовского меж себя, и будет есть, и для чего у них рознь [8, с. 69].

Анализ материала приводит к следующим выводам:

1) ФССК_{диалог.} выступает как одна из наиболее значимых категорий в жанре наказов послам в ст.-бел. и ст.-рус. дипломатической письменности в 70-ых гг. XVI в., поскольку все тексты построены на основе принципа передачи речи субъектов деловых отношений;

2) общими средствами выражения ФССК_{диалог.} в исследованных наказах являются обращения, вопросительные предложения, лексемы, связанные с глаголом *писати*; особенности в этом случае определяются широким распространением в ст.-рус. текстах вопросительных предложений и употреблением в ст.-бел. текстах кратких форм страдательного причастия *вписан*;

3) важнейшим средством репрезентации ФССК_{диалог.} в проанализированных текстах являются лексемы, подчеркивающие диалогичный характер определенных отрезков текста. Среди них соотносимы такие лексемы, как *мовити* (ст.-бел.) – *молвити* (ст.-рус.), *пытатися* (ст.-бел.) – *спросити*, *вспросити* (ст.-рус.), *казати*, *всказати* (ст.-бел.) – *говорити*, *сказати* (ст.-рус.). Ст.-бел. тексты отличает как широкое распространение других лексем (*ознаймовати*, *домовлятися*), так и употребление в текстах различных форм каждой лексемы, наличие абстрактных существительных, связанных с глаголами, передающими содержание речи.

Библиографические ссылки

1. Кожина М. Н. О диалогичности письменной научной речи: учеб. пособие по спецкурсу. Пермь, 1986.

2. Славгородская, Л. В. Научный диалог. Л. : Наука, 1986.

3. Красавцева Н. А. Выражение диалогичности в письменной научной речи: (на материале англ. языка): автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / Одесск. гос. ун-т им. И. И. Мечникова. Одесса, 1987.

4. Прохватилова О. А. Речевая организация звучащей православной проповеди и молитвы: автореф. ... дисс. докт. фил. наук : 10.02.10 / Волгоградский государственный университет. Волгоград, 2000.

5. Дускаева Л. Р. Диалогическая природа газетных речевых жанров. Пермь : Изво Перм. ун-та, 2004.

6. Руднева С. Ф. Репрезентация текстовой категории диалогичности в сибирских отписках конца XVI – второй половины XVIII веков [Электронный ресурс] // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. 2012. № 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/reprezentatsiya-tekstovoy-kategorii-dialogichnosti-v-sibirskih-otpiskah-kontsa-xvi-vtoroy-poloviny-xviii-vekov> (дата обращения: 06.01.2024).

7. Книга посольская Метрики Великаго княжества Литовскаго. [Кн. 2], содержащая въ себѣ дипломатическіе сношенія Литвы в] государствование короля Стефана Баторія : (съ 1573 по 1580 годъ). Изд. проф. М. Погодиным и магистром Д. Дубенским. М., 1843.
8. Памятники истории Восточной Европы. Т. 7: Посольская книга по связям России с Польшей (1575–1576 гг.). М.: Древлехранилище, 2004.
9. Гістарычны слоўнік беларускай мовы. Вып. 19. Надивней – Небэспэчнoсьць. Мінск, «Беларуская навука», 2000.
10. Гістарычны слоўнік беларускай мовы. Вып. 12. Зашкодны – Злотніцкі. Мінск, «Навука і тэхніка», 1993.
11. *Лихачев Д. С.* Повести русских послов как памятники литературы // Путешествия русских послов XVI – XVII вв. Статейные списки. М.–Л., 1954. С. 319–346.
12. *Сергеев Ф. П.* Русская терминология международного права XI–XVII вв. Кишинев, 1972.
13. *Никитин О. В.* Деловой язык русской дипломатии XVI–XVII вв. (формальные и стилеобразующие средства) // Филологические науки. 2005. № 1. С. 81–89.
14. *Старикова Г. Н.* Посольские отчеты XVII В. : жанровое разнообразие, лингвистическая содержательность [Электронный ресурс] // Вестн. Том. гос. ун-та. Филология. 2015. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/posolskie-otchety-xvii-v-zhanrovое-raznoobrazie-lingvisticheskaya-soderzhatelnost> (дата обращения: 31.03.2024).
15. *Сабенина А. М.* Лексика сферы дипломатических отношений в русском языке XVII в. : автореф. ... диссерт. канд. филол. наук / АН СССР, Ин-т русского языка. М. : 1971.
16. *Рогожкина И. В.* Формулы дипломатического речевого этикета со значением согласия/несогласия в дипломатических текстах XVI–XVII веков [Электронный ресурс] // Вестник ВолГУ. Серия 9: Исследования молодых ученых. 2012. № 10. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/formuly-diplomaticheskogo-rechevogo-etiketa-so-znacheniem-soglasiya-nesoglasiya-v-diplomaticheskikh-tekstah-xvi-xvii-vekov> (дата обращения: 31.03.2024).

УДК 81-26

АНАЛИЗ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ КОМПОНЕНТОВ ЭМОЦИОНАЛЬНЫХ СЛОГАНОВ НА АНГЛОЯЗЫЧНЫХ БАННЕРАХ

М. Р. Найдёнок-Пайгерт

*Международный университет «МИТСО»,
ул. Казинца, 21, 220099, г. Минск, Беларусь, miroslavnaid@gmail.com*

В статье проведен анализ англоязычных баннеров с точки зрения используемых в них лингвистических средств. Был рассмотрен ряд слоганов с учетом применяемых средства выразительности речи, морфологические и синтаксические средства. В качестве основных приемов выделены использование каламбуров, парцелляции, жаргонизмов, повторов, градации и устойчивых выражений. Определено влияние анализируемых лингвистических средств на целевую аудиторию.

Ключевые слова: баннер; слоган; экстендер; парцелляция; жаргонизмы.

ANALYSIS OF THE LINGUISTIC COMPONENTS OF THE EMOTIONAL SLOGANS ON THE ENGLISH BANNERS

M. R. Naidenok-Paigert

*International university «MITSO»,
Kazintsa St., 21, 220099, Minsk, Belarus, miroslavnaid@gmail.com*

In the article we analyze the English banners from the point of the linguistic means used in them. We perform the analysis of a number of slogans including the means of expression, morphological and syntactical means used in them. The main means include the use of puns, parcellation, jargon words, repetitions, graduation, and set phrases. We also describe the influence of the analyzed linguistic means on the target audience.

Keywords: banner; slogan; extender; parcellation; jargon words.

Реклама в настоящий момент считается двигателем общественного прогресса, и это уже имеет научное обоснование. В.Л. Музыкант – известный специалист в области коммуникационной политики, маркетинга и рекламы – считает, что в XXI веке реклама постепенно утрачивает свою первоначальную цель – распространять коммерческую информацию, превращаясь в мощный социальный институт, регулирующий отношения в потребительской среде [1, с. 38]. С целью повышения эффективности прагматического влияния в рекламу привлекается все больше психолингвистических и экстралингвистических средств. Одним из

наиболее значимых структурных компонентов рекламного текста является слоган – краткое выражение основного рекламного сообщения. И в связи со спецификой поставленных задач слоган напрямую связан с языковым манипулированием, являясь одним из основных факторов рекламного воздействия.

В данном исследовании на основе англоязычных баннеров мы будем анализировать лингвистические компоненты слогана, обуславливающие эффективность его воздействия на целевую аудиторию. К лингвистическим компонентам воздействия относятся средства выразительности речи, морфологические и синтаксические средства. На основании ниже представленного материала мы исследовали эмоциональные слоганы как факторы рекламного воздействия.

Eat mor Chikin (Ешьте больше курятины) [2] – слоган американских ресторанов быстрого питания Chick-fil-A. Дополняется весьма оригинальными экстендерами (выступающими за пределы поверхности составляющими) в виде тельца, стоящего на корове, который и пишет данное сообщение. Сама презентация данного баннера содержит в себе уникальное торговое предложение – нестандартный подход к привычным вещам. Для достижения большего юмористического эффекта данный слоган был написан с умышленными ошибками в словах «more» – «mor» и «chicken» – «chikin». Это служит для усиления прагматического влияния на лексическом уровне.

Made for coffee lovers by coffee lovers (Сделано поклонниками кофе для поклонников кофе) [3] – слоган американской компании Community coffee, которая является одним из крупнейших брендов кофе в США. Баннер дополнен экстендером. Уникальное торговое предложение – принадлежность к определенной социальной группе. Целевая аудитория: широкие слои населения. Слоган создан за счет языковой игры, повторения словосочетания «*coffee lovers*», что создает ощущение общности и доверительную атмосферу. Появление эмоции общности ведет к перемещению из социального уровня (покупатель-продавец) в межличностный (любитель кофе-такой же любитель кофе). Более того, читается сообщение «продукция сделана специально для меня», что повышает эффективность данного слогана. То есть благодаря выразительному средству речи осуществляется влияние на лингвистическом и на паралингвистическом уровнях [4, с. 614].

Keep it simply (Будь проще) [5] – слоган компании Naked, занимающейся производством здорового питания, включая витамины и различные витаминные и минеральные добавки. Слоган относится к товарным. Уникальное торговое предложение – создание легкого умонастроения. Целевая аудитория слогана – молодежь, что обосновано, поскольку люди

среднего возраста занимаются спортом и пьют протеин значительно реже. Использование жаргонизма в составе слогана служит для привлечения внимания потенциальных потребителей и для создания ощущения сопричастности [6, с 158].

Pepsi. The choice of a new generation. (Pepsi. Выбор нового поколения.) [7] – товарный эмоциональный слоган Pepsi. Уникальное торговое предложение – принадлежность к новому поколению. Целевая аудитория – молодежь. Также в данном слогане использовано и само название марки, прием парцелляции усиливает акцент на нее. Парцелляция служит для расставления акцентов и привлечения внимания потребителя [8, с. 95].

We come in peas! (Мы пришли в горох!) [9] – слоган Fresh Thyme Farmers Market, представляющий собой видоизмененную устойчивую фразу *We come with peace* (мы пришли с миром), языковая игра. Слоган эмоциональный, товарный. Уникальное торговое предложение – нестандартный подход к привычным вещам, что в сознании целевой аудитории придает образу Fresh Thyme Farmers уникальность и необычность, а значит, уникальной и необычной становится и целевая аудитория данной марки товара. Использование видоизмененного устойчивого выражения придает юмористический оттенок слогану в целом, что повышает эффективность сознательного запоминания и узнавания марки продукта.

High on life (Тащитесь от жизни) [10] – курорт Galala Hills, находящийся в Египте. Чайка – один из основных символов фирмы, часто встречающийся в рекламных сообщениях. Слоган является товарным. Слоган является эмоциональным, о чем свидетельствует наличие жаргонизма. Отсюда следует, что целевая аудитория – молодежь, поскольку люди среднего и пожилого возраста предпочитают более литературный язык. Чайка – это символ свободы и легкости, ее изображение дополняет шлейф ткани. Изображения и слоган вместе создают ощущение легкости. Скорее всего данная тактика отчасти является предварительной работой с возражениями [11, с. 129]. Шаблон мышления для большинства людей состоит в мысли, что «путешествовать – сложно». А слоган опровергает данное утверждение.

Your Wife Is Hot... Better Get Your A/C Fixed (Твоя жена горяча... лучше почини кондиционер) [12] – шуточный слоган компании Air Around the Clock из Южной Флориды, который имел значительный успех у целевой аудитории. Компания занимается установкой, обслуживанием и ремонтом кондиционеров. Используется каламбур, построенный на использовании нескольких значений слова «hot» – «страстный» и «перегретый». Каламбур способствует привлечению внимания потребителей и повышению запоминаемости [13, с. 132].

Whatever life delivers Zimnat makes it better (Что бы вам ни преподнесла жизнь, Zimnat это улучшит) [14] – слоган страховой компании Zimnat в Зимбабве. Дополняется экстендерами (выступающими за пределы поверхности составляющими) и элементами реального мира, такими как камни и разбитая машина. Слоган эмоциональный, уникальное торговое предложение – значительная выгода получения услуги. Целевая аудитория – все слои населения. Но данный слоган отличен от ряда ему подобных: здесь не упоминаются различные неприятности. Эти неприятности весьма однозначно показаны за счет предметов действительности. Задействование в составе слогана потребности в безопасности и при этом отсутствие негативных эмоций к самой компании позволяют говорить о высокой эффективности слогана.

Таким образом, следует отметить, что для повышения художественной ценности в эмоциональных слоганах используются жаргонизмы, каламбур, парцелляция, умышленное искажение орфографии, повторы, фоноигра, градация, устойчивые выражения.

Жаргонизмы используются для привлечения внимания если целевая аудитория представлена молодежью. Данный прием подталкивает действовать импульсивно, создает ощущение сопричастности. Жаргонизмы считаются одним из приемом с высоким манипуляторным потенциалом. Обнаруживаются на лексическом уровне.

Использование каламбуров придает слогану юмористическую направленность. Обнаруживаются на лексическом уровне. Может базироваться на употреблении многозначного слова, фонетически похожих по звучанию слов или словосочетаний и взаимодополнении лингвистических и паралингвистических компонентов.

Прием парцелляции служит для придания речи экспрессивности, расставлении акцентов. Обнаруживается на синтаксическом уровне. Придает сообщению динамику, подталкивая потенциального потребителя к действиям.

Умышленное искажение орфографии происходит на морфологическом уровне. Способствует формированию определенной эмоциональной реакции, служит для перехода из социального уровня на уровень межличностного общения.

Использование повторов способствует усилению значения слова, привлечению к нему внимания потенциального потребителя, улучшению запоминаемости фразы.

Прием градации обнаруживается на лексическом уровне. Способствует усилению прагматического влияния всей фразы. Служит для привлечения внимания и формирования выгодной для рекламодателя модели поведения.

Использование в слоганах устойчивых выражений или их элементов позволяет повысить доверие к фирме-рекламодателю, апеллируя к уже сложившемуся отношению потенциального потребителя к исходной фразе. Устойчивые выражения обнаруживаются на лексическом уровне.

Таким образом можно утверждать, что стилистические средства характеризуются более высокой частотностью в сравнении с остальными рассмотренными явлениями. Как итог, можно говорить о значительной эффективности эмоциональных слоганов в качестве фактора рекламного воздействия на потенциальных потребителей.

Библиографические ссылки

1. *Музыкант В.Л.* Управление брэнд-коммуникациями: монография. М. : Директ-Медиа, 2017.
2. 3D Printing – The Missing Link in the Blockchain Revolution? [Electronic resource]. URL: <https://steemit.com/bitshares/@stan/3d-printing-the-missing-link-in-the-blockchain-revolution> (date of access: 07.05.2020).
3. Our Work – Faris Outdoor Advertising [Electronic resource]. URL: https://yandex.by/images/search?rpt=imageview&cbir_id=2824799%2FakOgWYwYNo0DoxGBS70Oow (date of access: 07.05.2020).
4. *Гак В. Г.* Языковые преобразования. М. : Языки русской культуры, 1998.
5. Billboard Design for Naked Juice on Behance [Electronic resource]. URL: <https://www.behance.net/gallery/29228771/Billboard-Design-for-Naked-Juice> (date of access: 07.05.2020).
6. *Зарецкая Е.Н.* Риторика: Теория и практика языковой коммуникации. М. : Дело, 2001.
7. Cola wars: A social and political history [Electronic resource]. URL: <https://defence.pk/pdf/threads/cola-wars-a-social-and-political-history.492223/> (date of access: 07.05.2020).
8. *Росцупер Д. Р.* Реклама и продвижение товаров. СПб. : Питер, 2002.
9. Fresh Thyme Farmers Market [Electronic resource]. URL: <https://discover.freshthyme.com/shop/flyer>. – Date of access: 10.02.2024.
10. Galala Hills Branding & Launching Campaign on Behance [Electronic resource]. URL: https://www.behance.net/gallery/74662977/Galala-Hills-Branding-Launching-Campaign?tracking_source=search%7Cilmonte%20galala%20 (date of access: 07.05.2020).
11. *Мамонтов А. С.* Кросс-культурный анализ в аспекте рекламоведения. М. : Азбука, 2005.
12. Billboards Myammy! Moving in together at 50. [Electronic resource]. URL: <https://funnyjunk.com/Questionable+harmonious+wise+tarsier/auYbMnh/24> (date of access: 07.05.2020).
13. *Герасименко В. В.* Бренд-менеджмент: учеб. пособие. М: Проспект, 2019.
14. Zimnat brings relief to Zimbabweans living abroad and locally [Electronic resource]. URL: <https://www.thezimbabwean.co/2019/12/zimnat-brings-relief-to-zimbabweans-living-abroad-and-locally/> (date of access: 07.05.2020).

УДК 811.111

ТРАНСФОРМАЦИОННАЯ ВАРИАТИВНОСТЬ ПАРЕМИИ «ЕСЛИ ГОРА НЕ ИДЕТ К МАГОМЕТУ, ТО МАГОМЕТ ИДЕТ К ГОРЕ» В РУССКОЯЗЫЧНОМ ДИСКУРСЕ СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЕЙ

Е. В. Романаускас

*Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, rmnsks@rambler.ru*

Статья посвящена вопросу трансформационной вариативности паремии «если гора не идет к Магомету, то Магомет идет к горе» в дискурсе социальных сетей. Определена востребованность аутентичного и трансформированного вариантов паремии. Выявлена трансформационная вариативность паремии в дискурсе социальных сетей. Охарактеризованы особенности употребления паремии в данном типе дискурса.

Ключевые слова: паремия; трансформации; корпус; дискурс; интернет-дискурс; дискурс социальных сетей.

VARIABILITY OF THE TRANSFORMATIONS OF THE PAROEMIA “IF THE MOUNTAIN WON’T COME TO MOHAMMED, THEN MOHAMMED MUST GO TO THE MOUNTAIN” IN SOCIAL NETWORKS DISCOURSE

E. V. Romanauskas

*Belarusian State University,
Niezaliežnasci Av., 4, 220030, Minsk, Belarus, rmnsks@rambler.ru*

The article is concerned with the issue of variability of the transformations of the paroemia “if the mountain won't come to Mohammed, then Mohammed must go to the mountain” in social networks discourse. The demand for authentic and transformed versions of the proverb has been determined. The transformational variability of paroemia in the social networks discourse has been revealed. The features of the discursive use of paroemia has been characterised.

Keywords: paroemia; transformations; corpus; discourse; Internet-discourse; social networks discourse.

Под термином «паремия» многие современные исследователи понимают афоризмы народного происхождения; с самых древних времен афоризмы постоянно сопутствовали всем цивилизациям мира, они синтетически обобщали мудрость народа, отображали его интересы и чаяния, являясь своеобразными сгустками общественного мнения [1, с. 3].

Советский лингвист Г. Л. Пермяков определял понятие «паремиология» следующим образом: «паремиология – это наука, изучающая пословицы и поговорки» [2, с. 11]. Термин «паремия» автор использует для обозначения пословиц, поговорок, присловий, примет, поверий, и иных видов народных изречений. Советский филолог Н. Т. Федоренко отмечает, что «пословицы – важнейший материал для изучения исторических событий, этнографии быта и мировоззрения народа» [1, с. 36].

Особый интерес представляет изучение трансформации пословиц при помощи корпуса языка. Современные лингвисты высоко ценят роль корпусов языка в метаязыковых исследованиях. Так, А. А. Баркович отмечает «методологическую универсальность и эффективность корпусной лингвистики», «четкую идентификацию проблемной области, динамику и функциональность, аутентичность и высокую прецизионность результатов, богатство терминологического аппарата и востребованность обобщений как смежными дисциплинами, так и прикладной сферой в целом» [3, с. 5–13]. Корпус языка является одним из основных средств изучения функционирования паремий в дискурсе – «речевой деятельности, развернутой во времени и пространстве, обусловленной широким экстралингвистическим контекстом и коммуникационной спецификой» [4, с. 30]. В контексте современных реалий интерес представляет такая разновидность интернет-дискурса, как дискурс социальных сетей. По определению А. С. Рябовой, данный тип дискурса представляет собой «онлайн-коммуникацию внутри интернета, являющегося каналом связи между участниками общения, в рамках которой возможен синтез устной и письменной речи» [5, с. 9]. Иллюстративным примером трансформации паремий в дискурсе является пословица «если гора не идёт к Магомету, то Магомет идёт к горе». Анализ функционирования данной паремии в художественном дискурсе и медиадискурсе позволил выявить широкую трансформационную вариативность данной единицы. Целью данного исследования является анализ трансформационной вариативности паремии в дискурсе социальных сетей.

Основой изучения речевой вариативности рассматриваемой паремии стал опыт лексикографической разработки И. В. Горбань [6]. В своём исследовании автор доказывает, что паремии, как и фразеологизмы (согласно классификации А. М. Мелеровича и В. М. Мокиенко), могут быть подвергнуты тем или иным преобразованиям. Анализ репрезентативного корпуса контекстов употребления рассматриваемой паремии позволил идентифицировать несколько разновидностей структурно-семантических трансформаций.

Методом сплошной выборки по запросу «гора не идет» из корпуса «Социальные сети» Национального корпуса русского языка было ото-

брано 28 контекстов употребления данной паремии. Анализ данных случаев употребления показал, что в своем аутентичном виде (т. е. виде, указанном в паремиологических словарях) пословица использована лишь в 7 контекстах из 28, что составляет 25 % от общего количества случаев. Следовательно, паремия подверглась тем или иным трансформациям в 75 % случаев.

В дискурсе социальных сетей было выявлено три разновидности трансформации паремии «если гора не идет к Магомету, то Магомет идет к горе». В одном случае в одном контексте употреблены две трансформации паремии из двух нижеуказанных групп, поэтому количество случаев трансформаций составляет 22. В 3 случаях из 22 (14%) компонентный **состав** паремии был **сокращен наполовину**, например: *если гора не идет к Магомеду... Тем более, что она приглашала!* [7]. В 2 случаях из 22 (9%) в составе паремии произошла **замена компонентов** «гора» (2 случая) и «Магомет» (1 случай): *если гора не идет к Даширатху Манджхи, то он пойдёт к горе; если Кришна не идёт к монаху, то монах идёт к Кришне* [Там же].

В 17 случаях из 22 (77 %) трансформации подверглась вторая часть паремии, в результате чего на основе аутентичного варианта паремии при погружении в контекст употребления появились следующие **окказионализмы**: *если гора не идет к Магомеду, Магомед идет на**** (7 употреблений); *если гора не идет к Магомету, значит законы физики работают* (6 употреблений); *а раз «гора не идет к Магомету», то многие настоящие джазовые «Магометы» пошли к горе* (1 употребление); *если гора не идет к Магомету, значит, надо парню самому надевать штаны и топать к горе* (1 употребление); *если гора не идёт к Магомеду – то Магомед сейчас сам к горе на поезде поедет* (1 употребление); *если гора не идет к магомету, то магомет отправляется сам по пересеченной местности* (1 употребление).

Анализ контекстов употребления паремии «если гора не идет к Магомету, то Магомет идет к горе» в дискурсе социальных сетей показал, что трансформированный вариант паремии в 3 раза более востребован, чем ее аутентичный вариант. Наиболее популярной разновидностью трансформации паремии является создание окказиональной паремии на основе семантико-синтаксической структуры аутентичного варианта паремии. Соответственно, трансформационная вариативность паремии в дискурсе социальных сетей ограничивается тремя разновидностями, которые, однако, в значительной степени превосходят количество употреблений паремии в аутентичном виде. Примечательно, что в некоторых контекстах выявлено пренебрежение языковыми правилами (имена собственные начинаются со строчной буквы), стремление к экспрессивности

(использование восклицательных предложений и нецензурной лексики), применение стилистических фигур (метонимия). Данные факты свидетельствуют о востребованности языковой игры у носителей языка в контексте употребления паремии «если гора не идет к Магомету, то Магомет идет к горе» в дискурсе социальных сетей.

Библиографические ссылки

1. Федоренко Н. Т. Афористика. М. : Наука, 1990.
2. Пермяков Г. Л. Основы структурной паремиологии. М. : Наука, 1988.
3. Баркович А. А. Корпусная лингвистика: специфика современных метаописаний языка // Вестник Томского государственного университета. 2016. № 406.
4. Баркович А. А. Информационная лингвистика : Метаописания современной коммуникации : учеб. пособие. 3-е изд., стер. М. : ФЛИНТА, 2019.
5. Рябова А. С. Лингвистические особенности англоязычного дискурса социальных сетей // Огарев-Online. 2020. № 6 (143).
6. Горбань И. В. Роль паремий в речевых актах (на материале языка русской художественной литературы) : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / Саратов, 2010.
7. Корпус «Социальные сети» Национального корпуса русского языка [Электронный ресурс]. URL: <https://ruscorpora.ru/search?search=CgQyAggWMAE%3D> (дата обращения: 12.03.2024).

УДК 81'32

ФОРМАТНО-ЖАНРОВОЕ УСТРОЙСТВО МЕДИАРЕЧИ КАК ОБЪЕКТ МЕДИАТЕКСТОЛОГИЧЕСКОГО АНАЛИЗА

Н. Б. Смольская

*Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого,
ул. Политехническая, д. 29 литера Б, 195251, г. Санкт-Петербург, Россия,
n.smolskaia@yandex.ru*

Статья посвящена рассмотрению форматно жанрового устройства современной медиаречи. Цель данной статьи заключается в рассмотрении форматно-жанрового устройства медиаречи в качестве объекта изучения в рамках нового самостоятельного направления медиалингвистических исследований – медиатекстологии, актуальность разработки которого определяется динамичным развитием форматно-жанровой структуры современной медиаречи.

Ключевые слова: медиаречь; форматно-жанровое устройство; медиатекст; медиажанр; медиаформат; медиатекстология.

THE FORMAT AND GENRE STRUCTURE OF MEDIA SPEECH AS AN OBJECT OF MEDIATEXTUAL ANALYSIS

N. B. Smolskaia

*Peter the Great Saint-Petersburg Polytechnic University,
Polytechnicheskaya St., 29, bld. B, 195251, Saint-Petersburg, Russia,
n.smolskaia@yandex.ru*

The article considers the format and genre structure of modern media speech. The purpose of the article is to considerate the format-genre structure of media speech as an object of study within the framework of a new independent direction of media linguistic research – media textology, the relevance of the development of which is determined by the dynamic development of the format-genre structure of modern media speech.

Keywords: media speech; format and genre structure; media text; media genre; media format; media textuality.

Размывание границ традиционных журналистских жанров, распространение гибридных жанровых форм, объединяющих в себе черты различных функциональных типов медиатекстов, таких как infotainment, infomercial, educatainment и т. п., появление новых медиаформатов типа longread, explainer, смешение и обновление медиатекстовых форм – все эти процессы характерны для медиапрактик последних двух десятилетий, центральной категорией которых по-прежнему остается медиатекст.

Динамичное развитие информационно-коммуникационных технологий, в том числе появление новых мультимедийных платформ и возможностей для создания и форматирования медиаконтента, существенным образом влияет на жанровую типологию массмедийных текстов, а также оказывает заметное влияние на свойства и характер современного массмедийного контента, что неизбежно сказывается на том, в какой форме реализуется предлагаемое содержание, иначе говоря, на форматно-жанровых свойствах медиатекстов, и требует от исследователей поиска новых подходов к способам их классификации и структурно-типологического описания. Именно этим и определяется актуальность разработки детального систематизированного подхода к изучению структурно-типологического аспекта современной медиаречи, позволяющего учесть все особенности ее форматно-жанрового устройства в динамике. Решить задачу совершенствования типологического описания речевых медиапрактик в соответствии с требованиями времени, как представляется, может медиатекстология как отдельное направление медиалингвистических исследований, представляющее собой системный комплексный подход к изучению форматно-жанрового разнообразия современной медиаречи. Необходимость разработки медиатекстологии как отдельного перспективного направления изучения медиаречи отмечает Т. Г. Добросклонская [1, с. 144–145].

Вопросы типологического описания корпуса функционирующих в медийном пространстве текстов неоднократно становились объектом пристального внимания российских и зарубежных ученых. Различные аспекты жанровой стратификации массмедийного дискурса затрагивались в работах А. Н. Васильевой, Т. Г. Добросклонской, В. Г. Костомарова, В. А. Тырыгиной, А. Д. Швейцера и др.

Медиалингвистический подход наделяет медиатекст ключевым признаком, который заключается в том, что «при переносе в сферу массмедиа понимание текста выходит за пределы сугубо вербального уровня, приближаясь к семиотическому толкованию понятия «текст» как последовательности любых, а не только вербальных знаков» [1, с. 26].

Так, в зависимости от медийно-технологических свойств медиасредства (телевидение, пресса, радио), в рамках которого создается медиатекст, он разворачивается на нескольких уровнях, при этом образуя единое целое и приобретая черты объемности и многослойности – текст на телевидении формируется и вербальными средствами, и с использованием изображения, и через звуковой ряд; для радиотекстов свойственно сочетание вербального текста с музыкальными и аудиоэффектами; тексты печатной прессы зависят от особенностей графического оформления и наличия иллюстраций. Таким образом, медиатекст превращается

в поликодовое образование, приобретая новые структурно-смысловые характеристики.

Существенные изменения в понимание медиатекста как поликодового образования, сочетающего в себе элементы вербального и медийного (иллюстрации, видеоряд, звуковое сопровождение и пр.) уровней, возникли в результате активного распространения Интернета, которое сопровождалось появлением новых мультимедийных платформ, предоставляющих как профессиональным журналистам, так и обычным пользователям инновационные инструменты для создания и распространения медиаконтента.

Так, к настоящему времени сложилось четкое и принятое в научном сознании понимание медиатекста как сложного многослойного явления, основанного на неразрывной связи компонентов вербального и медийного уровней. Именно на данное понимание опираются в своих исследованиях медиатекста как российские, так и зарубежные ученые (Дускаева Л. Р., Шмелева Т. В., Полонский А. В., Чернышева Т. В., Глинчевский Э. И., Bell A. и др.).

Таким образом, в рамках данной статьи, вслед за Т. Г. Добросклонской, под медиатекстом с точки зрения медиалингвистики мы будем понимать «актуализированное в определенном медиаформате и объединенное общим смыслом последовательное сочетание знаковых единиц вербального и медийного уровней» [1, с. 30]. Используемый в данном определении термин «медиаформат» представляется более универсальным в плане использования в рамках различных подходов к описанию массмедийных текстов.

Динамичное развитие информационно-коммуникационных технологий, в том числе появление новых мультимедийных платформ и возможностей для создания и форматирования медиаконтента, существенным образом влияет на жанровую типологию массмедийных текстов, а также оказывает заметное влияние на свойства и характер современного массмедийного контента, что неизбежно сказывается на том, в какой форме реализуется предлагаемое содержание, иначе говоря, на форматно-жанровых свойствах медиатекстов.

Современные специфические формы медиатекстов свидетельствуют о стремлении средств массовой коммуникации к структурированию и оптимизации содержания, трансформации жанровой системы, изменению механизмов трансляции контента. Эффективному взаимодействию медийного текста с массовой аудиторией служат актуальные тенденции в развитии языка медиа, в формировании которого участвуют различные семиотические системы и который характеризуют «структурно-языковой синкретизм, негомогенность медиатекста, разнородность знакового ма-

териала, сочетание кода вербального языка и элементов невербальной коммуникации» [2]. Всё это приводит к размыванию границ традиционных журналистских жанров, распространению гибридных жанровых форм, объединяющих в себе черты различных функциональных типов медиатекстов, таких как *infotainment*, *infomercial* или *educatainment*, или к появлению новых медиаформатов типа *longread* и *explainer*, а далее и к смешению и обновлению медиатекстовых форм. Перечисленные выше процессы характерны для медиапрактик последних двух десятилетий, и по-прежнему центральной категорией для них остается медиатекст [3, с. 119].

И если категоризация медиатекстов в зависимости от медийно-технологических свойств медиасредства (телевидение, радио, пресса) является бесспорной и общепринятой, то именно обилие трансформированных медиажанров и форм распространения информации, их взаимозаменяемость и легкодоступность выбора требуют от исследователей поиска новых подходов к способам классификации и структурно-типологического описания медиатекстов. В поисках ответа на поставленный Т. Г. Добросклонской вопрос «Каковы критерии типологической классификации медиатекстов?» [4, с. 20] в рамках данной статьи рассмотрим основные аспекты взаимодействия и взаимовлияния жанра и формата современных медийных текстов и, как следствие, формирование форматно-жанровой структуры медиатекстов, находящей отражение в форматно-жанровом разнообразии медиаречи.

Описать сегодня все журналистские жанры и даже подсчитать их в условиях динамики жанровой системы, появления новых, трансформации старых, креолизации, воздействия на жанры технического прогресса представляется крайне сложным. В рамках современной медиаречи канонические (традиционные) медиажанры, к которым исследователи относят новость, статью, репортаж, интервью, очерк, расследование, обзор, фельетон, продолжают существовать, будучи объединенными в три основные группы «высшего порядка» – информирующая группа жанров, аналитическая группа жанров и группа, объединяющая жанры, обслуживающие развлечение, досуг [5, с. 1111]. Интересным для рассмотрения проблемы типологизации медиатекстов представляется утверждение О. Н. Копытова о том, что по аналогии с теорией речевых жанров М. М. Бахтина, можно говорить о «первичных» и «вторичных» медиажанрах с дальнейшим развитием данного умозаключения в сторону тесной связи медиажанра и формата как условий и среды, задающих особенности именно этого медиажанра [6, с. 143].

Обращает на себя внимание пока достаточно устойчивая тенденция обособленного изучения и отграничения медиажанров и (ме-

диа)форматов в современной медиаречи. Так, Т. И. Сурикова указывает на активизации употребления понятия «формат» в теории и практике массовой коммуникации в условиях, когда свои позиции стандартов и эталонов утратили понятия «тип СМИ», «жанр», «стиль» [7, с. 27]. «Из статьи В. Л. Цвика, который говорит о том, что “формат включает в себя признаки определенного жанра”, следует, что понятие формата является более широким, чем понятие жанра» [8, с. 132].

Такое понимание сути взаимоотношений медиажанров и форматов представляется недостаточно корректным. Стремительное развитие медиасреды порождает новые возможности для создания медиатекстов, существенно влияя на методы их производства и на модель распространения. Динамика жанровой системы, появление новых и трансформация старых медиажанров, креолизация и воздействие на жанры технического прогресса – всё это создает серьезные сложности в описании всего корпуса медиажанров. В текущей ситуации медиажанр уже не является финальной типизированной формой оформления содержательно-формального единства медийного текста. Медиажанр существует в условиях и среде определенного формата, который, с одной стороны, во многом предопределяет создание медиатекста, а с другой стороны, задает особенность именно этого жанра для данного медиатекста, но есть еще и третья сторона – когда медиатекст этого жанра находится в одном ряду с другими медиажанрами именно этого формата.

Из вышеуказанного следует, что типологическое описание современного устройства медиаречи невозможно без учета новых тенденций в развитии информационно-коммуникационных технологий, в том числе появления новых мультимедийных платформ и возможностей для создания и форматирования медиаконтента, которые существенным образом влияют как на жанровую типологию массмедийных текстов, так и на свойства и характер современного массмедийного контента, что неизбежно сказывается на том, в какой форме реализуется предлагаемое содержание, иначе говоря, на форматно-жанровых свойствах медиатекстов. Таким образом, устойчивое соединение определенных внешних признаков с устойчивыми компонентами содержания и стиля будет являться основой для проведения детального систематизированного подхода к изучению структурно-типологического аспекта современной медиаречи и позволит учесть все особенности ее форматно-жанрового устройства в динамике, а также описать форматно-жанровое разнообразие современной медиаречи.

Таким образом, именно медиатекстология как новое актуальное направление исследования медиатекстов, оформленное в виде системного комплексного подхода к изучению современной медиаречи, позволит

разработать типологическое описание речевых медиапрактик с учетом динамики медиаречи, распространения новых форм репрезентации медиаконтента и особенностей его структурирования, включая тенденции к гибридизации и конвергенции.

Библиографические ссылки

1. *Добросклонская Т.* Медиалингвистика: теория, методы, направления. Издат. система Ridero, 2020.
2. *Тяжлов Я. И.* Актуальные формы медиатекстов, посвященных кино: жанровые и языковые тенденции [Электронный ресурс] // Медиалингвистика. 2016. № 2 (12). С. 71–80. URL: <https://medialing.ru/aktualnye-formy-mediatekstov-posvyashchennyh-kino-zhanrovye-i-yazykovye-tendencii/> (дата обращения: 21.12.2023).
3. *Добросклонская Т. Г., Смольская Н. Б.* Медиатекстология: системный подход к изучению форматно-жанрового разнообразия современной медиаречи // Вестник Московского университета. Серия 19: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2023. № 4. С. 118–135.
4. *Добросклонская Т. Г.* Медиалингвистика: системный подход к изучению языка СМИ. М., 2008.
5. *Пастухов А. Г.* Медиажанры и композиционно-речевые формы журналистики: связи и отношения // Вестник Кемеровского государственного университета. 2020. Т. 22, № 4 (84). С. 1107–1115.
6. *Копытов О. Н.* Факт, жанр, формат как главные экстралингвистические элементы современного медиатекста // Мультимедийная журналистика Евразии-2015: медиатизация социально-культурного пространства и медиакратия в условиях новой медиареальности Востока и Запада. Евразия молодая: сборник материалов и научных статей IX Международной научно-практической конференции (10–11 декабря 2015 года). – Казань: Казанский (Приволжский) федеральный университет, 2016. С. 139–148.
7. *Сурикова Т. И.* Смысловое поле понятия «формат» в массовой коммуникации // Вестник Московского университета. Сер. 10. Журналистика. 2010. № 6. С. 25–29.
8. *Федоровская В. О.* Литературная критика в ток-шоу. Проблема медиаформата // Жанры и типы в научном и медийном дискурсе: сборник научных трудов (18–19 сентября 2020 года). Выпуск 17. Орел : Орловский государственный институт культуры, 2020. С. 130–145.

УДК 81'373"10/18" + 81'42

КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ СНЕГА В ПОЭТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ В. БРЮСОВА

А. Н. Федоринчик

*Белорусский государственный педагогический университет имени Максима Танка,
ул. Советская, 18, 220030, г. Минск, Беларусь, fedorinchik.alla@mail.ru*

В статье исследуется концептуализация снега в поэтическом дискурсе В. Брюсова. Рассматриваются традиционные и индивидуально-авторские представления о снеге. Анализируются лексемы-репрезентанты снега, раскрывающие специфику поэтического мира В. Брюсова. Выявляются метафорические репрезентации снега в поэтических контекстах художника слова. Утверждается значимость реализаций снега в воплощении образа зимы в поэзии В. Брюсова, в отражении специфики русского языкового сознания.

Ключевые слова: поэтический дискурс; В. Брюсов; снег; образ зимы.

CONCEPTUALIZATION OF SNOW IN V. BRYUSOV'S POETIC DISCOURSE

A. N. Fedorinchik

*Maxim Tank Belarusian State Pedagogical University,
Sovetskaya St., 18, 220030, Minsk, Belarus, fedorinchik.alla@mail.ru*

The article examines the conceptualization of snow in the poetic discourse of V. Bryusov. Traditional and individual author's ideas about snow are considered. The lexemes representing snow are analyzed, revealing the specifics of the poetic world of V. Bryusov. Metaphorical representations of snow in the poetic contexts of the artist of the word are revealed. The significance of the realization of snow in the embodiment of the image of winter in the poetry of V. Bryusov, in reflecting the specifics of Russian linguistic consciousness, is affirmed.

Keywords: poetic discourse; V. Bryusov; snow; the image of winter.

Богатство языка поэзии определяется разнообразием грамматического и лексического строя художественного пространства. Рассмотрение творчества художника слова сквозь призму взаимодействия мышления, сознания и языка во многом определяет в современной лингвистике актуальность анализа концептуального наполнения поэтического дискурса автора. Ученые исследуют образ зимы, в частности, снега в философском, лингвокультурологическом, лингвокогнитивном аспектах [1, 2, 3]. До сих пор концептуализация снега в поэтическом дискурсе

В. Брюсова не являлась предметом пристального внимания исследователей. Поэтому целью данной работы является исследование концептуализации снега в поэтическом дискурсе В. Брюсова, рассмотрение традиционных и индивидуально-авторских представлений о снеге в картине мира поэта и русском языковом сознании.

Материалом исследования послужили 337 контекстов, содержащих описание снега, извлеченных из поэтических текстов собрания сочинений В. Брюсова в 7 томах [4; 5; 6]), а также данные Национального корпуса русского языка (поэтический корпус) [7].

Количественное словоупотребление (далее с/у) лексем-репрезентантов снега [7] свидетельствует об актуальности реализации данных лексем в осмыслении специфики поэтического мировосприятия В. Брюсова:

1) *снег* – 151 с/у, *снежинки* – 3 с/у, *сугроб* – 4 с/у, *иней* – 8 с/у; *лед* – 51 с/у, *ледник* – 4 с/у, *льдинка* – 3 с/у, *наст* – 1 с/у; *вьюга* – 18 с/у, *метель* – 14 с/у, *метелица* – 1 с/у, *пурга* – 1 с/у;

2) *снежный* – 43 с/у, *белоснежный* – 11 с/у; *ледяной* – 15 с/у, *льдинистый* – 2 с/у; *мерзлый* – 1 с/у, *обмерзлый* – 2 с/у; *метельный* – 2 с/у;

3) *оснеженный* – 2 с/у.

В ходе исследования поэтических произведений В. Брюсова выявлены и синонимические репрезентанты снега: *снег*, *снежинки*, *сугробы*, *белизна*, *белый прах*, *снежный дождь*, *снежные хлопья* и т. д.

Значимость реализаций снега в воплощении образа зимы в поэтическом дискурсе В. Брюсова и раскрытии авторского мировоззрения подтверждается употреблением лексем-репрезентантов в сильной позиции текста («Снега», «Первый снег», «Как царство белого снега», «Вечер среди снегов», «Снежинки», «Снежная Россия» и др.).

В поэзии В. Брюсова снег имеет традиционные и индивидуально-авторские осмысления. Традиционное значение ключевой лексики-репрезентанта снег «атмосферные осадки – белые пушинки, хлопья, представляющие собой кристаллики льда, а также сплошная масса этих осадков, покрывающая землю зимой» [8, с. 737] реализуется в разнообразных контекстах: *Была зима; лежали плотно / Снега над взрыто-стью полей* («Солнцеворот»); *Под землей, под слоем снега, / Верит сонное зерно, / Что весной воде, с разбега, / Разбудить поля дано* («Перед маем»); *По берегу – снег, и песок, и кусты* («Вдоль моря») и т. д.

Снег у В. Брюсова ассоциируется не только со смертью (*предсмертный снег, по последнему снегу, покров <...> мертвых снегов, в безжизненном инее*), но и с бессмертием (*бессмертные снега, вечными снегами, святыни снега*), что говорит о включенности образа снега в

концептуальную диаду «жизнь – смерть» о наполнении данного образа сакральными коннотациями ценности бытия и мироздания.

Существенную роль в реализации авторских мироощущений играет метафоризация снега. В ходе исследования выявлены концептуальные метафоры (далее К-метафоры), которые определяются как пары, конкретизирующие языковые и культурные соответствия между источником и целью, являются средством познания семантической структуры лексем–репрезентантов снега. Так, в поэтических текстах В. Брюсова снег эксплицируется через образ ткани посредством К-метафор *снег – бархат*: *И церемониймейстер, с мебели бархат снега спарывая, / Расстилает парчу зелени вдоль поречий* («Ультиматум весны»), *снег – парча*: *И снится луг, зеленые холмы, / И горные мятежные проходы, / И блеск парчи на пологе зимы* («Подземные растения»), *снег – ткань*: *Гляжу: лишь тень моя, одна, / На ткани снежного покрова* («Снега»). Данный образ снега связан с философским осмыслением зимы как части мироздания, которое «снуется», сплетается из снежных нитей.

Брюсовское представление о снеге раскрывается через природные стихии. Огонь репрезентируется К-метафорой *снег – искры*: *Ветер гонит искры снега / Мимо окон, застя снег*; («От виска и до виска»), вода – К-метафорой *снег (сугробы) – ручьи*: *Журча, по склонам сбежали ручьями сугробы*, («Апрельский хмель»), земля – К-метафорой *снег – клочок земли*: *Сгинь, клочок последний снега!* («Майский дождь»), воздух – К-метафорой *снег – вихрь*: *Вот дунул ветер, поднял вихри снега* («Южный крест»). Синкретизм стихий воздух и вода манифестируется К-метафорой *снег – тучи*: *А когда застонет буря, снег подымется, как тучи*; («Пышны северные зимы, шестимесячные ночи!...»).

Зимняя природа в поэтических текстах В. Брюсова то замирает (*сон снегов*), то оживает, становится непредсказуемой. Например, снег у поэта метельный, он действует агрессивно: *Дома сугробами задавлены, / Плетни под снегом не видны* («Снежная Россия»), а выюга ликует, бушует, поет, трубит, пляшет, свистит и смеется: *В свисте вьюги взрывы смеха* («От виска и до виска»). Перцептивными признаками наделяется и метель (*под шумный гул метели, за ропотом снежной метели*).

Пространство снега необъятно, оно поглощает Россию и наполняет мир молчанием: *За полем снежным – поле снежное, / Безмерно-белые снега; / Везде молчанье неизбежное, / Снега, снега, снега, снега!* («Снежная Россия»). Концептуальная диада «снег – молчание», реализованная в приведенном контексте, отражает авторское эмоционально-оценочное восприятие зимней России. Россия у поэта – это снежная страна, это *царство белого снега*. К-метафора *снег – вместилище* дополняет данное представление о России: *Зубчатый хребет, озираясь на*

море, / За ними белеет, в **снегах погребен** («Вдоль моря»). К тому же, для В. Брюсова характерна вертикаль «низ – верх», которая раскрывается через К-метафору **снег (белизна) – бездна**: *Деревья кое-где расставлены, / Как пятна в безднах белизны* («Снежная Россия»).

В некоторых контекстах отражены предметные признаки снега, которые репрезентируются К-метафорами **снег – глыба**: *Бессильно тают глыбы снега, / Река разламывает лед*, («В. И. Прибыткову»), **снег – стог**: *Не память, – зов, хмельней вина, – / К стогам снегов, к весенним нивам, / Где с Волгой делит дол Двина!* («Не память»), **снег – дым**: *Миги застит дымный снег* («На лыжах»).

Авторское восприятие зимней природы раскрывается через качественные характеристики снега (*холодный снег, под рыхлым снегом, меж льдистых снегов, влажный снег, истаявший снег, тающий снег, призрачный снег, хруст снега*). Снега у В. Брюсова статичны и подвижны, передают эмоциональное восприятие лирического героя (*мучительный снег, угрюмый сугроб*). Кроме этого, концептуальное наполнение снега репрезентируется посредством колоративной лексики. Белый цвет у поэта символизирует чистоту и красоту возлюбленной: *Белая, на белом снеге / Предо мной смеешься ты* («На санках»), подчеркивает контрастность мира: *Черные тени узорной решетки / Ясно ложатся по белому снегу* («Черные тени узорной решетки»). Синий цвет снега ассоциируется с небесной чистотой и родиной: *Давних далей сбываньем тревожимы, / Все ж мы ждем у былых берегов, / В красоте наших нив над Поволжьями, / Нежных весен и синих снегов!* («Родное»). В поэтических произведениях В. Брюсова палитра красок снега изменчива. Снег у поэта *одноцветный, белеющий, потемневший*. В преддверии новогодних праздников декабрьский снег серебряный: *Но с лазури будут звезды те же / Снег декабрьский серебрить во мгле* («В ночь под Новый год»), а весной городской снег серый: *Городская весна подошла, растопила / Серый снег, побежали ручьи* («Городская весна»), в мае снег алый: *Если утром нежно жалить / Должен алый луч снега* («Перед маем»). Богатство красок зимней природы раскрывается посредством синкретизма цвета и света: *Под ветром зыблемые нивы / Бессчетных отсветов полны, / И знают дивные отливы / Снега под отблеском луны* («Пока есть небо»); *Сначала в белый блеск снегов / Земля невестой облачится* («Предвещание»); *Твой снег сияньем розоватым / На кручах каменных горит* («К Арарату»). Пора цветения у поэта уподобляется снегу: *Акации, опьянены закатом, / Льют нежный дух, клоня свои листки, / К ним ветер льнет, и вихрем беловатым, / Как снег, летят пахучие цветки* («Цветы роняют робко лепестки...»); *Не весенний снег / Убелил весь горный скат: / Это*

вишни цвет! («Не весенний снег»); *Ландыш милый, ландыш нежный, / Белый ландыш, ландыш снежный, / Наш цветок!* («Ландыш»).

Таким образом, традиционные и индивидуально-авторские представления о снеге в поэтическом дискурсе В. Брюсова свидетельствуют о целостности картины мира художника слова. Метафорические репрезентации снега подтверждают значимость образного восприятия зимней природы. Выявленные концептуальные реализации снега играют важную роль в воплощении образа зимы в поэзии В. Брюсова, в отражении специфики русского языкового сознания.

Библиографические ссылки

1. Булина Е. В. Языковой континуум ключевой идеи «зима» в русской картине мира: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Башкир. гос. ун-т. Уфа, 2021.
2. Евсеева О. А. Ассоциативно-смысловое поле «зима» в межтекстовом пространстве русской поэзии XX века: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01. Тамбов, 2018.
3. Кузьмина Р. П. Особенности концептуализации снега в языковом сознании эвенов [Электронный ресурс] // Мир науки. Социология, филология, культурология. 2021. Т. 12, № 4. URL: <https://sfk-mn.ru/PDF/16FLSK421.pdf> (дата обращения: 14.01.2024).
4. Брюсов В. Собрание сочинений: в 7 т.. Под общ. ред. П. Г. Антокольского [и др.]; подгот. текстов и примеч. Н. С. Ашукина [и др.]. М.: Художеств. лит., 1973. Т. 1.
5. Брюсов В. Собрание сочинений: в 7 т. Под общ. ред. П. Г. Антокольского [и др.]; подгот. текстов и примеч. Н. С. Ашукина [и др.]. М.: Художеств. лит., 1973. Т. 2.
6. Брюсов В. Собрание сочинений: в 7 т. Под общ. ред. П. Г. Антокольского [и др.]; подгот. текстов и примеч. Н. С. Ашукина [и др.]. М.: Художеств. лит., 1974. Т. 3.
7. Поэтический корпус [Электронный ресурс] // Национальный корпус русского языка. URL: <https://ruscorpora.ru/new/search-poetic.html> (дата обращения: 14.01.2024).
8. Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений. 4-е изд. М. : Технологии, 2006.

СЕКЦИЯ IV ЛЕКСИКОГРАФИЯ И ПЕРЕВОДОВЕДЕНИЕ

УДК 811.161.3'373.46:69

ТЭРМІНЫ БУДАЎНІЧАЙ СФЕРЫ Ў СУЧАСНАЙ БЕЛАРУСКАЙ МОВЕ: ТЭРМІНАГРАФІЧНЫ АСПЕКТ

Т. С. Бабровіч

*Беларускі дзяржаўны педагагічны ўніверсітэт імя Максіма Танка,
вул. Савецкая, 18, 220030, г. Мінск, Беларусь, tanyabobrovich@yandex.ru*

У артыкуле разглядаецца тэрміналогія будаўнічай сферы ў сучаснай беларускай мове ў тэрмінаграфічным аспекце. Будаўнічыя тэрміналагічныя адзінкі прадстаўлены ў лексікаграфічных крыніцах розных перыядаў, што дае магчымасць для усебаковага вывучэння намінацый дадзенай сферы. Пры складанні спецыяльнага слоўніка тэрміналогіі будаўніцтва трэба ўлічваць асаблівасці складу і функцыянавання моўных адзінак у сучаснай беларускай мове.

Ключавыя словы: тэрміналогія; лексікаграфія; слоўнікі; будаўнічыя найменні; слоўнікавы артыкул.

TERMS OF THE CONSTRUCTION SECTOR IN MODERN BELARUSIAN LANGUAGE: TERMINOGRAPHIC ASPECT

T. S. Babrovich

*Belarusian state pedagogical university named after Maxim Tank,
Sovetskaya St. , 18, 220030, Minsk, Belarus, tanyabobrovich@yandex.ru*

The article discusses the terminology of the construction sector in the modern Belarusian language in the terminographic aspect. Construction terminological units are presented in lexicographic sources of different periods, which makes it possible to comprehensively study the nominations of this area. When compiling a special dictionary of construction terminology, it is necessary to take into account the peculiarities of the composition and functioning of linguistic units in the modern Belarusian language.

Keywords: terminology; lexicography; dictionaries; construction names; dictionary entry.

Фіксацыя дасягненняў чалавечай цывілізацыі, з'яўленне новых паняццяў адбываецца пра дапамозе навуковай тэрміналогіі. У сучаснай беларусістыцы назіраецца значная цікавасць лінгвістаў да вывучэння

тэрмінаў і тэрмінасістэм, абумоўленая, з аднаго боку, актыўным ростам колькасці тэрміналагічных намінацый, з другога, неабходнасцю грунтоўных тэрэтычных распрацовак у плане сістэмнай арганізацыі, іх лексіка-семантычнага аналізу, граматычных і генетычных характарыстык. Асабліваю актуальнасць набывае вырашэнне пытанняў фарміравання і ўпарадкавання галіновых тэрміналагічных сістэм, без якога немагчыма ўнармаванне нацыянальнай тэрміналогіі ў цэлым.

Тэрміналогія будаўнічай сферы не была аб'ектам спецыяльнага аналізу ў беларускім мовазнаўстве, яе матэрыял не сістэматызаваны да гэтага часу, адсутнічаюць беларускамоўныя лексікаграфічныя даведнікі. Адсюль вынікае тэрэтычная і практычная неабходнасць аналізу будаўнічых тэрмінаў і стварэнне слоўніка будаўнічай тэрміналогіі.

Тэрмінасістэма будаўніцтва з'яўляецца адносна маладой і да канца не сфарміраванай галіной у мовазнаўстве, якая прадстаўлена не толькі вузкаспецыяльнымі будаўнічымі тэрмінамі, але і сукупнасцю міжнавуковых і агульнанавуковых тэрмінаў. Будаўнічая тэрмінасістэма непасрэдна залежыць ад тэмпу развіцця будаўніцтва, якое ўдасканальваецца і папаўняецца рознымі прагрэсіўнымі тэхналогіямі пад уздзеяннем навукова-тэхнічнага прагрэсу. Функцыянальная разнастайнасць тэрмінаў, хуткае папаўненне новымі тэрміналагічнымі адзінкамі ўскладняе ўстанаўленне сістэмных адносін, што выклікае неабходнасць распрацоўкі крытэрыяў для класіфікацыі паняццяў і пабудовы тэрмінасістэмы дадзенай прадметнай вобласці, а таксама фіксаванне тэрміналагічных намінацый у лексікаграфічных крыніцах.

Будаўнічая тэрміналогія ўяўляе своеасаблівую лексічную сістэму, якая складвалася на працягу доўгага часу і ўзыходзіць да прафесійнай лексікі будаўнікоў ранніх перыядаў развіцця грамадства. Будаўнічыя найменні шырока прадстаўлены ў лексікаграфічных крыніцах старажытнага перыяду. Так, у выданнях Ф. Скарыны адзначаюцца наступныя тэматычныя групы: *назвы будынкаў рознага прызначэння і іх частак* (гумно, домъ, клетъ, хлевъ; лествица, окно, печь, стена, стреха і інш.), *матэрыялы* (глина, жезелезо, медъ, олово, руда, свинець і інш.) [1, с. 325].

Даследаванне семантыкі будаўнічых найменняў старабеларускай мовы засведчыла наяўнасць адназначных і мнагазначных слоў. Так з адным значэннем ужываюцца: *двери* (*дверы*) 'дзверы'; *драница* 'драніца'; *вапна* (*вапно*) 'вапна'; *одрына* (*одрина*) 'адрыны'; *стайня* 'стайня'; *кафель* (*кафля, кахель, кахля*) 'кафля'; *свирень* (*сверень, свиронь*) 'свіран'; *пуня* 'пуня' [2].

Мнагазначныя словы выступаюць адначасова як члены некалькіх лексічных аб'яднанняў, што ў сваю чаргу з'яўляецца прычынай

адразнення ў іх спалучальных магчымасцях: **домъ** ‘дом’, ‘сядзіба’, ‘гаспадарка’, ‘род’; **дворецъ** ‘палац’, ‘маёнтак’; паверхня чаго-н., ‘перан. перашкода’; **дах** ‘дах’, ‘жыллё’; **дошка** (**доска**, **досчка**, **досічка**, **дошка**) ‘дошка’, матэрыял для пісьма’, ‘мн. прылада для катавання’ [2].

У лексікаграфічных працах зафіксаваны як універбальныя, так і полівербальныя найменні. Сярод полівербальных найменняў дамінуюць словазлучэнні, якія ўтвораны шляхам злучэння двух і больш слоў і ўяўляюць сабой асноўны тып асобнааформленых намінацый, служаць разгорнутым азначэннем адзінага аб’екта. М. А. Корчыц падкрэслівае, што найбольш тыповамі з’яўляюцца неаднаслоўныя найменні з галоўным кампанентам назоўнікам і залежнымі кампанентамі прыметнікамі і дзеепрыметнікамі [3, с. 10]. Аналіз неаднаслоўных найменняў будаўнічай тэрміналогіі дазваляе ўстанавіць крэтэры, паводле якіх адбываецца найменне: 1) *матэрыял*, з якога зроблены прадмет: блоны **склееныя**, бляха **жестяная**; 2) *прыкмета прадмета* паводле будаўнічага працэсу: ганокъ **вязаный**, брусье **тесаное**; 3) *прызначэнне прадмета*: бярвене **иструбное**, гвозде **даховочное**; 4) *ступень гатоўнасці да выкарыстання*: цегла **готовая**, дерево **готовое**; 5) *здольнасць выконваць пэўныя дзеянні*: окно **отвористое**, оконницы **засовистые**; 6) *наяўнасць той ці іншай дэталі*: домъ **замчистый**, оконницы **завесистые**, двери **на бегунахъ**; 7) *колькасць частак або дэталей*: свідеръ **тройчанный**, сень **у три стены**; 8) *складанасць або нескладанасць канструкцыі, прыгатавання, вытворчасці*: черепица **простая**, замокъ **слепый**, двери **простые**; 9) *месцазнаходжанне прадмета*: будованье **верхнее**, изба **противная**, кватеры **исподние**; 10) *спосаб размяшчэння рэаліі*: домъ **приземистый**, замокъ **нутреный**, светлица **поземная**; 11) *форма прадмета*: шкло **округлое**, дерево **облое**, замокъ **колодовый**; 12) *памер прадмета*: цегла **малая**, домъ **низкий**; 13) *колёр прадмета*: гвозде **жовтое**, кафля **белая**, железо **белое** і інш. [3, с. 12].

Паводле граматычнай будовы ў старабеларускай мове ў адзначаных тэматычных групах выдзяляюцца наступныя тыпы: **назоўнік+прыметнік** (замокъ **простый**, гвозде **латное**); **назоўнік+дзеепрыметнік** (домъ **тесанный**, вапна **сажонная**); **назоўнік+назоўнік з прыназоўнікамі** (двери **на стежкахъ**, домъ **на подклетахъ**); **назоўнік+назоўнік+прыметнік** (зрубъ **облого дерева**, ганокъ **на седене летнее**); **назоўнік+назоўнік з прыназоўнікамі+прыметнік (дзеепрыметнік)** (дерево **на будованье годное**, светлица **з бярвенья рубленая**) [3, с. 10].

Пасля доўгага перапынку ў пачатку ХХ ст. адбылося значнае ажыўленне тэрміналагічнай работы і ўзбагачэнне беларускай будаўнічай

тэрміналогіі. На прыкладах шэрагу найменняў мы бачым, працяг традыцый старабеларускай мовы ў выкарыстанні пэўных намінацый і жывой народнай мовы. Так, у «Беларуска-расійскім слоўніку» (1926) М. Байкова і С. Некрашэвіча зафіксаваны наступныя будаўнічыя найменні: *вакно, бакоўка, баляса, бервяно, будова, будоўля, будыніны, вапна, гліна, дах, драўніна, дыля, ёўня, жэрдка, камора, майстэрня, прадпрыемства, хата* і інш. [4].

У слоўніку «Тэхнічная тэрміналогія», які быў выдадзены ў 1932 годзе пад рэдакцыяй А. Гурло, прысутнічае значная частка намінацый з галіны будаўніцтва. Некаторыя з іх з’явіліся шляхам тэрміналагізацыі агульнаўжывальных слоў: *беліва, галоўка, ліст, шоў*. Пэўныя найменні былі пададзены ў некалькіх варыянтах: *алюміні – алюмін, шоў – шво, сплаў – сплавак, балка – бэлька* [5]. Як адзначае Н. Я. Пятрова, наяўнасць такіх варыянтаў тлумачыцца, хутчэй за ўсё, імкненнем аўтараў да актывізацыі ўласнамоўных патэнцый беларускай мовы, а таксама ўплывам дыялектнага маўлення [6, с. 67]. У слоўніку прадстаўлены і неаднаслоўныя найменні будаўнічай сферы: *азбэставая вата, анкерная пліта, анкерны болт, гашаная вапна, двухрэзная заклёпка, нікелевы дрот, каменная кладка*.

На сучасным этапе развіцця беларускай мовы ў якасці крыніц будаўнічай тэрміналогіі можна разглядаць такія слоўнікі, як пяцітомны «Тлумачальны слоўнік беларускай мовы» (пад рэд. К. К. Атраховіча, 1977-1984) [7], «Тлумачальны слоўнік беларускай літаратурнай мовы» (пад рэд. І. Л. Капылова, 2016) [8], двухтомны «Русско-белорусский политехнический словарь» (пад рэд. І. Л. Бурак, 1998) [9], «Русско-белорусский словарь по основам строительного дела (склад. П. С. Бабарыка, 1994) [10], «Руска-беларускі навукова-тэхнічны слоўнік» (склад. А. М. Савіцкая, 2010) [11], «Слоўнік новых слоў беларускай мовы» (склад. В. І. Уласевіч, Н. М. Даўгулевіч) [12]. У дадзеных лексікаграфічных працах будаўнічыя тэрміны адлюстраваны фрагментарна, непаслядоўна, без неабходных памет.

З улікам сучасных традыцый лексікаграфічных крыніц пры складанні слоўніка будаўнічай тэрміналогіі трэба ўлічваць, што тэрміналогія будаўніцтва ўключае агульнанавуковыя тэрміналагічныя адзінкі (*аналіз, акустыка, атмасфера, корпус*), галіновую ці профільную лексіку (*бетон, цэмент, арматура*), а таксама вузкаспецыяльную тэрміналогію, зразумелую толькі спецыялістам (*гнэйс, ганч, герніт*). Так, асновай слоўнікавага артыкула на літару «А» могуць лічыцца наступныя тэрміны: *абразіў, абрыс, абсарбент, акрыл, алебастр, алюміній, андэзіт, анкер, арка, арматура, азбест, асфальт, аўтаклаў* і інш. Слоўнікавы артыкул значна пашыраецца, пры ўключэнні вытворных тэрміналагічных

адзінак. Напрыклад, тэрмін *асфальт* у ходзе дэрывацыйных адносін далучае такія адзінкі, як *асфальтэны, асфальтаванне, асфальтыт, асфальтабетон, асфальтабетоназмешвальнік, асфальтаўкладчык*; тэрмін *бетон* далучае такія моўныя адзінкі, як *бетанаванне, бетаніт, бетанавод, бетанавоз, бетонамяшалка, бетонапалімер*; тэрмін *шлак* далучае такія тэрміны, як *шлакабетон, шлакаблок, шлакавата, шлакацэмент, шлакапортландцэмент, шлакапемзабетон* і інш.

У якасці тэрміналагічных адзінак ужываюцца словазлучэнні, таму пры складанні слоўнікавага артыкула неабходна ўлічваць залежныя атрыбутыўныя кампаненты кожнага тэрміна. Так, тэрмін *бетон* далучае наступныя кампаненты: *бетон аўтаклаўны, бетон асфальтавы, бетон цвёрды, бетон абліцовачны, бетон маналітны, бетон вапняковы, бетон лёгкі, бетон ячэйсты* і інш. Будаўнічы тэрмін *гіпс* далучае кампаненты: *гіпс валакністы, гіпс палены, гіпс паўгідратны, гіпс будаўнічы, гіпс тынкавальны*. Тэрміналагічная адзінка *вапняк* зафіксавана з наступнымі атрыбутыўнымі кампанентамі: *вапняк белы, вапняк бітумінозны, вапняк гліністы, вапняк ракушачны, вапняк зярністы* і інш.

Такім чынам, тэрміналогія будаўніцтва мае даўнюю гісторыю ўзнікнення і развіцця, з'яўляецца важнай часткай лексічнай сістэмы беларускай мовы. Тэрміналагічныя адзінкі будаўнічай сферы зафіксаваны ў розных лексікаграфічных крыніцах, якія даюць магчымасць прааналізаваць семантычныя і структурныя асаблівасці будаўнічых тэрмінаў. Далейшая праца па сістэматызацыі і фіксацыі тэрмінаў будаўніцтва дасць магчымасць стварыць спецыяльны слоўнік, задача якога адлюстравіць паняццйна-лагічныя асаблівасці ў галіне будаўніцтва.

Бібліяграфічныя спасылкі

1. Булыка А. М. Лексіка выданняў Ф. Скарыны // Лексіка старабеларускай літаратурна-пісьмовай мовы XIV – сяр. XVI ст. Мінск : Беларуская навука, 2016.
2. Падручны гістарычны слоўнік субстантыўнай лексікі: у 2 т. Нац. акад. навук Беларусі, Цэнтр даслед. беларус. культуры, мовы і літ., Ін-т мовазнаўства імя Якуба Коласа. Мінск : Беларуская навука, 2013.
3. Корчыц М. А. Строительная лексика в языке старобелорусской письменности 15–17 столетий: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / БГУ. Минск, 1970.
4. Байкоў М. Я., Некрашэвіч С. М. Беларуска-расійскі слоўнік: факсімільнае выданне. Мінск : Народная асвета, 1993.
5. Беларуская навуковая тэрміналогія: у 4 кн. Мінск : ARCHE, 2010. Кн. 4.
6. Пятрова Н. Я. 3 гісторыі будаўнічай тэрміналогіі // Беларуская лінгвістыка. 2013. Вып. 71. С. 64–69.
7. Тлумачальны слоўнік беларускай мовы: у 5 т. / Акад. навук БССР, Ін-т мовазнаўства; пад агул. рэд. К. К. Атраховіча (К. Крапівы). Мінск: БелСЭ, 1977–1984.

8. Тлумачальны слоўнік беларускай літаратурнай мовы: больш за 65 000 слоў / НАН Беларусі, Цэнтр даслед. беларус. культуры, мовы і літ., Ін-т мовазнаўства; уклад.: І. Л. Капылоў [і інш.]; пад рэд. І. Л. Капылова. Мінск: Беларус. Энцыкл., 2016.
9. Русско-белорусский политехнический словарь: в 2 т. / И. Л. Бурак (гал. рэд.) [і інш.]. Мінск : Беларуская навука, 1997–1998.
10. Русско-белорусский словарь по основам строительного дела / П. С. Бобарыко (авт.-сост). Минск : БГТУ, 1994.
11. Руска-беларускі навукова-тэхнічны слоўнік / А. М. Савіцкая (аўт.-склад.). Магілёў: УА МДУХ, 2007.
12. Слоўнік новых слоў беларускай мовы / Ін-т мовы і літ. імя Я. Коласа і Я. Купалы НАН Беларусі; В. І. Уласевіч, Н. М. Даўгулевіч. Мінск : ТетраСистемс, 2009.

УДК 81'322.4

МАШИННЫЙ ПЕРЕВОД: ИСТОРИЯ, КЛАССИФИКАЦИЯ, ПРИЧИНЫ РАЗВИТИЯ

Д. Р. Быченко¹⁾, О. С. Полетаева²⁾

¹⁾ Белорусская государственная академия авиации,
ул. Уборевича, 77, 220096, г. Минск, Беларусь, d.bychanok@outlook.com

²⁾ Белорусская государственная академия авиации,
ул. Уборевича, 104, 220096, г. Минск, Беларусь, volhapaletayeva@gmail.com

Данная статья посвящена актуальному в наши дни вопросу машинного перевода, который применяется как в обычной жизни, так и профессиональной деятельности. В статье рассматривается классификация машинного перевода, его преимущества и недостатки, причины развития, история становления. Выявлены сложности для машинного перевода и представлены правила для его оптимизации.

Ключевые слова: машинный перевод; компьютер; онлайн-переводчик; человек; интернет; кибернетика.

MACHINE TRANSLATION: HISTORY, CLASSIFICATION, CAUSES OF DEVELOPMENT

D. R. Bychanok²⁾, V. S. Paletayeva¹⁾

¹⁾ Belarusian State Aviation Academy,
77 Uborevich St., 220096, Minsk, Belarus, d.bychanok@outlook.com

²⁾ Belarusian State Aviation Academy,
104 Uborevich St., 220096, Minsk, Belarus, volhapaletayeva@gmail.com

This article is devoted to the current issue of machine translation, which is used both in everyday life and professional activities. The article discusses the classification of machine translation, its advantages and disadvantages, the reasons for its development, and the history of its formation. The difficulties for machine translation are revealed and the rules for its optimization are presented.

Keywords: machine translation; computer; online translator; human; Internet; cybernetics.

С давних времен люди задумывались о том, как создать единый язык, который смог бы разрушить языковой барьер и позволил бы легко общаться с каждым человеком на Земле. Для этого необходимо было создать технологию, легко понимающую иностранные языки.

Первые идеи зародились в XVII веке, когда Рене Декарт и Готфрид Лейбниц независимо друг от друга предлагали создать универсальный

язык как новую основу для логического мышления, а также для устранения взаимного непонимания, которое происходит из-за нелогичности языков.

В 1668 году британский священник Джон Уилкинс выпустил трактат «Опыт о подлинной символической и философском языке», где представил свой подход к созданию универсального языка ученых и философов, который мог бы прийти на смену латыни. Однако его предложение не встретило одобрения среди лингвистов [1].

После этого ученые вернулись к разработке единого международного языка только в XIX–XX веке, так появилось на свет Эсперанто, однако первые попытки создания машинного перевода (МП) были предприняты только через несколько десятков лет.

Так, в 30-е годы XX века французский ученый Жорж Арцруни создал двуязычный автоматический словарь с помощью перфоленты, а советский инженер Петр Троянский «машину для подбора и печатания слов при переводе с одного языка на другой». Его идеи оставались неизвестными до 1950-х годов.

Концепция машинного перевода была сформулирована в конце 1940-х годов Уорреном Уивером, который в письме коллеге Норберту Винеру предложил рассмотреть вопрос перевода с одного языка на другой в качестве новой области применения технологий декодирования. После этого в 1949 году Уивер доказал возможность реализации машинного перевода в меморандуме, в котором описал концепцию *interlingua*:

- исходное предложение переводится через язык-посредник (английский)
- результат преобразуется на нужный язык.

7 января 1954 года был успешно проведен Джорджтаунский эксперимент. Он заключался в переводе 60 предложений с русского на английский язык с помощью компьютера IBM 701. Этот эксперимент дал мощный толчок в развитии, однако проект развития данного направления оказался очень сложным и дорогостоящим. Так, в 1964 году группа американских ученых провела оценку технологий машинного перевода и приняла решение о прекращении финансирования проекта, через 2 года он полностью был остановлен и только через 20 возобновлен.

Но, несмотря на это, в 1968 году в Сан-Диего Питер Том открыл первую в мире компанию, разрабатывающую программы для машинного перевода – Systran. Специалисты Systran использовали Rule-based Machine Translation, первые переводчики компании оказались востребованы на международном рынке.

После Джорджтаунского эксперимента Советский Союз начал активно заниматься вопросом машинного перевода. Академия Наук СССР в 1955 году создала 2 исследовательские группы: первую при Математическом Институте имени В. А. Стеклова во главе с Алексеем Ляпуновым, вторую – при Институте точной механики и вычислительной техники во главе с Дмитрием Пановым. Свои первые результаты две группы опубликовали спустя год исследований на компьютере БЭСМ. Еще через год вторая группа представила первый советский компьютерный переводчик из 23000 слов словаря. В это же время Ольга Кулагина и Игорь Мельчук вместе с Ляпуновым работали над созданием еще одного переводчика.

В конце 1956 года заведующий кафедрой перевода Московского государственного педагогического института иностранных языков Виктор Розенцвейг основал Объединение по машинному переводу – неформальный центр общения лингвистов и математиков. В 1957 году ученые, входившие в это Объединение, начали выпускать бюллетень «Машинный перевод и прикладная лингвистика» [1].

В мае 1958 года в Москве Розенцвейгом была организована первая советская конференция по машинному переводу. В ней приняли участие 340 специалистов 79 организаций. Итогом конференции стало издание приказа «О развитии научных исследований в области машинного перевода».

В 1972 году специалисты института «Информэлектрон» под руководством Юрия Апресяна начали разрабатывать систему машинного перевода – ЭТАП (Электротехнический автоматический перевод), которая основывалась на модели языка «Смысл – Текст».

В 1971 году в Ленинграде была создана научно-исследовательская лаборатория инженерной лингвистики, инициатором создания стал профессор Раймонд Пиотровский. Специалисты лаборатории занимались разработкой технологий для автоматической обработки текста. В 1991 году под руководством Светланы Соколовской бывшие сотрудники лаборатории основали компанию PROMT (PROject Machine Translation), которая в будущем вышла на международный уровень. В 2000 году появилась компания «Яндекс», которая успешно разработала свою технологию машинного перевода и также успешно вышла на международный уровень.

С появлением интернета и различной техники машинный перевод стал неотъемлемой частью жизни людей XXI века. Сегодня он активно используется в повседневной жизни: дома, на учебе, работе, в путешествиях. Он помогает справляться с рядом задач, но в первую

очередь – преодолеть языковой барьер, что в разы упростило жизнь человечества.

Машинный перевод (англ. Machine Translation) – процесс письменного перевода текстов с одного естественного языка на другой с помощью специализированного программного обеспечения.

Существуют следующие типы МП: на основе правил; статистический; гибридный (правила + статистика); нейронный.

МП на основе правил (Rule-based machine translation, RBMT) основывается на применении различных языковых правил и двуязычных словарей для каждой языковой пары.

Статистический МП (Statistical machine translation, SMT) использует статистические переводческие модели, основывающиеся на анализе одно- и двуязычных корпусов текстов. Построение таких моделей – достаточно быстрый процесс, но технология сильно зависит от существующего корпуса текстов (уже переведенных кем-то).

Гибридная модель может обрабатывать тексты разных тематик и направлений перевода, но требует значительных инвестиций и серьезной настройки.

При нейронном МП используется искусственная нейронная сеть, которая является ресурсоемкой. Она может самообучаться в пределах одного языка, а также работать по аналогии с машинным переводом на основе примеров для более точного результата.

Также МП можно разделить на виды: письменный и устный. Письменный дается машине намного легче, так как устный требует распознавания и преобразования устной речи в письменную.

На сегодняшний день машинный перевод в той или иной степени требует вмешательства человека. Существует несколько форм взаимодействия человека с электронной машиной.

- С предредактированием. Человек редактирует текст перед помещением его в буфер.

- С интерредактированием. В процессе перевода может видоизменять текст.

- С постредактированием. Редактирует готовый текст на выходе.

- Смешанная форма взаимодействия. Означает, что человек вмешивается в процесс перевода на разных этапах [2].

Также выделяют 2 типа перевода текстов по степени автоматизации:

- частично автоматизированный (подразумевает использование человеком электронных словарей);

- система перевода с разделением труда, т. е. ЭВМ переводит только определенные структуры текста, с остальным текстом работает человек.

Машинный перевод имеет как преимущества, так и недостатки.

К преимуществам машинного перевода относят:

- высокую скорость;
- низкую стоимость;
- универсальность;
- доступность;
- конфиденциальность;
- перевод в режиме онлайн.

Несмотря на все преимущества, машинный перевод имеет большой недостаток – низкое качество. Сервисы, отвечающие за перевод, в большинстве случаев переводят тексты дословно, не учитывая контекст, что сильно искажает суть содержимого. Кроме того, в словарной базе могут отсутствовать некоторые слова. ЭВМ тяжело переводить громоздкие предложения с различными оборотами. Часто не учитываются правила грамматики, порядок слов в предложениях, логико-смысловые акценты.

К основным сложностям при переводе относят:

- сокращения слов;
- прямую речь;
- слова через дефис;
- инициалы;
- идиомы и фразеологизмы;
- омонимы;
- опечатки;
- сленг.

Но даже при наличии довольно существенного недостатка, МП набирает обороты. Человеческий перевод не поспевает за скоростью генерации контента. Мы живем в эпоху взрыва цифрового контента, характеризующийся следующими параметрами:

- 2,4 из 7,1 млрд. людей на планете пользуются Интернетом;
- каждую минуту в мире создается 571 новый веб-сайт;
- каждую минуту пользователи Facebook делятся со своими подписчиками 684 478 единицами контента;
- каждый день производится 2,5 квинтиллионов байтов новых данных;
- Объем продаж онлайн превысит 3,5 трлн. долл. США в течение ближайших пяти лет. Это 9,3 % от всех розничных продаж в мире. Данная цифра через год увеличится до 15,4 %.

Еврокомиссия запустила и финансирует проект Moses Core, направленный на поощрение разработку и использование машинного перевода с открытым исходным кодом.

Подводя итоги, можно сказать, что машинный перевод активно используется, несмотря на свою неидеальность. Особенно востребованным в настоящий момент является перевод технической, финансовой и юридической документации. Поскольку эти тексты характеризуются большим процентом содержания штампов, клишированных выражений, повторяющихся фраз, их перевод не представляется возможным без помощи САТ-инструментов (Computer–Aided (Assisted) Translation). С развитием технологий машинный перевод будет модернизироваться и совершенствоваться и непременно достигнет уровня, не требующего вмешательства человека. А на сегодняшний день, чтобы добиться корректного машинного перевода, стоит придерживаться следующих правил:

- максимально упрощать предложения, заменяя сложные слова синонимами. Сложные предложения, предложения с причастными оборотами, инфинитивными группами следует разбить на несколько отдельных, простых предложений;
- стараться не использовать слова, которые являются многозначными (в противном случае велика вероятность разночтений);
- проверить текст, который требуется перевести, на наличие ошибок и опечаток [3].

Библиографические ссылки

1. История машинного перевода [Электронный ресурс]. URL: <https://www.promt.ru> (дата обращения: 17.02.2024).
2. Машинный перевод: современные технологии и топ-10 полезных инструментов [Электронный ресурс]. URL: <https://4brain.ru> (дата обращения: 13.02.2024).
3. Преимущества и недостатки машинного перевода на примере популярных онлайн переводчиков [Электронный ресурс]. URL: <https://scipress.ru> (дата обращения: 10.02.2024).

УДК 81

МАШИННЫЙ ПЕРЕВОД ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИХ ТЕКСТОВ О БРИТАНСКОЙ КОРОЛЕВСКОЙ СЕМЬЕ

Н. Р. Гейко

*Костанайский филиал Челябинского государственного университета,
ул. Бородин, 168 А, 110000, г. Костанай, Казахстан, charmsmile2009@gmail.com*

Исследования машинного перевода представляют научный интерес и удовлетворяют ряд социально-коммуникативных задач. Цель исследования – продемонстрировать возможности машинного перевода при работе с публицистическими текстами о британской королевской семье. Результаты исследования могут применяться начинающими и практикующими переводчиками, а также на занятиях по редактированию машинного перевода. В рамках исследования проанализированы публицистические статьи 2023 и 2024 годов.

Ключевые слова: машинный перевод; публицистический текст; адекватность; королевская семья; качество.

MACHINE TRANSLATION OF NEWSPAPER TEXTS ABOUT THE BRITISH ROYAL FAMILY

N. R. Geiko

*Kostanay branch of Chelyabinsk State University,
Borodin St., 168 A, 11000, Kostanay, Kazakstan, charmsmile2009@gmail.com*

Machine translation research is of scientific interest and satisfies a number of socio-communicative tasks. The purpose of the study is to demonstrate the advantages of machine translation of newspaper texts about the British royal family. The results of the study can be used by beginning and practicing translators, as well as during machine translation editing classes. As part of the study, newspaper articles of the years 2023 and 2024 were analyzed.

Keywords: machine translation; newspaper text; adequacy; royal family, quality.

Развитие машинного перевода направлено на достижение нескольких целей, одной из которых является обеспечение межъязыковой коммуникации.

На современном этапе развития общества возрастает роль машинного перевода, так как разработка систем машинного перевода поможет решить многие социально-коммуникативные задачи.

На сайте translation-school.com отмечается, что системы машинного перевода (например, Яндекс и Google) могут предоставить достаточно высокое качество перевода по большинству тематик [1].

Несмотря на то, что автоматизированный перевод совершенствуется, вопросы качества и адекватности машинного перевода публицистических текстов не утрачивают актуальности.

В нашем исследовании за основу взят термин «машинный перевод» в узком смысле: «процесс автоматизированного перевода текстов с одного языка на другой без участия человека» [1; 2].

Е. В. Шевчук и Ж. А. Никифорова в своей статье указывают преимущества и недостатки данного вида перевода: машинный перевод помогает сэкономить время, удобен и прост в использовании, на выходе получается относительно высокое качество перевода. К недостаткам исследователи относят разного рода ошибки (лексико-семантические, морфологические), которые необходимо редактировать, а также интерференцию синтаксиса и т. п. [3, с. 48].

В качестве материала исследования выступают англоязычные статьи о британской королевской семье таких изданий, как UnHerd, The Mirror, The Spectator, The Sun, The New York Times и их переводы на русский язык, размещенные на сайте ИноСМИ и выполненные с помощью систем машинного перевода: Яндекс [4], Google [5] и DeepL [6]. В исследовании анализу подверглось более 30 статей о британской королевской семье за 2023-2024 гг. Объем текстов в среднем составляет 4500 знаков с пробелами.

В последнее время пристальное внимание общественности к британской королевской семье провоцирует создание большого количества публикаций в различных изданиях, в основном англоязычных. Перевод публицистического текста должен быть выполнен оперативно, чтобы не потерять своей актуальности и качественно, чтобы передать достоверно информацию оригинала. Проанализировав время публикации статьи и ее перевода, мы пришли к выводу, что время публикации перевода на сайте ИноСМИ составляет от 3 до 24 часов. Так, например, оригинал опубликован 25 марта в 1:00 pm (после полудня), а перевод 26 марта в 14:09 [7].

Решить вопрос оперативности может машинный перевод публицистического текста, который в целом относительно качественно передает содержание оригинала. Продемонстрируем вышесказанное на примере всего одного предложения из англоязычного издания The Spectator [8] в таблице, указав курсивом языковые единицы, требующие, на наш взгляд, редактирования.

Примеры машинного и традиционного переводов

Оригинал	So the development that there is, indeed, footage of her looking ‘happy and relaxed’ should, one hopes, put the near-endless rumours about the state of her health to bed [8].
Google Переводчик	Таким образом, появление кадров, на которых она действительно выглядит «счастливой и <i>расслабленной</i> », должно, как <i>можно надеяться</i> , положить конец <i>почти</i> бесконечным слухам о состоянии ее здоровья.
Яндекс Переводчик	<i>Так что</i> тот факт, что <i>действительно</i> появились кадры, на которых она выглядит «счастливой и <i>расслабленной</i> », должен, как мы надеемся, положить конец <i>почти</i> бесконечным слухам о состоянии ее здоровья.
DeerL Переводчик	Так что появление информации о том, что она действительно выглядит «счастливой и <i>расслабленной</i> », должно, как мы надеемся, положить конец <i>почти</i> бесконечным слухам о состоянии ее здоровья.
Перевод ИноСМИ	Поэтому, когда появились кадры с «счастливой и беззаботной», как выразилась газета, Кейт, нам оставалось лишь надеяться, что это положит конец бесконечным слухам о состоянии ее здоровья [9].

Читатель перевода статьи, выполненного машинным переводом, в целом понимает ее содержание, несмотря на то, что некоторые единицы нуждаются в редактировании. Например, обращает на себя внимание перевод прилагательного «*расслабленной*» во всех трех переводах, выполненных машиной. Английское прилагательное *relaxed* имеет следующие соответствия в русском языке: *расслабленный, спокойный, уравновешенный, непринужденный, раскованный, успокоившийся* [10]. Возможно, наиболее подходящим по контексту было бы прилагательное *спокойный*, в значении «не испытывающий волнения». Удачное контекстуальное соответствие подобрано переводчиком ИноСМИ – *беззаботный*. Кроме того, в рамках контекста подходят такие прилагательные, как *веселый, ничем не обремененный, жизнерадостный*.

Не совсем корректно в русском языке звучит словосочетание *почти бесконечные слухи*, которое зафиксировано во всех трех машинных переводах. На наш взгляд, слово *почти* в данном словосочетании неуместно, избыточно и при переводе должно быть опущено, что и сделал переводчик ИноСМИ.

Идиоматическое выражение *to put something to bed* (покончить с чем-либо, заканчивать, завершать) [10] передано на русский язык эквивалентом «положить конец» во всех проанализированных переводах.

Безличная конструкция *one hopes* передана на русский язык словосочетаниями «как можно надеяться» (Google Переводчик), «как мы надеемся» (Яндекс Переводчик, DeerL Переводчик), «нам оставалось лишь надеяться» (переводчик ИноСМИ). В данном случае неопределенное ме-

стоимение *one* обозначает всех людей вообще, не совсем удачно передана данная конструкция Google Переводчиком.

Во фрагменте предложения «Так что тот факт, что действительно появились кадры» (Google Переводчик) избыточным является слово «действительно», т. к. факт – это действительное, вполне реальное событие, явление; однако это не учтено системой машинного перевода, что приводит к буквализмам при переводе.

Интересной представляется замена слова *footage* – видео, кадры, записи, отснятый материал и т. д. [10] на слово «*информация*» при переводе на русский с помощью машинного переводчика DeepL. В данном случае можно говорить о генерализации при переводе лексической единицы *footage*, т. к. слово «информация» – сведения независимо от формы их представления – шире по своему значению.

По контексту статьи читателю понятно, о ком идет речь, и кто скрывается за местоимениями *она*, *ее*. Тем не менее, в традиционном переводе местоимение *она* конкретизировано переводчиком, так в русском переводе появляется имя Кейт. Фраза «*как выразилась газета*», отсутствующая в оригинале, сигнализирует о том, что издание The Spectator цитирует издание The Sun.

Проведенный нами анализ переводов с применением Google Переводчика, Яндекс Переводчика, DeepL Переводчика, а также опрос студентов 3 и 4 курсов направления подготовки 45.03.02 «Лингвистика направленности. Перевод и переводоведение», проведенный в рамках дисциплин «Практический курс перевода первого иностранного языка», «Редактирование переводных текстов» в 2023–2024 учебном году, позволили нам рейтинговать указанные переводчики. Рейтинг был осуществлен по таким критериям, как адекватность, эквивалентность, количество ошибок при переводе, отсутствие или наличие буквализмов и т. п. Имеет высокий рейтинг – DeepL Переводчик, далее были указаны Яндекс Переводчик и Google Переводчик. Однако в переводах от Google Переводчика отмечается небольшой процент тавтологии и буквализмов при переводе текстов о британской королевской семье.

Таким образом, мы можем сделать вывод, что в целом машинный перевод публицистических текстов удовлетворяет потребности читателей в получении актуальной информации о происходящих событиях в британской королевской семье. Применив машинный перевод, можно оперативно получить интересующую информацию, не дожидаясь публикации официальных переводов.

Тем не менее, анализ машинных переводов более 30 публицистических статей о королевской семье показал, что переводы нуждаются в редактировании со стороны профессионального переводчика. Наиболее

типичными ошибками при переводе с английского на русский язык при помощи машинного переводчика можно считать тавтологию, чрезмерное употребление местоимений, не характерное для русского языка, наличие избыточных слов, буквализмов, неверный порядок слов в предложении и т. п. Эти и многие другие неточности машинного перевода ставят перед разработчиками машинных переводчиков определенные задачи, решение которых позволит повысить адекватность машинного перевода и его качество.

Библиографические ссылки

1. История, особенности, возможности машинного перевода [Электронный ресурс]. URL: <https://translator-school.com/blog/mashinnyj-perevod-istoriya-i-osobennosti> (дата обращения: 01.04.2024).
2. Воронович В. В. Машинный перевод. Минск : Белорус. гос. ун-т, 2013.
3. Шевчук Е. В., Никифорова Ж. А. Постредактирование и типичные ошибки в автоматизированном переводе научно-публицистических текстов // Вопросы методики преподавания в вузе. 2021. Т. 10. № 39. С. 46–54.
4. Яндекс переводчик [Электронный ресурс]. URL: <https://translate.yandex.ru/> (дата обращения: 01.04.2024).
5. Google переводчик [Электронный ресурс]. URL: <https://translate.google.it/?hl=ru> (дата обращения: 01.04.2024).
6. DeepL Переводчик [Электронный ресурс]. URL: <https://www.deepl.com/translator> (дата обращения: 01.04.2024).
7. Правда ли, что за травлей Кейт стоят Россия и Китай? [Электронный ресурс]. URL: https://inosmi.ru/20240326/keyt_middlton-268399687.html (дата обращения: 01.04.2024).
8. Will the conspiracy theories about Kate ever die? [Electronic resource]. URL: <https://www.spectator.co.uk/article/will-the-conspiracy-theories-about-kate-ever-die/> (date of access: 01.04.2024).
9. Когда уже увянут теории заговора вокруг Кейт Миддлтон? [Электронный ресурс]. URL: <https://inosmi.ru/20240319/spletni-268320609.html> (дата обращения: 01.04.2024).
10. Кембриджский англо-русский словарь [Electronic resource]. URL: <https://dictionary.cambridge.org/ru> (date of access: 01.04.2024).

УДК 811.161.3+347.78.034

СПОСАБЫ ПЕРАДАЧЫ ЎЛАСНЫХ ІМЁНАЎ З АНГЛІЙСКОЙ МОВЫ НА БЕЛАРУСКУЮ (НА МАТЭРЫЯЛЕ МУЛЬТФІЛЬМАЎ, АГУЧАННЫХ СТУДЫЯЙ GAVARUN.BY)

М. Р. Глушыцкая

*Цэнтр даследаванняў беларускай культуры, мовы і літаратуры Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі, вул. Сурганава, 1, корп. 2, 220072, г. Мінск, Беларусь,
marynahlushytskaya@gmail.com*

На прыкладзе трох мультфільмаў аналізуюцца падыходы сучасных перакладчыкаў да перадачы асабовых уласных імёнаў. Параўноўваецца частата выкарыстання такіх перакладчыцкіх прыёмаў, як транслітарацыя, транскрыпцыя і пераклад. У адрозненне ад іншых публікацый у матэрыяле разглядаюцца спосабы перадачы мянушак і імёнаў, створаных аўтарамі мастацкіх твораў, а не агульнавядомых імёнаў.

Ключавыя словы: адаптацыя; мультфільм; пераклад уласных імёнаў; транскрыпцыя; транслітарацыя.

WAYS TO TRANSFER PROPER NAMES FROM ENGLISH TO BELARUSIAN (BASED ON THE MATERIAL OF CARTOONS VOICED BY THE GAVARUN.BY STUDIO)

M. R. Hlushytskaya

*The Center for Belarusian Culture, Language and Literature Research of the National Academy of Sciences of Belarus, Surganova St., 1, building 2, 220072, Minsk, Belarus,
marynahlushytskaya@gmail.com*

Using the example of three cartoons, the approaches of modern translators to the transmission of personal proper names are considered. The frequency of using such translation techniques as transliteration, transcription and translation is compared. Unlike other publications, the article examines the transmission of nicknames and names created by the authors of works of art, and not the names that exist in the national language.

Keywords: adaptation; cartoon; translation of proper names; transcription; transliteration.

Ствараючы беларускамоўныя тэксты для дубляжу мультфільмаў на неблізкароднасных мовах (у прыватнасці, на англійскай), перакладчык сутыкаецца з шэрагам праблем. Адна з іх – перадача імёнаў персанажаў. Калі пераклад уласных асабовых імёнаў у бальшыні выпадкаў не выклікае асаблівых цяжкасцей, то з перадачай «гаваркіх» імёнаў і мянушак персанажаў мультфільмаў перакладчыку трэба быць пільным і даклад-

ным, бо ў такіх выпадках часта больш важна адлюстравачь не гучанне імені, а яго ўнутраную форму.

У апошнія дзесяцігоддзі з'явілася некалькі новых даследаванняў на тэму перадачы англійскіх уласных імёнаў сродкамі беларускай мовы. Сярод іх ёсць як невялікія артыкулы агульнага характару [1], так і, напрыклад, навуковае выданне з дадаткам у выглядзе слоўніка [2].

На думку мовазнаўцы Л. Вікторкі, *«існуюць тры асноўныя спосабы перадачы інашамоўных уласных імёнаў: практычная транскрыпцыя, транслітарацыя, пераклад»* [2, с. 3]. Такім чынам, разгледзім названыя тры спосабы больш падрабязна.

«Тлумачальны слоўнік беларускай мовы» (1977–1984) дае наступныя азначэнні:

«Транскрыпцыя – дакладная перадача на пісьме ўсіх асаблівасцей жывой гаворкі літарамі алфавіта і некаторымі спецыяльнымі знакамі» [3, с. 507].

«Транслітарацыя – перадача літар адной пісьменнасці літарамі другой пісьменнасці» [3, с. 507].

«Пераклад – тэкст або вусная мова, перакладзеныя з аднае мовы на другую» [4, с. 189–190].

На нашу думку, у слоўніку дадзена няпоўнае тлумачэнне слова *пераклад*: адсутнічае значэнне «дзеянне паводле значэння дзеяслова *перакласці – перакладаць*». Гэта пацвярджаецца і тым, што названае значэнне пададзена першым у пазнейшым «Тлумачальным слоўніку беларускай літаратурнай мовы» [5, с. 98].

Увогуле, тэрмін «пераклад» даволі шырокі. Пад ім можа разумецца і калькаванне, і вольны пераклад. Мы ж выкарыстоўваем гэты тэрмін для прастаты ўспрымання і ў сувязі з тым, што ён дазваляе адным словам назваць некалькі блізкіх прыёмаў. Тэрмін «пераклад» прысутнічае ў шмат якіх папярэдніх артыкулах і выданнях на разгледжаную тэму (напрыклад, [1, 2]). Аднак, безумоўна, трэба мець на ўвазе гэтую агульнасць яго значэння.

На прыкладзе некаторых мультфільмаў, агучаных студыяй Gavarun.by, намі было выяўлена, якія спосабы перадачы ўласных імёнаў выкарыстоўваюцца сучаснымі беларускімі перакладчыкамі і якія з іх пераважаюць.

Маленькае каралеўства Бэна і Холі (Ben and Hollys Little Kingdom, 2009–2012). Для вывучэння былі ўзяты 10 перакладзеных на беларускую мову эпізодаў мультсерыяла, якія знаходзяцца ў адкрытым доступе на ютуб-канале «Гаварун – мультфільмы па-беларуску». Перакладчыца – К. Капіца.

Так, намі было прааналізавана 14 адзінак – імёнаў асноўных персанажаў мультсерыяла. Пры дапамозе **транскрыпцыі** былі перададзены імёны трох герояў мультфільма: *Daisy – Дэйзі, Poppy – Поні, Fleur –*

Флёр. Асноўная частка імёнаў (8 персанажаў) аўтарам беларускамоўнага тэксту **перакладалася**: *King Thistle* – *Кароль Чарпаналох*, *Queen Thistle* – *Каралева Чарпаналох*, *Nanny Plum* – *Няня Сліва*, *Wise Old Elf* – *Стары мудры эльф*, *Strawberry* – *Трускалка*, *Violet* – *Фіялка*, *Mister Elf* – *Снадар Эльф*, *Mrs Elf* – *Снадарыня Эльф*. Што да імёнаў *Эльф Бэн* (*Ben Elf*), *Прынцэса Холі* (*Princess Holly*) і *Багоўка Гастон* (*Gaston the Ladybird*), то тут можна сказаць, што спосаб іх перадачы з англійскай мовы на беларускую **змяшаны**: адна частка імені перакладзена, а другая – перададзена шляхам транскрыпцыі. **Транслітарацыя** як спосаб перадачы ўласных імёнаў перакладчыцай у гэтым мультсерыяле не выкарыстоўвалася.

К’ю Клыпа 5 (*Q Pootle 5*, 2013–2014). Гэты мультфільм перакладзены з англійскай мовы на беларускую Л. Глушыцкім. На сёння ютуб-канал «Гаварун – мультфільмы па-беларуску» змяшчае 40 агучаных эпізодаў, дзе ў якасці асноўных фігуруе 8 персанажаў. Іх імёны таксама перададзены на беларускую мову рознымі спосабамі. Пры дапамозе **транскрыпцыі** ў беларускай версіі мультфільма з’явіліся тры імені персанажаў: *Eddi* – *Эдзі*, *Stella* – *Стэла*, *Ray* – *Рэй*. Імёны яшчэ трох герояў мультфільма былі **перакладзены**: *Oopsy* – *Аёчка*, *Groobie* – *Клёвіч*, *Bud-D* – *Брат-Ка*. Асаблівую цікавасць выклікае, як лакалізавана ўласнае імя *Planet Dave*. Першая частка імені перакладзена (*Planet* – *Планета*). А вось імя *Dave* не «гаваркое» ў англійскай мове, але мы бачым, што аўтар беларускага варыянта тэксту адмовіўся ад транскрыпцыі, а выкарыстаў беларускі адпаведнік. На нашу думку, гэта звязана ў тым ліку з тым, што вымаўленне імені *Дэйв* (*Дэйу*) не адпавядае традыцыйнаму вымаўленню ў беларускай мове. Напрыклад, прафесар Ф. Янкоўскі пісаў: «*Зычны в у беларускай мове чаргуецца з ў: в – перад галоснымі, ў – на канцы слова і перад наступным зычным...*» [6, с. 16]. Адпаведна, гэта стварала б складанасці як пры агучванні мультфільма акцёрамі, так і пры слыхавым успрыманні беларускага гледача. Такі прыём мы лічым мэтазгодным называць **адаптацыяй**.

Такім чынам, аўтар беларускага перакладу адаптаваў імя гэтага мультыплікацыйнага персанажа пад беларускую рэчаіснасць і маўленне. Імя галоўнага героя, якое з’яўляецца адначасова і назвай мультсерыяла, перададзена **змяшаным** спосабам (транскрыпцыя і пераклад): *Q Pootle 5* – *К’ю Клыпа 5*. **Транслітарацыя** пры перадачы імёнаў персанажаў у гэтым мультсерыяле, як і ў «Маленькім каралеўстве Бэна і Холі», не выкарыстоўвалася.

Уотэршыпскі ўзгорак (*Watership Down*, 1999–2001). Беларускамоўнае агучванне гэтага мультсерыяла было распачата ў 2023 годзе і працягваецца да гэтага часу. Серыял складаецца з трох сезонаў па 13 серый у кожным і мае шмат персанажаў, як галоўных, так і эпізадычных. Намі было прааналізавана 19 імёнаў асноўных герояў гэтага мультфільма, перакладзеных К. Капіцай.

З дапамогай **транскрыпцыі** ў беларускамоўнай версіі мультсерыяла перададзены імёны чатырох персанажаў: *Blackavar* – *Блэкавар*, *Hannah* – *Ханна*, *Kehaar* – *Кіхар*, *Frith* – *Фрыз*. Як і ў папярэдніх мультсерыялах, большасць імёнаў (11) была **перакладзена**: *Hazel* – *Арэх*, *Fiver* – *Пяток*, *Bigwig* – *Гуз*, *Blackberry* – *Ажына*, *Dandelion* – *Дзьмухавец*, *Clover* – *Канюшына*, *Darkhaven* – *Змрочнадол*, *Strawberry* – *Суніца*, *Primrose* – *Прымула*, *Vervain* – *Вярбельнік*, *Hawkbite* – *Лаганец*. Для імёнаў яшчэ чатырох персанажаў аўтарка перакладу К. Капіца выбрала не даслоўныя адпаведнікі: *Pipkin* (літаральна «гліняны гаршчок», «міска», «коўшык», «рондаль») – *Апалонік*, *General Woundwort* (woundwort – «пералёт», «чысцік», «жывако́ст») – *Генерал Крываўнік*, *Cowslip* (cowslip – «першацвет», «прымула») – *Кураслен*, *Captain Campion* (campion – «смалёўка») – *Капітан Гваздзік*. Такі прыём таксама можна аднесці да вольнага перакладу. **Транслітарацыя** не была прыменена ні для воднага імені ў названым мультсерыяле.

Такім чынам, аналіз перадачы імёнаў персанажаў на матэрыяле трох мультсерыялаў («Маленькае каралеўства Бэна і Холі», «К’ю Клыпа 5» і «Уотэшыпскі ўзгорак»), перакладзеных на беларускую мову, паказаў, што чыстая транслітарацыя як спосаб перакладу ўласных імёнаў з’яўляецца неактуальнай для выбраных перакладчыкаў пры лакалізацыі такой прадукцыі. Асноўныя спосабы перадачы, на нашу думку, – пераклад і транскрыпцыя. Аднак нельга абмінаць увагай і прыём змешвання гэтых спосабаў. Спецыфіку перакладу мастацкіх твораў складае выкарыстанне адаптацыі ўласных асабовых імёнаў.

Бібліяграфічныя спасылкі

1. *Баброва Н. А.* Асаблівасці перакладу англійскіх уласных асабовых імёнаў на беларускую мову // Традыцыі матэрыяльнай і духоўнай культуры Усходняга Палесся: праблемы вывучэння і захавання ў постчарнобыльскі час: зб. навук. арт. Вып. 2 / рэдкал.: А. А. Станкевіч (гал. рэд.) [і інш.]; М-ва адукацыі Рэсп. Беларусь, Гомельскі дзярж. ун-т імя Ф. Скарыны. Гомель, 2009. С. 112–114.
2. *Вікторка Л. В.* Лінгвістычныя асновы перадачы англійскіх уласных асабовых імёнаў на беларускую мову: Прэпрынты МДЛУ, № 137. Мінск : МДЛУ, 2003.
3. Тлумачальны слоўнік беларускай мовы: у 5 т. Т. 5. Кн. 1. С–У / [рэд. тома М. Р. Суднік]. Мінск : Бел. Сав. Энцыкл. імя Петруся Броўкі, 1982.
4. Тлумачальны слоўнік беларускай мовы: у 5 т. Т. 4. П–Р / [рэд. тома Г. Ф. Вештарт, Г. М. Прышчэпчык]. Мінск : Гал. рэд. Беларус. Сав. Энцыклапедыі, 1980.
5. Тлумачальны слоўнік беларускай літаратурнай мовы: больш за 65 000 слоў: у 2 т. Т. 2. Н–Я / уклад.: І. Л. Капылоў [і інш.] ; пад рэд. І. Л. Капылова. Мінск : Беларусь, 2022.
6. Янкоўскі Ф. М. Беларускае літаратурнае вымаўленне. 4–е выд. Мінск : Нар. асвета, 1976.

УДК 811.161.1

СИНТАКСЕМЫ-ЛОКАТИВЫ В СТИХОТВОРЕНИЯХ М. Ю. ЛЕРМОНТОВА И ИХ ПЕРЕВОД НА БЕЛОРУССКИЙ ЯЗЫК

Е. Е. Долбик

*Белорусский государственный университет,
ул. К. Маркса, 31, 220030, г. Минск, Беларусь, dolbikee@gmail.com*

Рассматривается функционирование синтаксем с пространственным значением в стихотворениях М. Ю. Лермонтова и их перевод на белорусский язык (перевод А. Кулешова). Анализируется соответствие перевода локативных синтаксем оригиналу. Выявлены основные виды переводческих трансформаций: пропуск локатива, лексические и грамматические замены, изменение синтаксической позиции лексемы со значением места, замена предложно-падежной формы другими способами передачи пространственных отношений, появление синтаксемы-локатива в переводе при его отсутствии в тексте оригинала.

Ключевые слова: пространственные отношения; синтаксема-локатив; М. Ю. Лермонтов; А. Кулешов; художественный перевод; переводческие трансформации.

SYNTAXEMES-LOCATIVES IN M. Y. LERMONTOV'S POEMS AND THEIR TRANSLATION INTO BELARUSIAN

E. E. Dolbik

*Belarusian State University,
31 Karl Marks St., 4, 220030, Minsk, Belarus, dolbikee@gmail.com*

The functioning of syntaxes with spatial meaning in the poems of M. Y. Lermontov and their translation into Belarusian (translation by A. Kuleshov) is considered. The correspondence of the translation of locative syntaxes to the original is analyzed. The main types of translation transformations are revealed: omission of the locative, lexical and grammatical substitutions, change of the syntactic position of the lexeme with the meaning of place, replacement of the prepositional-padential form by other ways of conveying spatial relations, appearance of the syntaxeme-locative in the translation when it is absent in the original text.

Keywords: spatial relations; syntaxeme-locative; M. Y. Lermontov; A. Kuleshov; literary translation; translation transformations.

Категория пространства – одна из фундаментальных философских и мыслительных категорий – неизменно вызывает интерес исследователей (работы А. В. Бондарко [1], М. В. Всеволодовой [2], Л. Н. Федосеевой [3], О. А. Волчек [4] и др.), результатом которого является достаточно

полное описание разноуровневых средств реализации функционально-семантического поля локативности в русском и белорусском языках. Ядро поля составляют лексические (предложно-падежные формы существительных, наречия) и синтаксические (придаточные места в сложноподчиненном предложении) средства.

Известный российский синтаксист Г. А. Золотова ввела в научный лингвистический оборот исключительно продуктивный, на наш взгляд, термин «синтаксема». «Синтаксема – элементарная (минимальная) единица синтаксического уровня языка, характеризующаяся морфологическим оформлением, категориально-семантическим значением и определенным набором синтаксических функций. Служит конструктивно-смысловым компонентом предложений и сочетаний слов» [5, с. 432].

Среди компонентов с пространственным значением Г. А. Золотова различает несколько видов синтаксем:

1) директив – компонент, выражающий направление движения, ориентированного действия или положения предметов [5, с. 430]. Внутри этой группы можно выделить директив-старт (куда?) и директив-финиш (откуда?): *И раз пошли под вечер мы **на берег** крутой* [6, с. 11]; *Немногие вернулись **с поля*** [6, с. 17];

2) локатив – компонент со значением местонахождения (где?) [5, с. 431]: ***У врат** обители святой стоял просящий подаянья бедняк иссохший* [6, с. 6];

3) транзитив – компонент со значением пути движения (каким путем?) [5, с. 432]: ***По камням** струится Терек* [6, с. 56]; ***Проселочным путем** люблю скакать в телеге* [6, с. 104].

Основные синтаксические функции синтаксем с пространственным значением – присловное употребление в качестве компонента словосочетания (обстоятельство места) и употребление в качестве компонента предложения в позиции детерминанта: *Дубовый листок оторвался от ветки родимой и **в степь** укатился, жестокою бурей гонимый* [6, с. 114]; *Выхожу один я **на дорогу*** [6, с. 116]; ***В небесах** торжественно и чудно* [6, с. 116]. Менее типично употребление локатива в роли несогласованного определения: *Люблю дымок спаленной жнивы, **в степи** ночующий обоз и **на холме** **среди желтой нивы** чету белеющих берез* [6, с. 104].

Объект исследования – синтаксемы с пространственным значением в стихотворениях М. Ю. Лермонтова. Предмет исследования – их перевод на белорусский язык. Материалом исследования послужили избранные стихотворения, вошедшие в сборник «Зорка зорцы голас падае» [6]. Перевод выполнен Аркадием Кулешовым, в 1970 г. переводы А. Кулешова были отмечены Государственной премией БССР имени Янки Купалы.

Известный белорусский литературовед, специалист в области теории художественного перевода профессор В. П. Рагойша выделяет следующие виды художественного перевода в зависимости от соотношения с оригиналом: авторский перевод, авторизованный, свободный (вольный), пословный, подстрочный, точный (реалистичный) [7, с. 102–103]. Перевод, выполненный А. Кулешовым, относится к реалистичным и характеризуется бережным отношением к оригиналу, сохранением его идейно-образной структуры, основных стилевых черт.

Сопоставительный анализ предложений, включающих синтаксемы с пространственным значением, позволил выявить степень соответствия/несоответствия текстов оригинала и перевода.

При переводе предложений с синтаксемами-локативами на белорусский язык чаще всего наблюдается их полное соответствие тексту-оригиналу: *Под ним* струя светлей лазури, *над ним* луч солнца золотой [6, с. 8]. – *Пад ім* струмень святлей за просінь, *над ім* прамень нябеснай той [6, с. 9]; *Сидел* рыбак веселый *на берегу* реки [6, с. 10]. – *Сядзеў* рыбак вясёлы *на беразе* рачным [6, с. 12]; *Приют* певца угрюм и тесен, и *на устах* его печать [6, с. 23]. – *Яго прытулак* цесны, хмурны, *на вуснах* пясняра пячаць [6, с. 26]; *Все* полно мира и отрады *вокруг тебя и над тобой* [6, с. 29]. – *Усё святой уцехі поўна* *вакол цябе і над табой* [6, с. 31]; *Над морем* он, нахмурясь, тихо дремлет [6, с. 76]. – *Над морам* ён, пахмуры, спачывае [6, с. 79]; *А за прудом* село дымится [6, с. 80]. – *А за стаўком* сяло дыміцца [6, с. 82]; ... молодого дня *за рощей* первое сиянье [6, с. 81]. – ...ранішняй расы *за гаем* светлае ліхценне [6, с. 83]; Мчитесь вы, будто, как я же, изгнанники, с милого *севера в сторону южную* [6, с. 98]. – Гоніць выгнанне вас, хмаркі сустрэчныя, з *поўначы* любай у *далеч паўднёвую* [6, с. 99]; *Повсюду* стали слышны речи [6, с. 15]. – *Скрозь* гаманілі, як на вечы [6, с. 19]; ...про мирный край, *откуда* мчится он [6, с. 34] – ...пра мірны край, *адкуль* імчыцца ён [6, с. 35]; *Поедешь* скоро ты *домой* [6, с. 100]. – *Паедзеш* хутка ты *дамоў* [6, с. 102]; *Тогда*, чело склонив *к сырой стене*, я слушаю [6, с. 32]. – *Тады*, прыпаўшы вухам *да сцяны*, твае напевы слухаю [6, с. 10]; *Прилег* вздремнуть я у *лафета* [6, с. 15]. – Я лёг паспаць *каля лафета* [6, с. 19].

В приведенных примерах наблюдаем сохранение лексем (имен существительных и наречий) и грамматических показателей (форм определенного падежа с предлогом).

Вместе с тем в проанализированном материале имеют место и многочисленные переводческие трансформации: лексические и грамматические замены, опущение синтаксемы-локатива в тексте перевода или, наоборот, ее появление в переводе при отсутствии в тексте оригинала.

В случае лексической замены могут использоваться синонимы, или слова, принадлежащие к одной тематической группе, или лексемы, сближение которых основано на смежности или ассоциациях: *И ныне все дико и пусто **кругом*** [6, с. 69]. – *І сёння ўсё дзіка **тут** ноччу і днём* [6, с. 71]; *В аллею темную вхожу я* [6, с. 80]. – *Іду я ў цёмны **парк*** [6, с. 82]; *Теперь родных ножон, избитых на войне, лишен героя спутник бедный, игрушкой золотой он блещет **на стене*** [6, с. 60]. – *Ён родныя пакінуў ножны і цацкай лалатой зіхціць **на дыване*** [6, с. 62]; *Но верные мечты тот образ сохранили **в груди** моей* [6, с. 94]. – *Ды мары светлыя той вобраз захавалі **у памяці** маёй* [6, с. 96].

При грамматических изменениях наблюдается замена падежа или/и предлога: *А ветром их **в степи** потом разнесло* [6, с. 69]. – *І вецер той попел **на стэпе** разнёс* [6, с. 71]; *Мы странствовали с ним **в горах** Востока* [6, с. 74]. – *Блукалі **сярод гор** усходніх з ім мы* [6, с. 77]; *И у **двери** стоит часовой!* [6, с. 86]. – *І стаіць **пры дзвярах** вартавы!* [6, с. 88]; *По небу я ветви раскинула здесь на просторе, и корни мои умывает холодное море* [6, с. 114]. – *Пад **небам** галіны раскінула я на прасторы, карэнні глыбока ў халодным купаючы моры* [6, с. 115].

Лексические и грамматические замены часто комбинируются, но синтаксическая функция локативов сохраняется: *У мачехи **в темнице** я некогда цвела* [6, с. 10]. – *Ды ў мачыхі цвіла я **за цёмнаю сцяной*** [6, с. 8]; *У вод ли чистых Иордана востока луч тебя ласкал?* [6, с. 28]. – *Над чыстай **хваляй** Іярдана усход зарой цябе вітаў?* [6, с. 30]; *Из-под куста мне ландыш серебристый приветливо качает головой* [6, с. 34]. – *Мне ландыш серабрысты з нечাপанай густой **травы** ківае галавой* [6, с. 35].

Показательны замены лексем, связанных с ландшафтом: *Молю, чтоб буря не застала, гремя в наряде боевом, **в ущелье** мрачного Дарьяла меня с измученным конем* [6, с. 42]. – *Малю, каб бура не застала, з маланкай, громам і дажджом, **на кручах** змрочнага Дар'яла мяне са стомленным канём* [6, с. 44]; *Своей метелью, Казбек, засып меня скорей и прах бездомный **по ущелью** без сожаления развей* [6, с. 43]. – *Ліхой віхурай, Казбек, засып мяне хутчэй і **на сваёй цясніне** хмурай без жалю тло маё развей* [6, с. 45]; *По камням струится Терек* [6, с. 56]. – *Паміж скал струменіць Церак* [6, с. 58]; *В песчаных **степях** аравийской земли три гордые пальмы высоко росли* [6, с. 68]. – *У сыпкіх **пясках** аравійскай зямлі тры гордыя пальмы высока раслі* [6, с. 70]; *И вот в пустыне я живу* [6, с. 120]. – *І вось жыву **сярод пяскаў*** [6, с. 122].

Особым видом переводческой трансформации является замена синтаксемы-локатива другим средством передачи пространственных отношений, входящим в функционально-семантическое поле локативности. Так, предложно-падежная форма может заменяться придаточной обстоя-

тельственной места: *Белеет парус одинокий в тумане моря голубом!..* [6, с. 8]. – *Бялее ветразь адзінокі там, дзе блакітны небасхіл* [6, с. 9]; *Вот на севере в тумане что-то видно, брат!* [6, с. 107]. – *Там, дзе Поўнач, там, дзе сцюжа, нешта рушыць, брат!* [6, с. 110].

Отмечены также случаи замены предложно-падежной формы наречием и наоборот: ... *в дали* голубой столбом уж крутился песок золотой [6, с. 68]. – ... *прыкметны здалёк*, слупом залатым закруціўся пясок [6, с. 70]; ...*сумрак на землю* упал [6, с. 69]. – ...*цемень наўкола* лягла [6, с. 71]; *Впереди* несут знамены, в барабаны бьют [6, с. 108]. – *Пад узнятымі сцягамі* барабаны б'юць [6, с. 111].

Весьма частотны случаи пропуска локатива в тексте перевода: *Пустое сердце бьется ровно, в руке* не дрогнул пистолет [6, с. 22]. – *Пустое сэрца б'еца роўна, не скалануўся пісталет* [6, с. 25]; ...*студеный ключ играет по оврагу* [6, с. 34] – ...*цурчыць ручай, ратуючы ад смагі* [6, с. 35]; *Ищу кругом* души родной [6, с. 48]. – *Душы я прагну дарагой* [6, с. 49]; *И жизнь уж нас томит, как ровный путь без цели, как пир на празднике* чужом [6, с. 52]. – *Нібы чужы банкет, стамляе рана нас і роўны і няблізкі жыццёвы шлях без пэўных мэт* [6, с. 54]; *Тихо смотрит месяц ясный в колыбель твою* [6, с. 56]. – *Ціха свеціць месяц ясны, шле нам промень свой* [6, с. 58]; *И жизнь, как посмотришь с холодным вниманьем вокруг*, – такая пустая и глупая шутка [6, с. 84]. – *І наша жыццё, як з халоднай увагай зірнеш, – такая мізэрнасць і марнасць такая!* [6, с. 85]; *У жемчужного фонтана* дремлет Тегеран [6, с. 107]. – *У кальянавай пяшчоце дрэмле Тэгеран* [6, с. 110]; *Лежал один я на песке долины; уступы скал теснились кругом* [6, с. 112]. – *Ляжаў адзін я на пяску даліны, абкружан скалаў жоўтых ланцугом* [6, с. 113]; *И снился мне сияющий огнями вечерний пир в родимой стороне* [6, с. 112]. – *І родны сніў я край, і вечаровы балъ бачыў я* [6, с. 113].

Опущение синтаксемы с пространственной семантикой в переводе, как правило, связано с перестройкой синтаксической структуры предложения. Ср.: *Что ищет он в стране далекой? Что кинул он в краю родном?..* [6, с. 8]. – *Чым вабіць свет яго далекі? Чым родны кут яму не міл?* [6, с. 9] В переводе А. Кулешова сохраняется противопоставление страны далекой и родного края, но меняется структура предложения: ключевые лексемы занимают иную синтаксическую позицию – подлежащего, имеющего более высокий коммуникативный ранг, чем позиция обстоятельства. Аналогичная трансформация конструкции наблюдается и в переводе следующих фрагментов: *И царствует в душе* какой-то холод тайный, когда огонь кипит *в крови* [6, с. 53]. – *І холадам душа ахоплена сурова, калі кініць агонь крыві* [6, с. 55]; *Нет на устах*

моих грешной молитвы [6, с. 90]. – Вусны цураюцца грэшной малітвы [6, с. 91].

Перестройка предложения может приводить к замене обстоятельственных отношений объектными (дополнение также занимает более высокую коммуникативную позицию, чем обстоятельство): *Закрадется ли печаль в тайник души твоей...* [6, с. 64]. – *Раптоўнай бурай страсць парушыць тайнікі, спакой душы тваёй палоннай...* [6, с. 66]; ... *к полям родным вернулся я* [6, с. 70]. – *Зноў родны свой прастор убачыў я* [6, с. 77]. Ср. также: *Вы, жадною толпой стоящие у трона, Свободы, Генія и Славы палачи!* [6, с. 24]. – *Забойцы Генія, і Славы, і Свабоды, з нахабнай прагнасцю вы абступілі трон!* [6, с. 27]. Сочетание *стоять у трона* в переводе заменено сочетанием *абступіць трон*; семантика глаголов *стоять* и *абступіць* обуславливает разную реализацию их валентности.

Синтаксическая трансформация может выходить за рамки одного предложения, например: *Скажи мне, ветка Палестины: где ты росла, где ты цвела? Каких холмов, какой долины ты украшением была?* [6, с. 28]. – *Скажы мне, ветка Палесціны, якой ты ўзрошчана зямлёй, якія ўзгоркі і даліны там упрыгожвала сабой?* [6, с. 30] У Лермонтова строфа состоит из двух предложений (первая часть – сложное бессоюзное предложение). В переводе А. Кулешова одно предложение – усложненное сложноподчиненное с однородными придаточными изъяснительными, с одинаковым средством связи – относительным местоимением *які*.

Еще одним видом переводческой трансформации является появление синтаксемы-локатива в функции обстоятельства места в тексте перевода при ее отсутствии в тексте оригинала: *И вот нашли большое поле* [6, с. 14]. – *І вось знайшлі мясціну ў полі* [6, с. 18]. У Лермонтова пространственная семантика передана через обозначение ландшафта – *поле*; в переводе – общее наименование пространства – *место* и четко выраженные пространственные отношения – *знайшлі ў полі*. Ср. также: *Я слушаю – и в мрачной тишине твои напевы раздаются* [6, с. 32]. – *Твае напевы слухаю – яны на вольны свет з муроў імкнуцца* [6, с. 33]; *По небу я ветви раскинула здесь на просторе, и корни мои умывает холодное море* [6, с. 114]. – *Пад небам галіны раскінула я на прасторы, карэнні глыбока ў халодным купаючы моры* [6, с. 115].

Возможно опущение одних синтаксем-локативов и появление других: *Носились знамена, как тени, в дыму огонь блестел, звучал булат, картечь визжала* [6, с. 16]. – *Сцягі, што цені, беглі ў полі з бугра і да бугра, карцеч над намі візгала* [6, с. 20]. В переводе отсутствует словоформа *в дыму*, поскольку А. Кулешовым полностью опущен фрагмент *в дыму огонь блестел, звучал булат*; зато представлены новые синтаксе-

мы, отсутствующие в оригинале: *беглі ў полі з бугра і да бугра, над намі візгатала*.

Таким образом, в проанализированных текстах преобладают максимально точные, соответствующие оригиналу переводы синтаксисом с пространственной семантикой, что обусловлено близкородственными связями русского и белорусского языков, а также близостью творческих принципов автора и переводчика. Мастерство Кулешова-переводчика проявляется в органичном сочетании сохранения «атмосферы» лермонтовского стиха и демонстрации авторской индивидуальности, выявлении возможностей белорусского языка для передачи тончайших оттенков смысла.

Библиографические ссылки

1. Теория функциональной грамматики. Локативность. Бытийность. Посесивность. Обусловленность. СПб.: Наука, 1996.

2. *Всеволодова М. В.* Способы выражения пространственных отношений в современном русском языке. М. : Книжный дом «Либроком», 2019.

3. *Федосеева Л. Н.* Категория локативности в современном русском языке: автореф. дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.01. Тамбов, 2013.

4. *Волчек О. А.* Пространственные номинации русского и белорусского языков в синхронии и диахронии: системный и функциональный аспекты: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01, 10.02.02. Минск, 2015.

5. *Золотова Г. А.* Синтаксический словарь: Репертуар элементарных единиц русского синтаксиса. М. : Эдиториал УРСС, 2011.

6. *Лермантаў М. Ю.* Зорка зорцы голас падае – И звезда с звездой говорит: Выбр. вершы / уклад. В. Спрычан; пер. з рус. А. Куляшоў. Мінск : Маст. літ., 1989.

7. *Рагойша В. П.* На шляху да Парнаса: Давед. маладога літаратара. Мінск : Маст. літ., 2003.

УДК 378.016:811.161.1–0.54.6(075.8)

МЕЖЪЯЗЫКОВАЯ ОМОНИМИЯ В ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКОЙ ПРАКТИКЕ (ПРИНЦИПЫ ПОСТРОЕНИЯ ЧЕШСКО-БЕЛОРУССКОГО СЛОВАРЯ МЕЖЪЯЗЫКОВЫХ ОМОНИМОВ)

Н. В. Ивашина

*Белорусский государственный университет,
ул. К. Маркса, 31, 220030, г. Минск, Беларусь, natasha.ivashina@gmail.com*

В статье рассматривается концепция лексикографического подхода к проблеме межъязыковой омонимии. Обсуждаются принципы отбора и семантического, грамматического, коннотативного и функционально-стилистического описания лексем в словаре на примере чешско-белорусского материала. Анализируются типы семантических отношений между омонимами, а также основные причины возникновения межъязыковых омонимов.

Ключевые слова: межъязыковая омонимия; лексикография; чешский язык; белорусский язык.

INTERLINGUAL HOMONYMY IN LEXICOGRAPHIC PRACTICE (PRINCIPLES OF CONSTRUCTING A CZECH-BELARUSIAN DICTIONARY OF INTERLINGUAL HOMONYMS)

N. V. Ivashina

*Belarusian State University,
31 Karl Marks St., 220030, Minsk, Belarus, natasha.ivashina@mail.by*

The article considers the concept of a lexicographic approach to the problem of interlingual homonymy. The principles of selection and semantic, grammatical, connotative and functional-stylistic description of lexemes in the dictionary are discussed using the example of Czech-Belarusian material. The types of semantic relationships between homonyms are analyzed, as well as the main reasons for the emergence of interlingual homonyms.

Keywords: interlingual homonymy; lexicography; Czech language, Belarusian language.

Интерес к проблеме межъязыковой омонимии не ослабевает как с точки зрения прикладной лингвистики, так и в рамках сопоставительных исследований лексической семантики и типологии языков. Эта проблема особенно актуальна для славянских языков, которые в силу своей близости обнаруживают многочисленные омонимические пары. Несмотря на разработанность проблемы межъязыковой омонимии в славянском язы-

кознании, до сих пор существуют некоторые расхождения в интерпретации этого понятия и в терминологии. Полное или частичное формальное сходство слов в разных языках при их семантической асимметрии называют межъязыковой омонимией [1; 2; 3], ложными или неполными лексическими параллелями [4], ложными аналогами [5], междуязычными аналогизмами [6], «ложными друзьями переводчика» и др.

В чешско-белорусском словаре [7] под межъязыковой омонимией понимается формальное совпадение (полное или неполное) лексем двух языков при полном или частичном несовпадении их значений. Разумеется, полному формальному сходству чешских и белорусских лексем препятствует использование разных азбук, разные принципы орфографии, отличия в ударении и произношении. Однако это закономерные формальные различия, определяющиеся характером систем данных языков.

При сопоставлении значений выделяется несколько основных типов семантической асимметрии:

1. Семантические отношения исключения, ср. чеш. *notný* «большой, значительный» – бел. *нотны* «нотный», чеш. *klíč* «ключ» – бел. *кліч* «зов, призыв», чеш. *sok* «соперник» – бел. *сок* «жидкость», *dík* «благодарность, признательность» – бел. *дзік* «дикий кабан», чеш. *hmyz* «насекомые» – бел. *хмыз* «кустарник».

2. Семантические отношения включения (значение лексемы в одном языке шире, чем в другом), ср. чеш. *chata* «дача» – бел. *хата* 1. «изба», 2. «дом, жилье» 3. «хозяйство, усадьба», чеш. *rodič* «один из родителей» – бел. *rodзіч* «родственник», чеш. *sklep* «подвал» – бел. *склеп* 1. «подвал», 2. «склеп, могила», чеш. *bláto* «грязь» – бел. *балота* 1. «болото», 2. «грязь».

2.1. Родо-видовые семантические отношения: чеш. *hřib* «белый гриб, боровик» – бел. *грыб* «гриб», чеш. *jahoda* «земляника, клубника» – бел. *ягада* «ягода», чеш. *zmije* «гадюка» – бел. *змяя* «змея»; чеш. *palec* «большой палец» – бел. *палец* «палец».

2.2. Семантические отношения целое – часть: чеш. *krk* «шея, горло» – бел. *карак* «задняя часть шеи», чеш. *šije* «задняя часть шеи» – бел. *шыя* «шея», чеш. *sukně* «нижняя часть женской одежды, юбка» – бел. *сукня* «одежда, платье».

3. Семантические отношения пересечения (семантическая структура омонимов сходна лишь отчасти, в одном или более значениях): чеш. *krajina* «пейзаж», анат. «область» – бел. *краіна* «страна, государство» (общее значение «край, местность»), чеш. *mírný* «умеренный, небольшой» – бел. *мірны* «мирный» (общее значение «спокойный, тихий»), чеш. *urazit* «отбить», «пройти, проделать» – бел. *уразіць* «удивить» (общее значение «оскорбить»), чеш. *nával* «толпа», «приступ», перен. «при-

лив» – бел. *навала* «нападение», «несчастье» (общее значение «много, масса»).

4. Противопоставление омонимов в одном языке моносемантам или полисемантам в другом языке: чеш. *chvat*¹ «спешка», спорт. *chvat*² «спортивный прием» – бел. разг. *хват* «ловкий, проворный человек»; чеш. книжн. *spět* «идти, приближаться» – бел. *спець*¹ «запеть», *спець*² «спеть, зреть»; чеш. *kok* «шаровидная бактерия» – бел. *кок*¹ «корабельный повар», *кок*² «вид мужской прически», *кок*³ «кок, шаровидная бактерия»; чеш. *puk*¹ «заглаженная складка на брюках», *puk*² «шайба» – бел. *пук* 1. «связка, пасмо», 2. «пучок»; чеш. *kára*¹ «коляска, ручной возок», *kára*² «бубны, карточная масть» – бел. *ка́ра* «наказание», *кара́* «кора»; чеш. *příslolí* «пословица» – бел. *прыслоўе*¹ «наречие», *прыслоўе*² «поговорка».

5. Межъязыковая энантиосемия (развитие противоположных значений у генетически однокоренных слов), ср. чеш. *blahý* «приятный, блаженный» – бел. *благі* «плохой, злой», чеш. *čerstvý* «недавно изготовленный, новый, свежий» – бел. *чэ́рствы* «черствый, твердый», чеш. *zapomenout* «забыть» – бел. *запомніць* «запомнить», чеш. *bezcepný* «не представляющий ценности, незначительный» – бел. *бясцэнны* «драгоценный, неоценимый», чеш. *letos* «в этом году» – бел. *летась* «в прошлом году», чеш. *trup* «торс, тело человека» – бел. *тру́п* «мертвец, мертвое тело».

6. Названия разных реалий, связанных тематически: чеш. *rosol* «же-ле» – бел. *расол* «рассол», чеш. *keks* «галета, сухое печенье» – бел. *кекс* «бисквитная выпечка с изюмом», чеш. *olovo* «свинец» – бел. *волава* «олово», чеш. *burák* «арахис» – бел. *бурак* «свекла», чеш. *vápník* «кальций» – бел. *вапняк* «известняк», чеш. *puška* «ружье» – бел. *пушка* «пушка», чеш. *bedra* 1. «поясница», 2. «спина, плечи» – бел. *бядро* «бедро», чеш. *sardelka* «сардинка, анчоус» – бел. *сардэ́лька* «сарделька», чеш. *větrák* «вентилятор» – бел. *вятрак* «флюгер», чеш. *rukavice* «перчатки» – бел. *рукавіца* «варежка».

Между омонимами возможны также стилистические и коннотативные отличия. Это различия: 1) по принадлежности к разным функциональным стилям (чеш. книжн. *rov* «могила» – бел. *роў*¹ «ров, овраг», *роў*² «рев, шум», чеш. *vrchol* 1. «верх», 2. «вершина, апогей» – бел. разг. *вэрхал* «беспорядок, хаос», чеш. обиходно-разговорн. *veselka* «свадьба» – бел. *вясёлка* «радуга»); 2) по хронологическому признаку (чеш. *čára* «линия» – бел. уст. *чара* «бокал», чеш. истор. *tovaryš* «подмастерье» – бел. *таварыш* «друг, товарищ», устар. «помощник, заместитель», чеш. *vítěz* «победитель, чемпион» – бел. истор. *віцязь* «витязь»); 3) по сфере употребления (чеш. геометр. *přepóna* «гипотенуза» – бел. *перапо́на* «плотина», чеш. *zásada*¹ «принцип», химич. *zásada*² «основа» – бел. *засада* «за-

сада», чеш. ботан. *lata* «метелка» – бел. *лата* «заплата», чеш. *dělník* «рабочий» – бел. матем. *дзельнік* «делитель»); 4) по частотности употребления (чеш. книжн. редк. *ustat* «перестать, прекратить» – бел. *устаць* 1. «встать, подняться», 2. «встать, стать», 3. «выйти», 4. перен. «встать, появиться»); 5) по коннотативным характеристикам (чеш. пренебрежит. *vandrák* «бродяга» – бел. *вандроўнік* «путешественник, кочевник»).

В словаре встречаются также примеры частеречной межъязыковой омонимии: чеш. *havěť* «живность, мелкие животные» (существительное) – бел. *гавець* «поститься» (глагол), чеш. *hádká* «ссора» (существительное) – бел. *гадка* «гадко, противно» (наречие), чеш. *posud* «до сих пор» (наречие) – бел. *посуд* «посуда» (существительное), чеш. *úleva* 1. «облегчение», 2. «льгота» (существительное) – бел. *улева* «влево» (наречие).

В пределах одной части речи наиболее часты отличия в роде и числе существительных: чеш. *lustr* «люстра» (муж. род) – бел. *люстра*¹ «люстра», *люстра*² 1. «зеркало», 2. «отражение», 3. «поверхность, площадь» (жен. род), чеш. *hůl* «палка, жезл» (жен. род) – бел. *гул* «шум, гул, гудение» (муж. род), чеш. *lusk* «стручок» (муж. род) – бел. *луска* «шелуха, очистки» (жен. род); чеш. *pažitka* «зеленый лук» (ед. ч.) – бел. *пажыткі* «имущество, вещи» (мн. ч.), чеш. *máru* «погребальные носилки» (мн. ч.) – бел. *мара* 1. «мечта», 2. «представление, фантазия» (ед. ч.) и др.

Основные пути возникновения чешско-белорусских омонимов:

1. Результат разного семантического развития родственных слов, восходящих к общему этимону: чеш. *blesk* «молния» – бел. *бляск* «блеск», чеш. *tvor* «существо» – бел. *твор* «произведение», чеш. *horký* «горячий» – бел. *горкі* «горький», «горестный», чеш. *hvozd* «большой густой лес» – бел. *гвозд* «деревянный гвоздь», чеш. *trup* «туловище, торс» – бел. *труп* «мертвец, труп», чеш. *lhůta* «срок, время (исполнения, платежа)» – бел. *ільгота* «льгота, скидка», чеш. *úrok* «процент» – бел. *урок* «учебный час», чеш. *pařez* «пень» – бел. *парэз* «порез», чеш. *dvorec* «имение, усадьба», «теннисный корт» – бел. *дварэц* «дворец», чеш. *přítomnost* 1. «присутствие», 2. «современность, настоящее» – бел. *прытомнасць* «сознание», чеш. *pokuta* «штраф» – бел. *накута* «страдание, мучение», чеш. *poměr* 1. «отношение», 2. «связь», 3. «пропорция», 4. «обстоятельства, условия» – бел. *памер* «размер», чеш. *poselství* «послание» – бел. *пасольства* «посольство», чеш. *prach* 1. «пыль», 2. «пух», 3. «порох», 4. мн. экспр. «деньги» – бел. *прах* «прах, пепел», чеш. *pramen* 1. «источник», 2. «прядь» – бел. *прамень* «луч», чеш. *rychlý* «быстрый» – бел. *рыхлы* 1. «рыхлый, сыпучий», 2. «полный», чеш. *příhoda* «случай» – бел. *прыгода* «приключение», чеш. *stravování* «питание» – бел. *страваванне* «пищеварение», чеш. *statek* 1. «хозяйство, усадьба», 2. «имущество», 3. «достояние, ценности» – бел. *статак* «стадо», чеш. *záchod*

«туалет» – бел. *захад* 1. «заход (солнца)», 2. «запад», чеш. *život* «жизнь» – бел. *жывот* «часть тела».

2. Совпадение разных по происхождению слов: чеш. *dřeň* «сердцевина, мякоть», «пульпа (зуба)», «пюре» – бел. *дрэнь* «дрянь», чеш. *blín* «белена» – бел. *блін* «блин», чеш. *klíč* «ключ» – бел. *кліч* «крик, призыв, клич», чеш. *mýlit* «вводить в заблуждение, лгать» – бел. *мыліць* «мылить», чеш. *knír* «усы» – бел. *кныр* «дикий кабан», чеш. *sud* «бочка» – бел. *суд* «суд», чеш. *mech* «мох» – бел. *мех* «мешок», чеш. *paroh* «рог» – бел. *парог* «порог», чеш. *pasák* 1. «пастух», 2. «сутенер» – бел. *пасак* 1. «поясок, ремешок», 2. «полоска», чеш. *perost* «минерал, ископаемое» – бел. *нераст* «нерест», чеш. *hmyz* «насекомые» – бел. *хмыз* «кустарник», чеш. *zápor* 1. «отрицание», 2. «недостаток» – бел. *запор*¹ «запор, замок», *запор*² «запор», чеш. *dík* «благодарность, признательность» – бел. *дзік* «дикий кабан».

3. Различная адаптация заимствований и заимствование слов из разных языков-источников: чеш. *dóza* «украшенная емкость» – бел. *доза* «порция» (из нем. *Dose*, которое в свою очередь из голл. *doos* «коробочка, содержащая дозу, порцию»), чеш. *kanava* «канва» (из франц. *canavas*) – бел. *канава* «канава» (из итал. *canale* через польск. *kanal*), чеш. *fara* «церковный приход» (из др.-нем. *pharre*) – бел. *фара* «фара, рефлектор» (из франц. *phare*), чеш. *gáza* «марля» (из франц. *gaze*) – бел. *газа* «керосин» (из нем. *Gas*), чеш. *fortel* «сноровка» – бел. разг. *фортэль* «ловкая проделка, выходка» (из ср.-в.-нем. *vorteil* «выгода, преимущество», в бел. через польск. *fortel* «выгода, хитрость»), чеш. *hrot* «острие» (из ср.-в.-нем. *grāt* «рыбья кость») – бел. *грот* «грот, пещера в скале» (из франц. *grotte*), чеш. *parta* «группа, компания» (из нем. *partei*) – бел. *парта* «парта, школьный стол» (из нем. *apart* или франц. *à part*), чеш. *korba* «кузов» (из итал. *corba*, которое восходит к лат. *corbis*) – бел. *корба* «ручка, которой что-либо приводится в движение» (из нем. *Kurbe* через польск. *korba*).

4. Совпадение заимствованного слова в одном языке с исконным в другом: чеш. *buchta* «булочка» (от славянской экспрессивной основы *buch-*) – бел. *бухта* «залив» (из нем. *Bucht*), чеш. *kudla* «складной нож» (из франц. *coutelas* «нож, тесак») – бел. *кудла* «растрепанный, лохматый человек» (от *кудлы* «волосы»), *dráp* «коготь» (от прасл. **drapati*) – *драп* «драп (ткань)» (из нем. *Drap* «сукно» или непосредственно из франц. *drap*).

5. Присоединение омонимичных аффиксов к одной и той же основе: чеш. *strávník* «столующийся, едок» – бел. *страўнік* «желудок», чеш. *dojnice* «дойная корова» – бел. *дайніца* «подойник, доильное ведро», чеш. *školník* «сторож школы» – бел. *школьнік* «ученик школы», чеш. *přivovar*

«пивоваренный завод» – бел. *nívaavar* «пивовар», чеш. *rybolov* «рыбалка» – бел. *рыбалоў* «рыбак», чеш. *pračka* «стиральная машина» – бел. *прачка* «прачка», чеш. *železnák* «чугунный котелок» – бел. *жалязняк* «железная руда», чеш. *chudoba* «бедность, нищета» – бел. разг. *худоба* «домашние животные».

В чешско-белорусском словаре межъязыковых омонимов словарная статья состоит из двух частей: чешско-белорусской и белорусско-чешской. В каждой словарной статье представлены чешская и белорусская лексемы, их значения и соответствующие эквиваленты, грамматические, экспрессивно-стилистические и специальные характеристики, а также иллюстративный материал с типичными словосочетаниями. Слова приводятся в начальной форме. У существительных указаны также формы род. пад. ед. ч. и род, у глаголов вид. Неизменяемые слова обозначены частеречной характеристикой. У многозначных лексем отдельные значения обозначены арабскими цифрами. Внутриязыковые омонимы отмечены цифрой, которая следует за соответствующей формой. Синонимические эквиваленты приводятся через запятую. В случае безэквивалентной лексики дается транслитерация слова в кавычках и описание значения, напр.: *guslí potn.* «gusli», *starobylý slovanský drnkací nástroj: igraць на г-ях*. Подобным образом приводятся толкования лексем, которые не имеют точных эквивалентов, ср.: *калач, -a m okrouhlý pšeničný chléb: к. з пшаніцы*. Стилистические и терминологические характеристики передаются с помощью помет. Если помета относится ко всем значениям, она приводится перед первым значением лексемы, если же относится к определенному значению, ставится после соответствующей цифры. В качестве иллюстративного материала приводятся словосочетания, предложения представлены лишь в случае уточнения семантики.

Чешско-белорусский словарь омонимов вышел в Праге уже около двух десятилетий назад небольшим тиражом и практически недоступен в белорусской аудитории. Представляется, что его переработанное и расширенное переиздание в Беларуси было бы полезно студентам-богемистам, переводчикам и широкому кругу читателей, интересующихся славянскими языками. Материалы словаря могут служить базой для сопоставительных и типологических исследований в области лексической семантики, поскольку особенности семантических расхождений межъязыковых омонимов подчинены общим законам языковой концептуализации, в частности отражению специфики этой концептуализации в лексической семантике.

Библиографические ссылки

1. *Супрун А. Е.* Лексическая типология славянских языков. Минск : Изд-во БГУ, 1983.
2. *Заславская Н. В.* К проблеме создания словаря межъязыковых омонимов (на материале русского и украинского языков) // *Современные проблемы лексикографии*. Харьков, 1992. С. 23–25.
3. *Kusa K.* Межъязыковая омонимия как лексикографическая проблема (содержание и принципы построения русско-польского словаря межъязыковых омонимов) // *Jazykovědná rusistika na počátku nového tisíciletí*. Brno, 2002. S. 144–155.
4. *Дубичинский В. В.* Лексические параллели. Харьков, 1993.
5. *Швейцер А. Д.* Теория перевода: статус, проблемы, аспекты. М. : Наука, 1988.
6. *Федоров А. В.* Основы общей теории перевода (лингвистические проблемы). М. : Филология Три, 2002.
7. *Ivašina N., Rudenko A., Janovec L.* Falešní přátelé překladatele. Praha: Univerzita Karlova, 2006.

УДК 811.161:81'25

ПЕРЕВОД КАК ВИД РЕЧЕВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ НА ЗАНЯТИЯХ РКИ

Н. Е. Кожухова

*Белорусский государственный медицинский университет,
пр. Дзержинского, 83, 220116, г. Минск, Беларусь, belrus@bsmu.by*

Статья посвящена роли перевода как одного из видов речевой деятельности в процессе преподавания РКИ. Перевод как метод совершенствования продуктивных моделей представляет собой акт преодоления трудностей различного уровня языка и речи, обучает решению проблемных задач и мотивирует пути их решения, так как создает разные условия моделирования коммуникации с использованием двух языков – а) русского и б) родного или английского – и тем самым мотивирует процесс обучения.

Ключевые слова: трансфер; внеязыковой фактор; безэквивалентная и фоновая лексика; интерференционная ошибка; межъязыковая коммуникация.

TRANSLATION AS A TYPE OF SPEECH ACTIVITY IN RCT CLASSES

N. E. Kozhukhova

*Belarusian State Medical University,
Dzerzhinsky Av., 83, 220116, Minsk, Belarus, belrus@bsmu.by*

The article is devoted to the role of translation as one of the types of speech activity in the process of teaching RFL. Translation as a method of improving productive models is an act of overcoming difficulties at various levels of language and speech, teaches solving problematic problems and motivates ways to solve them, as it creates different conditions for modeling communication using two languages – a) Russian and b) native or English – and thereby motivating the learning process.

Keywords: transfer, extralinguistic factor; non-equivalent and background vocabulary; interference error; interlingual communication.

При обучении русскому языку иностранных учащихся, получающих образование на английском языке, нужно учитывать следующие моменты: а) ошибки в речи, обусловленные внеязыковыми факторами, б) дополнительное влияние на коммуникацию на русском языке английского и родного языков, за исключением тех случаев, когда английский язык является родным языком. К внеязыковым факторам мы относим от-

сутствие фоновых знаний, неадекватное представление о культуре народа как носителя изучаемого языка.

Вхождение студентов-англофонов из Ирана, Ливана, Индии, Нигерии, Израиля в лингвокультурную среду белорусской действительности сопряжено с большими трудностями, вызванными глубокими расхождениями между белорусскими культурными реалиями и культурным кодом приехавших студентов.

Интерференция культур – белорусской и родной – проходит у иностранных студентов-англофонов через призму английского языка, когда английский язык является и государственным и родным языком одновременно (нет языка-посредника между русским и родным языками). Если для иностранного учащегося родным является арабский язык (при владении им дополнительно ивритом и английским языками), то восприятие культурного кода белорусской культуры будет осуществляться через арабский язык. Языками-посредниками для арабских студентов из Израиля могут служить и иврит (государственный язык Израиля) и английский язык, выступающий как средство получения медицинского образования в Республике Беларусь. В первом случае перевод осуществляется в рамках английского и русского языков. Во втором случае – в рамках арабского и русского языков. Необходимо иметь в виду, что качество перевода напрямую зависит от знания арабского или английского языков, так как студенты далеко не идеально владеют ими. Например, значение слова «РЫХЛЫЙ» переводится лексическим вариантом, включающим значение «площадь», а не «объем».

Для обнаружения потенциальных источников лингвострановедческой интерференции используются различные приемы и методы (участие иностранных учащихся в анкетировании, в конференциях, в олимпиадах). Учет интерференции представляет собой реальную картину речевого поведения иностранных студентов при изучении русского языка. Анализ материала дает возможность выработать рекомендации для авторов методичек, предложить типы упражнений, помочь создать комментарий к безэквивалентной и фоновой лексике. Учет лингвострановедческой интерференции важен и при презентации учебного материала, при разработке способов тренировки и контроля, а также при создании различных форм зрительной наглядности.

Усиление практической направленности преподавания иностранного языка связано с выработкой у иностранных учащихся навыков и умений применять на практике знания. Что касается знаний, которые даются на уроках РКИ, трудно представить себе более продуктивный способ их применения, чем перевод.

Методика применения перевода – это мало разработанная область дидактики. Существующие программы ПЕРЕВОДЧИК далеко не совершенны. Обращая внимание на некорректный перевод программы ПЕРЕВОДЧИК, нужно использовать результат перевода для анализа ошибок как на уровне построения текста, так и на уровне ошибок в речи, обусловленных внеязыковыми факторами. Необходимо делать упор на универсальные переводческие умения, не оставляя без внимания и другие аспекты методического процесса. В данный период трансфер применяется при работе с незнакомой лексикой, в рамках написания доклада, творческих работ, например сочинения. Пример сочинения иностранного учащегося-англофона арабского происхождения (Израиль) Перевод осуществлялся с арабского (родной язык) на русский язык:

«Женищина, которая меня вдохновляет, – это моя мать. Она источник силы, мудрости и бесконечного тепла. Ее доброта и сострадание к людям невероятны. Когда я вижу, как она бескорыстно помогает людям, я понимаю, что это истинное призвание ее собственной силы – делиться ею с окружающими.

Моя мама – настоящая лидерша. Несмотря на преграды, она добилась успеха в своей профессии, преодолевая трудности и препятствия. Ее упорство, целеустремленность и ответственность всегда вдохновляли меня на новые свершения. Она научила меня, что невозможного не существует, если у тебя есть сила воли и вера в себя.

Моя мама – источник вдохновения. Ее личный пример и нравственные уроки наставляют меня на правильный путь и помогают стать лучше. Она вкладывает в меня очень многое, потому что она – моя мама, мой герой и мой источник неиссякаемой любви и поддержки.

Моя мама – не просто материнская фигура. Она мой главный наставник и лучший друг. Ее мудрость, забота и внимание к своим детям делают ее особенной.

Она всегда рядом, чтобы поддержать меня в трудные моменты, и радуется со мной в моменты моих успехов. Через взгляды и поступки моей мамы я узнал, что настоящая сила заключается в доброте, сострадании и терпимости. Ее способность любить безгранично и принимать людей такими, какие они есть, вселяет в меня веру в доброту и человечность. Ее пример наставляет меня быть заботливым и внимательным к окружающему миру».

Межъязыковой трансфер – это психологическое явление, процесс, сопутствующий воспроизведению и порождению иноязычной речи. При этом процессе происходит взаимодействие языковых систем родного и изучаемого языка. С лингвистической точки зрения интерференционная ошибка возникает чаще всего на месте расхождения языковых систем,

при сопоставлении которых наблюдаются обширные области несходных языковых фактов. Например, на вопрос: «В каких городах Республики Беларусь вы хотели бы побывать?», учащийся-англофон (Израиль) отвечает: «Дана Молл». Студент имел в виду один из вариантов перевода лексемы «город» – «место встречи, место хорошего времяпрепровождения» (араб). Имеются следующие разновидности языковых фактов, являющихся базой для возникновения интерференционных ошибок: а) явления языковой системы родного языка отличаются от аналогичных явлений русского языка, б) в языковой системе родного языка отсутствуют явления, присутствующие в русском языке, в) сходства и различия проявляются на всех уровнях языковых систем.

Прагматический перевод – это деятельность, целью которой является обеспечение реализации акта межкультурной коммуникации путем замены текста на исходном языке. Прагматическая эквивалентность текстов подлинника и перевода не всегда и даже редко сопровождается полной эквивалентностью на уровне других компонентов или значений текста – семантическом и синтаксическом.

По И. А. Зимней, объектом изучения в РКИ является речевая деятельность во взаимосвязи ее видов – говорения, слушания, чтения, письма, перевода. Первые четыре вида речевой деятельности характерны для процесса усвоения как родного, так и неродного языка. Перевод же в этом статусе – явление новое и нуждается в многоаспектных исследованиях. Как особый вид речевой деятельности, он начинает функционировать только при усвоении неродного языка. Если придать ему статус речевой деятельности, то возникает необходимость установить его место на разных этапах владения речью, определить виды и направленность перевода, выявить особенность перевода с другими видами речевой деятельности. Чрезвычайно сложными являются психологические проблемы данного процесса. Необходимо выяснить, в чем специфика родного и неродного языков в процессе познания мира и чем вызвана потребность в переводе. Усвоение родного языка непременно связано с удовлетворением познавательной потребности человека. Процесс познания мира и процесс усвоения родной речи теснейшим образом взаимосвязаны: ПОЗНАВАЯ МИР → ОВЛАДЕВАЕМ РЕЧЬЮ → ОВЛАДЕВАЯ РЕЧЬЮ → ПОЗНАЕМ МИР.

Неродной язык (особенно на начальном этапе его усвоения) представляется не как средство познания, а как эквивалент родного.

При овладении неродным языком отражение окружающей действительности происходит не непосредственно, а через сложившуюся систему понятий и способов выражения средствами родного языка.

Объектом познания уже на более абстрактном уровне становится не окружающий мир, а речевая и языковая действительность изучаемого языка. Возникают большие несоответствия между развитым мышлением, полностью автоматизированными навыками родной речи и крайне ограниченными возможностями в области неродной речи. С первых шагов соприкосновения с неродной речью непременно возникает необходимость во внутреннем переводе. Ярким примером результатов неосознанного перевода являются специфические речевые ошибки в изучаемом языке, обусловленные структурными особенностями родного языка. В процессе овладения неродной речью и языком соотношение родного и изучаемого языка следующее: а) первый этап – **ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТЬ – РОДНОЙ ЯЗЫК**, б) второй этап – **ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТЬ – РОДНОЙ ЯЗЫК – ИЗУЧАЕМЫЙ ЯЗЫК**, в) третий этап – **ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТЬ – ИЗУЧАЕМЫЙ ЯЗЫК**.

С точки зрения перевода как особого типа речевой деятельности исключительное место занимает второй этап, начинающийся с первого знакомства с неродной речью и кончающийся полным овладением ею.

Перевод как метод совершенствования продуктивных моделей представляет собой акт преодоления трудностей различного уровня языка и речи, обучает решению проблемных задач и мотивирует пути их решения, так как создает разные условия моделирования коммуникации с использованием двух языков – а) русского и б) родного или английского – и тем самым мотивирует процесс обучения.

Использование перевода способствует развитию комбинаторного билингвизма – такого вида билингвизма, при котором субъект на основе сознательного сопоставления форм выражения функционально-смысловых зависимостей и контекстуальных значений лексических единиц в обоих языках, проанализировав инварианты, в состоянии выработать наиболее прагматически нормативные, адекватные ситуации. При этом необходимо учитывать уровень общения иностранных учащихся и цели порождения речевого высказывания.

Применение перевода как метода совершенствования умений речевой деятельности на русском языке предлагает использование главным образом нормативных текстов образцов делового, научного, публицистического стилей речи в соответствии с коммуникативными потребностями учащихся в их будущей профессиональной деятельности.

Профессионализация обучения предусматривает работу по переводу и конкретных типов диалогических единств, составляющих набор социальных ситуаций общения, например, в деканате, ректорате.

Дидактическая ценность перевода как приема обучения заключается еще и в том, что он стимулирует творческую работу учащегося, дает ему

возможность преодолеть интерференцию, которая возникает помимо его воли в силу укоренившихся привычек родного языка [1].

Признавая ценность и необходимость перевода, мы считаем, что он должен рассматриваться как часть целостной системы обучения иностранному языку с учетом конкретных целей и этапов обучения возраста и потребностей обучаемых.

Библиографические ссылки

1. *Зимняя И. А.* Психологические аспекты обучения говорению на иностранном языке: Кн. для учителя. 2-е изд. М. : Просвещение, 1985.

УДК 81.11–112:347.78.034

АКТУАЛЬНЫЕ СПОСОБЫ ПЕРЕВОДА АНГЛОЯЗЫЧНЫХ НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКИХ НЕОЛОГИЗМОВ

О. Н. Кулиева

*Белорусский государственный университет,
ул. К. Маркса, 31, 220030, г. Минск, Беларусь, kyls@yandex.ru*

В статье представлен анализ актуальных способов перевода 300 научно-технических неологизмов, зафиксированных в англоязычных онлайн словарях в разделах новых слов за последние 10 л ; в результате переводческого и статистического анализов выявлены наиболее продуктивные приёмы их перевода.

Ключевые слова: неологизм; прием перевода; продуктивность; научно-техническая сфера.

ACTUAL TRANSLATION METHODS OF ENGLISH SCIENTIFIC AND TECHNICAL NEOLOGISMS

O. N. Kulieva

*Belarusian State University,
31 Karl Marks St, 220030, Minsk, Belarus, kyls@yandex.ru*

The article presents an analysis of current methods of translation of 300 scientific and technical neologisms recorded in English online dictionaries in the sections of new words over the past 10 years; as a result of translation and statistical analyses, the most productive methods of their translation were identified.

Keywords: neologism; translation method; productivity; scientific and technical sphere.

Стремительное развитие науки и технологий в последнее десятилетие привели к возникновению в языке огромного количества неологизмов, функционирующих в научно-технической сфере, что привело к необходимости их всестороннего лингвистического анализа, который позволил бы систематизировать и классифицировать неологизмы, а также упростить их изучение и понимание.

Необходимо отметить, что перевод неологизмов с английского на русский язык является сложной задачей для переводчиков в силу их новизны и уникальности, отсутствия непосредственных аналогов в переводном языке, а также невозможности создания универсального алгоритма для их передачи. Известны случаи успешного перевода новых

слов, выполненных без участия человека с помощью современных машинных переводчиков, таких как DeepL, Google Translate, Yandex Translate, применяющих технологию искусственного интеллекта в процессе перевода слов, словосочетаний, предложений и даже целых текстов. Более того, современные нейронные сети способны даже изучать смысловое содержание метафор и прочих языковых образных средств, что позволяет им выбирать адекватный вариант перевода, не прибегая к непосредственно дословному переводу. Тем не менее, данные системы не совершенны и не могут качественно функционировать без ручных правок специалистов. Возможный успех автоматического перевода не гарантирован и может существенно разниться от адекватного и эквивалентного человеческого перевода. Следовательно, выявление наиболее продуктивных способов перевода неологизмов, научно-технических в том числе, по-прежнему остается актуальной проблемой современного переводоведения и имеет как теоретическую, так и практическую значимость.

В теории переводоведения давно сложился определенный свод правил, которых должен придерживаться любой переводчик, впервые встретивший новое и незнакомое слово. Прежде всего, чтобы добиться его адекватного и эквивалентного перевода, необходимо определить семантику неологизма, детально изучив контекст, в котором он употреблен, в случае необходимости проанализировать морфемный состав слова, и только в результате проведенного анализа предложить свой вариант перевода, который будет максимально чётко отображать суть неологизма. И только при наличии определенных полномочий и при условии отсутствия иного, зафиксированного в переводных словарях варианта, переводчик может создать свой собственный неологизм. Выбор способа перевода неологизма зависит также и от различных субъективных факторов, таких как личные качества переводчика (его опыт, интеллект, способность работать с абстракциями), обстоятельства, в которых происходит процесс перевода, авторский стиль, характер текста и другие. Приоритетное правило при переводе неологизма – это достижение его максимального соответствия нормам и правилам переводного языка.

В аспекте сказанного выше представляется интересным проанализировать актуальные способы перевода научно-технических неологизмов, зафиксированных в словарях в разделах *New Words*, с целью выявления наиболее продуктивных способов их перевода. Методом сплошной выборки из указанных разделов электронных словарей *Cambridge Dictionary* [1], *Oxford Learner's Dictionaries* [2] были отобраны для исследования 300 неологизмов научно-технической сферы. Далее был

осуществлен их перевод с помощью онлайн-словаря Multitran [3] и машинного переводчика DeepL. В ходе последующего переводческого анализа выяснилось, что приемами перевода отобранных неологизмов стали калькирование (163), транслитерация (65), транскрипция (32), описательный перевод (23), синонимическая замена (10), оригинал с пояснением или прямое включение (7).

В результате проведённых переводческого и статистического анализов отобранных неологизмов сделан вывод, что калькирование, представляющее собой замену составных частей лексической единицы оригинала их лексическими аналогами в переводящем языке, является наиболее продуктивным способом перевода научно-технических терминов (54% от общего количества неологизмов). Очень важная и существенная особенность калькирования – сохранение структуры исходного слова или словосочетания при создании соответствия в переводном языке. Применение данного способа перевода таким образом оказывает существенное влияние на «чистоту» переводного языка: удается избежать чрезмерного использования англицизмов и разрушения целостности родного языка, сохраняется его традиционность. Примерами использования калькирования могут служить следующие научно-технические термины-неологизмы: *precipitation whiplash* – *внезапные осадки*, *ransomware* – *программа-вымогатель*, *augmented reality* – *дополненная реальность*, *superscript* – *надстрочный знак*, *twindemic* – *двойная пандемия*, *quantum dot* – *квантовая точка*, *artificial general intelligence* – *искусственный интеллект общего назначения*, *voice cloning* – *клонирование голоса*, *infostealer* – *инфовор*, *cyberspace* – *киберпространство*. Как видим, нередко при использовании калькирования возникает необходимость изменения порядка слов и добавления новых в структуру терминологического сочетания, а также применения частичной транслитерации с целью соблюдения норм переводного языка, что не является нарушением переводческих правил.

Вторым по продуктивности способом перевода научно-технических неологизмов стала транслитерация (22 %), при которой, как известно, воспроизводится графическая форма английского слова. Однако в силу фонетических и графических различий в системах английского и русского языков передача формы иноязычного слова на языке перевода практически всегда подразумевает определённую степень условности и приближенности: *biohacking* – *биохакинг* (*улучшение тела, мозга и психики с помощью различных методик, основанных на научных исследованиях*), *superdodger* – *супердоджер*, *pyrocene* – *пироцен* (*эпоха огня*), *technoetics* – *техноэтика*, *fintech* – *финтех*, *coronasomnia* – *коронасомния*, *halving* – *халвинг*, *flipping* – *флиппе-*

нинг. В контексте англо-русских переводов основные элементы транслитерации включают передачу непроезносимых согласных и редуцированных гласных, а также сохранение орфографических особенностей, позволяющих уподобить звучание нового слова признанным стандартам переводного языка.

Достаточно большое количество научно-технических неологизмов было переведено на русский язык с помощью транскрипции (11 %), которая предоставляет возможность точно передавать фонетическую сторону слова и служит гарантом верного произношения иностранных терминов: *deepfake* – динфейк, *novid* – ноувид, *blockchain* – блокчейн, *clickbait* – кликбейт, *device* – девайс, *holistorexia* – холисторексия, *hoverbike* – ховербайк, *miner* – майнер, *sequencing* – секвенирование, *xennial* – ксенниал, *xenobot* – ксенобот. Однако такой способ перевода обладает значительными недостатками: во-первых, транскрипция порой невозможна ввиду наличия в языке фонетических особенностей, которые не воспроизводимы в иной знаковой системе, во-вторых, она не передает содержательного смысла переводимого слова (это же можно сказать и о транслитерации). Следует отметить, что в отобранном корпусе неологизмов научно-технической сферы были выявлены пары слов с комбинированным переводом, при котором использовалась как транскрипция, так и транслитерация: *electric-car* – электрокар, *gene-splicing* – геносплайсинг, *comtjacking* – комджекинг.

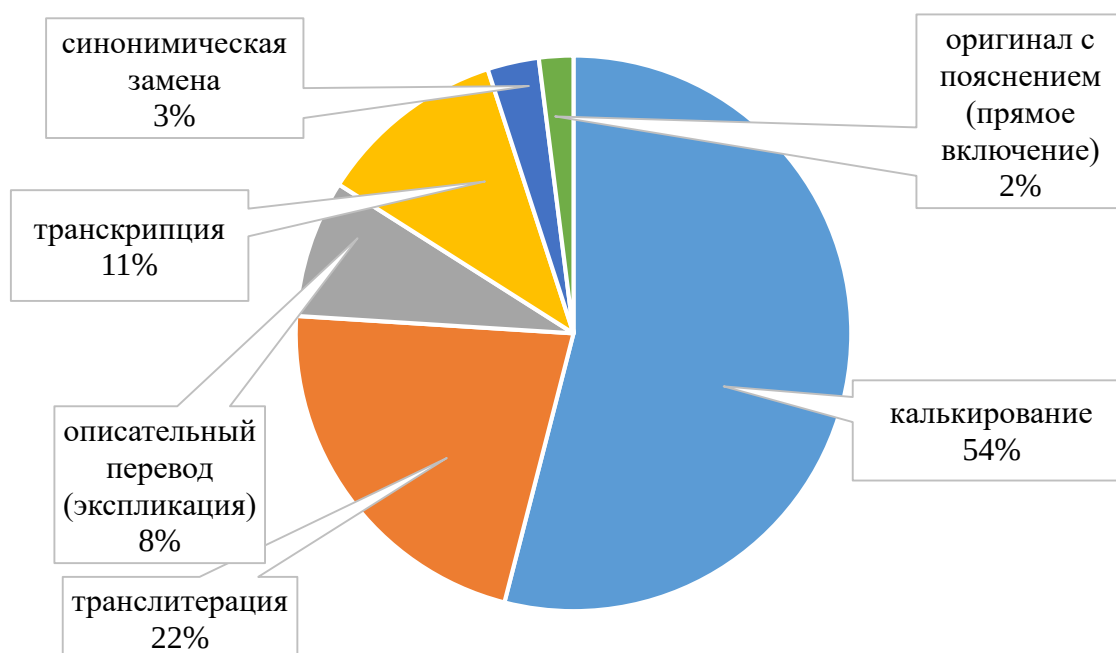
Также популярностью у переводчиков неологизмов научно-технической сферы пользуется описательный перевод, или экспликация (8%). При помощи данного способа перевода становится возможным передача значения любого оригинального безэквивалентного слова: *hotspot* – общественная точка доступа Wi-Fi, *powerbank* – портативное зарядное устройство, *supercloud* – расширенное облачное хранилище, *headline stress disorder* – стрессовое расстройство, вызванное чтением заголовков, *droneway* – посадочно-взлётная полоса дрона, *inflammageing* – воспаление, вызывающее преждевременное старение, *superalignment* – регулировка и контроль ИИ. Однако экспликация имеет свои недостатки: она приводит к многословию и перегрузке текста информацией, усложняющей понимание.

Менее продуктивным, в том числе в силу своей специфики, способом перевода научно-технических неологизмов явилась синонимическая замена (3 %), позволяющая сохранить естественность восприятия и смысла слова в переводном языке, избежать повторов и стилистической однотипности. Примерами синонимических замен могут служить переводы следующих научно-технических неологизмов: *heat storm* – тепловая буря, *home screen* – главный экран, *robocall* – телефонный автоот-

ветчик, tap-to-pay – мгновенно оплачиваемый, sidewind – не прямое влияние, self-driving – беспилотный, machine code – язык машины. К сожалению, при синонимической замене не всегда удастся достичь смысловой идентичности с оригиналом, и при замене одного слова другим страдает такое качество перевода, как точность.

Самую немногочисленную группу неологизмов составили те, которые не получили перевод на русский язык, а остались с оригинальным написанием. Некоторые из них получили пояснение с целью устранения двойственности или неопределенности значения. В переводоведении данный способ введения в переводной текст нового слова часто называют приемом прямого включения. В корпусе неологизмов данного исследования к таким неологизмам относятся *GPT (генеративный предобученный трансформер), CRISPR (короткие палиндромные повторы, регулярно расположенные группами), VPN (виртуальная частная сеть), NFT (невзаимозаменяемый токен), OLED (органический светодиод).* Пояснение не является обязательным условием для слов, постепенно теряющих свою новизну, так как их значение не требует толкования ввиду широкой узнаваемости.

Полученные данные о способах перевода неологизмов в научно-технической сфере можно представить в виде диаграммы:

Способы перевода научно-технических неологизмов (%)

В заключении отметим, основные проблемы в переводе научно-технических неологизмов связаны с отсутствием соответствующего

лексического эквивалента в русском языке, наличием нескольких значений и стиливых особенностей у нового слова, а также изменением значения новообразования.

Библиографические ссылки

1. Cambridge English Dictionary [Electronic resource]. URL: <https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english/> (date of access: 20.02.2024).
2. Oxford Learner's Dictionaries [Electronic resource]. URL: https://www.oxfordlearnersdictionaries.com/wordlist/new_words (date of access: 20.02.2024).
3. *Multitran* [Electronic resource]. URL: https://www.multitran.com/m.exe?l1=1&l2=2#google_vignette (date of access: 03.03.2024).

О. Ю. Лабкович

*Белорусский государственный университет,
ул. К. Маркса 31, 220030, г. Минск, Беларусь, labkovicoksana@gmail.com*

Обосновывается определение аудиовизуального перевода (АВП) как инклюзивного, межсемиотического и гипосемиотического перевода. Рассмотрены сложности выполнения инклюзивного АВП, общие для аудиодескрипции (АД) и субтитров SDH (subtitles for the deaf and hard-of-hearing), в частности временные ограничения, недостатки существующих стандартов. Очерчены перспективные направления исследований инклюзии в АВП.

Ключевые слова: аудиовизуальный перевод; инклюзивный перевод; аудиодескрипция; субтитры SDH; межсемиотический перевод.

THE PROBLEM OF INCLUSION IN AUDIOVISUAL TRANSLATION

O. Y. Labkovich

*Belarussian State University,
31 Karl Marks St, 220030, Minsk, Belarus, labkovicoksana@gmail.com*

The definition of audiovisual translation (AVT) as inclusive, inter-semiotic and hyposemiotic translation is substantiated. The difficulties of performing inclusive AVT, common for audio description (AD) and SDH subtitles (subtitles for the deaf and hard-of-hearing), including in particular time limits, shortcomings of existing standards, are considered. Prospective directions of research on inclusion in AVT are defined.

Keywords: audiovisual translation; inclusive translation; audio description; SDH subtitles; intersemiotic translation.

Аудиовизуальный перевод (АВП) – это вид переводческой деятельности, направленной на адаптацию фильмов, сериалов, телевизионных передач к другой языковой культуре. Однако данный вид перевода непросто вписать в существующие классификации. Так, по В. Н. Комиссарову [1], классификация переводов представлена следующим образом: 1. жанрово-стилистическая: художественный и информативный перевод; 2. психолингвистическая: письменный и устный (синхронный и последовательный) [1, с. 94].

По жанрово-стилистической классификации, аудиовизуальный перевод можно определить как художественный, если рассматривать

кино как вид искусства. Например, при переводе авторского кино на первый план выходит формирование эстетического впечатления. Однако если рассматривать кино и видеоматериалы как источник информации, АВП можно назвать информативным переводом.

Согласно психолингвистической классификации, данный вид перевода может быть отнесен к письменному, так как иногда он выполняется при наличии скриптов (записи всех реплик персонажей). Однако некоторые практикуют перевод «на слух» (то есть без опоры на скрипт или монтажный лист), что сближает аудиовизуальный, последовательный и синхронный переводы. Следовательно, осуществление перевода фильмов – это разноплановый процесс, который требует наличие особых компетенций у переводчика.

Перевод видеоматериалов осуществляется в двух основных формах: дубляж и субтитрование.

Дубляж – это операция, которая позволяет переводить фильм с одного языка на другой. Реплики, на исходном языке заменяются репликами на переводном языке, хотя визуальная составляющая фильма остается неизменной [2, с. 65].

Субтитрование – это вид перевода, функция которого – отражение содержания текста диалога, дискурсивных элементов, которые появляются на экране (граффити, надписи, плакаты и т. д.), и информации, которая есть в звуковой дорожке [3, с. 8].

Для создания безбарьерной среды в сфере аудиовизуального перевода используются особые виды субтитрования и дубляжа: субтитры SDH (subtitling for deaf and hard-of-hearing) и аудиодескрипция (АД), – которые относятся к инклюзивному переводу.

SDH – сложный вид субтитрования, так как при их создании требуется не только перевод диалогов с исходного языка, но и вербальная репрезентация акустической информации (звуки, звуковые спецэффекты, музыка) для слабослышащих [4, с. 153].

Аудиодескрипция – техника описания визуальных элементов фильма (декора, внешнего вида персонажей, их действий, жестов и мимики) для слепых и слабовидящих [5].

Согласно классификации интерпретации языкового знака Р. О. Якобсона [6], АД и SDH можно отнести к межсемиотическому переводу (то есть они представляют собой интерпретацию невербальных знаков посредством вербальных знаковых систем). Субтитры SDH и АД – это также вид гипосемиотического перевода, так как количество знаковых систем уменьшается.

Выполнение инклюзивного АВП сопряжено с целым рядом трудностей. Рассмотрим основные проблемы.

1. Временные ограничения

Описание визуальной или звуковой информации возможно только в паузах между диалогами, следовательно, автору инклюзивного перевода нужно выбрать информацию, обязательную для описания, и решить, какие детали можно опустить в тексте АД или SDH. Пример опущения информации можно увидеть во фразе из аудиодескрипции к фильму «*Il mio nome è vendetta*»: в кадре сидит испуганная женщина, ее руки подняты над головой, но аудиодескриптор решает опустить некоторые детали, так как они не являются ключевыми для понимания сюжета (*Su un letto c'è una donna orientale – На кровати сидит азиатка*). В SDH фоновая музыка может не описываться, текст песен не всегда отражен в субтитрах, так как ««En théorie, les paroles des chansons sont retranscrites mais en réalité, c'est rarement le cas et c'est très énervant de rater une partie de l'ambiance du film¹» [7, с. 19].

2. Стандартизация и выбор слова

Существует ряд стандартов, содержащих рекомендации для написания текстов АД и SDH, которые создаются в помощь специалисту по инклюзивному переводу. Так, в европейских стандартах [8], [9], [10] прописаны общие правила АД: объективность, отсутствие индивидуальных интерпретаций автора АД при описании эмоций (их не называют, в тексте АД могут говорить о внешнем проявлении эмоций в мимике, действиях персонажа, так как интерпретировать содержание фильма – задача целевой аудитории, а не аудиодескриптора).

Согласно стандартам следующие компоненты кинотекста подлежат описанию:

- 1) где: место и его характеристики *просторная гостиная, узкая улица*;
- 2) когда: момент, в котором происходит действие *утро, вечер, ночь*;
- 3) кто: персонажи, их внешность, одежда, мимика и жесты;
- 4) что: тип действия, источник звука, который нельзя понять без описания, субтитры [9, с. 3].

Аудиодескриптору следует описывать только то, что видно на экране (внешность, движения, действия): This is the first rule of description: what you see is what you describe. One sees physical appearances and actions; one does not see motivations or intentions. Never describe what

¹ Теоретически текст песен нужно записывать в субтитрах, но в реальности это делают редко, так как целевой аудитории не хочется терять часть атмосферы фильма из-за лишней информации. [Здесь и далее перевод мой – О. Л.]

you think you see² [11, с. 1]. Если на экране видно, что *герой нахмурил брови*, следует упомянуть его жест, не называя эмоцию (*герой злится*) и ее причину (*герой злиться на кого-либо*).

Однако практика аудиодескрипции выходит за рамки стандартов. Ф. Бардини [12] выделяет 3 стиля создания АД:

1. Денотативный (или конвенциональный) – текст АД пишется с опорой на существующие стандарты, аудиодескриптор описывает визуальную информацию без личных интерпретаций сюжета, мотивов и намерений персонажей (денотативный уровень).

2. Кинематографический – АД, которая сочетает перевод киноязыка и денотативное описание.

3. Нарративный – АД, цель которой – интерпретация посылы фильма и его трансляция в связной наррации.

Исследование рецепции текста АД, проведенное Ф. Бардини [12], показало, что денотативная, кинематографическая и нарративная АД в равной степени вызвали интерес целевой аудитории. Респонденты отметили, что кинематографический и нарративный стиль АД предлагают большую доступность к эмоциональному содержанию фильма, чем денотативный, следовательно, стандартизацию и практику создания текстов аудиодескрипции следует пересмотреть.

В стандартах создания SDH [13], [14] прописаны следующие правила.

1. Необходимо соблюдать цветовые коды, которые указывают на различные звуковые элементы:

- белый – обозначение говорящего, видимого на экране,
- желтый – для говорящего субъекта, который не виден на экране,
- маджента – для указания на музыку,
- красный – обозначение шума или телефонного звонка,
- зеленый – реплики на иностранном языке,
- синий – мысли персонажей и комментарии закадрового голоса,

Например, **piano**, **sirènes de police**, **Il baragouine en allemand**, ***Oui**.

М. Дютрэ, представитель целевой аудитории SDH, подчеркивает, что «L'ambiance sonore est toujours riche et il peut être complexe de la décrire sans que la personne sourde s'y perde. Pour cette raison, il est conseillé d'utiliser le code de couleurs pour les films en couleurs ou le sous-titrage anglais pour sourds et malentendants aussi bien pour les films en noir et blanc

² Первое правило описания: то, что вы видите, то и описываете. Человек видит внешние проявления и действия; но он не видит мотивацию и намерения. Никогда не описывайте то, что вам кажется, что вы видите.

que pour ceux en couleurs³» [7, с. 19]. На практике, цветовые коды в SDH используются не всегда.

2. Указание на звуки, важные для понимания текста при условии отсутствия его видимого источника. М. Дютрэ, в дополнение к стандарту уточняет, что нужно характеризовать звук, например, *rire éclatant* – громкий смех, *sanglots étouffés* – приглушенные всхлипывания [7, с. 18].

3. Музыкальная тема, звучащая на протяжении всего фильма, описывается как *фоновая музыка* [14, с. 8].

4. Отсутствие субъективной оценки звучащей музыки и указание на ее эмоциональный фон (*грустная музыка*, а не *красивая мелодия*) [14, с. 8].

5. Репарка при ярко выраженном тоне говорящего: *злобно* [14, с. 8] и др.

Исходя из вышесказанного, можно заключить, что основные проблемы инклюзивного АВП – это временные ограничения и выбор слова и информации, которую нужно описывать. Существующие стандарты, регламентирующие процесс создания АД и SDH к фильмам, не соответствуют запросу целевой аудитории, о чем свидетельствуют некоторые рецептивные исследования [12] и работы [7], где анализируются процессы стандартизации и практика создания инклюзивного АВП.

Если временные ограничения преодолеть нельзя, так как это заданное условие, в котором совершается аудиовизуальный перевод, то вопросы стандартизации, то есть более четкие алгоритмы отбора информации для описания и алгоритмы выбора вербальных средств для передачи визуальной и/или звуковой составляющей кинотекста, должны быть объектом исследования переводчиков, психологов, лингвистов, следовательно, результаты анализа существующей литературы по проблеме инклюзивного перевода могут быть использованы для определения направления будущих исследований лицами, интересующимися проблемой инклюзии в АВП.

Библиографические ссылки

1. Комиссаров В. Н. Теория перевода (Лингвистические аспекты). М.: Высшая школа, 1990.
2. Cary E. Comment faut-il traduire ? Lille : Presse universitaires de Lille, 1985.
3. Díaz Cintas J., Remael A. Audiovisual translation: Subtitling. London: Routledge, 2007.

³ Звуковой информации много, поэтому может быть трудно её описать так, чтобы слабослышающий ее воспринял и не запутался. По этой причине следует использовать цветовые коды, как для цветных, так и для черно-белых фильмов.

4. *Neves J.* Interlingual Subtitling for the Deaf and Hard-of-Hearing // Audiovisual Translation. Language transfer on the screen ed. J. Díaz Cintas, G. Anderman. London: Palgrave Macmillan, 2009. P. 151–169.
5. CSA. Conseil supérieur de l’audiovisuel. Qu’est-ce que l’audiodescription? [Electronic resource]. URL: <https://www.csa.fr/Mes-services/Foire-aux-questions/Protoger/L-accessibilite-des-programmes-aux-personnes-souffrant-de-deficience-auditive-ou-visuelle/Qu-est-ce-que-l-audiodescription>. (date of access: 01.03.2024).
6. *Якобсон Р. О.* О лингвистических аспектах перевода // Вопросы теории перевода в зарубежной лингвистике. М., 1978. С. 16–24.
7. *Dutrait, M.* Dossier sous-titrage. La forme, le contenu, la technique. [Electronic resource]. URL: <http://www.sirtin.fr/2012/06/04/dossier-sous-titrage-preambule/> (date of access: 15.03.2024).
8. ITC Guidance on Standards for Audio Description may 2000. London: Independent television commission, 2000.
9. La Charte: L’audiodescription. Principes et orientations. [Electronic resource]. URL: <https://www.alain-bensoussan.com/wp-content/uploads/255205.pdf> (date of access: 15.03.2024).
10. *Sfregola C., Raffaelli L.* Linee guida per l’audiodescrizione Cinema e Tv [Electronic resource]. URL: <https://www.blindsight.eu/wp-content/uploads/2014/02/blindsight-project-linee-guida-audiodescrizione-filmica.pdf> (date of access: 28.02.2024).
11. ADC Standards for Audio Description and Code of Professional Conduct for Describers [Electronic resource]. URL: <https://audiodescriptionsolutions.com/the-standards/%20download-the-standards/>. (date of access: 02.03.2024).
12. *Bardini F.* Audio Description Style and Film Experience Description, Interpretation, Narration [Electronic resource]. URL: https://www.academia.edu/24904203/Audio_Description_Style_and_Film_Experience_Description_Interpretation_Narration. (date of access: 15.03.2024).
13. La charte relative à la qualité du sous-titrage à destination des personnes sourdes et malentendants. [Electronic resource]. URL: <https://www.csa.fr/Reguler/Espace-juridique/Les-relations-de-l-Arcom-avec-les-editeurs/Chartes-et-autres-guides/Charte-relative-a-la-qualite-du-sous-titrage-a-destination-des-personnes-sourdes-ou-malentendantes-Decembre-2011>. (date of access: 26.03.2024).
14. Скрытые субтитры для инвалидов по слуху. Общие технические требования: ГОСТ Р 57763. Москва: Федеральное агентство по техническому регулированию и метрологии: Стандартинформ, 2017.

НЕКАТОРЫЯ АСПЕКТЫ ЛЕКСІКАГРАФІЧНАГА АПІСАННЯ ЛАБІЛЬНЫХ ДЗЕЯСЛОВАЎ

А. М. Лапцёнак

*Цэнтр даследаванняў беларускай культуры, мовы і літаратуры Нацыянальнай
акадэміі навук Беларусі, вул. Сурганава, 1, корп. 2, 220072, г. Мінск, Беларусь, lapcio-
nak@gmail.com*

У артыкуле аналізуюцца лабільныя дзеясловы беларускай мовы з прыстаўкай абез- (абяз-, абес-, абяс-). Разглядаюцца суадносіны такіх адзінак з дзеясловамі закончанага трывання і пытанні іх лексікаграфічнага апісання ў тлумачальным слоўніку: праблема фарміравання рээстра, структура дэфініцыі, падбор прыкладаў-ілюстрацый. Вынікі даследавання маюць практычнае значэнне і выкарыстоўваюцца пры распрацоўцы новага тлумачальнага слоўніка беларускай мовы.

Ключавыя словы: лабільны дзеяслоў; пераходнасць; слоўнік; рээстр слоўніка; слоўніковы артыкул; слоўніковая дэфініцыя.

SOME ASPECTS OF LEXICOGRAPHIC DESCRIPTION OF LABILE VERBS

A. M. Lapcionak

*The Center for Belarusian Culture, Language and Literature Research of the National
Academy of Sciences of Belarus, Surganova St., 1, building 2, 220072, Minsk, Belarus, lap-
cionak@gmail.com*

The labile verbs of the Belarusian language with the prefix абез- (абяз-, абес-, абяс-) are analyzed. The relationship of such units with perfective verbs and issues of their lexicographic description in the explanatory dictionary are considered: the problem of register formation, the structure of definition, selection of illustrative examples. The results of the research are of practical importance and are used in the development of a new explanatory dictionary of the Belarusian language.

Keywords: labile verb; transitivity; dictionary; dictionary register; dictionary entry; dictionary definition.

Лабільнымі называюць дзеясловы, здольныя выступаць пераходнымі і непераходнымі без фармальных змен. У розных мовах колькасць такіх дзеяслоўных адзінак значна адрозніваецца. Лабільнасць дзеясловаў – у тым ліку на прыкладзе еўрапейскіх моў – была падрабязна даследавана расійскім лінгвістам А. Б. Лятучым. Ён распрацаваў

тыпалогію гэтых адзінак і апісаў спосабы іх утварэння, вызначыў крытэрыі лабільнасці і прааналізаваў сувязь вербатываў з граматычнымі катэгорыямі і словаўтваральнымі сродкамі [1].

У айчынным мовазнаўстве гэтыя адзінкі ўпершыню разглядаюцца ў артыкуле В. К. Голубевай, якая канстатуе, што гэта лінгвістычная праблема абсалютна не вывучана ў беларускай мове [2, с. 53]. Даследчыца закранае шэраг тэарэтычных праблем, датычных такіх вербатываў, і на прыкладзе беларускай мовы выяўляе некаторыя тыпы і асаблівасці іх функцыянавання. Праблема выдзялення лабільных дзеясловаў, паводле яе меркавання, звязана са спосабамі выражэння пераходнасці як базавай катэгорыі дзеясловаў, паколькі «далёка не дастаткова ведаў аб сінтаксічнай спалучальнасці дзеяслова і асаблівасцях выражэння прамога дапаўнення пры ім» [там жа]. Акрамя таго, значэнне аб'екта не заўсёды можа быць эксплікавана ў кантэксце, ён можа мець нетыповае выражэнне, а ў мове прадстаўлена розная карэляцыя пераходнасці дзеяслоўных адзінак з іх марфемна-словаўтваральнай структурай.

У сваім артыкуле спынімся на адной групе лабільных дзеясловаў, каб праілюстраваць, якія пытанні, абумоўленыя недастатковай вывучанасцю гэтай праблемы, узнікаюць пры іх лексікаграфічным апісанні ў тлумачальным слоўніку.

У цэнтры нашай увагі – група дзеясловаў з прыстаўкай *абез-* (*абес-*, *абяз-*, *абяс-*). З пазіцый лексікаграфіі іх варта разглядаць у групах па тры адзінкі тыпу *абяссіліць* – *абяссілець* – *абяссільваць*. Семантыка лексем падобнай трыяды звязана з іх словаўтваральнай структурай. Прыстаўка *абез-* надае дзеясловам з суфіксам *-і-* (*-ы-*) агульнае значэнне «пазбавіць таго, што названа ўтваральным словам» і ўказвае на пераходнасць, словам з афіксам *-е-* (*-э-*, *-а-*) – значэнне «пазбавіцца таго, што названа ўтваральным словам» і ўказвае на непераходнасць, а лексема незакончанага трывання з суфіксам *-ва-* маркіруе лабільныя дзеясловы і па значэнні суадносіцца з першымі двума.

У «Тлумачальным слоўніку беларускай мовы» колькасць такіх адзінак нязначная, і падаюцца яны несістэмна. З улікам лексем, прадстаўленых у рэестры, можна выдзеліць толькі 6 лабільных дзеясловаў: *абязводжваць*, *абязвольваць*, *абеззямельваць*, *абясколерваць*, *абясплоджваць*, *абяссільваць*. Аднак усе яны фіксуюцца толькі як формы незакончанага трывання да суадносных пераходных дзеясловаў закончанага трывання з суфіксам *-і-*, таму ацэньваюцца як пераходныя. Параўн.: **абеззямелець**. Страціць зямлю, стаць беззямельным; **абеззямеліць**. каго – што. Пазбавіць каго-н. зямлі; зрабіць беззямельным; **абеззямельваць**. Незак. да *абеззямеліць* [3, с. 46].

Пераходнасць дзеяслова *абеззямельваць* вынікае з адсылачнага характару дэфініцыі: ён мае такое ж кіраванне, што і лексема, з якой суадносіцца. Такім чынам, у «Тлумачальным слоўніку беларускай мовы» лабільнасць не адлюстравана, хоць зафіксаваныя там дзеясловы могуць ацэньвацца як лабільныя на падставе аналізу іх ужывання.

Сістэмная ацэнка рэестра слоўніка паказала, што ў ім адсутнічаюць некаторыя дзеяслоўныя лексемы з падобных трыяд. Так, пры наяўнасці абедзвюх форм закончанага трывання не ўключаны лабільныя дзеясловы *абязрыбліваць*, *абязлеіваць*, *абязгрошваць*, *абязлюджваць*. Адсутнічаюць у рэестры выдання таксама патэнцыяльна магчымыя формы з суфіксам *-е-* (*абяздолець*, *абяззброець*, *абяскровець*, *абяскрылець*) і суфіксам *-і-* (*абезгалосіць*¹) і інш. пры фіксацыі дзеясловаў з суфіксам *-ва-*.

Такім чынам, адна з праблем, звязаная з лексікаграфічным апісаннем лабільных дзеясловаў, – вызначэнне іх колькасці і ўключэнне ў рэестр, а таксама сістэмная фіксацыя суадносных з імі адзінак. У новы тлумачальны слоўнік беларускай мовы, падрыхтоўкай якога зараз займаюцца супрацоўнікі Інстытута мовазнаўства імя Якуба Коласа, можа быць уключана нашмат большая колькасць такіх дзеясловаў. Па-першае, у рэестр павінны быць уведзены вышэйпазначаныя словы, якія па розных прычынах не трапілі ў выданне. Па другое, развіццё мовы, корпусны падыход да ўкладання лексікаграфічнага выдання дазваляюць выдзеліць значную колькасць такіх дзеясловаў, якія магчыма апісаць у слоўніку: *абезруховіць* – *абезруховець* – *абезрухоўліваць*; *абезрухоміць* – *абезрухомець* – *абезрухомліваць*; *абязножыць* – *абязножаць* – *абязножваць*; *абязглуздіць* – *абязглуздець* – *абязглуджваць*; *абезвалосіць* – *абезвалосець* – *абезвалошваць*; *абяздужыць* – *абяздужаць* – *абяздужваць*; *абязручыць* – *абязручаць* – *абязручваць* і г. д. Некаторыя з такіх адзінак рэальна ўжываюцца ў мове, некаторыя патэнцыяльна магчымыя, напрыклад, *абезвугляродзіць* – *абезвугляродзець* – *абезвугляроджваць*, *абескультурыць* – *абескультураць* – *абескультураваць* і да т. п.

У той жа час пры дастаткова прадуктыўнай мадэлі не ўсе з кампанентаў дзеяслоўнай трыяды могуць існаваць у мове нават патэнцыйна. Часам немагчымасць формы залежыць ад семантыкі асновы. Параўн.: **абеспрытомніць* – *абеспрытомнець* – **абеспрытомліваць*, **абессароміць* – *абессаромець* – **абессаромліваць*; *абязвечыць* – **абязвечаць* – *абязвечваць* і інш. Пра такую асаблівасць лабільных дзеясловаў розных мовы пісаў А. Б. Лятучы: лабільнасць –

¹ Варта адзначыць, што гэта лексема прадстаўлена у картатэцы «Тлумачальнага слоўніка беларускай мовы».

з'ява ў нейкім сэнсе «прамежкая паміж лексікай і граматыкай» [1, с. 340], і, напрыклад, у рускай мове яна моцна абмежавана лексічнымі ўласцівасцямі дзеяслова [4].

Часам адсутны кампанент трыяды замяняецца адзінкай у зваротнай форме: *абясцэніць – абясцэніцца – абясцэньваць, абясцукрыць – абясцукрыцца – абясцукрываць*. У гэтым выпадку дзеясловы з суфіксам -ва ўтвараюцца толькі ад пераходных формаў і самі з'яўляюцца пераходнымі. Таксама варта адзначыць, што некаторыя формы з суфіксам -е семантычна тоесныя з адзінкамі ў зваротнай форме, што яшчэ больш ускладняе суадносіны паміж дзеясловам: *абяззброець – абяззброіцца, абясцэнець – абясцэвіцца, абязрыбець – абязрыбіцца*.

У новым слоўніку павінна быць адлюстравана граматычная адметнасць лабільных дзеясловаў і іх суаднесенасць з рознымі формамі закончанага трывання. Але афармленне такіх адзінак як лексікаграфічная праблема яшчэ не разглядалася ў лінгвістыцы. Дзеясловы закончанага трывання пры іх слоўнікавым апісанні цяжкасцей не выклікаюць: звычайна даецца тлумачэнне семантыкі і пры слове з суфіксам -і- (-ы-) указваецца пераходнасць традыцыйным спосабам – прывядзеннем склонавых формаў вінавальнага склону: **абезгалосець**. Прапевакоў – страціць голас; зрабіцца безгалосым [3, с. 45]; **абязвольць**. Каго. Пазбавіць волі; зрабіць бязвольным [3, с. 93]; **абясціліць**. Каго – што. Тое, што і знясіліць [3, с. 95].

Паколькі лабільныя адзінкі – дзеясловы незакончанага трывання, яны, згодна з падыходам «Тлумачальнага слоўніка беларускай мовы», падаюцца як адсылачныя пры дапамозе формулы «незак. да ...» з указаннем суадноснай формы закончанага трывання. З пазіцый словаўтварэння пры іх неабходна фіксаваць 2 значэнні лабільных дзеясловаў, паколькі яны ўтвараюцца ад розных адзінак і маюць адрознае значэнне: *абясколерыць → абясколераць* «пазбаўляць каго–, што–н. колеру»; *абясколераць → абясколераць* «страчваць колер». Гэтыя значэнні можна падаваць у слоўніку рознымі спосабамі.

З улікам агульных прынцыпаў афармлення адсылачных лексем у слоўніку (фіксацыя адсылкі да некалькіх лексем у адной дэфініцыі, параўн.: **абнаўленне**. Дзеянне паводле знач. дзеясл. абнаўляць – абнавіць і *стан паводле знач. дзеясл. абнаўляцца – абнавіцца* [3, с. 66]), магчымасці вывесці значэнне адзінкі з формаў закончанага трывання і прынцыпу эканоміі можна дапусціць адзіную адсылачную дэфініцыю: **абязгрошваць**. Незак. да абязгрошыць і абязгрошаць. Але пры такім афармленні ўзнікае адразу некалькі праблем.

Па-першае, лабільнасць такога дзеяслова не відавочная і можа быць паказана толькі праз ілюстрацыі.

Па-другое, пераходныя і непераходныя значэнні некаторых дзеясловаў могуць мець розныя канчаткі. Так, суб'ектамі дзеяння пры непераходных формах у асобных выпадках становяцца неадусаўлёныя субстантывы, таму формы 1 і 2 асобы не ўжываюцца: *тэрыторыя абязводжвае, рэгіён абезземельвае, краіна абязлешвае, рака абязрыблівае* і інш.

Па-трэцяе, пры апісанні дзеяслоўных лексіка-словаўтваральных гнёздаў у слоўніку лабільны дзеяслоў сам становіцца адсылачным – на яго спасылаюцца пры падачы зваротных формаў незакончанага трывання, напр.: **абязрыблівацца**, *незак. 1. Незак. да абязрыбіцца. 2. Зал. да абязрыбліваць*. Паколькі дзеяслоў *абязрыбліваць* у другім значэнні – лабільны і суадносіцца з формамі *абязрыбіць* і *абязрыбець*, то, вывеўшы значэнні «пазбаўляцца рыбы кім-небудзь»: *возера абязрыбліваецца рыбакамі* і «пазбаўляцца рыбы»: *возера абязрыбліваецца*, мы атрымаем лагічную супярэчнасць, паколькі другое значэнне слова *абязрыблівацца* – залежная форма. Таксама значэнне «пазбаўляцца рыбы» супадае з першым значэннем зваротнай формы *абязрыблівацца*.

Такім чынам, адсылка да двух лексем у адной слоўнікавай дэфініцыі закончанага трывання прыводзіць да лексікаграфічных памылак або парушэння сістэмнага афармлення дзеясловаў у лексікаграфічнай крыніцы. Таму лагічна несупярэчлівым будзе падача пераходнага і непераходнага значэнняў лабільнага дзеяслова асобнымі лексіка-семантычнымі варыянтамі з адсылкамі да адпаведных лексем: **абязлешваць**, *незак. 1. што. Незак. да абязлесіць. 2. Незак. да абязлесець*. Пры такім афармленні лабільнасць становіцца відавочнай і толькі падмацоўваецца прыкладамі.

Наяўнасць і дастатковасць ілюстрацыйных прыкладаў – наступны важны аспект лексікаграфічнага апісання лабільных дзеясловаў і суадносных з імі адзінак. Не для ўсіх лексем і іх значэнняў могуць быць падобраны выразныя ілюстрацыі, дзе б раскрывалася значэнне, для некаторых адзінак іх наогул няма. У гэтым выпадку ў слоўніку мэтазгодна прыводзіць рэдакцыйныя прыклады. А. Б. Лятучы адзначаў асіметрыю ва ўжывальнасці лабільных дзеясловаў розных моў: пераходныя і непераходныя ўжыванні нераўнапраўныя або размежаваны па стылях [4].

Пры адборы ілюстрацый да лабільных дзеясловаў беларускай мовы ўзнікае яшчэ адна праблема, якую адзначала В. К. Голубева. Даследчыца пісала, што пад уплывам дыялектнай мовы, дзе пераходнасць – непераходнасць дзеясловаў можа не размяжоўвацца, шэраг дзеясловаў з афіксам -і- выражае семантыку непераходных дзеясловаў [2, с. 55]. Такім чынам, крытэрыі размежавання пераходнасці дзеясловаў па форме размываюцца. На сённяшнім этапе перад лексікографамі стаіць праблема

ацэнкі прыкладаў, дзе такое размыванне засведчана. Так, ва ўсіх ніжэйпрыведзеных ілюстрацыях, выбраных з нацыянальнага корпуса беларускай мовы [5], рэалізуецца значэнне «страціць сілу ў нагах, хадзіць з цяжкасцю або зусім не хадзіць», аднак прадстаўлена яно формамі *абязножаць і абязножыць*: *Адзін раз, перад першым вераснем, проста абязножаў. Не змог устаць з ложка. А. Федарэнка; Цяпер Паўлюк абязножыў і пакутуе, дажывае пры сыне. Я. Брыль. Па хаце, і то, абапіраючыся на кіёк, [Кацярына] тупае з цяжкасцю. Абязножыла зусім. М. Карпечанка. [Плачун:] Апошнія канякі ад натугі абязножылі...* А. Макаёнак. Пры сістэмным падыходзе ва ўсіх прыведзеных прыкладах павінен ужывацца непераходны дзеяслоў *абязножаць* з суфіксам *-а*. Натуральна, што пры ўключэнні ў слоўнік лексемы *абязножыць* з прыведзеным значэннем, падмацаваным прыкладамі з твораў, сістэма разбураецца.

Ці можна тут адназначна гаварыць пра ўплыў дыялектнай мовы? Ці не магло быць такое ўжыванне абумоўлена матэрыяламі «Тлумачальнага слоўніка беларускай мовы», дзе адзінкі гэтай групы падаюцца няпоўна і несістэмна? Незалежна ад адказу лексікограф сёння павінен прымаць канкрэтнае адназначнае рашэнне аб спосабах адлюстравання лабільных дзеясловаў і суадносных з імі адзінак. У новым тлумачальным слоўніку беларускай мовы гэтыя лексемы будуць адлюстраваны з улікам выказаных разважанняў і сучаснага ўзроўню ведаў па гэтым пытанні. Аднак тэарэтычнае даследаванне лабільных дзеясловаў у беларускай мове бяспрэчна павінна быць працягнута.

Бібліяграфічныя спасылкі

1. *Летучий А. Б.* Типология лабильных глаголов. Москва: Языки славянской культуры, 2013.
2. *Голубева В. К.* Аб дзеясловах, здольных выступаць пераходнымі і непераходнымі, у беларускай мове // Навукова-метадычная думка на Беларусі: матэрыялы рэгіян. (з міжнар. удзелам) навук.-практ. канф., прысвечанай 100-годдзю «Беларускай граматыкі для школ» Б. Тарашкевіча, Віцебск, 5 снежня 2018 г. /Віцеб. дзярж. Ун-т; рэдкал. Г.А. Арцямёнак [і інш.]. Віцебск : ВДУ імя П. М. Машэрава, 2018. С. 52–58.
3. Тлумачальны слоўнік беларускай мовы: у 5 т., 6 кн. / АН БССР, Ін-т мовазнаўства ; пад агул. рэд. К.К. Атраховіча (К. Крапівы). Мінск : БелСЭ, 1977. Т. 1.
4. *Летучий А. М.* Лабильность в русском языке: случайность или закономерность? [Электронный ресурс]. URL: <https://www.dialog-21.ru/digests/dialog2006/materials/html/Letuchy.htm> (дата обращения: 21.03.2024).
5. Беларускі N-корпус [Электронны рэсурс]. URL: <https://bnkorporus.info/index.html> (дата звароту: 21.03.2024).

УДК 811.161.3'374

ЭНЦЫКЛАПЕДЫЧНЫЯ І СТЫЛІСТЫЧНЫЯ РЭМАРКІ І КАМЕНТАРЫЙ Ё ТЛУМАЧАЛЬНЫХ СЛОЎНІКАХ БЕЛАРУСКАЙ МОВЫ

Т. М. Маракуліна

*Цэнтр даследаванняў беларускай культуры, мовы і літаратуры Нацыянальнай
акадэміі навук Беларусі, вул. Сурганава, 1, корп. 2, 220072, г. Мінск, Беларусь,
tomamar69@mail.ru*

У артыкуле аналізуюцца сродкі характарыстыкі ўжывання лексікі ў тлумачальных слоўніках беларускай мовы – спецыяльныя энцыклапедычныя рэмаркі і стылістычныя каментарыі. Адзначаецца, што для паляпшэння якасці слоўніка неабходна ўніфікацыя гэтых сродкаў, а таксама паслядоўнае прымяненне іх у лексікаграфічнай практыцы. Адным са шляхоў дасягнення такой уніфікацыі з'яўляецца стварэнне спецыяльнай базы даных або рэестра энцыклапедычных рэмарак, што дазволіць сістэматызаваць выкарыстанне гэтых сродкаў у новым шматтомным тлумачальным слоўніку беларускай мовы.

Ключавыя словы: лексікаграфія; тлумачальны слоўнік; стылістычныя паметы; энцыклапедычныя рэмаркі; стылістычныя каментарыі.

ENCYCLOPEDIC AND STYLISTIC NOTES AND COMMENTS IN EXPLANATORY DICTIONARIES OF THE BELARUSIAN LANGUAGE

T. M. Marakulina

*The Center for Belarusian Culture, Language and Literature Research of the National
Academy of Sciences of Belarus, Surganova St., 1, building 2, 220072, Minsk, Belarus,
tomamar69@mail.ru*

The article analyzes the means of characterizing the use of vocabulary in explanatory dictionaries of the Belarusian language – special encyclopedic notes and stylistic comments. It is noted that in order to improve the quality of the dictionary, these means, as well as their consistent use in lexicographic practice, should be unified. One of the ways to achieve such unification is to create a special database or register of encyclopedic notes, which will allow to organize the use of these means in the new multi-volume explanatory dictionary of the Belarusian language.

Keywords: lexicography; explanatory dictionary; stylistic labels; encyclopedic notes; stylistic comments.

У тлумачальным слоўніку акадэмічнага тыпу, як правіла, рэалізуецца комплексны і сістэмны падыход да апісання ўключаных у

рээстр лексічных адзінак, што прадугледжвае не толькі дакладнае тлумачэнне значэння, але і адлюстраванне самай шырокай інфармацыі пра слова. Як адзначае Ю. Д. Абрэсян, «адметная рысай усёй сучаснай лексікаграфіі – сінтэз філалогіі і культуры ў шырокім сэнсе слова» [1, с. 6]. Адным з аспектаў рознабаковага апісання лексікі з’яўляецца яе стылістычная характарыстыка, а таксама ўключэнне ў слоўніковы артыкул гістарычных, этымалагічных, энцыклапедычных і некаторых іншых звестак. Звычайна з гэтай мэтай слоўнікі выкарыстоўваюць розныя спосабы, сярод якіх умоўна можна выдзеліць асноўныя (спецыяльныя) і дапаможныя (факультатывныя). Як вядома, асноўным сродкам стылістычнага апісання слоўнікавага складу мовы з’яўляюцца паметы (функцыянальна-стылістычныя і эмацыянальна-ацэначныя), якія традыцыйна выкарыстоўваюцца ва ўсіх тлумачальных слоўніках. У сувязі з падрыхтоўкай у Інстытуце мовазнаўства новага шматтомнага тлумачальнага слоўніка беларускай мовы ў навуковых даследаваннях неаднаразова падкрэслівалася неабходнасць распрацоўкі адзінай, аптымальнай сістэмы стылістычнай маркіроўкі лексічных адзінак [2; 3; 4].

Для адлюстравання дадатковай інфармацыі пра лексічную адзінку ў сучаснай лексікаграфічнай практыцы актыўна прымяняюцца такія сродкі, як спецыяльныя энцыклапедычныя рэмаркі і каментарыі. Беларускія тлумачальныя слоўнікі таксама ўключаюць пэўную энцыклапедычную (экстралінгвістычную) даведку ў слоўнікавы артыкул, што ўспрымаецца як цалкам лагічная аперацыя па напаўненні і дасягненні комплекснасці слоўніка. Распрацоўка канцэпцыі лексікаграфічнага апісання моўных адзінак у новым тлумачальным слоўніку беларускай мовы патрабуе вырашэння некаторых тэарэтычных і практычных праблем, звязаных са спосабамі падачы энцыклапедычных рэмарак і каментарыяў. Аднак у беларускім мовазнаўстве гэтае пытанне не атрымала асобнага даследавання і навуковага аналізу. З гэтай мэтай намі былі разгледжаны матэрыялы шматтомнага акадэмічнага «Тлумачальнага слоўніка беларускай мовы» [5] (далей – ТСБМ) і «Тлумачальнага слоўніка беларускай літаратурнай мовы» [6] (далей – ТСБЛМ), якія з’яўляюцца базавымі лексікаграфічнымі выданнямі і адлюстроўваюць стан лексікі нацыянальнай мовы на пэўным этапе яе функцыянавання. Адзначым, што асобнага навуковага апісання патрабуюць звесткі энцыклапедычнага характару, якія звязаны з паходжаннем слова і, напрыклад, у ТСБМ змяшчаюцца ў зоне кароткай этымалагічнай даведкі ў канцы слоўнікавага артыкула ў квадратных дужках. Таксама, згодна з Інструкцыяй для ўкладальнікаў новага тлумачальнага слоўніка беларускай мовы, пры афармленні лексічных адзінак, якія абазначаюць пэўны гістарычны перыяд, сацыяльна-палітычны напрамак дзейнасці,

спосаб паводзін і інш., дадатковыя энцыклапедычныя звесткі, звязаныя з этымалогіяй слова, падаюцца ў зоне тлумачэння семантыкі ў круглых дужках. Зона этымалогіі ў такіх выпадках адсутнічае. Напрыклад: **аракчэўшчына...** У пачатку 19 ст. у Расіі – рэжым неабмежаванага паліцэйскага дэспатызму, сістэма лютай ваеншчыны ў кіраванні (ад імя **А. А. Аракчэва (1769–1834)**, дзяржаўнага дзеяча часоў Паўла I і Аляксандра I).

Спецыяльныя энцыклапедычныя рэмаркі і каментарыі, як і стылістычныя паметы, адносяцца да асноўных лексікаграфічных сродкаў характарыстыкі ўжывання лексікі, але ў прадмовах да слоўнікаў звычайна ўзгадваюцца ўскосна і далёка не заўсёды. У навуковай літаратуры і ў розных лексікаграфічных даведніках іх яшчэ называюць «уводамі», «уводнымі лакальнымі, храналагічнымі і лакальна-храналагічнымі ўдакладненнямі» [7, с. 8], «несістэмнымі», «аказіянальнымі» паметамі [8, с. 204], заўвагамі-ўдакладненнямі [9, с. 81], такім чынам падкрэсліваючы асноўную функцыю гэтых сродкаў.

Энцыклапедычныя рэмаркі і каментарыі ў кожным слоўніку пазіцыйна замацаваны і традыцыйна размяшчаюцца ў пачатку тлумачэння лексічнай адзінкі, звычайна маюць разгорнутую форму і аддзяляюцца працяжнікам, як, напрыклад, у ТСБМ, або двукроп'ем – у ТСБЛМ. У некаторых слоўніках каментарыямі энцыклапедычнага характару, якія падаюцца ў круглых дужках, прынята завяршаць дэфініцыю [10, с. 8].

Структурна большасць такіх рэмарак складаюцца з двух кампанентаў: агульнага, які падаецца ў пачатку тлумачэння, і ўдакладняльнага (канкрэтызуючага): **казак¹... На Русі ў 15–17 стст. –...; рыцар... Гіст. У Заходняй Еўропе ў сярэднія вякі –...; воласць... У дарэвалюцыйнай Расіі і часткова ў СССР да 1930 г. –...**

У лексікаграфіі існуюць розныя падыходы да пытання, ці з'яўляюцца падобныя кампаненты часткай тлумачэння слова. Некаторыя лексікографы лічаць, што рэмаркі не ўваходзяць у дэфініцыю і падкрэсліваюць іх пазіцыйнае размяшчэнне – перад тлумачэннем: «Сфера ўжывання, якая адначасова служыць і для ўдакладнення значэння слова, вызначаецца таксама змяшчэннем перад тлумачэннем рознага роду паясненняў, напр.: *у матэматыцы, у народнай славеснасці, у казках...*» [11, с. 17]. Н. Ю. Шведава, апісваючы агульныя моўныя класы (у тым ліку стылістычны, функцыянальны, храналагічны (лакальна-храналагічны) і інш.), у сістэме якіх існуе слова, адзначае, што лексікаграфічнай практыкай выпрацаваны пэўныя спосабы адлюстравання ў слоўнікавым артыкуле прыналежнасці слова да адпаведнага класа. Сярод іншага лексікограф лічыць, што, напрыклад, храналагічная (і лакальная) кваліфікацыя ажыццяўляецца як з дапамогай спецыяльных слоўнікавых памет, так і

«інфарміруючым кампанентам тлумачэння (тыпу *даўней...*, у *Расіі да рэвалюціі*, у *еўрапейскіх краінах*); прыналежнасць да функцыянальнага класа, да спецыяльнай сферы мовы вызначаецца... інфарміруючай часткай тлумачэння (параўн.: у *маракоў*, у *будаўнікоў*, у *горнай справе*)» [12, с. 440]. Не выдзяляюць такія рэмаркі і каментарыі ў якасці самастойных спосабаў характарыстыкі лексікі і аўтары другога выдання акадэмічнага «Словаря современного русского литературного языка», дзе ўказваецца, напрыклад, што «пры характарыстыцы слоў, якія абазначаюць устарэлыя рэаліі, паметам *устар.* не выкарыстоўваецца, а ўказанне на храналагічныя, геаграфічныя і іншыя асаблівасці страчаных рэалій прыводзяцца ў тлумачэнні, напрыклад: АКЦИЗ... В доревол. России и в некоторых капиталистических странах – косвенный налог» [13, с. 10]. Згодна з канцэпцыяй «Большого толкового словаря русского языка» пад рэдакцыяй С. А. Кузнецова, «тлумачэнне можа пачынацца з энцыклапедычнай або функцыянальна-стылістычнай рэмаркі» [14, с. 16]. У прадмове да ТСБМ пры апісанні спосабаў стылістычнай характарыстыкі тэрміналагічнай лексікі адзначаецца, што «без паметы *Спец.* падаюцца словы-тэрміны, якія ў складзе дэфініцыі маюць указанне на канкрэтную сферу іх ужывання» [15, с. 11].

Такім чынам, гэта пытанне ў лексікаграфіі застаецца дыскусійным, што не адмяняе ролю энцыклапедычных рэмарак як эфектыўнага сродку характарыстыкі ўжывання слова. У тлумачальных слоўніках яны маюць шырокі тэматычны «рэпертуар»: удакладняюць тлумачэнне гістарычнай, краіназнаўчай, сацыяльна-тэрміналагічнай, этнаграфічнай лексікі, у прыватнасці, звязанай з бытам, звычаямі і традыцыямі розных народаў, характарызуюць групу лексікі з агульным зместам “рэлігія” і іншыя словы, семантыка якіх мае выразны нацыянальна-культурны змест. Лагічна, што гэтыя сродкі характарыстыкі ўжывання слоў замацоўваюцца за асобнымі відамі стылістычнай афарбоўкі. Не без падстаў В. Р. Кастамараў і Я. М. Верашчагін называюць іх «несістэмнымі», «аказіянальнымі» паметамі. Сапраўды, некаторыя рэмаркі можна замяніць адпаведнымі стылістычнымі паметамі. Напрыклад, з дапамогай энцыклапедычных рэмарак, якія ўдакладняюць часавую аднесенасць рэаліі, у ТСБМ і ТСБЛМ апісваецца лексіка з храналагічнага пункту погляду – пры тлумачэнні архаізмаў і гістарызмаў: **стаханавец...** **У СССР у 1930 – 1940 гг.:** рабочы – наватар вытворчасці, які дабіўся высокай прадукцыйнасці працы; **чынеш...** (гіст.) **У Беларусі і Літве ў 15–19 стст.:** грашовы аброк.

Рэмаркі і каментарыі актыўна выкарыстоўваюцца беларускімі тлумачальнымі слоўнікамі для характарыстыкі лексікі па яе прыналежнасці да той ці іншай галіны ведаў, прафесійнай дзейнасці людзей і пад.: **квал-**

рант... У матэматыцы – чацвёртая частка круга; **тэрцыя...** У музыцы – трэцяя ступень ад дадзенай у дыятанічнай гаме.

Рэмаркі і каментарыі суправаджаюць у слоўніках рэлігійную лексіку: **хрыстосавацца...** У **праваслаўных** – цалавацца тры разы, віншуючы са святам Вялікадня; **каўчэг...** У **праваслаўнай царкве**: скрынка для захоўвання некаторых асабліва каштоўных рэчаў; скарбонка.

Параўнальны аналіз энцыклапедычных рэмарак у ТСБМ і ТСБЛМ паказаў, што кожны з гэтых слоўнікаў мае свой падыход да падачы рэмарак. Параўн.: **вакханалія...** У Старажытным Рыме –... (ТСБМ); У антычным свеце:... (ТСБЛМ); **алтар** –... У старажытных народаў... (ТСБМ); Даўней:... (ТСБЛМ).

Аднак нават у межах аднаго слоўніка не існуе строгай уніфікацыі каментарыяў і рэмарак: сярод іх шмат таўталагічных, якія семантычна нічым не адрозніваюцца і дублююць адна адну. Так, напрыклад, пры тлумачэнні рэлігійнай лексікі ў ТСБМ выкарыстоўваюцца больш за 10 такіх удакладненняў: *паводле рэлігійных вераванняў; паводле рэлігійных уяўленняў; паводле рэлігійна-містычных уяўленняў; у рэлігійным уяўленні; у рэлігійных уяўленнях; ва ўяўленні рэлігійных людзей; у веруючых; у хрысціянскай рэлігіі; у хрысціянскім кульце; у хрысціянскай царкве; у праваслаўных і інш.*

Не выпрацаваны аднастайны падыход і для выпадкаў спалучэння такога роду рэмарак і адпаведных стылістычных памет: **староста...** *Гіст.* У Вялікім княстве Літоўскім і феадальнай Польшчы – службовая асоба, якая ўзначальвала адміністрацыю павета або ваяводства; **дзясяцкі...** Выбарная асоба з сялян, якая ў дарэвалюцыйнай вёсцы выконвала паліцэйскія абавязкі; **генерал-губернатар...** У дарэвалюцыйнай Расіі – начальнік генерал-губернатарства, надзелены вышэйшай ваеннай і адміністрацыйнай уладай.

У сувязі з гэтым узнікаюць пытанні пра логіку і паслядоўнасць выкарыстання энцыклапедычных рэмарак у першую чаргу для кваліфікацыі адным слоўнікам блізкай па семантыцы і ідэнтычнай па стылістычнай афарбоўцы лексікі. Напрыклад, у ТСБМ прасочваецца **відавочная непаслядоўнасць**: **німфа...** У грэчаскай міфалогіі..; **наяда...** У старажытнагрэчаскай міфалогіі...; **амброзія...** У грэчаскай міфалогіі...; **нектар...** У старажытнагрэчаскай міфалогіі...

Сістэматызацыі і ўніфікацыі як па форме, так і па змесце патрабуюць энцыклапедычныя рэмаркі і каментарыі, змешчаныя пры тлумачэнні розных груп стылістычна маркіраванай лексікі, аб'яднанай тэматычна. Так, у слоўніках шырока прадстаўлена грамадска-палітычная, сацыяльна-эканамічная, ваенная, побытавая і інш. лексіка, якая выйшла з актыўнага ўжытку (часам, толькі ў асобных значэннях) са знікненнем

рэалій. Як паказвае лексікаграфічны матэрыял, пры раскрыцці значэння такіх семантычна і стылістычна аднародных лексічных адзінак традыцыйна ўжываецца цэлы шэраг рэмарак-удакладненняў, якія вызначаюцца істотнымі адрозненнямі як па структуры, так і па змесце. Для прыкладу прывядзём разнастайны «рэпертуар» такіх рэмарак, зафіксаваных у ТСБМ пры ўстарэлых словах з групы ваеннай лексікі, а менавіта яе больш вузкага тэматычнага разраду – назвах афіцэрскіх чыноў і званняў, а таксама асоб, якія маюць гэтыя чыны і званні:

гусар... У царскай і некаторых іншаземных арміях...

грэнадзёр... У царскай арміі і некаторых зарубежных арміях...

улан... У арміі царскай Расіі і некаторых замежных арміях...

паручнік... У дарэвалюцыйнай Расіі, а таксама ў некаторых арміях...

штаб-ротмістр... Да рэвалюцыі – у рускай і некаторых іншых іншаземных арміях...

Такім чынам, для ўкладальнікаў слоўніка застаюцца актуальнымі пытанні: якія віды каментарыяў і рэмарак выкарыстоўваць у тлумачальным слоўніку, якой павінна быць іх паслядоўнасць, структура і якім чынам павінны суадносіцца ў адным слоўніку стылістычныя паметы і рэмаркі. У дадзенай сітуацыі ў працы лексікаграфа асобую значнасць набывае сістэмны падыход, калі характарызуюцца не проста асобныя лексічныя адзінкі, а папярэдне вылучаныя лексічныя групы стылістычна маркіраванай лексікі. Гэта дазваляе ў пэўнай ступені ўніфікаваць апісанне матэрыялу, пазбегнуць супярэчнасцей і непаслядоўнасці пры яго характарыстыцы.

Згодна з Інструкцыяй для ўкладальнікаў новага шматтомнага тлумачальнага слоўніка беларускай мовы пры стылістычнай кваліфікацыі тэрміналагічнай лексікі прапануецца размяжоўваць цалкам дэтэрміналагізаваныя тэрміны (належаць да агульналітаратурнай мовы) і тэрміны, якія захоўваюць выразны адбітак прафесійна-тэрміналагічнай сферы, дзе яны актыўна функцыянуюць. Апошняя група павінна маркіравацца з дапамогай паметы *Спец.*, якая будзе ўказваць на функцыянальнае абмежаванне пры ўжыванні спецыяльнага слова: **абдуктар...** *Спец.* Адводная мышца. У слоўнікавым артыкуле тэрміна варта падаць яго агульнаўжывальны (нейтральны або размоўны) сінонім, калі такі ёсць. Наяўнасць у маркіраванага тэрміна агульнаўжывальнага сіноніма будзе сведчыць пра функцыянальна-стылістычную афарбаванасць гэтага слова: **адсадак...** *Спец.* Адсаджаная расліна; флянс.

Энцыклапедычныя рэмаркі пры спецыяльнай лексіцы прапануецца ўводзіць як у ролі самастойнага маркера, так і ў якасці сродкаў, якія дапаўняюць памету (як асноўны спосаб указання на спецыяльны харак-

тар слова), а менавіта – для ўдакладнення сферы ўжывання слова. Адсутнасць у Слоўніку паметы *Спец.* пры наяўнасці рэмаркі, якая ўказвае на сферу ўжывання слова (галіну, у якой прымяняецца абазначаная рэалія), сведчыць пра тое, што гэта слова – неспецыяльнае або з’яўляецца шырокаўжывальным тэрмінам: **сказ...** У граматыцы – граматычна і інтанацыйна аформленае спалучэнне слоў або асобнае слова, якое выражае закончаную думку.

У тлумачальных слоўніках акрамя памет, якія ўказваюць на ўстойлівую экспрэсію слова, таксама выкарыстоўваецца асобы стылістычны каментарый, які дазваляе ўдакладніць асаблівасці ўжывання слова ў сучаснай літаратурнай мове і часта нясе не толькі эмацыянальна-стылістычную, але і ўласна семантычную нагрузку. Каментарый пераважна будзе па мадэлі *«звычайна/часам з адценнем»* плюс адна з эмацыянальна-экспрэсійных ацэнак, ён можа дапаўняць стылістычную памету або выступаць як указанне на магчымы экспрэсійны эфект пры выбары слова: **кар’ерызм...** (*звычайна з адценнем неадабрэння*); **свінтух...** *Разм.* (*звычайна з дружэлюбна-дакорлівым адценнем*); **дысцыплінка ...** *Разм.* (*часам з адценнем іроніі*); **мужыччо...** *Уст.* (*з адценнем пагардлівасці або лаянкі*).

У цэлым энцыклапедычныя рэмаркі і стылістычныя каментарыі, якія выкарыстоўваюцца ў тлумачальных слоўніках для характарыстыкі ўжывання лексікі, з’яўляюцца прадуктыўным лексікаграфічным сродкам. Для паляпшэння якасці слоўніка неабходна іх уніфікацыя, а таксама паслядоўнае і лагічнае прымяненне ў лексікаграфічнай практыцы. Адным са шляхоў дасягнення такой уніфікацыі, на нашу думку, з’яўляецца стварэнне спецыяльнай базы даных або рээстра такіх каментарыяў і рэмарак з улікам асаблівасцей ужывання слова, што дазволіць лексікографу сістэматызаваць выкарыстанне гэтых сродкаў. На сённяшні дзень укладальнікі новага тлумачальнага слоўніка беларускай мовы маюць магчымасць рабіць выбарку гэтых сродкаў са слоўнікавых артыкулаў з дапамогай спецыяльнай праграмы, створанай для аўтаматызацыі лексікаграфічнай працы.

Бібліяграфічныя спасылкі

1. *Апресян Ю. Д.* Лексикографическая концепция Нового Большого англо-русского словаря // Новый Большой англо-русский словарь в 3-х томах / под общ. рук. Э. М. Медниковой, Ю. Д. Апресяна. Т.1. М. : Рус. яз., 1993. С. 6–17.
2. *Маракуліна Т. М.* Сістэма стылістычных памет у тлумачальных слоўніках беларускай мовы: да пастаноўкі праблемы // На хвалях мовы: да 90-годдзя з дня нараджэння акадэміка М.В. Бірылы: матэрыялы Міжнарод. навук. канф., (Мінск, 10–11 верасня 2013 г.). / нав. рэд.: В. П. Русак [і інш.]. Мінск : Бел. навука, 2014. С. 179–184.

3. *Маракуліна Т. М.* Асноўныя прынцыпы стылістычнай маркіроўкі лексічных адзінак у тлумачальных слоўніках беларускай мовы / Т.М. Маракуліна // Нацыянальная мова і нацыянальная культура: аспекты ўзаемадзеяння» (да 95-годдзя з дня нараджэння прафесара Фёдора Міхайлавіча Янкоўскага): зб. навук. арт. / Бел. дзярж. пед. ун-т імя Максіма Танка; рэдкал.: Г. Ф. Андарала, Д. В. Дзятко (адк. рэд.), Н. П. Лобань [і інш.]. Мінск : БДПУ, 2013. С. 160–163.
4. *Маракуліна Т. М.* Стылістычная памета ў структуры слоўнікавага артыкула // Беларуская лінгвістыка. Вып. 78. Мінск : Бел. навука, 2017. С. 136–143.
5. Тлумачальны слоўнік беларускай мовы: у 5 т. / Акад. навук БССР, Ін-т мовазнаўства імя Якуба Коласа; пад агул. рэд. К. К. Атраховіча (Кандрата Крапівы). Мінск : БСЭ, 1977–1984.
6. Тлумачальны слоўнік беларускай літаратурнай мовы: больш за 65000 слоў / уклад.: І. Л. Капылюў [і інш.]; пад рэд. І. Л. Капылова. Мінск : Беларуская Энцыклапедыя імя Петруся Броўкі, 2016.
7. *Ожегов С. И.* Словарь русского языка: 70000 слов / под ред. Н. Ю. Шведовой. 22-изд., стер. М. : Рус. яз., 1990.
8. *Верещагин Е. М., Костомаров В. Г.* «Окказиональные» пометы в «Словаре русского языка» С.И. Ожегова. К определению места безэквивалентной и фоновой лексики в современном русском литературном языке // Язык и культура. Три лингвострановедческие концепции: лексического фона, рече-поведенческих тактик и сапиентемы / под ред. акад. Ю. С. Степанова. М. : «Индрик», 2005. С. 204–215.
9. *Макарэвіч А. В.* Устарэлая лексіка і яе адлюстраванне ў слоўніках беларускай мовы XIX–XX ст. // Веснік Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта. Серыя 4, Філалогія. Журналістыка. Педагогіка. Мінск : БДУ, 2004. № 1. С. 77–82.
10. *Ефремова Т. Ф.* Новый словарь русского языка: Толково-словообразовательный / под ред. Т. Ф. Ефремовой. М. : Рус. яз., 2000. Т. 1: А–О.
11. *Ожегов С. И.* Словарь русского языка: 70000 слов / под ред. Н. Ю. Шведовой. 22-изд., стер. М. : Рус. яз., 1990.
12. *Шведова Н. Ю.* Парадоксы словарной статьи // Отечественные лексикографы. XVIII–XX века / под ред. Г. А. Богатовой. М. : Наука, 2000. С. 437–442.
13. Словарь современного русского литературного языка: В 20 т. / АН СССР. Ин-т рус. яз.; гл. ред. К. С. Горбачевич. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Рус. яз., 1991. Т. 1: А–Б.
14. Большой толковый словарь русского языка / Сост., гл. ред. С. А. Кузнецов. СПб: Норинт, 1998.
15. Тлумачальны слоўнік беларускай мовы: у 5 т. / Акад. навук БССР, Ін-т мовазнаўства імя Якуба Коласа; пад агул. рэд. К. К. Атраховіча (Кандрата Крапівы). Мінск : БСЭ, 1977–1984.

УДК 811.161.3'373.423+811.161.3'374.3

НЕКАТОРЫЯ АСПЕКТЫ АДЛЮСТРАВАННЯ АМОНІМАЎ У НОВЫМ ТЛУМАЧАЛЬНЫМ СЛОЎНІКУ

А. А. Марозава

*Цэнтр даследаванняў беларускай культуры, мовы і літаратуры
Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі, вул. Сурганава, 1, корп. 2, 220072,
г. Мінск, Беларусь, morozova-nastasya@mail.ru*

У артыкуле разглядаюцца падыходы да лексікаграфічнай фіксацыі класа аманімічных адзінак. Адзначаюцца і аналізуюцца складаныя пытанні: праблема дыферэнцыяцыі полісемантаў і амонімаў, непаслядоўнае адлюстраванне вынікаў працэсу распаду полісеміі, адсутнасць фіксацыі новых амонімаў у беларускай мове. Іх вырашэнне будзе садзейнічаць паслядоўнай і адназначнай тыпізацыі інфармацыі ў новым тлумачальным слоўніку.

Ключавыя словы: аманімія; полісемант; распад полісеміі; семантычнае расшчапленне; тлумачальны слоўнік.

SOME ASPECTS OF REPRESENTATION OF HOMONYMS IN THE NEW EXPLANATORY DICTIONARY

A. A. Marozava

*The Center for Belarusian Culture, Language and Literature Research of the National
Academy of Sciences of Belarus, Surganova St., 1, building 2, 220072, Minsk, Belarus,
morozova-nastasya@mail.ru*

The article consider approaches to lexicographic fixation of the class of homonymous units. Difficult issues are noted and analyzed: the problem of differentiation of polysemantics and homonyms, inconsistent reflection of the results of process of disintegration of polysemy, absence of fixation of new homonyms in the Belarusian language. Their solution will contribute to the consistent and unambiguous typing of information in the new explanatory dictionary.

Keywords: homonymy; polysemant; disintegration of polysemy; semantic splitting; explanatory dictionary.

Сярод мноства адзінак лексікаграфавання асаблівае месца займаюць не асобныя словы, а групы слоў з двух і больш кампанентаў, аб'яднаных пэўнымі адносінамі паміж іх гучаннем і значэннем. Гэтыя кампаненты, калі яны аднолькавыя па гучанні, але семантычна не звязаны паміж сабой, атрымалі назву амонімаў.

Аманімія належыць да ўніверсальных моўных з’яў, узнікае ва ўсіх моўных сістэмах і мае адну і тую самую прычыну. Як адзначае І. Шкраба, «паступовае намінальнае слоў дзеля патрэбы новага абазначэння абмежавана колькасцю моўных канструкцый элементаў слоў – гукаў» [1, с. 107]. У выніку ўзнікаюць непазбежныя гукавыя супадзенні асобных адзінак унутры ўласнай лексічнай прасторы. Па падліках даследчыкаў, амонімы складаюць даволі вялікую частку лексікі.

З’ява аманіміі даўно прыцягвае ўвагу лексікалагаў. Аднак, нягледзячы на даволі працяглую гісторыю яе вывучэння (актыўна з 1957 года) і тэарэтычнае асэнсаванне ў навукавай і навучальнай літаратуры, у многіх лексікаграфічных працах (тлумачальных і перакладных слоўніках) назіраецца разнабой у падачы полісемантаў і амонімаў.

Так, на момант выхаду «Тлумачальнага слоўніка беларускай мовы» (далей – ТСБМ) не быў поўнасьцю вызначаны лінгвістычны статус амонімаў (ад інтэрпрэтацыі аманіміі як асобнай лексіка-семантычнай катэгорыі да поўнага яе адмаўлення), нявырашаным заставалася пытанне аб спосабах размежавання мнагазначных слоў і амонімаў: розныя значэнні слова ў некаторых выпадках трактаваліся як амонімы, і наадварот, розныя словы, якія супалі па сваім знешнім абліччы (фанетычным і арфаэпічным) маглі кваліфікавацца як лексіка-семантычныя варыянты слова.

Так, дзеяслоў **перакласці** кваліфікуецца ў ТСБМ як полісемант. У семантычнай структуры гэтага слова вылучаецца 6 значэнняў, сярод якіх «палажыць на другое або ў другое месца» і «перадаць які-н. тэкст, вусную мову сродкамі другой мовы» [2, т. 3, с. 190]. Пры гэтым вытворны дзеяслоў **паперакладаць** аўтарамі слоўніка быў палічаны аманімічным (значэнні слова, прыведзеныя вышэй, у гэтым выпадку кваліфікуюцца як амонімы): **паперакладáць**¹, *зак., каго-што*. Перакласці ўсё, многае або ўсіх, многіх і **паперакладáць**², *зак., што*. Перакласці з адной мовы на другую ўсё, многае [2, т. 3, с. 19].

Пры размежаванні з’яў аманіміі і шматзначнасці даволі складана ўстанавіць наяўнасць або адсутнасць семантычнай сувязі, калі аманімія ўзнікае ў выніку лексіка-семантычнага вар’іравання мнагазначных слоў, крайняй граніцай якога з’яўляецца распад полісеміі.

Неаднастайнасьцю падачы ў названым слоўніку вызначаюцца аднакарэнныя дзеясловы *валіць, валіцца, вываліць і наваліць*. Першыя два фіксуюцца як полісеманты з наступнымі значэннямі: **валі́ць**, *незак. 1. Каго-што*. Прымушаць упасці; абарочваць, перакульваць. Бура валіць лес. // *што*. Сячы, пілаваць (лес, дрэвы); **4. Разм.** Імкліва ісці, рухацца натоўпам, патокам. Сёння нават у царкву мала хто ішоў, валілі да Канцавога. Карпюк; **6. што**. Качаючы, размінаючы, рабіць шэрсць, сукно

больш шчыльным, цвёрдым. З суседніх вёсак людзі неслі і везлі часаць воўну і валіць сукно. Сабаленка [2, т. 1, с. 457] і **валіцца**, *незак.* **1.** Падаць на зямлю, вывальвацца. [Сцяпан] ідзе і дастае з-за абраза календар, адтуль валіцца на зямлю фатаграфія. Купала. **3.** *Зал. да* валіць (у 1, 2, 3 і 6 знач.) [2, т. 1, с. 457].

Пры характарыстыцы дзеяслова **вываліць** была ўлічана катэгорыя трывання, што ўскладніла слоўнікавы артыкул, у якім ужо назіраем вылучэнне ў амонім аднаго са значэнняў: **вы́валіць**¹, *зак., каго-што.* **1.** Пераварочваючы, прымусіць выпасці, упасці. Вываліць седакоў з саней. **2.** *што. Разм.* Выйсці, выехаць натоўпам. Тры суседнія вёскі, як згаварыўшыся, вывалілі ў лес. Лобан і **вы́валіць**², *зак., што.* Зрабіць шляхам валення (пра сукно) [2, т. 1, с. 522].

А ў слоўнікавым артыкуле дзеяслова **паваліць** тыя ж (тоесныя) значэнні ўсе лічацца амонімамі. Параўнаем: **паваліць**, *зак., каго-што.* Прымусіць упасці; абярнуць. Паваліў вецер плот; **паваліць**², *зак.* Пайсці натоўпам, патокам. Адчыніліся дзверы, і ўслед за гарманістам у клуб з прыпеўкамі, гоманам і смехам паваліла моладзь. Дуброўскі; **паваліць**³, *зак., што.* **1.** Зваліць усё, многае (шэрсць, воўну). Паваліць усю воўну. **2.** *і без дан.* Валіць некаторы час [2, т. 3, с. 470].

Аманімія ўтваральнага дзеяслова **валіць** знайшла далейшае адлюстраванне ў пазнейшых адносна ТСБМ лексікаграфічных крыніцах.

У «Тлумачальным слоўніку беларускай літаратурнай мовы» (1996 г.) назіраецца яшчэ няпоўнае развядзенне амонімаў: **валіць**¹ **1.** Прымушаць падаць. Валіць з ног. Валіць дрэвы (сячы, пілаваць; спец.) і **валіць**² **1.** Ісці, рухацца натоўпам або падаць, паднімацца ў вялікай колькасці (разм.). Натоўп валіць. **3.** Качаючы, збіваць з воўны. Валіць валёнкі [3, т. 1, с. 133].

А вось ужо ў перакладным беларуска–рускім слоўніку (4-е выд., 2012 год) з’ява аманіміі дзеяслова **валіць** адзначана ў поўнай ступені: **валіць I несов.** **1.** валіть, опрокидывать; **валіць II несов., разг.** (двигаться массой) валіть; **валіць III несов. 1.** (сукно) валять; **2.** (валенки, войлок и т. п.) валять, бить, катать [4, т. 1, с. 442].

Дзеяслоў **валіць** з’яўляецца аманімічным ужо на пачатковай ступені, што засведчана ў этымалагічным слоўніку беларускай мовы: **Валіць**₁ «прымушаць упасці, перакульваць» і **Валіць**² «вырабляць з воўны»; «качаць, збіваць сукно» [5, с. 39]. Трэці ў гэтай групе амонім выдзеліўся на аснове значэння слова **ва́лка**³ (крочыць) «шпарка ісці натоўпам» [5, с. 39]. Амонімы словаўтваральнага характару **вываліць** і **паваліць** паходзяць ад адной і той жа шматзначнай утваральнай асновы (суадносяцца з рознымі яе значэннямі).

Сярод іншых аспектаў фіксацыі амонімаў у ТСБМ варта адзначыць, што ў асобных выпадках не адлюстраваны або не цалкам адлюстраваны завершаны распад полісеміі. Напрыклад, слова **клетка** трактуецца як полісемант: **клётка**, ж. **1.** Памяшканне для птушак і жывёлін, сценкі якога зроблены з металічных або драўляных прутаў. Клетка для птушак. **2.** Спосаб складання дроў, дошак, цэглы і пад. у выглядзе чатырохвугольніка. Клетка цэглы. Злажыць дровы ў клетку. **3.** Чатырохвугольнік, нарысаваны, начэрчаны на паверхні чаго-н. Клетка шахматнай дошкі. Тканіна ў клетку. **4.** Элементарная адзінка будовы жывога арганізма, якая складаецца з ядра, пратаплазмы і абалонкі. Раслінная клетка. Жывёльная клетка [2, т. 2, с. 697].

У слове **ўдарнік** не адзначана афармленне ў асобны амонім значэння «музыкант, які іграе на ўдарных інструментах»: **ударнік**¹, м. Перадавы работнік сацыялістычнай вытворчасці, які перавыконвае нормы; **ударнік**², м. **1.** Частка затвора агнястрэльнай зброі, прызначаная для ўдару па капсулі патрона. **2.** Дэталё, прыстасаванне ў якім-н. механізме, інструменце для атрымання гуку ўдарамі. **3.** Разм. Музыкант, які іграе на ўдарных інструментах. Джазавы ўдарнік [2, т. 5, кн. 1, с. 616]. Гэтыя пытанні былі паспяхова вырашаны ў тлумачальным слоўніку беларускай літаратурнай мовы і перакладным беларуска-рускім слоўніку.

В. Д. Старычонок, які ў 1991 годзе здзейсніў спробу прывесці ў сістэму выключна беларускія амонімы, звяртае ўвагу яшчэ на такі аспект, як суадносныя пары ў ТСБМ, дзе значэнне аднаго з кампанентаў не мае самастойнага характару, а раскрываецца ў спалучэнні з іншымі словамі, у пэўных выразях: *адказ – да адказу, бронь – бронь божа, драпак – даць драпака, замовіць – замовіць слова, каптур – з каптуром, крэпасць – купчая крэпасць, лупіць – лупіць вочы на каго-н., пагібель – гнуцца ў тры пагібелі, права – права руля* і інш. У ТСБМ такія выпадкі падаюцца як амонімы, напрыклад: **адка́з**¹, -у, м. **1.** Выкліканыя пытаннем або зваротам словы, выказаныя вусна ці пісьмова. Даць адказ. Ухіліцца ад адказу. **2.** Пачуццё, рэакцыя; водгук (у 4 знач.). Адказ жывога арганізма на раздражненне. **3.** Вынік рашэння матэматычнай задачы, прыкладу. Адказ сышоўся. **4.** Тое, што і адказнасць (у 1 знач.). За зло мы ўсе адказ нясем... Колас і **адка́з**², У выразе: *да адказу* – да нельга, да канца [2, т. 1, с. 139].

Даследчык у прадмове да свайго «Слоўніка амонімаў беларускай мовы» пісаў, што «сама сутнасць аманіміі пры гэтым пярэчыць такому вырашэнню пытання (няма ў наяўнасці аманімічнай пары, а проціпастаўленне слова і выразу выходзіць далёка за межы аманіміі, лексічнай аманіміі)» [6, с. 6].

Працэс узнікнення амонімаў у выніку распаду адзінай семантыкі шматзначнага слова і абасабленне яго асобных значэнняў як

самастойных лексічных адзінак гістарычна працяглы. Менавіта гамагенныя амонімы не заўсёды кваліфікуюцца бясспрэчна. Гэта звязана з тым, што ў мове ёсць мноства фактаў стадыі незавершанага распаду полісеміі, якія трэба разглядаць як пераходныя з’явы. І. Шкраба заўважае, што вызначэнне статусу амоніма або полісэманта ў такіх выпадках не мае адназначнай інтэрпрэтацыі, што адбіваецца на неаднастайнай іх лексічнай кваліфікацыі ў лексікаграфічнай практыцы [1, с. 110].

Так, дзеясловы **адлятаць** і **адлятацца** ў ТСБМ пададзены як адназначныя монасэманты і тлумачацца адсылачным спосабам: **адлята́ць**, -аю, -аеш, -ае. *Незак. да* адляцець і **адлята́цца**, -аецца. *Незак. да* адляцецца [2, т. 1, с. 151]. У тлумачальным слоўніку беларускай літаратурнай мовы дзеяслоў **адлятаць** набывае два самастойныя значэнні – ‘скончыць лятаць’ і ‘прабыць у авіяцыі, у лётным саставе пэўны час’ [3, т. 1, с. 49], але пры гэтым дзеяслоў незакончанага трывання **адлятацца** не распрацаваны асобна, а толькі прыводзіцца як суадносны па трыванні ў артыкуле да дзеяслова адляцецца. Нарэшце ў беларуска-рускім слоўніку абодва яны класіфікаваны як амонімы кожны са сваім самастойным артыкулам: **адлята́ць I несов.** 1. (леця, удаляться) отлетать, улетать; 2. в др. знач. отлетать; 1, 2 см. адляце́ць і **адлята́ць II сов.** (кончить летать) отлетать; **адлята́цца I несов.** (леця, отдаляться) отлетать і **адлята́цца II сов., разг.** отлетаться [4, т. 1, с. 161].

Гэтыя амонімы-дзеясловы ўтвараюцца ад аднакаранёвых слоў пры дапамозе аманімічных прыставак. Адлюстраванне такога тыпу слоў-амонімаў у лексікаграфічных крыніцах выклікае пэўныя цяжкасці, бо не заўсёды можна акрэсліць семантычнае расшчапленне значэнняў прэфіксаў на два ці болей, калі кожнае з іх атрымлівае самастойнасць у дзеяслоўнай дэрывацыі. У гэтым выпадку прыстаўка ад- надае значэнні закончанасці дзеяння, яго працягласці, а таксама аддзялення, адлучэння ад чаго-небудзь, што павінна быць адлюстравана ў новым слоўніку тлумачальнага тыпу.

Узнікненне амонімаў выклікаецца як унутрымоўнымі, так і пазамоўнымі фактарамі, узаемадзеянне якіх спецыфічна праяўляецца ў кожнай мове і прыводзіць да розных вынікаў. Ва ўсіх мовах назіраюцца факты паяўлення новых амонімаў, якія практычна не ўскладняюць моўных зносін, паколькі амаль заўсёды нейтралізуюцца кантэкстам або моўнай сітуацыяй.

На сучасным этапе функцыянавання беларускай мовы пашырэнне словаўтваральных гнёздаў і запазычванне асобных адзінак вядуць да ўтварэння новых аманімічных пар. Пры ўкладанні ТСБМ дзеяслоў **вінціць** быў зафіксаваны са значэннем «паварочваць, укручваць або

выкручваць вінт, шрубам» [2, т. 1, с. 492]. Пры гэтым слова *вінт*, якое выступае ўтваральнай асновай для названага дзеяслова, само рэалізуецца ў мове як аманімічны моўны знак: *вінт*¹, *м.* 1. Шпень са спіральнай нарэзкай; шруба. 2. Частка рухавіка паравоза, самалёта і пад. у выглядзе лопасцей, замацаваных на вале. Грабны вінт. Вінт самалёта і *вінт*², *м.* Карцёжная гульня [2, т. 1, с. 492]. Таму цалкам натуральна, што ў дзеяслова *вінціць* сфарміравалася таксама значэнне «гуляць у вінт» і ён уступіў у адносіны аманіміі, што павінна быць адлюстравана ў новым тлумачальным слоўніку. Назоўнік *вінчэстар*, які ў ТСБМ пададзены з адным значэннем «тып паляўнічага ружжа» [2, т. 1, с. 492], сёння, зыходзячы з практыкі ўжывання, трэба разглядаць як мнагазначны, што патрабуе ўдакладнення і развядзення семантыкі: 1. Назва магазінных, а пасля і аўтаматычных вінтовак. 2. Тып паляўнічага ружжа. Да таго ж гэты раней семантычна адасоблены моўны знак сёння ўтварае аманімічную пару з назоўнікам *вінчэстар* у значэнні «ўстройства памяці камп'ютара ў выглядзе цвёрдага магнітнага дыска».

Вынікі аналізу яшчэ раз пераконваюць, што аманімія – выключна складаная з'ява, а сэнсавы аспект слова застаецца адной з найбольш складаных і дыскусійных праблем лінгвістыкі. Пропуск, недаўлік пэўнай часткі інфармацыі аб канкрэтным слове непазбежна адбываецца на якасці слоўніка ў цэлым. Трэба фронтальна вывучаць усю наяўную інфармацыю аб кожным з амонімаў з мэтай паслядоўнай і адназначнай яе тыпізацыі ў новым тлумачальным слоўніку.

Бібліяграфічныя спасылкі

1. *Шкраба І.* Лексікалогія: тэарэтычна-практычны курс. Мінск: Тэхналогія, 2012.
2. Тлумачальны слоўнік беларускай мовы. У 5 т., 6 кн. Мінск: выдавецтва «Бел. Сав. Энцыклапедыя» імя Петруся Броўкі, 1977–1984.
3. Тлумачальны слоўнік беларускай літаратурнай мовы: больш за 65 000 слоў. У 2 т. / уклад.: І. Л. Капылоў [і інш.]; пад рэд. І. Л. Капылова. Мінск: Беларусь, 2022.
4. Беларуска-рускі слоўнік = Белорусско-русский словарь. У 3 т. / пад рэд. А. А. Лукашанца; НАН Беларусі, Ін-т мовы і літаратуры імя Якуба Коласа і Янкі Купалы. Выд. 4-е, перапрац. і дап. – Мінск: Беларус. энцыкл. імя П. Броўкі, 2012.
5. Этымалагічны слоўнік беларускай мовы. Т. 2. [А. Я. Міхневіч, Р. В. Краўчук, І. І. Лучыц-Федарэц і інш.: Рэд. В. У. Мартынаў]. Мінск: Навука і тэхніка, 1978.
6. *Старычонок В. Д.* Слоўнік амонімаў беларускай мовы. Мінск: Выш. шк., 1991.

УДК 811.112.2

**ПРОБЛЕМЫ ПЕРЕВОДА ПОЛИСЕМАНТИЧЕСКОЙ
БАНКОВСКОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ
(НА МАТЕРИАЛЕ РУССКОГО И НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКОВ)**

В. Н. Мацкевич

*Полесский государственный университет,
ул. Куликова, 27, 225716, г. Пинск, Беларусь, miss.matskevich88@mail.ru*

Статья посвящена анализу способов перевода полисемантических банковских терминов с немецкого языка на русский, рассматриваются термины немецкого языка из глоссария Немецкого федерального банка и их аналоги в глоссариях трёх белорусских банков. Общее количество рассматриваемых терминов – 851 немецкий термин, и 294 термина из глоссариев белорусских банков, было обнаружено 41 совпадение перевода терминов, из которых было выделено 24 полисемантических термина (58% от общего количества совпавших терминов).

Ключевые слова: банковский термин; перевод; транслитерация; транскрипция; калькирование; описательный перевод.

**PROBLEMS OF TRANSLATING POLYSEMANTIC BANKING
TERMINOLOGY (BASED ON THE MATERIAL OF RUSSIAN AND
GERMAN LANGUAGES)**

V. N. Matskevich

*Polessky State University,
Kulikova St., 27, 225716, Pinsk, Belarus, miss.matskevich88@mail.ru*

The article is devoted to the analysis of methods for translating polysemantic banking terms from German into Russian; German language terms from the glossary of the German Federal Bank and their analogues in the glossaries of three Belarusian banks are considered. The total number of terms under consideration is 851 German terms, and 294 terms from the glossaries of Belarusian banks; 41 translation matches of terms were found, from which 24 polysemantic terms were identified (58 % of the total number of matched terms).

Keywords: banking term; translation; transliteration; transcription; tracing; descriptive translation.

Современная банковская система является неотъемлемой составляющей экономической системы любой страны. Банки являются связующим звеном между промышленностью и торговлей, сельским хозяйством и населением. Развитие банковской системы Республики Беларусь и её взаимодействие с мировой банковской системой требует знания большо-

го количества понятий, используемых в сфере международного бизнеса и финансов. Выбор нужного термина может стать определяющим в принятии важных финансовых и политических решений. За каждым из этих решений стоит человек, языковая личность, существующая в языковом пространстве и являющаяся носителем языкового сознания. Поэтому изучение банковской терминологии, в частности в немецком и русском языках, представляется одной из важных и актуальных задач.

Лексику любого языка можно рассматривать как систему систем или как всеобъемлющую систему, состоящую из ряда более мелких подсистем. По мнению Суперанской, словарный состав языка можно разделить на общую и специальную лексику [5, с. 25]. В. С. Гринев-Гриневич отмечает, что «специальная лексика – совокупность лексических единиц (в первую очередь терминов) специальных областей знания, образующая особый пласт лексики, наиболее легко поддающийся сознательному регулированию и упорядочению» [2, с. 5].

Специальная лексика с точки зрения перевода считается проблемным и сложным пластом, так как она подвержена постоянному обновлению: появляются новые понятия (неологизмы), а некоторые слова выходят из активного употребления, кроме того существуют явления полисемии, синонимии и омонимии. Вследствие этого возникает необходимость постоянного обновления методов и способов перевода отдельных лексических единиц.

С точки зрения вариантов перевода, а также количества значений, терминологию банковской деятельности, можно разделить на однопереводные и разнопереводные термины, которые в свою очередь подразделяются на однозначные и многозначные. Наибольшие трудности для перевода представляют разнопереводные многозначные термины. Их также можно считать полисемантическими. К ним относятся иноязычные термины, имеющие разные значения, которые передаются различными русскими эквивалентами, а также случаи, когда для передачи какого-либо одного значения иноязычного термина используется несколько различных русских вариантов, а выбор соответствия, как правило, зависит от контекста [2, с. 96].

Примерами разнопереводной многозначной банковской терминологии могут служить 24 единицы (58%) совпавших терминов глоссариев немецкого и белорусских банков.

Можно выделить следующие способы перевода полисемантической банковской лексики с немецкого на русский язык: переводческая транслитерация и транскрипция, описательно-разъяснительный перевод, синонимический перевод, аналоговая замена, приближенный перевод, трансформационный перевод [3, с. 75].

Транслитерацией называется прием «беспереводного заимствования», который основывается на передаче графического облика иноязычного слова или интернационализма. Слово, которое получается в результате такого приема, произносится в соответствии с произносительными нормами языка перевода. Однако транслитерация имеет ряд адаптаций, прибегает к подмене графем, модуляций исходных форм, также можно выделить транслитерацию иноязычного корня с использованием суффикса и/либо окончания в соответствии с правилами словообразования и морфологии и т. д. Данные варианты являются отклонениями от «чистого» приема транслитерации, так как могут совмещать несколько приемов: передачу графем, фонем, произвольные преобразования звукобуквенного облика слова. В таких случаях данный приём трактуется как смешанный или контаминированный способ перевода [3, с. 75–76].

Транслитерация, «не чистая», а с трансформациями, была обнаружена в переводе следующих немецких терминов:

- 1) *die Deflation* – дефляция;
- 2) *die Börse* – биржа;
- 3) *das Depot* – депозит;
- 4) *das Derivat* – дериватив;
- 5) *die Devisen* – девизы;
- 6) *die Obligation* – облигация;
- 7) *die Aktiva* – активы.

Транскрипция же, как прием «беспереводного заимствования» основывается на передаче звукового облика (произношения) единицы исходного [3, с. 77]. Преобладающим приемом перевода транскрипция становится с середины XX века, и в последнее время можно наблюдать тенденцию к замене множества транслитераций на транскрипции, которые более близки к оригиналу. В таких ситуациях могут возникать переводческие дуплеты. Транскрипция может быть как полной, так и частичной, в таком случае она сочетается с другими переводческими операциями.

Из рассматриваемого списка понятий к группе терминов, значение которых передается с помощью «полной» транскрипции можно отнести лишь понятие *das Clearing* – клиринг. Важно также отметить, что в ряде случаев представляется сложным разграничить транскрипцию и транслитерацию, это касается в первую очередь случаев, когда графическая и фонетические формы слова совпадают. К таким терминам относятся: *der Bank* – банк; *der Kredit* – кредит.

Многие исследователи не разграничивают приемы графической и фонетической формы передачи понятий и используют для обоих приёмов термин «транслитерация» [3, с. 77–78]. Учитывая то, что в языке перевода могут отсутствовать некоторые звуки исходного, иногда перевод-

чик просто вынужден прибегать к сочетанию транслитерации и транскрипции. Один из недостатков транскрипции / транслитерации как способа перевода в том, что передача звукового и буквенного облика иноязычной лексической единицы не способна достаточно полно раскрыть ее значение. Этот недостаток компенсируется другими способами перевода, такими как описательный перевод или функциональный аналог.

Также одним из способов перевода является калькирование. Этот способ подразумевает, что составляющие части лексической единицы (морфемы, компоненты сложного слова или словоформы устойчивого словосочетания) заменяются их словарными соответствиями на языке перевода. Калькирование бывает *полным и частичным*, так как этот приём часто сопровождается элементами транскрипции или транслитерации, а также может сочетаться с трансформацией некоторых составных компонентов. Из списка изученных терминов к данному способу перевода относятся следующие лексические единицы:

- 1) *der Aktienmarkt* – рынок акций;
- 2) *das Bankensystem* – банковская система;
- 3) *das Bargeld* – наличные;
- 4) *der Devisenkurs* – валютный курс;
- 5) *das Haushalt* – домашнее хозяйство
- 6) *die Termineinlage* – срочный депозит;
- 7) *das Wertpapier* – ценная бумага;
- 8) *die Einlage* – банковский вклад; вклад на счет в банке.

Следующим способом перевода является описательный перевод. При описательном переводе лексическая единица иностранного языка заменяется словосочетанием, объясняющим ее значение. Достоинством описательного перевода является то, что он способен полно раскрыть суть явления, обозначенного лексической единицей. Его недостатком является громоздкость, которая определенным отрицательным образом может сказываться на качестве перевода. К лексическим единицам, которые переводятся с помощью данного приема относятся:

- 1) *die Anleihe* – долгосрочный заём (с фиксированным процентом); долговое обязательство, обеспеченное активами;
- 2) *der Bond* – облигация с твердым процентом; долговое обязательство (с твердым процентом);
- 3) *die Aktiva* – авуары (средства банка в иностранной валюте, ценных бумагах и золоте, хранящиеся в зарубежных банках)
- 4) *das Clearing* – зачет взаимных требований через расчетную палату;
- 5) *das Depot* – ценные бумаги (акции, облигации) передаваемые на хранение в кредитные учреждения;

6) *die Deflation* – общее снижение экономической активности и уровня цен;

7) *das Festgeld* – денежный капитал, ссужаемый на срок с твердо установленной датой возврата (напр. трехмесячная ссуда);

8) *das Derivat* – производный финансовый инструмент;

9) *der Kredit* – кредитная сторона баланса; единовременная целевая ссуда, единовременный целевой кредит.

Таким образом на основании проведенного исследования можно прийти к выводу, что полисемантические банковские термины могут переводиться с немецкого на русский язык многими способами, которые нередко представлены в словарях одновременно как равноправные варианты перевода одного и того же немецкого термина. К примеру для перевода немецкого термина *der Kredit* используется несколько способов перевода 1) *кредит* (транскрипция/транслитерация); 2) *кредитная сторона баланса* (описательный перевод); 3) *единовременная целевая ссуда, единовременный целевой кредит* (описательный перевод). Следовательно, для корректного осуществления перевода, специалист должен внимательно изучать как способы перевода банковской терминологии с немецкого языка на русский, так и особенности контекста.

Библиографические ссылки

1. Бархударов Л. С. Язык и перевод: Вопросы общей и частной теории перевода. Изд. стереотип. М.: Издательство ЛКИ, 2014.

2. Гринев-Гриневич С. В. Терминоведение: учеб. пособие для студентов высших учебных заведений. М. : Академия, 2008.

3. Дзенс Н. И., Перевышина И. Р. Теория перевода и переводческая практика с немецкого на русский и с русского на немецкий : учеб. пособие [Электронный ресурс]. СПб. : Антология, 2012.

4. Современный немецко-русский словарь по экономике, финансам и бизнесу = Neues Deutsch-Russisches Worterbuch für Wirtschaft, Finanzen und Business / Р. Доннер, И.В. Фаградянц, Э.Г. Шахиджаниян, В. Цекман. М.: Вече, 2007.

5. Суперанская А. В. Общая терминология: вопросы теории / А.В. Суперанская, Н.В. Подольская, Н.В. Васильева; отв. ред. Т. Л. Канделаки. Изд. 6-е. М., 2012.

6. Электронный словарь «Мультитран» [Электронный ресурс]. URL: <https://www.multitran.com/> (дата обращения: 12.02.2024).

7. Deutsche Bundesbank [Электронный ресурс]. URL: <https://www.bundesbank.de/> (дата обращения: 12.02.2024).

8. Беларусбанк [Электронный ресурс]. URL: <https://belarusbank.by/> (дата обращения: 12.02.2024).

9. Белинвестбанк [Электронный ресурс]. URL: <https://www.belinvestbank.by/> (дата обращения: 12.02.2024).

10. Банк Дабрабыт [Электронный ресурс]. URL: <https://bankdabrabyt.by/> (дата обращения: 12.02.2024).

УДК 81'255.4

ПОЭЗИЯ М. БОГДАНОВИЧА В АВТОРСКОМ И ПРОФЕССИОНАЛЬНОМ ПЕРЕВОДЕ

Н. Е. Никитина

*Брестский государственный университет имени А. С. Пушкина,
ул. Мицкевича, 28, 224016, г. Брест, Беларусь, ttt.iii@mail.ru*

Статья посвящена проблеме эквивалентности художественного перевода. Представлен компаративный анализ стихотворений М. Богдановича «Возера», «Над возерам» и их авторских и профессиональных переводов. Автор приходит к выводу, что и автор-переводчик, и профессиональный переводчик А. М. Стригалёв придерживаются принципа коммуникативной, смысловой эквивалентности, однако формально-семантическая эквивалентность не всегда соблюдается в обоих случаях.

Ключевые слова: перевод; эквивалентность; трансформация; М. Богданович; А. М. Стригалёв.

POETRY OF M. BOGDANOVICH IN THE AUTHOR'S AND PROFESSIONAL TRANSLATION

N. E. Nikitina

*Brest State University named after A. S. Pushkin,
Mitskevicha St., 28, 224016, Brest, Belarus, ttt.iii@mail.ru*

The article is devoted to the problem of equivalence of literary translation. A comparative analysis of M. Bogdanovich's poems «Lake», «Above the Lake» and their author's and professional translations is presented. The author comes to the conclusion that both the author-translator and the professional translator A. M. Strigalev adhere to the principle of communicative, semantic equivalence, however, formal semantic equivalence is not always observed in both cases, and sometimes illegal transformations are allowed.

Keywords: translation, equivalence, transformation, M. Bogdanovich, A. M. Strigalev.

Основная цель любого художественного текста заключается в оказании определённого эмоционального и эстетического воздействия на читателя, что отличает художественную речь от других актов речевой коммуникации, для которых первично информативное содержание. Поэтому **художественным переводом** именуется вид переводческой деятельности, основная задача которого заключается в порождении на языке перевода речевого произведения, способного оказывать художественно-эстетическое воздействие на реципиента, владеющего данным языком [1, с. 95].

Сравнение вариантов художественного текста на разных языках неизбежно связано с теорией **эквивалентности**. В. Н. Комиссаров понимает под эквивалентностью перевода «общность содержания (смысловую близость) оригинала и перевода» [1, с. 47]. Он же предложил типологию эквивалентности в зависимости от типа передаваемой информации: *коммуникативная* – эквивалентность на уровне цели коммуникации; *ситуативная* – эквивалентность на уровне описания ситуации; *полная* – эквивалентность на уровне сообщения; эквивалентность на уровне *структуры высказывания*; *формально-семантическая* – эквивалентность на уровне языковых знаков [2, с. 133].

Соблюдению принципа эквивалентности в переводческой деятельности способствуют различные виды **трансформаций**. Л. К. Латышев определяет переводческие трансформации как «отступление от структурного и семантического параллелизма между оригиналом и переводом», с. 27].

В формальном плане автор, самостоятельно переводящий свои произведения, находится в более выигрышном положении по сравнению с профессиональным переводчиком: он точно знает замысел исходного текста и обладает большей свободой действий, поскольку несет ответственность лишь перед самим собой. Однако в ряде случаев авторы-переводчики настолько увлекаются процессом усовершенствования формы, что отступают от принципа эквивалентности.

Объектом исследования в данной статье выступают два стихотворения М. Богдановича («Возера» и «Над возерам»), их авторские переводы на русский язык, выполненные для рукописного сборника «Зеленя», а также переводы А. М. Стригалёва. Предмет исследования – трансформации, допущенные автором и переводчиком. Следовательно, целью статьи является определение более эквивалентного, адекватного перевода между авторским и профессиональным.

Приведем оригинальные тексты стихотворений, написанных М. Богдановичем.

Возера

Стаяў калісь тут бор стары,
І жыў лясун у тым бары.
Зрубалі бор – лясун загінуў.
Во след яго ад той пары:
Сваё люстэрка ён пакінуў.

Як у нязнаны свет акно,
Ляжыць, халоднае, яно,
Жыццё сабою адбівае
І ўсё, што згінула даўно,
У цёмнай глыбіні хавае.

Над возерам

Сонца ціха скацілася з горкі;
Місяц белы заплаканы свеціць,
Аглядае бахматыя зоркі,
Цягне з возера срэбныя сеці.

У іх русалкі заблуталі косы, –
Рвуць і блутаюць срэбныя ніці;
Ноч плыве над зямлей, сее росы,
Ноч шапоча русалкам: «Засніце».

Проведем компаративный анализ стихотворения «Возера» и двух вариантов его перевода на русский язык.

Перевод автора (АП)

Тут рос густой, суровый бор,
И леший жил; когда ж топор
В бору раздался – леший сгинул
И, уж невиданный с тех пор,
Нам зеркальце свое покинул.

Как будто в мир иной окно,
Лежит, спокойное, оно,
Течение жизни отражает
И всё, что сгинуло давно,
В холодной глубине скрывает.

Перевод А. М. Стригалёва (ПС)

Здесь старый бор когда-то был,
И в том бору пан-леший жил.
Срубили бор – и сгинул леший.
С тех пор – где он ногой ступил –
Оно зеркалом взоры тешит.

Как в мир неведомый окно,
Лежит, холодное, оно,
И жизнь собою отражает,
И все, что сгинуло давно,
На темном дне своем скрывает.

В текстах переводов наблюдаются следующие типы трансформаций:

1) лексическая замена (*бор стары – густой, суровый бор* (АП); *яно холоднае – оно спокойное* (АП); *у цёмнай глыбіні – в холодной глубине* (АП));

2) синонимическая замена (*стаяў бор – рос бор* (АП), *бор был* (ПС); *нязнаны свет – мир иной* (АП));

3) стилистическая замена (*лясун – пан-леший* (ПС); *люстэрка – зеркало* (ПС));

4) конкретизация (*Жыццё сабою адбівае – Течение жизни отражает* (АП); *У цёмнай глыбіні хавае – На темном дне своем скрывает* (ПС));

5) грамматическая замена (*Зрубалі бор – когда ж топор в бору раздался* (АП); *Сваё люстэрка ён пакінуў – Оно зеркалом взоры тешит* (ПС); *Во след яго ад той пары – И, уж невиданный с тех пор...* (АП), *С тех пор – где он ногой ступил...* (ПС)).

В обоих переводных текстах присутствуют отступления от исходного замысла: А. М. Стригалев привносит элементы высокого стиля, однако стремится дать отсылку к языку оригинала (*пан-леший*) и сохраняет исходную мысль о том, что озеро – это след, оставленный на земле лешим (*где он ногой ступил*), которая теряется при авторском переводе.

Сравним переводы стихотворения «Над возерам».

Перевод автора (АП)

Скоро вечер в прошедшее канет.
Блещут звезды пушистые, светит
Месяц бледный, холодный и тянет
Из реки серебристые сети.

Перевод А. М. Стригалёва (ПС)

Солнце тихо скатилось за плесы;
Месяц белый заплаканный светит,
Созерцает лучистые звезды,
Тянет золото из озера сети.

В них русалки запутали косы, –
Рвут и путают влажные нити.
Ночь плывет над землей, сеет росы,
Тихо шепчет русалкам: «Усните».

В них русалки запутали косы –
Рвут и путают звонкие нити;
Ночь плывет над землей, сеет росы,
Тихо шепчет русалкам: «Усните».

В процессе перевода этого стихотворения М. Богдановичем и А. М. Стригальевым допущены различные трансформации:

1) лексическая замена (*Сонца ціха скацілася з горкі* – *Солнце тихо скатилось за плесы* (ПС); *Месяц белы заплаканы* – *Месяц бледный, холодный* (АП); *бахматыя зоркі* – *лучистые звезды* (ПС); *срэбныя ніці* – *влажные нити* (АП), *звонкіе нити* (ПС));

2) добавление (*Ноч шапоча русалкам: «Засніце»* – *Тихо шепчет русалкам: «Усните»* (АП и ПС));

3) грамматическая замена (*Сонца ціха скацілася з горкі* – *Скоро вечер в прошедшее канет* (АП); *Месяц глядае бахматыя зоркі* – *Блещут звезды пушистые* (АП)).

Кроме того, в обоих переводах обнаружены случаи неправомерной замены лексем: *Месяц цягне з возера срэбныя сеці* – *Месяц тянет из реки серебристые сети* (АП), *Месяц тянет злато* из озера *сети* (ПС).

Таким образом, можно сделать вывод о коммуникативной, смысловой эквивалентности авторского и профессионального переводов стихотворений М. Богдановича «Возера» и «Над возерам». Однако формально-семантическая эквивалентность не всегда соблюдается в обоих случаях, что чаще всего приводит к новой подаче исходного замысла, хотя иногда допускаются неправомерные трансформации.

Библиографические ссылки

1. Комиссаров В. Н. Теория перевода (лингвистические аспекты). М. : Высш. шк., 1990.
2. Комиссаров В. Н. Современное переводоведение. М. : ЭТС, 2001.
3. Латышев Л. К. Курс перевода (эквивалентность перевода и способы ее достижения). М. : Междунар. отношения, 1981.

УДК 811

СУФФИКСАЛЬНАЯ ГЛАГОЛЬНАЯ ДЕРИВАЦИЯ В МЕДИЦИНСКОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ

Д. А. Петровская

*Белорусский государственный медицинский университет,
пр. Держинского, 83, 220083, г. Минск, Беларусь, piotrovskaja.daria@gmail.com*

Медицинская терминология играет важную роль в области медицины, обеспечивая точное и единообразное описание заболеваний, процедур и лекарственных средств. В русском языке глагольная деривация представляет собой одну из основных морфологических стратегий образования новых терминов. В данной статье рассматривается глагольная деривация в медицинской терминологии, ее особенности и роль в создании новых терминов для описания действий и процессов, связанных с медицинской практикой, что обуславливает актуальность работы.

Ключевые слова: суффиксальная глагольная деривация; медицинская терминология; словообразование.

SUFFIXAL VERB DERIVATION IN MEDICAL TERMINOLOGY

D. A. Petrovskaya

*Belarusian State Medical University,
Derzinskaga Av., 83, 220083, Minsk, Belarus, piotrovskaja.daria@gmail.com*

Medical terminology plays an important role in the medical field by providing accurate and uniform descriptions of diseases, procedures, and medications. In the Russian language, verbal derivation is one of the main morphological strategies for the formation of new terms. This article examines verbal derivation in medical terminology, its features and role in the creation of new terms to describe actions and processes associated with medical practice, which determines the relevance of the work.

Keywords: suffixal verbal derivation; medical terminology; word formation.

Обзор литературы для статьи включает четыре работы, посвященные глагольной деривации в медицинской терминологии русского языка. Они освещают суффиксальные образования, семантику терминов, специфику психологической и исторической терминологии. Работы расширяют понимание процессов словообразования в медицине и могут быть полезны для лексикографии и разработки специализированных словарей и баз данных. В своей работе «Словообразование фармаконимов в русском языке» А. В. Ситдикова исследует процесс образования фармаконимов, с особым вниманием к глагольной деривации и суффиксальным

образованиям [1]. Т. А. Трафименкова в диссертации «Терминология болезней как объект ономаσιологического, семантико-парадигматического и лексикографического исследования» исследует глагольную деривацию в терминологии, связанной с болезнями, и выявляет особенности использования глагольных форм в медицинской терминологии [2]. Труд Г. Н. Хайбулиной «Структурно-семантические особенности психологической терминологии в современном русском языке» исследует глагольную деривацию в психологической терминологии, анализирует способы образования глагольных терминов и их семантические особенности [3]. В своей диссертации «Истоки и развитие российской медицинской терминологии» Е. Н. Загрекова пишет об исторических аспектах развития медицинской терминологии в русском языке, включая глагольную деривацию, а также автор выявляет особенности образования глагольных терминов в разные исторические периоды [4].

Медицинская терминология в русском языке богата и разнообразна. Она не только служит средством коммуникации между медицинскими специалистами, но также играет важную роль в образовании новых терминов для описания различных аспектов медицинской практики. Суффиксальная глагольная деривация является одной из наиболее продуктивных морфологических стратегий в образовании новых терминов и будет подробно рассмотрена в данной статье. Суффиксальная глагольная деривация представляет собой процесс образования новых слов путем добавления суффиксов к глаголам. В медицинской терминологии это особенно важно, поскольку глаголы описывают действия, процессы и процедуры, связанные с медициной. Например, глагол «оперировать» может быть преобразован в существительное «операция» путем добавления суффикса «-ция». Таким образом, глагольная деривация позволяет образовывать новые термины, которые точно описывают медицинские процессы.

Вот примеры наиболее часто используемых в медицинской терминологии суффиксов, и их значения.

Суффикс «-ция»:

колонизация – оседание и размножение микроорганизмов в организме;

сенсibilизация – увеличение чувствительности к определенному стимулу или веществу.

Суффикс «-ирование»:

секреция – выделение или выработка вещества определенными железами или клетками;

локализация – определение местонахождения или ограничение распространения.

Это лишь некоторые примеры, и существует множество других суффиксов, которые могут использоваться в глагольной деривации в медицинской терминологии. Каждый суффикс может придавать глаголам конкретное значение, отражающее различные аспекты действия или процесса. Кроме того, глагольная деривация может включать изменения в корне глагола, чтобы учесть специфику медицинского контекста.

Медицинская терминология является важной составляющей медицинской науки и практики. В русском языке суффиксальная глагольная деривация является одним из ключевых морфологических механизмов образования новых терминов в медицинской терминологии. В данной статье рассматриваются особенности суффиксальной глагольной деривации в медицинской терминологии русского языка, включая типы суффиксов, используемые в процессе образования терминов, и их семантические особенности. Также рассматривается влияние суффиксальной глагольной деривации на точность и понимание медицинских терминов.

Существует несколько типов суффиксов, которые используются в суффиксальной глагольной деривации в медицинской терминологии. Некоторые суффиксы указывают на действие (например, «-ние», «-ание», «-ение»), другие на процесс (например, «-ирование», «-ование», «-зация»), и еще некоторые на результат действия (например, «-ция», «-тся»). Каждый тип суффикса имеет свои семантические особенности и способствует образованию терминов, описывающих различные аспекты медицинской практики.

Суффиксы, используемые в суффиксальной глагольной деривации в медицинской терминологии, имеют свои семантические особенности. Например, суффикс «-ние» указывает на действие или процесс (например, «дыхание», «движение»), в то время как суффикс «-ция» указывает на результат или состояние (например, «регенерация»). Понимание этих семантических особенностей помогает в точном использовании и понимании медицинских терминов.

Вот наиболее употребительные типы суффиксов, используемых в суффиксальной глагольной деривации в медицинской терминологии, и их значения:

Суффиксы, указывающие на действие:

инъекция – введение лекарственного средства в организм путем инъекции;

ампутация – удаление или отрезание части тела или конечности;

реанимация – восстановление или поддержание жизнедеятельности организма.

Суффиксы, указывающие на процесс:

реабилитация – процесс восстановления здоровья и функций после травмы, болезни или операции;

диагностирование – процесс определения и установления диагноза заболевания;

рецидивирование – процесс повторного возникновения заболевания после временного выздоровления.

Суффиксы, указывающие на результат действия:

модификация – изменение или модификация структуры или функции организма;

консолидация – образование прочной связи или сращивание тканей в процессе заживления раны или перелома;

регенерация – восстановление или возобновление поврежденных или утраченных тканей или органов.

Суффиксальная глагольная деривация играет важную роль в точности и понимании медицинских терминов. Правильное использование суффиксов позволяет создавать термины, которые ясно указывают на действие, процесс или результат в медицинской практике. Однако неправильное использование суффиксов может привести к недостаточной ясности или даже ошибочному пониманию терминов. Поэтому важно обращать внимание на правила и семантические особенности суффиксальной глагольной деривации при формировании новых медицинских терминов.

Глагольная деривация играет важную роль в создании новых терминов в медицинской терминологии. Она позволяет точно описывать действия, процессы и процедуры, связанные с медицинской практикой, что способствует ясности и единообразию в коммуникации между медицинскими специалистами. Кроме того, глагольная деривация позволяет создавать новые термины для описания новых медицинских технологий, процедур и методик, которые появляются в современной медицине.

Суффиксальная глагольная деривация является важным морфологическим процессом в образовании медицинской терминологии в русском языке. Она позволяет создавать новые термины, основанные на глаголах, для описания действий, процессов и процедур, связанных с медицинской практикой. Глагольная деривация способствует точности, единообразию и ясности в коммуникации между медицинскими специалистами, а также отражает современные разработки и технологии в области медицины. Эта научная статья предоставляет обзор глагольной деривации в медицинской терминологии в русском языке. Она обращает внимание на особенности этого морфологического процесса, его роль в создании новых терминов и приводит примеры для наглядности. Различные типы суффиксов и их семантические особенности позволяют точно описывать

действия, процессы и результаты в медицинской практике. Однако необходимо соблюдать правила и обращать внимание на семантические особенности суффиксов, чтобы избежать ошибок и обеспечить точное понимание медицинских терминов. В статье были рассмотрены примеры глагольной деривации суффиксов, указывающих на процесс, на действие и результат действия.

Библиографические ссылки

1. *Ситдикова А. В.* Словообразование фармаконимов в русском языке : дис. ... канд. филол. наук. Казань : Казанский (Приволжский) федеральный ун-т, 2020.
2. *Трафименкова Т. А.* Терминология болезней как объект ономаσιологического, семантико-парадигматического и лексикографического исследования : дис. ... канд. филол. наук. Брянск : Брянский ун-т, 2008.
3. *Хайбулина Г. Н.* Структурно-семантические особенности психологической терминологии в современном русском языке : дис. ... канд. филол. наук. Уфа, 2012.
4. *Загрекова Е. Н.* Истоки и развитие российской медицинской терминологии : дис. ... канд. филол. наук. Саратов, 2008.

УДК 811.161.3'373.611

СЛОВАЎТВАРАЛЬНЫ ПАТЭНЦЫЯЛ КОРАНЯ ВАП- У СУЧАСНАЙ БЕЛАРУСКАЙ МОВЕ

А. М. Путрыч

*Цэнтр даследаванняў беларускай культуры, мовы і літаратуры Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі, вул. Сурганава, 1, корп. 2, 220072, г. Мінск, Беларусь,
el.fendich@gmail.com*

У артыкуле даследуецца слоўваўтваральнае гняздо з вяршыняй «вапна» ў сучаснай беларускай мове. Аналізуюцца спосабы словаўтварэння лексем на аснове кораня вап-, даследуецца семантыка і функцыянальныя асаблівасці дадзеных лексем. Вынікі даследавання дазваляюць выявіць асноўныя тэндэнцыі словаўтварэння ў сучаснай беларускай мове. Артыкул прызначаны для студэнтаў, выкладчыкаў вышэйшых навучальных устаноў, настаўнікаў беларускай мовы і літаратуры і ўсіх, хто цікавіцца сучаснай лінгвістыкай.

Ключавыя словы: словаўтварэнне; словаўтваральны патэнцыял; словаўтваральнае гняздо; афіксацыя; корань вап-.

WORD-FORMATION POTENTIAL OF THE ROOT VAP- IN THE MODERN BELARUSIAN LANGUAGE

A. M. Putrych

*The Center for Belarusian Culture, Language and Literature Research of the National Academy of Sciences of Belarus, Surganova St., 1, building 2, 220072, Minsk, Belarus,
el.fendich@gmail.com*

The article examines the word-forming nest with the top “lime” in the modern Belarusian language. Ways of word formation of lexemes based on the root vap- are analyzed, semantics and functional features of these lexemes are investigated. The results of the study make it possible to reveal the main tendencies of word formation in the modern Belarusian language. The article is intended for students, university teachers, teachers of the Belarusian language and literature, and anyone interested in modern linguistics.

Keywords: word formation; word-forming potential; word-forming nest; affixation; root vap-.

Актуальнай задачай сучаснага мовазнаўства застаецца фіксаванне словаўтваральных магчымасцей лексем, а таксама «стварэнне новых слоў тымі ці іншымі спосабамі паводле існуючых у мове ўзораў» [1, с. 3]. Дасягненні апошніх гадоў пацвярджаюць цікавасць даследчыкаў да праблем супастаўляльнага словаўтварэння славянскіх моў («Славянская

дэрыватаграфія» [2]), функцыянальнага («Функцыянальныя аспекты словаўтварэння» [3]), тэрміналагічнага (А. І. Багдзевіч, А. А. Прыгодзіч, Г. Ф. Швед, Л. М. Мінакова), анамастычнага (М. В. Бірыла, В. П. Лемцюгова, В. В. Шур) і агульнага словаўтварэння (Л. А. Гадуйка, І. У. Каліцень, І. У. Кандрацень, С. В. Кавалёнак, П. У. Сцяцко, А. А. Лукашанец і інш.). На жаль, да гэтага часу ў беларускім мовазнаўстве існуе толькі 2 словаўтваральныя слоўнікі: «Словаўтваральны слоўнік беларускай мовы» А. М. Бардовіча, М. М. Круталевіча, А. А. Лукашанца (2000) і «Школьны словаўтваральны слоўнік беларускай мовы» (2006), якія не апісваюць вялікую колькасць сучасных лексем. Пры гэтым, як адзначаў, Л. М. Шакун, словаўтваральныя сувязі паміж словамі могуць адлюстроўвацца ў розных тыпах слоўнікаў, у прыватнасці марфемным «Марфемны слоўнік беларускай мовы» А. М. Бардовіча і Л. М. Шакуна, адваротным, слоўніку амонімаў «Слоўнік амонімаў беларускай мовы» В. Д. Старычонка, а таксама тлумачальным.

У якасці крыніцы даследавання словаўтваральнага гнязда з вяршыняй вапна быў выкарыстаны новы Тлумачальны слоўнік беларускай мовы, які распрацоўваецца ў аддзеле лексікаграфіі і лексікалогіі Інстытута мовазнаўства імя Якуба Коласа. Тлумачальны слоўнік беларускай мовы дае магчымасць выявіць словаўтваральныя сувязі паміж асобнымі словамі на падставе адсылак «Жан. да», «Незак. да», «Прысл. да», «Памянш.-ласк. да», «Зал. да», «Дзеянне паводле знач. дзеясл.» і інш., а таксама дзякуючы гнездавому размяшчэнню лексем у корпусе (напрыклад, вандраванне, вандравацца, вандраваць, вандровец, вандровішча, вандроўе, вандроўка, вындроўна і інш.).

Словаўтваральны патэнцыял слова вапна дастаткова вялікі, ён складаецца з 27 адзінак, аб'яднаных у адно словаўтваральнае гняздо. Аснова *вап-* з'яўляецца матываванай для утварэння назоўнікаў, прыметнікаў і дзеясловаў. Незалежна ад таго, што ў сучаснай беларускай мове ўжо не ўжываецца гістарычная лексема *вапа*, ад якой шляхам далучэння суфікса *-ьпа-* ўтварыўся назоўнік *вапна* [4, с. 55], у марфемнай будове слова **н-** вылучаецца як суфікс. Вытворныя словы утвараюцца шляхам афіксацыі і спосабам асноваскладання.

Прадставім словаўтваральнае гняздо ў выглядзе схемы:

→ Вап-н-ава-ць	→ Вап-н-ава-нн-е
	→ Вап-н-ава-н-ы
	→ вап-н-ава-цца
	→ вап-л-енн-е
→ Вап-і-ць	→ вап-л-ен-ы
	→ вап-енн-ы

Вап-н-а	→ Вап-ень	→ Вап-н-ішч-а
	→ Вап-н-як	→ вап-н-як-ов-ы
		→ вап-н-ярк-а
	→ Вап-н-оўк-а	→ Вап-ель-нік
	→ Вап-ельн-я	→ вап-ельн-ы
	→ вап-н-ав-ы	
	→ вап-н-ян-ы	
	→ вап-н-іст-ы	
	→ вап-н-а-абпаль-н-ы	→ вапнагасільнік
	→ Вапнагасільны	
	→ Вапназмяшчальны	
	→ вапнараскідвальнік /	
	вапнараскідальнік	

З прадстаўленых лексем можна вылучыць 3 групы слоў, падобнай семантыкі. Першая група лексем утрымлівае ключавое значэнне – ‘здабыча вапны’. У гэтую групу ўваходзяць назоўнікі *вапельня, вапельнік, вапень, вапнішча, вапняк, вапнярка*, а таксама прыметнікі *вапенны, вапняковы, вапельны, вапнавы, вапняны, вапністы, вапнаабпальны, вапнагасільны, вапназмяшчальны*. Назоўнікі ўтвараюцца ад асновы *вап[н]*- шляхам далучэння суфіксаў:

-ішч- са значэннем месца, прасторы паводле таго, што знаходзіцца ці адбываецца на ёй: *вапнішча* ‘месца, дзе капаюць вапняк’. На Беларусі з даўніх часоў вапну атрымлівалі з валуноў карбанатных парод, здабывалі ў *вапнішчах* (з навук.).

-як- са значэннем сукупнасці прадметаў: *вапняк* ‘асадкавая горная парода, якая мае ў сабе вапну’: *На крутых сцёжках шмат плоскага камення-вапняку*. (Я. Брыль). У літаратурнай мове гэты тып малапрадуктыўны [5, с. 119].

-ярк-а са значэннем назвы прылад паводле іх прызначэння: *вапнярка* ‘яма або спецыяльная пасудзіна, у якой гасяць вапну’: *Пасля гашэння ўсе віды вапны разбаўляюць вадой да атрымання вапнавага малака, працэджваюць яго праз сіта і зліваюць у вапнярку* (з навук.).

-ень са значэннем назва рэчывага прадмета: *вапень* ‘тое, што і кальцый’: *Колькасць солей вапеню ў арганізме і крыві пры розных скурных захворваннях бывае рознай* (з навук.).

-ельн- са значэннем месца здзяйснення дзеяння: *вапельня* ‘печ для выпальвання вапны з вапняку’: *Потым трэба было вапну паліць, і дыр-*

эктар прамкамбіната загадаў пакінуць цагельню, а ў Наздрачунах рабіць вапельню (з навук.-папуляр.).

-ік са значэнне назва асобы па занятку: *вапельня → вапельн- ік* ‘рабочы, што здабывае вапняк, вапну’: У Гародні шырока былі прадстаўлены будаўнічыя спецыяльнасці – вапельнікі, мялоўнікі, кафельнікі, брукары, каменацёсы (з навук.).

Прыметнікі гэтай групы ўтвараюцца суфіксальным спосабам, пры дапамозе суфіксаў:

-ав-, -ян- са значэннем утрымліваць ў сабе тое, на што паказвае матываванае слова: *вапнавы* ‘звязаны з вырабам вапны; які ўтрымлівае вапну’: *Новагародак адкрыў ім сакрэт вапнавага раствору, цямянкi* (Л. Дайнека); *вапняны* ‘тое, што і вапнавы’: *Пяшчаны і вапняны суглінак, больш-менш вільготнае поле – аднаведная глеба* (з навук.).

-іст- са значэннем змяшчаць ў сабе тое, на што паказвае матываванае слова: *вапністы* ‘які змяшчае ў сабе вапну, мае прымесь вапны’: *Гіпс -- белае вапністае рэчыва*.

-н-, -енн- са значэннем прыкметы або ўласцівасці, якія адносяцца да прадмета, названаму зыходным словам: *вапенны* ‘які змяшчае ў сабе вапень’: *Пачалі вывазку вапеннага торфу, якога тут аказалася ўдосталь* (І. Гурскі); *вапна – вапельня – вапельны* ‘які мае адносіны да вапельні’: *Лявей і бліжэй да мястэчка суро́ва ў́знімалася вапельная гара* (З навук.-папул.).

-ов- са значэннем прыналежнасці да чаго-небудзь: *вапна – вапняк – вапняковы* ‘які мае ў сваім саставе вапняк; зроблены з вапняку’: *У белых плашчах, яны [пешыя] стаялі на бялёсай вапняковай зямлі, пад гарачым апошнім сонцам* (У. Караткевіч).

А таксама спосабам «асноваскладанне + суфіксацыя (-н-/ -льн-)»: *вапн-а-абпаль-н-ы, вапн-а-гасі-льн-ы, вапн-а-змяшча-льн-ы*: *вапнагасільная машына; вапнагасільная ўстаноўка; вапназмяшчальныя пароды; вапназмяшчальныя матэрыялы; вапназмяшчальны раствор* (з навук.).

Другая група ўключае ў сябе назоўнікі *вапнаванне, вапнараскідвальнік/вапнараскідальнік*, прыметнік *вапнаваны*, а таксама дзеясловы *вапнаваць, вапнавацца* са значэннем ‘уносіць у глебу вапну’, якія ўтвараюцца пераважна суфіксальным спосабам.

Пры дапамозе суфікса **-нн-**, які далучаецца да асновы дзеяслова незакончанага трывання *вапнав-а-ць* утвараецца абстрактны назоўнік *вапнаванне* з працэсуальным значэннем дзеяння: *Старшыня ўзрадаваўся: для падняцця ўраджайнасці кіслай глебы вапнаванне – самы лепшы сродак* (І. Гурскі).

Тэрмін *вапнараскідвальнік/вапнараскідальнік* утвараецца шляхам асноваскладання з далучэннем суфікса **-[ль]нік-** і мае значэнне ‘Механізм

для раскідвання вапны ў глебу'. Пры гэтым у рускай мове такія словы не маюць эквівалентаў. Параўнайце: *вапнараскідвальнік* (бел) – *разбрасыватель извести* (рус).

Прыметнік *вапнаваны* ўтвараецца ад асновы дзеяслова *вапнав-а-ць* з дапамогай суфікса **-н-** са значэннем прыкметы або ўласцівасці, якія адносяцца да дзеяння, названага матываваным словам 'палепшаны шляхам унясення вапны (пра глебу)': *Дзейнасць вапнавага ўгнаення ўзрастала на гадах карыстання* (з навук.).

Дзеяслоў незакончанага трывання *вапнаваць* утвараецца ад назоўніка *вапна* пры дапамозе суфікса **-ава-** са значэннем 'уносіць у глебу вапну': *Глебу пад бульбу ні ў якім разе нельга вапнаваць!* (СМІ). З дапамогай постфікса **-цца-** ўтвараецца дзеяслоў залежнага стану *вапнавацца* са значэннем дзеяння, якое ўтварае суб'ект: *Штогод вапнуецца каля 300 тыс. га кіслых глебаў* (з навук.).

Трэцяя група лексем звязана са значэннем 'пакрываць што-н. вапнай': *вапленне, вапноўка, вапіць, ваплены*. Спосаб словаўтварэння – суфіксальны.

Назоўнік *вапленне* і прыметнік *ваплены* ўтвараюцца ад асновы дзеяслова *вап-і-ць* ('пакрываць што-н. вапнай.') пры дапамозе суфікса **-енн-/-ен-** са значэннем працэсуальнасці дзеяння: *вапленне сцен і столі. Рабіць вапленне*. Фармант **-л-** разглядаецца як суфікс.

Тое ж значэнне назіраецца і ў лексеме *вапноўка* 'слой вапны нанесены на што-н', пры гэтым мадэль словаўтварэння іншая: аснова назоўніка *вапн-а* + суфікс **-оўка-**.

Мадэль утварэння дзеяслова *вапіць* наступная: да асновы назоўніка *вапн+а* далучаюцца суфікс асновы **-і-** і формаўтваральны суфікс **-ць-**.

Такім чынам, аналіз словаўтваральнага патэнцыялу караней дазваляе зразумець, як фарміруюцца словы ў мове, як яны эвалюцыянуюць і змяняюцца з часам. Гэта дапамагае вывучаць гісторыю слоў, іх паходжанне і развіццё, а таксама выяўляць заканамернасці і тэндэнцыі ў моўным развіцці. Так, у новым Тлумачальным слоўніку беларускай мовы адбылося пашырэнне словаўтваральнага гнязда за кошт ўтварэння новых тэрмінаў *вапнараскідвальнік/вапнараскідальнік, вапназмяшчальны, вапнагасільны, вапнагасільнік, вапнаабпальны*.

Бібліяграфічныя спасылкі

1. Шакун Л. М. Словаўтварэнне: вучэбны дапаможнік. Мінск : Выш. шк., 1978.
2. Славянская дэрыватаграфія // Нацыянальная акадэмія навук Беларусі; Інстытут мовазнаўства імя Якуба Коласа; Беларускі камітэт славістаў; Камісія па славянскім словаўтварэнні пры Міжнародным камітэце славістаў / нав. рэд.: А. А. Лукашанец. Мінск : Права і эканоміка, 2020.

3. Функцыянальныя аспекты словаўтварэння. Даклады IX Міжнароднай навукавай канферэнцыі Камісіі па славянскаму словаўтварэнню пры Міжнародным камітэце славістаў. Мінск (Беларусь 9–14 кастрычніка 2006 г.) / Інстытут мовазнаўства імя Якуба Коласа НАН Беларусі. Мінск : Права і эканоміка, 2006.

4. Этымалагічны слоўнік беларускай мовы. Т. 2. В / А. Я. Міхневіч, Р. В. Краўчук, І. І. Лучыц-Федарэц і інш.: рэд. В. У. Мартынаў. Мінск : Навука і тэхніка, 1978.

5. *Сцяцко П. У.* Беларускае народнае словаўтварэнне. Мінск : Навука і тэхніка, 1977.

УДК [811.111+811.161.3]’373.221 (045)

**ФИТОНИМИЧЕСКАЯ ЛЕКСИКА
В АНГЛИЙСКОЙ И БЕЛОРУССКОЙ ФРАЗЕОЛОГИИ
(СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АСПЕКТ)**

А. А. Сардарова

*Белорусский государственный университет, Институт бизнеса,
ул. Обойная, 7, 220004, г. Минск, Беларусь, alinasardarova@gmail.com*

Статья посвящена сопоставительному анализу фитонимической лексики в английской и белорусской фразеологии. Проведенный анализ показал, что ассоциативно-образное основание фразеологизма неразрывно связано с культурной информацией лингвокультурного сообщества. Фитонимическая фразеология дает возможность выявить особенности анализируемых лингвокультур, их реалии, ценности, традиции, национальный менталитет

Ключевые слова: фитоним; лингвокультура; фразеологическая единица; коннотативное значение

**PHYTONYMIC VOCABULARY IN ENGLISH AND BELARUSIAN
PHRASEOLOGY (CONTRASTIVE ASPECT)**

A. A. Sardarova

*Belarusian State University, Institute of Business,
Obouynaya St., 7, 220004, Minsk, Belarus, alinasardarova@gmail.com*

The article deals with a contrastive analysis of phytonymic vocabulary in English and Belarusian phraseology. The analysis showed that the associative and metaphoric basis of a phraseological unit is closely connected with the cultural background of a certain linguistic community. Phytonymic phraseology makes it possible to reveal specific features of the analyzed cultural linguistics, their culture-specific elements, values, traditions, national mentality

Keywords: phytonym; cultural linguistics; phraseological unit; connotative meaning.

Специфика мышления и характер восприятия действительности представителями определенной лингвокультуры отражены в совокупности концептов, которые составляют национальную картину мира. Конфликт концептов, сформировавшихся в различных лингвокультурах, на пересечении разных смыслов и ассоциаций, приводит к коммуникативной неудаче. В связи с этим важным направлением лингвистических исследований является сопоставительный анализ концептов, закрепленных во фразеологическом

фонде различных лингвокультур, целью которого является изучение фразеологических единиц сопоставляемых языков как экспонентов национальной культуры и менталитета.

Особый интерес представляет собой фитонимическая фразеология, которая позволяет исследовать особенности культуры народа, его реалии, ценности, традиции, а также национальный менталитет. С этой целью нами были проанализированы 100 английских и 100 белорусских фразеологизмов, содержащих фитонимы, которые были отобраны методом сплошной выборки из фразеологических словарей [1; 2].

Несомненным является тот факт, что в становлении фитонимической лексики большую роль сыграло ассоциативное мышление. Именно это обусловило развитие исследований, направленных на поиск взаимосвязей между явлениями окружающей среды и названиями растений и создание классификаций, в основе которых лежат мотивировочные признаки, несущие объективную информацию об особенностях и свойствах растений. Данный подход сформулирован в классификации В. А. Масловой [3], согласно которой, в основе выделения разновидностей фитонимов лежат признаки вторичной номинации и их коннотативное значение.

Согласно проведенному исследованию, во фразеологизмах английского языка преобладают фитонимы – наименования фруктов и ягод (38 %). Наименьшую группу составляют фразеологизмы с фитонимами – наименованиями цветов (23 %). Во фразеологизмах белорусского языка преобладают фразеологизмы с фитонимами – наименованиями овощей и злаков (55 %). В наименьшую группу входят фразеологизмы с фитонимами – наименованиями цветов (9 %). Рассмотрим данные группы подробнее.

Одним из наиболее частотных английских фитонимов является компонент *apple* ‘яблоко’ в составе фразеологизмов. Некоторые из них основаны на библейских сюжетах, например, *apple of discord* / *apple of eden* – ‘яблоко раздора’, *the apple of one’s eye* – ‘зеница ока’, *the apple of Sodom* – ‘мило, да гнило’, *Adam’s apple* – ‘адамово яблоко, кадык’. Во фразеологизме *big apple* актуализируется значение ‘главная забота, важная часть чего-либо’. Данный фитоним может передавать негативную характеристику человека, например, *a bad / rotten apple* – ‘(дословно) плохое, гнилое яблоко’, ‘подлец, негодяй, паршивая овца’. В английской фразеологии закреплено лечебное свойство, которое придавалось яблоку: *An apple a day keeps the doctor away* – ‘если в день съедать по яблоку, то доктор не нужен’. Тележка с яблоками была характерным признаком сельской местности и рыночной торговли, отсюда фразеологизм *to upset the apple cart* – ‘(дословно) перевернуть тележку с яблоками’, ‘спутать карты’, В

английском языке фитоним **apple** в составе фразеологизма выражает внешнее или внутреннее сходство человека, например, *Apple never falls far from the tree* – ‘яблоко от яблони недалеко падает’.

В белорусской фразеологии также представлены фразеологизмы с фитонимом *яблык*, основанные на библейских сюжетах, например, *адамаў яблык, яблык разладу*. Данный фитоним в белорусском языке выражает меткость и точность, например, *патрапіць/трапіць у (самы) яблычак*, а также большое скопление людей, тесноту, например, *яблыку няма (не было) дзе ўпасці*. Выражение «горькое/кислое яблоко» обладает негативной коннотацией, отсюда негативное значение фразеологизмов *збіць на горкі яблык* и *у кіслы яблык сцерці*. В белорусском языке, также как и в английском, данный фитоним может выражать внешнее или внутреннее сходство, например, *Яблычак ад яблыні далёка не адкочваецца*. Таким образом, можно заметить, что в английских и белорусских фразеологизмах с фитонимом *apple/яблык* сходство наблюдается в библейских сюжетах, а также при выражении внутреннего или внешнего сходства человека.

Английские фразеологизмы с компонентом *cherry* ‘вишня’ содержат положительный оценочный компонент в семантической структуре фитонима, что обусловлено красотой и приятным запахом растения. Такие фразеологизмы могут выражать: беззаботную жизнь, например, *a bowl of cherries* – ‘(дословно) миска с вишней’, ‘беззаботное существование’; хорошую возможность, шанс, например, *the cherry on the cake /a bite of (at) the cherry* – (дословно) ‘вишенка на торте’, ‘кусочек вишни’ – ‘лакомый кусочек, возможность’; иметь самое лучшее, например, *to cherry-pick* – ‘(дословно) собирать вишню’, ‘снимать сливки’. Фразеологизм *to throw a cherry on top* – ‘(дословно) положить вишенку сверху’, означает ‘сгладить неприятное событие, подсластить пилюлю’. Фитоним *cherry* ассоциируется со здоровьем и молодостью, например, *as red as a cherry* – ‘(дословно) красный как вишня’, ‘кровь с молоком’.

В белорусской фразеологии фитоним *маліна* обладает положительным оценочным компонентом в семантической структуре, обусловленным объективными признаками этого растения – приятным запахом и вкусом растения. Фразеологизмы с этим компонентом в белорусском языке выражают приятный вкус, например, *салодкі як маліна*, мелодичный звон, например, *малінавы звон*, беззаботную жизнь, например, *не жыццё, а маліна/разлюлі-маліна*. Фразеологизм *зрабіць нешта за маліну* означает сделать что-то с удовольствием, легко. В белорусском народе всегда было негативное отношение к лени, которое закреплено во фразеологизме *зжыўшы лета ды ў маліны*, то есть не работать, не подготовиться к возможным трудностям. Таким образом, можно сделать

вывод о том, что английский фитоним *cherry* и белорусский *маліна* соотносятся по своему положительному оценочному компоненту.

Значительный лексический слой как английского, так и белорусского языков представлен фразеологизмами, в составе которых присутствуют названия цветов. Возьмем для примера фитонимы *rose* ‘роза’ и *ружа*. В английской фразеологии метафорический перенос основан на природной красоте этого цветка. Роза ассоциируется с чем-то красивым и приятным, поэтому *gather life's roses* – ‘(дословно) собирать розы жизни’, означает ‘жить в свое удовольствие’; *life is like a bed of roses/ like a rose garden* – ‘(дословно) жизнь как клумба с розами/ как розарий’, ‘беззаботная, легкая жизнь’. С розой связываю здоровье, здоровый цвет лица, например, *have roses in one's cheeks* – ‘(дословно) иметь розы на щеках’, ‘иметь румянец во всю щеку’, женскую красоту, например, *(as) fresh as a rose* – ‘свежа, как роза’, *(beautiful) like a rose* – ‘красива как роза’. Английскую леди сравнивают с розой, например, *English rose* – ‘английская роза’, ‘настоящая английская леди’. Но в английской фразеологии содержится напоминание о том, что все хорошее может иметь свои отрицательные стороны, например, *no rose without a thorn* – ‘нет розы без шипов’.

В белорусской фразеологии фитоним *ружа* ассоциируется с красотой, причем как женской, так и мужской, например, *цвесці як ружа, як ружа-квята, хлопец як ружа, як ружа у крапіве*, т.е. один парень среди девушек. Цвет розы также имеет положительную коннотацию, например, *чырвоны як ружа*, то есть красивый красный цвет.

В английской фразеологии фитоним *daisy* ‘маргаритка’ противопоставляется фитониму *rose* ‘роза’ по оценочному признаку «роскошное, необычное – простое, незаметное», например, *in a world full of daisies it's hard to be a rose* – ‘(дословно) в мире полном маргариток, трудно быть розой’; *daisies that bring you joy are better than roses that bring you sorrow* – ‘(дословно) маргаритки, которые доставляют радость, лучше, чем розы, которые доставляют грусть’. Фитоним *daisy* ‘маргаритка’ может иметь отрицательную коннотацию, что связано с шотландским эпосом, в котором говорится о маргаритке, которая была принесена на землю ангелом и посажена на могиле безвременно погибшего юноши [4]. Поэтому фразеологизмы *under the daisies* – ‘(дословно) под маргаритками’ означает ‘быть в могиле’, *push up daisies* – ‘(дословно) поднять вверх маргаритки’, т.е. ‘быть похороненным’.

В белорусской фразеологии фитонимом, который является неофициальным национальным символом и в большей степени характеризует природу и ценности народа, является *васілёк*. Поговорка *Няма цвяточка лепш васілёчка* выражает отношение белорусов к этому цветку. С ним

связано множество легенд. Согласно некоторым, васильки растут в поле, где работали крестьяне. Они видели этот красивый и нежный цветок и понимали, что в жизни есть красота, поэзия. Другая версия утверждает, что василек олицетворяет сам народ, такой же скромный, и дружелюбный [5]. Во фразеологии закрепились сравнения *сціплы як васілёк, шмат як васількоу у полі, сіні як васілёк*. Как утверждают хлеборобы, синий василек растет только среди ржи, а если встретится в другом месте – значит, когда-то здесь было ржаное поле. Это утверждение закрепились во фразеологии, *няма жыта без васілька*.

Проведенный анализ показал, что ассоциативно-образное основание фразеологизма неразрывно связано с культурной информацией того или иного лингвокультурного сообщества, оно дает возможность судить о национальной логике и национальной оценке мира. Через фразеологию языковая память народа хранит и воспроизводит культурное наследие, ассоциации и символы, которые важны для культурной идентификации каждой отдельной лингвокультуры. Для успешной межкультурной коммуникации необходимо знать и учитывать национально-специфические особенности ментальности, зафиксированные во фразеологическом фонде определенной лингвокультуры.

Библиографические ссылки

1. Англо-русский фразеологический словарь / А. В. Кунин; лит. ред. М. Д. Литвинова. 4-е изд., перераб. и доп. М. : Рус. яз., 1984.
2. Слоўнік фразеалагізмаў : у 2 т. / І. Я. Лепешаў. Мінск : Беларус. Энцыклапедыя імя П. Броўкі, 2008. Т. 2. М–Я.
3. Маслова В. А. Основы фразеологии. М. : Высшая школа, 2004.
4. Левин Ю. Д. «Поэмы Оссиана» Джеймса Макферсона. Л. : Наука, 1983.
5. Руденко Е. Н. Этнолингвистика без границ. Введение в лингвистическую антропологию. Минск : БГУ, 2014.

УДК 811.161.1

КОМПОНЕНТНЫЙ СОСТАВ УСТОЙЧИВЫХ СРАВНЕНИЙ КАК ПРОБЛЕМНЫЙ АСПЕКТ ФРАЗЕОГРАФИИ

Н. Н. Скворцова

*Белорусский государственный университет,
ул. К. Маркса, 31, 220030, г. Минск, Беларусь, nattalika08@mail.ru*

В статье рассматривается проблема установления компонентного состава устойчивых сравнений – фразеологизмов особого структурно-семантического типа. Акцентируется внимание на том, что противоречивые взгляды фразеологов на компонентный состав устойчивых сравнений отразились на выборе способов их словарной презентации; это, в свою очередь, определяет актуальность таких вопросов, как выделение инварианта устойчивого сравнения; многозначность и «псевдомногозначность» устойчивых сравнений; отношения между устойчивым сравнением как единицей языка, функционирующей во всем разнообразии своих формальных проявлений, и устойчивым сравнением как словарной единицей.

Ключевые слова: устойчивое сравнение; компаративный фразеологизм; компонентный состав; семантика; фразеография.

THE COMPONENT COMPOSITION OF SET COMPARISONS AS A PROBLEMATIC ASPECT OF PHRASEOGRAPHY

N. N. Skvortsova

*Belarusian State University,
31 Karl Marks St., 220030, Minsk, Belarus, nattalika08@mail.ru*

The article deals with the problem of defining the component composition of set comparisons – phraseological units of a special structural and semantic type. The contradictory views of phraseologists on the component composition of set comparisons were reflected in the choice of ways to represent them in dictionaries. This, in turn, makes relevant the problems of defining the invariant of a set comparison; of polysemy of set comparisons; of the relationship between a set comparison as a unit of language functioning in all its variety of formal manifestations, and a set comparison as a dictionary unit.

Keywords: set comparison; comparative phraseology; component composition; semantics; phraseography.

Изучение устойчивых сравнений представляет собой зону пересечения интересов фразеологов, лексикографов, синтаксистов, лингвокультурологов, фольклористов, переводчиков, и по праву любой аспект их

(устойчивых сравнений) исследования может составить предмет отдельной дискуссии.

В силу специфики «плана выражения» и «плана содержания», а также ввиду выделения лингвистами тех или иных дифференциальных признаков единиц этого особого структурно-семантического типа фразеологизмов устойчивые сравнения обозначаются в исследованиях как «компаративные фразеологизмы» (или «компаративные фразеологические единицы»), «устойчивые сравнительные обороты», «устойчивые компаративные структуры», «сравнения-фразеологизмы», «компаративные идиомы», «фразеокомпаративы», etc. и до настоящего времени сохраняют за собой статус «проблемной зоны» во фразеографии, причем как теоретической, так и практической. Не случайно любая классификация устойчивых сравнений и любая схема их словарного описания, по мнению фразеологов, не могут быть ни вполне удовлетворительными, ни вполне исчерпывающими. И все же при наличии противоречивых взглядов лингвистов на эти фразеологические единицы бесспорным является то, что «образ, выражаемый устойчивым сравнением, <...> всегда национально оригинален, логически <...> безукоризнен» [1, с. 70]. Это подтверждается многочисленными сопоставительными исследованиями, в том числе на материале разноструктурных языков.

На фоне широко представленных социокультурных сторон изучения компаративно-фразеологического фонда русского языка тезис о необходимости углубленной разработки формального аспекта устойчивых сравнений (с союзом – компаративным маркёром – *как* и синонимичными ему *будто, словно, точно, как будто*), выступающих объектом теоретической и практической фразеографии, может показаться неубедительным. Таковую оценку подкрепляет тот факт, что объем русскоязычных статей, в которых рассматривается структурная организация устойчивых сравнений, давно стал неизмеряемым. Как бы то ни было, понятие формы любого фразеологизма продолжает оставаться в фокусе пристального внимания, поскольку включает различные стороны его «внешней» характеристики, т. е. охватывает и собственно состав компонентов, и границы фразеологической единицы в рамках того или иного контекста, и вариантность (варьирование) компонентов, и их факультативность, и структурную организацию фразеологизма.

Казалось бы, к настоящему времени, т. е. ко времени уже состоявшегося широкого словарного портретирования устойчивых сравнений,¹

¹ См., к примеру, словари, в которых устойчивые сравнения либо даны наряду с другими структурными типами фразеологизмов, либо являются специальным объектом систематизированного фразеографического представления: «Фразеологический словарь русского языка» под редакцией А. И. Молоткова, выдержавший несколько изда-

не должно остаться ни «белых пятен», ни «горячих точек» на лингвистической карте компаративных фразеологизмов, но на проверку некоторые проблемные вопросы либо оказываются в категории априори не решаемых, либо рассматриваются исследователями в рамках частного (более или менее убедительного) выбора того или иного варианта решения. Следует подчеркнуть, что факт различного представления устойчивых сравнений во фразеологических словарях объясняется совокупностью факторов: расхождением во взглядах на компонентный состав, фразеографической концепцией словаря, широкой или узкой адресностью, категорией адресата и др.

Считается, что толкование фразеологизмов представляет наибольшую трудность на фоне иных теоретических и практических проблем фразеографии. Избежать предельно обобщенных (упрощенных) дефиниций, равно как и отказаться от «излишне дробного», по словам В. Г. Мокиенко и Т. Г. Никитиной [2, с. 6], препарированного толкования, – всё же отнюдь не безнадежная задача составителей современных фразеологических словарей. Однако в отношении устойчивых сравнений дело их словарной обработки, включающей вокабульное выражение, семантизацию, стилистическую характеристику, подбор иллюстративных («оправдательных», по В. М. Огольцеву) примеров, комментарии особенностей функционирования, историко-временную справку (по возможности), многократно осложняется ввиду специфики логико-компаративной организации устойчивых сравнений и той неразрывной связи, которая устанавливается между объемом фразеологической семантики и компонентным составом со всеми его видоизменениями.

Вопрос о компонентном составе² компаративных фразеологизмов со сравнительными союзами (как и вообще любых фразеологиче-

ний и к настоящему времени исчерпавший свой потенциал и для теории, и для практики, но имеющий неоспоримую лингвистическую ценность; двухтомный «Фразеологический словарь русского литературного языка» А. И. Федорова; «Большой словарь русских поговорок» В. Г. Мокиенко и Т. Г. Никитиной; двухтомный «Фразеологический словарь современного русского литературного языка» под редакцией А. И. Тихонова; аспектные словари компаративных фразеологизмов: словарь-справочник «Постоянные сравнения русского языка» Л. А. Лебедевой (1975; 1994), словарь устойчивых сравнений для учащихся национальных школ «Устойчивые сравнения русского языка» В. М. Огольцева (1992), «Краткий словарь устойчивых сравнений русского языка» В. М. Огольцева (1994), «Большой словарь русских народных сравнений» тезаурусного типа В. Г. Мокиенко и Т. Г. Никитиной; тематический словарь устойчивых сравнений Л. А. Лебедевой, в котором представлен один из возможных вариантов их идеографической классификации; синонимо-антонимический «Словарь устойчивых сравнений русского языка» В. М. Огольцева.

² Под компонентным составом фразеологических единиц принято понимать совокупность лексико-грамматических средств, необходимых для реализации устойчивого,

ских единиц) – особенно при его рассмотрении во фразеографическом аспекте – является наиболее острым и уязвимым для критики и одним из ключевых вопросов, определяющих специфику устойчивых сравнений как единиц фразеологии, ведь, как известно, в качестве воспроизводимой языковой единицы любой фразеологизм всегда выступает как определенное структурно-семантическое целое.

Прежде чем рассмотреть конкретные проблемные зоны в рамках заявленной темы, необходимо остановиться на двух взаимно и тесно связанных вопросах: во-первых, степени слитности фразеологизма со словами контекста, а во-вторых, логико-компаративной структуре устойчивого сравнения с соответствующими союзами.

1. Как известно, фразеологизмы имеют неодинаковую степень связанности, «спаянности» со словами окружающего контекста. В качестве примера А. И. Молотков приводил (наряду с фразеологизмом *денег куры не клюют* и другими единицами) сочетание *как в воду глядел* ('будто знал заранее'). Особенность этого сочетания в том, что оно перестает быть устойчивым сравнением в том случае, если употребляется без союза *как* или с любым другим словом. Такие слова, как отмечал фразеолог, неотъемлемы от самого фразеологизма в любых условиях его употребления, хотя они и не входят в его компонентный состав, образуя лишь «обязательное словесное окружение фразеологизма» [4, с. 21]. Объективно говоря, определение компонентного состава фразеологических единиц характеризуется рядом затруднений, связанных с отграничением компонентов от слов контекста, «разорванностью» фразеологизма на уровне предложения и даже микротекста, с явлением «варьирования во фразеологизме», по А. И. Молоткову (оно проявляется по-разному: от заменяемости одного компонента до заменяемости всех), наконец, с факкультативностью компонентов (опущение их в одних случаях и сохранение – в других).

2. Говоря о логико-компаративной структуре устойчивого сравнения с соответствующими союзами, целесообразно привести так называемую «полную логическую формулу сравнения», которая включает:

– *субъект сравнения* (что или кто подвергается сравнению; «тема сравнения», «предмет сравнения», «первый компарат»);

закрепленного языковой традицией содержания, это – «материальная основа» фразеологизмов [3, с. 62]. Понятие «компонентный состав фразеологизма» не тождественно понятию «границы фразеологизма» [4, с. 10], хотя оба иногда употребляются недифференцированно (например, в [5, с. 6]). Компонентный состав, наряду со значением фразеологизма и наличием грамматических категорий, А. И. Молотков относил к категориальным, или определяющим, признакам фразеологических единиц [4, с. 8].

– *основание сравнения* (тот признак, который связывает сравниваемые предметы, «критерий сравнения», *tertium comparationis*, или «третье сравниваемое»);

– *объект сравнения* (с чем или с кем сравнивается субъект; «образ сравнения»; «эталон сравнения»; «образный центр сравнения»; «второй компарат»);³

– *показатель сравнения* (элемент, вводящий объект сравнения; «оформитель сравнения», «модус сравнения», «компаратор»): сравнительный союз *как* и/или его синонимы.

Например: *дом* (субъект сравнения) *маленький* (основание сравнения) *как* (показатель / оформитель сравнения) *собачья конура* (объект сравнения); *парень* (субъект сравнения) *длинноногий* / *шагает* (основания сравнения) *как* (показатель / оформитель сравнения) *аист* (объект сравнения). В русском языке есть фразеологизмы с особой направленностью компаративной связи (с опосредованными, вторичными элементами сравнения, по В. М. Огольцеву), например: *человек боится чего-л./кого-л. как черт лаdana*; *человеку поможет нечто как мертвому припарки*. Иногда основание сравнения не может быть выделено в силу сложности денотативно-сигнификативного содержания устойчивого сравнения (например, *как с луны свалился*).

В своих специальных словарях В. М. Огольцев представляет логико-компаративную структуру устойчивых сравнений как двухчастную, выделяя «сравнительную часть» и «сопроводительную часть» (последняя может быть представлена «словом-сопроводителем» или «синонимическим рядом слов-сопроводителей» / «компаративно-синонимическим рядом») [6, с. 8; 7, с. 5]. Сравнительная часть состоит из союза *как* (*словно, точно, будто*) и слова или словосочетания, обозначающего предмет, с которым осуществляется сравнение: *задиристый как петух*, а сопроводительная часть выражает общий признак сравниваемых предметов, т. е. является основанием сравнения (*tertium comparationis*): *задиристый как петух* [6, с. 8]. Сравнительную и сопроводительную части устойчивых сравнений также называют «правой» и «левой» соответственно (Л. А. Лебедева, А. В. Элмасын, А. О. Долгова и др.).

Основание сравнения может быть разложимым и неразложимым. Действие или состояние, в отличие от качества предмета, часто оказывается разложимым основанием, которое выступает в двух проявлениях, находящихся в отношениях иерархии: в виде первичного основания – действия, выраженного глаголом, и вторичного основания – признака действия, выраженного наречием (например, *расти быстро как грибы*

³ Этот непосредственный элемент сравнения может называться также «субъектом сравнения» [6, с. 8].

<после дождя>). Синонимический ряд отражает реальное функционирование устойчивого сравнения. Так, ряд из семи производимых слов-сопроводителей иллюстрирует семь структур на уровне речи, например: *радоваться как маленький, резвиться как маленький, плакать как маленький, бояться как маленький, рассуждать как маленький, верить как маленький, обижаться как маленький* [6, с. 334].

Так с чем же связан спорный характер вопроса о компонентном составе устойчивых сравнений? Во-первых, с расхождениями во взглядах на статус *tertium comparationis* в границах компаративного фразеологизма (компонент состава или «обязательное словесное окружение»); во-вторых, с отражением в словарях устойчивого сравнения как фразеологической единицы особого структурно-семантического типа (в частности, с количеством компонентов и отнесением тех или иных слов к факкультативным компонентам). И то и другое, по сути, раскрывает проблему отношений (тождество или соотношение) между устойчивым сравнением как функционирующей фразеологической единицей и устойчивым сравнением как словарной единицей,⁴ требует уточнения формы так называемого «инварианта устойчивого сравнения», наконец, имеет значение для разработки принципов составления двуязычных и многоязычных толковых словарей данных единиц.

Различия в точках зрения на статус *tertium comparationis* в границах компаративного фразеологизма сводятся к введению «третьего сравниваемого» в компонентный состав устойчивого сравнения (А. В. Кунин, Н. Н. Амосова, К. М. Гюлумянц, К. Б. Восилите, Л. Н. Воробьева, В. Кювлиева-Мишайкова, В. М. Мокиенко – с оговоркой о некоторых отступлениях от данного принципа во фразеографической практике [см. 8, с. 717], Л. А. Лебедева, И. В. Холманских и мн. др.) или, наоборот, исключению из состава компонентов (Н. М. Шанский, А. И. Молотков, В. П. Жуков, Н. З. Котелова, К. Ничева и др.). С одной стороны, критерий сравнения (зачастую с семой интенсивности) уже закреплён в коллективном сознании говорящих, а потому в конкретных речевых условиях не нуждается в выражении: *как снег* – белый, *как мед* – сладкий, *как рак* – красный, *как трубочист* – грязный. Сравним: *У него глаза как у орла* (очень зоркие), *ноги как палки* (очень тонкие). С другой стороны, для внушительного числа компаративных фразеологизмов их сравнительная (правая) часть вне сочетания с основанием сравнения, действительно, оказывается семантически неопределённой и синтаксически не-

⁴ Так, адъективные компаративные фразеологизмы (с основанием сравнения – качественным признаком, выраженным прилагательным), например *как гора*, попадают в словари в усечённой форме, т. е. без основания сравнения, хотя основание сравнения остаётся неотъемлемым компонентом состава [5, с. 9].

достаточной, например: *как утка* – *ходить* (переваливаясь с боку на бок, с ноги на ногу); *плавать, нырять* (хорошо, ловко); *прожорливый; умный* (иронически о глупом человеке) [6, с. 713–714]. Сравним: *как волк* – *голодный; злой; одинокий, один; есть; смотреть, глядеть; выть* [6, с. 103]. Кроме того, устойчивые сравнения могут характеризоваться «нетипичной связью» между основанием сравнения и образом-эталоном, что отмечается не только на материале русского языка, но и других языков, например немецкого [9, с. 58]. Иными словами, говорить в подобных случаях о реализации в речи закрепленного в коллективном сознании общего признака сравниваемых предметов как признака частного (или частных) вряд ли возможно. Весомым аргументом представителей второй точки зрения выступает факт речевой реализации устойчивого сравнения в основном в такой – «полнокомпонентной» – форме. Основание сравнения, как считает И. В. Холманских, является «структурным стержнем» компаративного фразеологизма [10, с. 178]. По мнению Л. А. Лебедевой, при словарном описании вообще все три семантически значимых элемента логико-компаративной структуры устойчивого сравнения (субъект, основание и объект) должны найти отражение – «прямо (в заголовочной части словарной статьи) или косвенно (через название тематического поля и/или толкование)» [11, с. 4], и именно от решения вопроса о компонентном составе устойчивого сравнения зависит его языковое параметрирование в качестве словарной единицы: представление в заголовочной части словарной статьи, отражение синтагматики компонентов, выбор формулы словарной дефиниции [там же].

Можно выделить и третий подход, последователи которого не разделяют радикальных взглядов на включение-невключение основания сравнения в компонентный состав компаративных фразеологизмов (А. В. Элмасын и др.). Условно «компромиссной» точки зрения придерживается и В. М. Огольцев: *tertium comparationis* может либо входить в состав устойчивого сравнения, либо оставаться за его пределами, о чем фразеолог писал еще в первом издании монографии [1]. Подчеркивая значимость данного элемента логико-компаративной структуры устойчивых сравнений и специфику его проявления в речи, В. М. Огольцев, тем не менее, оставляет в стороне вопрос о «компонентной» принадлежности *tertium comparationis* и предлагает своего рода Соломоново решение: закрепляет за основанием сравнения статус сопроводительной части (слова-сопроводителя или компаративно-сопроводительного ряда), по-разному, однако, представленной в его словарях [7; 6]. Сравним: *упрямый как баран; упираться (упереться) как баран* (две словарные единицы) [7, с. 14] и полисемант *как баран* – 1. Курчавый, кудрявый, кучерявый; 2. Глупый; 3. Глядеть, смотреть; уставиться; 4. Упираться [6, с. 44].

Разноречивые оценки компонентного состава устойчивых сравнений не могли не отразиться на результатах их словарного описания: многочисленные издания по-разному фиксируют эти фразеологические единицы. Так, в «классическом» «Фразеологическом словаре русского языка» под редакцией А. И. Молоткова в преимущественной части устойчивых сравнений *tertium comparationis* не входит в компонентный состав и даже не обозначается как «обязательное словесное окружение» (неотъемлемое в любых случаях употребления фразеологизма, но не входящее в компонентный состав). Например: *как картинка, как сапожник, как собака, как стеклышко, как черепаха; как две капли воды* [4]. Сравним: *глуп как сивый мерин* (*глуп* образует «обязательное словесное окружение»), также устойчивые сравнения *нужен как собаке пятая нога, беден как церковная крыса, как лунь седой, как осиновый лист дрожит*; но в то же время *надулся как мышь на крупу, биться как рыба об лед, вертеться как белка в колесе* [там же].

Более того, включение-невключение в компонентный состав того или иного слова касается не только основания сравнения, но и сравнительного союза. Как было отмечено выше, сочетание *как в воду глядел* («будто знал заранее») перестанет быть устойчивым сравнением в том случае, если будет употреблено без союза *как* или с любым другим словом. Между тем союз, согласно словарной статье, не входит в компонентный состав: ему придан статус «обязательного словесного окружения» [4, с. 108]. Однако в компаративном фразеологизме *как в воду глядел* сравнительный союз не изымаем точно так же, как и в других устойчивых сравнениях, в которых он входит в компонентный состав, например: *как в аптеке, как две капли воды*.

Сравним представление в различных словарях некоторых компаративных фразеологизмов: *беден, как церковная крыса, мышь* [12, с. 39] и *беден как церковная крыса (мышь)* [4, с. 216]; *как баран на новые ворота (уставиться, смотреть)* [13, с. 61], *как баран на новые ворота (смотреть, уставиться)* [7, с. 44] и *как баран на новые ворота, вылупиться (лыбиться) как баран на новые ворота, смотреть (глядеть, уставиться) как баран (бараном), смотреть как баран на новые ворота* [14, с. 33–34]; *белый, как мел, как бумага* [12, с. 43] и *как мел* – 1. *Белый* (о предмете, веществе, массе); 2. *Белый, бледный; побелеть, побледнеть* (о человеке) [6, с. 347]; *гол как сокол* [4, с. 111; 6, с. 626] и *гол как сокол, а остёр как бритва; с луны свалился* [2, с. 373], *как с луны свалился (упал)* [4, с. 411] и *как с луны свалился* [6, с. 331]; *как с гуся вода* [12, с. 294] и *как с гуся вода, небывалые слова* [15, с. 139]; *как собака на сене* [6, с. 623] и *как собака на сене <лежит>: <и> сама не ест и другим не дает* [15, с. 139].

Касательно вышеперечисленных иллюстративных примеров и им подобных позволим себе два дополнения.

Первое. Стремление избежать так называемой «псевдомногозначности» и определение *tertium comparationis* как компонента, непосредственно участвующего в формировании целостного значения всего устойчивого сравнительного оборота, лежит в основе разработки вокабульных гнезд «Большого словаря русских поговорок» и «Большого словаря русских народных сравнений» В. Г. Мокиенко и Т. Г. Никитиной. Задача представления устойчивых сравнений во всей полноте их речевых реализаций (что, несомненно, является одним из необсуждаемых преимуществ данных словарей) не позволяет, тем не менее, избежать некоторых противоречий в словарном описании устойчивых сравнений.

Второе. Сложность семантической структуры устойчивых сравнений (многозначность *vs* «псевдомногозначность») требует и соответствующей модели словарного описания. Такой подход к представлению устойчивых сравнений реализован в синонимо-антонимическом толковом словаре устойчивых сравнений В. М. Огольцева [6]. Эта сложность связана не только с употреблением компаративных фразеологизмов с разными *tertium comparationis*, а по сути, в разных значениях, но и с семантической разложимостью (или неразложимостью) основания сравнения и с выделением созначений. Так, словарная единица **как кошка** имеет 11 значений, причем как с неразложимыми, так и разложимыми основаниями сравнения [6, с. 288–291], **как собака** – 15 значений [6, с. 615–619]; **как индюк** – 2 созначения: 1.1. **Надутый**, *важный*. Недовольно-спесивый, тупой, самодовольно-глупый. 1.2. **Надуться** (*дуться, надутый*). Обижаться на кого-либо [6, с. 615–619]; **как снег на голову** – 4 созначения [6, с. 612–613] и др. Это позволяет избежать спорных оценок в статусе слов, формирующих границы устойчивого сравнения (компонент / некомпонент фразеологизма; обязательный / факультативный компонент), но и наиболее полно представить семантическую структуру компаративных фразеологизмов со сравнительными союзами.

Обобщая наблюдения над словарной презентацией устойчивых сравнений, можно сказать, что все-таки ни один аспект их фразеографии не включает столько спорных вопросов, как компонентный состав. «Определение состава компонентов фразеологизма – это во всех случаях определение по существу самого фразеологизма. Легко понять поэтому, насколько оно принципиально важно для каждого фразеологизма: любые неточности в этом смысле искажают представление о самом фразеологизме» [3, с. 66]. Об этом еще в 1970-е годы писал А. И. Молотков, и его слова, как показывает фразеографическая практика, не потеряли своей актуальности.

Библиографические ссылки

1. *Огольцев В. М.* Устойчивые сравнения в системе русской фразеологии. Л. : Изд-во Ленингр. ун-та, 1978.
2. *Мокиенко В. Г., Никитина Т. Г.* Большой словарь русских поговорок. М. : ЗАО «ОЛМА Медиа Групп», 2007.
3. *Молотков А. И.* Основы фразеологии русского языка. Л. : Наука, 1977.
4. Фразеологический словарь русского языка / Л. А. Войнова [и др.]; под ред. А. И. Молоткова. Изд. 4-е, стереотипн. М.: Рус. яз., 1987.
5. *Воробьева Л. Б.* Русские устойчивые сравнения в сопоставлении с литовскими: специфика образности: канд. филол. ... наук : 10.02.01. Псков, 2002.
6. *Огольцев В. М.* Словарь устойчивых сравнений русского языка (синонимо-антонимический). М. : Русские словари; Астрель; АСТ. 2001.
7. *Огольцев В. М.* Устойчивые сравнения русского языка: пособие для уч-ся нац. шк. СПб. : Отд-ние изд-ва «Просвещение», 1992.
8. *Николаева Е. К.* Вариантность устойчивых сравнений в теории и лексикографической практике // Проблемы истории, филологии, культуры. 2009. № 2 (24). С. 713–717.
9. *Иванченко Т. А.* Национальная специфика устойчивых сравнений немецкого языка с компонентом-зоонимом // Филологический аспект. Междунар. науч.-практ. журнал. 2023. № 06 (98). С. 56–65.
10. *Холманских И. В.* Компаративные фразеологические единицы с компонентом-зоонимом: на материале русского и болгарского языков : 10.02.01. Тюмень, 2000.
11. *Лебедева Л. А.* Устойчивые сравнения русского языка во фразеологии и фразеогрфии: дис. ... докт. филол. наук : 10.02.01. М., 1999.
12. *Королькова А. В., Ломов А. Г., Тихонов А. Н.* Фразеологический словарь современного русского литературного языка: в 2 т.; под ред. проф. А.И. Тихонова. М. : Флинта: Наука, 2004.
13. Словарь русского языка: в 4 т. / под ред. А. П. Евгеньевой. Изд. 3-е, стереотипн. М.: Рус. яз., 1981. Том 1.
14. *Мокиенко В. Г., Никитина Т. Г.* Большой словарь русских народных сравнений. М. : ЗАО «ОЛМА Медиа Групп», 2008.
15. *Жуков В. П.* Словарь русских пословиц и поговорок. Изд. 7-е, стереотипн. М.: Рус. яз., 2000.

СЕКЦИЯ V ПРОБЛЕМНЫЕ ВОПРОСЫ ОБУЧЕНИЯ ИНОСТРАННЫМ ЯЗЫКАМ

УДК 811.11-112:409

ДИСКУРС-АНАЛИЗ ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНЫХ ВКЛЮЧЕНИЙ В МАТЕРИАЛАХ СМИ: ВЗГЛЯД ЧИТАТЕЛЯ

Э. М. Аникина

*Сибирский государственный университет путей сообщения,
ул. Д. Ковальчук, 191, 630049, г. Новосибирск, Россия, elina_anikina200@mail.ru*

Статья является частью исследовательского проекта о том, как интертекстуальность воспринимается читателями медиатекстов. Основное внимание в статье уделяется тому, как интертекстуальные ссылки распознаются, интерпретируются и заменяются респондентами EFL. Результаты опроса дают представление о том, как интертекстуальность воспринимается респондентами.

Ключевые слова: интертекстуальность; медиадискурс; явления, связанные с прецедентами.

DISCOURSE ANALYSIS OF INTERTEXTUAL INCLUSIONS IN MEDIA MATERIALS: A READER'S VIEW

E. M. Anikina

*Siberian Transport University,
191 D. Kovalchuk, 630049, Novosibirsk, Russia, elina_anikina200@mail.ru*

The article is a part of a research project on how intertextuality is perceived by readers of media texts. The focus of the article is on how intertextual references are recognized, interpreted, and substituted by EFL respondents. The results of the survey provide insights into how intertextuality is perceived by respondents.

Keywords: intertextuality; media discourse; precedent-related phenomena.

Хотя существует обширная лингвистическая литература по интертекстуальности (Allen 2011 [1]; Bauman 2004 [2]; Hodges 2015; Wiggins 2020), большинство исследований сосредоточено на интертекстуальности как литературной категории (Coffee 2018 [3]; Trivedi 2007).

Мы самостоятельно проводили исследование с 1998 по 2004 год, в котором конкретно затрагивался вопрос о том, как интертекстуальность

понимается читателем [4, с. 172–180]; среди зарубежных исследователей нам удалось найти только один опрос [5] о возможном влиянии осознания интертекстуальности на процесс чтения. Однако это исследование не может ответить на некоторые вопросы, которые приходят на ум, когда думают об интертекстуальности и читателе. Таким образом, учитывая пробел в исследованиях, настоящее исследование направлено на то, чтобы ответить на следующие вопросы:

(1) Если читатель видит ссылку на другой текст, обязательно ли он воспринимает ее как таковую?

(2) Если читатель не видит связи с другим текстом, помешает ли это ему/ей попытаться достичь интерпретации высказывания, содержащей неявные ссылки на другие тексты?

(3) Существует ли какое-либо соответствие между «узнаваемостью» определенной интертекстуальной отсылки и попытками ее определения и/или замены?

Следовательно, цель настоящего исследования – найти ответы на эти вопросы и внести больше ясности в заведомо двусмысленную категорию интертекстуальности с точки зрения читателей. Как уже говорилось выше, интертекстуальность традиционно изучается в литературе, но нашим намеренным решением было изучить, как она воспринимается реципиентами медиатекстов. Когда авторы медийных статей вставляют в свои тексты интертекстуальные фрагменты, их очевидным намерением является придать тексту цвет или выразительность, в то же время ожидая, что читатель сразу распознает отсылку и в конечном итоге уловит предполагаемый смысл высказывания. Учитывая это, мы разработали опрос, который поможет нам выяснить, как интертекстуальные отсылки воспринимаются читателями медиатекстов. Группе респондентов была показана подборка отрывков из современных медиатекстов, их ответы записаны и проанализированы. Важно отметить, что участниками этого исследования были представители поколения, родившиеся в период с 1995 по 2005 год. По словам Davies [6], их жизнь была окружена средствами массовой информации и технологиями. Кроме того, Doherty утверждает, что это поколение очень увлечено интертекстами и паратекстами бродвейских шоу, поскольку они были предметом исследования. Более того, Allen [1] дает понимание того, как читатель воспринимает текст, будучи критически настроенным по отношению к его значению и заново изобретая его интерпретацию.

Интерпретировать текст, обнаружить его смысл или значения — значит проследить эти отношения. Таким образом, чтение становится процессом перемещения между текстами. Смысл становится чем-то, что существует между текстом и всеми другими текстами, к которым он от-

носится, выходя из самостоятельного текста в сеть текстовых отношений. Текст становится интертекстом [1, с. 1].

В нашем случае представленное исследование учитывает поколенческие характеристики респондентов, чтобы сделать выводы о взгляде читателей на интертекстуальность в СМИ.

В этом исследовании мы попытались расширить ограниченный интерес читателей к взглядам читателей на интертекстуальность, опросив 522 молодых респондента. В частности, нас интересовало, смогут ли читатели распознать, интерпретировать, заменить ссылку или не смогут этого сделать. В случае, когда читателю не удалось связать ссылку с другим текстом, мы хотели знать, сможет ли он еще понять смысл содержания. Мы обсудили несколько возможных цитат из разных англоязычных СМИ, и использовали в опросе следующие шесть примеров:

1) This is how I, a little girl from Iran, came to know and love France, through a little prince and a fox (*The Guardian* July 22, 2016)

2) "I had initially conceived this as a movie like 'Super Size Me,' in which I'm the subject of this experiment to expose the failure of antidoping systems," Mr. Fogel said in a phone interview (*The New York Times*, Aug.3, 2017).

3) Bart De Wever, leader of the Flemish rightwing N-VA party, called Rousseau "one of those typical Icarus figures who is flying straight towards the sun," saying that "he has created a movie star-like status around himself, and he [was] politically successful with that (*The Brussels Times*, Nov. 21, 2023)

4) Two months after declaring that he would be coming back as the Man of Steel, the British actor Henry Cavill has announced he will not be returning to the role after all, giving way to another, younger Superman (*The Times*, Dec. 16, 2022)

5) Big Brother is watching workers, even at home. Surveillance software soared along with home working during the pandemic but it can monitor staff in the office too (*The Sunday Times*, Jan. 30, 2024)

6) Because everything about this war defies reason, it's lately had me thinking about 'Sophie's Choice'. <...> Entering the death camp with her son and daughter, Sophie is forced to choose which of them will go to the gas chamber (*Pittsburg Jewish Chronicle*, Nov. 30, 2023).

Из-за характера исследовательских вопросов в этом исследовании данные опроса имели качественные типы вопросов. Однако для целей настоящей статьи мы анализировали только количественные результаты. Качественные результаты выходят за рамки настоящей статьи.

Результаты исследования свидетельствуют о том, что участники, распознавшие ссылку, также обычно могли ее определить (64 %) и заме-

нить (61 %). Однако мы также заметили, что замена происходила реже, чем определение явления. Это могло быть связано с тем, что участники считали примеры самодостаточными или образцовыми, и, следовательно, их трудно заменить. Из данных также видно, что читатели, заявляющие, что осознают это явление, зачастую не могут дать определение (14 %) или замену (11 %). Однако некоторые из тех, кто не признавал интертекстуальность, все же пытались дать определение (36 %) или заменить его (31 %). Этот вывод подтверждает нашу вторую гипотезу: даже если они не воспринимаются как ссылки на другие тексты, читатели все еще способны попытаться интерпретировать их в данном контексте.

Что касается первой гипотезы, мы намеревались понять, обязательно ли интертекстуальные отсылки считаются таковыми. По результатам опроса мы видим, что среди респондентов, не распознавших интертекстуальные ссылки, все же 54 % пытались определить, а 31 % попытались заменить их в контексте. В рамках этих ответов следует провести тщательный качественный анализ, чтобы увидеть, дали ли эти попытки определения и замены результаты, аналогичные традиционным.

В настоящее время в приведенных цифрах мы видим, что, несмотря на заявления о нераспознавании интертекстуальных ссылок во фрагментах медиатекстов, около 40 % респондентов способны дать либо определения, либо замены. Это говорит о том, что интертекстуальные отсылки не обязательно признаются таковыми, но их значение все равно может быть известно получателю.

Еще одним результатом исследования стало несоответствие между признаниями и определениями (20 %) и признаниями и заменами (10 %). Одним из возможных объяснений может быть то, что респонденты признали «неправильный» сегмент интертекстуальным. Однако значительное увеличение количества неудачных определений по сравнению с неудачными заменами (с 10 % до 20 %) может свидетельствовать о том, что респонденты лучше осведомлены о значении интертекстуального определения ссылки, чем они готовы заменить ее в этом контексте. Это показатель статуса прецедентных явлений как образцов или образцовых языковых выражений в определенном культурном сообществе. Другими словами, говорящих, пытающихся дать определение явлению, в два раза больше, чем тех, кто готов заменить его другим выражением. Это может быть связано с тем, что любой вид перефразирования будет уступать идее, высказанной в определенном контексте с прецедентным явлением.

Общие результаты показывают, что даже сообщество, не говорящее на языке источника СМИ, обычно склонно утверждать, что распознает (62 %), определяет (65 %) и заменяет (56 %) интертекстуальные ссылки. Интересная тенденция проявляется в интерпретации прецедентных явле-

ний на каждом примере. Кажется, что существуют значительно лучше распознаваемые, чаще определяемые и чаще заменяемые явления. Самые высокие оценки показали явления, происходящие из массовой культуры, детской литературы, классической литературы, тогда как более современные литературные источники могут дать более низкие результаты. В целом, несмотря на незначительные отклонения, более общепризнанные явления (Маленький принц, Супермэн, Икар, Большой Брат) получили больше попыток определения и замены, в то время как менее общепризнанные явления (Двойная порция, Выбор Софи) получили меньше попыток определения и замены.

В этой конкретной статье основное внимание уделяется количественным результатам собранных данных. Мы изучали качественные данные, чтобы найти закономерности, которые пролили бы свет на особенности попыток участников дать определение, а также предоставили бы нам более детальный взгляд на каждый конкретный пример и его понимание участником. Кроме того, более детальное качественное исследование сосредоточено на конкретных ответах, данных докладчиками, и мы сравнивали их с «предполагаемым» значением явления, связанного с прецедентом, а затем смотрели, в какой степени респонденты способны «должным образом» интерпретировать подобные высказывания в медиадискурсе. Сочетание качественных и количественных результатов позволяет нам предоставить целостный обзор исследования с конкретными шагами и применением к обучению языку.

Библиографические ссылки

1. Allen Graham. Intertextuality. London: Routledge. 2011.
2. Bauman Richard. A World of Others' Words: Cross-Cultural Perspectives on Intertextuality. Oxford: Blackwell Publishing. 2004. URL: <https://download.e-bookshelf.de/download/0000/5972/48/L-G-0000597248-0015298817.pdf>.
3. Coffee Neil. An agenda for the study of intertextuality. 2018. ТРАП 148(1): 205-223.
4. Аникина Э. М. Лингвокультурная специфика реализации интертекстуальности в дискурсе СМИ : на материале англо-американской прессы : дис. ... канд. филол. наук. Уфа, 2004.
5. Ahmadian Moussa, Hooshang Yazdani. A study of the effects of intertextuality awareness on reading literary texts: The case of short stories. Journal of Educational and Social Research 2013. URL: https://www.researchgate.net/publication/311987154_A_Study_of_the_Effects_of_Intertextuality_Awareness_on_Reading_Literary_Texts_The_Case_of_Short_Stories.
5. Davies Amy. Decoding Gen Z Identity Construction in Social Networks Through the Paradigm of Branding. 2020. URL: https://openresearch.ocadu.ca/id/eprint/3005/1/Davies_Amy_2020_MDES_SFI_MRP.pdf.

УДК 372.881.111.1

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ CHATGPT ПРИ ОБУЧЕНИИ АНГЛИЙСКОМУ ЯЗЫКУ: ЛЕКСИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Е. С. Астапкина

*Белорусский государственный университет,
ул. К. Маркса, 31, 220030, г. Минск, Беларусь, astapkina@gmail.com*

В данной статье рассматриваются возможности ChatGPT (Generative Pre-Trained Transformer) – чат-бота на основе искусственного интеллекта при обучении английскому языку. Особое внимание уделяется роли ChatGPT в оптимизации и автоматизации процесса обучения лексике, создании креативных и персонализированных заданий для повышения его эффективности.

Ключевые слова: ChatGPT; языковая система; речевой навык; обучение лексике; персонализация; креативность.

USE OF CHATGPT IN ENGLISH LANGUAGE TEACHING: LEXICAL ASPECT

E. S. Astapkina

*Belarusian State University,
31 Karl Marks St., 220030, Minsk, Belarus, astapkina@gmail.com*

This paper discusses the possibilities of ChatGPT (Generative Pre-Trained Transformer) – a chatbot based on artificial intelligence in the English language teaching. Particular attention is paid to the role of ChatGPT in optimizing and automating the vocabulary learning process, creating creative and personalized tasks to improve its effectiveness.

Keywords: ChatGPT; language system; speech skill; vocabulary learning; personalization; creativity.

Обучение иностранному языку учащихся любого уровня и любого возраста подразумевает обучение языковым системам, под которыми понимаются фонетическая, лексическая и грамматическая системы, и речевым навыкам – рецептивным (аудирование и чтение) и продуктивным (говорение и письмо). Обучение всем навыкам проходит в неразрывной связи на каждом занятии с учетом основной фокусировки на определенном аспекте. Так, основной целью занятия могут выступать как языковой – лексический или грамматический навык, так и речевой – продуктивный или рецептивный навык. Дополнительными, или поддерживающими, целями могут являться отличные от заявленного в основной цели навыка,

но связанные с ним методически или по контенту занятия. Так, языковые системы формируют базис для их продуктивного использования в устной и письменной речи.

Отметим, что фонетическая система, как правило, редко становится объектом изучения на протяжении всего занятия, а гармонично встраивается практически в любое занятие, посвященное как языку, так и речи. Обучение грамматике и лексике при этом регулярно становится основной целью урока. Необходимо отметить, однако, что вопрос о превосходстве той или иной системы языка нельзя решить однозначно, о чем емко говорится в работе Д. Вилкинса «Лингвистика в обучении языку»: *«Without grammar very little can be conveyed, without vocabulary nothing can be conveyed»* [1].

В данной статье речь пойдет об особенностях обучения лексике как языковой системе, а также возможностях ChatGPT разнообразить и персонализировать дополнительные задания на отработку новой лексики, а также автоматизировать их создание.

Основной целью обучения лексике любого иностранного языка является формирование лексического навыка – способности интуитивного и правильного словоупотребления и словообразования в соответствии с ситуациями общения и целями коммуникации. Лексический навык характеризуется большой осознанностью, так как в речи осознается ее содержание, что проявляется в выборе слов и их правильном сочетании. Так, усвоенная лексика наслаивается на каркас коммуникативных потребностей.

Однако при обучении лексике материалы, которые приведены для отработки и вывода активного вокабуляра в речь в учебно-методических комплексах, учебных пособиях зачастую недостаточны.

При этом использование дополнительных материалов по фонетике и грамматике, не вызывает трудностей – отработка звуков может происходить на любом лексическом материале, а также просто на не имеющих значения сочетаниях звуков, а грамматические справочники изобилуют упражнениями для практики по конкретным темам. При обучении лексике же достаточно сложно, если не невозможно, подобрать материалы, которые бы точно способствовали активизации языковых умений по строго определенному списку лексических единиц. Самостоятельное составление дополнительных упражнений для отработки лексики на занятии, а также самостоятельно вне аудитории – задача достаточно трудоемкая и времязатратная.

Для активного использования новых единиц в речи необходимо предварительное многократное ‘касание’ обучающегося с этими единицами. Следует также отметить, что для успешного обучения лексическо-

му, как и любому другому навыку, значительную роль играет персонализация и креативность заданий – это значительно повышает эффективность обучения.

Современные технологии искусственного интеллекта позволяют преодолеть эти трудности – уменьшить время на подготовку дополнительных заданий, разнообразить их виды, персонализировать задания, сделать их соответствующими уровню обучаемых.

Немало исследований посвящено роли ChatGPT в оптимизации и автоматизации процесса обучения не только иностранным языкам, например, [2; 3; 4; 5; 6].

Исследования возможностей искусственного интеллекта направлены как на помощь преподавателю иностранных языков, так и на содействие обучаемому.

Обратимся к возможностям нейросети генерировать нужный преподавателю английского языка контент. Необходимо, однако, отметить, что в случае работы с ChatGPT преподаватель продумывает логику и методический аспект занятия, составляет запрос или промпт для ChatGPT, а чат-бот наполняет готовый план занятия необходимым лексическим материалом. Так, часть работы над подготовкой занятия по формированию лексического навыка можно передать ChatGPT.

В различных исследованиях отмечаются следующие возможности чат-бота, применимые в работе с лексикой:

1. Генерация списков слов по заданной теме, по заданным параметрам ('Create a wordlist on the topic "Negotiations" consisting of 20 words of different parts of speech, providing examples of their usage, collocations they occur in, their definitions'). На этом же этапе можно специфицировать уровень учащихся ('Create a wordlist ... for the learners of B1 level / for school pupils etc.'). Данный этап может отсутствовать, если преподаватель располагает необходимым списком активной лексики по изучаемой теме.

2. Составление текстов/диалогов как для аудиторной, так и для внеаудиторной работы с обязательным включением активной лексики ('Create a text 200 words long with the following vocabulary: negotiator, compromise, concession, mediate, haggling, win-win etc.'). Тексты используются для ввода в тему занятия, юнита (Lead-in), ознакомления с новыми словами.

3. Составление любого рода заданий для этапа контролируемой практики (controlled practice) – например, нахождение соответствий, заполнение пропусков имеющимися лексическими единицами ('Create an exercise to match the words [the needed words] with their definitions', 'Create a gap-fill exercise with the following words to be filled in [the needed

words]’. Чат-бот при этом может обработать и более абстрактный запрос и сам создать упражнения контролируемой практики: ‘Create a controlled practice exercise with the words [the needed words]’. К этому же этапу отнесем задания на группировку лексики по указанному принципу, расположение слов в заданном порядке и др.

4. Контентное наполнение заданий для полуконтролируемой практики (semi-controlled practice). На данном этапе чат-бот может составить кроссворд с активной лексикой, карточки с дефиницией или перефразированным словосочетанием для подстановки необходимой единицы. Запрос для чат-бота в данном случае может выглядеть следующим образом: ‘Create a crossword using the words [the needed words]’, ‘Create an activity in which the learners should guess which word/colocation is paraphrased. Use these words [the needed words]’.

5. Генерация коммуникативных заданий, соответствующих этапу свободной практики (freer practice) – ‘Create an engaging quiz based on these expressions [the needed words]’, ‘Create a role-play on the topic [the needed topic and vocabulary]’, ‘Create an engaging and creative communicative task based on the words [the needed words]’ и др.

Таким образом, при организации занятий по формированию лексического навыка при использовании ChatGPT можно найти альтернативу всему, что дается в учебном пособии, разнообразить задания, увеличить их количество на том этапе, который требует вызывает у обучаемых трудности. Также задания, которые генерирует чат-бот можно персонализировать для конкретной группы учащихся: ‘Create an engaging communicative activity for A2 level students on the topic [the needed topic or words] who are working in sales / who are fond of literature / whose age is [the average age of the students]’.

В заключение еще раз отметим, что при формировании лексического навыка в обучении иностранным языкам значительную роль играет персонализация и креативность заданий, что способствует повышению эффективности обучения. Современные технологии, включая и ChatGPT, в процессе обучения иностранным языкам являются на данном этапе неотъемлемой его частью.

Библиографические ссылки

1. Wilkins D. A. Linguistics in Language Teaching. Cambridge, MA : MIT Press, 1972.
2. Кравцова А. Г. CHATGPT-3: Перспективы использования в обучении иностранному языку // МНКО. 2023. № 3 (100). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/chatgpt-3-perspektivy-ispolzovaniya-v-obuchenii-inostrannomu-yazyku> (дата обращения: 28.03.2024).
3. Meniado J. C. The Impact of ChatGPT on English Language Teaching, Learning,

and Assessment: A Rapid Review of Literature // Arab World English Journal (AWEJ). 2023. Vol. 14. № 4. URL: The Impact of ChatGPT on English Language Teaching, Learning, and Assessment: A Rapid Review of Literature – AWEJ (дата обращения: 25.03.2024).

4. Капустина Л. В., Ермакова Ю. Д., Калюжная Т. В. ChatGPT и образование: вечное противостояние или возможное сотрудничество? // Концепт. 2023. № 10. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/chatgpt-i-obrazovanie-vechnoe-protivostoyanie-ili-vozmozhnoe-sotrudnichestvo> (дата обращения: 15.03.2024).

5. Гаркуша Н. С., Городова Ю. С. Педагогические возможности ChatGPT для развития когнитивной активности студентов // Профессиональное образование и рынок труда. 2023. № 1 (52). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pedagogicheskie-vozmozhnosti-chatgpt-dlya-razvitiya-kognitivnoy-aktivnosti-studentov> (дата обращения: 18.03.2024).

6. Токтарова В. И., Ребко О. В. ChatGPT в работе педагога: возможности и риски использования // Цифровая гуманитаристика и технологии в образовании (DHTE 2023): сб. статей IV Международной научно-практической конференции (16–17 ноября 2023 года) / Под ред. В. В. Рубцова, М. Г. Сороковой, Н. П. Радчиковой. М. : ФГБОУ.

УДК 372.881.1

РАЗВИВАЮЩИЙ И ВОСПИТАТЕЛЬНЫЙ ПОТЕНЦИАЛЫ УРОКА ИНОСТРАННОГО (ИТАЛЬЯНСКОГО) ЯЗЫКА

Н. И. Бруцкая

*Белорусский государственный университет,
ул. К. Маркса, 31, 220030, г. Минск, Беларусь, brutskaya@yandex.ru*

В статье рассмотрены развивающий и воспитательный потенциалы урока иностранного языка. Теоретической основой послужила классификация Е. И. Пассова, практической – материал и опыт, полученные за время преподавания иностранного (итальянского) языка в университете на начальном и продвинутом этапах обучения. Статья имеет практическую направленность.

Ключевые слова: итальянский язык; обучение; развивающий потенциал; воспитательный потенциал; иностранный язык.

THE DEVELOPING AND EDUCATIONAL POTENTIALS OF A FOREIGN (ITALIAN) LANGUAGE LESSON

N. I. Brutskaya

*Belarusian State University,
31 Karl Marks St., 220030, Minsk, Belarus, brutskaya@yandex.ru*

The article will consider in detail the developing and educational potentials of a foreign language lesson. The theoretical basis was the classification of E. I. Passov, the practical one was the material and experience gained during teaching a foreign (Italian) language at the university at the initial and advanced stages of education. The article has a practical orientation.

Keywords: Italian language; education; developing potential; educational potential; foreign language.

В данной статье мы продолжим исследование и анализ образовательного потенциала урока, опираясь на классификацию Е. И. Пассова, приведенной в его пособии «Урок иностранного языка» и подробно остановимся на развивающем и воспитательном потенциалах.

Развивающий потенциал.

«Вы когда-нибудь видели учителя, который в качестве одной из задач урока ставил бы развитие конкретной способности и предлагал учащимся специальные упражнения на это? Если да, то считайте, что вы видели “снежного человека”» [1, с. 18]. Это происходит не потому, что учитель игнорирует развивающий потенциал, а потому что ему уделяет-

ся недостаточно внимания в методике и, следовательно, методологическая и практическая база недостаточна. Игнорировать же его мы не можем, так как образования без развития не существует, это его внутренняя движущая сила, приводящая учащегося из точки А в точку В, либо, другими словами, дающая ему наполнение.

На сегодняшний день иностранный язык является уже обязательной частью жизни – компьютеры, интернет, социальные сети превратили общение в полиязыковое и поликультурное. Если старшее поколение еще может ограничиваться средой родного языка, то молодое имеет уже совсем другое видение мира, а вместе с ним и другие вербальные и ментальные коды. И это так же влияет на формирование новых методов работы с развивающим потенциалом – то, что работало для поколения, которое училось 10 лет назад, с нынешним будет выглядеть устаревшим и малорезультативным. В связи с этим методика преподавания должна адаптироваться к быстроменяющимся процессам развития технологий, общества, личности и предлагать новые варианты и возможности. В преподавании всегда есть место творчеству и созданию нового, однако для более эффективного продвижения вперед необходима база, разработанная методология, которую учитель может использовать на занятии, давая обратную связь о ее эффективности. Возможно, корректируя и предлагая свои варианты для лучшего функционирования.

Кроме методологии одним из важнейших компонентов развивающего потенциала является мотивированность. Иностранный язык для тех, кто выбрал его для себя своей профессией, уже цель сам по себе, поэтому учащиеся вузов изначально мотивированы к его изучению и вопрос «зачем?», как, например, у школьников, перед ними не стоит. Особенно это касается итальянского языка, который, в отличие от английского, французского и немецкого не изучается в школах и студенты, пришедшие его изучать сознательно выбирают его для своей будущей профессии в качестве нового направления деятельности.

Тему эффективности проведения занятия, личной мотивированности и личностного роста мы подробно рассматривали в статье «Особенности преподавания итальянского языка на начальном этапе обучения», в которой говорили о использовании комплексного подхода в обучении, учитывая, однако, личностный компонент. Для каждого человека, какой бы деятельностью он ни занимался, важно видеть личные смыслы и раскрытие собственной индивидуальности. Развивающий потенциал будет максимально раскрыт, когда ученик будет чувствовать себя не просто пассивным субъектом процесса, а окажется непосредственным его участником, чьи цели и желания принимаются во внимания и получают отражение на занятии.

Третьим компонентом являются способности. Для того, чтобы что-то развить, в-первую очередь, надо понимать «что» развивать, а это, по мнению Е. И. Пассова, способности, развитие которых и приведет к преобразованию разных сфер обучения и деятельности самого ученика. «Именно способности могут развиваться из имеющихся у индивидуума задатков, и развиваться они могут только в деятельности. Потому что развитие личности – это раскрытие и реализация способностей» [1, с. 24]. Таким образом, учитель, который обращает внимание на мотивированность, личностный компонент и индивидуальные способности будет максимально реализовывать развивающий потенциал. Для начального этапа обучения это особенно важно, так как закладывает основы для всего последующего обучения.

Воспитательный потенциал.

Бок о бок с развивающим потенциалом идет и воспитательный. Сложно сказать, где заканчивается один и начинается другой, поэтому мы рассмотрим их в связке. Воспитательный – один из самых спорных потенциалов, когда речь идет о высших учебных заведениях, так как кто-то говорит о возможности его использования, а кто-то о невозможности. Однако надо помнить о том, что там, где люди находятся в тесном взаимодействии, а в вузах это именно так, влияние на личность со стороны авторитета неизбежно. Именно поэтому мы в любом случае можем говорить о воспитательном потенциале занятия, будет оно прямым или косвенным. Е. И. Пассов выделяет три пути воздействия: содержание учебных материалов, мировоззрение учителя, технология педагогического общения. Мы предлагаем дополнить этот список четвертым пунктом – личность учителя, так как личность не равно мировоззрение, плюс она включает в себя авторитетность, репутацию, харизму и т. п., что так же оказывает влияние на других субъектов.

О содержании учебных материалов и технологиях педагогического общения мы поговорим в следующей статье, когда будем рассматривать учебный потенциал урока. Сейчас же хотелось остановиться на роли учителя в раскрытии воспитательного потенциала, так как это важный и многогранный аспект. Ведь именно через призму личности и мировоззрения один человек передает свой опыт другому, а, следовательно, формирует его мировоззрение и личность.

В настоящее время под воспитанием и формированием мировоззрения зачастую понимается морализаторство и насаживание своей точки зрения, однако это работает слабо, а чаще всего совсем не работает. Если с маленьким ребенком навязывание собственных установок до какого-то времени возможно, то со взрослой и сформировавшейся личностью сказать, что что-то надо принять за аксиому – проблематично. У всех на се-

годняшний день есть доступ к широкому спектру информации, источники формирования личности разнообразны, поэтому подход навязывания неэффективен. Критическое и аналитическое мышление личности не позволит так прямо корректировать индивидуальность. Именно поэтому в воспитании так хорошо работает принцип, упомянутый когда-то Дейлом Карнеги и получивший широкое распространение утверждавший, что нет смысла воспитывать детей – они все равно будут похожи на родителей, поэтому воспитывать надо себя. Данное правило активно используется сейчас не только в педагогике, но и в психологии для всех возрастов, полов и социальных групп. Популярная или массовая психология пользуется этим инструментом для самокоррекции и смены мировоззренческого вектора.

Мы рассмотрим роль влияния личности учителя (как общее) и влияние его мировоззрения (как частное проявление).

Роль личности. Личность взрослеет и становится зрелой только под влиянием такой же личности. Говоря об этом, уместно вспомнить принцип имитации, широко используемый в животном мире и лежащий в основе выживаемости. Мы получаем тот результат, которому подражаем. Это один из способов обучения и роста. Именно поэтому ответственность перед учителем огромная, так как он выступает, как, своего рода, эталон, модель для подражания. Не только в том, как он обучает или сколько знает, а в том каков он. Его речь, жесты, мимика – всё это будет считываться как отражение стержня личности, его реакции – как сущностное содержание, социальная проявленность – как жизненная позиция. Поэтому закономерно говорить о том, что невозможно быть учителем только пока ты на уроке. То, как учитель формирует себя, в последствии формирует его учеников. «Если учитель как личность несет в себе некое духовное, культурное содержание, то именно оно позволит ему воспитать ученика... учитель должен руководствоваться “принципом этики”, который служит ему тем же, что и клятва Гиппократы врачу» [1, с. 29]. В связи со всем вышесказанным работа с собой – первостепенная задача учителя. Его вклад в воспитание следующего поколения.

Мировоззрение учителя. Уважение – это то, на чем базируется принцип подражания. Уважая своего учителя, ученик с радостью будет перенимать то, что ему предлагают – идею, точку зрения, вариант реакции или оценки. Точно так же, как может отвергать даже объективно разумный вариант, если он предложен человеком ему неприятным. Роль учителя в формировании мировоззрения учеников очень проста – высказывать своё. На занятиях часто обсуждаются так называемые «проблемные» вопросы, требующие той или иной точки зрения, именно здесь учи-

тель может принять участие наряду с учениками, либо подытожить дискуссию высказыванием своего видения ситуации.

Кроме занятий, можно задействовать и другие виды общения между учителем и учеником. Сегодня широко используются социальные сети и это может стать отличным источником передачи мировоззрения. Учителю достаточно транслировать себя, свои взгляды через подобные портал (он может быть личным или рабочим) и большинство учеников будут следить за ним, воспринимая то, что им близко.

Из предыдущего заключения можно вывести следующее – общение. Если мы видим друг в друге только официальный статус, коммуникация будет вызывать затруднения. Отсутствие взаимной заинтересованности значительно снижает вероятность общения, а как следствие, формирования мировоззрения. Здесь можно подключить развивающий потенциал, о котором говорилось выше. Это задействует мотивированность ученика. Со стороны учителя же может исходить сознательная инициатива изменения ролей с целью развития общения и включения, таким образом, воспитательного потенциала занятия.

Все вышесказанное позволяет сделать вывод, что и развивающий, и воспитательный потенциалы очень важны в ходе проведения занятия и за его рамками, так как и тот и другой формируют многостороннюю и многослойную личность ученика. Развитость, мотивированность, широта взглядов и правильные здоровые ценности учителя помогут сформировать не только отличного специалиста, но и зрелую личность, способную передавать дальше взгляды, ценности и знания.

Библиографические ссылки

1. *Пассов Е. И., Кузовлева Н. Е.* Урок иностранного языка. М. : Глосса-Пресс, 2010.

УДК 378.016:811.161.1-0.54.6(075.8)

АДАПТАЦИОННАЯ МОДЕЛЬ ОБУЧЕНИЯ РУССКОМУ ЯЗЫКУ ИНОСТРАНЦЕВ

Г. В. Вариченко

*Белорусский государственный университет,
ул. К. Маркса, 31, 220030, г. Минск, Беларусь, vargalina@mail.ru*

В данной статье рассматривается проблема адаптации иностранных студентов и предлагается модель адаптации в период начального обучения на основе социокультурного подхода. Цель работы состоит в том, чтобы показать модель эффективной адаптации иностранцев и способы их социализации на основе обучения русскому языку и белорусской культуре.

Ключевые слова: русский язык как иностранный; начальный этап обучения; адаптация и аккультурация; обучение; языковая среда; социокультурная компетенция.

ADAPTATION MODEL OF TEACHING RUSSIAN LANGUAGE TO FOREIGNERS ARTICLE TITLE

G. V. Varichenko

*Belarusian State University,
31 Karl Marks St., 220030, Minsk, Belarus, vargalina@mail.ru*

This article examines the problem of adaptation of foreign students and proposes a model of adaptation during the period of initial education based on a sociocultural approach. The purpose of the work is to show a model of effective adaptation of foreigners and ways of their socialization based on teaching the Russian language and Belarusian culture.

Keywords: Russian as a foreign language; initial stage of learning; adaptation and acculturation; training; language environment; sociocultural competence.

В обучающем процессе с целью улучшения его качества оправдано применение определенной модели, которая делает обучение более успешным. Под моделью обучения понимают индивидуальную интерпретацию используемого преподавателем метода обучения с набором формируемых у иностранцев определенных компетенций в соответствии конкретными условиями.

В методике преподавания языков используют различные варианты обучения: модель учебной деятельности, модель обучения речевой коммуникации, модель обучения профессиональному общению и другие.

В данной статье рассматривается адаптационная модель обучения русскому языку как иностранному на начальном этапе в рамках социокультурного подхода к обучению.

Обучение иностранному языку неразрывно связано с процессом аккультурации иностранных учащихся и процессом их социализации, базирующимися на внутренних мотивах развития личности и ее приобщения к ценностям и идеалам, стереотипам речевого и неречевого поведения носителей языка. Аккультурация – сложный психологический процесс, в ходе которого происходит постепенное бикультурное развитие личности в системе ценностей нового лингвокультурного сообщества. С одной стороны, обучение иностранному языку все более ориентируется на специфическое национальное, свойственное только одному этносу, а с другой стороны, оно, как открытая система, опирается на общение с представителями других народов, культур, и тогда расширяются возможности общекультурного развития учащихся через непосредственный контакт с другой культурой [1, с. 26].

На начальном этапе обучения учащиеся приобретают определенный опыт выполнения учебных упражнений и заданий на русском языке, который стимулирует их к интенсивному обучению в языковой среде (общению с носителями русского языка и русской и белорусской культур) для полноценного социокультурного освоения новой неродной среды и социальной адаптации в ней.

Начальный этап обучения – это период, который характеризуется условиями ранней адаптации к новой социокультурной среде. Адаптация есть «изменение состояния личности или группы людей под влиянием экономических, социальных и культурных отношений, сложившихся в той или иной среде» [2, с. 56]. Адаптация предполагает усвоение личностью действительных ценностей и норм общества, в котором пребывает, и овладение соответствующими средствами и формами деятельности, и тем самым до некоторой степени уподобление индивида другим членам этого общества.

На начальном этапе погружения в языковую среду иностранец, прибывший для обучения в Беларусь, попадает в условия, когда процесс «вживания» в эту среду сопровождается определенными трудностями. Коммуникативно-психологическая адаптация учащихся является адаптацией не только к языку, а через язык – к миру изучаемого языка. Это будет способствовать преодолению в дальнейшем психологических барьеров в использовании языка как средства общения, как средства получения будущей специальности. По мнению Г. И. Симоновой, успешная социальная адаптация определяется конструктивной деятельностью образовательного учреждения по организации среды жизнедеятельности учащихся не только в условиях образовательного, но и по месту их проживания и в системе дополнительного образования. Пути использования

возможностей среды лежат в интеграции образовательных и воспитательных сил социума, разработке и внедрении социально-адаптивных форм участия обучаемых в различных социальных акциях [3, с. 35].

Начальный этап овладения иностранным языком считают наиболее значимым и важным для обучаемых. Об этом периоде обучения иностранные учащиеся говорят как о трудном, осложненном адаптационными процессами, которые вынуждены преодолевать учащиеся. Трудности периода адаптации также вызваны большим влиянием родной социокультурной среды, интерферирующим влиянием родного языка, отсутствием знания языка, социокультурного опыта. Бесконтрольное погружение учащихся в сложную и непонятную стихию языка может резко снизить мотивацию к его изучению. Если же включение иностранного учащегося в новую социокультурную среду будет сопровождаться нагромождением трудностей, то у учащихся может возникнуть неудовлетворенность результатами их учебной деятельности, неуверенность в своих силах, желание прервать процесс общения.

К моменту завершения обучения на подготовительном этапе иностранные учащиеся достигают порогового уровня коммуникативного владения русским языком в основных видах речевой деятельности (говорении, чтении, письме и аудировании), который реально продвигает их к следующей ступени владения русским языком в высшем учебном заведении. Они могут использовать этот язык как инструмент общения и познания.

В процессе обучения иностранные учащиеся должны овладеть:

- знанием букв, слогов, звуков русского языка, основных правил произношения слов и чтения, общеучебными навыками и умениями;
- знанием орфографии русского языка;
- знанием названия страны изучаемого языка, столицы, вуза, основных исторических и географических слов-названий, топонимов данной страны (Беларусь) и аббревиатур;
- знанием имен выдающихся личностей страны изучаемого языка (Беларуси), белорусской культуры и национального своеобразия;
- умением (в аудировании) понимать на слух речь преподавателя, сокурсников, основное содержание учебных и некоторых типовых аутентичных текстов и диалогов с опорой и без опоры на ключевые слова и зрительную наглядность;
- умением (в говорении) участвовать в этикетных диалогах (знакомстве, поздравлении, приветствии, благодарности);
- умением (в говорении) расспрашивать собеседника, задавая вопросы и отвечать на вопросы собеседника, используя эмоционально-оценочную лексику и средства выражения экспрессии;
- умением (в говорении) рассказать о себе, о своей семье, о своем родном городе, о своей стране, о своем друге, о своих увлечениях;

- умением (в говорении и письме) рассказать о Беларуси, ее жителях, о новых друзьях, о жизни носителей изучаемого языка, умением оформить текст в виде текстов-описаний, текстов-повествований, текстов-рассуждений,

- умением (в чтении) читать про себя и понимать основное содержание текстов, соответствующих изучению языка;

- дополнительными «общеучебными умениями»: умением работать со справочно-информационной литературой, умением работать с информацией, полученной из Интернет-источников.

Русский язык выступает в качестве базовой дисциплины, служащей фундаментом для формирования знаний, навыков и умений у иностранных учащихся начального этапа обучения. Русский язык как иностранный – это предмет, овладение которым определяется не только обучением в аудитории, но и в значительной мере и обществом, членом которого становится иностранный учащийся, т.е. окружающей его языковой и социокультурной средой. Восприятие новых реалий, их номинация, построение языковой картины мира нового языка может происходить с помощью интенсивного использования русской лексики с национально-культурным компонентом (лингвокультурем, логоэпистем), значительное количество которых функционирует в диалогической речи, навыки владения которой осваивают иностранные учащиеся. Диалогичность присуща речевой деятельности носителей русского языка, так как в языке отмечается тенденция усиления человеческого фактора, личностного начала. Е. А. Земская отмечает, что «в речи носителя языка возрастает диалогичность общения как устного, так и письменного. Расширяется сфера спонтанного общения не только личного, но и устного, публичного. Меняются важные параметры протекания устных форм массовой коммуникации. Жесткие рамки официального публичного общения ослабляются» [4, с. 11].

В работах В. В. Сафоновой, П. В. Сысоева, С. Г. Тер-Минасовой и зарубежных ученых-методистов в области преподавания иностранных языков [5], [6], [7], [8], [9], [10], [11] исследуется проблема презентации социокультурных единиц (СКЕ). Нам представляется оправданной следующая классификация:

- СКЕ, отражающие историко-политические реалии страны изучаемого языка; географические сведения о стране, ее месте на карте мира и в мире; отношения страны с граничащими с ней государствами, исторические сведения о стране, сведения о политическом и правовом устройстве данного государства;

- СКЕ, отражающие социологические реалии: социальный состав общества, профессиональное наполнение общества, национальный состав, религиозный состав, возрастной состав, демография страны;

- СКЕ, отражающие проблемы личности: материальные условия, взгляды, ценности, предубеждения, спорт;

- СКЕ, отражающие культурные реалии: театральная и музыкальная жизнь страны изучаемого языка, тенденции в развитии культуры, художественно-эстетические ценности народа страны изучаемого языка, имена великих людей;

- СКЕ, отражающие современное информационное поле: экономическая жизнь страны в свете развития современных информационных технологий, создание технопарка и его роль в развитии общества.

В настоящее время наблюдается тенденция к появлению терминов разнообразного содержания и самого разного объема. В. Г. Костомаров, Н. Д. Бурвикова называют их логозписистемами, В. В. Воробьев и Л. Н. Чумак – лингвокультуремами, Ю. С. Степанов – концептами. Все эти термины включают национально-культурный компонент, отражают факт культуры. Можно выделить с точки зрения структуры лингвокультуреми однословные и неоднословные. Возможно, их тоже следует отнести к СКЕ, которые необходимо комментировать.

Логозписистема, лингвокультурема, концепт, аккумуляема лингвокультурологический коннотат, – все эти термины относятся к словам и выражениям с национально-культурным компонентом. Какой термин закрепится в языке, покажет дальнейшее развитие методики, но нам кажется более логичным, как и Е. Л. Корчагиной [12], в данной работе использовать термин социокультурная единица с национально-культурным (белорусским) компонентом семантики (СКЕ).

Вопрос заключается в том, как следует обучать иностранных учащихся таким словам и выражениям. Важно выяснить, как уместное либо неуместное их использование влияет на успешность коммуникации. Также следует определить, какое количество СКЕ должно быть минимизировано для начального этапа обучения. Способствует ли их употребление реальному обогащению лексики говорящего на русском языке иностранца, приближает ли к постижению ментальных сущностей страны изучаемого языка. Нужно выяснить, какие методические приемы следует использовать, чтобы включать социокультурные единицы в образовательный процесс, в процесс обучения языку на начальном этапе.

Языковая, лингвистическая принадлежность социокультурной единицы подтверждается свойствами данного языкового явления, для которого характерна коммуникативность, частотность, воспроизводимость, стилистическая окрашенность, стандартизованность, синтаксическая оформленность, грамматическая оформленность. По мнению В. Г. Костомарова и Н. Д. Бурвиковой, данным словам и выражениям нужно учить иностранных учащихся, так как они играют значительную роль в общении, на продвинутом этапе обучения русскому языку иностранцев надо уходить от конструирования и учить искусству извлече-

ния из долговременной памяти. «Это имеет значение для преподавания русского языка как его носителям, так иностранцам» [13, с. 93–94].

Библиографические ссылки

1. *Полат Е. С.* Метод проектов на уроках иностранного языка // Иностранные языки в школе. 2000. № 2. С. 3–10.
2. *Калачева И. И.* Молодежь и поликультурное образование в высшей школе Беларуси. Пособие для административно-управленческих кадров, высшей школы. Минск : ТЕСЕЙ, 2003.
3. *Симонова Г. И.* Педагогическое сопровождение социальной адаптации школьников // Педагогика. 2006. № 9. С. 34–40.
4. *Земская Е. А.* Русский язык как иностранный. Русская разговорная речь. Лингвистический анализ и проблемы обучения: учеб. пособие. Изд. 3-е. М. : Флинта, Наука, 2004.
5. *Сафонова В. В.* Культуроведческие аспекты языкового образования // Сборник научных трудов. М. : Еврошкола, 1998.
6. *Сафонова В. В.* Социокультурный подход к обучению иностранным языкам. М.: Высшая школа, Амскорт интернэшнл, 1991.
7. *Сафонова В. В.* Элективный курс по культуроведению США в системе профильного обучения английскому языку // Иностранные языки в школе. 2005. № 2. С. 7–16.
8. *Тер-Минасова С. Г.* Война языков и культур: учеб. пособие. М. : Слово, 2008.
9. *Тер-Минасова С. Г.* Язык и межкультурная коммуникация. М. : Изд-во Московского университета (Классический университетский учебник), 2004.
10. *Byram M., Risager K.* Language Teachers Politics and Culture Multilingual Materials. 1999.
11. *Byram M.* From Foreign Language Education to Education for intercultural Citizenship. Essays and Reflection. Clevedon Multilingual Matters. 2008.
12. *Корчагина Е. Л.* В интересах взаимопонимания // Русский язык за рубежом. 2006. № 5. С. 108–116.
13. *Костомаров В. Г.* Об одной из единиц диалога культур применительно к практике обучения РКИ // Язык и культура в филологическом вузе. Актуальные проблемы изучения и преподавания: сб. науч. тр.; ред.-сост. А. Н. Щукин. М. : ИРЯ им. А. С. Пушкина; Филоматис, 2006. С. 92–102.

УДК 811.161.1:243:367.625(072)

К ВОПРОСУ ОБ ИЗУЧЕНИИ ВИДОВ ГЛАГОЛА НА ЗАНЯТИЯХ РКИ

Н. В. Войтович

*Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, nvv54321@mail.ru*

В статье рассматриваются вопросы, связанные с изучением видов глагола иностранными слушателями на начальном этапе обучения. Анализируются трудности, испытываемые китайскими студентами при выборе вида глагола, вызванные несоответствиями грамматики русского и родного языков. Даются рекомендации по последовательности и форме подачи нового материала и упражнений по данной грамматической теме.

Ключевые слова: русский язык как иностранный, несовершенный вид глагола, совершенный вид глагола.

ON THE QUESTION OF STUDYING TYPES OF VERB IN RUSSIAN AS A FOREIGN LANGUAGE CLASSES

N. V. Voitovich

*Belarusian State University,
Niezaliežnasci Av., 4, 220030, Minsk, Belarus, nvv54321@mail.ru*

The article discusses issues related to the study of verb types by foreign students at the initial stage of training. The difficulties experienced by Chinese students when choosing the type of verb, caused by inconsistencies in the grammar of Russian and their native languages, are analyzed. Recommendations are given on the sequence and form of presenting new material and exercises on this grammatical topic.

Keywords: Russian as a foreign language; imperfect verb; perfect verb.

Категория вида русского глагола – одна из самых сложных грамматических тем при изучении русского языка как иностранного. При этом вид глагола изучается уже на элементарном уровне (А1). Освоив этот уровень, студент должен знать основные значения НСВ (общефактическое, процессуальное, значение повторяемости действий) и противопоставлять их значению завершенности действия у глаголов СВ. Студент должен уметь образовывать видовые пары. «В результате объяснения в сознании учащегося должны сложиться следующие признаки, характеризующие основные функции несовершенного и совершенного видов глаголов в речи:

1) для обозначения действия как процесса, повторного действия, для называния действия, которое имеет место (общий факт), используется глагол несовершенного вида;

2) для обозначения конкретного действия, однократного или которое завершилось – совершенный вид» [1, с. 108].

На базовом уровне (А2) добавляются новые контексты употребления видов. Так, усваивается значение одновременности действий при употреблении в предложении двух глаголов НСВ, последовательности действий при употреблении в предложении двух глаголов СВ и некоторые другие.

Знакомство с использованием глаголов НСВ и СВ в речи начинается с объяснения способов образования видовых пар глаголов. На ограниченном количестве слов (не более семи–десяти) следует показать способы их образования с помощью приставки, суффикса, новой корневой формы, например, *читать – прочитать, писать – написать, учить – выучить, делать – сделать, решать – решить, показывать – показать, говорить – сказать, брать – взять*. Отсутствие унифицированных средств видообразования вызывает трудности в усвоении русского глагола: учащимся приходится заучивать практически не одно, а два слова.

Далее необходимо перейти к объяснению временных форм. Глаголы НСВ имеют все временные формы, глаголы СВ не имеют форм настоящего времени, способ образования прошедшего времени у глаголов НСВ и СВ совпадает, способ образования будущего времени различный. Рекомендуется систематизировать эти сведения и представить их в форме таблицы.

По мнению китайских исследователей, из всех трех времен русского глагола легче всего усваивается прошедшее, благодаря наиболее определённой семантике и яркому формальному показателю (суффиксу -л-). «Семантика будущего времени самая размытая. Проблема усугубляется еще и тем, что в китайском языке будущее время не имеет специального грамматического показателя (собственного видовременного суффикса). Оно образуется с помощью временных наречий (*скоро, завтра*) или глаголов, указывающих на намерение совершить действие в будущем (*собираюсь, планирую*)» [2, с. 131].

«В китайском языке противопоставляются кратковременное и многократное действие, но противопоставление это выражается счетным словом числительного “один” (кратковременная форма) или любым другим числительным (многократная форма)» [2, с. 132]. Китайские студенты, изучающие РКИ, ориентируются, как правило, не на семантику глагола в контексте, а на слова-сигналы, связанные с употреблением определённого вида. Так, большинство студентов знают, что если сказуемое

сопровождается словами *каждый день, часто, редко, иногда, всегда, обычно, никогда, долго, недолго, 2 (3, 4) часа, весь день, целый день, всю жизнь*, то нужно использовать НСВ. Для СВ такими словами будут: *вдруг, наконец, в конце концов, сразу, неожиданно*. Обстоятельство времени, указывающее, за какой срок действие было завершено, также помогает определиться с выбором вида, например, в конструкции *за + В. п.*: *Я прочитал этот роман за три дня*.

Трудными для усвоения являются контексты с глаголами СВ, выражающими последовательность действий, например, *«Когда я приготовил обед, я помыл посуду»*. Подобные конструкции достаточно сложны для студентов из-за отсутствия «слов-подсказок». Такие контексты требуют правильной интерпретации ситуации, на которую студенты-иностранцы не всегда способны. В то же время контексты с глаголами НСВ, указывающими на одновременность действий, больших затруднений у студентов не вызывают.

Современные учебники содержат разнообразные упражнения, направленные на формирование грамматических навыков. При изучении видов глагола обычно используются следующие виды языковых упражнений:

- заполнение пропусков в предложении (вставить глаголы НСВ и СВ);
- выбор правильной формы глагола из предложенных;
- трансформация предложений (на основе образца);
- образование одной грамматической формы от другой (раскрыть скобки, употребляя соответствующую грамматическую форму) и др.

Для превращения языкового навыка в речевое умение необходимо и большое количество языковых упражнений (подстановочных, трансформационных, вопросно-ответных), и большое число речевых упражнений (составление текстов, диалогов, игры). Одним из эффективных видов работы является игра с использованием карточек. На одной стороне карточки написан инфинитив глагола НСВ. На другой стороне карточки написано предложение или несколько предложений, в которые на место пропуска нужно вставить этот глагол в нужной форме. Участник игры должен найти парную карточку с соответствующим глаголом СВ и прочитать предложения, используя глагол в нужной форме. Далее преподаватель задает вопрос с этим глаголом. Если студент делает ошибки в ответе, можно еще раз повторить правило выбора глагола НСВ или СВ в данной модели. Далее студент должен придумать своё предложение или диалог с этим глаголом. Такая игра может проводиться как индивидуально, так и в парах или в группе. Количество карточек будет увеличиваться при изучении новых глаголов. Как домашнее задание можно

предложить студентам составить подобные карточки для использования их на занятиях.

Грамматическая тема вида глагола является сквозной, т. е. сопровождает весь процесс обучения русскому языку как иностранному. Очевидно, что видом глагола следует заниматься целенаправленно и на протяжении длительного времени, учитывая особенности грамматики родного языка студентов.

Библиографические ссылки

1. *Балыхина Т. М.* Методика преподавания русского языка как неродного (нового): учебное пособие для преподавателей и студентов. М.: Издательство Российского университета дружбы народов, 2007.

2. *Ван Сюемэй.* Основы разработки системы упражнений для обучения видам глагола в китайской аудитории. // Вестник КГУ. Педагогика. Психология. Социоконетика. № 1. 2018. С. 130–133.

УДК 378.016:811.161.1-0.54.6(075.8)

**СИСТЕМАТИЗАЦИЯ ЗНАНИЙ
В КОРРЕКТИРОВОЧНОМ КУРСЕ РКИ:
ПРЕДЛОЖНО-ПАДЕЖНАЯ СИСТЕМА РУССКОГО ЯЗЫКА**

Л. Ф. Гербик

*Белорусский государственный университет,
ул. К. Маркса, 31, 220030, г. Минск, Беларусь, lgerbik@mail.ru*

В статье рассматриваются номинация и предикация – две основные функции речемыслительного процесса. Подчеркивается, что для успешного обучения необходимо изначально задать формы и отношения, активизировать функции номинации и предикации. Наиболее простой путь, по нашему опыту, – это такой путь, когда студенты сначала знакомятся с грамматическими формами слов и синтаксическими отношениями на простейших примерах с использованием местоимений, т. е. формируют модели синтаксических отношений, а затем заменяют местоимение на имя и наполняют изученные модели номинативными единицами разных уровней. Результатом является развитие языкового мышления на изучаемом языке.

Ключевые слова: русский язык как иностранный; уровень A1; коррективный курс; коммуникативная функция; функция номинации; функция предикации.

SYSTEMATIZATION OF KNOWLEDGE IN THE INTRODUCTION-CORRECTION COURSE OF RFL: PREPOSITIONAL CASE SYSTEM OF THE RUSSIAN LANGUAGE

L. F. Gerbik

*Belarusian State University,
31 Karl Marks St., 220030, Minsk, Belarus, lgerbik@mail.ru*

Nomination and predication are two main functions of the speech-thought process. In order to successfully teach a language, you must initially set forms and relationships, activate the functions of nomination and predication. The easiest way, in our experience, is when students first become familiar with the grammatical forms of words and syntactic relationships using simple examples using pronouns, i. e. form models of syntactic relations, and then replace the pronoun with a name and fill the studied models with nominative units of different levels. The result is the development of linguistic thinking in the target language.

Keywords: Russian as a foreign language; level A1; correction course; communicative function; nomination function; predication function.

Номинация и предикация – две основные функции речемыслительного процесса, этот процесс обусловлен свойствами «языков мозга» [1].

Термины *номинация* и *предикация* неоднозначны и несколько по-разному употребляются в психологии и лингвистике. Общим является

то, что в обоих случаях учитывается, что номинативные единицы служат строительным материалом для высказывания, а само высказывание с развитой системой лексико-грамматических отношений строится на основе предикации. Термины *номинативная функция языка* и *функция номинации* также содержат и общее, и различия, но в данном случае нас интересует область познания, в которой эти различия на начальном этапе исследования не будут играть существенной роли. Для нас важно признать, что при изучении иностранного языка освоение учащимися номинативного инвентаря языка сопровождается более или менее ясным пониманием того, что способы соотношения данных единиц могут существенно различаться в родном и изучаемом языках. Чем скорее человек понимает суть различий в грамматическом строе языков, тем более прочный фундамент для успешного усвоения иностранного языка он получает. Это теоретическое положение кажется бесспорным, однако его признание на практике требует особого внимания к последовательности подачи учебного материала.

Назначение корректировочного курса русского языка – систематизировать знания учащихся, полученные в ходе вводного курса русского языка, выявить наиболее типичные ошибки и провести работу над их исправлением. При этом наиболее актуальной задачей является, как правило, систематизация знаний о грамматической семантике предложно-падежных отношений.

Главенство коммуникативной функции языка вызвало к жизни и дало мощный стимул к развитию коммуникативно-деятельностного подхода к обучению, что нередко выражается в том, что студентам предлагается высказываться на изучаемом языке (с использованием стандартных моделей или без опоры на них) еще до того, как хорошо усвоены основные грамматические принципы, поскольку ведущим принципом становится «погружение в ситуацию», а не языковую систему. Это приводит к тому, что в дальнейшем приходится много времени уделять исправлению ошибок – ошибок, появление которых можно было предотвратить еще на начальном этапе обучения. О том, что коммуникативно-деятельностный подход к обучению иностранного языка содержит некоторые внутренние противоречия, убедительно показывает Е. И. Пассов – зачинатель и идеолог коммуникативного метода обучения [2]. Однако следует признать, что мы не будем противоречить установке на коммуникативность в обучении, если направим усилия преподавателей и студентов на познание внутренних механизмов языка, поскольку сами эти механизмы складываются под воздействием коммуникативной функции. И здесь мы сталкиваемся с некоторыми противоречиями.

Совпадают ли интересы учащегося и интересы преподавателя в процессе обучения? В целом, несомненно, совпадают. Однако стратегии обучения, направление и последовательность методических шагов должен вырабатывать все-таки преподаватель.

Когда человек начинает изучать иностранный язык, ему интересно узнать, как будет звучать на этом языке то или иное слово. Первое знакомство с языком в учебных условиях происходит, как правило, именно со знакомства с отдельными словами: «*Как это будет по-русски / по-польски / по-английски?...*» В соответствии с принципом знакомства с отдельными словами на начальном этапе обучения во многом строятся и учебники иностранных языков. Во вводно-фонетическом курсе студентам предлагается повторять звуки, сочетания звуков и отдельные слова, которые даются в большинстве случаев в именительном падеже. В первую очередь для изучения предлагаются слова, значения которых можно легко проиллюстрировать – показать на иллюстрации в учебнике, в словаре или просто в окружающем пространстве. Грамматика подключается к процессу изучения языка чуть позже. Первые предложения строятся с использованием форм имен существительных в именительном падеже с функцией названия лица или предмета: *Это город. Это Минск*. Используется и грамматическая конструкция квалификации субъекта *что – это что, кто – это кто*, где существительные употребляются также в именительном падеже: *Минск – это город. Минск – это столица*. Однако для выхода в речь нам нужны иные структуры; коммуникативные функции приведенных высказываний довольно низки. Даже квалификация субъекта в предложении *Минск – это город. Минск – это столица* не выражают законченной мысли; для сообщения требуется некоторая дополнительная информация: *столица чего? какой это город?* И для того чтобы задать такие вопросы, и для того чтобы ответить на них, необходимо владеть специальными предикативными структурами. Аналогично: *Это стол*. Для того чтобы превратить эту информацию в коммуникативно значимое сообщение, потребуются дополнительные сведения – сведения, которые помогут переместить слово *стол* по тематической структуре из одной позиции в другую. Это далеко не простой процесс с языковой точки зрения. Уже простейшие трансформации внутри категории квалификации субъекта свидетельствуют о том, что нужно знать, во-первых, особенности употребления глагольной связки (таких особенностей несколько), во-вторых, несколько падежных форм для прикрепления имен к глагольной связке (*что есть что, что было/будет чем* и т. д.), в-третьих, правила трансформации предложения при изменении порядка слов (вариант *Город – это Минск* явно не подойдет).

Итак, предлагаемые на начальном (самом начальном) этапе обучения грамматические конструкции, приведенные выше в качестве примеров, далеко не просты и скрывают в себе глубокие и обширные языковые структуры, невидимые с первого взгляда. В этом и заключается их опасность – точнее, опасность предъявления данных структур как репрезентативных для ознакомления с языком на начальном этапе обучения.

Изучающие иностранные языки – это люди, которые уже знают свой родной язык; возможно, они также знают (или в какой-то степени знают) другие иностранные языки. Поэтому новый изучаемый материал сначала попадает в категории уже известные, в своеобразный «языковой распределитель», частично совпадающий (не будем забывать о языковых универсалиях и о совпадающих характеристиках родственных языков) и частично не совпадающий по своим характеристикам с организацией изучаемого языка. Редко кто из взрослых людей (и тем более из детей) изучает новый язык без опоры на уже известный язык. И взрослые, и дети ищут совпадения, созвучия и т. д., причем дети делают это иногда даже более активно, поскольку для них это игра. Иными словами, рефлексия над фактами изучаемого языка, сопоставление известного и нового вполне обычное явление. И случаи совпадения, и случаи несовпадения определенных черт в сопоставляемых языках создают определенные сложности в изучении языка, поскольку непредсказуемы для учащегося.

На этом этапе студенту важно понять особенности грамматической системы изучаемого языка, а преподавателю – «прорисовать» ее, как кристаллическую решетку. Впоследствии знание такой «кристаллической решетки» – грамматической основы языка – работает в пользу учащегося, поскольку новый учебный материал сразу правильно распределяется по грамматическим категориям.

Русский язык относится к флективным языкам с нефиксированным порядком слов; для построения фразы нужно хорошо понимать функции различных форм слов. Для того чтобы успешно обучать языку, нужно изначально задать формы и отношения. Наиболее простой путь, по нашему опыту, – это применение принципа *«глокой куздры»* (Л. В. Щерба). Студенты учатся распознавать грамматическую семантику на основе грамматических форм, т. е. сначала знакомятся с грамматическими формами слов и синтаксическими отношениями на простейших примерах, а затем наполняют изученные модели более сложными номинативными единицами. Так, например, имя существительное – довольно сложная для изучения часть речи. Принадлежность к роду, формы числа и падежа – все эти семантико-грамматические компоненты усваиваются постепенно (еще более сложно идет усвоение падежных форм имен прилагательных и числительных), а говорить, продуцировать речь на иностранном

русском языке студенты начинают еще до того, как эти компоненты полностью усвоены. Одна из важных функций местоимения – выступать в высказывании вместо имени. Поэтому первой частью речи, парадигму которой изучают студенты, является местоимение (личное, лично-указательное, вопросительное): *кто? кого? у кого? для кого? без кого? – кому? к кому?... – я, ты, он, она... тебя, у тебя, для тебя, без тебя / тебе, к тебе, ему, ей, к нему, к ней...* Когда эти и подобные формы усвоены, к ним постепенно добавляется глагол, наречие, и лишь затем – имена существительные и прилагательные. Грамматические формы местоимений обладают большим коммуникативным потенциалом, такие формы слов – всегда частичка высказывания, например: *как вы без меня?; что для вас сейчас важно?*

Примеры для демонстрации функций падежей (склонение без предлогов и с предлогами): 1) *Я изучаю русский язык.* 2) *Её не было вчера. У нее высокая температура, она болеет.* 3) *Позвоните ей! Сходите к ней!* 4) *Вы хорошо его знаете? – Нет, никогда про него не слышал.* 5) *Это наши спортсмены. Мы не знакомы с ними, но гордимся ими.* 6) *Мы читали о них в интернете и в газете.*

Затем местоимения в изученных конструкциях заменяются именами существительными и прилагательными: *у кого? – у него, у брата, у моего брата / у неё, у сестры, у моей сестры* и т. д. Выполняя упражнения подобного типа, студенты постепенно собирают корпус частотных глаголов и предлогов, которые употребляются вместе с определенными падежными формами. В последующем эти знания становятся базой для изучения глагольного управления.

Примеры для демонстрации глагольного управления: 1) *Это он – мой старший брат Андрей.* 2) *Это сообщение от него – от моего старшего брата Андрея.* 3) *Я часто пишу ему – моему старшему брату Андрею.* 4) *Я часто вспоминаю его – моего старшего брата Андрея.* 5) *Я горжусь им – моим старшим братом Андреем. Мы всегда проводили много времени вместе с ним – с моим старшим братом Андреем.* 6) *Я часто думаю о нём – о моём старшем брате Андре.*

При изучении падежных форм именных частей речи очень хорошо проявляются особенности глагольного управления. Глагол управляет формой имени, но при этом он сам имеет несколько грамматических форм. Поэтому с точки зрения обучения лучше придерживаться такой последовательности в обучении, когда уже известная форма имени присоединяется к изучаемой форме глагола: *пишу тебе, иду к тебе; жду тебя.*

Итак, функции номинации и предикации реализуются параллельно уже на начальном этапе обучения русскому языку как иностранному, ес-

ли на этом этапе вводятся именные парадигмы на максимально легком для усвоения материале – местоимениях. Введение глагола в изучаемую грамматическую конструкцию становится следующим логичным шагом в обучении и усвоении языка. Таким образом, начиная постижение лексико-грамматической системы языка с изучения местоимений, мы имеем возможность выстроить логически выверенную пошаговую систему обучения, где функции номинации и предикации реализуются одновременно. Результатом является развитие языкового мышления учащихся на изучаемом языке.

Библиографические ссылки

1. *Прибрам К.* Языки мозга: экспериментальные парадоксы и принципы нейропсихологии. Пер. с англ. М. : «ЛИБРОКОМ», 2010.
2. *Пассов Е. И.* Метод диалога культур. Эскиз-размышление о развитии методической науки. Липецк: Издательство Липецкого государственного педагогического университета им. П. П. Семенова-Тян-Шанского, 2011.

УДК 1174

СПЕЦИФИКА ПРЕПОДАВАНИЯ РКИ В ГРУППАХ СТУДЕНТОВ РАЗНЫХ НАЦИОНАЛЬНОСТЕЙ

В. А. Демешко

*Белорусский государственный университет,
ул. К. Маркса, 31, 220030, г. Минск, Беларусь, demeshkova@mail.ru*

Целью данной работы является рассмотрение специфики преподавания русского языка как иностранного в группах студентов разных национальностей и с разными национально-психологическими особенностями. Автор также предлагает решение некоторых проблем, которые могут возникнуть в подобных группах в процессе обучения русскому языку как иностранному.

Ключевые слова: методика преподавания; мотивация; поликультурный; русский язык как иностранный; учебная деятельность; учебный процесс.

SPECIFICS OF TEACHING RFL IN GROUPS OF STUDENTS OF DIFFERENT NATIONALITIES

V. A. Demeshko

*Belarusian State University,
31 Karl Marks St., 220030, Minsk, Belarus, demeshkova@mail.ru*

The purpose of this work is to consider the specifics of teaching Russian as a foreign language in groups of students of different nationalities and with different psychological and national characteristics. The authors also propose a solution to some problems that may arise in such groups in the process of teaching Russian as a foreign language.

Keywords: teaching methods; motivation; multicultural; Russian as a foreign language; educational activities; educational process.

Каждый год в Беларусь приезжает большое количество иностранных студентов, поэтому в вузе довольно часто организуются группы для изучения иностранных языков, состоящие из представителей разных стран и культур. К сожалению, не всегда есть возможность объединить иностранных студентов для обучения языку в монокультурную группу. Данные обстоятельства требуют от преподавателя дополнительных усилий и приемов при организации обучения в поликультурной группе.

С какими проблемами может столкнуться преподаватель в подобных группах?

Во-первых, различие мотивации студентов к изучению русского языка.

Методика преподавания любого иностранного языка зависит от цели его изучения, поскольку иностранный язык всегда изучают для чего-то, например: для работы в стране изучаемого языка и культурного общения (глубокое овладение языком, приближенное к знанию родного языка; для научной лингвистической работы); чтобы понимать простейшие фразы и адекватно реагировать на них, даже не умея читать и писать (для сезонных и временных рабочих); чтобы понимать простейшие вопросы, знать несколько необходимых фраз, уметь прочесть вывески и названия улиц (для туристов). В поликультурной группе цели изучения языка будут разные.

Например, долгое время учиться к нам на факультет приезжали в основном китайские студенты. Их целью изучения русского языка, как нам кажется, было не столько овладение языком, приближенное к знанию родного языка, сколько получение диплома престижного университета. У себя на родине они могут стать конкурентноспособным специалистом (пусть даже и не в области филологии).

Методика преподавания таким студентам напоминает метод изучения иностранных языков, который использовался в советской школе и в школах некоторых европейских государств: ученики выучивали правила, имели большой лексический запас, могли сделать перевод печатного текста или написать небольшое сочинение, но не владели или плохо владели навыками устной речи.

В этом году на обучение к нам на факультет прибыло большое количество туркменских студентов. Целью приезда таких студентов в Беларусь является не изучение русского языка, а работа, зарабатывание денег. По тому, как говорят на русском языке туркменские студенты, можно предположить, что на родине они обучались по методике Берлица, суть метода которого в «восприятии речи на слух, разговоры в приоритете» [1]. Туркменские студенты бегло говорят, но плохо читают и практически не знают грамматики.

На первый взгляд, у студентов много общего: они иностранцы, приехали изучать русский язык, они хотят получить диплом филолога. Но оказывается, что цели изучения русского языка у самих студентов разные.

Китайские студенты стесняются говорить, не всегда понимают быструю устную речь. Темп занятия в китайской группе размеренный. Задания выполняются неторопливо, иногда даже кропотливо, внимательно, часто задаются вопросы, если не понятно слово или языковое явление. Китайские студенты широко используют возможности программ-

переводчиков: эти программы распознают слова на фото, аудио и рукописный текст, могут использовать синхронный перевод, делая речь понятной для собеседника. Домашнее задание китайские студенты чаще всего выполняют ответственно и в полном объеме. Им не составляет трудности написать дома сочинение, выучить текст для пересказа или стихотворение.

С туркменскими студентами дело обстоит немного иначе. Темп занятия у студентов из Туркменистана динамичный, студенты готовы отвечать, поднимать руку, писать у доски, даже если выполнили неправильно, не прочитали до конца задание, не проверили грамматику, не перевели незнакомые слова. Программами-переводчиками туркменские студенты тоже пользуются, переводят тексты, устную речь преподавателя. Но, к сожалению, широкие возможности IT технологий студенты из Туркменистана в процессе учебы применяют не так активно, как китайские студенты (чаще всего, чтобы что-нибудь списать на контрольной или экзамене). Домашнее задание выполняют не регулярно или не полностью. В отличие от китайских студентов, туркменские студенты предпочитают тексты для пересказа не заучивать, а пересказывать. Выучить стихотворение наизусть им не так легко и интересно, как китайским студентам.

Но как выбрать правильный метод, когда в группе объединились молодые люди с разными национально-психологическими особенностями, с разными целями изучения русского языка?

В данной ситуации целесообразно разрабатывать различные по типу задания, разрабатывать игровые задания, учитывать, что темп выполнения заданий может быть разный, т. е. искать индивидуальный подход.

Вторая проблема, с которой сталкивается преподаватель в поликультурных группах, это в разный уровень знания языка.

Например, туркменские студенты в нашей группе с разным уровнем владения русским языком. Есть молодые люди, которые закончили русскую школу или у которых, например, мама русская (или преподает русский язык в школе). А есть студенты, которые вообще по-русски не понимают и которым требуется переводчик.

Решение данной проблемы, как нам видится, в использовании «древнейшей» белл-ланкастерской системы обучения [2] – более взрослые и «хорошо говорящие» студенты обучали более слабых, закрепляя тем самым свои знания, а преподаватель лишь контролировал процесс. Такой подход хорош, когда преподаватель своей сверхзадачей видит вовлечение в процесс обучения всех без исключения студентов в группе. Этот же подход поможет решить и третью проблему в поликультурных группах – эффективное управление учебной деятельностью, включение всех обучаемых в активную работу на занятии.

В статье «Особенности организации обучения иностранному языку в мультикультурной группе» Т. В. Кривоги́на пишет: «По мнению А. Пульвернеса, основными принципами обучения в таких группах являются сотрудничество (collaboration), наличие задачи, конечный результат которой выражен не явно (open-ended task), принцип осуществления запросов или исследования (enquiry). Предполагается, что принцип сотрудничества подразумевает определенный вклад каждого студента при выполнении определенного задания в мини-группе для достижения общей цели» [3, с. 28]. Конечно, до «методов проектов» студентам 1 курса нашей группы еще далеко, но зачатки этого метода, действительно, помогут эффективно организовать учебный процесс в поликультурных группах и вовлечь в учебную деятельность студентов разного уровня и с разными национально-психологическими особенностями [4].

Библиографические ссылки

1. *Kirsten M. Hummel*. Introducing Second Language Acquisition: Perspectives and Practices (англ.) Wiley, 2013. P. 274.
2. *Белл-Ланкастерская система* // Большая российская энциклопедия: [в 35 т.] [Электронный ресурс] / гл. ред. Ю. С. Осипов. М.: Большая российская энциклопедия, 2004–2017. URL: <https://bigenc.ru/c/bell-lankasterskaia-sistema-88818a> (дата обращения: 04.07.2024).
3. *Кривоги́на Т. В.* Особенности организации обучения иностранному языку в мультикультурной группе // Идеи. Поиски. Решения: сборник материалов XIX Международной науч.-практ. конференции, Минск, 26 октября 2018 г.: в 7 т. Т. 7 / БГУ, Филологический фак., Каф. английского языкознания; редкол.: Н. Н. Нижнева (отв. ред.) [и др.]. Минск : БГУ, 2018.
4. *Беленкова Н. М.* Принципы организации процесса обучения иностранному языку в поликультурной учебной группе (из опыта зарубежной лингводидактики) // Иностранные языки в школе. 2015. № 12. С. 23–29.

УДК 372.881.161.1

ОРГАНИЗАЦИЯ РАБОТЫ С ТЕКСТОМ С УЧЕТОМ КОГНИТИВНЫХ И ЭТНОПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ОСОБЕННОСТЕЙ КИТАЙСКИХ УЧАЩИХСЯ

О. М. Дорогокупец-Новицкая

*Белорусский государственный университет,
ул. К. Маркса, 31, 220030, г. Минск, Беларусь, dorogokupetz@mail.ru*

В данной статье рассматриваются особенности обучения русскому языку как иностранному в китайской аудитории с учетом этнопсихологических особенностей учащихся. Описываются трудности восприятия китайскими студентами русского художественного текста, обусловленные спецификой национального менталитета, когнитивными особенностями учащихся. На примере работы с текстом определяется влияние этнопсихологических особенностей студентов на выбор наиболее эффективных методов и приемов обучения.

Ключевые слова: русский язык как иностранный; когнитивные особенности; этнокультурные особенности; текст; методы и приемы обучения.

ORGANIZATION OF WORK WITH TEXT CONSIDERING COGNITIVE AND ETHNOPSYCHOLOGICAL FEATURES OF CHINESE STUDENTS

O. M. Dorogokupets-Novitskaya

*Belarusian State University,
31 Karl Marks St., 220030 Minsk, Belarus, dorogokupetz@mail.ru*

This article examines the features of teaching Russian as a foreign language in a Chinese audience, taking into account the ethnopsychological characteristics of students. The difficulties encountered by Chinese students in perceiving Russian literary texts, caused by the specifics of the national mentality and the cognitive characteristics of students, are described. Using the example of working with text, the influence of students' ethnopsychological characteristics on the choice of the most effective teaching methods and techniques is determined.

Keywords: Russian as a foreign language; cognitive characteristics; ethnocultural characteristics; text; teaching methods and techniques.

Современное образование в целях развития и совершенствования постоянно находится в поиске наиболее эффективных форм, методов, приемов, средств обучения иностранным языкам, в том числе и русскому языку как иностранному.

В настоящее время проблема преподавания русского языка студентам из зарубежных стран, большую часть из которых на филологическом факультете БГУ составляют китайцы, по-прежнему остается актуальной.

Многие исследователи (Т. М. Балыхина, В. Н. Вагнер, Т. А. Кротова, И. А. Пугачев, В. К. Тихонов и др.) отмечают важность национально ориентированного подхода в образовательном процессе, который предполагает учет этнопсихологических, этнокультурных и учебно-познавательных особенностей иностранных студентов, а также этнолингвистические различия родного и русского языков. Ученые отмечают, что при данном подходе качество обучения значительно повышается.

По мнению В. Н. Вагнер, которая писала о национально ориентированной методике преподавания языков или методике национально-языковой ориентации, стратегии обучения необходимо строить с учетом результатов сопоставительного анализа русского языка и языка учащихся, учитывать потребности национальной аудитории, анализировать ошибки, характерные для учащихся определенной национальной принадлежности [1].

И. А. Пугачев, рассматривающий в своих трудах вопросы этноориентированного обучения РКИ, выделяет ряд этнопсихологических особенностей, характерных для представителей различных регионов, в том числе обучающихся из Юго-Восточной Азии, а также отмечает, что «овладение иностранным языком всегда проходит в тесном взаимодействии систем родного и изучаемого языков в сознании учащихся, <...> поэтому одним из важнейших принципов коммуникативной методики обучения РКИ является учет влияния родного языка студентов» [2, с. 120]. Однако преподавателю следует учитывать, что сопоставительный аспект в процессе обучения РКИ в первую очередь имеет практический характер и должен способствовать эффективному усвоению учащимися русского языка, а также предупреждению ошибок, связанных с интерференцией родного языка [2].

Этноориентированный подход в обучении РКИ предполагает, что при выборе наиболее эффективных стратегий и методов обучения, при подборе учебных материалов преподавателем принимаются во внимание способ мышления и специфика национального менталитета учащихся, их когнитивные особенности, а также существующие различия изучаемого иностранного и родного языков. В процессе работы с китайскими студентами преподавателю необходимо правильно строить межкультурную коммуникацию с учетом этнокультурной специфики обучаемых, оказывать помощь студентам в адаптации к новой социокультурной среде, учитывать такие национально-психологические особенности китайских учащихся, как скромность, дисциплинированность, эмоциональная

сдержанность, коммуникативная закрытость, стремление сохранить «свое и чужое лицо».

Следует обратить внимание также на различие лингводидактических традиций, существующих в нашей стране и в Китае: китайская система обучения ориентирована на запоминание и повторение, в отличие от главенствующего коммуникативно ориентированного подхода в обучении иностранным языкам в белорусских учреждениях образования, где, согласно современным требованиям, очень важен творческий подход к организации учебной деятельности.

При национально ориентированном подходе в обучении рекомендуется принимать во внимание особенности и существенные различия лексико-грамматических систем русского и китайского языков, что позволит преподавателю предвидеть трудности, которые могут возникнуть во время изучения неродного языка, выработать практическую типологию основных ошибок, и, соответственно, применить в учебном процессе наиболее эффективные приемы обучения.

При изучении иностранного языка, в том числе русского как иностранного, особая роль принадлежит тексту, так как именно текст является основной коммуникативной единицей обучения. Художественный текст представляет особую ценность, поскольку играет важную роль в процессе межкультурной коммуникации, иностранные студенты не только изучают язык, но и получают сведения об истории, культуре, традициях, национальном менталитете и т. д. В результате чтения текстов различных жанров и различной тематики развиваются и совершенствуются все виды речевой деятельности.

Умение работать с текстом для студента-иностранца, обучающегося на филологическом факультете, представляется очень важным. Студенту необходимо понимать прочитанное, выделять главную информацию, использовать полученные знания в речевой деятельности.

Однако работа с текстом вызывает у китайских учащихся большие сложности, что обусловлено существенными различиями лексико-грамматических систем русского и китайского языков. Китайские студенты испытывают затруднения в восприятии русского текста, они не понимают причинно-следственные связи в тексте, не могут ответить на, казалось бы, логичные и понятные вопросы преподавателя. Большие проблемы вызывает анализ текста, студенты с трудом определяют тему и главную мысль, не умеют извлекать из текста нужную информацию, комбинировать ее и трансформировать, не обладают навыком прогнозирования основного содержания текста по ключевым словам, по названию и т. д. Самой сложной задачей для китайских учащихся является устный пересказ своими словами. Китайцы, привыкшие к запоминанию большо-

го количества информации, заучивают тексты наизусть (заученные тексты через какое-то время они не могут повторить) и, как правило, сталкиваются с проблемами при осуществлении устного общения, выражении своего мнения. Творческие задания также вызывают у китайских студентов затруднения и первоначально выполняются без энтузиазма. Определенные трудности в обучении возникают вследствие того, что китайские учащиеся при чтении текста испытывают постоянную потребность обратиться к словарю, что существенно снижает их познавательную активность, способность самостоятельно мыслить, проводить анализ.

На наш взгляд, современные методы и приемы обучения русскому языку как иностранному в китайской аудитории предпочтительнее применять постепенно и последовательно, опираясь на лингводидактические традиции китайского образования, в приоритете которого обучение чтению, письменной речи, грамматике. Для того чтобы обучение проходило наиболее плодотворно, необходимо учитывать и правильно использовать в учебном процессе особенности этнопсихики китайских учащихся, их когнитивные особенности, такие как способность к запоминанию большого объема информации, преимущественно зрительное восприятие информации, сочетание индивидуального обучения с коллективными формами работы.

И. Е. Бобрышева, рассматривая развитие различных видов компетенций у китайских студентов, отмечает существенные особенности, которые отражаются в «опоре на зрительное восприятие и запоминание через зрительное восприятие», в «дисбалансе при формировании разных компетенций на начальном этапе обучения», в «замедлении перехода от запоминания знаний до порождения на основе данных знаний собственных речевых продуктов» [3].

В китайской аудитории тексты вызывают больший интерес, если при рассмотрении определенной темы используется известная студентам информация об их родной стране. Студенты могут проводить сравнение / параллель между предложенными для обсуждения объектами, ситуациями в двух странах. При чтении текста могут использоваться различного рода комментарии: комментарии в виде исторической или научной справки; комментарии, разъясняющие лексическое значение слова (с использованием сведений из словаря); лингвокультурологические комментарии к словам, словосочетаниям, фотографиям и др. Значительно повысит эффективность усвоения материала использование интернет-ресурсов для подготовки монологических высказываний, связанных с темой прочитанного текста.

Мы считаем, что преподавателю следует уделять больше времени анализу текста, развивать у китайских студентов абстрактное мышление и логическую память. Подобранные для занятия тексты должны способствовать формированию у студентов умений сравнивать, сопоставлять, устанавливать причинно-следственные связи, рассуждать. Предложенные студентам задания должны быть направлены на облегчение восприятия текста, извлечения и трансформации из него нужной информации. Очень важным представляется учить студентов правильно сокращать текст, пересказывать его, а не заучивать наизусть. В выполнении данной задачи помогут задания, предполагающие объяснение смысла избранных текстовых высказываний, совместный пересказ текста поочередно каждым студентом (по несколько предложений), разыгрывание ситуаций из текста по ролям, ответы на вопросы типа «а если бы...».

Преподавателю необходимо активно вовлекать иностранных студентов в продуктивную, учебно-познавательную деятельность, формировать и развивать у них языковую догадку, опираясь на полученные знания по словообразованию и морфологии в русском языке, что будет стимулировать учащихся к речевому взаимодействию.

Таким образом, учет национальной специфики китайской аудитории студентов в условиях иноязычной среды позволит активизировать процесс работы с текстом на занятии, сделает его более осознанным и продуктивным, даст возможность преодолеть некоторые трудности, с которыми сталкиваются студенты в процессе обучения, поспособствует успешному формированию речевой компетенции у учащихся.

Библиографические ссылки

1. *Вагнер В. Н.* Методика преподавания русского языка англоговорящим и франкоговорящим на основе межъязыкового сопоставительного анализа: Фонетика. Графика. Словообразование. Структуры предложений, порядок слов. Части речи: Учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений, обуч. по спец. «Филология». М. : Гуманит. изд. центр ВЛАДОС, 2001.

2. *Пугачев И. А.* Этноориентированная методика в поликультурном преподавании русского языка как иностранного: монография. М. : РУДН, 2011.

3. *Бобрышева И. Е.* Культурно-типологические стили учебно-познавательной деятельности иностранных учащихся в методике обучения русскому языку как иностранному. М. : Флинта. Наука, 2004.

УДК 811.161.1:378

ТЕМА «ХАРАКТЕРИСТИКА ЧЕЛОВЕКА» В АСПЕКТЕ ПОДГОТОВКИ К ЭКЗАМЕНУ ТРКИ-2 / B2

И. С. Каминская

*Минский государственный лингвистический университет,
ул. Захарова, 21, 220034, г. Минск, Беларусь, rkiteacher80@gmail.com*

В статье рассматриваются экзаменационные задания субтеста «Письмо» на уровне ТРКИ-2 / B2, основное содержание которых составляет тема «Характеристика человека». Даются примеры возможных коммуникативных ситуаций, описываются требования, предъявляемые к языковой сложности продуцируемого текста. Содержание лексического минимума второго сертификационного уровня анализируется с точки зрения представленности единиц, выполняющих функцию характеристики человека. Предлагается система упражнений, направленных на формирование умения продуцировать письменный текст неформального рекомендательного характера, содержащий характеристику профессиональных и личностных качеств человека.

Ключевые слова: ТРКИ; второй сертификационный уровень; письмо; характеристика человека; лексический минимум; система упражнений.

TOPIC «HUMAN CHARACTERISTICS» IN THE ASPECT OF PREPARATION FOR THE TORFL-2 / B2

I. S. Kaminskaya

*Minsk State Linguistic University,
Zakharov St., 21, 220034, Minsk, Belarus, rkiteacher80@gmail.com*

The article examines the examination tasks of the “Writing” subtest at the TORFL-2 / B2 level, the main content of which is the topic “Human Characteristics”. Examples of possible communicative situations are given, and the requirements for the linguistic complexity of the produced text are described. The content of the lexical minimum of the second certification level is analyzed from the point of view of the representation of units that perform the function of characterizing a person. A system of exercises is proposed aimed at developing the ability to produce a written text of an informal recommendation nature, containing characteristics of a person’s professional and personal qualities.

Keywords: TORFL; second certification level; writing; characteristics of a person; lexical minimum; system of exercises.

В настоящее время одним из наиболее авторитетных и востребованных документов, подтверждающих уровень владения русским языком как иностранным (РКИ), является сертификат государственного экзамена по русскому языку как иностранному языку, известный как ТРКИ

(TORFL). С 1997 года Экзамен входит в Европейскую систему языкового тестирования (ALTE).

Экзамен состоит из пяти субтестов («Письмо», «Лексика. Грамматика», «Чтение», «Аудирование», «Говорение»), содержание которых регламентируется государственными стандартами, лексическими минимумами и типовыми тестами для каждого уровня владения РКИ. В соответствии с Общеввропейскими компетенциями (Common European Framework of Reference, CEFR) в системе ТРКИ выделяется шесть уровней владения русским языком:

- элементарный (ТЭУ / A1);
- базовый (ТБУ / A2);
- первый сертификационный (ТРКИ-1 / B1);
- второй сертификационный (ТРКИ-2 / B2);
- третий сертификационный (ТРКИ-3 / C1)
- четвертый сертификационный (ТРКИ-4 / C2).

Тема «Характеристика человека» прослеживается в контексте экзаменационных материалов для всех уровней ТРКИ, однако именно на втором сертификационном уровне в субтесте «Письмо» она составляет основное содержание отдельного задания – задания 3: написать письмо неформального характера, содержащее рекомендацию человека. Коммуникативная задача формулируется следующим образом: *ваш знакомый / друг / коллега – директор / руководитель организации / владелец компании – просит вас порекомендовать ему человека на вакантную должность*. Примеры заданий из открытых материалов по подготовке к ТРКИ: «*Ваш коллега, **руководитель курсов русского языка**, обратился к Вам с просьбой порекомендовать ему человека, который мог бы претендовать на вакантную должность **преподавателя этих курсов*** [1, с. 5]; *Ваш знакомый – **руководитель крупной киностудии** – ищет **актёров** для съёмок нового фильма* [2, с. 3]. В письме следует описать характер, образование, профессиональные качества, опыт работы и сферу интересов рекомендуемого лица.

Задание нацелено на проверку таких умений, как: 1) «осуществлять дистантное письменное общение в социально-культурной и социально-бытовой сферах общения в форме монолога-описания, монолога-повествования с элементами количественной и качественной характеристики»; 2) «использовать типизированные композиционные компоненты (введение/зачин; заявка темы/ситуации; развертывание темы/развитие ситуации; заключение/выводы» [3, с. 62]. Степень языковой сложности задания не предполагает демонстрацию тестируемым умения использовать синтаксические и стилистические структуры, отражающие богатый внутренний мир человека [3, с. 63], однако словарное наполнение продуцируемого текста должно соответствовать лексическому минимуму ТРКИ-2.

Анализ лексического минимума показал, что в нем присутствуют более 50-ти имен прилагательных, которые могут выполнять функцию характеристики профессиональных и личностных качеств человека: *внимательный, воспитанный, выносливый, грамотный, дальновидный, деликатный* и пр. [4]. Кроме того, в минимуме представлены фразеологизмы, характеризующие человека: *владеет собой, восходящая звезда, знать как свои пять пальцев, золотое сердце* и пр. [там же].

В целях подготовки обучающихся к выполнению задания, лексический материал был сгруппирован по следующим параметрам:

1) что характеризуется? (профессиональные качества, опыт работы / личностные качества);

2) кто характеризуется? (управленец, руководитель / рядовой сотрудник; работает с людьми / не работает с людьми);

3) какая сфера деятельности характеризуется? (сфера обслуживания / преподавание / туризм / межкультурная коммуникация / искусство / делопроизводство / бухгалтерия и др.).

В результате нами были выделены такие группы, как: 1) «Общая характеристика специалиста»; 2) «Характеристика специалиста в определенной сфере деятельности»; 3) «Характеристика личностных качеств».

К первой группе были отнесены:

– имена прилагательные, сочетающиеся со словом «специалист» – *блестящий, замечательный, великолепный, грамотный, редкий, перспективный*;

– имена прилагательные, характеризующие «хорошего работника» – *добросовестный, ответственный, квалифицированный, пунктуальный, активный, опытный, работоспособный, трудолюбивый, целеустремленный*;

– лексические единицы, объединенные значением «опыт работы» – *опытный, профессионал, мастер своего дела, собаку съест на чем, знать что как свои пять пальцев*.

Лексику второй группы мы условно разделили по следующим категориям:

1) руководитель – *иметь вес / авторитет в чем; не бросать слов на ветер; дальновидный, объективный, справедливый, принципиальный, требовательный*;

2) специалист, работающий с людьми (учитель, воспитатель, психолог) – *внимательный, приветливый, деликатный, доброжелательный, добрый, заботливый, наблюдательный, у кого золотое сердце*;

3) специалист, работающий в сфере обслуживания (официант, продавец, парикмахер) – *внимательный, приветливый, деликатный, доброжелательный, мастер на все руки, общительный, открытый*;

4) работник творческой сферы (актер, дизайнер, художник, музыкант) – *талантливый, способный, обаятельный, восходящая звезда чего*.

Группа «Характеристика личностных качеств» включает следующие подгруппы:

- 1) интеллект: *интеллектуальный, любознательный, находчивый, мудрый, у кого светлая голова;*
- 2) духовная сфера: *честный, интеллигентный, скромный, порядочный;*
- 3) поведение: *воспитанный, решительный, владеет собой;*
- 4) отношение к людям: *внимательный, деликатный, добрый, доброжелательный, заботливый, приветливый, общительный и пр.*
- 5) физическая сфера: *выносливый, здоровый.*

Опыт подготовки к выполнению задания показал, что основными проблемами в составлении профессиональной рекомендации являются: несоответствие словарного запаса обучающегося лексическому минимуму уровня ТРКИ-2; неумение соотносить требования, предъявляемые к кандидату на определенную должность, и его профессиональные / личностные качества, опыт работы, уровень образования (например, в характеристике продавца-консультанта в магазин женской одежды было указано, что кандидат был лучшим студентом факультета маркетинга, получил красный диплом и закончил аспирантуру).

Выявленные проблемы определили цели обучающих упражнений: 1) упражнения на усвоение лексических единиц, характеризующих человека; 2) упражнения на отбор характеристик, соответствующих характеризуюмому объекту.

Примеры упражнений первой группы:

- соотнесите имя прилагательное и его лексическое значение;
- соотнесите синонимы / антонимы;
- продолжите предложения (Образец: *Иван старательно выполняет свои обязанности. Он добросовестный; Екатерина упорно стремится к своей цели; Виктор много и эффективно работает; Ирина умеет предвидеть возможные результаты работы в будущем;*
- дополните предложения аргументацией утверждения (Образец: *Егор – редкий специалист. В Беларуси только несколько человек имеют диплом Оксфорда. Анна – ценный работник...; Николай требовательный и принципиальный...; Владимир – перспективный специалист...; Виктория ответственная и пунктуальная...; Андрей высококвалифицированный специалист...).*

Примеры упражнений второй группы:

- из указанных имен прилагательных выберите те, которые характеризуют: *хорошего руководителя; хорошего учителя; хорошего продавца; хорошего бухгалтера и др.;*
- расскажите, что должен знать как свои пять пальцев / в чем должен хорошо разбираться: *гид, юрист, учитель, инженер?*

•расскажите, какой белорусский университет мог бы закончить: *переводчик, психолог, стоматолог, пианист?*

•у кого, по вашему мнению, должна быть светлая голова, золотое сердце, золотые руки (*воспитатель, электрик, парикмахер, врач, директор компании*).

•по резюме опишите образование, опыт работы и профессиональные качества кандидата;

•представьте, что вы работаете в отделе кадров компании. Выберите из нескольких резюме одно и аргументируйте свой выбор. Напишите сообщение своему коллеге об этом человеке, убедите его, что ваш выбор – правильный.

В заключение отметим, что описанные упражнения, помимо подготовки к выполнению задания 3 субтеста «Письмо» ТРКИ-2 / В2, могут быть полезными и для выполнения задания 14 субтеста «Говорение», в котором требуется осуществить «звонок по объявлению» [1, с. 65; 2, с. 55]. Опорный текст зачастую представляет собой объявление о вакантной должности, а значит, велика вероятность, что беседа будет включать обсуждение профессиональных качеств, образования и опыта работы кандидата.

Библиографические ссылки

1. Тест по русскому языку как иностранному как иностранному языку. Второй уровень. Субтест «Письмо» (Демонстрационный вариант) [Электронный ресурс] / Центр языкового тестирования СПбГУ. – URL: https://testingcenter.spbu.ru/images/files/TRKI2_demo.pdf// (дата обращения: 13.03.24).

2. Тест по русскому языку как иностранному как иностранному языку. Второй уровень. Субтест «Письмо» (Демонстрационный вариант 2) [Электронный ресурс] / Центр языкового тестирования СПбГУ. – URL: https://testingcenter.spbu.ru/images/files/TRKI2_demo_v2.pdf// (дата обращения: 13.03.24).

3. Типовые тесты по русскому языку как иностранному. Второй сертификационный уровень. Общее владение / Аверьянова Г. Н. и др. М.–СПб. : Златоуст, 1999.

4. Лексический минимум по русскому языку как иностранному. Второй сертификационный уровень. Общее владение / под ред. Н. П. Андрюшиной (электронное издание). 5-е изд. СПб. : Златоуст, 2015.

УДК 37.02

О РАЗВИТИИ УМЕНИЙ КРЕАТИВНОГО ПИСЬМА НА ПРОДВИНУТОМ ЭТАПЕ ОБУЧЕНИЯ РУССКОМУ ЯЗЫКУ КАК ИНОСТРАННОМУ

Н. С. Касюк¹⁾, Э. Камрани Мотлаг²⁾

¹⁾ *Белорусский государственный университет,
ул. К. Маркса, 31, 220030, г. Минск, Беларусь; Даляньский политехнический
университет, ул. Лингун, 2, 116024, г. Далянь, Китай, nataliakas@yandex.by*

²⁾ *Университет Северной Каролины в Чепел-Хилле,
Лос-Анджелес, США, elkam@unc.edu*

В статье рассматривается потенциал заданий по креативному письму в аспекте развития письменной речи в курсе русского языка как иностранного. Предлагается комплекс заданий для иностранных студентов-русистов 2–4 курсов, который был успешно апробирован. Результаты апробации показали положительную динамику в развитии письменных творческих способностей обучающихся.

Ключевые слова: продуктивная письменная речь; творческие письменные работы; креативное письмо; русский язык как иностранный; китайские студенты.

THE DEVELOPMENT OF CREATIVE WRITING SKILLS AT AN ADVANCED STAGE OF LEARNING RUSSIAN AS A FOREIGN LANGUAGE

N. Kasiuk¹⁾, E. Kamrani Motlag²⁾

¹⁾ *Belarusian State University,
31 Karl Marks St., 220030, Minsk, Belarus;
Linggong St., 2, Dalian, P. R. China, 116024, nataliakas@yandex.by*

²⁾ *University of North Carolina at Chapel Hill, Los Angeles, USA, elkam@unc.edu*

The article examines the potential of creative writing assignments in the aspect of the writing development in the course of Russian as a foreign language. A set of tasks is offered for foreign students of 2–4 years of study, which has been successfully tested. The results of the approbation showed positive dynamics in the development of students' written creative abilities.

Keywords: productive written speech; creative writing; Russian as a foreign language; Chinese students.

В современных условиях приоритетом образования становится обучение, ориентированное на саморазвитие и самореализацию личности будущего специалиста. Требования, предъявляемые к планируемым результатам обучения, заставляют современного педагога тщательно под-

ходить к вопросу выбора форм взаимодействия и предлагаемых заданий. В этой связи вопрос об актуализации аспекта креативности в изучении иностранного языка в современном вузе представляется актуальным.

Стандартные формы обучения, предусмотренные программой, все реже вызывают интерес у современных обучающихся, в силу чего у преподавателей появилась необходимость искать новые методы. Такие виды письменной речи, как эссе, три вида сочинений (сочинение-описание, сочинение-повествование, сочинение-рассуждение) и письма делового и личного характера не всегда находят отклик у учащихся и нередко выполняются ими формально. Студенты, как правило, неохотно выполняют объемные письменные задания самостоятельно, все чаще с целью создания текстов и их фрагментов обучающиеся используют системы искусственного интеллекта. При выполнении заданий по развитию продуктивной письменной речи важную роль играют удовольствие и интерес к происходящему, что служит повышению мотивации к работе со своими и чужими текстами разных жанров, развитию творческих способностей и т. п. Выстраивая систему формирования умений письменной речи, преподавателю необходимо стремиться постоянно наполнять ее.

Цель нашей работы – представить некоторые типы заданий по креативному письму, которые вызвали интерес у студентов, изучающих русский язык как иностранный (далее – РКИ), а также привести примеры, демонстрирующие положительную динамику в развитии письменных творческих способностей обучающихся (на материале работ иностранных студентов-русистов 2–4 курсов).

Нами были использованы теоретические методы (изучение научной литературы по вопросу использования креативных упражнений в процессе обучения иностранным языкам), а также методы эмпирического исследования (наблюдение, описание и экспериментальная проверка).

Креативное письмо – это особый вид творческого письма, направленный на создание нового оригинального продукта – текста, предполагающий умение автора отойти от стандартных шаблонов и проявить индивидуальность, продуцирование новых нестандартных идей и оригинальных образов с целью заинтересовать и вовлечь читателя, в силу чего на передний план выдвигается эстетичный аспект, а не прагматичный или информативный. Данный вид письма подразумевает опору на жизненный опыт, воображение, фантазию и другие творческие процессы. Его цель состоит в том, чтобы дать автору возможность выразить собственные мысли, идеи, мнения, переживания или эмоции [1–4].

Задания по креативному письму носят репродуктивно-продуктивный (развитие аналитических умений и умений структурной семантизации и лингвистической реорганизации иноязычного письменного текста) и продуктивный (совершенствование умений продуцирования иноязычного креативного письма) характер и выполняются в пись-

менной форме [5, с. 8–13]. Именно продуктивность речи связана с творческим аспектом деятельности, возбуждающим воображение и способствующим созданию нового (для обучающихся) речевого продукта [6, с. 21–23]. Упражнения с использованием приемов креативного письма имеют большой обучающий потенциал: способствуют развитию вторичной языковой личности в целом и развитию и совершенствованию письменной речи в частности. Навыки креативного письма экстраполируются и на другие виды письменной речи.

Обучение креативному письму обеспечивается обширным количеством заданий, приемов и форм работы, реализующихся в создании авторских разножанровых письменных произведений. Среди них задания по **реставрации текста** (написание текста по ключевым словам, «облаку тегов», по серии рисунков, с опорой на план); по **трансформации текста** (сокращение и развитие текста, написание продолжения или конца текста, изменение ранее выученных стихов с использованием активного вокабуляра, развитие истории на основе одного из описанных в тексте действий, представление ситуации из произведения в виде репортажа, газетной заметки); по **продуцированию текста** (написание рассказа, ведение дневника от лица героя, ведение блога культурного обмена (Culture Exchange Blog), описание пейзажа в поэтической форме, создание белых стихов, хайку, четверостиший с опорой на предложенную рифму, создание встречного текста (например, дать к тексту историческую справку или лингвокультурологический комментарий), предыстории к тексту и мн. др.) [7–10].

В практическом курсе по развитию письменной речи на 2–4 курсах мы активно используем задания по креативному письму, «...не для того, чтобы все стали писателями, а для того, чтобы письмо приносило удовольствие...» (Marion Gay) [11, с. 9].

Широкое поле для деятельности открывается на старшем этапе обучения, когда письмо является самостоятельным видом речевой деятельности и целью обучения [12, с. 190]. В рамках дисциплины «Развитие русской письменной речи» обучающиеся знакомятся с минимально необходимыми теоретическими сведениями по текстологии, на этой знаковой основе развиваются навыки анализа готового текста для понимания текстовых признаков, стилевых и жанровых особенностей текстов, последовательно формируются навыки текстопостроения от простого к сложному, от репродукции к составлению собственного текстового произведения.

Для создания письменного текста студенты отбирают лексические единицы, организуют их в предложения в соответствии с грамматическими нормами, а затем – в абзацы и текст, проводя отбор, сравнение, комбинирование и проверку в соответствии с коммуникативным намерением автора. Так каждый автор текста проходит путь от мысли к языко-

Материалом данного исследования выступили творческие письменные работы иностранных студентов 2–4 курсов, изучающих русский язык в Даляньском политехническом университете (КНР) и Университете Северной Каролины в Чапел-Хилле (США).

1. Работа с техниками «облако тегов (слов)», «ментальная карта (mind map)» (рисунок).

Данная техника включает следующие задания:

- ## 2. Составление текста с опорой на рисунки, фотографии и проч.

1. Это классическая китайская красавица. Хотя она юна, ее речь и манеры очень элегантны. У нее хрупкое тело, но оно излучает природный шарм. Ее брови тонкие и изогнутые, как молодая луна. Ее глаза отражают то, что у нее на душе. На лице ее легкая грусть. Она сидит у озера, отражающего красоту этого нежного

цветка в зеркале воды. Ее походка подобно ивовой ветви, качающейся на ветру. (Студенческое сочинение о Линь Дайюй, «Сон в красном тереме»)

2. Несмотря на то, что ее портрет запечатлели только черно-белые фотографии, красота и шарм этой актрисы не перестают восхищать. Ее очарование притягивает. <...> Эта голливудская звезда известна как «ангел». Если в мире есть ангелы, то я склонна думать, что она – один из них. (Студенческое сочинение о Холли Голайтли, «Завтрак у Тиффани»)

2.2 Найдите в интернете фото незнакомца / незнакомки. Подумайте, кто этот человек, что для него важно в жизни. Напишите о нем / о ней.

2.3 На одном из веб-сайтов музеев (см. сайт «Музеи мира в интернете» <https://www.hist.msu.ru/ER/museum.htm>) выберите понравившуюся картину, на которой изображены люди / человек. Опишите изображенного / изображенных (внешность, характер, впечатление), взаимоотношения между ними (если два или более человек).

2.4 Выберите в своей фотогалерее одну фотографию с изображением природы – неба (моря, гор, парка, заката и проч.). Опишите пейзаж, используя языковые средства выразительности.

Небо в Даляне бирюзово-голубое и напоминает море в этом городе. Дожди здесь идут редко, поэтому часты солнечные дни. Солнце в Даляне магическое, оно дарит мне хорошее настроение.

По небу плывут облака, ярко-белые и серые, летят птицы. Пролетевший самолет оставил след в воздухе, который постепенно растворяется. (Студенческое сочинение)

3. Составление текста, осложненное определенными требованиями (временные, грамматические условия и т. п.)

3.1 Напишите текст, где в каждом предложении есть «не».

В качестве образца приводится отрывок стихотворения:

Не чаять. Не мечтать. Не драться.

Не рваться на рожон в неравный бой.

Не забывать: уже – не восемнадцать,

Не строить замки. Думать головой. (А. Романова)¹

В качестве примера также можно привести стихотворение «Незримый незнакомец» И. Расуловой (см. <https://stihi.ru/2007/03/11-1772>).

3.2 «Пятиминутный писатель». Напишите рассказ за 5 минут, выбрав одну из тем.

В качестве примера приведем фрагменты работ по заданию «Вы открыли ресторан. Как бы вы его назвали? Кто бы там работал и какую еду вы бы подавали?»

1. Я бы открыл ресторан, который бы назвал «Безопасный домик». В связи с тем, что некоторые люди могут чувствовать себя беспокойно и некомфортно, когда идут куда-нибудь поесть, такое место необходимо. <...> Главным в моей концепции является тот факт, что только полностью расслабленному человеку еда раскрывает все свои вкусы. (Студенческая работа)

2. Я бы открыла кофейню ... под названием «Еще счастливее». <...> Здесь будет много полезного кофе с китайским акцентом. Например, американо с черносливом, который способствует пищеварению, американо с облепихой, обладающий от-

¹В наши задачи не входит работа по «тиражированию» приемов, реализуемых мастерами слова, копированию, подражанию писателям. Художественные тексты и их фрагменты используются как материал, на котором следует учиться языковой культуре и мастерству.

беливающим эффектом, латте с ягодами годжи, которые полезны для печени. (Студенческая работа)

3.3 Напишите небольшой текст, используя только глаголы или только существительные. Вы удивитесь, но все будет понятно.

День. Ветер. Облака. Холод. Серость. Вечер. Грусть. Ночь. Сон. Надежда. Утро. Солнце. Небо. Запахи. Масленица. Блины. Весна. Радость. (Студенческая работа)

4. Создание стихов, загадок

4.1 Подберите рифмы к словам: *день*, *дом* и др., используя сайт «Поиск рифмы к слову» (см. <https://rifme.net>).

*Я люблю свой уютный **дом**.*

*Очень счастливо жить мне **в нём**.*

*Довольный просыпаюсь каждый **день**.*

*Работать и учиться мне не **лень**.* (Студенческая работа)

4.2 В поэзии существуют стихи без рифмы. Прочитайте примеры таких стихов. Попробуйте написать собственное стихотворение без рифмы.

Озеро

Весной озеро, как девушка.

Я вижу и чувствую,

Какая молодая и красивая.

Летом озеро как спортсменка.

Я вижу и чувствую,

Какая живая и страстная.

Осенью озеро, как художница.

Я вижу и чувствую,

Какая искусная и очаровательная.

Зимой озеро, как бабушка.

Я вижу и чувствую,

Какая белоснежная и добрая. (Студенческое сочинение)

4.3 Прочитайте загадки, попробуйте догадаться, о чем идет речь. Создайте свою загадку, предложите одноклассникам отгадать ее.

Он может быть красным, может быть зелёным. Его или любят, или боятся. (Перец) (Студенческая работа)

5. Продолжить, закончить рассказ.

5.1 Прочитайте рассказ. Предложите свою концовку произведения.

На занятии студенты познакомились с адаптированной версией рассказа В. Солоухина «Каравай заварного хлеба»². Рассказ в учебнике прерывается на моменте, когда герой оказывается в избе незнакомой тети Маши, ужинает и засыпает. Вопрос, добрался ли он до родной деревни, остается открытым. В работах студентов были представлены разные варианты концовок. Приведем одну из них:

Я наконец-то добрался до дома. Мама меня не ждала. Не было теплой печки и валенок, дома тоже не было... Повезло, что я задержался в дороге, а то бы я

² См. источник: 大学俄语东方 (新版)学生用书, 7/北京外国语大学俄语学院编著, — 北京: 外语教学与研究出版社, 2013.6(2015.12 重印) (Русский язык 7. Кн. для студ.: учеб. пособие для студ. ун-та (нов. изд.) / Под ред. Ин-та русского языка Пекинск. ун-та иностр. яз. Пекин: Изд-во по преп-ю иностр. яз., 2013. С. 39–43.

погиб, как и мама. Я решил пойти на войну... <...> Шла война, на которую мы, шестнадцатилетние и семнадцатилетние мальчишки, уже неумолимо попали. (Студенческая работа)

Для выполнения такого рода задания можно предложить рассказ «Контакт» Х. Ребане (<https://litresp.ru/chitat/ru/P/rebane-helju/viigrivayut-vse/7>).

5.2 Придумайте и запишите рассказ, используя предложенные начало и концовку.

Поздно вечером я включил компьютер, чтобы поиграть. <...>

С тех пор я больше не играю в компьютерные игры.

5.3 Придумайте и запишите рассказ, используя предложенное начало. (Задание можно усложнить, сопроводив списком лексики / конструкций, которые необходимо употребить.)

1. Поздно вечером я выключил телевизор, умылся, почистил зубы и пошёл спать. И тут в окно постучали. А живу я на 12 этаже... <...>

2. Ты путешествовал на корабле. После бурного ночного шторма ты оказываешься выброшенным / ой на берег тропического острова... <...>

Как показывает практика, обучающиеся охотно выполняют креативные задания, демонстрируют свои творческие способности. В то же время некоторые студенты отмечают сложность таких заданий по причине недостаточного словарного запаса, что побуждает их обращаться за помощью к электронным переводчикам.

При выполнении креативных заданий по письму важна послетекстовая работа. Оценивание творческих работ согласно стандартным критериям (содержание, организация текста, лексическое и грамматические оформление текста, орфография и пунктуация) мы сопровождаем комментарием, где обращаем внимание на сильные стороны работы и даем рекомендации по коррекции недочетов.

Итак, спектр креативных заданий достаточно широк. Такие задания позволяют развивать и совершенствовать умения продуцирования иноязычного креативного текста: отрабатывать приемы составления текстов, использования разнообразных изобразительно-выразительных средств, стимулировать воображение и находить способы выразить себя, проявлять свою индивидуальность. Использование креативных письменных заданий в процессе обучения РКИ позволяет повысить учебную мотивацию, сформировать личность, способную самостоятельно обучаться и способствует развитию письменной коммуникативной компетенции.

Библиографические ссылки

1. Кизрина Н. Г. Обучение студентов третьего курса языкового вуза креативному письму: автореф. дис. ... канд. пед. наук [Электронный ресурс]. Нижний Новгород, 2009. URL: <http://www.dissercat.com/content/obuchenie-studentov-tretegokursa-yazykovogo-vuza-kreativnomu-pismu/> (дата обращения: 25.03.24).

2. Житкова Е. В., Карпова Н. А., Козловская Е. В. Креативное письмо при обучении взрослых иностранному языку / ред. Н.А.Карповой. Томск: Изд-во Томск. гос. ун-та, 2021.

3. *Татарина Т. М., Насонова Е. В.* Креативное письмо как инструмент повышения учебной мотивации школьников к изучению второго иностранного языка (на материале французского языка) // Непрерывное образование: XXI в.: науч. электр. ж-л. URL: <https://lll21.petrso.ru/journal/article.php?id=8846&ysclid=luja52v1fr362902838> (дата обращения: 01.04.2024).

4. *Игнатъева А. А.* Креативное письмо на уроках иностранного языка // Актуальные вопросы лингводидактики и методики преподавания иностранных языков: сб. науч. тр. XV Междунар. науч.-практ. конф., Чебоксары, 26 окт. 2018 г. Чебоксары, 2018. С. 268–271.

5. *Краснова Л. М.* Применение творческих заданий для обучения учащихся письменной речи на уроках английского языка // Новое в преподавании иностранных языков. 2015. № 7. С. 8–13.

6. *Рябова Е. В., Ростовцева В. М.* Развитие коммуникативной компетенции в контексте принципа креативности: опыт экспериментального исследования // Вестн. ТГПУ. 2014. №8 (149). С. 21–23.

7. *Баскакова, М. А., Булатова П. В.* Креативное письмо как форма развития письменной речи на уроках иностранного языка // Мир педагогики и психологии международный научно-практический журнал. 2021. № 10 (63) [Электронный ресурс]. URL: <https://scipress.ru/pedagogy/articles/kreativnoe-pismo-kak-forma-razvitiya-pismennoj-rechi-na-urokakh-inostrannogo-yazyka.html> (дата обращения: 21.12.2023).

8. 51 Creative Writing Activities For The Classroom: Comics, Prompts, Games, And Pretend Play // Teaching Expertise [Electronic resource]. URL: <https://www.teachingexpertise.com/k-5/creative-writing-activities> (date of access: 20.03.2024).

9. *Glatch S.* 24 Of The Best Writing Exercises To Become A Better Writer // Writers.com [Electronic resource]. URL: <https://writers.com/best-writing-exercises> (date of access: 25.03.2024).

10. *Покидова В. А.* Технология креативного письма в обучении иностранному языку в вузе // Высшее образование сегодня [Электронный ресурс]. 2016. № 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tehnologiya-kreativnogo-pisma-v-obucheniiinostrannomu-yazyku-v-vuze> (дата обращения: 20.12.23).

11. *Павлик О. Б.* Использование креативного письма в обучении иностранному языку // Актуальные вопросы современной науки. 2014. № 34. С. 117–122.

12. *Соловова Е. Н.* Методика обучения иностранным языкам: учеб. пособие для студ. пед. вузов и учителей. М.: АСТ: Астрель, 2009.

13. *Зинатуллина З. И., Чибисова Е. Ю.* Роль письменных упражнений в обучении иностранному языку // Проблемы и перспективы развития образования в России. 2011. № 7. С. 302–307.

УДК 81:243:81:27/.271.2.

РОЛЬ ПРЕЦЕДЕНТНЫХ ТЕКСТОВ В ОБУЧЕНИИ ИНОСТРАННЫМ ЯЗЫКАМ

Д. В. Лебедева

*Белорусский государственный университет культуры и искусств,
ул. Рабкоровская, 17, 220007, г. Минск, Беларусь, kaffiloll@mail.ru*

Цель статьи – изучить потенциал использования понятия прецедентного текста в методике обучения иностранным языкам. Ценность результатов исследования: применение понятия прецедентного текста в обучении иностранным языкам поможет обогатить и конкретизировать набор рекомендованных для изучения иноязычных фразеологизмов, а также послужит критерием при отборе страноведческого материала.

Ключевые слова: иностранный язык; русский язык как иностранный; межкультурное общение; ошибки коммуникации; прецедентный текст; фразеологические обороты и выражения; страноведческий материал.

THE ROLE OF PRECEDENT TEXTS IN FOREIGN LANGUAGE TEACHING

D. V. Lebedzeva

*Belarusian State University of Culture and Arts,
Rabkorovskaya St., 17, 220007, Minsk, Belarus, kaffiloll@mail.ru*

Objective: to study the potential of using the concept of precedent text in the methodology of teaching foreign languages. Value of the research results: the application of the concept of precedent text in foreign language teaching will help to enrich and concretise the set of foreign language phraseological expressions recommended for studying, and will also serve as a criterion for selecting country studies material.

Keywords: foreign language; Russian as a foreign language; intercultural communication; communication errors; precedent text; phraseological expressions and phrases; selection of country study material.

Иностранный язык является средством общения и взаимопонимания между представителями разных наций, но не менее важна его роль как инструмента познания другой ментальности, он представляет собой дверь в мир чужих ценностей, в иную культуру. Для успешного взаимодействия представителей разных стран недостаточно знаний только языка. Чтобы верно понимать друг друга, коммуниканты–иностранцы нуждаются в дополнительных знаниях об особенностях культуры собеседни-

ка. Исходя из этого цель обучения иностранному языку – это формирование иноязычной коммуникативной компетенции, позволяющей использовать иностранный язык как средство межличностного, межкультурного и профессионального взаимодействия в повседневной, социально-культурной и трудовой сферах. Согласно другим источникам цель изучения иностранных языков – формирование лингвокультурологической компетенции [1; 2]. Лингвокультурологический подход к обучению иностранному языку предполагает знакомство обучающихся с культурой речевого общения на иностранном языке.

В. В. Сафонова считает, что в рамках овладения нормами межкультурного общения происходит формирование социокультурной компетенции как способности к общению с носителями языка с учетом присущих им национально-культурных особенностей социального и речевого поведения [3]. Е. И. Пассов предложил концепцию преподавания языка через культуру. Таким образом, по мнению автора, иноязычная культура усваивается в процессе коммуникативного общения более успешно в культуроведческом и развивающем учебном аспектах. «Обучение языку в тесном взаимодействии с культурой позволяет участникам межкультурного общения не только познакомиться с фактами из области иноязычной культуры и приобрести умения ими пользоваться в различных ситуациях общения, но и овладеть способностью: а) видеть в чужой культуре не только то, что нас отличает от представителей другой культуры, но и то, что нас объединяет; б) оценивать события, поступки людей не только со своей точки зрения, но и с позиции чужой культуры; в) менять оценки в результате постижения чужой культуры, отказываться от стереотипов; г) использовать познание чужой культуры для более глубокого понимания своей; д) получать удовлетворение от познания чужой культуры; е) видеть связь между фактом культуры и словесным выражением, его обозначающим» [4].

Систематизируя феномены социокультурной сферы в образовательных целях, выделяют такие значимые категории как общее восприятие мира, представление о времени, о пространства, мышление, язык и мировоззрение, элементы невербальной коммуникации (позы, жесты, мимику), ценностные ориентиры, образцы поведения (нравы, обычаи, нормы, обряды, ритуалы, табу и т.д.), социальные группы и связи внутри общества. В методической литературе предлагается широкий спектр средств, позволяющих сформировать определенный набор знаний о культурных ценностях, менталитете, картине мира носителей изучаемого языка. К ним относится использование художественных произведений, кинофильмов, мультфильмов, фольклорных произведений, фразеологизмов, пословиц, поговорок, крылатых выражений и т. п. на языке оригинала. При таком

подходе многообразие возможных источников информации и количество объектов изучения представляются неохватными. По каким критериям их следует отбирать? В какой последовательности преподавать? Отдать предпочтение вербальным или невербальным средствам?

Анализируя и систематизируя свой опыт преподавания иностранного языка (немецкого), а также доступные ресурсы по методике преподавания русского языка как иностранного, мы обнаружили, что хотя в обоих случаях речь идет об обучении языку и обе области достаточно тщательно разработаны, еще остались вопросы, в решении которых РКИ и ИЯ потенциально могли бы обогатить друг друга. Один из этих вопросов – обучение социокультурной составляющей коммуникации. В этом плане в методике преподавания РКИ заслуживают особого внимания работы, посвященных использованию в обучении РКИ прецедентных текстов русской культуры.

Что такое прецедентный текст, и какова его ценность при освоении иностранной культуры и языка?

В словаре научных терминов прецедентный текст (от латинского *praecedens* – предшествующий) появился благодаря Ю. Н. Караулову, который даёт этому понятию следующие определения: прецедентные тексты – «это тексты, значимые для той или иной личности в познавательном и эмоциональном отношениях, имеющие сверхличностный характер, т.е. хорошо известные широкому окружению данной личности, включая ее предшественников и современников, обращение к которым возобновляется неоднократно в дискурсе данной языковой личности» [5, с. 216].

Вопросами определения понятия прецедентного текста, его типов и особенностей функционирования в языке кроме Ю. Н. Караулова занимались Д. В. Багаева, Д. Б. Гудков, М. А. Ефремова, И. В. Захаренко, В. В. Красных, Ю. Е. Прохоров, Г. Г. Слышкин, М. Степанова, К. М. Хасьянова и другие. Г. Г. Слышкин и М. А. Ефремова понимают под текстовой прецедентностью «наличие в тексте элементов предшествующих текстов» [6]. Прецедент – это случай, поступок, имевший место в прошлом и явившийся образцом или оправданием последующих случаев подобного рода. Таким образом, аллюзии и ссылки в текстах получили новое название: прецедентные тексты. Тексты, отдельные фразы или имена собственные из всем знакомых произведений наполняются культурологическим смыслом, отсылает языковую личность к тому или иному широко известному в русскоязычной картине мира факту, ситуации, тексту: «*Ты почто боярыню обидел, смерд?*», «*Мороз и солнце, день чудесный!*», «*Ледовое побоище*», «*Иван Сусанин*» и прочие. «Их можно обнаружить в речи носителей языка, в заголовках газет, в художествен-

ных текстах, на различных интернет-сайтах и в социальных сетях. Они часто встречается в виде демотиваторов и интернет-мемов» [4, с. 42].

Приведем здесь также определение прецедентного текста Г. Г. Слышкина и М. А. Ефремовой: «Под прецедентными текстами мы будем понимать любую характеризующуюся цельностью и связностью последовательность знаковых единиц, обладающую ценностной значимостью для определенной культурной группы. Прецедентным может быть текст любой протяженности: от пословицы или афоризма до эпоса. Прецедентный текст может включать в себя помимо вербального компонента изображение или видеоряд (плакат, комикс, фильм)» [7].

Ю. Е. Прохоров утверждает, что прецедентный текст – это «законченный и самодостаточный продукт речемыслительной деятельности, (поли)предикативная единица; сложный знак», знакомый «любому среднему члену лингвокультурного сообщества»; «обращение к нему многократно возобновляется в процессе коммуникации через связанные с этим текстом высказывания и символы» [6].

Л. М. Гриценко утверждает, что по своему характеру прецедентный текст является прекрасным источником как языкового, так и культурологического материала, что немаловажно с точки зрения преподавания иностранного языка. Умение употреблять в речи иностранные прецедентные тексты говорит о высоком уровне владения языком, поскольку обучаемый приобретает «способность к иноязычному общению на межкультурном уровне, под которым понимается адекватное взаимодействие с представителями других культур» [1].

Суммируя приведенные выше определения, можно сказать, что термин «прецедентный текст» по сути может являться родовым для наиболее значимых в культурном плане вербальных формаций определенной культуры. Некоторые исследователи включают в него также невербальные компоненты – изображения или видеоряд, но согласитесь, что в речи реально воспроизводятся не сами образы и ситуации, а их названия, реплики персонажей, песни, шутки. Таким образом, можно утверждать, что прецедентный текст — это всегда вербализованное содержание культурного феномена, известного всем носителям языка.

Изучением использования прецедентных текстов на занятиях РКИ занимались М. Е. Бохонная, Л. М. Гриценко, Т. А. Демидова, И. Г. Каурцева, А. И. Орлова, Е. В. Потёмкина, Е. А. Расолько, О. П. Семенец, Т. А. Скрыбина, Т. В. Смирнова, Н. В. Смыкунова, С. С. Стаценко, В. С. Тихонович и другие. Мы обратимся к некоторым их работам, чтобы найти ответ на вопрос: какую ценность с точки зрения освоения иностранного языка имеет прецедентный текст по сравнению с менее известными, редко цитируемыми текстами иноязычной культуры?

Как пишет В. С. Тихонович, «являясь содержательной базой, эти единицы влияют на общий смысл высказываний и сообщений, однако доступ к культурной информации, заложенной в высказывании, остается закрытым для представителя иноязычной культуры, в результате чего не происходит полного понимания смысла высказывания или сообщения, и взаимопонимания как цели и результата общения, не достигается» [8]. Ю. Н. Караулов в своей книге «Русский язык и языковая личность» пишет о том, что знание прецедентных текстов является показателем принадлежности «к данной эпохе и ее культуре, тогда как их незнание, наоборот, есть предпосылка отторженности от соответствующей культуры» [5, с. 216]. Человек, не знакомый с текстом оригинала, не сможет понять аллюзию, так как смысл прецедентного текста, как правило, не складывается из смысла входящих в него слов, а означает нечто больше, и, кроме того, имеет яркую эмоциональную окраску, которая также останется недоступной пониманию инофонов.

Таким образом, прецедентные феномены – это «зоны риска», где искажается смысл высказывания, возникает неясность, недопонимание и/или непонимание, нежелательный эмоциональный эффект, напряжение в речевом поведении и как следствие этого, – «коммуникативный сбой» при межкультурном общении [9].

Если умение понимать и употреблять в речи прецедентные тексты имеет такое большое значение для коммуникации, возникает вопрос, почему о прецедентных текстах ничего не говорится в популярных трудах по методике преподавания иностранных языков? Собирая информацию по этой теме, мы убедились в том, что термин «прецедентный текст» существует только в русскоязычном научном поле. В доступных в сети Интернет источниках нам не удалось найти подобного широкого и ёмкого термина ни на английском, ни на немецком языках. Таким образом, термин «прецедентный текст» в своем роде уникален, занимает значимое место в обучении РКИ и обладает определенным потенциалом для преподавания иностранных языков.

Мы считаем, что обращение к понятию «прецедентный текст» в методике преподавания иностранного языка может быть полезным в следующих отношениях:

1. Понятие «прецедентные тексты», как было сказано выше, включает в себя множество лексико-фразеологических феноменов разного рода. Так Л. М. Гриценко делит прецедентные тексты по типу источника на: А. паремии, афоризмы, крылатые выражения; Б. цитаты из песен; В. цитаты из художественных произведений, а также из фольклора и анекдотов; Г. цитаты из кинофильмов, мультфильмов, рекламных роликов [1]. Такого же подхода к классификации прецедентных текстов придер-

живаются О. А. Анищенко [10]. Обращение к прецедентным текстам зарубежной культуры существенно **обогатит набор** рекомендованных для изучения иноязычных **фразеологических оборотов и выражений**, так как, например, цитаты из фильмов или песен редко становятся предметом изучения на уроках ИЯ.

2. В качестве критериев для отбора иноязычных фразеологических оборотов и выражений, изучаемых на роках ИЯ, можно **использовать критерии**, рекомендованные для **отбора прецедентных текстов**:

А. ориентироваться, как Н. В. Смыктунова, на содержание ассоциативных словарей или тезаурусов, а также сборников цитат, пословиц, поговорок, афоризмов и крылатых выражений и т. д.;

Б. отбирать из них наиболее употребительные актуальные единицы (в Интернете можно найти списки новейших выражений);

В. учитывать особенности данной конкретной группы учащихся и особенности урока («уровень владения иностранным языком, уровень их культурной “грамотности” и эрудированности, возраст, тип и тематику урока, цели преподавателя» [8]).

3. Перечисленные выше типы прецедентных текстов позволяют **сузить спектр культурных феноменов**, которые необходимо изучать в рамках страноведения. Учитывая роль прецедентных текстов в понимании иноязычной речи, в первую очередь следует обратить внимание на личности, явления и произведения, обладающие свойствами прецедентных текстов – узнаваемостью и цитируемостью.

4. Также можно заимствовать из методики РКИ **приемы работы с прецедентными текстами**.

Подводя итог, можно сказать, что применение понятия прецедентного текста в изучении иностранного языка поможет одновременно обогатить и конкретизировать набор рекомендованных для изучения иноязычных фразеологических оборотов и выражений, усовершенствует методику преподавания ИЯ, а также послужит ориентиром при отборе страноведческого материала.

Библиографические ссылки

1. Гриценко Л. М., Демидова Т. А., Бохонная М. Е. Прецедентные тексты на уроках русского языка как иностранного [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pretsedentnye-teksty-na-urokah-russkogo-yazyka-kak-inostrannogo> (дата обращения: 02.08.2019).

2. Еремкина В. Н. Прецедентные феномены и их роль в формировании вторичной языковой личности [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pretsedentnye-fenomeny-i-ih-rol-v-formirovanii-vtorichnoy-yazykovoy-lichnosti> (дата обращения: 14.02.2024).

3. Сафонова В. В. Изучение языков межкультурного общения в контексте диалога культур и цивилизаций. Воронеж: Истоки. 1996.

4. Орлова А. И. Прецедентные тексты в практике обучения русскому языку как иностранному (на материале отечественных художественных фильмов). Магистерская диссертация [Электронный ресурс]. URL: https://elib.utmn.ru/jspui/bitstream/rut-su/11272/1/Orlova_VKR.pdf (дата обращения: 02.08.2019).

5. Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. Изд. 8-е. / Ю. Н. Караулов. М. : Книжный дом «ЛИБРИКОМ», 2014.

6. Расолько Е. А. Фитонимы и зоонимы в прецедентных текстах лингвокультуры Беларуси: классификация, семантические особенности (по материалам интернет-опроса) Магистерская диссертация [Электронный ресурс]. URL: https://www.google.com/url?sa=t&source=web&rct=j&url=http://elib.bsu.by/bitstream/123456789/179538/1/%25D0%25A0%25D0%25B0%25D1%2581%25D0%25BE%25D0%25BB%25D1%25D0%25BA%25D0%25BE.docx&ved=2ahUKEwjejdXN_4nkAhXwxcQBHflwCs4QFjAAegQIBBAB&usg=AOvVawORM86zEhYKuF6d4iY6kH7e (дата обращения: 02.08.2019).

7. Петрова Н. В. Эволюция понятия «прецедентный текст» [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/v/evolyutsiya-ponyatiya-pretседentnyy-tekst> (дата обращения: 02.08.2019).

8. Тихонович В. С. Прецедентные феномены в содержании обучения русскому языку как иностранному [Электронный ресурс]. URL: <http://docplayer.ru/27745521-Precedentnye-fenomeny-v-soderzhanii-obucheniya-russkomu-yazyku-kak-inostrannomu.html> (дата обращения: 02.08.2019).

9. Смыкунова Н. В. Прецедентные феномены в речевом общении русской языковой личности и процессе обучения русскому языку как иностранному. Автореферат диссертация на соискание ученой степени кандидата педагогических наук [Электронный ресурс]. URL: <http://nauka-pedagogika.com/pedagogika-13-00-02/dissertaciya-pretседentnye-fenomeny-v-rechevom-obschenii-russkoy-yazykovoy-lichnosti-i-protsesse-obucheniya-russkomu-yazyku-kak-inostr> (дата обращения: 02.08.2019).

10. Анищенко О. А. Прецедентные тексты в речевой субкультуре молодежи [Электронный ресурс]. URL: [http://www.unn.ru/pages/issues/vestnik/999999999_West_2010_4\(2\)/6.pdf](http://www.unn.ru/pages/issues/vestnik/999999999_West_2010_4(2)/6.pdf) (дата обращения: 02.08.2019).

УДК 378.016:811

АЛГОРИТМИЗАЦИЯ УЧЕБНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СТУДЕНТОВ НА ЗАНЯТИЯХ ПО РУССКОМУ ЯЗЫКУ КАК ИНОСТРАННОМУ

Е. В. Лексина

*Белорусский государственный университет,
ул. К. Маркса, 31, 220030, г. Минск, Беларусь, lexina.rina@yandex.ru*

Статья посвящена вопросу эффективного использования алгоритмизации учебной деятельности студентов на занятиях по русскому языку как иностранному в современных условиях. Одними из актуальных проблем обучения иностранных студентов-филологов являются низкий уровень овладения русским языком на начальном этапе, разноуровневый состав учебных групп, а также неумение обучающихся идентифицировать те или иные языковые явления. Целью данного исследования является выявление наиболее результативных форм работы с алгоритмами в процессе изучения русского языка как иностранного для решения поставленных проблем. Ценность исследования состоит в практическом применении выводов статьи в преподавательской деятельности.

Ключевые слова: алгоритмизация; алгоритм; учебное занятие; учебная дисциплина; дифференцированный подход; коммуникативная компетенция; профессиональная компетенция.

ALGORITHMIZATION OF STUDENTS' LEARNING ACTIVITIES IN RUSSIAN AS A FOREIGN LANGUAGE CLASSES

E. V. Leksina

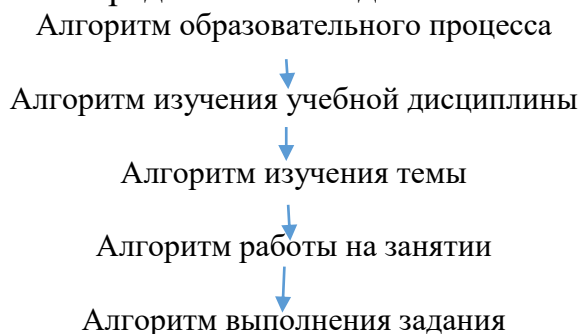
*Belarusian State University,
31 Karl Marks St., 220030, Minsk, Belarus, lexina.rina@yandex.ru*

The article is devoted to the issue of effective use of algorithmization of students' educational activities in classes on Russian as a foreign language in modern conditions. One of the urgent problems of teaching foreign students of philology is the low level of mastery of the Russian language at the initial stage, the multilevel composition of study groups, as well as the inability of students to identify certain linguistic phenomena. The purpose of this study is to identify the most effective forms of working with algorithms in the process of learning Russian as a foreign language to solve the problems posed. The value of the research lies in the practical application of the conclusions of the article in teaching.

Keywords: algorithmization; algorithm; educational activity; academic discipline; differentiated approach; communicative competence; professional competence.

Термин «алгоритм» изначально принадлежал научно-производственной сфере и стал употребляться применительно к учебному процессу в середине 50-х годов прошлого века, что было связано с развитием научно-технического прогресса и распространением ЭВМ в различных, далеких от производства, областях человеческой деятельности [1, с. 1].

Под алгоритмом мы понимаем, прежде всего, последовательность действий, направленных на достижение определенной цели или решение поставленной задачи [2, с. 151]. Алгоритмизацией учебной деятельности, в свою очередь, будем называть систематическое и целенаправленное использование алгоритмов на разных этапах образовательного процесса. Следует отметить, что алгоритмизации подвергаются как более длительные во временном отношении этапы, например, учебная деятельность в течение всего периода обучения (алгоритм такого процесса содержится в учебном плане), так и короткие этапы учебной деятельности на конкретном занятии, например, алгоритм работы с текстами [3, с. 35]. Алгоритмизацию обучения в зависимости от длительности алгоритмизируемых процессов в целом можно представить в виде схемы:

Алгоритм изучения учебной дисциплины содержится в учебной программе в виде последовательности изучаемых тем, когда дисциплины носят прикладной характер («Русский язык как иностранный», «Практика русской устной и письменной речи», «Чтение и аудирование») и их изучение ограничивается практическими занятиями. Однако учебно-методическая карта не всегда отражает последовательность действий при изучении тех дисциплин, в рамках которых предусмотрены как практические, так и лекционные занятия. Например, при изучении дисциплины «Компьютерные технологии в преподавании русского языка как иностранного» после проведения лекции по теме «Особенности эффективного использования Microsoft Word» необходимо проводить два практических занятия, чтобы выработать необходимые навыки применения текстового редактора, затем снова лекционные занятия по следующей теме и практические занятия по этой же теме. Алгоритм изучения учебной

дисциплины будет выглядеть таким образом: лекция (тема 1) – практическое (тема 1) – практическое (тема 1) – лекция (тема 2) – практическое (тема 2) – практическое (тема 2) и т. д. Представляется целесообразным прописывать последовательность прохождения учебной дисциплины в учебной программе. Кроме того, алгоритм изучения отдельной темы также может содержать последовательность чередующихся видов занятий, и находить свое отражение в учебно-программной документации.

Алгоритм работы на занятии необходим, прежде всего, при практическом обучении, когда преподавателем планируются различные формы учебной деятельности студентов на протяжении всего занятия. Среди многочисленных алгоритмов проведения учебных занятий по русскому языку как иностранному и сопутствующим дисциплинам прикладного характера можно выделить наиболее эффективные, которые позволяют добиться положительного результата в овладении языком. Например, на практическом занятии по чтению и аудированию предлагается использование такого алгоритма: чтение и перевод вопросов для аудирования текста; аудирование текста; обсуждение ответов на вопросы; анализ ошибок и прослушивание проблемных фрагментов текста; составление собственного текста на заданную тематику в письменном варианте. Эффективность каждого алгоритма оценивает преподаватель на протяжении работы в группе. Как правило, опытный преподаватель накапливает определенный набор таких алгоритмов и, изучив психолого-педагогические особенности студентов группы, применяет соответствующий алгоритм.

Перед выполнением определенного нестандартного действия в обычной жизни человек сознательно составляет его алгоритм. Так же и студент, впервые сталкиваясь с новым заданием, продумывает такую последовательность действий, которая позволит справиться с поставленной задачей. Однако не всегда этот процесс проходит успешно. Преподаватель может предложить студентам готовый алгоритм выполнения задания. Например, для выполнения задания по подбору согласованных определений к существительным можно предложить следующий алгоритм:

1. Вспомнить, что такое согласованное определение.
2. Определить род, число и падеж существительного по его окончанию (маркеру).
3. Поставить соответствующий вопрос от существительного к прилагательному.
4. Подобрать соответствующее согласованное определение.

Студенты с более высоким уровнем успеваемости могут составить свой алгоритм.

Третья форма работы с алгоритмами – обучение составлению алгоритмов на примере конкретного задания. Наиболее сложная и эффективная форма работы с алгоритмом. Таким образом реализуется дифференцированный подход в обучении иностранных студентов.

На занятиях по русскому языку как иностранному помимо коммуникативной компетенции у студентов-филологов должна вырабатываться и профессиональная компетенция [4], заключающаяся в умении идентифицировать то или иное языковое явление. Алгоритмизация выполнения заданий позволяет развивать данную компетенцию наряду с коммуникативной компетенцией в процессе многократного проговаривания и запоминания действий алгоритма на уровне внутренней речи.

Говоря об алгоритмизации обучения в целом и отдельных его этапов, нужно учитывать, что алгоритмы бывают разных видов: линейные, разветвляющиеся и циклические. При проведении занятий по русскому языку как иностранному выбор определенного вида алгоритма зависит, прежде всего, от типа задания. Так, например, для трансформационного типа задания используется разветвленный тип алгоритма, для задания с поиском ограниченных по количеству соответствий – циклический. Линейный – самый распространенный для применения вид алгоритма, на примере которого возможно обучение алгоритмизации. Использование различных видов алгоритмов на занятиях по РКИ может быть темой для дальнейших исследований в области методики преподавания русского языка как иностранного.

Таким образом, алгоритм выполнения задания – это не только возможность реализовать дифференцированный подход в обучении, но и довести до автоматизма речевые навыки обучающихся, а также сформировать профессиональную компетенцию филолога. Алгоритмизация обучающих процессов на протяжении всего образовательного периода важна как для студента, так и для преподавателя в вопросах общей организации учебной деятельности. Наиболее эффективной формой работы с алгоритмами является предварительное обучение его составлению и последующая разработка студентом собственного алгоритма.

Библиографические ссылки

1. Педагогический терминологический словарь [Электронный ресурс]. URL: https://pedagogical_dictionary.academic.ru/108 (дата обращения: 12.04.2024).
2. Дудкина Н., Гурьев Г. Алгоритмизация процесса обучения в техническом вузе [Электронный ресурс] // Высшее образование в России: электрон. версия журн. 2016. № 3 С. 150-152. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/algoritmizatsiya-protssesa-obucheniya-v-tehnicheskom-vuze> (дата обращения: 12.04.24).

3. *Орехова Т. Ф.* Алгоритмизация учебной деятельности студентов как технология организации образовательного процесса в вузе [Электронный ресурс] // Инновации в профессиональном и профессионально-педагогическом образовании: электрон. версия сборника материалов 22-й Международной научно-практической конференции, 18-20 апреля, 2017. С. 33–36. URL: https://elar.rsvpu.ru/bitstream/123456789/20753/1/ippo_2017_007.pdf (дата обращения: 12.04.24).

4. *Великанова С. С.* Различные подходы алгоритмизации учебно-познавательной деятельности в процессе профессиональной подготовки [Электронный ресурс] // Вестник науки и творчества: электрон. версия журн. 2016. С. 12–19. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/razlichnye-podhody-algoritmizatsii-uchebno-poznavatelnoy-deyatelnosti-v-protssesse-professionalnoy-podgotovki> (дата обращения: 12.04.24).

УДК 811.131.1

**К ВОПРОСУ О СЕМАНТИЧЕСКОЙ ОБУСЛОВЛЕННОСТИ
ГЛАГОЛЬНОГО УПРАВЛЕНИЯ В ИТАЛЬЯНСКОМ ЯЗЫКЕ
(НА МАТЕРИАЛЕ СЛОВАРНЫХ СТАТЕЙ
С ЛЕММОЙ *CONSISTERE*)**

Л. С. Мельникова

*Белорусский государственный университет,
ул. К. Маркса, 31, 220030, г. Минск, Беларусь, mila23elli@gmail.com*

Данная статья посвящена обоснованию семантической природы глагольного управления вообще и итальянского глагола *consistere* в частности. На основе анализа студенческих ошибок делается вывод о сложности выбора необходимого предлога при данном глаголе и объясняется зависимость такого выбора от его семантики. Актуальность темы подтверждается также отсутствием работ, посвященных объяснению множественного управления данного глагола.

Ключевые слова: итальянский глагол; лексическое значение; глагольное управление; альтернативные предлоги; семантика глагола.

**ON THE QUESTION OF THE SEMANTIC CONDITIONALITY
OF PREPOSITIONAL VERBS IN THE ITALIAN LANGUAGE
(BASED ON THE MATERIAL OF DICTIONARY ENTRIES
WITH THE LEMMA *CONSISTERE*)**

L. S. Melnikova

*Belarusian State University,
31 Karl Marks St., 220030, Minsk, Belarus, mila23elli@gmail.com*

This article is devoted to substantiating the semantic nature of speech control in general and the Italian verb *consistere* in particular. The analysis of students' errors leads to a conclusion that the choice of a right preposition for a given verb causes difficulty and the article explains the dependence of such a choice on its semantics. The relevance of the topic is confirmed by the lack of works devoted to explaining the plural control of this verb.

Keywords: italian verb; lexical meaning; prepositional verbs; alternative prepositions; verb semantics.

Проблема глагольного управления и определение его статусных характеристик является актуальной в исследованиях разных языков. Представители традиционного направления в русском языкознании интерпретируют управление как подчинительную связь, синтаксически реализующую сочетаемость слова, то есть его способность окружать себя

распространителями в зависимости от собственной частеречной принадлежности [1]. В разных языках глагольное управление реализуется с помощью аналитических предложных (как, например, в итальянском, английском, французском и др.) или предложно-падежных (в русском, польском, литовском и др.) форм, которые отличаются регулярностью и предсказуемостью, что позволяет предположить существование некоего семантического регулирования, влияющего на реализацию потенциального управления глагола на языковом уровне.

В итальянской грамматике под управлением (*reggenza*) принято понимать явление, при котором наличие определенного слова в предложении требует от других элементов этого предложения принять определенную форму: наклонение глагола, падеж или конкретный предлог. Так, например, наличие предлога *di* требуется для глагола *interessarsi* (интересоваться), а сослагательное наклонение глагола *essere* (быть) обусловлено союзом *benché* (хотя): *benché non sia il suo campo di studi, Gianni si interessa di linguistica* (Джанни интересуется лингвистикой, хотя она не является областью его исследования). Существует множество частей речи, которые могут осуществлять управление: глаголы, существительные, прилагательные, союзы [2].

Первичная функция управления – синтаксическая, поскольку она сигнализирует о наличии связи между управляющим и управляемым элементом, не обязательно указывая на семантику (семантический смысл) самой связи. Однако когда управляющий элемент может иметь различные формальные средства управления, то такие альтернативы обычно имеют и различающиеся семантические свойства этого элемента:

a. *Carlo non crede a quel che dice la gente* (Карло не верит тому, что говорят люди);

b. *Carlo non crede in sua madre* (Карло не верит в свою мать) [там же].

Очевидно, что один и тот же глагол – *credere* (верить) – имеет разное управление, зависящее от значения, которое реализуется в контексте: *верить кому-то* = верить, что человек говорит правду, не врет, *верить в кого-то* = верить, что человек оправдает ожидания, не подведет. Исходя из этих значений, приведенные выше примеры можно пояснить следующим образом: *не верит тому, что говорят* = не доверяет, подвергает сомнению, не считает истинным, *не верит в мать* = не полагается, не надеется, не рассчитывает на нее.

В рамках данной статьи осуществляется попытка кратко осветить проблему семантической обусловленности употребления предлога после глагола ***consistere*** (состоять, заключаться). Выбор для анализа управление именно этого глагола обусловлен субъективным желанием автора

помочь студентам на практике осознать зависимость синтаксической формы от содержательного смысла многозначной глагольной лексемы. На протяжении многих лет студенты старших курсов по непонятной причине демонстрируют употребление единственного управления глагола **consistere** (а именно с предлогом *di*) несмотря на то, что еще один предлог – *in* (в) – имеет подходящий эквивалент в русском языке. Для того чтобы убедиться в действительном, а не надуманном существовании данной проблемы, студентам 3 курса специальности «Романо-германская (итальянская) филология» (11 человек с достаточно высоким уровнем знания итальянского языка) были предложены 15 предложений с 16 контекстами употребления предлогов, из которых 5 нужно было заполнить предлогом *di* и 11 – предлогом *in*. Все контексты и выбранные студентами предлоги представлены в таблице.

Выбор студентами предлогов после глагола *consistere*

№ пп	Контексты употребления глагола <i>consistere</i> с правильным предложным управлением	Предлоги				
		in	di	da	a	иное
1.	La profilassi dovrebbe consistere in uno sforzo fisico moderato e una corretta alimentazione.	1	6	4	-	-
2.	Il menu per la polmonite dovrebbe consistere in cibi con micronutrienti.	-	4	6	-	per
3.	Pertanto, la dieta dovrebbe essere varia e consistere in piatti ordinari.	-	3	5	-	3
4.	La razione durante il primo mese deve consistere in alimenti facilmente digeribili.	-	5	5	-	1
5.	L'esame consisterà in una prova scritta e in una prova orale.	2	12	6	2	-
6.	In che cosa consiste il tuo lavoro?	3	3	3	2	-
7.	L'abilità del giocatore consiste nel saper prevedere le mosse dell'avversario.	2	7	1	1	per
8.	<i>Il nostro patrimonio consiste in pochi ettari di terra.</i>	-	4	6	1	-
9.	Il pranzo o la cena possono consistere in seguenti piatti: ...	-	7	3	-	1
10.	<i>Il tuo lavoro consiste nel prendere la mia ordinazione, fare un sorriso e servirmi.</i>	2	4	3	2	-

№ пп	Контексты употребления глагола <i>consistere</i> с правильным предложным управлением	Предлоги				
		in	di	da	a	иное
11.	La mia colazione consiste di latte e biscotti.	1	4	6	-	-
12.	L'enciclopedia consiste di venti volumi.	1	3	7	-	-
13.	L'opera consiste di venti canti in ottave.	-	5	5	-	per
14.	L'oggetto consiste di tre parti.	1	3	7	-	-
15.	<i>L'uomo consiste di anima e di corpo.</i>	1	8	-	-	tra,1
Всего нужно употребить:		121	55	0	0	0
Всего употреблено:		14	72	78	8	4
Из них правильно:		10	23	0	0	0

Как видно из таблицы, 11 студентов должны были употребить всего 176 предлогов (121 – *in* и 55 – *di*), количество правильного употребления предлогов (10 из 121 для *in* и 23 из 55 для *di*) составляет, соответственно, 12,1 % и 41,8 %. Таким образом, правильный выбор для обоих предлогов (33) составил 18,75 %, что не может не говорить о существовании проблемы, которую мы поставили и пытаемся решить.

Показателен тот факт, что даже для самих носителей языка выбор предлога при данном глаголе не является однозначным, о чем свидетельствуют их многочисленные обращения к авторитетным грамматистам или непосредственно в учреждения, которые «отвечают» за правильность итальянской речи. Пользователи проявляют живой интерес к грамотному построению предложных синтагм, которые реализуют те или иные глаголы в зависимости от своего значения, буквального или переносного, в определенных контекстах.

Рассмотрим поэтапно значение интересующего нас глагола в нескольких наиболее авторитетных источниках. Так, в словарной статье переводного словаря под редакцией В. Ковалева глагол ***consistere*** представлен двумя значениями: первое с пометой *essere composto* (состоять из чего-то, включать что-то), второе с пометой *avere fondamento* (заключаться, состоять в чем-то). Таким образом, в данном источнике семантика глагола четко разграничивает способы его управления: с помощью предлога *di* (*il libro consiste di due parti* – книга состоит из двух частей) и предлога *in* (*in che cosa consiste il problema?* – в чем состоит проблема?, *il nostro lavoro consiste nel coltivare i campi* – наша работа заключается в возделывании полей) [3, с. 1348].

Следующий шаг – портал Академии делла Круска (*Accademia della Crusca*), на котором можно найти практически все интересные вопро-

сы по итальянскому языку. В частности, один из уважаемых академиков – Джузеппе Патота – разъясняет читателям проблему выбора предлога для глагола **consistere**. Приведем его ответ в нашем переводе: «Должны ли мы говорить и писать “состоять из чего-то” или “состоять в чем-то”? Или возможны обе конструкции? Ответ прост: это зависит от того, какое значение приобретает глагол **consistere** (состоять) в данном контексте. Если он означает ‘essere basato’ (основываться на чем-то), то требуется предлог *in* (в), как в следующих примерах: *L’esame consisterà in una prova scritta e in una prova orale* (Экзамен будет состоять из письменного теста и из устного теста); *In che cosa consiste il tuo lavoro?* (В чем состоит ваша работа?); *L’abilità del giocatore consiste nel saper prevedere le mosse dell’avversario* (Мастерство игрока заключается в умении предугадывать ходы противника). Если же **consistere** означает ‘essere costituito’ (состоять), ‘essere formato’ (сформироваться), ‘essere fatto’ (быть сделанным из чего-то), тогда требуется предлог *di*, как в следующих примерах: *La mia colazione consiste di latte e biscotti* (Мой завтрак состоит из молока и печенья), *L’enciclopedia consiste di venti volumi* (Энциклопедия состоит из двадцати томов)» [4].

Обычно академик Д. Патота завершает свои ответы общей ссылкой на четыре или пять самых лучших словарей, описывающих лексический запас современного итальянского языка; в данном случае он отдает должное словарю, которым руководят Франческо Сабатини и Витторио Колетти [5], указав, что это единственный словарь, который применяет различие управлений глагола **consistere** «с похвальной ясностью» [4].

На портале энциклопедии Треккани оба типа предложного управления в статье толкового словаря представлены под общим значением, что, на наш взгляд, затрудняет понимание выбора управляющего элемента: **consistere** v. intr. [dal lat. *consistĕre*, comp. di *con-* e *sistĕre* «fermarsi»] (aus. *essere*). – 1. *Essere costituito, aver fondamento in qualche cosa* (быть составленным, иметь в чем-то основу): *la mia colazione consiste di latte e biscotti* (мой завтрак состоит из молока и печенья); *il nostro patrimonio consiste in pochi ettari di terra* (наше наследство заключается в нескольких гектарах земли); *il suo passatempo consiste nel coltivare i fiori* (его времяпрепровождение заключается в выращивании цветов); *non so proprio in che cosa consista la sua bravura* (я действительно не знаю, в чем состоит его мастерство)¹.

Еще несколько интернет-источников не расходятся в подаче значений глагола в словарных статьях. В основном первая дефиниция – *essere formato, essere costituito*, (быть сформированным, составленным, струк-

¹ URL: <https://www.treccani.it/vocabolario/consistere/> (date of access: 23.02.2024).

турированным)²: *l'uomo consiste di anima e di corpo* (человек состоит из души и тела); *l'opera consiste di venti canti in ottave* (произведение состоит из двадцати кантов, написанных восьмистишиями), вторая – *fondarsi su qc., essere basato su qc.* (основываться на чем-то)³: *il suo pasto consisteva in un'insalata mista* (его еда состояла из смешанного салата); *la mia attività consiste nel leggere* (моя деятельность состоит в чтении).

На наш взгляд, предложное управление глагола **consistere** при правильном понимании его значений не должно вызывать трудностей у изучающих итальянский язык, поскольку употребление предлогов *di* и *in* строго обусловлено его семантикой, а именно: значения 'основываться на чем-то', 'закключаться, состоять в чем-то' диктуют выбор предлога *in*, тогда как предлог *di* используется при передаче значений 'закключать в себе, состоять из чего-то', 'быть сделанным, сформированным из чего-то'. Таким образом, поставленная проблема снимается с помощью осознания семантической обусловленности глагольного управления и запоминания его соответствий.

Библиографические ссылки

1. Русская грамматика : [в 2 т.] / Акад. наук СССР, Ин-т рус. яз. ; [редкол.: д. филол. н. Н. Ю. Шведова (гл. ред.) и др.]. Т. 2: Синтаксис. М. : Наука, 1980–1982.

2. *Andorno C. Reggenza* [Electronic resource]. URL: [https://www.treccani.it/enciclopedia/reggenza_\(Enciclopedia-dell'Italiano\)/](https://www.treccani.it/enciclopedia/reggenza_(Enciclopedia-dell'Italiano)/) (date of access: 23.02.2024).

3. *Ковалев В.* Большой русско-итальянский итальянско-русский словарь. Bologna: Zanichelli, 1995.

4. *Patota G. Consistere in o consistere di?* [Electronic resource]. URL: <https://accademiadellacrusca.it/it/consulenza/consistere-in-o-consistere-di/1591> (date of access: 23.02. 2024).

5. *Il Sabatini Coletti. Dizionario della Lingua Italiana 2008* con allegato CD-ROM. Milano, Rizzoli Larousse, 2007.

² URL: <https://educalingo.com/it/dic-it/consistere> (date of access: 23.02.2024).

³ URL: https://dizionari.corriere.it/dizionario_italiano/C/consistere.shtml (date of access: 23.02.2024).

УДК 372.881.1

МЕТОДИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ ТЕХНОЛОГИИ ГЕЙМИФИКАЦИИ НА УРОКАХ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА

Р. М. Миндияхметова¹⁾, А. А. Исмагилова²⁾

¹⁾ *Башкирский государственный педагогический университет имени М. Акмуллы,
ул. Октябрьской революции, 3, 450077, г. Уфа, Российская Федерация,
office@bspu.ru;*

²⁾ *Башкирский государственный педагогический университет имени М. Акмуллы,
ул. Октябрьской революции, 3, 450077, г. Уфа, Российская Федерация, office@bspu.ru*

Статья посвящена рассмотрению геймификации и анализу ее методического потенциала в процессе обучения иностранному языку. Авторами проанализированы определения понятия, описаны виды геймификации и их особенности, способы интеграции в учебный процесс, приведен сопоставительный анализ реализации дидактических принципов средствами геймификации. Рассматриваются психологические аспекты внедрения элементов геймификации, анализируются платформы и приложения для создания электронных и открытых образовательных ресурсов с элементами геймификации, приводится модель интеграции данной технологии в учебный процесс.

Ключевые слова: цифровые технологии; геймификация; игровые технологии; электронное обучение; вовлеченность; методика обучения иностранному языку

METHODOLOGICAL POTENTIAL OF GAMIFICATION TECHNOLOGY IN ENGLISH LANGUAGE LESSONS

R. M. Mindiakmetova ¹⁾, A. A. Ismagilova ²⁾

¹⁾ *Bashkir State Pedagogical University named after M. Akmulla,
October Revolution St., 3, 220030, Ufa, Russian Federation, office@bspu.ru;*

²⁾ *Bashkir State Pedagogical University named after M. Akmulla,
October Revolution St., 3, 220030, Ufa, Russian Federation, office@bspu.ru*

The article is devoted to the consideration of gamification and analysis of its methodological potential in the process of teaching a foreign language. The authors analyzed the definitions of the concept, described the types of gamification and their features, methods of integration into the educational process, and provided a comparative analysis of the implementation of didactic principles by means of gamification. The psychological aspects of introducing gamification elements are considered, platforms and applications for creating electronic and open educational resources with gamification elements are analyzed, and a model for integrating this technology into the educational process is provided.

Keywords: digital technologies; gamification; gaming technologies; e-learning; involvement; foreign language teaching methods.

Актуальность выбранной темы нашего исследования связана с современными процессами модернизации методической системы преподавания иностранных языков в России.

Результативность в изучении иностранного языка помимо прочего зависит от вовлечения и активности на занятии, что, в свою очередь, обуславливает уровень мотивации обучающегося. Удовольствие от учебного процесса и положительные эмоции, дружелюбная атмосфера в коллективе способствуют лучшему усвоению иноязычного материала, позволяют добиться лучших результатов в разговорной практике.

Несмотря на актуальность обозначаемой проблемы, геймификация сравнительно недавно стала объектом педагогических исследований. В связи с этим, вопрос применения метода геймификации на уроке иностранного языка для формирования положительной мотивации обучающихся, остается не до конца исследованным, что обуславливает научную новизну данного исследования.

Таким образом, актуальность и научная новизна обусловили выбор темы исследования: методический потенциал технологии геймификации на уроках английского языка.

Многие обучающиеся хотят изучать иностранные языки и уметь общаться на них. Это кажется интересным и увлекательным, но, сталкиваясь с трудностями, большинство разочаровываются и меняют свое отношение к учебному процессу. И это приводит к тому, что мотивация постепенно падает, пропадает встречная активность, ослабевают воля, помогающая овладеть иностранным языком, в конце концов, падает успеваемость.

Нестандартные формы уроков предполагают в данном случае переход с преподавания на управление самостоятельной учебно-познавательной деятельностью обучающихся. Они включают в себя нестандартные формы проведения этапов урока с использованием современных технологий, которые не только повышают внутреннюю мотивацию обучающихся к овладению иностранным языком, но и позволяют эффективно развить те или иные способности, например:

1. Умение читать стихи, развивая произносительные навыки.
2. Умение инсценировать литературную или жизненную ситуацию.
3. Умение петь на иностранном языке, отрабатывая пройденный лексический материал.
4. Умение реагировать на реплики собеседника в спонтанном разговоре.
5. Умение высказывать свое мнение, давать оценку происходящему, сообщать информацию.

6. Умение соблюдать речевой этикет, знакомясь с традициями и обычаями иностранных культур.

Такие нестандартные уроки проводятся в соответствии со школьной программой, но включают в себя дополнительный материал, который выводит обучающихся на новый уровень в изучении иностранного языка. Это может быть урок КВН, урок-соревнование, урок-путешествие.

Геймификация в образовательном контексте, как утверждал О. К. Тихомиров, – это включение игровых методик и элементов, а также дизайна в процесс обучения, что приводит к качественному изменению организации обучения, повышает внутреннюю мотивацию обучающихся, их вовлеченность, способствует активизации внимания и концентрации при решении определенных учебных задач [1, с. 194].

Геймификация, по мнению Т. В. Карамышева, состоит из 6 основных компонентов [2, с. 239]:

1. Мотивация. Это основной принцип, на котором строится любая игровая деятельность. Обучающиеся должны быть заинтересованы не только в получении результата, но и в самом процессе игры. Для этого вводятся различные поощрения, рейтинги, статусы, дающие привилегии.

2. Вовлечение. Данный принцип предполагает заинтересованность всех участников игрового процесса. Поэтому необходимо таким образом выстраивать игру, чтобы она отвечала, как возрастным психолого-педагогическим особенностям обучающихся, так и их индивидуальным различиям.

3. Система целей. Геймификация предполагает четкую структуру и заранее обозначенные цели, и задачи, которые обуславливают выбор всех остальных компонентов игры. Педагогу важно понимать, что он хочет получить в результате, и уже затем, отталкиваясь от этого, выстраивать стратегию развития игрового сюжета.

4. Прогресс. Чтобы игровая атмосфера стимулировала участников на различные творческие решения, мотивировала их двигаться вперед, необходимо давать такие задания, которые каждый раз будут отличаться от предыдущих уровнем сложности. Как новый уровень в игре, такие задания должны требовать больше усилий и смекалки от обучающихся, но и оцениваться выше.

5. Обратная связь и награды. Вознаграждение и общественное признание способствуют наибольшей вовлеченности обучающихся в процесс. Наглядный рейтинг, подведение промежуточных итогов, дополнительные баллы за активность на уроке – все это помогает погрузиться в игру, а значит, в полной мере овладеть учебным материалом.

6. Удовольствие от процесса. Один из наиболее важных компонентов игры, без которого не будет эффективного обучения. Педагогу важно

создать благоприятную атмосферу в коллективе, заинтересовать обучающихся, стимулировать их активность, самому быть вовлеченным в игровой процесс.

Кириллова Г. И. выделила следующие элементы, которые включает в себя метод геймификации [3, с. 184]:

1. Баллы – вознаграждения, которые участник получает за выполнение определенных действий в процессе обучения.

2. Бейджи – награды, предназначенные для измерения активности участников процесса.

3. Рейтинги – наглядные показатели, которые отображают успехи участников.

4. Уровни – статусы, которых участники могут достигать посредством своих действий в процессе обучения.

5. Лидерборды – таблицы, на которых обозначаются участники, занимающие лидирующие позиции.

6. Интерактивные элементы – всевозможные элементы визуализации процесса.

7. Дайджесты успеха – тематические информационные продукты

Цель использования геймификации на уроках иностранного языка – лучшее усвоение учебного материала, что в итоге может способствовать формированию мотивации к изучению иностранного языка. Игры, которые были разработаны с помощью различных платформ, предназначены для учеников второго класса.

Игры составлялись в зависимости от типа урока. Именно поэтому игры использовались на знакомство с лексикой, закрепление изученного материала, который включал проверку помимо лексического материала, проверку знания звуков и грамматических структур и контроль знаний.

Нами были использованы следующие интерактивные платформы:

1. Wordwall. Сайт позволяет создать викторины, анимированные игры.

2. LearnindApps. Сайт помогает воссоздать игру «Кто хочет стать миллионером»

3. H5p. Сайт имеет многообразные инструменты, начиная от кроссвордов и игр с флешкартами, заканчивая игрой в 3D-пространстве.

Во время проведения опытно-экспериментальной работы в экспериментальной группе присутствовало ведение рейтинга, в котором отмечались работа на уроке, знание лексики и в некоторых случаях контрольные задания.

Задания рассчитаны на учеников второго класса в рамках используемого УМК О. В. Афанасьевой и И. В. Михеевой «Rainbow English. Английский языку 2 класс» [4].

I. Овладение лексикой. После записи новых слов, работы с ними в учебнике, обязательно использовалось задание с применением игровых платформ.

Задание 1. Назови слова на английском языке, которые появляются на картинках (Wordwall)

Пример задания: на экране появляются карточки с картинками, их нужно назвать на английском языке, используя новые изученные слова.

Bird, birch, nurse, purple, mermaid, servant, turtle, fern.

Задание 2. Соотнесение слова с картинкой.

Пример задания: на экране в хаотичном порядке представлены картинки и сами слова, которые нужно правильно соединить. Каждый ученик подходит к компьютеру и выполняет задание по одному слову.

Blouse, cow, clown, brown, house, mouse, down

II. Закрепление изученного материала. На каждом уроке присутствовали игры, в которых следовало вспомнить изученный ранее материал. В этих заданиях вспоминались пройденные звуки, грамматические структуры, а именно глагол «to be», множественное число, конструкция «I like», а также лексику, которую изучили.

Задание 1. Решение кроссворда (Wordwall, H5P).

Пример задания: на экране представлен кроссворд, в который сразу можно вписывать слова, справа представлены вопросы. Каждый ученик подходит и вписывает по одному слову. Возможна работа в группах.

Задание 2. Распределение слов по звукам.

Пример задания: на экране представлено несколько столбцов с пройденными звуками. В задании следует расставить слова, в которых есть определенный звук. Работа – фронтальная, учитель сам расставляет слова по ответам обучающихся.

Звуки: [ɜ:], [aʊ], [i:], [æ], [ʌ]

Purple, sun, street, ant, blouse, brown, cat, birch, tree, three, mother, mat, mouse, fern, sweet, feed, sleep, mug, cup, cap, hat

Задание 3. Использование трех форм настоящего времени глагола to be.

Пример задания: на экране появляются имена и местоимения, а внизу варианты форм глагола to be, одну из которых следует выбрать. Для более быстрого прохождения игры предпочтительно выбирать фронтальную работу с обучающимися.

Задание 4. Закрепление пройденных грамматических структур.

Пример задания: на экране появляется задание в виде викторины, где нужно перевести различные фразы или с русского языка на английский язык, или с английского языка на русский язык.

Примерные фразы: I like grapes, The book is on the desk, I like horses, I live in Madrid, She is from Paris и другие.

Задание 5. Отработка числительных и вопроса «How old are you?»

Пример задания: на экране колесо фортуны с числительными от 1 до 12.

Обучающиеся в парах задают вопрос и отвечают в зависимости от выпавшего числа в колесе фортуны.

Говоря о методической составляющей, во-первых, Wordwall предоставляет множество различных игр и упражнений, которые могут помочь студентам запомнить правила грамматики. Эти игры включают в себя кроссворды, карточки, красочные круговые диаграммы и многое другое.

Во-вторых, Wordwall позволяет преподавателям создавать индивидуальные задания и тесты для каждого студента. Это особенно полезно для тех, кто занимается с группами студентов с разным уровнем знаний. Можно настроить упражнения таким образом, чтобы они соответствовали уровню каждого студента. Здесь находит подтверждение мысль исследователя З. Р. Девтеровой о том, что использование интернет-ресурсов в обучении иностранному языку может «решить проблемы индивидуализации обучения, его интенсификации и оптимизации» [5].

В-третьих, Wordwall обеспечивает возможность быстрой проверки знаний учащихся. Преподаватель может легко отслеживать успехи своих студентов и узнавать, какие грамматические темы нуждаются в дополнительном изучении, что позволяет адаптировать занятия и упражнения в соответствии с потребностями каждого студента.

В конце опытно-экспериментальной работы, с целью контроля знаний, была создана викторина «Кто хочет стать миллионером?», в которой соревнуются две группы в знании всей информации, которая изучалась на уроках. После каждого закрепления лексического материала обязательно проводится диктант, в котором проверяется усвоение новых слов. В конце опытно-экспериментальной работы обучающиеся отвечают на вопросы о процессе обучения с использованием различных игровых ресурсов.

Таким образом, методика проведения опытно-экспериментальной работы предполагала отбор игровых платформ и ход работы по выявлению эффективности использования геймификации в процессе изучения иностранного языка начальной школе.

Разработанные задания являются типовыми, их можно корректировать и применять на усвоение других тем на уроке. Все задания были направлены на закрепление изучаемых звуков, слов, грамматических конструкций. Процесс работы обучающихся отмечался в рейтинге класса. Результаты промежуточной аттестации доказали, что использование геймификации на уроках положительно влияет на усвоение учебного материала. В ходе опроса было выявлено, что уроки с элементами игровых

заданий намного интересней для обучающихся, чем уроки в традиционной форме обучения.

В результате проделанной нами работы мы убедились, что геймификация на уроках иностранного языка благоприятно влияет на запоминание новых звуков, которые потом обучающиеся с легкостью могут воспроизвести и слов, которые они могут перевести. Исходя из ответов опроса, проведенного в конце экспериментального исследования, можно с точностью сказать, что реализация положительных сторон геймификации (соревновательный характер, правильно подобранные игровые задания, рейтинг и др.) способствуют развитию мотивации, желания изучать английский язык и значительно повышают уровень владения иностранным языком.

Мы также убедились, что современный учитель иностранного языка находится в постоянном поиске и профессиональном развитии, ищет новые пути обучения своих обучающихся, учитывая все их психологические особенности.

Подводя итог, мы можем сказать, что выполнили в полной мере поставленную перед нами цель, которая заключалась в исследовании роли геймификации на уроках иностранного языка в начальной школе как нового эффективно средства обучения иностранному языку.

Библиографические ссылки

1. *Тихомиров О. К.* Психология компьютерной игры. Новые методы и средства обучения. М.: Знание, 2008.
2. *Карамышева Т. В.* Изучение иностранных языков с помощью компьютера. В вопросах и ответах. СПб. : Просвещение, 2011.
3. *Кирилова Г. И.* Информационные технологии и компьютерные средства в образовании // Educational Technology and Society. 2010. № 4. С. 23–29.
4. *Афанасьева О. В., Михеева И. В.* Rainbow English. Английский язык 2 класс.
5. *Девтерова З. Р.* Новые информационные технологии в преподавании иностранного языка в вузе // Вестник Адыгейского государственного университета. 2006. № 4. С. 157–159.

ТРУДНОСТИ ПРЕПОДАВАНИЯ РКИ В СОВРЕМЕННОМ РОССИЙСКОМ ВУЗЕ

Е. С. Попова

*Уральский государственный горный университет,
ул. Куйбышева, 30, 620144, г. Екатеринбург, melenskova@yandex.ru*

В статье рассматриваются основные трудности, с которыми сталкивается преподаватель в практике обучения студентов русскому языку как иностранному в условиях традиционного и дистанционного обучения. Во многом эти трудности препятствуют формированию толерантного отношения к представителям других национальностей, их успешной адаптации к российской действительности и освоению русского языка. Поэтому принцип толерантности становится необходимым условием эффективного обучения русскому языку иностранных студентов.

Ключевые слова: толерантность; адаптация; русский язык как иностранный; языковая среда; языковые нормы; культура речи; дистанционное обучение.

THE DIFFICULTIES OF TEACHING RUSSIAN AS A FOREIGN LANGUAGE AT A MODERN RUSSIAN UNIVERSITY

E. S. Popova

*Ural State Mining University,
30 Kuibyshev St., 620144 Yekaterinburg, melenskova@yandex.ru*

The article examines the main difficulties faced by a teacher in the practice of teaching students Russian as a foreign language in the context of traditional and distance learning. In many ways, these difficulties prevent the formation of a tolerant attitude towards representatives of other nationalities, their successful adaptation to Russian reality and the Russian language learning. Therefore, the principle of tolerance becomes a necessary condition for effective teaching of the Russian language to foreign students.

Keywords: tolerance; adaptation; Russian as a foreign language; language environment; language norms; speech culture; distance learning.

Россия всегда была многонациональным и многоконфессиональным государством. Так складывалось исторически, вполне естественно. Главной ценностью при этом было умение народов, населяющих Россию, сосуществовать на одной территории и сохранять национальное своеобразие (в плане языка и культуры). Очевидно, что далеко не всегда картина была такой идеальной: бывали времена, когда велись репрессии в отношении тех или иных национальностей.

XX век во многом изменил отношение национальностей друг к другу (например, в странах СНГ), поставил под сомнение даже право на существование той или иной нации (например, в годы Второй Мировой войны). В последние десятилетия возросло число терактов именно на национальной или религиозной почве.

В связи с этим в современном мире одной из наиболее актуальных становится проблема толерантности, которая понимается как терпимость ко всему иному, отличающемуся от своего, как умение понимать и принимать инакомыслие, «инаковерие», «инакокультуру». Естественно, в России и во всех государствах, составлявших когда-то Советский Союз, возникает потребность в понимании и принятии другого языка, другой культуры. К сожалению, зачастую на территории той или иной бывшей Советской республики национальность становится клеймом, которое мешает жить свободно, а русский язык подвергается гонениям (например, в странах Прибалтики или в Украине). Поэтому, на наш взгляд, именно гражданам бывшего Советского Союза, имеющим общую историю, нужно в первую очередь учиться толерантности, чтобы не было «перегибов» на национальной или религиозной почве, особенно в свете политических событий последних лет.

Принцип толерантности должен соблюдаться и в системе современного российского образования. По последним данным Минобрнауки РФ, более 355 тысяч иностранных студентов обучаются в российских вузах в настоящее время (это примерно 7,6 % от общего числа всех обучающихся в наших вузах). Наибольшее число студентов – из бывших союзных республик (Беларуси, Казахстана, Таджикистана, Узбекистана, Туркменистана), а также из Китая и Египта. Многие вузы отмечают рост числа абитуриентов из Латинской Америки и Африки.

В учебных заведениях Екатеринбурга традиционно много иностранных студентов, которые приезжают в Россию не только изучать русский язык, но и получать профильное образование, которое будет востребовано на родине. Например, Уральский государственный горный университет активно сотрудничает с горными комбинатами Узбекистана, Кыргызстана, Китая и других стран, которые направляют своих студентов в Россию для получения высшего образования. Многие международные связи сохранились еще с советских времен. Кроме того, реализуются совместные образовательные программы с техническими вузами других стран. Например, партнерами УГГУ являются Китайский нефтяной университет, Ханойский университет горного дела и геологии, Азербайджанский государственный университет нефти и промышленности, Навоийский государственный горный институт, Карагандинский государственный технический университет и др.

Безусловно, в практике обучения необходимо учитывать культурные и религиозные особенности, чтобы избегать столкновений на национальной почве и формировать в студенческой среде толерантное отношение к другой культуре и религии. При этом сами студенты-иностранцы должны понимать и принимать традиции той страны, в которую приехали для получения высшего образования. На стыке культур и могут возникать те трудности, с которыми сталкивается преподаватель, например, в практике преподавания русского языка как иностранного.

Уральский государственный горный университет проводит определенную работу по адаптации студентов из других стран к условиям российской жизни. Например, с целью гармонизации межнациональных отношений в стенах вуза проводятся различные мероприятия, которые помогают студентам из России и других стран лучше понять специфику языка и культуры друг друга.

На наш взгляд, принцип толерантности должен соблюдаться не только во взаимоотношениях представителей разных национальностей (и студентов, и преподавателей, и сотрудников вуза), но и в практике преподавания иностранным студентам вузовских дисциплин, в том числе лингвистических.

Характеристика современного русского языка как национального и государственного, как одного из мировых языков, как средства межнационального общения давно стала хрестоматийной. Казалось бы, она должна пробуждать в носителях русского языка чувство гордости, но мы видим, как резко падает престиж литературного русского языка, перестает осознаваться ценность языковых норм и их соблюдения в речи. Всё это закономерно приводит к низкому уровню речевой культуры российского общества, особенно это заметно на детях и молодежи.

Поскольку, с нашей точки зрения, самый действенный метод изучения любого иностранного языка – это метод погружения в среду его носителей, то можно сказать, что низкий уровень культуры речи россиян препятствует практическому освоению русского языка, его норм иностранцами. Так возникает одна из проблем обучения РКИ.

К сожалению, русскоязычная среда студентов не является образцом в плане изучения и совершенствования русского языка: в их разговорной речи преобладает жаргонная, нецензурная лексика, встречаются просторечные элементы. Сам словарный запас очень ограничен, а речь можно охарактеризовать как бедную. Студенты-иностранцы достаточно быстро усваивают жаргонные, нецензурные, просторечные элементы и начинают их употреблять в своей речи, поскольку слышат их чаще всего, например, от одноклассников. Это, конечно, говорит об определенной адаптации иностранных студентов, но особого труда преподавателю сто-

ит объяснить им, с одной стороны, неуместность использования данных средств в ситуации занятия, в официальной обстановке, а с другой, наличие этих «запретных» элементов в речи русскоговорящих студентов.

Даже СМИ теперь нельзя считать авторитетами в плане речи, поскольку и для них соблюдение языковых норм перестает быть ценностью: у них очевидна установка не на грамотность и академичность изложения, а на общедоступность и общепонятность. Современные СМИ опускаются до аудитории, говорят языком масс, избегают сложных, замысловатых формулировок, предпочитая сниженную лексику, знакомую большинству. Это позволяет им увеличить охваты. Но при этом не самым лучшим образом характеризует прогнозируемый речевой портрет их потенциальной аудитории (среднестатистического россиянина, носителя русского языка).

Очевидной становится и еще одна проблема, связанная с низким уровнем речевой культуры. Она касается уже не нормативного, а этического аспекта. Речь здесь идёт о воспитании современной российской молодежи и соблюдении ею правил речевого этикета. Незнание элементарных этических норм (например, неуважительное отношение к старшим по возрасту) приводит к своеобразному конфликту в сознании студентов из азиатских стран. Им, привыкшим к жёстким нормам поведения, основанным на национальных и религиозных традициях, очень тяжело приспособливаться к «распущенным» нравам современного российского общества.

Еще одной трудностью становится то, что студенты-иностранцы не всегда бывают заинтересованы в изучении русского языка. В повседневной жизни они общаются друг с другом на родном языке, продукты покупают через кассы самообслуживания, терминалы или заказывают через интернет, лекции по разным дисциплинам слушают через встроенный в телефоне переводчик. Получается, что в большинстве случаев они не видят целесообразности в том, чтобы совершенствовать свои навыки владения русским языком. Они как будто создают свой национальный «микромир» на время учебы, именно таким образом адаптируясь к жизни в России. Иногда к этому микромиру подключаются и их соотечественники, трудовые мигранты, которые приехали в Екатеринбург на заработки целыми семьями и уже успешно приспособились к жизни в чужой стране.

Проблем в практику преподавания РКИ добавили и новые условия: повсеместный переход на дистанционное обучение в период пандемии. На наш взгляд, подобный формат не способствует успешному освоению иностранного языка: нет погружения в языковую среду и российскую действительность, нет непосредственного взаимодействия с русскогово-

рящими одноклассниками и преподавателем, нет «живого» общения. Проблемы возникают и в связи с техническими возможностями: наличие / отсутствие стабильного интернета, камеры, микрофона, качественного изображения и звука. Все это скорее напрягает, а не располагает к изучению языка и культуры другой страны. Сам процесс адаптации к чужим реалиям становится невозможным.

В настоящий момент в вузе есть несколько групп студентов, которые обучаются дистанционно, находясь на родине в Кыргызстане. Это, конечно, не способствует эффективному усвоению русского языка и совершенствованию владения им, хотя все дисциплины преподаются на нашем государственном языке: нет достаточной практики, нет погружения в среду.

Таким образом, отталкиваясь от тех проблем, которые возникают в практике преподавания одной дисциплины, мы выходим на более глобальные трудности, возникающие на стыке разных культур. Очевидно, что принцип толерантности в практике обучения в современных российских вузах студентов из других стран связан в основном с экстралингвистическими факторами. Он находит своё выражение и в политике вуза (создание специальных организаций по адаптации иностранных студентов, проведение национальных и религиозных мероприятий и др.), и во взаимоотношениях с преподавателями или одноклассниками (в аудиториях и за их пределами). Всё это в значительной мере влияет на эффективность изучения русского языка как иностранного и поэтому должно учитываться преподавателем для оптимизации процесса обучения.

УДК 811.161.1'243'38:070

ОБ ИСПОЛЬЗОВАНИИ ТЕКСТОВ СМИ В ОБУЧЕНИИ ИНОСТРАННЫХ СТУДЕНТОВ ЧТЕНИЮ И ПЕРЕСКАЗУ НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Н. В. Саянова

*Белорусский государственный университет,
ул. Кальварийская 9, 220004, г. Минск, Республика Беларусь, natumi@mail.ru*

Обосновано использование медиатекстов во взаимосвязанном обучении видам речевой деятельности, выделены характеристики текстов СМИ, приведены примеры упражнений, даны рекомендации по организации работы в процессе обучения чтению и пересказу. Новизна и актуальность заключаются в исследовании медиатекстов как методической основы для обучения русскому языку как иностранному.

Ключевые слова: медиатекст; виды речевой деятельности; взаимосвязанное обучение; русский язык как иностранный; чтение; пересказ.

ON THE USE OF MEDIA TEXTS IN TEACHING FOREIGN STUDENTS READING AND RETELLING IN RUSSIAN LANGUAGE

N. V. Sayanova

*Belarusian State University
Kalvariyskaya St., 9, 220004, Minsk, Republic of Belarus, natumi@mail.ru*

The use of media texts in interconnected teaching of types of speech activity is substantiated, the characteristics of media texts are highlighted, examples of exercises are presented, and recommendations are given for organizing work in the process of learning to read and retell. The novelty and relevance lie in the study of media texts as a methodological basis for teaching Russian as a foreign language.

Keywords: media text; types of speech activity; interconnected learning; Russian as a foreign language; reading; retelling.

В процессе обучения иностранному языку выделяется несколько наиболее часто применяемых методов, в частности, грамматико-переводной, аудиолингвальный, группа прямых методов, разнообразные интенсивные методы. Однако наиболее востребованным в настоящее время признается коммуникативно-деятельностный подход, задача которого заключается в формировании лингвистической, речевой, социокультурной, дискурсивной и других типов компетенций.

В рамках применения данного подхода оправданным видится активное использование письменных текстов (и в частности, текстов

СМИ) в качестве методической базы для формирования основных коммуникативных компетенций. Письменный текст не только предоставляет возможность продемонстрировать языковой и речевой материал изучаемого языка в соответствии с нормами реального общения на доступном обучающимся уровне, расширяет их представление о национально-специфических особенностях культуры страны изучаемого языка, о менталитете народа, но и является эффективным средством обучения устной речи, предоставляет содержательную основу для продуцирования высказывания, служит источником для обмена впечатлениями, мотивом для собственного высказывания [1].

Публикации СМИ могут быть активно использованы при обучении иностранному языку, что подтверждают проводимые ранее исследования белорусских лингвистов (Е. В. Тарасевич в отношении обучения немецкому, В. В. Завацкая, Л. М. Блинкова, И. В. Соколова – английский язык, А. В. Скаковская – русский язык как иностранный).

Медиатексты, отбираемые в качестве методического материала при обучении чтению и пересказу, служат для развития техники чтения и одновременно являются источником значимой для обучающихся интеллектуальной или эмоциональной информации. Однако любой текст может рассматриваться лишь в качестве потенциального носителя информации. Аудитория не бывает однородной, автор ориентируется на вероятного потребителя информации, стремясь максимально удовлетворить потребности читателей разных социальных, возрастных, интеллектуальных групп. С этой точки зрения представляется логичным при обучении русскому языку как иностранному использование текстов СМИ, связанных с родной страной обучающихся и освещающих политические, культурные, экономические, спортивные контакты Беларуси и других стран. Целесообразность применения такого подхода обеспечивается интересом иностранных обучающихся к более близкой, понятной тематике, повышающей их мотивацию к ознакомлению с иноязычным текстом, в котором упоминаются знакомые им реалии, факты, имена.

Как правило, в обыденной жизни различные ситуации общения обуславливают взаимодействие отдельных видов речевой деятельности (например, говорение предполагает наличие слушателей). Таким образом, наиболее эффективным подходом к обучению иностранному языку также представляется взаимосвязанное обучение видам речевой деятельности, построенное на их взаимодействии в процессе занятий, выступающем в качестве внутреннего механизма этого обучения.

Как обоснованно утверждает А. Тенихина, при взаимосвязанном обучении аудирование, говорение, чтение и письмо становятся попеременно средством и целью обучения. Работа над видами речевой деятельности проводится в некоторой, строго определенной последовательности, закреплённой рамками урока либо цикла занятий [2]. Взаимосвязанное обучение даёт возможность на основе общего языкового материала (представленного текстом как единицей отбора) с помощью системы упражнений, созданной преподавателем, сформировать эффективные коммуникативные компетенции обучающихся.

Тем не менее, традиционно на начальном этапе основой при обучении всем видам речевой деятельности становится чтение. Чтение одновременно является целью и средством обучения, предполагает использование графической опоры (собственно текста) и многократное возвращение к изучаемому материалу (текст можно перечитывать несколько раз).

Чтение – это активный процесс. Конструирование смысла протекает как интерактивная деятельность, в процессе которой взаимодействуют два источника информации – информация из источника и имеющиеся у читающего знания. Степень понимания текста может быть реализована на уровне понимания отдельных слов, сочетаний слов, предложений, а также всего языкового материала текста, осознанных в процессе чтения. Различные уровни понимания, в свою очередь, влияют на способность учащегося эффективно пересказать прочитанный материал.

Умение читать важно при обучении языку не только само по себе, но имеет также большое значение при обучении другим навыкам, в том числе говорению. Чтение и говорение (пересказ как разновидность говорения) являются ключевыми речевыми навыками при освоении учащимися иностранного языка.

Обучение навыкам чтения и пересказа на основе материалов СМИ востребовано с точки зрения использования наиболее общеупотребительной лексики, относительно простой синтаксической структуры предложений, а также релевантности и более легкой декодируемости журналистских текстов по сравнению с научными или художественными произведениями.

На наш взгляд, главной целью обучения чтению является формирование у учащихся на коммуникативно достаточном уровне совокупности навыков и умений понимания речевого произведения, представленного в письменной форме, и в дополнение к этому – приобретение знаний, извлечение информации, необходимой для будущей деятельности обучающихся.

Выделяют разные типы чтения в зависимости от степени проникновения в содержание текста и от коммуникативных потребностей: чтение

просмотровое, поисковое (просмотрово-поисковое), ознакомительное и изучающее.

На начальном этапе обучения следует прибегать к поисковому чтению на элементарном уровне. На среднем этапе умения ознакомительного и изучающего чтения можно предложить учащимся более сложные тексты познавательной и страноведческой тематики. Умения поискового чтения могут быть усовершенствованы на материалах рекламных текстов, которые также являются элементом общего медиадискурса. Для изучающего чтения логично применение текстов интервью и репортажей, статей и других более сложных публицистических материалов.

Формы проведения упражнений и их содержание зависят от ряда факторов, в том числе количества учащихся в группе, интенсивности занятия, степени доступности в ходе учебного процесса современных технических средств, возраста обучающихся и др.

Этапы работы и рекомендации. Перед тем как приступить к ознакомлению с определенным текстом, преподавателю важно оценить его и с познавательной, и с языковой точки зрения. После отработки с учащимися произношения незнакомых ключевых слов и выяснения их значения, можно спросить о предполагаемом содержании текста на основе списка слов и названия текста. Таким образом, учащиеся заранее настраиваются на определенную тематику, тем самым облегчая себе путь к пониманию текста. Затем преподаватель предлагает им читать текст вслух и переводить текст по абзацам. Последовательный перевод всего текста не всегда является обязательным (это может зависеть от используемого типа чтения).

Трудные для понимания предложения как в лексическом, так и в грамматическом плане необходимо проанализировать отдельно. При обучении пониманию читаемого текста большую пользу может принести работа над лексикой – словами общего корня и производными. Поэтому следует уделять большое внимание такому лексическому явлению как словообразование. Знание правил словообразования в данном языке помогает учащимся распознать часть речи и производное слово. Иногда нет необходимости вводить всю лексику текста, так как по смыслу учащийся может сам догадаться о значении слов, особенно если данные слова имеют интернациональное значение. Текст может содержать также слова, о значении которых можно догадаться из контекста. Но следует обязательно отработать произношение всех незнакомых слов.

Помимо упражнений, направленных на оценку степени понимания текста в целом, нам представляется оправданным также включить в работу с текстом некоторые задания, связанные с различными разделами языкознания.

Так, в группу упражнений по закреплению знаний относительно фонетической и лексической систем языка, можно включить следующие: найти слова иностранного происхождения, общие для русского и других языков (например, англицизмы), объяснить их значение (либо привести исходные слова в английском языке), выделить слова, схожие по звучанию с известными международными терминами.

Упражнением на словообразование может стать поиск в тексте определенных частей речи и образование от них однокоренных лексических единиц.

Упражнения грамматического характера: поскольку для текстов СМИ характерно преимущественное использование имен существительных и глаголов, относительно редкое употребление прилагательных, наречий и других частей речи, можно предложить выделить субъекта действия, заменить пассивные конструкции активными, распределить глаголы несовершенного и совершенного вида, обозначить лицо/падеж имен существительных и т.д., дополнить правильные окончания в конструкциях, образованных на основе принципа управления (глагол+существительное), или вставить правильные окончания прилагательных, согласуемых с существительными.

Упражнение, ориентированное на совершенствование навыков стилистического плана, может предлагать учащимся выбрать корректное слово из числа паронимов, уместное для использования в данном контексте (экономный – экономичный и т.п.).

После завершения чтения можно предложить несколько упражнений на общее понимание смысла и поиск конкретных деталей (например, выбрать правдивую/ложную информацию, ответить на общие или частные вопросы, касающиеся фактической основы текста, разделить фактическую и комментарийную/экспрессивную/гипотетическую информацию).

Показателем понимания текста на более сложном уровне служат такие упражнения, как подбор наиболее точного контекстуально заголовка, составление подписей к иллюстративному материалу (например, фотографиям), самостоятельное составление вопросов, соотнесение фрагментов текста с ключевыми идеями, правильное воссоздание последовательности предложений или фрагментов текста, пересказ текста (например, в формате репортажа) от лица журналиста или, наоборот, в косвенной речи («Мой друг работает журналистом. Вчера он присутствовал... и рассказал...»).

При формировании навыков пересказа можно предложить такие типы заданий, как пересказ по вспомогательным вопросам или ключевым словам. Необходимо помнить, что пересказ является не заучиванием текста, а передачей его основного содержания. Важно оценить текст на смысловую

целостность, перечитав его. При подготовке пересказа должен получиться тот же текст по смыслу, но меньшего объема.

Важно уточнить все непонятные слова или идиомы, разбить некоторые сложные предложения на более простые, затем добавлять к ним вводные слова или речевые клише, которые помогут построить связные высказывания при пересказе, составлении характеристики, выражении своего отношения, своей точки зрения относительно прочитанного. Также нужно следить за правильностью грамматического оформления косвенной речи.

Затем необходимо поделить текст на смысловые части и пересказать каждый из абзацев. Важно пересказывать текст вслух, причем несколько раз. Не следует делать долгие паузы, вспоминая что за чем идет, стоит заменить забытое слово синонимом, а предложение – своими словами.

Исходя из основных задач, которые ставит перед обучающимися преподаватель в рамках коммуникативно-деятельностного подхода, иногда при чтении нового материала достаточно получения общего представления о теме на основе ключевых слов сообщения, способности вычленить основные логические части медиатекста, а в некоторых случаях – умения обучающегося использовать материал СМИ в качестве отправной точки не только для подробного пересказа, но и для собственной рефлексии в виде устного высказывания или письменного эссе.

Таким образом, медиатексты в процессе использования их при обучении чтению и пересказу на русском языке в качестве иностранного не только являются методической основой для овладения навыками понимания речевого материала и работы с ним, но и выполняют важную познавательную, коммуникативную, эстетическую, ценностную функции, транслируя обучающимся новые знания о стране изучаемого языка и окружающей действительности в целом.

Библиографические ссылки

1. *Куимова М. В.* Обучение устной монологической речи с опорой на аутентичный письменный текст : автореф. дис. ... канд. педаг. наук. Ярославль, 2005. [Электронный ресурс]. URL: <https://nauka-pedagogika.com/pedagogika-13-0002/dissertaciya-obuchenie-ustnoy-monologicheskoy-rechi-s-oporoy-na-autentichnyy-pismennyy-tekst> (дата обращения: 27.11.2023).

2. *Тенихина А. С.* Принципы взаимосвязанного обучения в аспекте преподавания русского языка как иностранного [Электронный ресурс] // Педагогическое образование в России. 2016. № 12. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/printsiipy-vzaimosvyazannogo-obucheniya-v-aspekte-prepodavaniya-russkogo-yazyka-kak-inostrannogo> (дата обращения: 28.03.2024).

УДК 811.161.1

**ПРОБЛЕМЫ ПРЕПОДАВАНИЯ РУССКОГО
КАК ИНОСТРАННОГО И АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКОВ
РУССКОГОВОРЯЩИМИ ПРЕПОДАВАТЕЛЯМИ
В КИТАЕ В 2000–2020-Х ГОДАХ**

И. В. Смердов

*Кафедра иностранных языков университета Цзюцзян,
г. Цзюцзян, провинция Цзянси, КНР, igorsmerdov@mail.ru*

Цель работы – осветить проблемы преподавания русского языка в Китае по сравнению с преподаванием английского, в этом сопоставлении заключается новизна работы. Ценность ее в том, что она вписывает преподавание русского в глобальный контекст, тогда как многие исследования не учитывают мировых тенденций преподавания языков. Вывод состоит в том, что учебные материалы по русскому должны быть составлены с учетом местных китайских реалий.

Ключевые слова: преподавание английского; преподавание русского как иностранного (РКИ); методика преподавания; студентоцентристский метод; учительцентристский метод.

**PROBLEMS OF TEACHING RUSSIAN AS A FOREIGN LANGUAGE
AND ENGLISH BY RUSSIAN-SPEAKING TEACHERS
IN CHINA IN THE 2000–2020s**

I. V. Smerdov

*Department of Foreign Languages at Jiujiang University,
Jiujiang, Jiangxi Province, China, igorsmerdov@mail.ru*

The purpose of the work is to highlight the problems of teaching the Russian language in China in comparison with teaching English; this comparative comparison lies in the novelty of the work. Its value lies in the fact that it places Russian teaching into the global context, whereas related studies do not take into account the global trends in language teaching. The conclusion is that authors of Russian educational materials should take into consideration Chinese realities.

Keywords: teaching English; teaching Russian as a foreign language (RFL); teaching methodology; student-centric method; teacher-centric method.

Текст написан на основе двадцатилетнего опыта преподавания английского и русского языков в университетах и школах КНР. Основная идея – показать, что преподавание русского языка в Китае нуждается в реформировании в сторону более интерактивного обучения, по типу

обучения английскому, в силу того, что обучение начинается во всё более раннем и раннем возрасте, и новое поколение студентов вырастает на видео из Тик-тока, а не на книгах и чтении. Второе – локализация обучения языку (любому, в том числе русскому), о которой уже давно говорят в Азии [1, с. 243–244]. Локализация английских реалий, персонажей и даже понятий проходит гораздо легче, по сравнению с аналогичными российскими реалиями. Например, из ведущих российских университетов в учебниках представлен только МГУ [2, с. 49, 114, 134] с его иконическим главным зданием, которое более-менее известно. Деятели культуры – Михалков, Меньшиков, Алсу [2, с. 68, 73], их узнаваемость в Китае близка к нулю, не говоря уж про персонажей из фильмов и книг, таких как Маша и медведь или герой книги Островского Павел Корчагин. Сказывается недостаток российской мягкой силы, *soft power*, и студентам трудно идентифицировать русскоязычные концепты и реалии с собственной жизнью. Узнаваемость в Китае есть у Путина, более или менее известны Пушкин, Ленин, Сталин, Горький, которого читают в средней школе. Современных персон молодые люди уже не помнят. В итоге проблема усиления интерактивности и узнаваемости концептов (на которой может основываться локализация) ощущается в полной мере.

В России существуют десятки пособий по методике преподавания РКИ, в том числе новейших [3, с. 9–14]. Они не выделяют Китай как особую сферу приложения методов преподавания РКИ. Крючкова коротко описывает проблемы преподавателей РКИ [4, с. 9], не выделяя при этом китайскую составляющую. Работ, посвященных преподаванию русского в Китае, практически нет, по-видимому, в силу немногочисленности и подвижности преподавательского контингента, работающего в Китае. Отсюда вытекает необходимость восполнения пробела в плане методологии преподавания РКИ в китайской высшей и средней школе.

Целью работы является описание проблем русскоязычных преподавателей русского и английского языков в Китае и путей их решения в свете существующих методов преподавания языков. В существующей методологической литературе (достаточно многочисленной) проблема преподавания в Китае не выделяется в особую сферу. В идеале эту сферу надо если не выделять в особую отрасль, то хотя бы обозначить специфические проблемы именно этой сферы деятельности.

Новизна исследования в том, что автор анализирует достижения преподавания РКИ в сопоставлении с процессами в преподавании английского, аналогами РКИ в англоговорящем мире, TESOL, EFL и ESL, которые доминируют в теории и методике преподавания языков, как иностранных, так и родного. Отсюда следует гипотеза автора, что сферу преподавания русского языка в Китае (сфера РКИ по определению) го-

раздо легче отождествить с доминирующей сферой методики преподавания, а именно преподавание английского как иностранного, или второго языка, TESOL, ESL, EFL, нежели поддерживать ее автономию в сфере преподавания русского языка как иностранного (РКИ). Преподавание русского как иностранного в Китае обычно оформляется административно в виде присоединения кафедры русского языка к отделению или даже факультету иностранных языков колледжа или университета, поэтому задача облегчается с административной точки зрения. С когнитивной или академической точки зрения, приравнивание русского как иностранного к сфере преподавания английского выглядит проблематично, поскольку преподавание русского на уровне школ ограничено немногочисленными, престижными, элитными, а иногда частными школами на большей части Китая, и повышенным процентом преподавания русского в обычных школах и колледжах, расположенных в провинциях, прилегающих или имеющих границу с Россией. Уровень владения китайскими студентами разговорным английским намного выше, чем уровень владения русским, даже в приграничных с Россией районах (как правило, не очень развитых, депрессивных, с тенденцией к оттоку населения в более теплые и развитые территории), поэтому и стратегия обучения русскому строится по принципу максимальной возможности выживать в существующих условиях. Коммуникативный метод преподавания в условиях, когда студенты не могут произнести базовые и элементарные фразы на русском, представляется почти невозможным осуществить. К этому добавляется низкая мотивация студентов учить русский язык. Поэтому стратегия преподавания невольно смещается в сторону обучения чтению и пониманию письменного текста и перевода с русского на китайский, что в условиях повсеместного распространения нейросетей и добротных переводчиков, способных переводить даже беглую русскую речь на китайский и китайскую речь на русский, снижает и без того низкую мотивацию серьезно учить русский язык даже там, где вполне возможно встретить русскоязычного человека на улице или в кампусе. Иными словами, при преподавании русского как иностранного преподавателю приходится сильно занижать планку в плане мотивации, успехов и прогресса учащихся, причем неважно: на уровне школы или университета. Соответственно, невозможен или затруднителен отход от стратегии, при которой учитель является источником знания и доминирующим лицом в классе при учителецентричном подходе. В этом плане преподавание русского оказывается близким преподаванию китайского языка, где учитель также играет ключевую роль источника знания (например, как писать иероглифы) и контролирующей инстанции, при которой система построена на частом тестировании усвояемости изучаемого материала.

Преподавание русского языка в Китае должно постепенно переключаться в сторону преобладания разговорного компонента, и следовать в русле методики преподавания английского языка, а именно коммуникативного и разговорно-центрического подхода, поскольку эти подходы сейчас массово используются в преподавании английского.

При всем прогрессе изучения русского языка в Китае в последние десятилетия [5, с. 35], в преподавании и методике преподавания прогресс был экстенсивный, т. е. за счет географического расширения, но не в плане качества. Мы не видим новых методов и приемов, которые помогли бы улучшить методологическую базу преподавания. Методологических учебников много, и они легко доступны онлайн, но они не для Китая. Налицо разрыв между методологической базой в России и самым большим контингентом студентов, изучающих русский как иностранный (РКИ), за пределами России.

Что касается китайских преподавателей русского, то они строят свои преподавательские стратегии на использовании письменных литературных текстов, поскольку они наиболее известны и знакомы китайским преподавателям. По ним обучались поколения русистов в Китае [6, с. 12]. Нужны новые формы и даже методы преподавания с опорой на новые технологии и с учетом развития нейросетей, социальных сетей и современного клипового мышления молодежи.

Преподавание английского в Китае доминирует над преподаванием всех других языков вместе взятых, похожая ситуация и в других азиатских странах, где нет долгосрочных традиций германистики, китаистики и других похожих ответвлений прикладной лингвистики. Поэтому легко предположить, что большинство трудовых и интеллектуальных ресурсов сосредоточено именно в этой сфере. Там же используются наибольшее число методов преподавания, поскольку количество частных школ, специализирующихся в английском, огромно, их клиентура и аудитория самые разнообразные, и во многих детских садах обучение ведется с раннего возраста от 3-х лет, когда дети еще не совсем могут говорить.

Изучение русского языка распространено в некоторых общеобразовательных школах и вузах, обычно, расположенных в крупных городах. Крупнейшие отделения русского языка в Пекине, Харбине, Даляне, все города недалеко от российской границы [5, с. 34]. Чем дальше на юг Китая, тем количество и даже качество изучения русского языка уменьшается. Основные методы преподавания русского в вузах основаны на изучении письменного языка художественной литературы и чтения текстов. Китайские преподаватели рассказывают о тонкостях грамматики с примерами из учебников и минимумом своих собственных фраз. Учитель и учебник – это источник знаний, а дополнительных материалов мало или

нет совсем. Разговорной практики явно не хватает на занятиях даже в топовых вузах, и лишь немногие студенты могут сходу среагировать на простой вопрос. Обычно они не могут поддерживать даже простой разговор на русском.

Ситуацию с преподаванием вкратце можно охарактеризовать с помощью сравнительной таблицы.

<u>Эпоха до 2022, до появления массового доступа к нейросетям GPT</u>	<u>Изменения, вызванные внедрением нейросетей в учебный процесс</u>
Изучение грамматики по таблицам, с примерами из учебника. Используется метод грамматического перевода, когда предложения строятся по некоей грамматической модели, как в китайском.	Таблицы остаются в качестве дополнительного пособия. Учебник становится материалом для самоконтроля при составлении фраз для корректирования нейросетью. Перевод исключается из начального обучения (только на стадии провинутого уровня, когда можно обсуждать тонкости использования языка).
Учитель – источник знания и навыков разговора, произношения и коммуникации.	Учитель помогает студентам составлять сложные фразы и контролирует произношение и понимание.
Доминирование родного языка в качестве метаязыка обучения в силу сложности грамматических объяснений.	Родной язык не используется или используется на самых ранних стадиях процесса изучения.

Чеснокова М. П. характеризует преподавание нефилологам так: «В аудитории учащихся-нефилологов русский язык как учебный предмет усваивается не как система лингвистических явлений, не с целью его описания, а как средство общения в письменной и устной форме. Поэтому для данной категории учащихся методика формулирует задачу изучения русского языка с целью участия в языковой коммуникации, т.е. задачу обучения речевой деятельности на русском языке: чтению, говорению, слушанию, письму» [6, с. 13]. Классическое описание коммуникативного подхода. Письмо можно потихоньку исключать из данного уравнения, поскольку оно заменяется нейросетью.

В нынешней ситуации надо что-то менять в эпоху ChatGPT и многочисленных голосовых помощников и переводчиков, когда текст в электронном виде может быть моментально переведен с русского на китайский, и переводчик мгновенно переводит устный текст видео в довольно неплохом качестве.

Чтение электронных источников существенно облегчается компьютерными программами перевода, а написание текстов с использованием доступного YandexGPT, и чуть менее доступного ChatGPT. Таким обра-

зом, мгновенный перевод письменного (в том числе классического литературного) текста с русского на неплохой китайский снижает мотивацию студентов читать эти тексты в плане медленного чтения, осмысляя каждую фразу и параграф. А уж написание сочинений на русском (пусть и на очень персонифицированную тему, чтобы усложнить помощь в написании со стороны нейросети) не в классе напрямую подталкивает студентов к использованию нейросетей для написания домашних работ, поэтому обучение писанию сочинений ставится под сомнение, поскольку его будущее туманно, если вообще возможно. Здесь неплохим аналогом написания сочинений выступает изготовление коротких видео и монологом или даже диалогом (групповая и парная работа). Эта задача сильно упрощается тем фактом, что студенты привыкли к записи видео и фиксации многих рядовых событий своей жизни и публикации их в соцсетях. Таким образом, фокус и цели преподавания смещаются в сторону устной речи и разговорного русского, говорения на нем, попутно совершенствования презентационных навыков и освоения презентационных навыков на иностранном языке, т. е. использование русского языка в социуме и публичном (пусть и виртуальном) пространстве.

Следующим шагом в реформировании стратегии преподавания русского в Китае должна стать локализация предмета. Здесь возникает логическое противоречие. Учебники английского, написанные в англоговорящих странах часто используют широко известные сюжеты (сказки, мультфильмы, голливудские блокбастеры) и знаменитых персонажей, например, спортсменов, актеров, политиков, медийных персон, а также вымышленных героев наподобие Бэтмена, Шрека, Золушки, Русалки и т. д. Но даже в преподавании английского в Азии наблюдается тенденция к локализации, пусть и на основе глобализованных учебных материалов.

В преподавании русского следование глобализованным материалам практически невозможно в силу их отсутствия. Российским и русскоговорящим составителям учебников гораздо сложнее опираться на материалы, которые будут априорно знакомы студентам с раннего возраста. Мягкая сила русской и современной российской культуры намного менее знакома китайским студентам. Интересных и поучительных фильмов, мультфильмов, сказок, персонажей и сюжетов в русской культуре предостаточно, но вот их узнаваемость за пределами русскоговорящего мира сильно уступает аналогам из западного мира, фольклора и кинематографа. Поэтому приходится вводить в учебники множество малознакомых для китайских студентов названий, моментов, персоналий и сюжетов (МГУ, Большой Театр, Басков, Колобок и т.д.), которые студентам очень трудно распознать и актуализировать без помощи учителя. Порой и учителю трудно актуализировать какой-либо материал. Например, мо-

лодым преподавателям РКИ актуализировать материалы, основанные на реалиях СССР. Также трудно упоминанием этих малознакомых слов и понятий развлекать и мотивировать студентов, если они не уверены, что когда-либо поедут в Россию. Это сильно снижает ценность учебника для поколения тик-токеров и блогеров, поскольку их клиповое мышление построено на узнаваемости сюжета, персонажа, идеи и ассоциации его с известными аналогами.

Таким образом, локализация курса русского языка основана на очень ограниченном наборе сюжетов, персоналий и предметов или товаров. Если речь не идет о китайцах из приграничных с Россией территорий типа Хэйхе, Муданьдзяна и Манчжурии, где заметно присутствие русских туристов и бизнесменов, то набор знакомых элементов русской культуры ограничивается Путиным, Лениным, Сталиным (политизированные сюжеты, которые трудно использовать на занятии в Китае), несколькими знаменитыми местами (например, Красная Площадь, Эрмитаж), шоколадом, блинами, икрой, матрешками, а также менее известными реалиями и артефактами.

Единственным элементом потенциальной локализации курса русского языка остается местная культура и стиль жизни, которые знакомы студентам с детства. А это как раз и является слабым местом преподавателей из русскоязычных стран, поскольку их опыт пребывания в Китае минимален (от года до пяти лет), а это мало, если не иметь члена семьи гражданина Китая. И даже в этом случае довольно глубокого погружения в местную культуру, многие тонкости китайской культуры и повседневности ускользают или затеваются российским опытом. Возникает тяжелая ситуация с преподаванием русского не очень мотивированным студентам, чьи перспективы оказаться в русскоговорящей стране туманны. Надо или полностью переписывать учебник на основе китайских реалий и поиска их аналогов в русском мире, что возможно, но требует огромного труда и компетенций, которых часто у преподавателей нет, или придется строить курс на основе разговорной практики, построенной на местных реалиях и повседневной жизни (с минимумом грамматики, которую потом можно будет доработать по существующим многочисленным пособиям и учебникам).

Таким образом, наиболее реалистичным представляется вариант некоего симбиоза трех подходов (российского – аутентичного, это наше все, английского – доминирующего в методологическом плане, китайского – в плане «чужой монастырь», некая «черная дыра», в которой все перемалывается) в зависимости от уровня и мотивации студентов, когда можно комбинировать местные реалии, ограниченное знание преподавателем местной культуры и местных повседневных практик. В этом направлении теории уже начали мыслить: Е. В. Дзюба и А. Э. Массалова пишут: «обучение рус-

скому языку как неродному/иностранному в настоящих условиях должно базироваться на разумном согласовании традиционных и современных принципов, подчиненных логике коммуникативно-деятельностного подхода. Сущность данного подхода заключается в максимальной соотнесенности процесса обучения с социально-культурными условиями и личностными особенностями обучающихся, в установке на прагматическую актуальность обучения» [7, с. 45]. Главная проблема заключается в том, что при максимальной соотнесенности с особенностями студентов, преподаватель сам должен знать Китай, желательно хотя бы немного говорить на китайском, а не только на английском, а здесь возникает огромная проблема, потому что преподаватели из русскоговорящих стран приезжают с минимумом знаний о КНР. Преподавать русский так, как его преподают в России, при этом находясь в Китае, возможно только в случае очень мотивированной аудитории, у которой есть реальные перспективы оказаться в России и применить навыки на практике, а такую аудиторию в Китае найти сложно.

Библиографические ссылки

1. Littlewood, W. Communicative and task-based language teaching in East Asian classrooms. *Language Teaching* / Volume 40 / Issue 03 / July 2007, pp. 243–249.
2. Антонова В. Е., Нахабина М. М., Сафронова М. В., Толстых А. А. Дорога в Россию. СПб., 2003.
3. Крючкова Л. С., Мощинская Н. В. Практическая методика обучения русскому языку как иностранному. Учебное пособие для начинающего преподавателя, для студентов-филологов и лингвистов, специализирующихся по РКИ. М. : Флинта: Наука, 2009.
4. Щукин А. Н. Методика преподавания русского языка как иностранного. М. : Высшая школа, 2003.
5. Цвык Г. И. Анализ опыта продвижения русского языка в Китае // Вестник Бурятского государственного университета. Образование. Личность. Общество, 2018. Вып. 2. С. 34–38.
6. Чеснокова М. П. Методика преподавания русского языка как иностранного: учеб. пособие / М.П. Чеснокова. 2 изд., перераб. М. : МАДИ, 2015.
7. Дзюба Е. В., Массалова А. Э. Психолого-педагогические, социокультурные и методические основы преподавания русского языка как неродного/иностранного // Преподавание русского языка как иностранного. Екатеринбург, 2017. С. 45.

УДК 372.881.161.1

**ИСПОЛЬЗОВАНИЕ КЕЙС-ТЕХНОЛОГИИ
НА ЭТАПЕ ОБОБЩЕНИЯ И СИСТЕМАТИЗАЦИИ ЗНАНИЙ
В ПРАКТИКЕ ОБУЧЕНИЯ ИНОСТРАННЫХ СТУДЕНТОВ
РУССКОЙ УСТНОЙ И ПИСЬМЕННОЙ РЕЧИ**

С. В. Халили-Квасова

*Белорусский государственный университет,
ул. К. Маркса, 31, 220030, г. Минск, Беларусь, khalili-kvasova@yandex.ru*

В статье рассматривается использование кейс-технологии при проведении занятий по РКИ на этапе обобщения и систематизации знаний. Статья имеет теоретико-практическую направленность, так как в ней не только дается теоретической обоснование продуктивности данной интерактивной педагогической технологии, но и предлагается описание собственных методических материалов (на примере занятия с иностранными студентами 4 курса специальности «Русская филология»).

Ключевые слова: инновационные технологии в преподавании РКИ; кейс-технология; кейс

**THE USE OF CASE TECHNOLOGY AT THE STAGE OF
GENERALIZATION AND SYSTEMATIZATION OF KNOWLEDGE
IN THE PRACTICE OF TEACHING RUSSIAN ORAL AND WRITTEN
SPEECH TO FOREIGN STUDENTS**

S. V. Khalili-Kvasova

*Belarusian State University,
31 Karl Marks St., 220030, Minsk, Belarus, khalili-kvasova@yandex.ru*

The article deals with the use of case technology of conducting Russian as a foreign language classes at the stage of generalization and systematization of knowledge. The article has a theoretical and practical orientation, since it not only gives a theoretical description of this interactive pedagogical technology, but also offers a description of its own methodological materials (on the example of working with foreign students of the 4rd year of the specialty “Russian philology”).

Keywords: innovative technologies in teaching Russian as a foreign language; case study; case.

В соответствии с современной образовательной парадигмой не вызывает сомнений актуальность использования в учебном процессе инновационных технологий, основным принципом которых является высокая

активность обучающихся в самостоятельном анализе имеющейся информации, поиске максимально рационального решения проблемной ситуации и оценке его последствий. Следует отметить, что в практике преподавания русского языка как иностранного важно применение таких технологий активного обучения, которые будут способствовать эффективному речевому взаимодействию: закреплению изученного лексико-грамматического материала, использованию всех форм речевой активности, продуцированию спонтанной устной и письменной речи.

Одной из таких технологий является кейс-технология, теоретико-методологическую базу которой составляет обучение на основе реальных ситуаций (case study), зародившееся в начале XX века в Гарвардской школе бизнеса.

Как известно, для кейс-технологии характерны: а) командная (групповая) форма работы; б) моделирование конкретной проблемной ситуации, достоверно связанной с реальностью; в) использование подлинных источников информации (например, новостных сообщений, статистических отчетов, докладов и монографий по теме и т.д.); г) отсутствие единственно верного решения, что предполагает возможность дискуссии и способствует формированию умения аргументировано и структурно четко высказывать свою точку зрения и оценивать альтернативную; д) изменение роли преподавателя во время занятия с транслятора информации на модератора, поддерживающего и направляющего дискуссию. Кроме того, кейс-технология легко сочетается с игровым методом, с различными интерактивными формами представления информации, с методом проектов.

Кейсы могут быть различного объема (от нескольких строк до нескольких страниц), их содержание может быть оформлено разными способами, они могут применяться на разных этапах изучения темы.

Приведем пример использования развернутого кейса на этапе обобщения и систематизации знаний.

Согласно рабочей программе по дисциплине «Практика устной и письменной русской речи», студенты 4 курса специальности «Русская филология» в течение семестра обсуждают проблемы современного города и деревни, транспорта, демографии, миграционных процессов, глобализации, межнационального и межкультурного взаимодействия, говорят о глобальных вызовах, которые стоят перед мировым сообществом, углубленно повторяют рассмотренные ранее основные вопросы экономического развития стран, научно-технический прогресс, проблемы экологии, борьбы с преступностью. Как правило, изучение всех тем дается на примере реалий Беларуси, России, Китая.

Для того чтобы обобщить все изученное, активизировать и закрепить весь накопленный лексико-грамматический материал, мы решили провести обобщающее занятие на тему «Глобальные проблемы современности» и использовать кейс, который не относится ни к одной из названных стран, но так или иначе повторяет изученное ранее.

В качестве объектов для создания кейса мы выбрали Индонезию и ее столицу Джакарту. Выбор был обусловлен следующим: китайским студентам азиатский регион знаком лучше европейского; Китай и Индонезия являются экономическими партнерами; проблемы Джакарты представляют собой в обобщенном виде проблемы любого мегаполиса; говорить о проблемах страны, с которой ты не связан лично, можно более беспристрастно.

Основой для создания кейса стало информационное сообщение в СМИ о переносе столицы Индонезии Джакарты в строящуюся с нуля Нусантару.

Содержание кейса кратко можно представить следующим образом.

На заседании ООН обсуждается столица Индонезии Джакарта, проблемы которой влияют на всю страну и весь регион в целом. Свои наблюдения представляют рабочие комитеты по Джакарте, Индонезии и Юго-Восточной Азии, в состав которых входят представители многих государств. В ходе обсуждения должны быть приняты конкретные решения, которые могут улучшить ситуацию. Кроме того, на заседании присутствуют новые члены ООН – представители племенных народов Африки, впервые узнавшие о понятии «глобальные проблемы».

На этапе предварительной подготовки студенты познакомились с различными фактами о Джакарте и Индонезии в целом. Была представлена краткая информация о географическом положении страны, ее административном делении, составе населения, религии; была дана характеристика климата, почвы, природных ресурсов; также была указана экономическая модель, названы ведущие отрасли производства. Студенты познакомились со статистикой, имеющей отношение к различным проблемам и попыткам их решения (например, количество зарегистрированных в столице машин, скорость движения по дорогам, высота куч мусора, количество затапливаемой ежегодно площади, количество дел по наркоторговле, ежегодный улов рыбы и морепродуктов, изменение по годам количества семей рыбаков в близлежащих районах и т. д.), отрывками из интервью с различными чиновниками и жителями страны. Материал был представлен как в печатном виде, так и в аудиовизуальном формате.

После знакомства с общей информацией, имеющей отношение к содержанию кейса, студенты, разделенные на группы, получили следу-

ющие задания: вспомнить, какие проблемы называются глобальными и почему; структурировать новости по объекту, о котором говорится (столица, страна, весь регион); кратко сформулировать, что данная информация может проиллюстрировать; вспомнить пути решения обнаруженных проблем в Китае, России, в других известных им странах, законспектировать данные об уже существующих решениях и выразить свое отношение к этому. Некоторые студенты получили индивидуальные творческие задания (например, подготовить обзорный видеоролик по проблемам Джакарты, презентацию с 3-d анимацией по Нусантаре, инфографику с вариантами решения определенных проблем и т. д.).

Так как мы подключили игровую технологию, то для проведения занятия была оформлена аудитория, подобрана музыка, начинающая заседание ООН, сделаны флаги стран, бейджи участников и т. п.

Вводная часть занятия включала в себя следующие элементы: представление команды студентов как представителей той или иной страны и членов определенной рабочей группы ООН; актуализация общей информации по теме «Глобальные проблемы» в виде блиц-опроса и выполнения лексико-грамматического упражнения на соотнесение; решение филворда с зашифрованными названиями глобальных проблем и обсуждаемого на данном «заседании» региона. Такое начало занятия создало нужное настроение в аудитории, определило темп урока, усилило заинтересованность всех участников в происходящем.

Основная часть занятия предполагала обсуждение проблем в формате дискуссии и поиск рациональных решений по их устранению.

На этом этапе очень важна роль преподавателя, который, являясь «председателем заседания ООН», имеет возможность «дирижировать» группами: организовывать переходы между частями дискуссии, задавать уточняющие вопросы, контролировать темп, побуждать к участию всех присутствующих, умело чередовать блиц-опросы, индивидуальные презентации, спонтанные реплики по теме, письменную работу и т. д.

Для того чтобы «оживить» основную часть занятия, активизировать работу с изученной лексикой и грамматическими конструкциями, визуализировать информацию с целью ее целостного восприятия, мы использовали различные интерактивные приемы.

Так, результаты обсуждения по Джакарте было предложено оформить, используя прием «фишбоун», или «рыбья кость» («рыбий скелет»). Данная графическая техника представления информации позволяет наглядно и целостно визуализировать ход анализа определенной проблемы. На нашем занятии на «голове рыбы» студенты записывали название проблем, на «костях» – краткие факты по проблеме, возможные причины ее возникновения, на «хвосте» – пути решения.

Проблемы Индонезии были представлены в виде облака слов – приема графической визуализации, который позволяет мгновенно акцентировать внимание на нужной информации и определить приоритетные направления обсуждаемой проблемы. Визуально самые яркие слова было предложено соединить с иллюстрациями, на которых в виде рисунков, фотографий, иконок было изображено решение проблемы. Картинки необходимо было подписать. Затем предлагалось короткое аудирование (отрывки из интервью в СМИ) и небольшое тестовое задание к нему, позволившее зафиксировать дополнительные сведения. Такая последовательность работы с информацией позволила создать визуально разнообразный, содержательный конспект, который стал хорошим помощником в ходе дискуссии.

Для того чтобы описать проблемы всего региона, было предложено поработать с текстом (вставить необходимые слова в правильной грамматической форме, соотнести абзацы со слайдами презентации), а затем в виде таблицы составить список возможных решений, классифицировав их по объекту и отметив наиболее рациональные. Свой выбор следовало аргументировать.

При переходе к заключительной части занятия «выступили туземцы», которые в игровой, театрализованной форме призывали мировое сообщество вернуться к жизни в традиционном обществе, в котором не будет глобальных проблем, вызванных достижениями научно-технического прогресса. Сообщение вызвало эмоциональный обмен мнениями, спонтанные диалоги, даже спор. Студенты горячо отстаивали свое желание остаться в настоящем времени и более активно искать пути решения глобальных проблем в каждом регионе Земли.

Как показывает наша практика, хорошо продуманные «импровизации» (в том числе с театрализованными в том или ином виде элементами) очень часто могут быть не просто интеллектуальной разрядкой во время серьезной работы, но этапом занятия или конкретными моментами в ходе урока, которые включают эмоции студентов и очень хорошо стимулируют спонтанные высказывания инофонов. Не стало исключением и данное занятие.

Логическим продолжением высказанного участниками «заседания ООН» желания активно искать пути решения глобальных проблем стал заключительный этап занятия, на котором было предложено провести голосование по выдвинутым каждой рабочей группой конкретным предложениям с их кратким итоговым обоснованием.

В самом конце занятия была проведена рефлексия, позволившая получить достоверную обратную связь.

Как мы видим, кейс-технология предполагает достаточно серьезный этап подготовки, тщательное обдумывание преподавателем эффективной формы представления кейса, большую предварительную работу с группами, выстраивание всей системы занятий по теме так, чтобы к обобщающему уроку студенты владели необходимой лексикой, навыками ведения дискуссии, были знакомы с форматом используемых интерактивных упражнений.

Полученный нами в ходе проведения данного занятия результат мы считаем достаточно хорошим и можем сделать вывод, что использование развернутого кейса на этапе обобщения и систематизации знаний способствует выводу лексического и грамматического материала в спонтанную речь, формирует навык самостоятельного мышления и практического применения теоретической информации. Последующий контроль подтвердил данный вывод.

УДК 378.016:811.161.1-0.54.6(072)

ДИДАКТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ СТРАТЕГИЧЕСКОГО ПОДХОДА К ОБУЧЕНИЮ РКИ

Н. П. Хрящёва

*Белорусский государственный университет информатики и радиоэлектроники,
ул. Гикало, 9А, 220005, г. Минск, Беларусь, khreshchova@bsuir.by*

В работе исследуются педагогические возможности использования стратегий в обучении русскому языку как иностранному. В ходе исследования выявлены основные положительные аспекты применения стратегического подхода, а также названы трудности, с которыми приходится сталкиваться преподавателям, использующим в процессе обучения языку стратегический подход.

Ключевые слова: стратегическая лингводидактика; стратегии обучения языку; русский язык как иностранный; стратегический подход; дидактический потенциал.

DIDACTIC POTENTIAL OF THE STRATEGIC APPROACH TO TEACHING THE RFL

N. P. Khrashchova

*Belarusian State University of Informatics and Radioelectronics,
Gikalo St., 9A, 220005, Minsk, Belarus, khreshchova@bsuir.by*

The work explores the pedagogical possibilities of using strategies in teaching Russian as a foreign language. The study identified the main positive aspects of the strategic approach, as well as the difficulties faced by teachers who use a strategic approach in the process of teaching the language.

Keywords: strategic linguodidactics; language learning strategies; Russian as a foreign language; strategic approach; didactic potential.

В современной педагогической науке и образовательной практике когнитивные аспекты обучения стали предметом пристального внимания исследователей. Активно обсуждается вопрос применяемых обучающимися стратегий изучения и использования иностранного языка, на основе которых методистами разрабатываются стратегии обучения языку ино-
фоннов [1, с. 15]. Внедрение в практику преподавания сведений, полученных в результате подобных исследований должно способствовать формированию устойчивой традиции реализации стратегического подхода к обучению иностранному языку.

Вне зависимости от контекста, в современной науке стратегия рассматривается как общий план действий для достижения определенного результата, иначе говоря, как гибкая программа деятельности, которая может быть рассмотрена в качестве алгоритма планирования определенных шагов или последовательности правил для преодоления трудностей [2, с. 2]. Стратегический подход к обучению русскому языку как иностранному (РКИ) представляет особый интерес для исследователей, так как он позволяет эффективно использовать различные ресурсы и новые возможности для достижения поставленных образовательных целей.

В контексте стратегической лингводидактики, стратегия – это любая организованная, целенаправленная и регламентированная линия действий, выбранная индивидом для выполнения задачи, которую он ставит перед собой или с которой он сталкивается [3, с. 10].

Разработанная с учетом данных по овладению РКИ и его использованию стратегическая теория овладения языком белорусским исследователем С. И. Лебединским включает в себя 11 типов стратегий (метакогнитивные, когнитивные, аффективно-прагматические, стратегии усвоения грамматических форм и синтаксических конструкций, стратегии усвоения иноязычной лексики, стратегии речепорождения и речепродуцирования, компенсаторные, коммуникативные (общие и частные), стратегии речевосприятия и речепонимания, стратегии овладения готовыми и частично модифицируемыми речевыми моделями, стратегии овладения творческой речью), каждый из которых включает в себя частные стратегии, которые уже получили теоретическое обоснование и конкретное методическое наполнение [4, с. 47].

Использование стратегий при освоении иностранного языка имеет определенные положительные моменты:

1. Концентрация и мотивация: стратегии обучения помогают сосредоточиться на обучении и поддерживать мотивацию. Они дают возможность разбить процесс обучения на более мелкие, более управляемые задачи, что делает процесс изучения языка менее напряженным, так как разбивает его на понятные этапы.

2. Планирование и организация: стратегии помогают организовать учебный процесс, так как способствуют разработке план обучения, определению целей и приоритетов, а также помогают управлять временем и ресурсами.

3. Разнообразие и адаптация: Изучение языка требует разнообразных методов и подходов. Стратегии позволяют вам адаптировать свой подход к обучению в зависимости от ваших потребностей и предпочтений.

4. Изучение всех аспектов языка (некоторые стратегии, такие как создание ассоциаций и использование контекста способствуют расширению словарного запаса). Развитие навыков во всех видах речевой деятельности (стратегии помогают улучшить свои навыки восприятия языка на слух, чтения, письма и говорения).

5. Социальная интеграция: вовлечение в общение с носителями языка и другими обучающимися может быть полезным для изучения языка.

Стратегический подход предполагает опору на выявленные стратегии овладения языком, что требует активного участия обучающихся в учебном процессе, развития их самостоятельности, инициативности и критического мышления. Такой подход позволяет не только изучать язык, но и применять полученные знания и навыки на практике, решать реальные коммуникативные задачи, возникающие в процессе общения.

Дидактический потенциал, представляет собой совокупность методов, средств и форм обучения, которые используются или предполагается использовать в образовательном процессе [5, с. 4].

Дидактический потенциал стратегического подхода заключается в том, что он является способом индивидуализации обучения, то есть организации учебного процесса с учетом индивидуальных психологических особенностей обучающихся: создание условий для развития и саморазвития личности, а также обеспечение оптимальных условий для достижения образовательных целей, что, в свою очередь, способствует повышению мотивации обучающихся, развитию самостоятельности и ответственности за результаты своего образования, что является важным условием для их успешного обучения [6, с. 27].

Одним из основных преимуществ стратегического подхода является возможность выбора наиболее эффективных методов и приемов обучения в зависимости от уровня подготовки обучающихся, их возрастных особенностей и интересов. Такой подход также позволяет адаптировать учебный процесс к изменяющимся условиям и требованиям, что делает его более гибким и динамичным.

Однако следует отметить, что стратегический подход требует от педагога высокого профессионализма, опыта работы и опоры на методические рекомендации, так как предполагает разработку и применение индивидуальных стратегий обучения для каждого обучающегося (иногда – группы). Кроме того, такой подход может быть более затратным с точки зрения времени и ресурсов, что может ограничить его применение в массовой практике. Несмотря на некоторые трудности, с которыми приходится сталкиваться при работе в рамках стратегического подхода, не стоит забывать, что использованию стратегий можно и нужно обучать, в

результате такого обучения нивелируются отрицательные аспекты работы и положительный эффект приведет к реализации запланированных образовательных целей.

В целом, дидактический потенциал стратегического подхода к обучению иностранному языку достаточно высок и способствует достижению высоких результатов в обучении. Однако его реализация требует от педагога творческого подхода и готовности к постоянному совершенствованию своих профессиональных компетенций.

Библиографические ссылки

1. *Римонди Дж.* Современная парадигма преподавания и изучения русского языка как иностранного в России и Италии : автореф. дис. ... канд. пед. наук : 13.00.02 / ФГБОУ ВО Московский педагогический государственный университет. Москва, 2019.

2. *Давер М. В.* Формирование стратегической компетенции и развитие языковой личности билингва [Электронный ресурс] // Психологическая наука и образование: электронный журнал. 2009. № 3. URL: https://psyjournals.ru/journals/psyedu/archive/2009_n3/Daver (дата обращения: 28.02.2024).

3. Common European framework of reference for languages: learning, teaching, assessment [Electronic resource]. URL: <https://www.coe.int/en/web/common-european-framework-reference-languages> (date of access: 29.02.2024).

4. *Лебединский С. И.* Стратегическая теория овладения русским языком как иностранным и стратегии обучения. Минск : БГУ, 2019.

5. *Костякова Ю. Б., Андриянов А. А.* К вопросу об определении понятия «дидактический потенциал» [Электронный ресурс] // Вестник ХГУ им. Н. Ф. Катанова. 2022. № 3 (41). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-ob-opredelenii-ponyatiya-didakticheskiy-potentsial> (дата обращения: 01.03.2024).

6. *Холодная М. А.* Когнитивные стили: о природе индивидуального ума: учеб. пособие. СПб.: Питер принт, 2004.

УДК 378.147:[81'276.6:81'243]

К ВОПРОСУ ОБ ОБУЧЕНИИ ПРОФЕССИОНАЛЬНО ОРИЕНТИРОВАННОЙ ЛЕКСИКЕ В АСПЕКТЕ РКИ

О. В. Шунейко¹⁾, О. В. Савко²⁾

¹⁾ *Белорусский государственный университет культуры и искусств,
ул. Рабкоровская, 17, 220007, г. Минск, Беларусь, shuneika@mail.ru*

²⁾ *Белорусский государственный университет культуры и искусств,
ул. Рабкоровская, 17, 220007, г. Минск, Беларусь, saolga@rambler.ru*

В работе анализируются различные проблемы в обучении профессионально ориентированной лексике на занятиях по русскому языку как иностранному. При этом авторы описывают критерии отбора учебных материалов на разных этапах обучения и подчеркивают важность работы с текстами по специальности на примере специальной лексики сферы искусства и культуры.

Ключевые слова: профессионально ориентированная лексика; терминология; активный и пассивный словарь; текст по специальности; научный стиль речи; обучение языку специальности.

ON THE ISSUE OF TEACHING PROFESSIONALLY ORIENTED VOCABULARY IN THE ASPECT OF RUSSIAN AS A FOREIGN LANGUAGE

O. V. Shuneiko¹⁾, O. V. Savko²⁾

¹⁾ *Belarusian State University of Culture and Arts,
Rabkorovskaya St., 17, 220007, Minsk, Belarus, shuneika@mail.ru*

²⁾ *Belarusian State University of Culture and Arts,
Rabkorovskaya St., 17, 220007, Minsk, Belarus, saolga@rambler.ru*

The paper analyzes various problems in teaching professionally oriented vocabulary in classes of Russian as a foreign language. The authors describe the criteria for selecting educational materials at different stages of education and emphasize the importance of working with specialty texts, using the example of specialized vocabulary in the field of arts and culture.

Keywords: professionally oriented vocabulary; terminology; active and passive vocabulary; text in the specialty; scientific style of speech; teaching language for a specific profession.

Формирование профессионально ориентированной компетенции иностранных студентов как одной из составляющих коммуникативной компетенции является важной задачей преподавания русского языка как иностранного. Для успешного решения этой задачи в качестве осново-

полагающего компонента предполагается использование обучения профессиональной лексике неродного языка. Учитывая важность в обучении РКИ всех аспектов, существующих в методике, роль лексики в этом процессе следует выделить особо, поскольку без соответствующего словарного запаса овладеть неродным языком невозможно.

А. В. Ковалева выделяет следующие этапы работы с лексическим материалом [1]:

1) презентация вводимой лексики – предъявление и интерпретация в контексте лексической единицы, ядром которой является семантизация – сообщение сведений о ее значении;

2) методические действия, обеспечивающие усвоение учащимися новой лексики, – организация усвоения новой лексики с помощью подготовительных и речевых упражнений;

3) организация повторения усвоенной учащимися лексики и контроль качества усвоения как особая форма обратной связи.

А. Н. Щукин определяет следующие этапы работы с лексикой: ознакомление с лексической единицей (ЛЕ) (ее представление), объяснение значения слова (семантизация), закрепление и совершенствование навыка использования (автоматизация); применение слова в различных ситуациях общения. Автор выделяет представление ЛЕ и семантизацию как отдельные этапы работы с лексикой. Очевидно, что основные этапы, несмотря на их различное терминологическое обозначение, четко определяются в соответствии с целями и задачами каждого этапа: предъявление (представление) ЛЕ, интерпретация (объяснение значения) ЛЕ, закрепление и совершенствование навыка использования новой лексики (автоматизация), применение слова в различных ситуациях общения и контроль качества усвоения [2, с. 115].

На начальном этапе изучения языка преподаватель должен сформировать у слушателей лексические навыки. Сюда входят действия студентов по выбору лексической единицы, соответствующей замыслу высказывания; понимание значения данной единицы; смысловая валентность слова во взаимодействии с другими единицами в речи в соответствии с заданной ситуацией; соотнесение понятия с синонимами и антонимами и др. В связи с вышеизложенным перед педагогом РКИ ставится ряд профессиональных задач: сформировать ядро (лексический минимум) будущего тезауруса пользователя русским языком как неродным для бытовой речи и учебной деятельности; обеспечить лексическую основу для формирования речевых и коммуникативных навыков и умений; создать прочную лексическую базу для обучения грамматике. На данном этапе введение терминологической лексики должно быть минимальным. Так, для слушателей творческих специальностей даются обще-

употребительные слова: названия профессий (*музыкант, певец, певица, художник*), названия музыкальных инструментов (*пианино, скрипка, гитара*), жанры живописи (*пейзаж, портрет, натюрморт*) и др.

Каждое слово должно запоминаться не изолированно, а в сочетании с другими словами – как единица, обладающая и лексическими, и грамматическими сочетательными возможностями. В таком случае целесообразным представляется создание фреймового словаря, описывающего семантическое поле будущей специальности. Например, для студентов музыкального профиля даются существительные (*музыка, музыкант, песня, певец/певица, композитор, вокал, опера, инструмент, концерт, выступление и др.*), прилагательные (*музыкальный, вокальный, оперный, инструментальный, концертный*), глаголы, которые нужно давать с управлением (*играть – сыграть (что?), петь – спеть (что?), сочинять – сочинить (что?), выступать – выступить (где?), заниматься (чем?)*). После перевода и объяснения значения ЛЕ, важно показать их употребление в соответствующем контексте и ситуациях. Для этого можно использовать диалоги, которые обучающиеся сначала читают, а потом сами воспроизводят при работе в парах. Например, в учебнике представлен диалог:

- *Кем ты хочешь стать?*
- *Я хочу стать художником.*
- *Что делает художник?*
- *Он пишет картины.*
- *Какие картины он пишет?*
- *Он пишет пейзажи, портреты, натюрморты.*

Далее слушателям предлагается составить аналогичные диалоги с использованием других ЛЕ:

- *Кем ты хочешь стать?*
- *Я хочу стать певцом.*
- *Что делает певец?*
- *Он поёт.*
- *Что он поёт?*
- *Он поёт песни.*

При обучении иностранных студентов профессиональной лексике и тематический, и лексико-грамматический материал должны поэтапно усложняться, т. к. перед преподавателями русского языка как иностранного стоит задача подготовить студентов к полноценному участию в образовательном процессе: слушанию и конспектированию лекций по специальности, работе с учебной и научной литературой, а на старших курсах – к профессиональному общению.

Овладение русским языком как языком специальности для иностранных студентов – будущих специалистов сферы культуры и искусства базируется на изучении общенаучной и узкоспециальной лексики, связанной с различными видами искусства (музыкой, изобразительным искусством, хореографией), культурологией. С большим количеством ЛЕ, относящихся, например, к сфере музыкального искусства, студенты Белорусского государственного университета культуры и искусств знакомятся на 1 курсе. На этом этапе обучения профессиональная лексика представлена следующими тематическими группами: «Певческие голоса», «Музыкальные инструменты», «Оркестр», «Хор» и др. При этом происходит пополнение фреймового словаря, формирование которого было начато на подготовительном факультете. Так, в теме «Певческие голоса» добавляются синонимы (*певец – вокалист, исполнитель; петь – исполнять*), глаголы (*исполнять (что?), звучать (где?), участвовать (в чём?)*) и т. д.

В большинстве случаев учебники для студентов I–IV курсов ориентированы на обучение языку будущей профессии. В них представлены тексты, содержащие специальную и терминологическую лексику – слова и словосочетания, употребляющиеся в научном стиле. В текстах используется большое количество многосложных слов, многокомпонентных словосочетаний, развернутых синтаксических конструкций. Чтение таких текстов, их понимание и оперирование содержащейся в них информацией представляет значительные трудности для иностранцев, изучающих русский язык. Трудности связаны с обилием новой лексики, сложностью синтаксиса, а также с недостаточно прочными, неустойчивыми слуховыми и произносительными навыками. Приведем пример подобного текста.

Художник

Художник – мастер, создающий картины. Человек, способный увидеть особенное в обыденном, выразить свои мысли и чувства через цвета и формы. Эта профессия обладает уникальной способностью соединять в себе искусство, культуру и личное видение мира.

Художественное творчество может проявляться в различных формах – от классической живописи и графики до современных направлений. Независимо от выбранного стиля и техники художник постоянно исследует мир вокруг себя, находя вдохновение в природе, городской среде, литературе, музыке и личных переживаниях.

Для художника важно не только обладать техническим мастерством, но и уметь мыслить креативно, быть открытым новым идеям и экспериментам. Работа требует терпения и усидчивости, ведь создание произведения искусства – это длительный и трудоёмкий процесс, требующий внимания к деталям и стремления к совершенству.

Особенностью работы художника является его способность видеть мир по-особенному, находить необычные ракурсы и сочетания цветов, форм, линий. Он со-

здаёт произведения, которые могут выражать чувства, идеи, рассказывать истории или просто быть прекрасными без какого-либо глубокого смысла.

В работе художника необходимо умение наблюдать, фантазировать и экспериментировать. Он может работать как самостоятельно, так и в команде, выставляя свои работы в галереях, на выставках, продавать их или работать на заказ, создавая портреты, пейзажи или иллюстрации к книгам [3].

После прочтения текста обучающимся предлагается ответить на вопросы к тексту:

1. Кто такой художник?
2. Какой способностью обладает эта профессия?
3. В каких формах проявляется художественное творчество?
4. Что важно для художника? Почему?
5. Что является особенностью работы художника?
6. Какое умение необходимо в работе художника? Почему?

Для усвоения лексики даются различные предтекстовые, притекстовые и послетекстовые упражнения, целью которых является не только закрепление грамматических знаний, но и расширение лексического запаса студентов.

Определение объема и состава словаря, необходимого для общения на иностранном языке, для решения коммуникативных задач в актуальных сферах и ситуациях – одна из главных целей описания лексики в учебных целях. Она заключается в отборе и минимизации лексики, создании рационально ограниченного учебного словаря, т. е. лексического минимума.

Минимумы включают материал, который обучающиеся должны усвоить к определенному сроку, обозначенному программой. Отбирая лексику для минимума или учебного пособия, составители руководствуются рядом критериев, основными из которых являются следующие:

– употребительность слова, его частотность в разных сферах общения: обиходно-бытовой, учебно-профессиональной, социокультурной, общественно-политической;

– словообразовательная ценность, т.е. словообразовательные возможности, распространенность корней. В минимум включаются лишь наиболее продуктивные в словообразовательном отношении слова, от которых с помощью аффиксов можно образовать наибольшее количество слов;

– широкая сочетаемость слова – способность употребляться в сочетании с большим кругом слов;

– стилистическая нейтральность – способность слова функционировать в разных стилях;

– тематическая ценность слова, т. е. востребованность лексической единицы для общения в определенных ситуациях на определенные темы;

– страноведческая и культуроведческая ценность – критерий, предполагающий, что отбираемые слова помогут учащимся ознакомиться с географией, историей, культурой, традициями, обычаями и реалиями страны изучаемого языка.

Конечная цель профессионально ориентированного обучения в РКИ – введение иностранного учащегося в профессиональную среду, где он должен суметь адаптироваться, используя знания, навыки и умения, полученные в процессе обучения, т. е. он должен научиться соотносить конкретную лексическую единицу с другими лексемами в тематической и семантической группах, с синонимами и антонимами, овладеть правилами словообразования и сочетаемости, выбора и употребления слова в грамматической и стилистической структуре.

Библиографические ссылки

1. Ковалева А. В. Этапы работы с лексикой при обучении РКИ // Вестник ВГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2013. № 2. С. 231–233.
2. Щукин А. Н. Обучение речевому общению на русском языке как иностранном: учеб.-метод. пособие для преподавателей русского языка как иностранного. М.: Русский язык. Курсы, 2012.
3. Художник [Электронный ресурс]. URL: <https://careerpath.pro/ru/professions/painter/> (дата обращения: 30.03.2024).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Алексееенко Анна Александровна – старший преподаватель кафедры белорусского и русского языков Белорусского государственного медицинского университета.

Аникина Элина Михайловна – доцент кафедры «Иностранные языки» Сибирского государственного университета путей сообщения, кандидат филологических наук, доцент.

Астапкина Екатерина Сергеевна – доцент кафедры английского языкознания филологического факультета Белорусского государственного университета, кандидат филологических наук, доцент.

Бабаян Маргарита Александровна – преподаватель кафедры компьютерной лингвистики и лингводидактики факультета социокультурных коммуникаций Белорусского государственного университета.

Бабровіч Таццяна Сяргеёўна – старшы выкладчык кафедры беларускага і рускага мовазнаўства Беларускага дзяржаўнага педагагічнага ўніверсітэта імя Максіма Танка.

Бабук Александр Вадимович – ведущий научный сотрудник лаборатории психолого-лингвистических исследований научного отдела гуманитарных исследований Научно-практического центра Государственного комитета судебных экспертиз Республики Беларусь, кандидат филологических наук.

Байбикова Эльвина Ринатовна – лаборант-исследователь лаборатории многофакторного гуманитарного анализа и когнитивной филологии Федерального исследовательского центра «Казанский научный центр Российской академии наук».

Бакуновіч Андрэй Аляксеевіч – малодшы навуковы супрацоўнік Аб'яднанага інстытута праблем інфарматыкі Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі.

Бобко Татьяна Викторовна – доцент кафедры теоретического и славянского языкознания филологического факультета Белорусского государственного университета, кандидат филологических наук, доцент.

Бруцкая Надежда Ильинична – старший преподаватель кафедры романского языкознания филологического факультета Белорусского государственного университета.

Бут-Гусаім Святлана Феадосьеўна – дацэнт кафедры беларускай філалогіі Брэсцкага дзяржаўнага ўніверсітэта імя А. С. Пушкіна, кандыдат філалагічных навук, дацэнт.

Быченко Дарья Руслановна – курсант Белорусской государственной академии авиации.

Бяляўскі Дзяніс Аляксандравіч – аператар ПЭВМ Аб'яднанага інстытута праблем інфарматыкі Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі.

Вариченко Галина Владимировна – старший преподаватель кафедры теории и методики преподавания русского языка как иностранного филологического факультета Белорусского государственного университета.

Васілеўская Алена Станіславаўна – дацэнт кафедры беларускага і рускага мовазнаўства Беларускага дзяржаўнага педагагічнага ўніверсітэта імя Максіма Танка, кандыдат філалагічных навук, дацэнт.

Войтович Наталья Владимировна – преподаватель кафедры русского языка как иностранного факультета доуниверситетского образования иностранных граждан Института дополнительного образования Белорусского государственного университета.

Гао Ваньжоу – аспирант кафедры прикладной лингвистики филологического факультета Белорусского государственного университета (научный руководитель – Бобко Татьяна Викторовна, доцент кафедры теоретического и славянского языкознания филологического факультета Белорусского государственного университета, кандидат филологических наук, доцент).

Гао Фаньтао – соискатель кафедры риторики и методики преподавания языка и литературы филологического факультета Белорусского государственного университета (научный руководитель – Санникович Ирина Михайловна, доцент кафедры риторики и методики преподавания языка и литературы филологического факультета).

Белорусского государственного университета, кандидат педагогических наук, доцент).

Гейко Наталья Романовна – доцент кафедры филологии Костанайского филиала Челябинского государственного университета, кандидат филологических наук.

Гербик Людмила Францевна – доцент кафедры прикладной лингвистики филологического факультета Белорусского государственного университета, кандидат филологических наук, доцент.

Гецэвіч Юрась Станіслававіч – загадчык лабараторыі распазнавання і сінтэзу маўлення Аб’яднанага інстытута праблем інфарматыкі Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі, кандыдат тэхнічных навук.

Глушыцкая Марына Рыгораўна – малодшы навуковы супрацоўнік Цэнтр даследаванняў беларускай культуры, мовы і літаратуры Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі.

Демешко Валентина Анатольевна – старший преподаватель кафедры прикладной лингвистики филологического факультета Белорусского государственного университета.

Денисенко Татьяна Сергеевна – старший преподаватель кафедры русского языка как иностранного Витебского государственного университета имени П.М. Машерова.

Долбик Елена Евгеньевна – профессор кафедры русского языка филологического факультета Белорусского государственного университета, кандидат филологических наук, доцент.

Дорогокупец-Новицкая Оксана Михайловна – заведующий кафедрой прикладной лингвистики филологического факультета Белорусского государственного университета, кандидат филологических наук.

Драгун Анастасія Яўгеньеўна – малодшы навуковы супрацоўнік Аб’яднанага інстытута праблем інфарматыкі Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі.

Зуева Кацярына Аляксандраўна – старшы выкладчык кафедры філалогіі Баранавіцкага дзяржаўнага ўніверсітэта.

Зяноўка Яўгенія Сяргееўна – малодшы навуковы супрацоўнік Аб'яднанага інстытута праблем інфарматыкі Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі.

Ивашина Наталья Васильевна – доцент кафедры теоретического и славянского языкознания филологического факультета Белорусского государственного университета, кандидат филологических наук.

Исаева Ирина Петровна – заведующий кафедрой английской филологии Алтайского государственного педагогического университета, кандидат филологических наук, доцент.

Исмагилова Альбина Александровна – магистрант Башкирского государственного педагогического университета имени М. Акмуллы.

Каирони Надежда Львовна – старший преподаватель кафедры романского языкознания филологического факультета Белорусского государственного университета.

Каминская Ирина Сергеевна – доцент кафедры славянских языков Минского государственного лингвистического университета, кандидат педагогических наук, доцент.

Касюк Наталья Станиславовна – доцент кафедры прикладной лингвистики филологического факультета Белорусского государственного университета, иностранный эксперт факультета русского языка, сотрудник Центра китайско-белорусской межкультурной коммуникации Даляньского политехнического университета.

Кирдун Алла Анатольевна – доцент кафедры белорусской филологии Белорусского государственного технологического университета, кандидат филологических наук.

Клепикова Татьяна Альбертовна – профессор кафедры английской филологии и перевода Санкт-Петербургского государственного экономического университета, доктор филологических наук, доцент.

Климкович Ольга Александровна – доцент кафедры русского языка как иностранного Витебского государственного университета имени П.М. Машерова, кандидат филологических наук, доцент.

Климова Ольга Анатольевна – старший преподаватель кафедры романского языкознания филологического факультета Белорусского государственного университета.

Кожухова Наталья Егоровна – доцент кафедры белорусского и русского языков Белорусского государственного медицинского университета, кандидат филологических наук, доцент.

Козловская Людмила Аркадьевна – доцент кафедры теоретического и славянского языкознания филологического факультета Белорусского государственного университета, кандидат филологических наук, доцент.

Колесникова Ольга Ивановна – профессор кафедры русского языка, культуры речи и методики обучения Вятского государственного университета, доктор филологических наук, профессор.

Корнева Валентина Владимировна – заведующий кафедрой романской филологии факультета романо-германской филологии Воронежского государственного университета, доктор филологических наук, профессор.

Кулиева Ольга Николаевна – доцент кафедры английского языкознания филологического факультета Белорусского государственного университета, кандидат филологических наук, доцент.

Кухарэвіч Глеб Станіслававіч – стажор малодшага навуковага супрацоўніка Аб'яднанага інстытута праблем інфарматыкі Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі

Лабкович Оксана Юрьевна – преподаватель кафедры романского языкознания филологического факультета Белорусского государственного университета.

Ладутько Марина Владимировна – докторант кафедры прикладной лингвистики филологического факультета Белорусского государственного университета, кандидат филологических наук, доцент.

Лапцёнак Алена Мікалаеўна – загадчык аддзела лексікалогіі і лексікаграфіі Інстытута мовазнаўства імя Якуба Коласа Цэнтра даследаванняў беларускай культуры, мовы і літаратуры Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі, кандыдат філалагічных навук.

Лебедева Диана Валерьевна – старший преподаватель кафедры белорусской и зарубежной филологии Белорусского государственного университета культуры и искусств.

Левшикова Екатерина Валерьевна – доцент кафедры компьютерной лингвистики и лингводидактики факультета социокультурных коммуникаций Белорусского государственного университета, кандидат филологических наук, доцент.

Лексина Екатерина Владимировна – доцент кафедры прикладной лингвистики филологического факультета Белорусского государственного университета, кандидат филологических наук.

Маевский Сергей Сергеевич – технический писатель Информационно-вычислительного центра Министерства финансов Республики Беларусь.

Маракуліна Тамара Мікалаеўна – навуковы супрацоўнік аддзела лексікалогіі і лексікаграфіі Інстытута мовазнаўства імя Якуба Коласа Цэнтра даследаванняў беларускай культуры, мовы і літаратуры Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі.

Марозава Анастасія Андрэеўна – навуковы супрацоўнік аддзела лексікалогіі і лексікаграфіі Інстытута мовазнаўства імя Якуба Коласа Цэнтра даследаванняў беларускай культуры, мовы і літаратуры Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі.

Мацкевич Виктория Николаевна – преподаватель кафедры маркетинга и международного менеджмента Полесского государственного университета (научный руководитель – Козловская Людмила Аркадьевна, доцент кафедры теоретического и славянского языкознания филологического факультета Белорусского государственного университета, кандидат филологических наук, доцент).

Мельникова Людмила Сергеевна – старший преподаватель кафедры романского языкознания филологического факультета Белорусского государственного университета.

Миндияхметова Римма Махияновна – доцент кафедры английского языка Башкирского государственного педагогического университета имени М. Акмуллы, кандидат филологических наук.

Михальчук Наталья Александровна – докторант кафедры русского языка филологического факультета Белорусского государственного университета, кандидат филологических наук, доцент.

Найденок-Пайгерт Мирослав Русланович – преподаватель кафедры иностранных языков и межкультурных коммуникаций Международного университета «МИТСО».

Никитевич Алексей Васильевич – профессор кафедры русской филологии Гродненского государственного университета имени Янки Купалы, доктор филологических наук, профессор.

Никитина Надежда Евгеньевна – доцент кафедры общего и русского языкознания Брестского государственного университета имени А. С. Пушкина, кандидат филологических наук, доцент.

Палагина Алина Николаевна – аспирант кафедры теоретического и славянского языкознания филологического факультета Белорусского государственного университета (научный русководитель – Александр Аркадьевич Баркович, заведующий кафедрой теоретического и славянского языкознания филологического факультета белорусского государственного университета, доктор филологических наук, доцент).

Переход Ольга Борисовна – заведующий кафедрой общего и русского языкознания Брестского государственного университета имени А.С. Пушкина, кандидат филологических наук, доцент.

Петровская Дарья Анатольевна – старший преподаватель кафедры белорусского и русского языков Белорусского государственного медицинского университета.

Петрожицкая Виктория Викторовна – магистрант факультета филологии и медиакоммуникаций Вятского государственного

университета.

Пискун Екатерина Васильевна – аспирант кафедры теоретического и славянского языкознания филологического факультета Белорусского государственного университета (научный руководитель – Бобко Татьяна Викторовна, доцент кафедры теоретического и славянского языкознания филологического факультета Белорусского государственного университета, кандидат филологических наук, доцент).

Полетаева Ольга Сергеевна – преподаватель кафедры языковой подготовки Белорусской государственной академии авиации.

Попова Елена Сергеевна – доцент кафедры иностранных языков и деловой коммуникации Уральского государственного горного университета, кандидат филологических наук, доцент.

Проконина Вера Владимировна – старший преподаватель кафедры теории и методики преподавания русского языка как иностранного филологического университета Белорусского государственного университета.

Путрыч Алена Мікалаеўна – малодшы навуковы супрацоўнік Цэнтра даследаванняў беларускай культуры, мовы і літаратуры Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі.

Рахунок Анна Михайловна – студентка факультета социокультурных коммуникаций Белорусского государственного университета.

Романаускас Екатерина Владимировна – преподаватель-стажер кафедры английского языкознания филологического факультета Белорусского государственного университета.

Рыжкович Анна Чеславовна – доцент кафедры Гродненского государственного университета имени Янки Купалы, кандидат филологических наук, доцент.

Савко Ольга Владимировна – старший преподаватель кафедры русского языка как иностранного Белорусского государственного университета культуры и искусств.

Савчук Татьяна Николаевна – профессор кафедры прикладной лингвистики филологического факультета Белорусского государственного университета, доктор филологических наук, профессор.

Сардарова Алина Арменовна – доцент кафедры инновационного управления Института бизнеса Белорусского государственного университета, кандидат филологических наук.

Саянова Наталья Вячеславовна – старший преподаватель кафедры периодической печати и веб-журналистики факультета журналистики Белорусского государственного университета.

Свиридович Марина Васильевна – доцент кафедры прикладной лингвистики филологического факультета Белорусского государственного университета, кандидат филологических наук.

Скворцова Наталья Николаевна – доцент кафедры прикладной лингвистики филологического факультета Белорусского государственного университета, кандидат филологических наук, доцент.

Смердов Игорь Валентинович – иностранный эксперт Университета Цзюцзянь, PhD.

Смольская Наталия Борисовна – доцент Высшей школы лингвистики и педагогики Санкт-Петербургского политехнического университета Петра Великого, кандидат филологических наук, доцент.

Супрунчук Никита Викторович – доцент кафедры теоретической и прикладной лингвистики Минского государственного лингвистического университета, кандидат филологических наук, доцент.

Федоринчик Алла Николаевна – доцент кафедры языкознания и лингводидактики филологического факультета Белорусского государственного педагогического университета имени Максима Танка, кандидат филологических наук, доцент.

Фелькина Ольга Антоновна – доцент кафедры общего и русского языкознания Брестского государственного университета имени А.С. Пушкина, кандидат филологических наук.

Фесенко Ольга Петровна – профессор кафедры русского и иностранных языков Омского государственного университета путей сообщения, доктор филологических наук, доцент.

Халили-Квасова Светлана Вячеславовна – старший преподаватель кафедры прикладной лингвистики филологического факультета Белорусского государственного университета.

Хацькова Маргарыта Аляксандраўна – стажор малодшага навуковага супрацоўніка Аб'яднанага інстытута праблем інфарматыкі Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі.

Хрящёва Наталия Павловна – старший преподаватель кафедры общеобразовательных дисциплин Белорусского государственного университета информатики и радиоэлектроники, аспирант кафедры прикладной лингвистики филологического факультета Белорусского государственного университета (научный руководитель – Лебединский Сергей Иванович, заведующий кафедрой теории и методики преподавания русского языка как иностранного филологического факультета Белорусского государственного университета, доктор филологических наук, доцент).

Ху Цзядун – старший преподаватель Даляньского политехнического университета, кандидат филологических наук.

Цой Юйтун – студент Даляньского политехнического университета.

Чайка Наталля Уладзіміраўна – прафесар кафедры мовазнаўства і лінгвадыдактыкі Беларускага дзяржаўнага педагагічнага ўніверсітэта імя Максіма Танка, доктар філалагічных навук, прафесар.

Черткова Ольга Максимовна – старший преподаватель кафедры белорусского и русского языков Белорусского государственного медицинского университета.

Шаршнёва Вольга Мікалаеўна – дацэнт кафедры славянскай філалогіі Магілёўскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя А. А. Куляшова, кандыдат філалагічных навук, дацэнт.

Шунейко Ольга Валентиновна – старший преподаватель кафедры русского языка как иностранного Белорусского государственного университета культуры и искусств.

Эльхам Камрани Мотлаг – преподаватель русского языка факультета немецких и славянских языков и литератур Университета Северной Каролины в Чапел-Хилле.